БЕЛАРУСКІ ДЗЯРЖАЎНЫ ЎНІВЕРСІТЭТ
ГІСТАРЫЧНЫ ФАКУЛЬТЭТ

УСХОДНЯЯ ЕЎРОПА Ў ЖАЛЕЗНЫМ ВЕКУ – ЭПОХУ ВЯЛІКАГА ПЕРАСЯЛЕННЯ НАРОДАЎ

**Матэрыялы
міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі,
прысвечанай 70-годдзю з дня нараджэння
А. А. Егарэйчанкі**

Мінск, 24–25 красавіка 2025 г.

Мінск
БДУ
2025

УДК 903(4-15)"638"(06)
ББК 63.442.7(4)я431
У75

Р э д а к ц ы й н а я к а л е г і я:
доктар гістарычных навук прафесар *А. Г. Каханоўскі* (гал. рэд.);
доктар гістарычных навук прафесар *А. А. Гужалоўскі*;
доктар гістарычных навук прафесар *Т. А. Навагродскі*;
доктар гістарычных навук дацэнт *С. М. Цемушаў*;
доктар гістарычных навук прафесар *С. М. Ходзін*;
кандыдат гістарычных навук дацэнт *П. С. Курловіч*;
кандыдат гістарычных навук дацэнт *В. В. Рэпін*;
кандыдат гістарычных навук дацэнт *С. С. Юрэцкі*;
А. Д. Сахончык; *А. В. Зыль*

Р э ц э н з е н т ы:
доктар гістарычных навук дацэнт *А. А. Башкоў*;
кандыдат гістарычных навук дацэнт *А. М. Аўласовіч*

Усходняя Еўропа ў жалезным веку – эпоху Вялікага перасялення народаў : матэрыялы міжнар. навук.-практ. канф., прысвеч. 70-годдзю з дня нараджэння А. А. Егарэйчанкі, Мінск, 24–25 крас. 2025 г. / Беларус. дзярж. ун-т ; рэдкал.: А. Г. Каханоўскі (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БДУ, 2025 – 399 с.
У75
ISBN 978-985-881-855-5.

Прадстаўлены матэрыялы беларускіх і расійскіх даследчыкаў аб навуковай спадчыне А. А. Егарэйчанкі ў святле сучаснай археалогіі. Разгледжаны актуальныя праблемы археалогіі позняга бронзавага і ранняга жалезнага вякоў Усходняй Еўропы, паказаны стан і перспектывы даследаванняў у галіне раннеславянскай археалогіі.

УДК 903(4-15)"638"(06)
ББК 63.442.7(4)я431

ISBN 978-985-881-855-5
© БДУ, 2025

СПІС СКАРАЧЭННЯЎ

АЕС	– Археология евразийских степей
АСГЭ	– Археологический сборник Государственного Эрмитажа
БАН	– Беларуская акадэмія навук
БГУ/ БДУ	– Белорусский государственный университет/ Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт
ГАЗ	– Гістарычна-археалагічны зборнік
ГАИМК	– Государственная академия истории материальной культуры
ИА РАН	– Институт археологии Российской академии наук
ИИМК	– Институт истории материальной культуры
КСИА	– Краткие сообщения Института археологии
МАБ	– Матэрыялы па археалогіі Беларусі
МАИЭТ	– Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии
МИА	– Материалы и исследования по археологии СССР
МИАДЛ	– Материалы и исследования по археологии Днепровского Левобережья
МКСА	– Международный Конгресс славянской археологии
МКАС	– Международный Конгресс археологов-славистов
НАВ	– Нижневолжский археологический вестник
ПАВ	– Петербургский археологический вестник
САИ	– Свод археологических источников
СА	– Советская археология
СПбГУ	– Санкт-Петербургский государственный университет
ЦНА НАН Беларусі. ФАНД	– Цэнтральны навуковы архіў Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Фонд археалагічнай навуковай дакументацыі

ПРАДМОВА

Арганізаваная калектывам кафедры археалогіі і спецыяльных гістарычных дысцыплін гістарычнага факультэта БДУ міжнародная навукова-практычная канферэнцыя «Усходняя Еўропа ў жалезным веку – эпоху Вялікага перасялення народаў» прысвечана памяці выбітнага навукоўца, доктара гістарычных навук, прафесара Аляксандра Андрэевіча Егарэйчанкі (23.04.1955 – 02.12.2021). Аляксандр Андрэевіч з'яўляўся адным з першых выпускнікоў кафедры археалогіі, этнаграфіі і дапаможных гістарычных дысцыплін, якая адчынілася ў БДУ ў 1973 г. Большая частка працоўнага шляху таленавітага даследчыка і патрабавальнага выкладчыка была звязаная з гістарычным факультэтам і кафедрай.

Цэнтрам навуковай дзейнасці А. А. Егарэйчанкі было вывучэнне старажытнасцей жалезнага веку. У 1982 г. ён пад навуковым кіраўніцтвам В. В. Сядова абараніў кандыдацкую дысертацыю, прысвечаную старажытным умацаваным паселішчам насельніцтва Беларускага Палесся ў VII–VI ст. да н. э. – II ст. н. э. У 1980 г. Аляксандр Андрэевіч пачаў працаваць у Інстытуце гісторыі АН БССР. Ён праводзіў археалагічныя разведкі па Прыпяці і яе прытоках, ажыццяўляў стацыянарнае вывучэнне гарадзішча Івань, гарадзішча Кашчэлічы Валожынскага раёна, селішчаў Востраў Пінскага раёна і Давыд-Гарадок Столінскага раёна.

У 1988 г. аўтарытэтны даследчык быў запрошаны ў БДУ на пасаду дацэнта кафедры археалогіі, этнаграфіі і дапаможных гістарычных дысцыплін. У 1997 г. А. А. Егарэйчанка быў прызначаны выконваючым абавязкі, а ў 1998 г. – загадчыкам кафедры археалогіі, этнаграфіі і дапаможных гістарычных дысцыплін. У 2001 г. кафедра была рэарганізавана, і Аляксандр Андрэевіч узначаліў абноўленую кафедру археалогіі і спецыяльных гістарычных дысцыплін.

За час працы ў БДУ А. А. Егарэйчанка плённа сумяшчаў працу выкладчыка і буйныя палявыя археалагічныя даследаванні. У 1988 г. навуковец ажыццявіў раскопкі на гарадзішчы каля в. Гарадзішча ў Мядзельскім раёне, затым на працягу трох сезонаў вёў працы на гарадзішчы Івань у Слуцкім раёне. У 1992 г. А. А. Егарэйчанка прыступіў да вывучэння помнікаў позняга бронзавага і жалезнага веку ў Браслаўскім раёне Віцебскай вобласці. З яго імем звязаныя раскопкі гарадзішча Тарылава, гарадзішча і селішча ў Зазонах і Рацюнках. Апошнія экспедыцыі пад кіраўніцтвам А. А. Егарэйчанкі праходзілі на паселішчы Падварынка з 2009 па 2013 гг.

У 2008 г. вынікам шматгадовай плённай працы даследчыка стала абарона доктарскай дысертацыі, у якой абгрунтоўвалася мэтазгоднасць падзелу культуры штрыхаванай керамікі на дзве самастойныя адзінкі і прапаноўваўся новы падыход да рэканструкцыі культурна-гістарычных працэсаў, што адбываліся ў паўночна-заходняй частцы лясной зоны Усходняй Еўропы ў канцы

II тыс. да н. э. – V ст. н. э. У 2013 г. яму было прысвоена званне прафесара. Велізарныя калекцыі матэрыялаў, назапашаныя Аляксандрам Андрэевічам, яго кнігі і рукапісы будуць запатрабаваныя наступнымі пакаленнямі даследчыкаў. А ў сэрцах вучняў А. А. Егарэйчанкі назаўжды застанецца добрая памяць аб настаўніку.

Нядзіўна, што канферэнцыя, прысвечаная памяці выбітнага даследчыка, атрымала актыўны водгук ад спецыялістаў ў галіне археалогіі жалезнага веку і эпохі Вялікага перасялення народаў з Беларусі і Расіі. Было прачытана 34 даклады, аўтарамі якіх сталі 43 навукоўцы з Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, Інстытута гісторыі НАН Беларусі, Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы, Гродзенскага дзяржаўнага гісторыка-археалагічнага музея, Нацыянальнага гістарычнага музея Рэспублікі Беларусь, Інстытута археалогіі РАН, Дзяржаўнага гістарычнага музея, Дзяржаўнага музея-запаведніка «Кулікова поле» і інш.

Пленарныя даклады былі прысвечаныя актуальным пытанням захавання археалагічнай спадчыны, вывучэнню матэрыяльнай культуры паселішчаў і пахавальнага абраду жалезнага веку – эпохі Вялікага перасялення народаў. Наступная праца канферэнцыі была арганізаваная па тэматычных секцыях, дзе разглядаліся сучасныя накірункі ў археалогіі жалезнага веку, навуковая спадчына А. А. Егарэйчанкі, пачатак жалезнага веку на тэрыторыі Беларусі, гаспадарка і рэчавы інвентар жалезнага веку на тэрыторыі Усходняй Еўропы, вывучэнне археалагічных помнікаў жалезнага веку – эпохі Вялікага перасялення народаў на тэрыторыі Усходняй Еўропы. Таксама ўдзельнікі азнаёміліся з экспазіцыяй вучэбнай лабараторыі музейнай справы гістарычнага факультэта БДУ.

Праца канферэнцыі паказала, што навуковая спадчына Аляксандра Андрэевіча Егарэйчанкі запатрабаваная сучаснай археалагічнай супольнасцю. Былі ўведзеныя ў навуковы зварот новыя матэрыялы, атрыманыя як у выніку палявых даследаванняў, так і ў ходзе архіўных пошукаў. Агучаны дыскусійныя пытанні, якія патрабуюць далейшага грунтоўнага вывучэння.

А. Г. Каханоўскі
дэкан гістарычнага факультэта
Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта,
доктар гістарычных навук, прафесар

П. С. Курловіч
загадчык кафедры археалогіі і
спецыяльных гістарычных дысцыплін,
кандыдат гістарычных навук, дацэнт

РАННІ ЖАЛЕЗНЫ ВЕК БЕЛАРУСІ Ў ПРАЦАХ А. А. ЕГАРЭЙЧАНКІ

Дз. А. Атрохаў

Інстытут гісторыі НАН Беларусі, вул. Акадэмічная, 1,
220072, г. Мінск, Рэспубліка Беларусь, atrohaudzianis@gmail.com

А. А. Егарэйчанка – адзін з вядучых даследчыкаў позняга бронзавага – жалезнага вякоў і ранняга сярэднявечча, навуковы інтарэс якога быў звязаны з вывучэннем старажытнасцяў культур штрыхаванай керамікі, а таксама сумежных з імі тэрыторый і культур (мілаградская, зарубінецкая і днепра-дзвінская культуры). У артыкуле даецца гістарыяграфічны агляд асноўных яго прац, а таксама спроба рэканструкцыі этнакультурных працэсаў ранняга жалезнага веку на тэрыторыі Беларусі, як гэта прадстаўляў навуковец у сваіх публікацыях, артыкулах і манаграфіях.

Ключавыя словы: ранні жалезны век; культура ранняй штрыхаванай керамікі; культура позняй штрыхаванай керамікі; мілаградская культура; зарубінецкая культура.

РАННИЙ ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК БЕЛАРУСИ В РАБОТАХ А. А. ЕГОРЕЙЧЕНКО

Д. А. Атрохов

Институт истории НАН Беларуси, ул. Академическая, 1,
220072, г. Минск, Республика Беларусь, atrohaudzianis@gmail.com

А. А. Егорейченко – один из ведущих исследователей позднего бронзового – железного веков и раннего средневековья, научный интерес которого был связан с изучением древностей культур штрихованной керамики, а также смежных с ними территорий и культур (милоградская, зарубинецкая и днепро-двинская культуры). В статье дается историографический обзор основных его работ, а также попытка реконструкции этнокультурных процессов раннего железного века на территории Беларуси, как это представлял ученый в своих публикациях, статьях и монографиях.

Ключевые слова: ранний железный век; культура ранней штрихованной керамики; культура поздней штрихованной керамики; милоградская культура; зарубинецкая культура.

EARLY IRON AGE OF BELARUS IN THE WORKS OF A. A. EGOREYCHENKO

Dz. A. Atrokhau

Institute of History of the NAS of Belarus, Akademic str., 1,
220072, Minsk, Republic of Belarus, atrohaudzianis@gmail.com

A. A. Egoreychenko is one of the leading researchers of the Late Bronze–Iron Age and Early Middle Ages, whose scientific interest was connected with the study of the antiquities of the hatched pottery cultures, as well as adjacent territories and cultures (Milograd,

Zarubinets and Dnieper-Dvina cultures). The article gives a historiographical review of his main works, as well as an attempt to reconstruct the ethnocultural processes of the Early Iron Age in the territory of Belarus as presented by the scientist in his publications, articles and monographs.

Keywords: Early Iron Age; early hatched pottery culture; late hatched pottery culture; Milograd culture; Zarubinets culture.

Аляксандр Андрэевіч Егарэйчанка (23.04.1955–02.12.2021) – доктар гістарычных навук, прафесар, адзін з выбітных прадстаўнікоў беларускай археалогіі позняга бронзавага – жалезнага вякоў і ранняга сярэднявечча. Першапачатковы навуковы інтарэс маладога даследчыка быў звязаны з вывучэннем старажытных гарадзішчаў беларускага Палесся ў VII–VI стст. да н. э. – II ст. н. э. Вынікам плённай працы стала абарона кандыдацкай дысертацыі ў 1982 г. і выхад у 1996 г. абагульняючай манаграфіі «Древнейшие городища Белорусского Полесья (VII–VI вв. до н. э. – II в. н. э.)», у якой былі падведзены вынікі шматгадовых даследаванняў па аналізе палескіх матэрыялаў, у тым ліку была распрацавана класіфікацыя старажытных умацаваных паселішчаў, дадзена комплексная характарыстыка помнікаў, а таксама прапанавана гісторыка-культурная рэканструкцыя працэсаў, што адбываліся ў рэгіёне [1].

У далейшым цікавасць даследчыка была скіравана на вывучэнне жалезнага веку цэнтральнай і паўночнай Беларусі. На падставе шматгадовых палявых даследаванняў быў назапашаны матэрыял, які дазволіў прапанаваць новы падыход да вызначэння культурнай прыналежнасці помнікаў Беларусі ў канцы II тыс. да н. э. – сярэдзіне I тыс. н. э., удакладніць храналогію культурных змен. Вынікі руплівай працы ляглі ў аснову манаграфіі «Культуры штрихованной керамики», якая выйшла ў 2006 г., а таксама доктарскай дысертацыі, абарона якой адбылася ў 2008 г. [1].

За сваю амаль 40-гадовую кар’еру археолага А. А. Егарэйчанка правёў шэраг археалагічных экспедыцый. Найбольш вядомыя даследаванні закранулі такія помнікі, як гарадзішча Халапенічы (1978 г.), гарадзішча Івань (1979, 1981–1983, 1989–1991 гг.), селішча Давыд-Гарадок (1985 г.), гарадзішча Кашчэлічы (1986 г.), селішча Востраў (1987 г.), гарадзішча Гарадзішча (1988 г.), гарадзішча Тарылава (Укля) (1992–1994 гг.), гарадзішча і селішча Зазоны (1995–1999 гг.), гарадзішча Рацюнкі (1999, 2001–2007 гг.), гарадзішча Падварынка (2009–2013 гг.) [2, с. 41–48]. Вынікі палявых даследаванняў ляглі ў аснову звыш ста навуковых артыкулаў, публікацый і дзвюх манаграфій. Навуковец разглядаў шэраг тэарэтычных пытанняў, звязаных з мілаградскай, зарубінецкай, днепра-дзвінскай культурамі, але галоўныя яго даследаванні былі скіраваны на вывучэнне старажытнасцяў культур штрыхаванай керамікі (КШК).

Параўноўваючы ранні і позні этапы КШК, А. А. Егарэйчанка заўважыў, што нягледзячы на наяўнасць агульнага, паміж этапамі шмат рознага. Розніца паміж імі была настолькі вялікай, што дазволіла падзяліць адзіную культуру на дзве генетычна звязаныя паміж сабою – культуру ранняй штрыхаванай керамікі (КРШК) і культуру позняй штрыхаванай керамікі (КПШК). Агульным для абедзвюх культур з'яўляецца адсутнасць могільнікаў, традыцыя пакрываць посуд штрыхоўкай, пэўная пераемнасць ў тапаграфіі паселішчаў і домабудаўніцтве. Акрамя гэтага, арэал КПШК уключаў у сябе помнікі КРШК [3, с. 170].

Адрозненняў паміж культурамі больш, чым агульнага. А. А. Егарэйчанка прыводзіць наступныя прыклады, чаму ранні і позні этапы з'яўляюцца рознымі культурамі. Для КРШК характэрны касцяны і каменны інвентар, а ў КПШК значнае месца займаюць вырабы з жалеза. Змены ў матэрыяльнай культуры храналагічна супадаюць са зменай керамічнага комплексу. Для ранніх «штрыхавікоў» быў характэрны баначны і слабапрафіляваны посуд, які цалкам пакрыты хаатычнай штрыхоўкай з беднай арнаментацыяй. У позніх «штрыхавікоў» вядучае месца займаюць рабрыстыя гаршкі з вертыкальнай ці дыяганальнай штрыхоўкай, нанесенай ад рабра да донца, з больш разнастайнай арнаментацыяй.

Слабаўмацаваныя пагоркавыя гарадзішчы КРШК у КПШК значна ўзмацняюцца, набываючы да некалькі ліній штучных умацаванняў, прадстаўленых валам і рвом. Позні штрыхавікі засвойваюць рачныя мысы, часта на месцы гарадзішчаў мілаградскай культуры. Акрамя гэтага, у КПШК узнікае асаблівы тып гарадзішчаў, якія ўзведзеныя на высокіх карэнных берагах рэк, якія не так жорстка звязаныя з прыроднымі перашкодамі, абароненыя з напольнага боку валам і рвом, а з боку звернутага да вады – драўлянай сцяной (Івань, Малышкі, Мыслі, Старая Рудніца і інш.). Адзначаюцца перамены і ў домабудаўніцтве. Разам з наземнымі дамамі слупавой канструкцыі ў КПШК прысутнічаюць паўзямлянкі (Івань, Мыслі, Равячка) і наземныя дамы (Вязынка) зрубнай канструкцыі.

Значныя перамены адбыліся і ва ўзбраенні. На помніках КРШК вядомы знаходкі дзідаў і дроцікаў, але раннія штрыхавікі надавалі перавагу выкарыстанню зброі дальняга бою, прадстаўленай знаходкамі шматлікіх касцяных стрэл. Ва ўзбраенні КПШК дамінуе зброя бліжняга боя, прадстаўленая жалезнымі дзідамі і дроцікамі, а стрэлы за рэдкім выключэннем невядомыя. Шырокае распаўсюджанне ў КПШК атрымалі гліняныя праселкі, амаль невядомыя на помніках КРШК [3, с. 170; 4, с. 70–72].

Істотнае адрозненне назіраецца ў структуры гаспадарчай дзейнасці. Аснову гаспадаркі КРШК складала жывёлагадоўля з перавагай ў статку свінні. Роля падсечнага земляробства была абмежаванай. Важную ролю захоўвалі

яшчэ паляванне і рыбалоўства. У КПШК на першы план выходзіць падсечнае земляробства, а ў жывёлагадоўлі ў статку дамінуе буйная рагатая жывёла [5, с. 42–50, 97–103].

Такім чынам, па свайму характару КРШК і КПШК з'яўляюцца рознымі культурамі. КРШК адносіцца да эпохі бронзы, а КПШК – да развітага жалезнага веку [3, с. 170]. Трэба адзначыць, што не ўсе даследчыкі прынялі падзел адзінай культуры на дзве генетычна звязаныя. На думку А. М. Мядзведзева, шэраг працэсаў, прыведзеных А. А. Егарэйчанкам у якасці доказу, насілі іншы характар. Так, на яго думку, з'яўленне рабрыстага посуду і шырокае распаўсюджанне жалезных вырабаў не адбылося ў адзін час. На стадыі LtD (каля 100 г. да н. э. – 10 г. н. э.) працягвалася шырокае выкарыстанне вырабаў з камня, косткі і рога і ў меншай ступені – з жалеза. Жалезныя прылады працы ўвойдуць у паўсядзённае жыццё каля памежжа эр [6, с. 71, 79]. Неабходна звярнуць увагу, што А. А. Егарэйчанка лічыў дапушчальным, што асобныя групы насельніцтва захавалі традыцыі КРШК і зніклі не пазней за пачатак III ст. н. э. [5, с. 56; 7, с. 113–114].

Культура ранняй штрыхаванай керамікі. На думку А. А. Егарэйчанкі, КРШК лакалізавалася адносна на вузкай тэрыторыі ў міжрэччы Нёмана і Заходняй Дзвіны. Ядро фарміравання КРШК – паўночна-ўсходняя Літва, верхні басейн р. Швянтойі (прыток Віліі) і левабярэжных прытокаў сярэдняга цячэння Заходняй Дзвіны, а таксама сумежныя тэрыторыі паўночна-заходняй Беларусі (Браслаўскі, Мядзельскі, Пастаўскі і іншыя раёны) і паўднёва-ўсходняй Латвіі (у асноўным у парэччы Заходняй Дзвіны), адкуль адбываецца паступовае рассяленне носьбітаў КРШК пераважна ў паўднёвым і паўднёва-ўсходнім накірунку [8, с. 38–39; 9, с. 67–69]. Больш позняе паходжанне, не раней другой паловы I тыс. да н. э., маюць гарадзішчы цэнтральнай Беларусі, у басейне верхняга Нёмана і ў Нёманска-Дняпроўскім міжрэччы [5, с. 13].

Вялікую дыскусію выклікала правядзенне мяжы паміж КРШК і днепра-дзвінскай культурай (ДДК) у Браслаўскім Паазер'і. З прычыны таго, што на гарадзішчах гэтага рэгіёну сустракаюцца як штрыхаваная, так і гладкасценная кераміка, а рэчавы комплекс абедзвюх культур мае шмат агульных рысаў, то розныя даследчыкі адносяць гэтыя помнікі то да адной, то да іншай культуры. А. А. Егарэйчанка лічыў, што мяжа паміж КРШК і ДДК заставалася амаль нязменнай на ўсім працягу існавання культур. Толькі ў I тыс. да н. э. адзначаецца слабавыяўленае пранікненне носьбітаў КРШК ў арэал ДДК, што праяўляецца ў пераходзе гарадзішча Рацюнкі ад ДДК да КРШК. Канчатковая стабілізацыя мяжы па гэтай лініі адбылася толькі на рубяжы эр. Мяжа паміж КРШК і ДДК праходзіла па лініі гарадзішчаў Рацюнкі–Тарылава (Укля) па ўсходняй частцы Браслаўскага раёна. Далей мяжа паміж куль-

турамі праходзіла па лініі гарадоў Шаркаўшчына–Докшыцы, выходзячы на верхнюю Бярэзіну. Далей на ўсход ад адзначанай мяжы носьбіты КРШК не пранікалі [10, с. 19–20].

На падставе аналізу керамічнага матэрыялу, З. А. Харытановіч аднесла гарадзішчы Рацюнкі, Тарылава (Укля), Зазоны да ДДК, адзначаючы, што няма нагод звязваць іх з КШК, а аб уплыве КШК можна казаць з моманту з'яўлення штрыхаванага посуду рабрыстай формы на памежжы эр, якая складае нязначную частку керамічнага комплексу [11, с. 177]. А. М. Мядзведзеў аднёс да КШК толькі гарадзішча Падварынка. На астатніх гарадзішчах (Зазоны, Рацюнкі, Тарылава (Укля)) асаблівасці мясцовай керамікі ставяць пад сумнеў аднясенне іх як да КШК, так і да ДДК. Так, спасылаючыся на значную ўдзельную вагу гаршкоў слоікавай формы, а таксама на наяўнасць у комплексе шурпатага і аблітага посуду, даследчык ставіць пытанне аб культурнай прыналежнасці дадзенага рэгіёну ці да ДДК з уплывам латгальскай культуры і КШК, ці да латгальскай культуры [12, с. 78–79].

Вядучы даследчык ДДК на тэрыторыі Беларусі В. І. Шадыра характарызуе этнакультурную сітуацыю ў Браслаўскім Паазер'і наступным чынам. Заходняя мяжа паміж ДДК і КШК праходзіць праз Дунілавічы–Варапаева–Браслаў–Верхнядзвінск, а гарадзішчы адзначанай тэрыторыі ўваходзяць у кантактную паласу культур, дзе выяўлена як штрыхаваная, так і гладкасценная кераміка. Навуковец пагаджаецца з А. А. Егарэйчанкам аб першапачатковым засяленні гарадзішчаў Зазоны, Рацюнкі, Тарылава (Укля) носьбітамі ДДК і ў далейшым пераходзе іх да носьбітаў КШК і характарызуе гэтыя з'явы як націск носьбітаў КШК на тэрыторыю насельніцтва ДДК. Пры гэтым рух КШК на гарадзішчы Рацюнкі і Зазоны быў у больш ранні час, што характарызуецца толькі прынясеннем элементу штрыхоўкі на пасудзіны мясцовых форм, а на гарадзішча Тарылава (Укля) у больш позні час – не раней за памежжа эр, што выяўляецца ў наяўнасці рабрыстага штрыхаванага посуду. Такім чынам, у Браслаўскім Паазер'і назіраецца вялікая актыўнасць КШК, магчыма, гэта актыўнасць была вымушанай і звязанай з адцісненнем іх з захаду на ўсход. На думку В. І. Шадыры, дадзеныя з'явы натуральныя для памежных зон розных археалагічных культур, асабліва блізкіх па свайму характару. Распаўсюджванне штрыхаванай керамікі на гарадзішчах ДДК у кантактнай зоне сведчыць аб перавазе ўплыву КШК на ДДК, актывізацыя якіх асабліва заўважна з памежжа эр [13, с. 189–193].

Кантакт КРШК з іншымі культурамі А. А. Егарэйчанка характарызаваў наступным чынам. На працягу апошняй чвэрці ІІ – першай чвэрці І тыс. да н. э. назіраюцца найбольш інтэнсіўныя сувязі паміж КРШК і культурамі заходняга рэгіёна, сярод якіх адзначаюцца перадлужыцкая, лужыцкая культуры і культура заходнебалцкіх курганоў, што выяўляецца ў наяўнасці прывазных вырабаў з бронзы (булаўкі з грыбападобным навершам, дзіды,

складанафігурныя гузікі і г. д.), а таксама іх мясцовых адпаведнікаў, вырабленых з косткі. З VIII ст. да н. э. пашыраюцца кантакты з усходнімі культурамі, у першую чаргу, з роднаснай ДДК. Паміж культурамі існаваў сталы ўзаемаўплыў. Так, у арэал ДДК ад КРШК патрапілі булаўкі з грыбападобным навершам, а праз ДДК у КРШК трапілі бронзавыя кельты акозінска–меларскага тыпу, грузікі дзякоўскага тыпу, а таксама шэраг тыпаў касцяных стрэл і гарпуноў [5, с. 52–53; 7, с. 113].

Фарміраванне КРШК прыпадае на апошнюю чвэрць II тыс. да н. э., пра што сведчаць выяўленыя бронзавыя булаўкі з цвікападобным навершам і іх касцяныя адпаведнікі (Зазоны, Рацюнкі і інш.). Таксама на карысць ранняга фарміравання КРШК кажуць даныя, атрыманыя пры выкарыстанні радыёкарбоннага аналізу вугалю з розных пластоў незакранутых ворывам гарадзішчаў Зазоны і Рацюнкі, і костак з двух пахаванняў з гарадзішча Рацюнкі. Атрыманыя вынікі ў цэлым пацвярджаюць адзначаныя храналагічныя межы культуры, распрацаваныя на падставе параўнаўча-тыпалагічнага метаду. Разам з тым частка дат дазваляе паставіць пытанне аб пераносе ніжняй храналагічнай межы КРШК да сярэдзіны II тыс. да н. э. [5, с. 54–56; 14, с. 134–136].

Фінал КРШК прыпадае на рубеж эр, калі яе змяняе КПШК. Магчыма, што асобныя групы насельніцтва, захаваўшы традыцыі КРШК, працягнулі сваё існаванне і пазней, у перыяд дамінавання КПШК, і знікаюць не пазней за пачатак III ст. н. э. Так, на гарадзішчах Невярышке і Сокішкяй у верхніх пластах сустракаюцца як баначныя і слабапрафіляваныя, так і рабрыстыя гаршкі. Там жа адначасова сустракаліся каменныя і жалезныя вырабы. У цэлым жа, на працягу існавання КРШК ў ёй не назіраецца істотных перамен. Асобныя навацыі, якія можна ўбачыць у яе вобліку, адлюстроўваюць эвалюцыйны характар развіцця [5, с. 56; 7, с. 113–114].

Культура позняй штрыхаванай керамікі. Новая культура фарміруецца на аснове КРШК, як адзначаў сам А. А. Егарэйчанка, пад моцным уплывам правінцыяльнарымскіх традыцый у I ст. да н. э. [5, с. 119]. Дадзены ўплыў пацвярджаецца ростам правінцыяльнарымскіх імпартаў у I–II стст. н. э. [15]. Арэал КПШК значна шырэй і акрамя паўночна-ўсходняй Літвы, паўднёва-ўсходняй Латвіі і паўночна-заходняй Беларусі ахоплівае ўсходнюю Літву, цэнтральную Беларусь і Перадпалессе [4, с. 72–73; 5, с. 57–60].

З моманту ўзнікнення КПШК праяўляе актыўную экспансію ў паўднёвым і паўднёва-ўсходнім накірунку. У другой палове I ст. да н. э. носьбіты КПШК пранікаюць у Перадпалессе і на Нёманска-Дняпроўскі водападзел (Івань, Мыслі), што ўсталёўваецца па шкляной пазалочанай пацерцы II ст. да н. э. – I ст. н. э., а таксама кельту. Згодна з аналогіямі ў зарубінецкіх матэрыялах, апошні датуецца не раней сярэдзіны I ст. да н. э., выяўлены у ніжніх пластах гарадзішча Івань. У I ст. н. э. КПШК асвойваюць сярэднюю Бярэзіну (Аздзяцічы, Кімія, Навасёлкі). Час пранікнення КПШК на сярэд-

нюю Бярэзіну ўсталёўваецца па прагнутай падвязной фібуле з гарадзішча Навасёлкі. Напэўна, у гэты ж час адбываецца слабае пранікненне КПШК у басейн ніжняй Бярэзіны (Чыжаха, Лысуха, Пятровічы, Слабодка і інш.). У выніку ў канцы I ст. да н. э. – пачатку I ст. н. э., мяжа КПШК стабілізуецца прыкладна па лініі Баранавічы–Нясвіж–Капыль–Слуцк [5, с. 105; 16, с. 75]. На думку А. А. Егарэйчанкі, большасць гарадзішчаў КПШК у Беларусі ўзнікла не раней за сярэдзіну I ст. да н. э. Менавіта бліжэй да памежжа эр на ўсёй тэрыторыі цэнтральнай Беларусі адбываецца ніверліроўка матэрыяльнай культуры, што выяўляецца перш за ўсё ў распаўсюджванні рабрыстых гаршкоў, пакрытых штрыхоўкай, наземных жытлаў слупавой і зрубнай канструкцыі, жалезных вырабаў у рэчавым комплексе, гарадзішчаў з моцнай сістэмай абароны [17, с. 67–68; 18, с. 118].

Такім чынам, А. А. Егарэйчанка адзначае наступныя межы КПШК. Заходняя мяжа ў Літве праходзіць па Нёману і Швянтойі. На тэрыторыі Беларусі вызначэнне заходняй мяжы выклікае складанасць з-за слабадаследаванасці рэгіёну і адсутнасці ў ім гарадзішчаў. Верагодна, мяжа як і ў Літве праходзіла па Нёману і яго левабярэжным прытокам (Свіслач, Рось, Зельвянка). На поўначы помнікі КПШК лакалізуюцца ў парэччы Заходняй Дзвіны і нізоўях яе прытокаў (паўднёва-ўсходняя Латвія і паўночна-заходняя Беларусь). На тэрыторыі Літвы КПШК займала тэрыторыі КРШК, аднак асноўны арэал КПШК знаходзіўся больш на поўдзень, у вобласці Нярыса (Віліі) і сярэдняга цячэння Нёмана. Паўднёвая мяжа КПШК праходзіла па водападзелу Дняпра і Нёмана, па вярхоўям левабярэжных прытокаў Прыпяці (Случ, Морач, Лань), пераходзячы на захадзе ў басейн верхняга Нёмана, на р. Шчару. Тэрыторыя распаўсюджвання КПШК на ўсходзе абмяжоўваецца правым берагам Бярэзіны. На яе левым беразе зафіксавана прысутнасць адзінкавых гарадзішчаў КПШК, якія сустракаюцца да Друці. Далей на ўсход да Дняпра і, асабліва, у Смаленскае Падняпроўе КПШК не пранікала [4, с. 72–73; 5, с. 57–60; 7, с. 114–115].

Доўгі час выклікала складанасць вызначэнне культурнай прыналежнасці помнікаў Гомельска–Магілёўскага Падняпроўя, Пасожжа і паўночна-ўсходняга Палесся. Улічваючы штрыхоўку на гліняным начынні мясцовых гарадзішчаў, шэраг даследчыкаў (А. Р. Мітрафанаў, В. В. Сядоў) адносілі іх да КПШК, але, на думку А. А. Егарэйчанкі, штрыхоўка ў гэтым рэгіёне мае мясцовыя карані і звязана з мілаградскай культурай і групай Кісцяні–Чачэрск верхнедняпроўскага варыянту зарубінецкай культуры, што пацвярджаецца шэрагам прыкмет (керамічны матэрыял, металічныя вырабы і г. д.) [4, с. 72–73; 8, с. 39–40; 9, с. 69]. У далейшым менавіта гэтая група паслужыла асноўным кампанентам у фарміраванні познезарубінецкіх помнікаў тыпу Грыні–Ваўкі, а не КПШК, як гэта лічылася раней [19, с. 238]. Такім чынам, удзел непасрэдна КПШК малаверагодны [4, с. 73; 5, с. 59].

Змяшэнне розных культурных традыцый адбывалася не толькі ў Верхнім Падняпроўі, але і ў басейне Заходняй Дзвіны, які складае значную частку арэалу ДДК. На гарадзішчах апошняй выяўлены штрыхаваны посуд, сярпы і праселкі, характэрныя для позніх «штрыхавікоў», што, на думку А. А. Егарэйчанкі, сведчыць аб інфільтрацыі невялікіх груп насельніцтва апошніх. Сярод важных перамен у Браслаўскім Паазер'і адзначаецца пераход да КПШК гарадзішча Тарылава (Укля) на рубяжы эр, якое да гэтага было заселена носьбітамі ДДК [4, с. 73–75; 16, с. 76]. Але ўсё ж такі, асноўны масіў КПШК у басейне Заходняй Дзвіны лакалізуецца ніжэй па поплыву гэтай воднай магістаралі. На тэрыторыі Латвіі мяжа КПШК праходзіла ў Краслаўскім раёне, а затым спускалася на поўдзень, у Браслаўскі раён Віцебскай вобласці Рэспублікі Беларусь, праходзячы па лініі гарадзішчаў Зазоны–Рацюнкі–Тарылава (Укля) [4, с. 75]. Далей мяжа паміж КПШК і ДДК праходзіла, як і раней, па лініі гарадоў Шаркаўшчына–Докшыцы, выходзячы на верхнюю Бярэзіну.

Характарызуючы кантакты з іншымі культурамі, А. А. Егарэйчанка адзначыў наступнае. У выніку прасоўвання КПШК на поўдзень Перадпалесся, на Нёманска-Дняпроўскі водападзел і на паўднёвы-ўсход у басейн Бярэзіны ў фазе LtD2 (каля 60 г. да н. э. – 10 г. н. э.) утвараецца шырокая паласа прамога кантакту з носьбітамі зарубінецкай культуры, праз якую ў арэал КПШК пачынаюць трапляць як уласна зарубінецкія рэчы, так і больш далёкія імпарты. Сярод імпартных рэчаў позняга перадрымскага і раннерымскага перыядаў, якія можна звязаць з зарубінецкай культурай ці з ёй у якасці пасярэдніка, адзначаюцца знаходкі фібул верхнедняпроўскай серыі (Банцарыўшчына, Мыслі, Навасёлкі) і воінская фібула (Малышкі), шкляныя пацеркі, прадметы узбраення і інш., якія выяўлены, перш за ўсё, у межах Дняпроўскага басейна (Аздзяцічы, Івань, Лабеншчына, Малышкі і інш.). Аднак гэтыя сувязі былі не працяглымі, прыкладна з сярэдзіны I ст. да н. э. па сярэдзіну I ст. н. э. [20, с. 109–110; 21, с. 37–38].

Распад зарубінецкай культуры ў сярэдзіне I ст. н. э. спыніў ці звёў да мінімуму кантакты КПШК з больш паўднёвымі рэгіёнамі. Замест гэтага на першы план выступаюць сувязі носьбітаў КПШК з культурамі заходняга кола, прычым інтэнсіўнасць паступленняў прадметаў імпарту была найбольш высокай у позні перадрымскі і ранні рымскі перыяды. Пасля назіраецца паступовае змяншэнне колькасці прывазных рэчаў, што, па меркаванню А. А. Егарэйчанка, звязана з крызіснымі з'явамі ў самой КПШК. Асноўнымі катэгорыямі паступленняў з заходняга накірунку былі фібулы правінцыйнарымскіх тыпаў (Кашчэлічы, Івань, Мыслі і інш.) і дэталі паяснога набору (Лабеншчына, Рацюнкі, Малышкі і інш.), пераважна спражкі. Частка спражак, асабліва жалезных адначастных з'яўляецца мясцовым перайманнем імпартных. У якасці патэнцыйных «пастаўшчыкоў» маглі быць носьбіты вель-

барскай ці заходнебалтыйскай культур, прычым перавагу А. А. Егарэйчанка аддае апошнім, так як у заходнебалтыйскай культуры сустракаюцца аналогіі большасці імпартных рэчаў, знойдзеных у цэнтральнай і паўночна-заходняй Беларусі, і толькі ў гэтай культуры з ліку заходніх адзначаны вырабы з эмалямі [20, с. 109–110; 21, с. 38–40].

Актыўныя сувязі паміж КПШК і заходнебалтыйскімі культурамі могуць быць выкліканы неспрыяльным становішчам, якое складваецца ў фазах B1b–B2 (каля 40–160 гг. н. э.) раннерымскага перыяду, калі пад ціскам вельбарскіх плямёнаў частка носьбітаў заходнебалтыйскай культуры вымушана была адыйсці на тэрыторыю Літвы, дзе фармуюцца новыя культурныя ўтварэнні, якія маюць падобныя рысы з заходнебалтыйскімі. Такім чынам, большасць гарадзішчаў КПШК Літвы перастаюць функцыянаваць ў II–IV стст. н. э., што было выклікана прытокам новага насельніцтва з больш заходніх раёнаў, які прынеслі з сабою курганны абрад пахаванняў [16, с. 76; 21, с. 40].

Прыкладна такія ж працэсы назіраюцца і ў беларускім арэале КПШК. Фаза B1 (каля 10–80 гг. н. э.) была часам росквіту КПШК, пасля чаго назіраецца яе паступовы заняпад. Крызісныя з’явы КПШК пачынаюць выяўляцца ў канцы I ст. н. э. У гэты час згасае жыццё на гарадзішчах Перадпалесся (Івань, Мыслі), вярхоўяў Пцічы і сярэдняй Бярэзіны (Навасёлкі). У II–III стст. н. э. спыняецца жыццё на большасці гарадзішчаў цэнтральнай і часткова паўночна-заходняй Беларусі (Лабеншчына, Малышкі, Зазоны, Рацюнкі), за выключэннем, быць можа, крайняга паўночнага захаду Беларусі і часткі Верхняга Панямоння. Да сярэдзіны V ст. працягваюць існаваць толькі асобныя паселішчы, якія знаходзяцца на паўночным захадзе Беларусі (Гарадзішча, Равячка). Такім чынам, у першай палове I тыс. н. э. адбываецца паступовае скарачэнне тэрыторыі КПШК у паўночна-заходнім кірунку, з’ява – прама супрацьлеглая рассяленню носьбітаў гэтай супольнасці. Прычыны крызісу КПШК на тэрыторыі Беларусі ў першых стагоддзях н. э. пакуль не падаюцца адназначнай трактоўцы. Магчыма, гэта, як і сітуацыя з палескім варыянтам зарубінецкай культуры, звязана з кліматычнымі зменамі. Толькі нязначная колькасць гарадзішчаў працягнула сваё функцыянаванне і ў больш позні час, храналагічна даходзячы да банцараўскай культуры, носьбітамі якой і было асімілявана насельніцтва гарадзішчаў [16, с. 76; 21, с. 40; 22, с. 49–50].

Іншы погляд на фінал КПШК мае А. М. Мядзведзеў. Згаджаючыся з А. А. Егарэйчанкам аб знікненні КПШК (ці этап III КШК – па А. М.) ва ўсходняй Літве ў II–III стст. н. э., даследчык даводзіў існаванне КПШК на тэрыторыі Беларусі да сярэдзіны V ст. н. э. Адзначаючы, што яе помнікі працягнулі сваё існаванне не толькі на памежжы паўночна-ўсходняй Літвы і сумежных тэрыторыях Беларусі, але і ў Перадпалессі, вярхоўях Нёмана (Івань, Мыслі, Гарадзішча, Варонча, Аношкі) [6, с. 77–79]. Ідэю аб падаўжэнні верхняй даты КПШК да сярэдзіны V ст. н. э. крытычна ўспрыняў А. І. Дра-

бушэўскі, які звярнуў увагу на неправамернасць вылучэння больш позняй даты існавання культуры па шырока датуемых знаходках (дзіды, каменныя праселкі, авальная жалезная спражка і інш.) [23, с. 166–169].

Што датычна этнічнай прыналежнасці носьбітаў КШК, то ў сваёй манаграфіі «Культуры штрихованной керамики» А. А. Егарэйчанка не дае адказу на гэтае пытанне, пералічваючы толькі асноўныя погляды іншых даследчыкаў [5, с. 115–117]. Асаблівую ўвагу ў прадстаўленых ідэях А. А. Егарэйчанка надае гіпотэзе Дз. А. Мачынскага. Гэта звязана з тым, што большасць даследчыкаў адносілі КШК да балтаў, у той жа час, Дз. А. Мачынскі адзін з першых, хто ў носьбітах КШК бачыць славян. Даследчык на падставе дадзеных археалагічных, лінгвістычных і іншых навуковых дысцыплін, развівае ідэю развіцця славянскіх культур на падставе КШК: носьбіты КПШК, працягваючы некаторыя культурныя традыцыі КРШК, увабралі асобныя элементы позняй цяжкаўлоўнай мілаградскай культуры, а затым, пры міграцыі на поўдзень (у Прыкарпацце), і элементы палескага варыянта зарубінецкай культуры, што, на думку даследчыка, суадносіцца з пісьмовымі данымі аб венедах Тацыта і ставанаў Клаўдзія Пталемея, і з’яўляюцца асноўнымі этнакультурнымі, моўнымі і, магчыма, генетычнымі продкамі этнаса, які ў IV–V стст. н. э. стварыў пражскую культуру і дакладна вядомы з пачатку VI ст. н. э. пад імем *slavēne (sclaveni, sclavini і г. д.) [24, с. 134–135].

А. А. Егарэйчанка, дыскутуючы з Дз. А. Мачынскім, сцвярджаў, што прыведзеныя апошнім доказы аб славянстве носьбітаў КШК не маюць адназначнай этнічнай характарыстыкі і знаходзяць свае адпаведнікі не толькі сярод КШК, але і іншых культур лясной зоны (ДДК, дзякоўскай, верхняокскай). Галоўная ідэя ж А. А. Егарэйчанкі была ў тым, што носьбіты КПШК не мігруюць на паўднёвы захад, у накірунку Прыкарпацця, як гэта лічыў Дз. А. Мачынскі, а наадварот скарачаюць арэал свайго пражывання ў паўночна-заходнім накірунку і пастулова асімілюцца сярод носьбітаў культур ўсходнелітоўскіх курганоў і банцараўскай [5, с. 115–117; 25, с. 62–65]. У той жа час галоўная ідэя, якую спрабаваў данесці Дз. А. Мачынскі, была не ў тым, што КШК распаўсюджвалася на поўдзень, а затым назад на поўнач, а ў здольнасці яе носьбітаў – венедаў–ст(л)аванаў – да кардынальнай трансфармацыі сваёй культуры ў новым культурна–гістарычным кантэксце, што па заўваге самаго Дз. А. Мачынскага пацвердзіў А. А. Егарэйчанка, выявіўшы «ўзрыўны» характар трансфармацыі КРШК у КПШК [24, с. 137]. Такім чынам, заўважна разыходжанне ў падыходзе да вырашэння пытання паміж даследчыкамі. А. А. Егарэйчанка сканцэнтраваўся на крыніцазнаўчым накірунку, абгрунтоўваючы працэсы, якія адбываліся ў КШК на падставе матэрыялаў з даследаванняў. У той час як Дз. А. Мачынскі, зыходзячы з аналізу пісьмовых крыніц рымскага часу і выкарыстання даных шматлікіх навук, будуе рэтраспектыўны шлях развіцця славянскіх народаў на падставе

КШК. Трэба адзначыць, што галоўнае нараканне з боку Дз. А. Мачынскага да А. А. Егарэйчанкі заключаецца ў тым, што апошні адмовіўся ад уласных інтэрпрэтацый у этнічнай прыналежнасці КШК [24, с. 136]. У цэлым жа Дз. А. Мачынскі кампліментарна ставіўся да працы А. А. Егарэйчанкі [24, с. 115–135].

Мілаградская культура. Трэба адзначыць, што погляды А. А. Егарэйчанкі на этнакультурныя працэсы, якія адбываліся ў басейне Бярэзіны, з цягам часу змяняліся.

У археалогіі жалезнага веку матэрыялы з помнікаў басейна Бярэзіны вядомы ў першую чаргу, дзякуючы працам А. Р. Мітрафанава. Характарызуючы культуру мясцовага насельніцтва, даследчык адзначыў, што асаблівасцю рэгіёна з'яўляецца наяўнасць пасудзін са штрыхаванай паверхняй баначных і мілаградскіх форм. Улічваючы іх спецыфіку, А. Р. Мітрафанаў аднёс помнікі басейна Бярэзіны да ўсходнебеларускага варыянту КШК [26, с. 8]. А. А. Егарэйчанка, аналізуючы артэфакты з помнікаў басейна Бярэзіны (Гатавічы, Аўгустова, Гарадзішча, Кімія, Лабеншчына, Навасёлкі, Аздзяцічы) у ранніх працах, на падставе іх падабенства з мілаградскай культурай, аднёс матэрыялы з ранніх напластаванняў да мілаградскай культуры. Аб чым, на думку даследчыка, сведчыць наступнае:

1) падабенства ранніх напластаванняў басейна Бярэзіны ў керамічным комплексе і традыцыях домабудаўніцтва з помнікамі мілаградскай культуры, а не паўночна-ўсходняй Літвы і паўночна-заходняй Беларусі, дзе лакалізуюцца помнікі КРШК [17, с. 64–65; 22, с. 48–49; 27, с. 54; 28, с. 56–58];

2) наяўнасць у басейне Бярэзіны асаблівага тыпу гарадзішчаў, якія характэрны для носьбітаў мілаградскай культуры. Гэтыя гарадзішчы размяшчаліся на роўнай мясцовасці, часцей за ўсё каля ці ў атачэнні балот, што ўскладняла да іх доступ, іх абарончая сістэма прадстаўлена валам і рвом, якія акружаюць пляцоўку з усіх бакоў. Па падліках А. А. Егарэйчанкі, дадзены тып гарадзішчаў пераважае ў арэале мілаградскай культуры і сустракаецца да сярэдняга поплыву Свіслачы [27, с. 54; 28, с. 56–58];

3) адсутнасць касцяных і каменных вырабаў, якія характэрны для гарадзішчаў КРШК усходняй Літвы (Наркунай, Невярышке, Сакішкяй і інш.) і паўночна-заходняй Беларусі (Гарані, Рацюнкі, Зазоны) [16, с. 75; 18, с. 118]. На думку даследчыкаў, адсутнасць касцяных прадметаў – асаблівая рыса для помнікаў КШК сярэдняй і ніжняй Бярэзіны [29, с. 152].

Такім чынам, на думку А. А. Егарэйчанкі, арэал мілаградскай культуры на тэрыторыі Беларусі быў значна шырэйшы і акрамя Палесся, часткі Падняпроўя таксама ўключаў у сябе помнікі басейна Бярэзіны. Адрозненне помнікаў басейна Бярэзіны ад «класічных» помнікаў мілаградскай культуры заключаецца ў наяўнасці штрыхоўкі і пласкадоннасці пасудзін, гліняных праселак і некаторых іншых тыпаў рэчаў, уласцівых усходнелітоўскім гарад-

зішчам, што тлумачыцца моцным уплывам з боку КРШК. Дадзеныя асаблівасці і далі падставу А. А. Егарэйчанку вылучыць на падставе помнікаў басейна Бярэзіны сярэднебеларускі варыянт мілаградскай культуры [17, с. 66; 18, с. 118; 27, с. 54; 28, с. 56–58]. Трэба адзначыць, што на помніках мілаградскай культуры вядомы не толькі кругладонны посуд, але і пласкадоннае начынне [30, рыс. 6].

Узаемаадносіны паміж носьбітамі КШК і мілаградскай культуры ў больш ранніх працах А. А. Егарэйчанка характарызаваў наступным чынам. У V–I стст. да н. э. у заходніх рэгіёнах цэнтральнай Беларусі склалася сітуацыя, калі носьбіты КРШК і мілаградскай культуры жылі цераспалосна. Пры гэтым на працягу некалькіх стагоддзяў носьбіты КШК прасочваліся ў цэнтральнабеларускі рэгіён і, нарэшце, масавае прасоўванне апошніх сюды ў канцы I тыс. да н. э. – пачатку I тыс. н. э. прывяло да поўнай асіміляцыі мясцовага насельніцтва мілаградскай культуры. Прыкметамі руху КШК у цэнтральную Беларусь з'яўляюцца рабрыстыя гаршкі і прамавугольныя дамы слупавой канструкцыі [17, с. 66–68, 75; 18, с. 118].

Падобныя ідэі выказваў Л. Д. Побаль. На яго думку, верхнюю Бярэзіну займалі носьбіты КШК, а ніжняю Бярэзіну – мілаградскай культуры. Паміж імі ў басейне сярэдняй Бярэзіны, у межах ад Барысава да Бабруйска, знаходзілася змяшаная зона, у якой носьбіты абедзвюх культур знаходзіліся цераспалосна. Але з цягам часу адбывалася інфільтрацыя мілаградскага насельніцтва на поўнач. Такім чынам, гарадзішчы верхняй Бярэзіны былі ўзведзены «штрыхавікамі», але ў больш позні час перайшлі пад кантроль мілаградскага насельніцтва [31, с. 16].

У больш позніх працах А. А. Егарэйчанка, як і раней, не адносіў паселішчы басейна Бярэзіны да КРШК, але і не характарызаваў гарадзішчы як помнікі мілаградскай культуры, толькі адзначаючы іх моцнае падабенства з апошняй. Даволі істотна змяніліся ўяўленні навукоўца адносна ўзаемаадносін паміж КШК і мілаградскай культурай. Згодна з імі, да II ст. да н. э. паміж плямёнамі КРШК і мілаградскай культуры існавала паласа адасаблення, якая займала паўднёвую частку цэнтральнай Беларусі, у якой паселішчы абедзвюх культур раней за гэты час не вядомы. Пазней у гэтай паласе з'яўляецца шэраг гарадзішчаў, у ранніх пластах якіх сустракаецца кераміка, якая аб'ядноўвае ў сябе рысы абедзвюх культур. Для гэтых гарадзішчаў характэрна наяўнасць шыек класічнага мілаградскага аблічча ад гладкасценных і штрыхаваных гаршкоў, баначны штрыхаваны посуд, не характэрны для гэтай тэрыторыі, а таксама шыйкі блізкія да мілаградскіх, але з пласкадонным тулавам і пакрытыя хаатычнай штрыхоўкай. А. А. Егарэйчанка адзначае, што посуд змешанага тыпу прысутнічае на гарадзішчах басейна Бярэзіны (Аздзяцічы, Кімія, Лабеншчына, Лысуха, Навасёлкі, Чыжаха і інш.), а на захадзе падобная кераміка даходзіць да р. Лань. Фарміраванне асаблівай

групы помнікаў у паўднёвай частцы цэнтральнай Беларусі выклікана ўзаемна асіміляцыйнымі працэсамі, якія, верагодна, адносяцца да другой паловы III–II ст. да н. э. З’яўленне ў гэтай зоне носьбітаў мілаградскай культуры магло быць звязана з выцясненнем нейкай часткі на поўнач, у выніку рассялення ў Палессі і Верхнім Падняпроўі зарубінецкіх плямёнаў у канцы III – пачатку II ст. да н. э. [5, с. 53; 7, с. 113].

У больш познім артыкуле, прысвечаным праблематыцы храналогіі мілаградскай культуры, А. А. Егарэйчанка, не звяртаючы ўвагу на культурныя працэсы ў рэгіёне, адзначыў што ў Сярэдняй Беларусі, на Бярэзіне адсутнічаюць дакладна датаваныя знаходкі, але ёсць шмат венчыкаў, супастаўляльных з ранняй мілаградскай керамікай, што дазваляе аднесці час з’яўлення носьбітаў мілаградскай культуры да VII–VI стст. да н. э. Характарызуючы ў цэлым жа храналагічныя межы ўсёй мілаградскай культуры, даследчык адзначыў наступнае. Найбольш ранняя дата ўсталёўваецца па знаходках з Палесся і Гомельскага Падняпроўя, дзе былі выяўлены скіфскія лістападобныя рамбічныя і асіметрычна рамбічныя наканечнікі стрэл VII–VI стст. да н. э., але, калі ўлічваць, што на гарадзішчы Ясянец–2 падобны тып наканечніка быў выяўлены разам з посахападобнай і шматспіральнай шпількамі VII ст. да н. э., то і ранняя дата мілаградскай культуры адносіцца да VII ст. да н. э. Позняя дата вызначаецца на падставе антычных пацерак II ст. да н. э. з Гарошкаўскага скарбу. Акрамя гэтага, на карысць дадзенай даты сведчыць існаванне шэрагу агульных рыс паміж мілаградскай і зарубінецкай культурамі, што кажа аб іх храналагічным стыку [32, с. 7–8].

Ідэя А. А. Егарэйчанкі аб асіміляцыі мілаградскага насельніцтва зарубінецкім гучыць супярэчліва ў святле даследаванняў апошніх гадоў на тэрыторыі Верхняга Падняпроўя, дзе на мілаградска-зарубінецкім могільніку Гарошкаў выяўлены міскі з круглым і амаль круглым дном. На думку Л. С. Варацінскай і А. І. Драбушэўскага, такія формы місак з’явіліся пад непасрэдным уплывам мілаградскіх традыцый, для якіх характэрна перавага пасудзін з круглым донцам, і адносяцца да ранняга этапу функцыянавання могільніка Гарошкаў (другая палова III – першая палова II ст. да н. э.). Самі знаходкі такіх місак у зарубінецкіх пахаваннях сведчаць аб пераемнасці і ўплыве мілаградскай керамічнай традыцыі пры фарміраванні зарубінецкай культуры Верхняга Падняпроўя [33, с. 9–11].

У цэлым жа, прапанаваныя А. А. Егарэйчанкам погляды на этнакультурныя працэсы ў басейне Бярэзіны былі крытычна ўспрыняты навуковай супольнасцю. Так, М. І. Лашанкоў, параўноўваючы матэрыялы з басейна Бярэзіны і сумежных рэгіёнаў, прыйшоў да высновы, што гарызонты аднаслойных ніжне- і сярэднебярэзінскіх гарадзішчаў тоесны ніжнім (раннім) гарызонтам гарадзішчаў цэнтральнай і, магчыма, паўночна-заходняй Беларусі. Такім чынам, на думку даследчыка, няма падстаў звязваць гарадзішчы

сярэдняй і ніжняй Бярэзіны з плямёнамі мілаградскай і зарубінецкай культур. Наадварот, керамічны комплекс пераканаўча сведчыць аб прыналежнасці гарадзішчаў сярэдняй і ніжняй Бярэзіны да ўсходнебеларускага варыянту КШК, найбольш ранні перыяд функцыянавання якіх можна адносіць да другой паловы ці канца III – пачатку II ст. да н. э. Гэты час М. І. Лашанкоў вызначае па пласцінчатых наканечніках стрэл з раздвоеным канцом чарашка (Дзмітравічы, Чыжаха), шпількам з кальцавым навершшам (Пятровічы, Чыжаха, Янава), шкляным пацеркам (Івань, Шчаткава) і іншым знаходкам, датаванне якіх укладаецца ў III ст. да н. э. – I ст. н. э. Жыццё на сярэдне- і ніжнебярэзінскіх гарадзішчах спыняецца ў сярэдзіне ці ў другой палове I ст. н. э., што даследчык усталёўвае па фібулах познелатэнскай схемы варыянта Н, О, Р і Ф (па Ю. Кастшэўскаму). Адкладанні ж культурнага слою на гарадзішчах цэнтральнай Беларусі сведчаць, што «штрыхавікі» пражывалі тут значна болей і праіснавалі яшчэ ў першай палове I тыс. н. э. [29, с. 148–154].

Супраць храналагічнай і культурнай прыналежнасці, прапанавай А. А. Егарэйчанкам для гарадзішчаў басейна Бярэзіны, таксама выступіла А. У. Ільюцік. Абагульніўшы матэрыялы як з раскопак іншых археолагаў (Аздзяцічы, Аўгустова, Багушэвічы, Пятровічы, Турэц, Шчаткава і інш.), так і ўласных даследаванняў (Бярэзіна, Чыжаха, Зборск і інш.), А. У. Ільюцік разглядае асноўныя тэзісы А. А. Егарэйчанкі аб аднясенні гарадзішчаў басейна Бярэзіны да мілаградскай культуры. На думку даследчыцы, гарадзішчы рэгіёну па характару керамічнага матэрыялу (посуду і праселкам) бліжэй да помнікаў «штрыхавікоў», чым да мілаградскай культуры. Наяўнасць жа на гарадзішчы Аздзяцічы жытла з заглыбленай падлогай і зрубнымі сценамі звязана з уплывам «мілаградцаў» на мясцовых «штрыхавікоў». Таксама даследчыца звяртае ўвагу, што на гарадзішчах Аздзяцічы, Навасёлкі, Кімія і інш. знойдзены такія ж касцяныя прадметы, як і ў ніжніх пластах гарадзішча Лабеншчына. Такім чынам, па меркаванні А. У. Ільюцік, басейн Бярэзіны быў заселены не мілаградскім насельніцтвам, а «штрыхавікамі», з'яўленне якіх адбылося ў апошняй чвэрці I тыс. да н. э., а больш раннія помнікі жалезнага веку на гэтай тэрыторыі невядомы [34, с. 35–41].

Уласныя ўяленні наконт культурнай прыналежнасці помнікаў басейна Бярэзіны меў С. Я. Расадзін. На яго думку, яны маюць шэраг асаблівасцяў і адрозненняў як ад мілаградскай культуры, так і ад КШК, і знаходзяць шэраг аналогій сярод ДДК. Але С. Я. Расадзін не адносіць помнікі рэгіёна да нейкай пэўнай культуры, вылучаючы іх самастойную групу – помнікі тыпу ніжняга пласта Лабеншчыны, якія займаюць прамежкавае становішча паміж паўднёва- і паўночнабеларускімі старажытнасцямі [35, с. 68–70].

Істотным момантам, які прасочваецца і ў больш ранніх, і ў больш позніх працах А. А. Егарэйчанкі, з'яўляецца погляд на культурную прыналежнасць гарадзішчаў Гомельска-Магілёўскага Падняпроўя, Пасожжа і паўночна-ўс-

ходняга Палесся. На думку даследчыка, гардзішчы адзначанага рэгіёну адносяцца да мілаградскай культуры, так як адзіным параметрам аднясення іх да КРШК з'яўляецца штрыхоўка. Але акрамя штрыхоўкі на помніках не выяўлены іншыя характэрныя для КРШК элементы (баначны і слабапрафіляваны посуд, касцяныя вырабы, праселкі і інш.). Позція адкладанні дадзенага рэгіёну, як адзначалася вышэй, адносіцца да групы Кісцяні–Чачэрск верхнедняпроўскага варыянту зарубінецкай культуры [5, с. 15–16; 17, с. 68–69;].

Зарубінецкая культура. У апошняй чвэрці I тыс. да н. э. на тэрыторыі Палесся і часткі Верхняга Падняпроўя мілаградская культура была зменена зарубінецкай. А. А. Егарэйчанка падтрымлівае меркаванні даследчыкаў (Ю. У. Кухарэнкі, К. В. Каспаравай, Дз. А. Мачынскага і інш.), якія лічаць, што зарубінецкая культура не з'яўляецца пераемніцай мілаградскай, а паўстала як прышлая на аснове паморскай культуры, а менавіта яе заключнага этапу – культуры падклёшавых пахаванняў. У выніку асіміляцыі мілаградскай культуры носьбіты зарубінецкай культуры дасягнулі на поўначы мяжы, якая праходзіць у раёнах верхняга і сярэдняга поплаву левабярэжных прытокаў Прыпяці, уступіўшы ў прамы кантакт з плямёнамі КШК, якімі і былі спынены [17, с. 71–75].

Зарубінецкая культура на поўдні Беларусі ў Палессі праіснавала да сярэдзіны I ст. н. э. Канец класічнай зарубінецкай культуры тут, на думку А. А. Егарэйчанкі, звязаны з адтокам насельніцтва у паўднёвым, заходнім і паўночным накірунках. Першая хваля зарубінецкага насельніцтва прайшла Валынь і дасягнула Верхняга і Сярэдняга Падністроўя, дзе ў выніку змяшэння з плямёнамі пшэворскай і ліпіцкай культур сфарміравала зубрыцкую культуру. Другая хваля пайшла на захад на тэрыторыю Люблiншчыны, дзе склаліся помнікі чарнічанскай групы, адкуль у далейшы час адбываецца інфільтрацыя невялікай групы насельніцтва на Беласточчыну [36, с. 265–266; 37, с. 77–78].

Паўднёвы і заходні накірункі былі вырашальнымі і шматлікімі, але не адзінымі. Так, асобныя нешматлікія групы зарубінецкага насельніцтва Палесся мігруюць на поўнач ад Прыпяці, у Верхняе Панямонне, Перадпалессе і на Бярэзіну. На думку А. А. Егарэйчанкі, гэта фіксуецца нешматлікімі, але яскравымі знаходкамі (глянцаваны посуд, шкляныя пацеркі, наканечнік кап'я і інш.) у Перадпалессі і на Нёманска-Дняпроўскім водападзеле і датуецца часам не пазней фазы B1b (каля 40–80 гг. н. э.).

Так, у Верхнім Панямонні выяўлены зарубінецкія фібулы канца I ст. н. э. каля п. Красносельскі (Красносельскі–5 і ўр. Красносельскі–Піскаш). Падобная сітуацыя магла назірацца і на Сярэдняй Бярэзіне. Гэтая тэрыторыя ў I ст. н. э. належала носьбітам КПШК, але на некаторых гарадзішчах выяўлены рэчы зарубінецкага паходжання, сярод якіх трэба адзначыць зарубінецкія фібулы са Слабодкі і Бытчы. Фібула са Слабодкі адносіцца да IV варыянту

фазы B1a (каля 10–40 гг. н. э.). Засцёжка з Бытчы ўяўляе сабой пераходны варыянт паміж фібуламі IV і V варыянтаў. А. А. Егарэйчанка аднёс гэту фібулу да другой паловы І ст. н. э.

Слабы працэс інфільтрацыі носьбітаў зарубінецкай культуры мог адбывацца і па прытоках Бярэзіны, што пацвярджаецца знаходкамі дзвюх фібул на гарадзішчы Турэц. Першая фібула з кароткім шчытком і доўгім выступам знешне нагадвае фібулу з пахавання 20 Беляўскага могільніка. Другая фібула прадстаўлена толькі шчытком, які можна аднесці да шчыткоў зарубінецкіх фібул IV варыянту. Улічваючы ўмовы залягання гэтых знаходак, А. А. Егарэйчанка датаваў іх І ст. н. э. [5, с. 105–106; 7, с. 148–149; 36, с. 266; 37, с. 78–79].

Аб руху носьбітаў зарубінецкіх традыцый на поўнач таксама сведчаць даныя іншых даследчыкаў. А. І. Драбушэўскі, аналізуючы матэрыялы з гарадзішча Івань, па-іншаму праінтэрпрэтаваў частку знаходак. На яго думку, выяўленыя міскі рабрыстых форм, аналогіі якім вядомы сярод позназарубінецкіх і зубрыцкіх помнікаў, а таксама вочкавая фібула могуць і не адносіцца да КПШК, а сведчыць пра рух позназарубінецкага насельніцтва на поўнач на заключным этапе функцыянавання гарадзішча Івань ці пасля таго, як носьбіты КПШК пакінулі гэтае гарадзішча [23, с. 166]. На думку В. І. Шадыры, пранікненне зарубінецкага і постзарубінецкага насельніцтва ў арэал днепра-дзвінскай культуры Верхняга Падняпроўя характарызуецца развіццём новых формаў керамікі, з'яўленнем фібул паўднёвых тыпаў сярэднелатэнскай схемы (Дзявочая Гара, Кісялі, Клішына), усечана-біканічных праселак (Клішына, Вышадкі), удасканаленых тыпаў жалезных сярпоў з кручкамі і г. д. [38, с. 177; 39, с. 55–56].

А. А. Егарэйчанка адзначае, што на Верхнім Панямонні, Перадпалессі і на Бярэзіне зарубінецкія рысы працягваюць праяўляцца яшчэ на працягу другой паловы І – магчыма, пачатку ІІ ст. н. э., пасля чаго ў выніку асіміляцыі позназарубінецкага насельніцтва канчаткова згасаюць. А. А. Егарэйчанка раздзяляў думку аб запусценні заходняй і цэнтральнай часткі Беларускага Палесся на доўгі час (не менш за 100 год) пасля сыходу зарубінецкага насельніцтва. Далей у канцы ІІ ст. н. э. у заходняй частцы Палесся (парэчча Прыпяці да ўпадзення ў яе р. Гарынь) распаўсюджваюцца помнікі вельбарскай культуры, а ў Падняпроўі і на частцы усходняга Палесся да ніжняй Бярэзіны адбываецца фарміраванне і рассяленне носьбітаў кіеўскай культуры. Аднак гэтыя з'явы, фіксуемыя ў блізкі час (фазы B2/C1–C1a), напэўна, не закранулі асноўныя часткі Палесся. Паміж культурамі размяшчаецца зона, у якой не фіксуецца слядоў прысутнасці носьбітаў абедзвюх культур. На поўнач ад Прыпяці, па яе левым прытокам ляжала моцна залесеная і часткова забалочаная тэрыторыя, якая на працягу стагоддзя заставалася практычна не засвоенай [36, с. 265–266; 37, с. 79–80].

Трэба адзначыць, што ў выніку даследаванняў апошніх дзесяцігоддзяў на тэрыторыі Палесся вылучаны помнікі другой паловы I–II стст. н. э. постзарубінецкага гарызонту тыпу Курадава, а таксама другой паловы II – пачатка V ст. н. э. (Яскавічы), што абвяргае гіпотэзу аб запусценні гэтай тэрыторыі [40, с. 356; 41, с. 73].

Рэканструкцыя этнакультурных працэсаў на тэрыторыі Беларусі. Погляды А. А. Егарэйчанкі на працэсы, якія адбываліся на тэрыторыі Беларусі ў раннім жалезным веку можна ахарактарызаваць наступным чынам. У апошняй чвэрці II тыс. да н. э. на тэрыторыі паўночна-ўсходняй Літвы і прылягаючых да яе раёнаў паўднёва-ўсходняй Латвіі і паўночна-заходняй Беларусі фарміруецца КРШК, якая па свайму характару з’яўлялася культурай бронзавага веку. На працягу амаль усяго I тыс. да н. э. яе носьбіты не праяўляюць актыўную экспансію ў іншыя рэгіёны, з большага захоўваючы першапачатковыя межы. Суседзямі КРШК на тэрыторыі Беларусі з’яўлялася ДДК, матэрыяльная культура якой шмат у чым падобная на іх, і мілаградская культура, носьбіты якой авалодалі тэхналогіямі апрацоўкі жалеза.

Тэрыторыя мілаградскай культуры на тэрыторыі Беларусі была шырэй і акрамя Палесся і Верхняга Падняпроўя займала басейн Бярэзіны, дзе пад уплывам КРШК склаўся яе своеасаблівы варыянт. Доўгі час паміж культурамі існавала зона адасаблення, дзе невядомы помнікі абедзвюх культур. Але прыкладна ў другой палове III – II ст. да н. э. пэўная частка «мілаградцаў», адыходзячы пад націскам зарубінецкіх плямёнаў, займаюць паласу адасаблення. У выніку ўзаемаасіміліцыйных працэсаў тут складваецца спецыфічная матэрыяльная культура, якая сумяшчае ў сябе рысы КРШК і мілаградскай культуры (Лабеншчына, Кімія, Лысуха, Навасёлкі і інш.). На астатняй тэрыторыі мілаградцы былі асіміляваны зарубінецкім насельніцтвам.

У апошніх стагоддзях да н. э. у КРШК адбываюцца істотныя перамены рэвалюцыйнага характару, звязаныя з распаўсюджваннем жалеза, новых керамічных форм і інш. У выніку КРШК набывае новы выгляд і ў сярэдзіне I ст. да н. э. змяняецца настолькі, што варта ўжо казаць пра новае культурнае ўтварэнне, а менавіта КПШК. Новая культура праяўляе значна большыя экспансіўныя памкненні і на працягу I ст. да н. э. – I ст. н. э. актыўна рухаецца ў паўднёвым і паўднёва-ўсходнім накірунку, займаючы тэрыторыі Нёманска-Дняпроўскага водападзелу, сярэднюю і ніжнюю Бярэзіну. Акрамя гэтага, частка носьбітаў КПШК пранікае і ў арэал ДДК. Распаўсюджванне КПШК на поўдзень прывяло да фарміравання шырокай паласы кантакту з зарубінецкай культурай, праз якую у КПШК траплялі як уласна зарубінецкія рэчы, так і імпарты больш далёкіх культур.

У выніку крызісу зарубінецкай культуры ў сярэдзіне I ст. н. э., яе носьбіты актыўна мігруюць ў розных накірунках. Носьбіты тыпу Кісцяні–Чачэрск верхнедняпроўскага варыянту зарубінецкай культуры ўтвараюць познеза-

рубінецкія помнікі тыпу Грыні–Ваўкі ў Сярэднім Падняпроўі. А носьбіты палескага варыянту зарубінецкай культуры, разыходзячыся ў паўднёвым і заходнім накірунках, утвараюць зубрыцкую культуру і помнікі чарнічанскай групы на Валыні і Люблiншчыне. Больш малалікія прадстаўнікі палескага варыянту зарубінецкай культуры прасочваюцца на поўнач у арэал КПШК.

Найбольш верагодная прычына, чаму ў сярэдзіне I ст. н. э. апусцела Палессе, а затым знікае большасць гарадзішчаў КПШК на тэрыторыі Беларусі ў канцы I–III ст. н. э., звязана з кліматычнымі пераменамі, якія адбыліся ў гэты час. Астаткавае насельніцтва сутыкнулася з прышлай банцараўскай культурай і было ёй асімілявана. Падобная сітуацыя адбываецца з носьбітамі КПШК на тэрыторыі Літвы, дзе большасць гарадзішчаў перастаюць функцыянаваць ў II–IV стст. н. э., што звязана з прыходам носьбітаў заходнебалтыйскай культуры, якія былі пацiснуты сюды вельбарскімі плямёнамі.

Такім чынам, КРШК паўстала ў апошняй чвэрці II тыс. да н. э. на адносна вузкай тэрыторыі і доўгі час існавала без істотных пераменаў, і па свайму характару належыла да культур эпохі бронзы. Толькі да канца I тыс. да н. э. у матэрыяльнай культуры заўважны перамены рэвалюцыйнага характару, што дазволіла аднесці ўжо КПШК да культур жалезнага веку. КПШК хутка пашырае свой арэал у паўднёвым і паўднёва-ўсходнім накірунку, набываючы свайго росквіту ў I ст. н. э. І таксама хутка «зварачваецца» назад у накірунку першапачатковага арэалу КРШК. Носьбіты КПШК, не пакінуўшы пасля сябе наступнай культуры, былі асіміляваны на захадзе заходнебалтыйскай культурай, а на ўсходзе – банцараўскай культурай.

Высновы. А. А. Егарэйчанка – адзін з найбуйнейшых даследчыкаў позняга бронзавага, жалезнага вякоў і ранняга сярэднявечча. Галоўная яго дзейнасць была звязана з вывучэннем культур штрыхаванай керамікі. Аналізуючы ранні і позні этап якой, даследчык прыйшоў да высновы, што яны з'яўляюцца самастойнымі з'явамі ў археалогіі і, суадносна, культурамі. КРШК па свайму характару адносіцца да эпохі бронзы, а КПШК – развітога жалезнага веку. Акрамя гэтага, А. А. Егарэйчанка звяртаў шмат увагі на працэсы, якія адбываліся на сумежных тэрыторыях, у ДДК, мілаградскай і зарубінецкай культурах. Увага даследчыка таксама была скіравана на помнікі басейна Бярэзіны, Перадпалесся, Нёманска-Дняпроўскага водападзелу, дзе вылучаны асаблівы варыянт мілаградскай культуры, а таксама ў больш позні час заўважаны рысы, якія характарызуюць рух зарубінецкага насельніцтва Палесся у паўночным накірунку.

Акрамя падзелу КШК на культуру бронзавага веку і культуру жалезнага веку, А. А. Егарэйчанка прапанаваў такі ж падзел для ДДК, дзякоўскай і іншых культур лясной зоны Усходняй Еўропы [42, с. 395–397; 43, с. 76–78]. Сярод важных адкрыццяў, зробленых даследчыкам, можна адзначыць выяўленне пахаванняў КРШК на гарадзішчы Рацюнкі, а таксама свяцілішча ДДК

на гарадзішчы Карабанавічы [14; 44]. Магчыма, яшчэ адным свяцілішчам з'яўляецца аб'ект з гарадзішча Тарылава (Укля). Там была выяўлена пляма загартаванай гліны авальнай формы памерам 0,8×1 м. Яна была арыентавана па лініі поўнач–поўдзень. З трох бакоў гэтая пляма была абнесена лініяй кол-цавых ям дыяметрам 0,08–0,14 м і глыбінёй 0,1–0,15 м [45, с. 37].

Навуковая спадчына А. А. Егарэйчанкі складаецца з сотні артыкулаў, дзвюх манаграфій і закранае амаль усю тэрыторыю Беларусі. Трэба адзначыць, што ў артыкуле дадзена спроба разгледзець найбольш значныя ідэі даследчыка, у якіх прадстаўлены асноўныя погляды і думкі наконт жалезнага веку Беларусі, якія выклікалі як падтрымку, так і шматлікія дыскусіі сярод яго калег.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. *Вайтовіч А. У., Курловіч П. С.* Аляксандр Андрэевіч Егарэйчанка // Часопіс Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Гісторыя. 2022. № 1. С. 85–86.

2. *Мядзведзева В. У.* Археалогія Беларусі: архіўныя навуковыя матэрыялы (1936–2009). У3 ч. Ч. II. Жалезны век і ранняе сярэднявечча. Мінск: Беларус. навука, 2011. 169 с.

3. *Егорейченко А. А.* Культура или культуры штрихованной керамики? // Гістарычная навука у Белдзяржуніверсітэце на рубяжы тысячагоддзяў. Мінск, 2000. С. 168–171.

4. *Егорейченко А. А.* Об ареале культуры поздней штрихованной керамики // Восточная Европа в средневековье: К 80–летию Валентина Васильевича Седова. Москва, 2004. С. 70–76.

5. *Егорейченко А. А.* Культуры штрихованной керамики. Минск: БГУ, 2006. 207 с.

6. *Медведев А. М.* Верхнее Понеманье в железном веке и раннем средневековье. Минск: Беларус. навука, 2011. 350 с.

7. *Егорейченко А. А.* Памятники культур штрихованной керамики на северо-западе и в Центральной Беларуси // Славяне на территории Беларуси в догосударственный период: к 90–летию со дня рождения Леонида Давыдовича Поболя. В 2 кн. Кн. 1. Минск, 2016. С. 99–160.

8. *Егорейченко А. А.* Культура ранней штрихованной керамики: характеристика и ареал // Выбраныя навуковыя працы Беларускага дзяржаўнага універсітэта: У 7 т. Т. 2. Гісторыя. Філалогія. Журналістыка. Мінск, 2001. Т. 2. С. 36–41.

9. *Егарэйчанка А. А.* Культура ранняй штрыхаванай керамікі: асноўныя прыкметы і арэал // Весці НАН Беларусі. Сер. грамад. навук. 2002. № 1. С. 67–70.

10. *Егорейченко А. А.* Днепро–двинская культура в Браславском Поозерье // ГАЗ. 2002. № 17. С. 19–22.

11. *Харитонович З. А.* К вопросу о культурной принадлежности городищ северо-запада Беларуси // МАБ. 2008. Вып. 15. С. 173–179.

12. *Медведев А. М.* К вопросу о западной границе днепро-двинской культуры Беларуси // МАБ. 2020. Вып 31. С. 76–81.

13. *Шадыро В. И.* Белорусско–литовско–латышское порубежье в эпоху железа и раннего средневековья // Iš baltų kultūros istorijos. Vilnius, 2000. С. 189–204.

14. *Егорейченко А. А.* К вопросу о погребальном обряде у племен культур штрихованной керамики // Археология и история Пскова и Псковской земли. Семинар им. академика В. В. Седова. Материалы 55-го заседания, посв. юбилею профессора И. К. Лабутиной. Псков, 2010. С. 132–136.

15. *Белевец В. Г.* О находках глазчатых фибул III группы О. Альмгрена на территории Республики Беларусь // Stratum plus. 2014. № 4. С. 159–177.

16. *Егорейченко А. А.* Поздний этап культуры штрихованной керамики // Труды VI МКСА. Москва, 1997. Т. 3. Этногенез и культурные контакты славян. С. 73–76.

17. *Егорейченко А. А.* Древнейшие городища Белорусского Полесья (VII–VI вв. до н. э. – II в. н. э.). Минск: б. и., 1996. 149 с.

18. *Егарэйчанка А. А.* Культура штрыхаванай керамікі // Археалогія Беларусі: У 4 т. Т. 2. Жалезны век і ранняе сярэднявечча. Мінск, 1999. С. 113–173.

19. *Щукин М. Б.* На рубеже эр. Санкт–Петербург: Фарн, 1994. 324 с.

20. *Егорейченко А. А.* Торговые связи носителей белорусского ареала культуры штрихованной керамики на позднем этапе // Древнее производство, ремесло и торговля по археологическим данным. Москва, 1988. С. 109–111.

21. *Егорейченко А. А.* Центральная и Северная Беларусь в первой половине I тыс. н. э. // Славяне и их соседи. Вып. 8. Москва, 1998. С. 36–45.

22. *Егорейченко А. А.* Хронология культуры штрихованной керамики // Насельніцтва Беларусі і сумежных тэрыторый у эпоху жалеза. Тэзісы дакладаў канферэнцыі, прысвечанай 80–годдзю з дня нараджэння А. Р. Мітрафанава. Мінск, 1992. С. 47–50.

23. *Дробушевский А. И.* Городища периода римских влияний на территории Республики Беларусь // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Тула, 2015. Ч. 1. С. 163–177.

24. *Мачинский Д. А.* О прародине славян в I–V вв. и об этносоциуме русь/rōs в IX в. (чрезвычайно развёрнутый комментарий к некоторым сообщениям «Баварского географа») // Истоки славянства и Руси: сборник статей по материалам X чтений памяти Анны Мачинской (Старая Ладога, 24–25 декабря 2005 г.). Санкт–Петербург, 2012. С. 25–127, 134–165.

25. *Егорейченко А. А.* Племена культуры штрихованной керамики и славянский мир (к вопросу об этнической атрибутации носителей культуры) // Труды V МКАС. Киев, 1988. Т. 4. С. 61–66.

26. *Митрофанов А. Г.* Железный век средней Беларуси (VII–VI вв. до н. э. – VIII в. н. э.). Минск: Наука и техника, 1978. 160 с.

27. *Егорейченко А. А.* К истории Южной и Средней Белоруссии в раннем железном веке // Актуальные проблемы археологических исследований в Украинской ССР. Киев, 1981. С. 53–54.

28. *Егорейченко А. А.* К истории населения Белоруссии в раннем железном веке // СА. 1982. № 1. С. 54–61.

29. *Лашанкоў М. І.* Аб часе з’яўлення «штрыхавікоў» у паўднёва-ўсходняй Беларусі // Труды VI МКСА. Москва, 1997. Т. 3. Этногенез и культурные контакты славян. С. 147–155.

30. *Сахончык А. Д.* Даследаванне курганнага могільніка мілаградскай культуры каля вёскі Дубай Пінскага раёна Брэскай вобласці ў 1989 годзе: сістэматызацыя і аналіз крыніц // МАБ. 2023. Вып. 33. С. 58–65.

31. *Поболь Л. Д.* Археологические памятники Беларуси: Железный век. Минск: Наука и техника, 1983. 456 с.

32. *Егарэйчанка А. А.* Мілаградская культура: праблемы храналогіі // Весці БДПУ. Серыя 2. Гісторыя. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Культуралогія. 2011. № 4. С. 6–8.

33. *Воротинская Л. С. Дробушевский А. И.* Круглодонные миски и соотношение зарубинецкой и милоградской культур Верхнего Поднепровья // От ранних славян до Руси. Тезисы докладов научной конференции к 100-летию со дня рождения Валентина Васильевича Седова. Москва, 2024. С. 8–12.

34. *Ильютик А. В.* О датировке и культурной принадлежности ранних городищ железного века в бассейне Березины // ГАЗ. 2002. № 17. С. 35–41.

35. *Рассадин С. Е.* Среднебелорусский вариант милоградской культуры или памятники типа нижнижних слоёв Лабенщины? // Археология и история Пскова и Псковской земли. Тезисы докладов науч.-практ. конф. Псков, 1990. С. 68–70.

36. *Егарэйчанка А. А.* Зарубінецкая культура // Археалогія Беларусі: У 4 т. Т. 2. Жалезны век і ранняе сярэднявечча. Мінск, 1999. С. 232–289.

37. *Егорейченко А. А.* Белорусское Полесье в первой половине I тыс. н. э. // Славянский мир Полесья в древности и средневековье. Материалы междунар. науч. конф. 19–20 окт. 2004 г. Гомель, 2004. С. 76–81.

38. *Шадыра В. І.* Днепра-дзвінская культура // Археалогія Беларусі: У 4 т. Т. 2. Жалезны век і ранняе сярэднявечча. Мінск, 1999. С. 174–231.

39. *Шадыра В. І.* Асаблівасці этнакультурных працэсаў на поўначы Беларусі ў эпоху жалеза (да пытання аб новай тэрміналагічнай схеме днепра-дзвінскай культуры // Экспедыцыя працягласцю ў жыццё. Зб. навук. арт. памяці Аляксандра Плавінскага. Мінск, 2021. С. 53–59.

40. *Белявец В. Г.* Стан і актуальныя праблемы вывучэння помнікаў постзарубінецкага гарызонту ў Беларускім Палессі // Славяне на территории Беларуси в догосударственный период: к 90-летию со дня рождения Леонида Давыдовича Поболя. В 2 кн. Кн. 1. Минск, 2016. С. 334–383.

41. *Белевец В. Г.* Раскопки 2019 г. на селище римского времени и эпохи Великого переселения народов Ясковичи–I в Припятском Полесье // КСИА. 2021. Вып. 262. С. 58–78.

42. *Егорейченко А. А.* Поздний бронзовый век лесной полосы Восточной Европы // Труды II (XVIII) Всероссийского Археологического съезда. Москва, 2008. Т. 1. С. 395–398.

43. *Егорейченко А. А.* О времени перехода от эпохи бронзы к железному веку в лесной полосе Восточной Европы // Переход от эпохи бронзы к эпохе железа в Северной Евразии: материалы Круглого стола. Санкт–Петербург, 2011. С. 76–79.

44. *Егорейченко А. А.* Карабановичское святилище // Древняя история Восточной Европы. Минск, 2009. С. 49–54.

45. *Егорейченко А. А.* Древнейшие городища Браславского Поозерья // МАБ. 2020. Вып. 31. С. 36–47.

ВКЛАД В. Р. ТАРАСЕНКО В АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ СМОЛЕНЩИНЫ 1920-х гг.

В. В. Бегунова

*Смоленский государственный музей-заповедник, ул. Коммунистическая, 4,
214000, г. Смоленск, Российская Федерация, v.begunova@yandex.ru*

В публикации рассматривается смоленский период деятельности археолога В. Р. Тарасенко. На протяжении 20-х гг. XX в. он проводил полевые исследования на Смоленской земле и открыл ряд археологических памятников, принимал участие в их регистрации. Он обследовал древности бассейна Днепра в центральных и отдалённых северо-восточных районах области. Всего им было выявлено и осмотрено более 100 памятников археологии эпохи неолита, железного века и Средневековья. Для подготовки статьи помимо опубликованных материалов автором использовались обнаруженные архивные документы.

Ключевые слова: Смоленщина; 1920-е гг.; В. Р. Тарасенко; памятники археологии.

УКЛАД В. Р. ТАРАСЕНКА Ў АРХЕАЛАГІЧНАЕ ВЫВУЧЭННЕ СМАЛЕНШЧЫНЫ 1920-х гг.

В. В. Бягунова

*Смаленскі дзяржаўны музей-запаведнік, вул. Камуністычная, 4,
214000, г. Смаленск, Расійская Федэрацыя, v.begunova@yandex.ru*

У публікацыі разглядаецца смаленскі перыяд дзейнасці археолага В. Р. Тарасенка. На працягу 20-х гг. XX ст. ён праводзіў палявыя даследаванні на Смаленскай зямлі і адкрыў шэраг археалагічных помнікаў, браў удзел у іх рэгістрацыі. Ён абследаваў старажытнасці басейна Дняпра ў цэнтральных і аддаленых паўночна-ўсходніх раёнах вобласці. Усяго ім было выяўлена і агледжана больш за 100 помнікаў археалогіі эпохі неаліту, жалезнага веку і Сярэднявечча. Для падрыхтоўкі артыкула апроч апублікаваных матэрыялаў аўтарам выкарыстоўваліся выяўленыя архіўныя дакументы.

Ключавыя словы: Смаленшчына; 1920-я гг. ; В. Р. Тарасенка; помнікі археалогіі.

V. R. TARASENKO'S CONTRIBUTION TO THE ARCHAEOLOGICAL STUDY OF SMOLENSK REGION IN 1920s

V. V. Begunova

*Smolensk State Museum, 4, Communist Street,
214000, Smolensk, Russian Federation, v.begunova@yandex.ru*

The article deals with the Smolensk period the activity of the archaeologist V. R. Tarasenko. He conducted field research on the Smolensk land and discovered a number of archaeological sites, took part in their registration during the 1920s. He explored

antiquities of the Dnieper in the central and remote northeastern districts of the region. In total, he identified and inspected more than 100 monuments of archaeology of the Neolithic, Iron Age and Middle Ages. The author used published and discovered archival materials.

Keywords: Smolensk region; 1920s; V. R. Tarasenko; monuments of archaeology.

В 20-е гг. XX в. на Смоленщине в области археологии наметилось значительное оживление, которое было связано с появлением неутомимых местных исследователей-новаторов. Среди начинающих археологов наиболее знаковой фигурой в этой области был Василий Родионович Тарасенко (1899–1972). Начальный период его научной биографии был связан именно со Смоленской землёй. В. Р. Тарасенко родился на территории нынешней Польши, а затем перебрался в Смоленск. Здесь в 1918 г. он окончил полный курс общественной мужской гимназии. После этого, судя по всему, он поступил в Смоленское отделение Московского археологического института. Трудности военного времени, видимо, прервали обучение, и продолжить его Василий Родионович смог только после окончания Гражданской войны. 21 октября 1921 г. В. Р. Тарасенко обратился в Смоленское отделение Московского археологического института с просьбой *«продолжить числить»* его студентом. В 1922 г. он закончил обучение на факультете археологии с отличными оценками по всем предметам [1, л. 41]. С этого времени молодой археолог начал активно заниматься научной работой. Он принял участие в исследованиях памятников Гнёздовского археологического комплекса под руководством Е. Н. Клетновой и А. Н. Лявданского [2, с. 54–56; 3, с. 60–61]. После окончания института В. Р. Тарасенко вступил в смоленское археологическое общество (впоследствии «Общество древностей при Смоленском государственном университете»). 19 июня 1922 г. он впервые принял участие в заседании общества, посвященном исследованиям памятников в Гнёздово [4, с. 40].

В 1923 г. В. Р. Тарасенко опубликовал статью «Археология, её значение и ценность как науки». Он предполагал, что в области археологии открываются огромные перспективы. Для их реализации требуются только *«терпеливые и горячо преданные своему делу работники, а также внимательное и бережное отношение к памятникам старины со стороны широких народных масс»*. В. Р. Тарасенко сетовал на то, что археология не завоевала популярность и не считалась значимой наукой. По его словам, даже некоторые образованные и интеллигентные лица называли археологию пустым делом, *«никому не нужным раскапыванием и перебиранием старого хлама»* [5, с. 17, 20].

В 1923 г. В. Р. Тарасенко совместно с А. Н. Лявданским обследовал городища Смоленского района – Полежанковское (в бассейне р. Полежанка), Церковище (в бассейне р. Наготь), принимал участие в исследованиях памятника на Лестровке в Смоленске, участвовал в раскопках у д. Полежанки

(Новосёлки). В 1926 г. он помогал в раскопках курганов в пос. Вязовенька [6, с. 220, 225, 232; 7, с. 211; 8, с. 297]. Кроме того, археолог обратился в Губмузей с просьбой предоставить ему удостоверение «на право производства регистрации. Предварительных обследований, измерений и пр. городищ, курганов и других памятников древности, а также для записи сведений о таковых от населения», которое в скором времени ему было выдано [9, л. 9, 11].

В 1924 г. Василия Родионовича избрали секретарем временного правления археологического общества. Кроме того, он решил продолжить обучение в Смоленском государственном университете. Общественную деятельность и учёбу приходилось совмещать со службой в Губернском архивном бюро. Несмотря на огромную занятость, В. Р. Тарасенко начал самостоятельные полевые изыскания. Летом 1925 г. он совершил несколько поездок с целью осмотра археологических памятников, главным образом, интересующих его городищ. Археологические разведки производились по частной инициативе, без открытого листа. Смоленский музей выдал удостоверение лишь на право поверхностного обследования памятников. В. Р. Тарасенко выявил поселения у д. Залесово и д. Любково в бассейне р. Хмость (Кардымовский район Смоленской области). Для нахождения культурного слоя закладывались небольшие пробные ямы, которые сразу же закапывались [10, л. 4].

Не собираясь останавливаться на достигнутом, В. Р. Тарасенко отправил заявление в Российскую Академию истории материальной культуры (далее – РАИМК), в котором просил выдать открытый лист на обследование археологических памятников. Он надеялся получить разрешение на производство хотя бы частичных раскопок. К заявке было приложено письмо А. Н. Лявданского, адресованное А. А. Спицыну, с характеристикой исследователя и целями его работ: *«Тарасенко В. Р. – молодой человек, студент – принимал участие в археологических разведках и раскопках со мною. В этом году он думает поработать без меня, но будет совершать поездки к тем арх. памятникам и в те места, которые обозначены в моём карточном каталоге… Тарасенко, к сожалению, как дитя города, не в состоянии преодолевать большие переходы и переносить все невзгоды. Поэтому большого материала он не сможет представить, тем более, что он обременен ещё и службой. Открытый лист на арх. разведки ему безусловно полезно выдать. Работать он сможет главным образом в Смоленском у. и изредка в смежных уездах: Ярцевском (быв. Духовшинском), Ельнинском и Демидовском (быв. Поречском). Если будут средства, он сможет побывать и в других уездах…»* [10, л. 7–7об.]. В. Р. Тарасенко было выдано разрешение на раскопки.

Полевая работа была необходима для сбора материалов о памятниках и для составления археологической карты Смоленской губернии. Полученные сведения на первых порах использовались и публиковались А. Н. Лявданским [7, с. 290–292]. Из числа впервые обследованных городищ в Смолен-

ском районе следует отметить: Бишкаревское, второе Рачевское (городище «Круглый стол» уже было известно), Вязовенька, Новый двор, Соболи и ряд других. Первоначально были осмотрены на наличие памятников Смоленский, Кардымовский и Краснинский районы Смоленского уезда [10, л. 47–51; 11, л. 11–12; 12, с. 289]. В результате дальнейших разведок были вновь осмотрены памятники, уже известные в Смоленском уезде, а также открыты и изучены новые, в том числе расположенные у деревень Городище и Городец (совр. Краснинский район) и у деревни Городище Вяземского уезда (Сафоновский район) [13, л. 5–29].

Многие из этих исследований производились совместно с Г. В. Парфеновым [14, с. 66–68]. В 1925 г. он основал музей на Рачевке в восточной части города Смоленска. В связи с этим в изучении городищ и стоянок принимали активное участие и ребята из кружка при Рачевском музее. Смоленское общество краеведов (образовано в 1926 г.) выделило для работы в музее на Рачевке несколько своих сотрудников, среди которых упоминался и В. Р. Тарасенко (рис.). Все артефакты, найденные им на Рачевском, Бишкаревском городищах, Волхово-Доброе, Зверовичи, Городок и Городец в Катынской и

Сотрудники Рачевского музея в Смоленске.

Слева направо: верхний ряд – М. И. Погодин, В. И. Грачёв, В. Р. Тарасенко, А. Ф. Палашенков, неизвестный, Г. В. Парфёнов, В. В. Дмитриев, средний ряд – Меландер, его жена, П. К. Козлов, жена И. М. Хозерова, племянник М. И. Глинки, И. М. Хозеров, Г. М. Крыжановский. 1929 г.

Фотофонд СМЗ КП 23991/1

Хохловской волостях Смоленского уезда, а также двух неолитических стоянок у деревень Верхние и Нижние Немыкари, значительно пополнили археологическую коллекцию Рачевского музея [15, л. 126; 16, с. 53].

Также велись исследования в рамках палеоэтнографической экспедиции, организованной для собирания сведений о быте и жизни населения. Экспедиция проводилась совместно с сотрудниками Дорогобужского историко-художественного музея археологами Н. И. Савиным, С. Е. Капутовским. Предполагалось обследовать волок Днепр–Осьма–Угра–Ока. Первоначальной задачей исследований было выявление древнего торгового пути на восток в область среднего течения Волги – территории расселения волжских булгар [17, л. 31, 45]. Видимо, в связи с этим В. Р. Тарасенко осмотрел некоторые археологические памятники современных Тёмкинского и Угранского районов. Как правило, он производил зарисовку планов городищ, а также собирал обнаруженные на поверхности памятника находки, чаще всего керамику. На некоторых городищах Василий Родионович заложил шурфы (не больше двух на памятнике). Развертыванию более масштабных раскопок препятствовали серьезные ограничения в денежных средствах. Вероятно, именно по этой причине от РАИМК, следившей за качеством археологических работ, вскоре поступила просьба не закладывать шурфов на цельных, хорошо сохранившихся городищах.

В 1928 г. В. Р. Тарасенко пытался устроиться на работу в Ельнинский уездный музей. Заведующий историко-археологическим отделом Смоленского музея А. Ф. Палашенков выдал справку с описанием археологической деятельности исследователя. Аналогичный документ был запрошен у временно исполняющего обязанности директора Смоленского государственного музея Меландера, который направил письмо в Смоленский областной отдел народного образования. В характеристике отмечалось, что В. Р. Тарасенко участвовал в полевой исследовательской работе с 1922 г., собрал материал более чем с двадцати городищ, двух стоянок каменного века, из нескольких курганов, и все коллекции передавал в музей. Кроме того, в характеристике говорилось об участии Василия Родионовича в составлении карточного каталога археологических памятников для Смоленского государственного областного музея и собирании материалов для археологической карты Смоленской губернии. В связи с этим руководство музея рекомендовало В. Р. Тарасенко на должность заведующего Ельнинским музеем [18, л. 144, 148, 150, 178, 181]. Удалось ли ему получить эту должность, осталось невыясненным.

Летом 1929 г. представители Смоленского общества краеведов организовали три краеведческие экспедиции, одна из которых работала в Ельнинском уезде (современный Глинковский район Смоленской области). В общей сложности экспедиции продолжались полтора месяца. Одна из задач исследований предполагала осмотр известных археологических памятников.

Наиболее крупный поход был организован в верховья Днепра. В состав команды вошёл Г. В. Парфёнов, а также кандидаты в действительные члены общества краеведов – В. Годовкин и Н. Моисеев. Экспедиция проследовала по маршруту от г. Дорогобуж и открытой В. Р. Тарасенко стоянки Верхние Немыкари до Вязьмы и Сычёвки в верхнем течении Днепра. Исследователи впервые обследовали отдалённую северо-восточную часть Смоленской области, преодолев довольно большое расстояние. Часть пути до Дорогобужа они прошли пешком, часть – преодолевали на приобретённой лодке [19, с. 34–44; 20, с. 42–52; 21, с. 3–60]. В результате полевых работ здесь были выявлены новые стоянки эпохи неолита [22, с. 516–518].

В 1930 г. В. Р. Тарасенко подготовил к печати публикации «Археолёгічныя досьледы гарадзішч на Смаленшчыне ў 1926–1928 гг. » [23, 24] и небольшую заметку «Археолёгічныя абсьледваньні на Смаленшчыне ў 1929 г.» [22]. В этих статьях содержатся некоторые выводы о характере и культурной принадлежности памятников. За довольно непродолжительное время работы на Смоленщине В. Р. Тарасенко удалось обследовать более пятидесяти городищ. Вслед за А. Н. Лявданским, он отметил наличие на многих памятниках Смоленщины разновременных культур. Одна из них принадлежала славянам, изготавливавшим керамику на гончарном круге. Ученый подчеркнул, что вопрос о том, к какому этносу относились *«древнейшие насельники»* Смоленщины (представители *«дославянской»* культуры), оставившие *«лепленую от руки»* посуду в нижних культурных пластах городищ, ещё предстояло решить. В. Р. Тарасенко разработал свою классификацию памятников, во многом схожую со схемой, предложенной ранее А. Н. Лявданским. В зависимости от внешнего вида он разделил укрепленные поселения на три вида: а) треугольные; б) яйцевидной или овальной формы, у которых *«края площадки значительно возвышаются над местностью»* и была мощная система валов; в) круглой формы и небольших размеров, окруженные болотами, чаще всего без вещей [23, с. 142–144; 24, с. 142–144].

В 1929 г. музейным работникам пришлось пройти ряд «чисток», в ходе которых они проверялись специальной комиссией на соответствие занимаемой ими должности [25, л. 34]. В это тяжёлое время В. Р. Тарасенко принимает решение переехать в Белорусскую ССР.

После переезда из Смоленска В. Р. Тарасенко начал работать в научных учреждениях Могилёва. Во время Второй мировой войны Василий Родионович был мобилизован, получил тяжёлое ранение [26, с. 97–98, 102]. После возвращения с фронта он работал в Институте истории Академии наук БССР и читал лекции в высших учебных заведениях в Минске. Ученый проводил исследования белорусских памятников, а в скором времени защитил диссертацию на тему «К истории Верхнего Поднепровья и Белоруссии в I тыс. н. э.» и возглавил академический сектор археологии [27, с. 82–84, 86–87]. В. Р. Та-

расенко поддерживал дружеские отношения и делился идеями и научными результатами с некоторыми коллегами, с которыми работал в 1920-гг. в Смоленском крае. Так, например, сохранилась его переписка с Г. В. Парфеновым, перебравшимся в Узбекистан [28, л. 4–5об.]. Несмотря на непродолжительное пребывание Василия Родионовича Тарасенко на Смоленщине, ему принадлежит не последнее место в изучении древних смоленских памятников.

Библиографические ссылки

1. Аттестаты, заявления, свидетельства и экзаменационные листы студентов, буквы «Н»-«Ю» // Государственный архив Смоленской области (ГАСО). Ф. 91. Оп. 1. Д. 45.

2. *Клетнова Е. Н.* Раскопки в Гнёздове // Смоленская новь. 1923. №3–4. С. 54–56.

3. *Лявданский А. Н.* О раскопках в Гнёздове // Смоленская новь. 1923. №3–4. С. 60–61.

4. Протоколы заседаний археологического бюро // ГАСО. Ф. Р-455. Д. 35а.

5. *Тарасенко В. Р.* Археология, её значение и ценность как науки // Эхо связи. 1923. С. 17–20.

6. *Лявданский А. Н.* Материалы для археологической карты Смоленской губернии // Смоленские древности. Вып. 2. Городища Смоленской земли. Смоленск, 2002. С. 185–256.

7. *Лявданский А. Н.* Некоторые данные о городищах Смоленской губернии // Научные известия СГУ. 1926. Т. III. Вып. 3. С. 179–296.

8. *Ляўданскі А. Н.* Археолегичныя досъледы у вадазборах рр. Сожа, Дняпра, Каспли у Смаленскай губэрнии // Адбітак з тому II “Прац Археолёгічнай Камісіі» БАН. 1930. С. 269–338.

9. Переписка о памятниках первобытной культуры// ГАСО. Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 3558.

10. Отчёт о разведках В. Р. Тарасенко (о разведках городищ в 1926–1927 гг.) // Рукописный отдел Научного архива ИИМК (РО НА ИИМК). Ф. 2. Оп. 1. Д. 118.

11. Отчёт о разведках В. Р. Тарасенко (о разведках городищ в 1926–1927 гг.) // РО НА ИИМК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 206.

12. *Ляуданскі А. Н.* Археолегичныя досъледы у Смаленскай губерніі за 1918–1928 рр. // Працы Катэдры археолёгіі. Т. 1 (Запіскі аддзелу гуманітарных навук. Кн. 5). Менск, 1928. С. 285–290.

13. Отчёт за 1928 г. В. Р. Тарасенко об обследовании городищ Смоленской губернии // РО НА ИИМК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 161.

14. *Иванов М. В.* Коллекционеры и музейные деятели Смоленского края (XIX – первая треть XX в.): биобиблиограф. сл. Смоленск: ОГОУ ВПО «Смоленский государственный институт искусств». 2011. 120 с.

15. Документы о работе музеев Смоленской губернии и Западной области за 1928–1929 гг. // ГАСО. Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 4750.

16. *Парфёнов Г.* История Рачевского музея // Край Смоленский. 2016. №1. С. 50–53.

17. Планы и отчёты музея и экспедиций (1928–1929 гг.) // ГАСО. Ф. Р-455. Оп. 4. Д. 2.

18. Документы по деятельности Смоленского гос. музея за 1927–1928 гг. // ГАСО. Ф. Р-455. Оп. 1. Д. 53.

19. Дневники краеведческой экспедиции в верховья Днепра 1929 года // Край Смоленский. 2016. № 4. С. 34–44.

20. Дневники краеведческой экспедиции в верховья Днепра 1929 года // Край Смоленский. 2016. № 10. С. 42–52.

21. Дневники краеведческой экспедиции в верховья Днепра 1929 года // Край Смоленский. 2016. № 11. С. 3–60.

22. *Тарасенка В. Р.* Археолегічныя абсъледованы на Смаленшчыне у 1929 р. // Працы Археалагічнай камісіі. Т. 2 (Запіскі Аддзела гуманітарных навук. Кн. 11). Менск, 1930. С. 516–518.

23. *Тарасенка В. Р.* Археолёгічныя досьледы гарадзішч на Смаленшчыне у 1926–1928 рр. // Адбітак з тому II “Прац” Катэдры археолёгіі БАН. 1929. С. 121–144.

24. *Тарасенка В. Р.* Археолёгічныя досьледы гарадзішч на Смаленшчыне ў 1926–1928 гг. // Працы Археалагічнай камісіі. Т. 2 (Запіскі Аддзела гуманітарных навук. Кн. 11). Менск, 1930. С. 121–144.

25. Документы о чистке советского аппарата Смоленского губернского музея и археологического бюро (1928–1930 гг.) // ГАСО. Ф. Р-19. Оп. 1. Ч. 2. Д. 4749.

26. *Чубур А. А.* Очарованный древностью. Константин Михайлович Поликарпович: жизнь, открытия, ученики. Брянск: «Карат», 2006. 288 с.

27. *Вайтович А. В.* «Советские учёные были на своём посту»: изучение и преподавание археологии и истории первобытного общества в БГУ в военные и первые послевоенные годы // Журнал Белорусского государственного университета. История. 2021. № 4. С. 80–90.

28. Письма к Г. В. Парфёнову // ГАСО. Ф. Р-916. Оп. 1. Д. 24.

ПОСЕЛЕНИЯ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА В ВИТЕБСКОМ ПОДВИНЬЕ В СВЕТЕ НОВЫХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ДАННЫХ

Т. С. Бубенько

Витебский государственный университет им. П. М. Машерова, Московский пр., 33, 210038, г. Витебск, Республика Беларусь, tanya.bubenko@mail.ru

Территория Витебского Подвинья в силу географического положения является контактной зоной крупнейших племенных группировок раннего железного века. Фиксируемое в регионе многообразие культурных традиций является не только результатом естественного поступательного развития материальной культуры, но и указывает на значительную роль в истории населения Витебского Подвинья миграционных процессов I тыс. до н. э. Это создало предпосылки для сложения в Витебском Подвинье своеобразного варианта днепро-двинской культуры, впитавшего в себя черты, характерные для верхнедвинского, западного и смоленского вариантов. Присутствие в нижних слоях поселений текстильной и штрихованной керамики свидетельствует о влиянии финно-угорских и прибалтийских традиций на сложение материальной культуры основного населения Витебского Подвинья. Вместе с тем, ей были свойственны региональные особенности, выделяющие ее среди родственных вариантов днепро-двинской культуры.

Ключевые слова: днепро-двинская культура; городище; домостроительство; фортификация; хронологические индикаторы; текстильная керамика; «штриховики».

ПАСЕЛІШЧЫ РАННЯГА ЖАЛЕЗНАГА ВЕКУ Ў ВІЦЕБСКІМ ПАДЗВІННІ Ў СВЕЦЕ НОВЫХ АРХЕАЛАГІЧНЫХ ДАНЫХ

Т. С. Бубенька

Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П. М. Машэрава, Маскоўскі пр., 33, 210038, г. Віцебск, Рэспубліка Беларусь, tanya.bubenko@mail.ru

Тэрыторыя Віцебскага Падзвіння ў сілу геаграфічнага размяшчэння з’яўляецца кантактнай зонай буйнейшых племянных групіровак ранняга жалезнага веку. Фіксаваная ў рэгіёне разнастайнасць культурных традыцый з’яўляецца не толькі вынікам натуральнага паступальнага развіцця матэрыяльнай культуры, але і ўказвае на значную роль у гісторыі насельніцтва Віцебскага Падзвіння міграцыйных працэсаў I тыс. да н. э. Гэта стварыла перадумовы для складання ў Віцебскім Падзвінні своеасаблівага варыянта днепра-дзвінскай культуры, увабраўшага ў сябе рысы, характэрныя для верхнядзвінскага, заходняга і смаленскага варыянтаў. Прысутнасць у ніжніх пластах паселішчаў тэкстыльнай і штрыхаванай керамікі сведчыць аб уплыве фіна-вугорскіх і прыбалтыйскіх традыцый на склад матэрыяльнай культуры асноўнага насельніцтва Віцебскага Падзвіння. Разам з тым, ёй былі ўласцівы рэгіянальныя асаблівасці, вылучаючыя яе сярод роднасных варыянтаў днепра-дзвінскай культуры.

Ключавыя словы: днепра-дзвінская культура; гарадзішча; домабудаўніцтва; фартыфікацыя; храналагічныя індыкатары; тэкстыльная кераміка; «штрыхавікі».

EARLY IRON AGE SETTLEMENTS IN VITEBSK PODVINYE IN THE LIGHT OF NEW ARCHAEOLOGICAL DATA

T. S. Bubenko

Vitebsk State University named after P. M. Masherov, Moskovsky pr., 33, 210038, Vitebsk, Republic of Belarus, tanya.bubenko@mail.ru

The territory of the Vitebsk Dvina region due to its geographical location is the contact zone of the largest tribal groups of the early Iron Age. The diversity of cultural traditions recorded in the region is not only the result of the natural progressive development of material culture, but also indicates a significant role of migration processes of the 1st millennium BC in the history of the Vitebsk Dvina region population. This created the prerequisites for the formation in the Vitebsk Dvina region of a peculiar variant of the Dnieper-Dvina culture, which absorbed the features characteristic of the Upper Dvina, Western and Smolensk variants. The presence of textile and hatched ceramics in the lower layers of the settlements testifies to the influence of the Finno-Ugric and Baltic traditions on the formation of the material culture of the main population of the Vitebsk Dvina region. At the same time, it was characterized by regional features that distinguish it from related variants of the Dnieper-Dvina culture.

Keywords: Dnieper-Dvina culture; hillfort; house building; fortification; chronological indicators; textile ceramics; «hatchers».

Витебское Подвинье, расположенное на водоразделе двух крупнейших рек: Западной Двины и Днепра, в силу своего географического положения является контактной зоной крупнейших племенных группировок раннего железного века: днепро-двинской, штрихованной керамики и дьяковской. Исследуемый регион не остался в стороне и от миграционных потоков второй половины II–I тыс. до н. э., в результате которых правобережная часть Витебского Подвинья оказалась в зоне влияния историко-культурной общности текстильной керамики. Исследователи отмечают особый облик материальной культуры, которая, являясь по своей сути днепро-двинской, испытала на себе сильное влияние извне разноплеменных группировок. Роль каждой из них в этнокультурных процессах, происходящих в регионе на протяжении I тыс. до н. э. – начала I тыс. н. э., до настоящего времени не выяснена и требует серьезного изучения.

На сегодняшний день в Витебском Подвинье исследовано немногим более 25 % поселений раннего железного века. Из 23 городищ, на которых проводились раскопки, на двух зафиксированы напластования первой половины – середины I тыс. до н. э., еще на десяти городищах древнейшие слои датируются второй половиной I тыс. до н. э. (рис. 1). Большинство же поселений возникло не ранее конца I тыс. до н. э. – рубежа эр.

Малочисленность поселений I тыс. до н. э., вероятнее всего, связана с похолоданием раннего железного века (IX–VIII вв. до н. э.), сопровождающимся увлажнением и синхронной ему трансгрессией 7 Балтийского моря, что привело к резкому поднятию уровня грунтовых вод и межевого уровня воды в водоемах [1, с. 28]. По сути, пригодными для проживания оставались лишь небольшие участки Городокской и Витебской возвышенностей и высокий коренной берег Западной Двины. Редкие поселения, существовавшие в Витебском Подвинье в позднем бронзовом веке, оказались затопленными и были покинуты населением: Межа, Двухполье, Дубокрай, Бабиновичи, Старые Лавки (?). Поселки, вероятнее всего, были перенесены на расположенные на некотором удалении от воды высокие одиночно стоящие холмы.

К финалу бронзового века относится поселение Загорцы, возникшее не позднее X – последней четверти IX в. до н. э., именно этим временем датирован пожар, зафиксированный на материке под мощным слоем глины и песка.

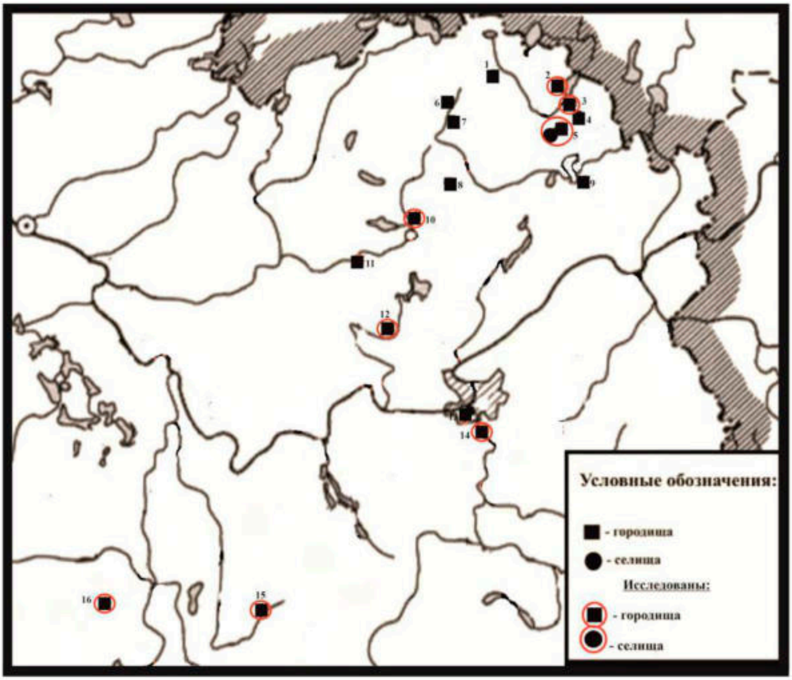


Рис. 1. Археологическая карта поселений Витебского Подвинья I тыс. до н. э.:

1 – Бибино; *2* – Лялевщина-Карловка; *3* – Зайково-Починок; *4* – Лялевщина-Жеребцы; *5* – Степановичи-Загорцы; *6* – Терехи-Цари; *7* – Березно; *8* – Бескатово; *9* – Селезни-Мямли; *10* – Новый Болецк-Бураково; *11* – Казиново; *12* – Зароново; *13* – Витебск; *14* – Витебск – Бороники; *15* – Новое Село; *16* – Кострица

Датирующих вещей в предматериковом слое не найдено. Костяная индустрия представлена бракованным костяным наконечником стрелы, несколькими проколками, фрагментами кости со следами обработки. Среди немногочисленной керамики преобладает гладкостенная, довольно много фрагментов сосудов с отпечатком текстиля и изредка встречаются штрихованные экземпляры. Аналогии загорской керамике известны в нижних слоях городищ Анашкино (IX–VIII вв. до н. э.) и Царицино (VIII–VII вв. до н. э.) [2, с. 68, рис. 40]. Хронологические рамки древнейшего слоя укладывается в диапазон середины IX – первой половины VII в. до н. э., по календарным датам 2650±48; 2545±35 и 2507±27.

В первой половине I тыс. до н. э. существовало и поселение Бороники на Лучёсе, радиоуглеродная дата предматерикового слоя которого – 2500±50 календарных лет, калибровочная – 789–465 гг. до н. э.[1]. Древнейшие отложения на городище зафиксированы в заполнении рва, вырытого по краю площадки. С первоначальным поселением связаны сгоревшие деревянные конструкции и столбовые ямы от стоящего по краю площадки частокола. В заполнении рва наряду с гладкостенной керамикой днепро-двинского облика, найдена штрихованная и текстильная посуда (рис. 2, *1–2*).

Из 92 городищ, известных на территории Витебского Подвинья по достоверным источникам, ко второй половине I тыс. до н. э. предварительно могут быть отнесены лишь одиннадцать (рис. 1). Поселения локализованы на краевых отрогах и склонах Городокской возвышенности и на ее площадке, где они тяготеют к берегам небольших рек и озер.

Топографически выделено два типа ранних городищ: а) на высоких отдельно стоящих холмах (Загорцы, Карловка-Лялевщина, Жеребцы, Мямли, Бибино, Березно, Бескатово); б) на одиночно стоящих высоких озовых грядах (Бураково, Зароново, Бороники, Починок), где они занимают наиболее высокую часть гряды.

Форма площадки повторяла конфигурацию холма, размеры поселений варьировали в пределах 1000–2000 м^2, исключение составляют городища Починок (644 м^2) и Бороники (3100 м^2).

Система обороны поселений напрямую зависела от их топографической привязки. Отсутствие фортификации на начальной стадии существования ряда городищ позволяет предположить, что, перебравшись на высокие холмы, население не сразу оценило преимущества искусственных укреплений. К тому же значительная крутизна склонов холмовых городищ и частокол по краю площадки на некоторое время обеспечивали безопасность поселка.

На раннем этапе вокруг площадки возводился частокол либо загородка из столбов и кольев, расположенных в 1–2 ряда (Бороники, Кострица, Загорцы) [3, с. 8–9]. Система ранних укреплений городища Бороники описана

[1]Анализы выполнены в лаборатории ИИМК (Санкт-Петербург), лаб. шифр Ле-12120.

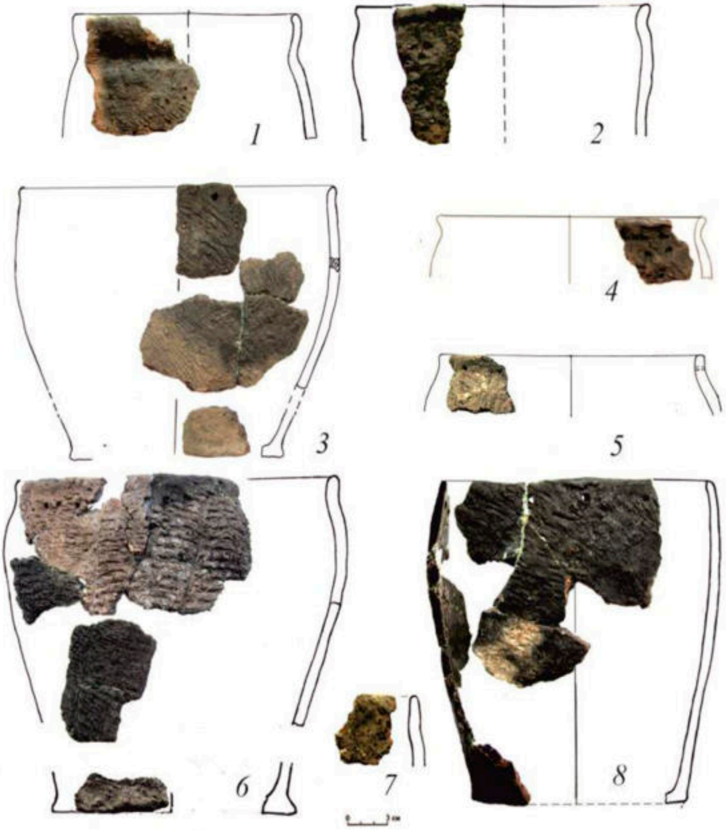


Рис. 2. Текстильная керамика из предматерикового слоя городищ:

1–2 – Бороники Витебского района; *3–8* – Степановичи – Загорцы Городокского района

Г. В. Штыховым. По краю площадки поселения в землю вбивались столбы диаметром 40–60 см на глубину 0,7–0,8 м, расстояние между столбами не превышало 0,5–0,7 м [4, с. 19]. Добавим лишь, что на исследованном нами участке на склоне чуть ниже частокола был вырыт неглубокий ров (0,4–0,6 м) шириною 1,2–1,4 м, выброшенный грунт использовали для укрепления нижней части столбов ограды (рис. 3). Подобные поселения Е. А. Шмидт относит к полуукрепленным [5, с. 27].

Следы застройки раннего периода удалось зафиксировать на краю площадок городищ Бураково, Загорцы, Кострица. Наиболее архаичные жилища вскрыты в нижнем слое городищ Загорцы[1] и Кострица. «Длинный дом» на

[1]Радиоуглеродная дата «длинного дома» в Загорцах 2640±25, калибровочная дата – вторая половина IX – начало VIII в. до н. э.

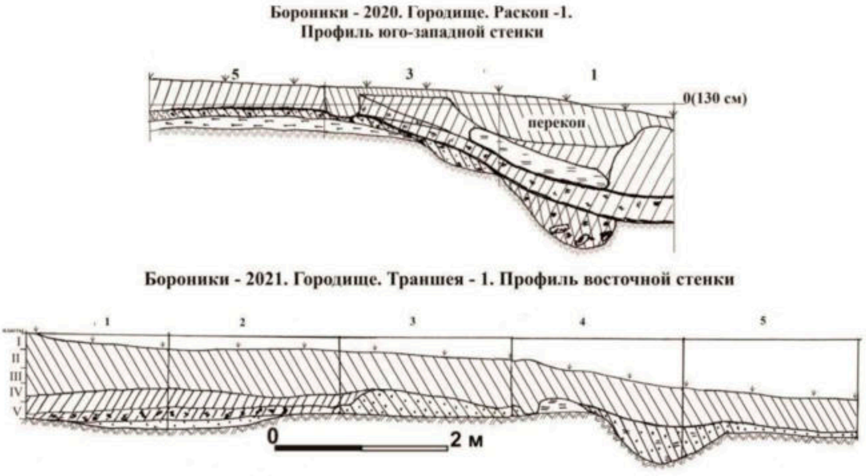


Рис. 3. Профили прорезки края площадки и древнего рва на городище Бороники Витебского района

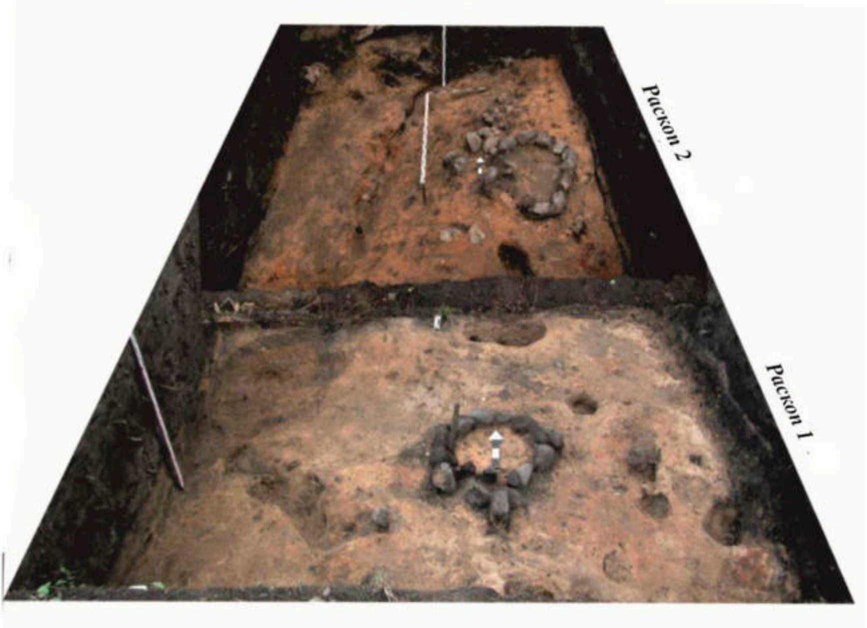


Рис. 4. Развалы очагов в «длинном доме» в предматериковом слое городища Степановичи – Загорцы Городокского района

городище Загорцы состоял из двух камер размерами не менее 3,0×3,2 м и 4,0×2,5 (?) м [6, с. 31]. В каждой из них имелся очаг диаметром 0,9–1,0 м, сложенный непосредственно на материке из камней небольшого диаметра (рис. 4). На городище Кострица т. н. «длинный дом» с длиною стены 9 м состоял из двух смежных построек. В центре каждого помещения имелся каменный очаг с подочажной ямой диаметром 1,0 и 1,5 м [3, с. 10–11]. Длинные дома располагались в одну линию по краю площадки, постройки хозяйственного и производственного назначения локализованы вне ряда жилищ ближе к центру площадки [3, с. 10–11, 20–21].

Второй тип ранних жилищ на городище Загорцы представлен небольшими постройками со столбовой конструкцией стен и несколько углубленной в материк нижней частью (0,1–0,25–0,3 м). Несмотря на небольшие размеры (2,4 × 2,8–3,1 м), присутствие в них развалов очагов, сложенных из валунного камня небольших размеров, указывает на жилой характер сооружений. Полы в ранних постройках иногда выстилались берестой [6, с. 32–33].

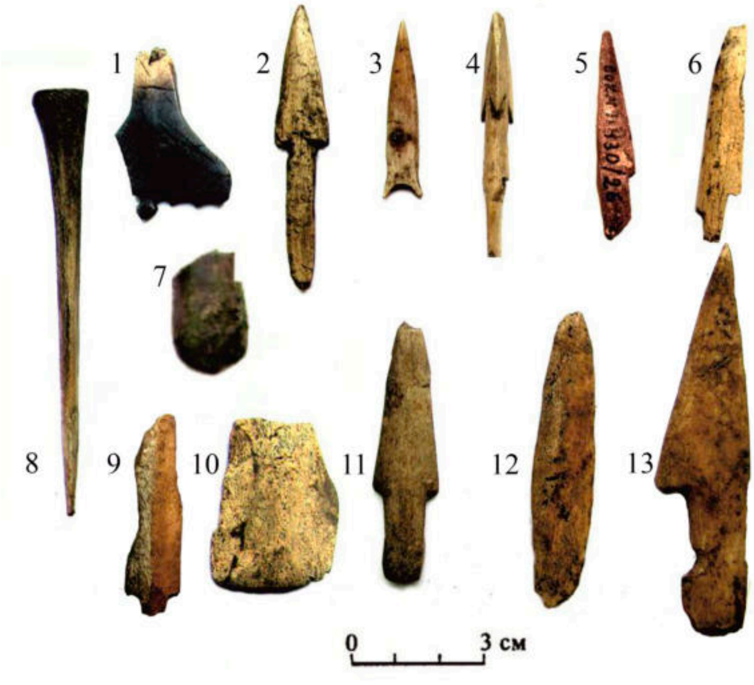


Рис. 5. Предметы костяной индустрии из нижнего слоя городища Степановичи – Загорцы Городокского района:

1 – костяной поделки фрагмент; *2–5, 11, 12* – наконечники стрел; *6, 9* – заготовки наконечников стрел; *7, 10* – тупики; *8* – проколка; *13* – наконечник остроги

Судя по конфигурации столбовых ям, городища Бураково и Бороники также были застроены небольшими наземными постройками столбовой конструкции [3, с. 7; 4, с. 5]. Хозяйственные постройки столбовой конструкции располагались вне ряда домов и имели несколько меньшие размеры (Кострица, Бураково, Бороники).

Материальная культура нижнего слоя исследованных городищ представлена немногочисленной продукцией костяной индустрии, имеющей широкие и нечеткие датировки (проколки, тупики, долота) (рис. 5). Относительно узкие хронологические рамки (IV–III вв. до н. э.) имеют лишь костяные наконечники стрел и гарпуна из городища Загорцы [7, с. 35] (рис. 5, *3–5, 12–13*). При этом следует отметить, что двушипные наконечники стрел были характерны для многих культур лесной полосы на протяжении всего периода их существования [8, с. 35; 9, с. 91] (рис. 5, *2, 11*).

Рис. 6. Бронзовые украшения из раскопок археологического комплекса Загорцы:

1 – поясовая восьмеркообразная бляшка; *2–4* – подвески подтреугольные прорезные; *5* – пронизь-трубочка; *6* – бусина зонная; *7* – конусовидная привеска; *8–9* – треугольные привески (?); *10* – трапециевидная привеска; *11* – фрагмент изделия; *12* – височное кольцо в виде змеи; *13* – браслет пластинчатый; *14* – булавка посоховидная

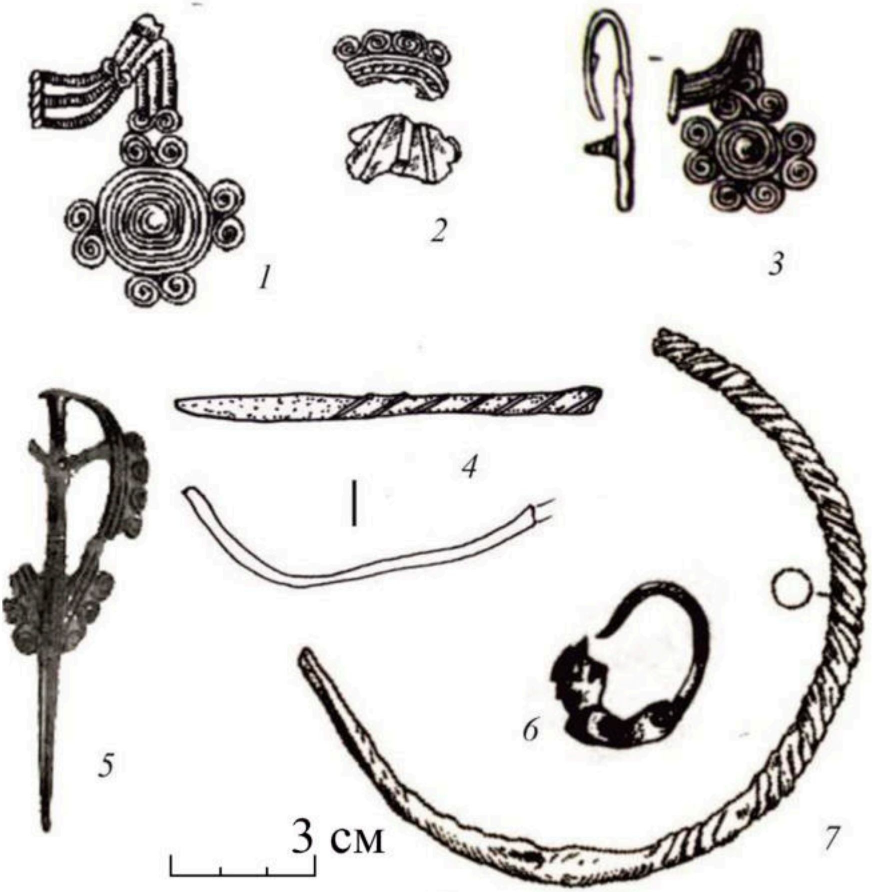


Рис. 7. Бронзовые и железные украшения из городищ Витебского Подвинья:

1, 3 – умбоновидные подвески; *2, 5* – булавки с ажурной головкой (фрагменты); *4* – браслета железного фрагмент; *6* – серьга скифского типа (тип 9 по А. Мелюковой); *7* – гривны витой фрагмент.

Место находки: *1–2, 4* – Новый Болецк – Бураково; *3* – Бороники; *5* – устье р. Лучесы; *6* – устье р. Витьбы; *7* – Зароново

В обиходе полностью отсутствует каменный инвентарь, однако, и следов железоделательного производства в ранних пластах не обнаружено. Узко датированные вещи в нижнем слое встречаются крайне редко, в основном это бронзовые предметы, попавшие в Витебское Подвинье в результате культурных контактов со Среднего Поднепровья или Поволжья (рис. 6, 7).

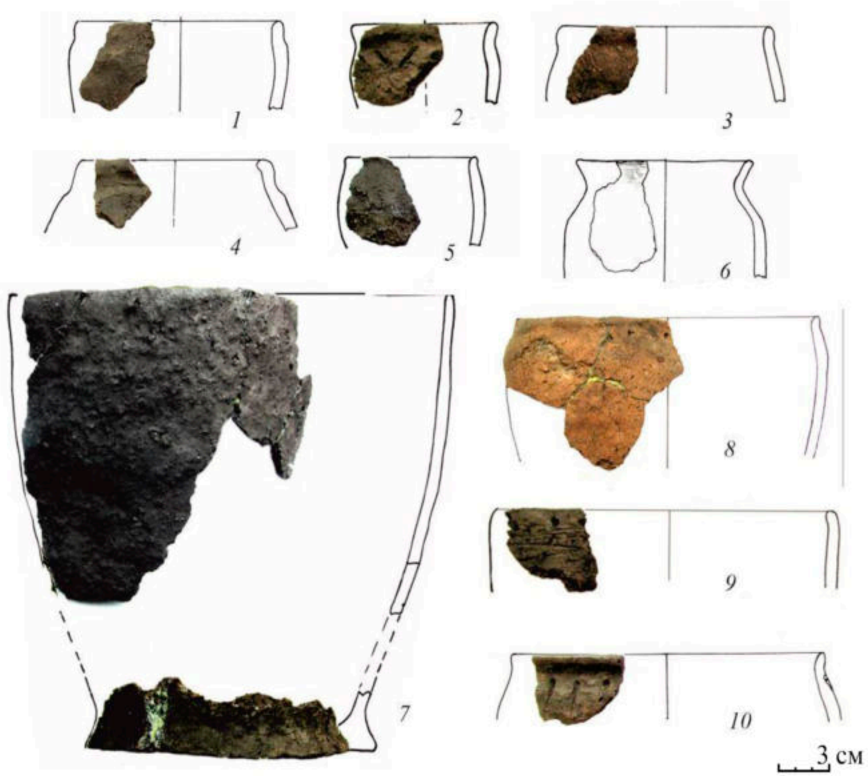


Рис. 8. Формы керамики из древнейшего слоя городищ:

1–6 – Бороники Витебского района; *7* – Новый Болецк – Бураково; *8–10* – Степановичи–Загорцы Городокского района

Керамика ранних городищ (Загорцы, Бураково, Зароново, Бороники) представлена гладкостенными, текстильными и штрихованными сосудами баночной и слабопрофилированной формы (рис. 8). Для горшков характерен орнамент в виде наклонной палочки, глубоких ямок-тычков, нанесенных заостренной палочкой, прочерченные и нарезные линии, расходящиеся вниз от шейки из одной точки. Названные виды орнамента наносились в равной мере на сосуды с гладкостенной, штрихованной и сетчатой поверхностью. По составу теста, форме и орнаментике наблюдается полное сходство с керамикой раннего слоя городищ Чесноры, Усвяты, Жабино, Исаковщина. Я. В. Станкевич датирует эти памятники второй половиной I тыс. до н. э. [10, с. 19–20].

При безоговорочном доминировании гладкостенной посуды, следует отметить присутствие в нижних слоях поселений штрихованной керамики – 6,3–11 %, удельный вес посуды с отпечатком текстиля колеблется от 19,7–23,2 % (Загорцы) до 5,0–3,7 % (Бураково, Зароново, Бороники) (рис. 8, *1, 3–8*). На левобережье Западной Двины керамика с отпечатками текстиля найдена на городище Новое Село (5,5 %) (р. Свечанка, приток Уллы, левый берег Западной Двины). На прочих поселениях региона она встречена в незначительном количестве и не всегда точно учтена (Березно, Бибино, Бескатово, Мямли и др.).

Присутствие в древнейших слоях керамики с отпечатком текстиля вполне закономерно, поскольку территория Витебского Подвинья входила в ареал распространения историко-культурной общности текстильной керамики, охватывающей лесную зону Восточной Европы от Эстонии и Финляндии до Прикамья. По мнению А. Граудониса, текстильная керамика на территории Прибалтики (Латвия, Эстония) и дьяковской культуры развивалась на базе местной ранней текстильной керамики [9, с. 111]. Данный вывод вполне приемлем и для правобережной части Витебского Подвинья. На наш взгляд, присутствие в нижних слоях поселений ранней текстильной и штрихованной керамики следует рассматривать в качестве подосновы при формировании в регионе местного варианта днепро-двинской культуры.

На наличие контактов с Поволжьем, кроме сетчатой керамики, указывают отдельные категории украшений (поясные бляшки, сюльгамы) (рис. 6, *1*), плоские наконечники железных стрел. Еще одно направление культурных связей – южное, свидетельствует о наличии контактов со скифоидными культурами лесостепи, подгорцевским и юхновским населением. Прорезные треугольные подвески из Загорцев (рис. 6, *2–4*), указывают на связь с культурными традициями лесостепной скифоидной культуры VI–IV вв. до н. э., основной район их концентрации – Курское Посеймье [11, с. 40].

К южному кругу древностей следует относить и фрагменты ажурных булавок т. н. подгорцевского типа (городище Бураково и случайная находка в устье р. Лучесы) (рис. 7, *2, 5*). Подобные украшения происходят с территории Среднего Поднепровья, где верхний предел их бытования не выходит за рубеж III в. до н. э. [12, с. 265]. А. А. Чубур основным ареалом распространения булавок с ажурной головкой считает территорию верхнеокской культуры и относит к VI–II вв. до н. э., оговариваясь при этом, что они могли доживать до рубежа эр [13, с. 117].

На контакты со скифским миром указывает и трехлопастный костяной наконечник стрелы (Загорцы), датируемый VIII–IV вв. до н. э. [7, с. 30; 14, табл. 9] (рис. 5, *4*), серьга в виде калачика с высокой дужкой (V–IV вв. до н. э.) [15, с. 30] (рис. 7, *6*). Умбоновидные височные подвески (Бураково, Борони-

ки), по предположению Н. А. Кренке, являются результатом синтеза скифских серег и более сложной формы височных украшений, характерных для лесной полосы Восточной Европы [16, с. 81] (рис. 7, *1, 3*).

На возможную связь с лужицким населением указывает шейная гривна с сужающимися концами из городища Зароново (рис. 7, *7*), ближайшие аналогии известны на памятниках тарнобжеской группы лужицкой культуры (могильник Гродиско Дольна, Польша), где тордированные бронзовые и железные гривны датированы V–II вв. до н. э. [17, s. 66–70, tabl. XL, 2].

Таким образом, материальная культура древнейших поселений Витебского Подвинья представлена в основном комплексами, датируемыми второй половиной I тыс. до н. э., т. е. временем, когда население испытывало культурное влияние со стороны проникающих на ее территорию пришлых групп балтского, скифоидного и финно-угорского населения.

Следующий этап заселения Витебского Подвинья приходится на конец I тыс. до н. э. – начало I тыс. н. э. и связан с малым климатическим оптимумом и начавшейся регрессией Балтийского моря. Освободившиеся от воды земли, пригодные для сельскохозяйственной деятельности, привлекли в регион не только «днепро-двинцев», но и родственные балтские племена культуры поздней штрихованной керамики, а, возможно, и позднезарубинецкое население [18, с. 114; 8, с. 108]. К рубежу н. э. штрихованная керамика встречается не только на всех исследованных поселениях левого берега Западной Двины, но и на правом коренном берегу реки (Старое Село, Лужесно, Бокишево, Кордон). Северная граница ее распространения фиксируется по рекам Усысе (правый приток р. Оболи) и Овсянке (Казиново, Городок, Кули, Борки) [19, с. 46]. Отдельные группы «штриховиков» проникают глубоко в массив аборигенного населения и обустраивают там свои укрепленные поселки. На таких городищах процент штрихованной керамики составляет от 17,8 % (Вышедки) до 53 % (Жуково) [20, с. 73, табл. 1; 21, с. 154].

Приход нового населения сопровождался появлением в Витебском Подвинье керамики с ребром в верхней части сосуда (Новое Село, Бороники), лощеных и подлощеных сосудов, керамики т. н. «милогроидного облика» (Новое Село, Бороники, Витебск, Загорцы) (рис. 2, *1*; 9, *9–11*)[1]. Последняя нередко встречается на городищах КШК в центральных районах Беларуси (Лабенщина, Новоселки, Оздятичи, Щатково и др.) [22, с. 35–36]. Тогда же отмечен приток в регион с юга значительного количества земледельческих орудий труда, известны находки подковообразных, подвязных и воинской фибул (Загорцы, Новое Село) (рис. 9, *1–2, 5–8*), умбоновидной подвески (рис. 7, *3*) и клада височных колец (Бороники) [23, с. 134].

---

[1]Выражаю искреннюю благодарность П. Н. Подгурскому за любезно предоставленные материалы по раскопкам городища Новое Село Сенненского района.

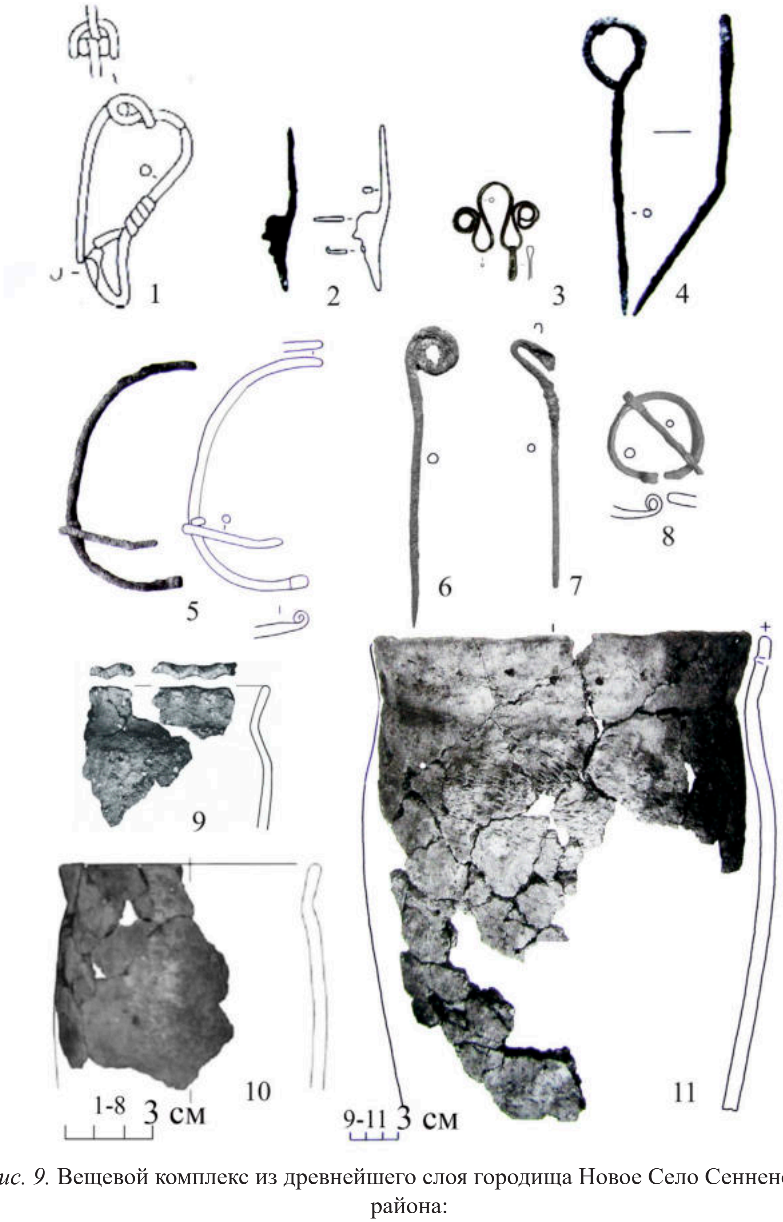


Рис. 9. Вещевой комплекс из древнейшего слоя городища Новое Село Сенненского района:

1,7 – подвязная фибула и ее фрагмент; *2* – воинской фибулы фрагмент; *3* – очковидная подвеска; *4, 6* – посоховидные булавки; *5, 8* – подковообразные фибулы; *9–11* – керамика.

Рисунки вещей и фото автора раскопок П. Н. Подгурского

Топографическая привязка городищ в период массового заселения Витебского Подвинья зависела от ландшафтных особенностей местности. В регионе, по-прежнему, поселения устраивают на отдельно стоящих холмах, либо на одиночно стоящих высоких озовых грядах (Гали, Гончарово, Лужесно, Кули, Гали-Запрудье, Новое Село).

В этот период получает распространение мысовой тип поселений. Кроме коренного берега Западной Двины, данный тип городищ получил распространение исключительно на равнинных участках левобережья, где высокие холмы редкость. Поселения, чаще всего, обустраивали на возвышенных равнинных плато при слиянии двух рек, реки и ручья или оврага (Дворец, Рудница, Соколино). Устройство городищ на мысах высоких берегов рек в верховьях левобережных притоков Западной Двины, по мнению А. А. Егорейченко, является одной из особенностей культуры поздней штрихованной керамики [8, с. 61]. Хронологически мысовые городища датированы первыми веками н. э., в нижних слоях на них действительно присутствует штрихованная керамика.

Традиция возведения небольших по протяженности валов со стороны пологих склонов холма сохраняется на протяжении всего периода существования городищ, однако высота укреплений и глубина рвов со временем увеличилась до 2–5 м. Получают распространение невысокие (0,5–0,7 м) кольцевые валы по краю площадок холмовых городищ, ими защищено 12 % поселений.

Поселения, обустроенные на высоких краях озовых гряд и мысах, как правило, отделялись от плато широким и глубоким рвом (Дворец, Синяково) либо земляным валом и рвом (Лужесно, Новое Село, Ст. Лавки, Рудница, Соколино). Для усиления защитных качеств вал мог полукольцом огибать склоны городища (Зароново, Старое Село, Гончарово). Высота валов вокруг таких поселений достигала 1,5–3,0 м.

Небольшой процент поселений имеет довольно сложную систему обороны: вал по краю и одну–две линии валов по склону (Коньки, Жолнерово, Гали–Запрудье, Прудники). На городище Зароново зафиксировано три типа укреплений: короткие валы с торцевых сторон площадки, вал по склону и две линии валов у подножья площадки [24, с. 10].

Городища без видимых искусственных укреплений продолжают существовать вплоть до рубежа эр, что В. И. Шадыро объясняет *«надзейнай прыроднай ўмацаванасцю месца паселішча, што не патрабавала ад людзей пабудовы дадатковых абарончых збудаванняў»* [20, с. 16]. Однако существует вероятность, что первоначальные укрепления могли быть снивелированы в результате позднейшего расширения площадки на 2–3 м, как это имело место на городищах Бураково, Загорцы, Кострица, либо распаханы (Мямли, Жеребцы, Починок). Все это и создавало иллюзию отсутствия фортификации.

Основным типом жилища на последнем этапе существования днепро-двинской культуры были однокамерные, квадратные или прямоугольные в плане строения размерами от 3–4×3 м до 5×3 м (Кострица, Бураково, Загорцы, Старое Село). Жилища были наземными со столбовой конструкцией стен. Центральное место в помещении занимал открытый очаг, сложенный из валунного камня небольших размеров. Выделено два типа отопительных устройств: 1) очаги из камня с подочажными ямами и без них; 2) песчано-глинобитные очаги с подковообразным или кольцевидным бортиком. Глинобитный бортик предохранял от рассыпания горящих углей и плах по полу жилищ. Подобный тип отопительных устройств известен на ранних городищах Верхнего Подвинья (Подгай, Михайловское, Жабино) [10, с. 52–53, рис. 30, 34]. На поселениях культуры штрихованной керамики данный тип отопительных устройств был доминирующим [8, с. 69]. Большинство очагов имело подочажные ямы диаметром 0,8–1,0–1,5 м, заполненные пережжёнными камнями, золой, керамикой и костными остатками. Иногда в одном жилище фиксируются следы двух – трех очагов (Загорцы, Кострица) [26, с. 222]. Помимо жилищ обнаружены небольшие хозяйственные постройки столбовой конструкции, располагавшиеся вне ряда домов и имевшие несколько меньшие размеры (Кострица, Бураково, Бороники).

Следы черной металлургии зафиксированы на всех изученных объектах, однако производственные постройки раскопаны лишь на городищах Бураково и Кострица. В Бураково обнаружено два кузнечных комплекса непосредственно на площадке поселения и фундамент сыродутной домницы на краю ближайшего к площадке рва. [27, с. 343]. Почти полностью сохранившаяся домница размерами 35х45 см была обнаружена А. Н. Лявданским в валу городища Коньки (Тербахунь) [26, с. 214, мал. 4].

Металлургические мастерские, которые одновременно являлись и древними кузницами, обустраивались в отдельных постройках, расположенных ближе к центру площадки [28, с. 170]. Это были строения столбовой конструкции размерами от 4×3–4 м до 4×8 м, внутри каждого из них была вырыта специальная яма (глубина 0,3–0,7 м) несколько меньших размеров, чем сама постройка. В кузницах на городище Бураково найдено несколько каменных наковален, два каменных молота с перехватом, горны, от которых сохранились глиняные овальные бортики размером 0,8×1 м [27, с. 344].

Облик материальной культуры населения Витебского Подвинья в первой половине I тыс. н. э. изучен значительно лучше, чем в предшествующий период. Среди вещевых комплексов наиболее презентабельно представлены три категории вещей: керамика, которая доминирует по численности среди артефактов, железные изделия, предметы из цветного металла. Изделия из стекла, кости и камня встречаются крайне редко и ассортимент их довольно ограничен.

Керамический материал городищ Витебского Подвинья несет на себе элементы специфического характера, которые отличают его от керамики как западного, так и смоленского вариантов днепро-двинской культуры. Так, на городищах левобережья Западной Двины (Кострица, Новое Село, Бороники, Замошье и др.) получила распространение керамика, типичная для нижнего и среднего слоев городищ Смоленского Поднепровья. Это тонкостенные слабопрофилированные сосуды, имеющие иногда орнаментацию в виде ямок и прочерченных линий, а также конусовидные неорнаментированные горшки со слабо выраженной шейкой.

Для городищ правобережной части Витебского Подвинья (Бураково, Бескатово, Зароново, Казиново, Загорцы), по-прежнему, характерно присутствие в слое значительного количества штрихованной и текстильной керамики. Слабопрофилированные сосуды встречаются чаще, чем баночные, однако, в отличие от таких же по форме сосудов Смоленщины, в верхней части они декорированы разнообразными узорами из одного-двух рядов ямочных вдавлений либо из неглубоких ямок, от которых под углом отходят прочерченные линии.

Ассортимент кузнечной продукции в основном традиционный для городищенских культур лесной полосы Восточной Европы и, в первую очередь, для днепро-двинской культуры.

Наиболее многочисленна коллекция сельскохозяйственных орудий труда: жатвенные ножи, серпы, косари, коса и фрагмент наральника, топоры. К универсальным орудиям труда отнесены ножи с горбатой и прямой спинкой. Оружие на поселениях «днепро-двинцев» встречается крайне редко: несколько наконечников копий и стрел, боевые топоры малых размеров.

Внушительная по численности группа железных изделий объединяет предметы одежды и туалета: сюльгамы, фибулы, посоховидные булавки, пряжки.

Украшения из железа, цветного металла, стекла встречаются в основном в единичных экземплярах и являются предметами импорта (гривна, очковидная, конусовидная и трапециевидные привески, стеклянные бусы). В особую группу объединены вещи с эмалями: треугольные ажурные фибулы и фибула-брошь из поселений левобережной части Витебского Подвинья – зоны инфильтрации южных групп населения.

Заключение. В силу ландшафтного своеобразия региона заселение Витебского Подвинья находилось в прямой зависимости от климатических условий и фактически стало благоприятным, начиная с последней четверти I тыс. до н. э. Именно в это время сюда начинают проникать разноплеменные группировки, что создало предпосылки для сложения в Витебском Подвинье своеобразного варианта днепро-двинской культуры, впитавшего в себя как местные традиции, так и черты, характерные для верхнедвинского,

западного и смоленского вариантов. Присутствие в нижних слоях исследованных поселений Витебского Подвинья керамики с отпечатком текстиля и ранней штрихованной посуды свидетельствует о влиянии финно-угорских и прибалтийских традиций на сложение материальной культуры основного населения Витебского Подвинья. Вместе с тем, ей были свойственны региональные особенности, выделяющие ее среди родственных вариантов днепро-двинской культуры.

Библиографические ссылки

1. *Микляев А. М.* Каменный – железный век в междуречье Западной Двины и Ловати // ПАВ. 1995. Вып. 9. С. 7–39.

2. *Кренке Н. А.* (сост.) Археология парка Царицыно: По материалам исследований экспедиции Института археологии РАН 2002–2008 гг. Москва: ИА РАН, 2008. 364 с.

3. *Шут К. П.* Отчет о полевых археологических работах в 1965 г. // ЦНА НАН Беларусі. ФАНД. Спр. № 257.

4. *Штыхов Г. В.* Отчет об археологических исследованиях Полоцко-Витебского отряда в 1972 г. // ЦНА НАН Беларусі. ФАНД. Спр. № 413.

5. *Шмидт Е. А.* Племена верховьев Днепра до образования Древнерусского государства. Днепро-двинские племена (VIII в. до н. э. – III в. н. э.). Москва: Прометей, 1992. 207 с.

6. *Бубенько Т. С.* Городище Загорцы: культурно-хронологические горизонты (по материалам раскопок 2020–2021 гг.) // Веснік ГрДУ імя Я. Купалы. Сер. 1: Гісторыя і археалогія. Філасофія. Паліталогія. 2022. Т. 14. № 3. С. 34–40.

7. *Смирнов К. А.* Дьяковская культура (Материальная культура городищ Оки и Волги) // Дьяковская культура. Москва, 1974. С. 7–89.

8. *Егорейченко А. А.* Культуры штрихованной керамики. Минск: БГУ, 2006. 207 с.

9. *Граудонис Я. Я.* Латвия в эпоху поздней бронзы и раннего железа. Рига: Зинатне, 1967. 165 с.

10. *Станкевич Я. В.* К истории населения Верхнего Подвинья в I и начале II тысячелетия н. э. // Древности Северо-Западных областей РСФСР в I тысячелетии н. э. (МИА. № 76). Москва–Ленинград, 1960. С. 7–327.

11. *Столяров Е. В.* Об одном типе треугольных привесок на территории лесной и лесостепной зон Восточной Европы // Археология Подмосковья. 2014. Вып. 10. С. 36–41.

12. *Рассадин С. Е.* Ажурные украшения подгорцевского стиля // ГАЗ. 1994. № 5. С. 263–274.

13. *Чубур А. А.* Булавки с ажурным листовидным навершием в раннем железном веке Восточной Европы: типология, ареал, семантика // Материалы и исследования по археологии Днепровского Левобережья. 2012. Вып. IV. Древности Днепровского Левобережья от каменного века до позднего средневековья (к 80-летию со дня рождения А. И. Пузиковой). С. 123–135.

14. *Мелюкова А. И.* Вооружение скифов. Москва: Наука, 1964. 116 с. (САИ. Вып. Д1-4).

15. *Петренко В. Г.* Украшения Скифии VII–III вв. до н. э. Москва: Наука, 1978. 144 с. (САИ. Вып. Д4-5).
16. *Кренке Н. А.* Дьяково городище: культура населения бассейна Москвы-реки I тыс. до н. э. – I тыс. н. э. Москва: ИА РАН, 2011. 548 с.
17. *Czopek S.* Grupa tarnobrzeska nad środkowym Sanem i Dolnym Wisłokiem: studium osadniczo-kulturowe. Rzeszów: Muzeum Okręgowe,1996. 215 s.
18. *Колосовский Ю. В., Штыхов Г. В.* Археологический комплекс около д. Казиново Городокского района Витебской области // МАБ. 2005. Вып. 9. Древности Белоруссии (железный век и средневековье). С. 112–121.
19. *Бубенько Т. С.* Предварительные итоги изучения поселений I тыс. до н. э. – первой половины I тыс. н. э. в Витебском Подвинье // Ученые записки УО «ВГУ им. П. М. Машерова»: сб. науч. тр. Витебск, 2021. Т. 34. С. 42–49.
20. *Шадыра В. І.* Беларускае Падзвінне (I тысячагоддзе н. э.). Мінск: ДНУ «Інстытут гісторіі НАН Беларусі», 2006. 150 с.
21. *Колосовский Ю. В., Шарковская Н. Ю.* Керамический и вещевой комплексы городища Жуково-2 по материалам раскопок В. Н. Кузнецова в 1955 г. // МАБ. 2003. Вып. 8. Ранние славяне Белорусского Поднепровья и Подвинья. С. 153–163.
22. *Ильютик А. В.* О датировке и культурной принадлежности ранних городищ железного века бассейна Березины // ГАЗ. № 17. С. 35–41
23. *Поболь Л. Д.* Археологические памятники Белоруссии: Железный век. Минск: Наука и техника. 1983. 456 с.
24. *Шут К. П.* Отчет о полевых археологических работах в 1964 г. // ЦНА НАН Беларусі. ФАНД. Спр. № 237.
25. *Штыхов Г. В.* Отчет об исследованиях в Витебской области в 1973 г. // ЦНА НАН Беларусі. ФАНД. Спр. № 454.
26. *Ляўданскі А. М., Палікарповіч К. М.* Археалагічныя доследы ў БССР у 1933–1934 гг. // Запіскі Беларускай Акадэміі навук. Кн. 5. Менск, 1936. С. 211–223.
27. *Шут К. П.* Исследования древнейших городищ северной Белоруссии // Археологические открытия 1968 г. Москва, 1969. С. 342–344.
28. *Шут К. П.* Памятники раннего железного века на севере Белоруссии // Древности Белоруссии. Минск, 1966. С. 166–182.

ИССЛЕДОВАНИЯ ПАМЯТНИКОВ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА И ЭПОХИ ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ НА ТЕРРИТОРИИ ОКСКО-ДОНСКОГО ВОДОРАЗДЕЛА В 2019–2023 ГГ.

А. М. Воронцов[1)], М. А. Воронцов[2)], Е. В. Столяров[3)]

[1)] Государственный музей-заповедник «Куликово поле», проспект Ленина, 47, 300041, г. Тула, Российская Федерация, amvorontsov@gmail.com
[2)] Государственный музей-заповедник «Куликово поле», проспект Ленина, 47, 300041, г. Тула, Российская Федерация, mikhail.voronts0v@yandex.ru
[3)] Государственный музей-заповедник «Куликово поле», проспект Ленина, 47, 300041, г. Тула, Российская Федерация, stolarov_e@mail.ru

За последние пять лет работы Тульской археологической экспедицией были выявлены и изучены десятки новых памятников, относящихся к раннему железному веку и эпохе Великого переселения народов. Раскопки хорошо стратифицированных городищ Страхово 2, Гора Услань и Лобынское под Тулой позволили детализировать хронологическую колонку древностей от финала бронзового века до рубежа эр включительно. Исследования на поселении у деревни Барыбинка под Тулой раскрыли обстоятельства сокрытия уникального клада украшений и предметов женского убора I – начала II в. В ходе работ на могильнике мощинской культуры (III–IV вв.) у пос. Залесный в тульских засеках были исследованы два грунтовых погребения по обряду кремации. Это первый могильник мощинской культуры, изученный на территории Окско-Донского водораздела. Также были локализованы места находок 5 кладов римских бронзовых монет IV–V вв.

Ключевые слова: Окско-Донской водораздел; ранний железный век; мощинская культура; клады; грунтовые погребения по обряду кремации.

ДАСЛЕДАВАННІ ПОМНІКАЎ РАННЯГА ЖАЛЕЗНАГА ВЕКУ І ЭПОХІ ВЯЛІКАГА ПЕРАСЯЛЕННЯ НАРОДАЎ НА ТЭРЫТОРЫІ ОКСКА-ДАНСКОГА ВОДАПАДЗЕЛУ Ў 2019–2023 гг.

А. М. Варанцоў[1)], М. А. Варанцоў[2)], Я. В. Сталяроў[3)]

[1)] Дзяржаўны музей-запаведнік «Кулікова поле», праспект Леніна, 47, 300041, г. Тула, Расійская Федэрацыя, amvorontsov@gmail.com
[2)] Дзяржаўны музей-запаведнік «Кулікова поле», праспект Леніна, 47, 300041, г. Тула, Расійская Федэрацыя, mikhail. voronts0v@yandex.ru
[3)] Дзяржаўны музей-запаведнік «Кулікова поле», праспект Леніна, 47, 300041, г. Тула, Расійская Федэрацыя, stolarov_e@mail.ru

За апошнія пяць гадоў працы Тульскай археалагічнай экспедыцыяй былі выяўлены і вывучаны дзясяткі новых помнікаў, якія адносяцца да ранняга жалезнага веку і эпохі Вялікага перасялення народаў. Раскопкі добра стратыфікаваных гарадзішчаў Страхава 2, Гара Услань і Лабынскае пад Тулай дазволілі дэталізаваць храналагічную калонку старажытнасцяў ад канца бронзавага веку да мяжы эр уключна. Даследаванні на паселішчы каля вёскі Барыбінка пад Тулай раскрылі

абставіны захавання ўнікальнага скарбу упрыгажэнняў і прадметаў жаночага ўбору I – пачатку II ст. У ходзе работ на могільніку мошчынскай культуры (III–IV стст.) у пас. Залесны ў тульскіх засеках былі даследаваны два грунтовыя пахаванні па абрадзе крэмацыі. Гэта першы могільнік мошчынскай культуры, вывучаны на тэрыторыі Окска-Данскога водападзелу. Таксама былі лакалізаваныя месцы знаходак 5 скарбаў рымскіх бронзавых манет IV–V стст.

Ключавыя словы: Окска-Данскі водападзел; ранні жалезны век; мошчынская культура; скарбы; грунтовыя пахаванні па абрадзе крэмацыі.

RESEARCH OF THE EARLY IRON AGE AND THE GREAT MIGRATION PERIOD MONUMENTS ON THE TERRITORY OF THE OKA-DON WATERSHED IN 2019–2023

A. M. Vorontsov[1)], M. A. Vorontsov[2)], E. V. Stolyarov[3)]

[1)] The State Museum-Reserve «Kulikovo FIeld», Lenina Avenue, 47, 300041, Tula, Russian Federation, amvorontsov@gmail.com
[2)] The State Museum-Reserve «Kulikovo FIeld», Lenina Avenue, 47, 300041, Tula, Russian Federation, mikhail. voronts0v@yandex.ru
[3)] The State Museum-Reserve «Kulikovo FIeld», Lenina Avenue, 47, 300041, Tula, Russian Federation, stolarov_e@mail.ru

Over the past five years, the Tula Archaeological Expedition has identified and studied dozens of new monuments belonging to the early Iron age and the Great migration period. Excavations of the well-stratified ancient settlements of Strakhovo 2, Gora Uslan and Lobynskoye near Tula made it possible to detail the chronological column of antiquities from the end of the Bronze Age to the turn of the era inclusive. Research on the settlement near the village of Barybinka near Tula revealed the circumstances of hiding a unique treasure of jewelry and items of women’s headwear of the I – early II centuries. During the work on the burial ground of the Moshchino culture (III–IV centuries) at the village Zalesniy in the Tula’s Forest abatis, two ground burials according to the rite of cremation were investigated. This is the first burial ground of the Moshchino culture studied on the territory of the Oka-Don watershed. The sites of the finds of 5 hoards of Late Roman bronze coins of the IV–V centuries were also localized.

Keywords: Oka–Don watershed; early Iron age, Moshchino culture; hoard; the rite of cremation ground burials.

Окско-Донской водораздел представляет собой часть пограничной территории между лесной и лесостепной зонами. На протяжении нескольких тысячелетий он играл роль коридора, по которому с южных лесостепных и степных территорий в лесную зону проникали различные племена и культурные влияния. Изучение культурных процессов в данном регионе приобретает особое значение в контексте исследования этно- и межкультурного взаимодействия (рис. 1–3). В данной работе представлены памятники археологии, открытые и изученные в последние годы, и наиболее важные для

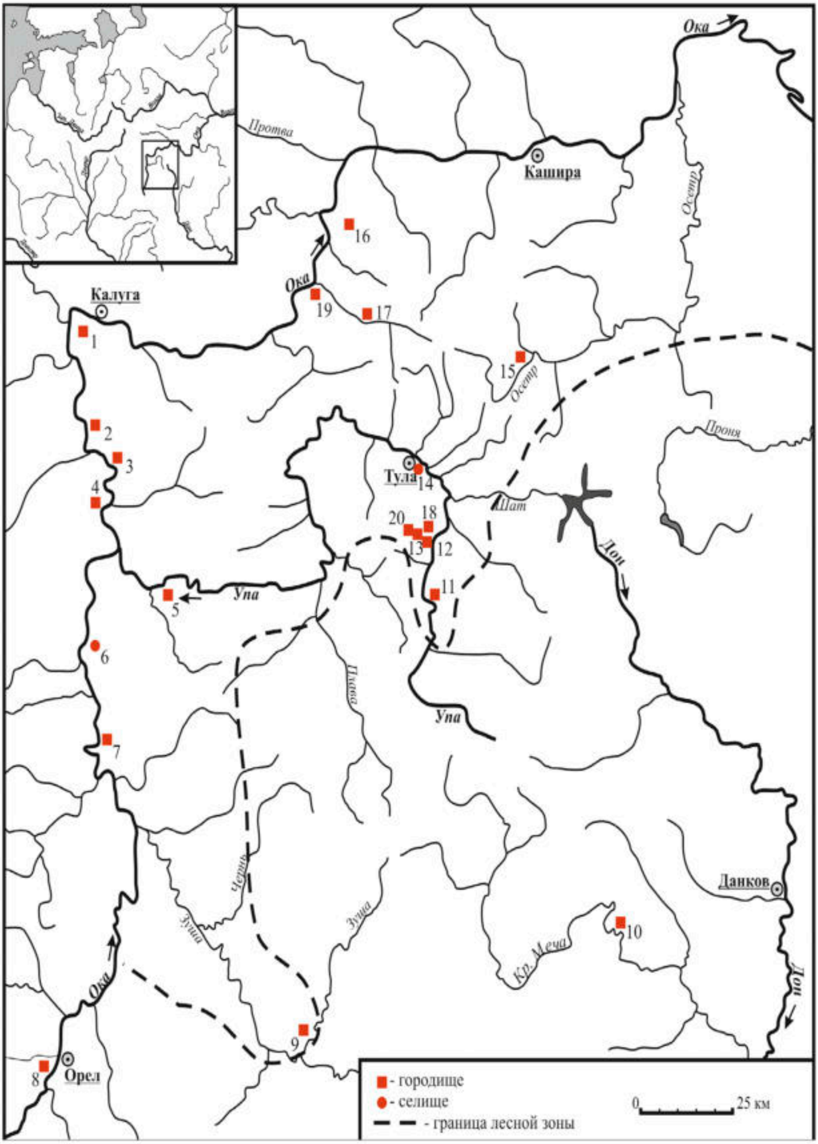


Рис. 1. Карта памятников раннего железного века:

1 – Ромоданово; *2* – Вороново; *3* – Гремячево; *4* – Дуна; *5* – Петровское; *6* – Жабынь 1; *7* – Федяшево; *8* – Надежда; *9* – Воротынцево; *10* – Дубики; *11* – Сатинка; *12* – Гора Услань; *13* – Малая Стрекаловка; *14* – Малевка; *15* – Махринка; *16* – Велегож; *17* – Никулино; *18* – Лобынское; *19* – Бунырево; *20* – Залесный

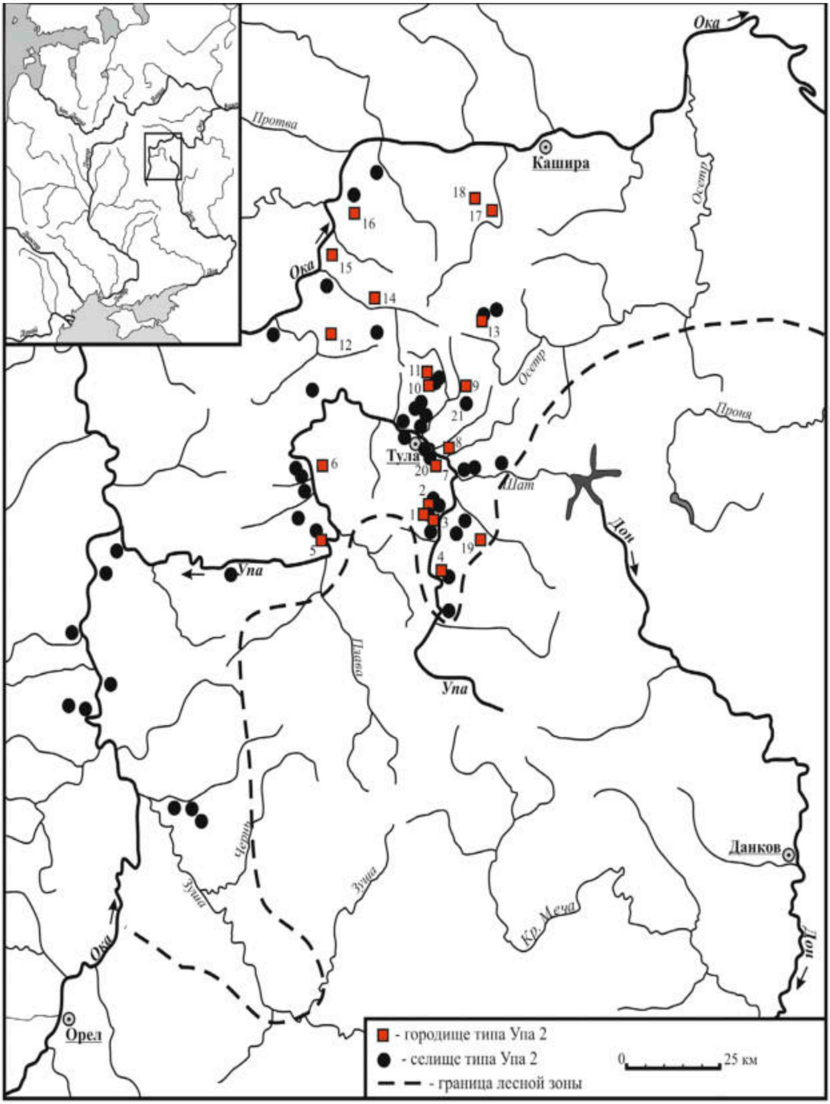


Рис. 2. Карта памятников типа Упа 2:

1 – Малая Стрекаловка; *2* – Лобынское; *3* – Гора Услань; *4* – Сатинка; *5* – Супруты; *6* – Слобода; *7* – Малевка; *8* – Бежка; *9* – Торхово; *10* – Страхово 1; *11* – Страхово 2; *12* – Занино; *13* – Теляково; *14* – Никулино; *15* – Мосолово; *16* – Велегож; *17* – Юрцово («Земляные ворота»); *18* – Борисовское; *19* – Дедилово (Старое городище); *20* – поселение Упа 2; *21* – селище Барыбинка 1 (находка клада)

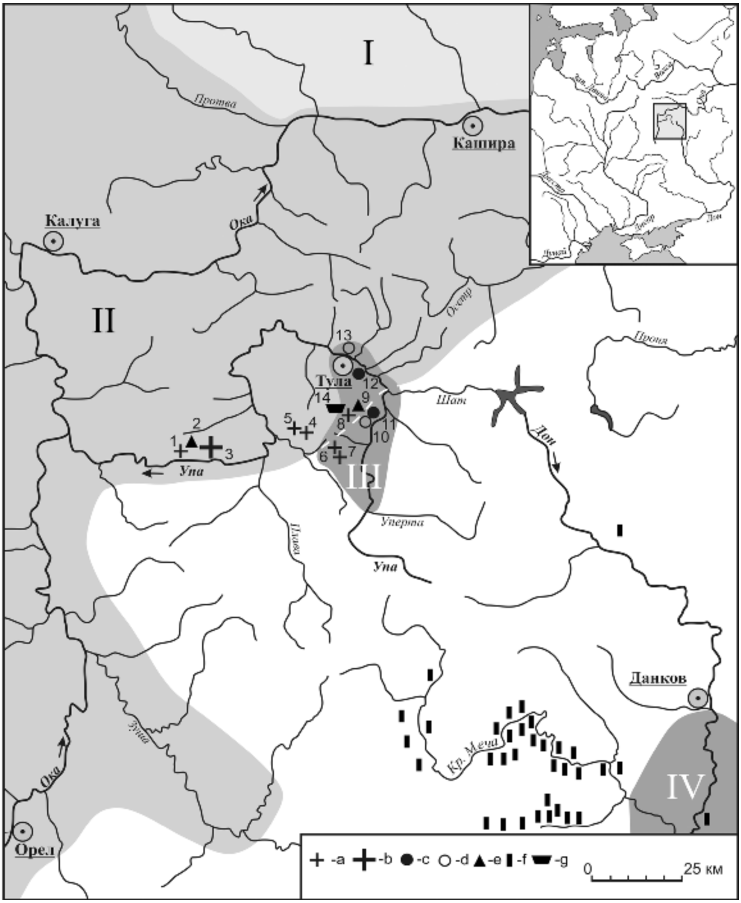


Рис. 3. Находки позднеримских бронзовых монет, местоположение могильника Залесный и этнокультурная ситуация на Окско–Донском водоразделе в позднеримское время и в начале эпохи Великого переселения народов:

I – дьяковская культура; *II* – мощинская культура; *III* – памятники типа Криволучье; *IV* – памятники типа Чертовицкое–Замятино;

a – клады из 10-20 монет; *b* – клад из 140 монет; *c* – монетные находки на поселениях типа Криволучье; *d* – монетные находки в районе поселений типа Криволучье; *e* – монетные находки на поселениях мощинской культуры; *f* – памятники типа Каширки–Седелок, *g* – могильник Залесный;

1 – клад Павловское; *2* – поселение Павловское 5; *3* – клад Рождествено; *4* – клад Воздремо; *5* – Воздремо, клад 2, *6* – клад Самохваловка; *7* – клад Майский; *8* – клад Малая Стрекаловка; *9* – поселение Малая Стрекаловка 2; *10* – находки рядом с поселением Большая Кожуховка 2; *11* – поселение Большая Кожуховка 2; *12* –поселение Упа 2; *13* – находка в Зареченском районе г. Тула; *14* – могильник Залесный

решения задач по уточнению хронологии культурно-исторических горизонтов периода раннего железного века и эпохи Великого переселения народов, определению векторов культурных влияний, изучению погребальной обрядности мощинской культуры и феномена кладов позднеримских бронзовых монет. Ниже пойдет речь о таких памятниках, как городища Страхово 2, Гора Услань и Лобынское, грунтовый могильник у пос. Залесный, находке уникального клада украшений и предметов женского убора I – начала II вв. у д. Барыбинка и конечно о кладах римских бронзовых монет сер. IV–V в.

Городище Гора Услань [1–3] расположено на территории Тульских засек, в 1,4 км к северо-северо-востоку от д. Гора Услань и в 1,5 км к северо-востоку от с. Ломинцево, на левом берегу р. Упа, на мысу, образованном двумя оврагами (рис. 1). По архивным материалам Московского археологического общества 1873 г. на бывших землях госпожи Кривцовой у с. Ломинцево Ломинцевской волости, Крапивенского уезда была известна местность под названием «Городище», которая находилась при реке Упе». Интересно название населенного пункта, по которому этот памятник получил наименование – Гора Услань. Согласно словарю В. Даля, «услань», «услон» обозначает спуск или подъем, покатость под гору и в гору: на услань, в гору. Действительно, высота берега р. Упы достигает здесь 90 м, представляя собой некое подобие горы. Вероятно, с этим и связано происхождение этого редкого для наших мест топонима.

Высота площадки городища над уровнем воды в р. Упа составляет около 8–24 м. Размеры площадки городища: с северо-запада на юго-восток около 100 м, с северо-востока на юго-запад около 50 м. Городище с напольной стороны защищено двумя валами и рвом. Высота внутреннего вала около 0,5 м, внешнего около 1,2 м. Глубина рва около 0,5 м.

Городище представляет собой многослойное поселение, жизнь на котором началась еще в самом начале раннего железного века. Первый культурно-хронологический горизонт оставлен носителями традиций грубой лепной и текстильной керамики с тычковой орнаментацией (VIII–VII вв. до н. э.). Наиболее выразительно на памятнике представлены древности эпохи скифской архаики VI–V вв. до н. э. Материалы раскопов 1 и 3 позволили выяснить систему укреплений данного поселения в эпоху раннего железного века, представленную остатками 2-х стен и эскарпом. Раскопом 2 на площадке городища была частично изучена наземная постройка этого периода. Среди наиболее выразительных вещей следует отметить находки скифских наконечников стрел (рис. 4, *4–5*), бронзовую подвеску (рис. 4, *2*) и уникальную не только для нашей территории находку роговой рукояти кинжала (рис. 4, *7*).

Все эти находки связаны с лесостепным миром, традициями населения, имеющего южное происхождение. Его материальную культуру отличают металлические вещи, изготовленные по образцам широко распространенным в

Рис. 4. Городище Гора Услань:

1 – уздечная бляшка; *2* – подвеска; *3* – пряслице; *4–5* – наконечники стрел; *6* – височное кольцо; *7* – рукоять кинжала; *8* – «рогатый кирпич»; *9–11* – груболепные сосуды; *12* – зооморфная фигурка;

1–2, 4–6 – бронза; *3, 8–12* – глина; *7* – рог

скифской лесостепи и на территории Кавказа (наконечники стрел, различные украшения, элементы конской упряжи и т. д.). По набору вещей и изученным раскопками укреплениям горизонт древностей VI–V вв. до н. э. имеет прямые аналогии в материалах городища лесостепной скифоидной культуры Кузина Гора в Посеймье.

Городище Лобынское [2] расположено на левом берегу Лобынского оврага (левый притока р. Упа, правый приток р. Ока) в 0,5 км к юго-востоку от деревни Лобынское (в черте г. Тула), на мысу, образованном оврагом и карстовыми провалами (рис. 1). Площадка городища подпрямоугольной формы, размером 60х40 м, высота над тальвегом оврага 12–16 м. С напольной стороны городища расположены три ряда валов и рвов. Высота валов от 1 до 2,5 м, глубина рвов от 1 до 2 м. В мысовой части сохранилась перемычка между карстовым провалом и краем оврага, соединяющая площадку с соседним полем. Она так же защищена тремя рядами небольших валов.

Городище впервые упоминается в работе И. П. Сахарова «Памятники Тульской губернии» в 1851 году. В ней приводится народное придание, связывающее городище с неизвестным древнерусским городом, уничтоженным татарами. Эту историю развивает П. И. Малицкий в своей работе «Приходы и церкви Тульской епархии» 1895 г., который называет датой разорения города «Лабына» 1334 год. В дальнейшем памятник осматривался тульскими археологами в 1937 (Архив ИИМК, ф. 35, оп. 1, 1938, д. 33) и 2002 гг. (Н. В. Иванов). В 2003 г. на его площадке были проведены первые раскопки (Н. В. Иванов). В 2022 г. И. С. Простяковым на памятнике было заложено 2 раскопа. Раскоп 1 площадью 20 м^2 был расположен в приваловой части памятника. Раскоп 2, площадью 26 м^2 был заложен вблизи западного склона площадки, на месте грабительского разрытия.

Городище представляет собой многослойное поселение. Наиболее ранние слои памятника относятся к эпохе раннего железного века. Самый ранний горизонт этого времени относится к памятникам с текстильной и гладкостенной керамикой с тычковой орнаментацией (VIII–VII вв. до н. э.). Следующий культурно-хронологический горизонт относится к лесостепным древностям «скифоидной культуры» и предварительно может быть датирован в рамках VI–V вв. до н. э. Среди находок, относящихся к этому типу древностей, можно отметить роговое донце колчана, каменный оселок, глиняную подвеску в виде диска, украшенного спиральным орнаментом, с расходящимися лучами (из заполнения культового объекта), бронзовую посоховидную булавку (рис. 5, *2*), бронзовый перстень (рис. 5, *1*), фрагмент «рогатого кирпича» (рис. 5, *4*). Вероятно, в это же время были возведены укрепления городища в виде трех рядов валов и рвов. Самый поздний культурно-хронологический горизонт раннего железного века представлен материалами памятников типа Упа 2 (рубеж эр) из раскопа 1.

Рис. 5. Городище Лобынское:

1 – перстень; *2* – булавка; *3* – инструмент; *4* – «рогатый кирпич»;

1–2 – бронза; *3* – кость; *4* – глина

Городище Страхово 2 [2; 4] расположено на территории муниципального образования г. Тула, в 1,3 км к северу-северу-западу от д. Страхово и в 2,45 км к северу от городища 1, на мысу, образованном двумя отвершками безымянного ручья левого притока р. Тулица (правого притока р. Упа, правого притока р. Ока) (рис. 2). Размер площадки городища около 150х70 м, высота над ручьем 4–12 м. Городище локализовано в ходе разведочных работ 2018 г. К. А. Столяровой.

С напольной стороны поселение имеет укрепление в виде двух валов и рвов. Внутренний вал высотой до 1,5 м, внешний до 2 м, между рвами – ров глубиной до 1 м. За внешним валом прослежен несколько заплывший

ров глубиной до 0,5 м. В мысовой, юго-западной части площадки городища зафиксирована эскарпированная площадка 12х7 м, на которой расположен небольшой вальчик высотой до 0,5 м. С юго-восточной стороны хорошо сохранился въезд на городище – ров глубиной до 1 м, идущий вдоль юго-восточной границы площадки городища и отделяющий ее от склона.

Архивные изыскания показали, что городище было известно тульским краеведам в начале XX в., но позже выпало из поля зрения исследователей. Первые сведения о памятнике дает анкета преподавателя Тульского реального училища Константина Семёновича Дубенского (18.12.1877 г. –?). Он вел активную внеурочную деятельность с учениками, организовывал учебно-познавательные экскурсии в Щегловскую засеку, Петровский парк, на Судаковский металлургический завод.

В анкете содержится следующий ответ о памятниках археологии на данной территории: *«... у дер. Кислинка Торховской волости в лесу на земле помещика Серебровского имеется земляная насыпь в чаще леса, называемая «Городки». В этой чаще леса между двумя сходящимися под острым углом оврагами находится покрытый лесом мыс, площадью около десятины земли. Вершина мыса обращена к западу, высоко приподнята над уровнем дола оврагов, в восточной же стороне прилегает к дороге, ведущей из дер. Фуниково в село Торхово. Параллельно дороге на мыске имеется ряд глубоких продольных ям, напоминающих окопы или траншеи. Несколько круглых ям находится и на поверхности мыска. Юго-западный и северо-западный края мыска слегка приподняты. Находок на месте городища не было. Преданий не сохранилось»* (Государственный архив Тульской области, ф. 1, оп. 1, д. 432, анкета № 15, ответ преподавателя Тульского реального училища К. Дубенского; научный архив Тульского областного краеведческого музея, картотека М. А. Дружинина, карт. 847/50).

Нужно сказать, что данное описание внешнего вида городища применимо и к сегодняшнему его состоянию. Следует отметить лишь разрушение юго-восточного склона городища вследствие его подмыва талыми водами ручья и три достаточно крупные ямы (3х4 м), возможно, от погребов, на внешнем вале, в его юго-восточной части.

Исследования 2020 г. были направлены в первую очередь на уточнение культурной принадлежности городища и его хронологии. С этой целью на юго-западной оконечности площадки городища, на месте шурфа 1 2018 г., был заложен раскоп 1 общей площадью 21 м^2. В результате были изучены две постройки каркасно-столбовой конструкции. Обе постройки по многочисленным находкам из цветного металла (бляшки-нашивки, пронизки, застежки и др.) датируются I в. и сгорели в пожаре, связанном со штурмом городища (рис. 6, *18–24*). Свидетельство этому – распределение черешковых трехлопастных наконечников стрел в планиграфии раскопа – они были най-

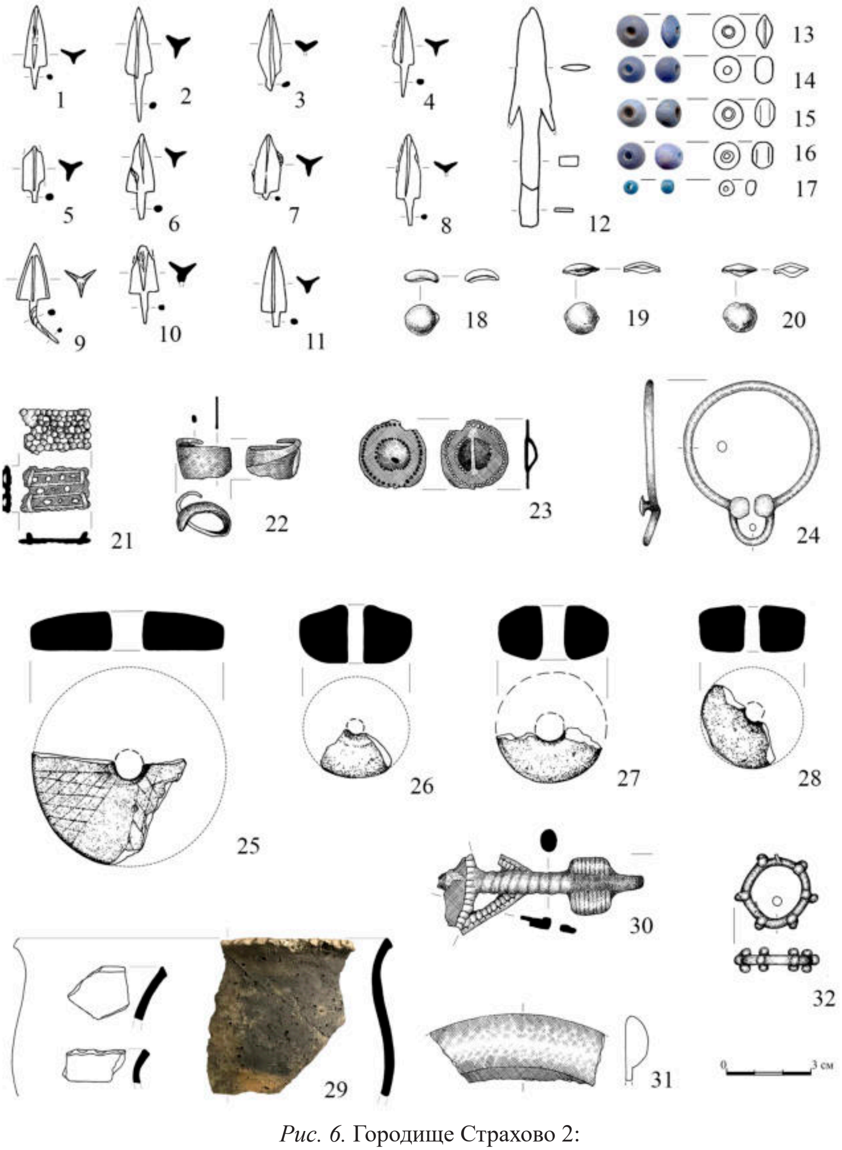


Рис. 6. Городище Страхово 2:

1–12 – наконечники стрел; *13–17* – бусы; *18–20* – бляшки; *21* – нашивка; *22* – височное кольцо; *24* – сюльгама; *25–28* – пряслица; *29* – груболепной сосуд; *30* – эполетовидная застежка; *31* – фрагмент зеркала; *32* – шишковатое кольцо;

1–12 – железо; *13–17* – стекло; *18–24, 30–32* – бронза; *25–29* – глина

дены вдоль стен изученных построек (рис. 6, *1–11*). По южному, юго-западному и юго-восточному склону городища было собрано более 50 наконечников стрел: черешковых трехлопастных (рис. 6, *1–11*), черешковых двушипных с раскованным в виде отвертки черешком (рис. 6, *12*), втульчатых двушипных. Данные типы стрел также датируются в рамках I в. и составляют один колчанный набор в ранних погребениях Андреевского кургана (Республика Мордовия). Среди других находок следует отметить бусы синего стекла (рис. 6, *13–17*) и эполетообразную застежку (рис. 6, *30*), которые ранее не встречались на памятниках первых веков н. э. лесной зоны Центральной России. По культурной принадлежности городище относится к памятникам типа Упа 2 и представляет особый интерес для изучения истории Верхнего Поочья и всего пограничья леса и степи на рубеже эр. Исходя из всего комплекса находок с городища Страхово 2, и в первую очередь датирующих – импортной керамики, стеклянных бус, эполетообразной застежки, височного кольца и медной монеты ассария – горизонт памятника типа Упа 2 на городище Страхово 2 может быть датирован I в. Гибель поселения, вероятно, можно отнести ко второй половине I в., хотя нельзя исключать и самое начало II в. [4].

Таким образом, городище Страхово 2 представляет особый интерес для изучения истории всего пограничья леса и степи на рубеже эр. Уникальность памятника объясняется тем, что поселение бытовало довольно короткий промежуток времени. Находки инокультурных вещей свидетельствуют о том, что на рубеже эр существовали довольно тесные культурные или торговые контакты населения памятников типа Упа 2 со своими южными соседями. Полученные за последние годы материалы (городища Страхово 2, Малая Стрекаловка, Слобода) позволяют говорить о том, что потрясения I века на Окско-Донском водоразделе являются частью глобальной серии событий, связанных с экспансией в лесную зону южного по происхождению населения, происходившей с участием сарматских группировок [5].

Барыбинский клад. Был найден в результате незаконных раскопок с применением металлодетектора на территории «Большой Тулы» около д. Барыбинка – 1,2 км юго-восточнее ее окраины, на левом берегу безымянного ручья, левого притока р. Синетулица, в 2,3 км от впадения. Сотрудники ФСБ пресекли попытку продажи клада на черном рынке и передали его в фонды музея-заповедника «Куликово поле». На месте разрытия (яма аморфной формы размерами 0,75х0,8 м и глубиной до 0,7 м) был заложен исследовательский шурф площадью 1х1 м с целью определения мощности разрушенного культурного слоя. На месте разрытия она составила 0,7 м. Керамический материал, полученный в результате исследований, позволяет выделить 2 хронологических периода бытования поселения – памятники типа Упа 2 (I в. до н. э. – 1-я половина II в. н. э.) и эпохи средневековья (XIV–XV вв.).

Рис. 7. «Барыбинский клад»:

1 – многовитковый браслет; *2* – височное кольцо; *3* – накладка; *4* – подвес; *5* – пронизка; *6* – бусы

Клад был спрятан на окраине древнего поселения на рубеже I и II веков нашей эры, когда территория будущей Тульской области попала в орбиту влияния сарматского мира. В 2023 году на месте находки клада был заложен раскоп. В ходе работ было выяснено, что клад был сокрыт в заглубленной части постройки.

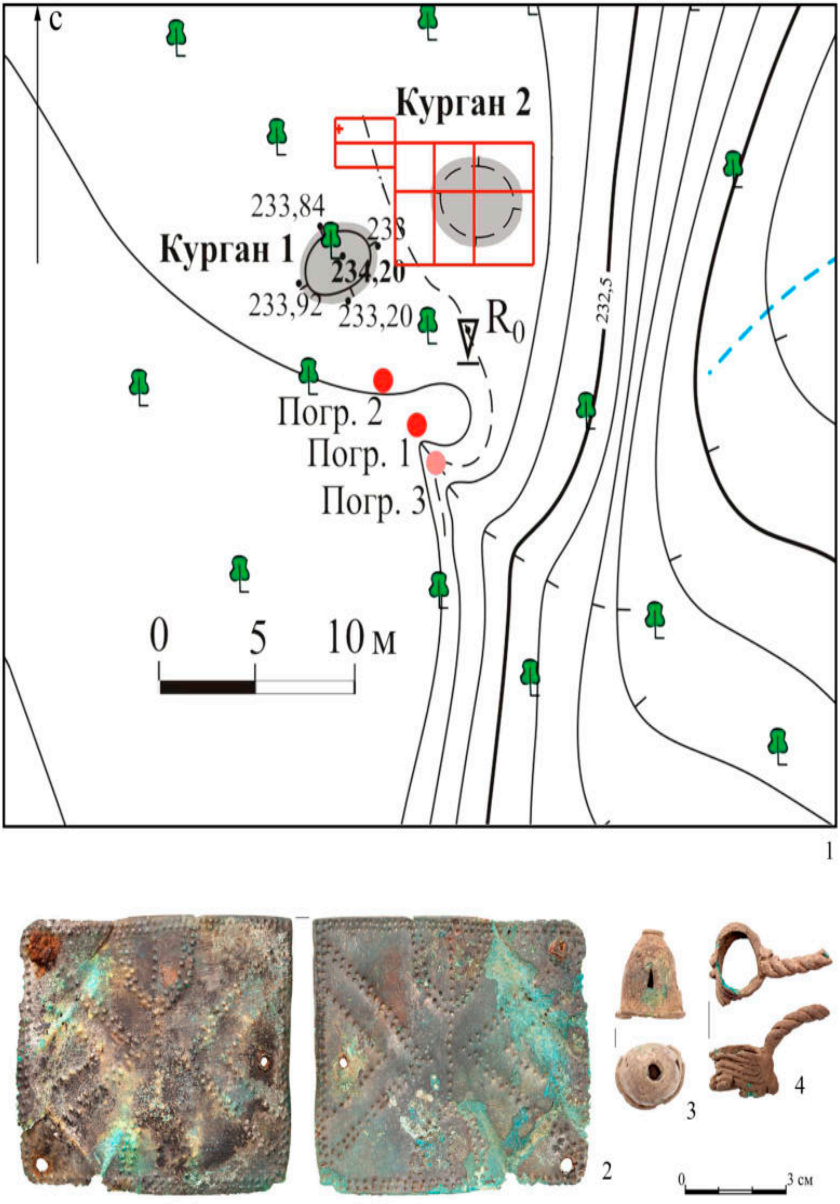


Рис. 8. Могильник Залесный:

1 – топографический план; *2* – накладка на пояс; *3* – подвеска; *4* – фрагмент изделия

Рис. 9. Избранные монеты из кладов позднеримских бронзовых монет с территории Тульской области:

1–6 – Рождествено; *7–9* – Малая Стрекаловка; *10–12* – Самохваловка; *13–15* – Павловское; *16–18* – Воздремо; *19–21* – Майский;

1, 6 – Константин I (Констанций II); *2, 3, 18* – Константин I; *4, 5, 10, 16, 20* – Констанций II; *7* – Констанций II (Константин I (посм.); *8* – династия Валентиниана; *9, 13, 21* – Гонорий; *11* – Феодосий II; *12* – Валентиниан I; *14* – Аркадий или Гонорий; *15* – Констанций II (Констанций Галл); *17* – Константин I (Константин II); *19* – Феодосий I

Уникальность рассматриваемого клада в том, что он послужит основанием для реконструкции костюма жителей региона того времени. До этого были известны отдельные находки украшений, но весь набор удалось увидеть впервые. Клад составляют около 1500 предметов, сделанных из серебра, бронзы, стекла, глины. Это браслеты, перстни, бронзовые детали сложного и богатого ожерелья, бусы (рис. 7).

Курганно-грунтовой могильник у пос. Залесный [6; 7]. Благодаря информации краеведов г. Тула, он был открыт в 2020 г. (рис. 8). На нем было выявлено два грунтовых погребения (№ 1 и № 2) по обряду кремации (в обоих случаях сожжение было проведено на стороне), размытое погребение (№ 3) и две насыпи, которые были интерпретированы как курганы. Размеры кургана № 1 – высота насыпи около 0,4 м, диаметр около 4 м. У кургана № 2 – высота насыпи составляет около 0,4 м, диаметр около 4 м. Обе насыпи немного оплыли.

Погребения № 1 и № 2 были разграблены, но находки из них удалось изъять в фонды музея-заповедника «Куликово поле». Погребение № 1 было доисследовано шурфом. Могильник был датирован по находкам из грабительских разрытий на месте грунтовых погребений 2-ой половиной III – началом IV в. Ближайшее к нему городище, имеющее слои мощинской культуры, – Малая Стрекаловка, расположено в 1,5 км к юго-востоку.

В 2021 году было решено изучить раскопом одну из насыпей (№ 2), не заросшую деревьями. Раскопки показали, что она не является курганом, но имеет, безусловно, антропогенное происхождение. В основе ее конструкции – большая яма, выкопанная в материке. Заполнение двухслойное. В центральной части – это утрамбованный чистый материковый суглинок, идущий от дна ямы и образующий возвышение, которое и сделало это сооружение похожим на курган. По бокам яма заполнена плотным черным суглинком с примесью мелких углей. Находок не содержала. Судя по тому, что вторая насыпь имеет в верхней части такой же плотно утрамбованный материковый суглинок, конструкция ее аналогична.

В северо-западной части раскопа, между насыпями, была найдена прямоугольная бронзовая поясная пластинка, украшенная точечным орнаментом (рис. 8, *2*). К ремню она крепилась с помощью трех железных заклепок, две из которых расположены по углам одной из коротких сторон, а третья – посередине противоположной стороны. Полные аналогии этой находке происходят из погребения № 2, где был обнаружен поясной набор, состоящий из 6 таких пластин. Находка была сделана на глубине около 5 см от поверхности.

Кроме того, из дерна и верхнего слоя насыпи происходят 12 мелких фрагментов керамики мощинской культуры и 2 фрагмента, относящиеся к раннему железному веку. Таким образом, вероятнее всего, что насыпь была

сооружена в более раннее время и существовала к моменту возникновения могильника. В этой части площадки погребения не совершались, но сформировался культовый слой, правда, очень слабо насыщенный находками.

Обследование склона оврага южнее погребения № 3 дало много находок металлических изделий, в основном сломанных и оплавленных и достаточно представительную коллекцию керамики мощинской культуры. Судя по всему, большая часть могильника была разрушена осыпью.

Клады позднеримских бронзовых монет [6; 8–11]. Во 2-ой половине 2010-х гг. на территории Тульской области было сделано два важных открытия, меняющих представление о местных древностях позднеримского времени и эпохи Великого переселения народов. Во-первых, в результате масштабных спасательных археологических работ на поселении Упа 2 в черте города Тулы была выделена новая группа памятников типа Криволучье середины IV – V в. [6, с. 153–154, рис. 27–28; 8]. Во-вторых, в регионе появились находки позднеримских бронзовых монет (рис. 3, *9*), которые изучались совместно с К. В. Мызгиным [9–11]. Как показали исследования, два этих явления тесно связаны между собой, поскольку монеты происходят с памятников типа Криволучье и расположенных в непосредственной близости от них поселений мощинской культуры. За последние годы число известных находок значительно увеличилось [10].

Монеты из шести опубликованных к настоящему времени кладов относятся к наименьшим номиналам позднеримской монетной системы, которые обозначаются в римской нумизматике формулами AE3 (17–20 мм диаметром) и AE4 (16 мм и менее диаметром). Эти номиналы относятся к крайне легковесным. Для кладов региона характерны небольшие депозиты, включающие от 10 до 20 монет (по крайней мере, столько монет из каждого клада поступило в музей). Только в одном случае количество монет составляет 140 (Рождествено). Если бы мы говорили о территории с активным денежным обращением, то логично было бы отнести такие депозиты к категории «кошельков».

Клад Рождествено. Осенью 2021 г. поступила информация, что в Одоевском районе Тульской области, в лесном массиве в районе д. Рождествено, найден клад из 118 римских бронзовых монет. Находчиков удалось убедить передать клад в фонды Государственного музея-заповедника «Куликово поле» и указать точное место находки. При обследовании была найдена грабительская яма размерами 106х80 см, на месте которой был заложен шурф размером 1х2 м, ориентированный по оси север–юг (рис. 3).

По всей площади шурфа был зафиксирован культурный слой мощностью до 0,3 м, в котором было найдено 54 фрагмента керамики мощинской культуры. В южной части шурфа, на расстоянии около 0,6 м от грабительской ямы, был обнаружен край котлована, возможно, жилой постройки,

вскрытие которого не проводилось согласно методическим требованиям. На дне грабительской ямы *in situ* были найдены еще 22 монеты. Всего, таким образом, было найдено 140 бронзовых римских монет. Это самый крупный такой клад в регионе верхней Оки. В результате работ удалось определить, что клад был сокрыт на маленьком поселении мощинской культуры, расположенном в верховьях ручья, правого притока р. Упа. Оно находилось в 4 км от его устья, в глубине лесного массива. Общая его площадь, определенная по подъемному материалу, составляет всего около 400 м². Анализ керамического материала позволяет датировать его в рамках сер. IV – середины V в.

Вопрос причин и путей поступления позднеримских монет на территорию бассейна верхней Оки чрезвычайно труден. Практический смысл хранения этих монет их владельцами на территории современной Тульской области установить тоже сложно. Экономические причины фактически отпадают. Торговые связи, как уже было сказано выше, практически исключены, сохранение бронзовых монет в качестве сокровища предположить сложно, использование их как источника бронзы для переплавки также весьма сомнительно – вес большинства кладов составляет всего от 14 до 36 г, самого большого – около 220 г. Наиболее вероятно, что их владельцы не исключали возможности возвращения в будущем на территорию империи и сохраняли необходимый «стартовый капитал», или монеты служили своеобразной реликвией.

Библиографические ссылки

1. *Столяров Е. В., Воронцов А. М., Колоколов А. М., Простяков И. С.* Археологическая разведка в городе Тула (бассейн среднего течения реки Упа) // Археологические исследования в Центральном Черноземье 2020. Липецк, Воронеж, 2021. С. 179–182.

2. *Столяров Е. В.* Ранний железный век // Археология Окско-Донского водораздела. В 2 кн. Кн. 1. С древнейших времен до Средневековья. Тула, 2022. С. 99–141.

3. *Столяров Е. В., Колоколов А. М., Простяков И. С.* Раскопки городища у деревни Гора Услань на территории города Тулы // Археологические исследования в Центральном Черноземье 2021. Липецк–Воронеж, 2022. С. 177–179.

4. *Столяров Е. В.* Городище Страхово 2. Горизонт I века // КСИА. 2023. Вып. 270. С. 70–83.

5. *Воронцов А. М., Столяров Е. В.* Война I века на границе лесной зоны: Окско-Донской водораздел // Stratum plus. 2019. № 4. С. 51–74.

6. *Воронцов А. М.* Позднеримское время и эпоха Великого переселения народов (конец II–VII век) // Археология Окско-Донского водораздела. В 2 кн. Кн. 1. С древнейших времен до Средневековья. Тула, 2022. С. 142–184.

7. *Воронцов А. М., Столяров Е. В.* Раскопки на могильнике мощинской культуры у поселка Залесный // Археологические исследования в Центральном Черноземье. 2021. Липецк, Воронеж, 2022. С. 160–161.

8. *Воронцов А. М., Столяров Е. В.* Материалы гуннского времени с поселения Упа 2 в черте города Тулы. // Раннеславянский мир. Вып. 19. Европа от Латена до Средневековья: варварский мир и рождение славянских культур: к 60-летию А. М. Обломского. Москва, 2017. С. 298–310.

9. *Воронцов А. М., Мызгин К. В.* Ultima Thule? О находках позднеримских монет на территории Тулы // Oium. Вып. 6. Старожитності варварських племен у першій половині I тис. н. е.: до 90-річчя В. Д. Барана. Київ, 2019. С. 244–261.

10. *Воронцов А. М.* Тульский феномен: новые находки позднеримских бронзовых монет с правобережья верхней Оки // Stratum plus. 2023. № 4. С. 387–408.

11. *Мызгин К. В., Воронцов А. М.* О группе находок позднеримских бронзовых монет на территории Тульской области // Двадцатая всероссийская нумизматическая конференция. Великий Новгород, 16–20 апреля 2019 г. Тезисы докладов и сообщений. Москва, 2019. С. 28–30.

ВЫТВОРЧЫ ЎЧАСТАК НА ПАСЕЛІШЧЫ ПРАЖСКАЙ КУЛЬТУРЫ СНЯДЗІН-2

В. С. Вяргей[1], Г. М. Бяліцкая[2]

*[1] Інстытут гісторыі НАН Беларусі, вул. Акадэмічная, 1,
220072, г. Мінск, Рэспубліка Беларусь, v.viarhejpraga@gmail.com*
*[2] Інстытут гісторыі НАН Беларусі, вул. Акадэмічная, 1,
220072, г. Мінск, Рэспубліка Беларусь, hannabelitskaya@gmail.com*

Выяўленыя падчас археалагічных даследаванняў у 1993–1998 гг. экспедыцыяй Інстытута гісторыі НАН Беларусі аб’екты і матэрыялы на паселішчы пражскай культуры Снядзін-2 у Петрыкаўскім раёне Гомельскай вобласці дазваляюць меркаваць, што тут размяшчаўся вытворчы ўчастак. На гэтым месцы адкрыты ніжнія часткі 5 сырадутных печаў, у якіх атрымоўвалі жалеза, спецыяльныя ямы, прызначаныя для нарыхтоўкі драўнянага вугалю і адпаведнай апрацоўкі балотнай руды для яе выкарыстання ў металургічным працэсе. Тут жа прасочаны сляды апрацоўкі каляровых металаў і вырабу з іх упрыгажэнняў. Назапашаныя даныя сведчаць, што на даследаваным участку была сканцэнтравана праца старажытнаславянскіх рамеснікаў-металургаў, кавалёў і ювеліраў.

Ключавыя словы: пражская культура; археаметалургія; ранняе сярэднявечча; сырадутныя печы; вытворчасць жалеза; кавальства; ювелірнае рамяство.

ПРОИЗВОДСТВЕННЫЙ УЧАСТОК НА СЕЛИЩЕ ПРАЖСКОЙ КУЛЬТУРЫ СНЯДИН-2

В. С. Вергей[1], А. Н. Белицкая[2]

*[1] Институт истории НАН Беларуси, ул. Академическая, 1,
220072, г. Минск, Республика Беларусь, v.viarhejpraga@gmail.com*
*[2] Институт истории НАН Беларуси, ул. Академическая, 1,
220072, г. Минск, Республика Беларусь, hannabelitskaya@gmail.com*

Обнаруженные во время археологических исследований в 1993–1998 гг. экспедицией Института истории НАН Беларуси объекты и материалы на селище пражской культуры Снядин-2 в Петриковском районе Гомельской области позволяют предположить, что здесь располагался производственный участок. На этом месте открыты нижние части 5 сыродутных печей, в которых получали железо, специальные ямы, предназначенные для заготовки древесного угля и соответствующей обработки болотной руды для ее использования в металлургическом процессе. Здесь же прослежены следы обработки цветных металлов и изготовления из них украшений. Накопленные данные свидетельствуют, что на исследованном участке была сосредоточена работа древнеславянских ремесленников-металлургов, кузнецов и ювелиров.

Ключевые слова: пражская культура; археометаллургия; раннее средневековье; сыродутные печи; производство железа; кузнечное дело; ювелирное ремесло.

THE PRODUCTION SITE AT THE PRAGUE CULTURE SETTLEMENT SNIADZIN-2

V. S. Vergey[1], A. N. Belitskaya[2]

[1] Institute of History of the NAS of Belarus, Academic str., 1,
220072, Minsk, Republic of Belarus, v.viarhejpraga@gmail.com
[2] Institute of History of the NAS of Belarus, Academic str., 1,
220072, Minsk, Republic of Belarus, hannabelitskaya@gmail.com

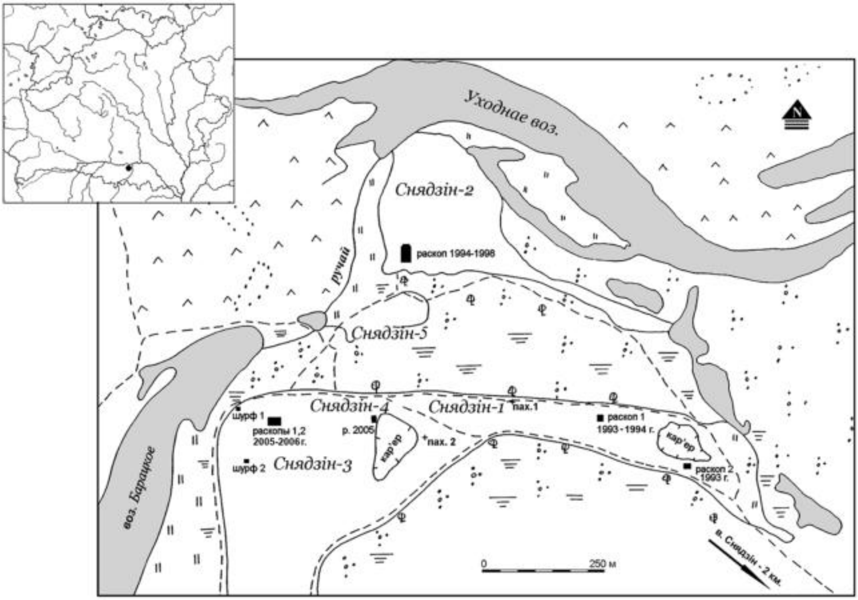
Objects and materials discovered during archaeological research in 1993–1998 by an expedition of the Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus at the settlement of Prague culture Sniadzin-2 in the Petrikovsky district of the Gomel region suggest that there was a production site here. At this place, the lower parts of 5 raw-fuel furnaces were opened, in which iron was produced, special pits designed for harvesting charcoal and the corresponding processing of marsh ore for its use in the metallurgical process. Traces of the processing of non-ferrous metals and the manufacture of jewelry from them are also traced here. The accumulated data indicate that the work of ancient Slavic artisans-metallurgists, forgers and jewelers was concentrated on the studied site.

Keywords: Prague culture; archaeometallurgy; early Middle Ages; bloomeries; iron production; blacksmithing; jewelry craft.

У гісторыі чалавечага досведу адкрыццё і асваенне чорнага металу цяжка перабольшыць, таму цікавасць даследчыкаў да гэтых працэсаў з'яўляецца невыпадковай. Даволі часта ў археалагічных крыніцах паведамляецца пра знаходкі кавалкаў жужалю (металургічных адыходаў) на старажытных паселішчах, але даследаванне канструкцыйных асаблівасцяў старажытных металургічных печаў можа лічыцца рэдкай удачай, так як тэхналогіі і спосабы прыгатавання, веды і навыкі майстра сведчаць аб вытворчай культуры канкрэтнага соцыуму. Менавіта так можна разглядаць вывучэнне рэшткаў пяці печаў для атрымання жалеза на паселішчы 2 каля в. Снядзін.

Археалагічны комплекс каля в. Снядзін Петрыкаўскага раёна адкрыты В. С. Вяргей ў 1992–1993 гг. Ён складаецца з чатырох паселішчаў і грунтовага могільніка з пахаваннямі па абрадзе трупаспалення (рыс. 1). Размешчаны ў 2,5 км на паўднёвы захад ад вёскі, на правым беразе р. Прыпяць, на вышыні 2,5–3 м над узроўнем вады на краю надпоплаўнай тэрасы. З захаду і паўночнага захаду яго тэрыторыя абмежавана старычнымі азёрамі Барацкое і Уходнае (Входнэе).

Паселішчы Снядзін-1 і 3 знаходзяцца на выцягнутай з усходу на захад пясчанай градзе даўжынёю да 1 км. На самай высокай кропцы грады паміж паселішчамі 1 і 3 размяшчаўся грунтовы могільнік, на ўсёй паверхні якога паўсюль прасочваюцца кальцыніраваныя косткі з раздзьмутых ветрам пахаванняў. Два з іх, не да канца зруйнаваныя, даследаваныя ў 1993 годзе. Паселішча Снядзін-2 займае паўночнае становішча адносна паселішчаў 1 і 3 і



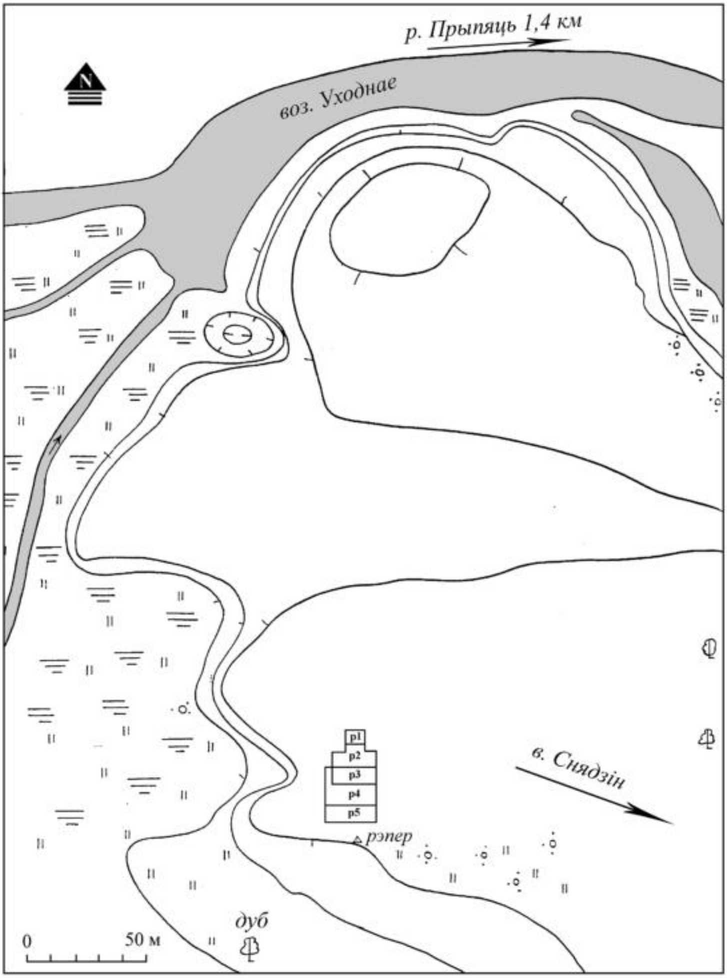
Рыс. 1. Сітуацыйны план паселішчаў каля вёскі Снядзін

аддзядяецца ад іх забалочанай нізінай [1, s. 278–304]. Паселішча Снядзін-5 размешчана паміж селішчамі Снядзін-2 і 3, яго плошча каля гектара. Выявіў у 2010 г. В. Г. Белявец.

Раскопкі археалагічнага комплексу каля в. Снядзін праводзіліся экспедыцыяй Інстытута гісторыі НАН Беларусі на працягу шэрагу палявых сезонаў. У 1993 г. на паселішчы Снядзін-1 пад кіраўніцтвам В. С. Вяргей і М. М. Крывальцэвіча (122 м^2) [2], пад кіраўніцтвам В. С. Вяргей на паселішчы Снядзін-2 у 1994–1998 гг. (звыш 400 м^2) [3, с. 27–35], у 2005 г. на могільніку Снядзін-4 (112 м^2) [4], у 2006, 2011–2013 гг. на паселішчы Снядзін-3 (звыш 400 м^2) [5, с. 121–123; 6, с. 21–32]. На ўсіх селішчах выяўлены археалагічныя матэрыялы ад эпохі неаліту да сярэднявечча ўключна. З 1994 г. па 2006 г. удзел у раскопках прымаў прафесар Мюленбергскага каледжа В. Трымер з групай амерыканскіх студэнтаў (штат Пенсільванія, ЗША). У 2012, 2015–2016 гг. праведзены комплексныя даследаванні з групай супрацоўнікаў Гётынгенскага ўніверсітэта пад кіраўніцтвам доктара Енса Шнеевайса сумесна са спецыялістамі з Польшчы і Расіі. У Снядзіне былі зняты тапаграфічны план мясцовасці, праведзена геафізічная разведка [7, с. 194–202; 8, с. 194–202; 9, с. 231–235]. З 2015–2016, 2019 гг. даследаванні на комплексе працягваліся экспедыцыяй Інстытута гісторыі НАН Беларусі пад кіраўніцтвам А. Ф. Касюк (каля 80 м^2).

Звесткі аб археаметалургіі на тэрыторыі Беларусі з’явіліся у першай палове XX ст. Атрыманне такой інфармацыі стала магчымым у археалогіі з выкарыстаннем метадаў металаграфічнага даследавання. Першыя крокі па прымяненні метадаў прыродазнаўчых навук былі зробленыя ў беларускай археалогіі ў 30-я гады XX ст. А. М. Ляўданскім. Ён займаўся даследаваннем старажытнай чорнай металургіі з прыцягненнем метадаў фізічнай і хімічнай навук. Археалагічныя крыніцы дазволілі навукоўцу асвятліць працэс здабычы руды і атрымання жалеза. Ён адзначыў, што жалеза ў домніцы атрымоўвалі не ў вадкім (расплаўленым) стане, а ў выглядзе цестападобнай з дамешкамі жужалю крыцы. Шляхам гарачай коўкі і пакетавання крыцы рыхтавалі да далейшай апрацоўкі і вырабу з іх стальных і жалезных рэчаў [10, с. 55–84; 11]. Такім чынам, быў апісаны спосаб атрымання жалеза ў жалезным веку і раннім сярэднявеччы, фізіка-хімічныя параметры сырадутнага працэсу, аргументаваны мясцовы характар чорнай металургіі і вырабаў з жалеза. Навуковец адзначыў адклады балотнай руды і рэшткі жалезаробчай вытворчасці на Петрыкаўшчыне каля вёсак Аголіцкая Рудня, Сярэдняя Рудня, Бабунічы, Баклань, Глініца, Рубча, Белка, Снядзін. Найбольш значнае радовішча балотнай руды даследчык зафіксаваў каля пасёлка Ільіч (Слензакі).

Археаметалургічным накірункам даследаванняў (распрацоўкай праблемы чорнай металургіі і кавальства) у 1980-я – пачатку 2000-х гг. на высокім навуковым узроўні займаўся М. Ф. Гурын. Ён здейсніў комплексныя, пераважна металаграфічныя, даследаванні руд, дзесяткаў крыц і іх фрагментаў, тысяч кавалкаў жужалю, звыш 2000 кавальскіх вырабаў, знойдзеных больш як на 100 археалагічных помніках Беларусі. Праца праводзілася па навейшых методыках з выкарыстаннем аптычных і электронных мікраскопаў, спектрафатометраў, мікразондаў і іншых прыбораў вядомых зарубежных фірм. Вывучана прадукцыя насельніцтва розных археалагічных культур Беларусі эпохі жалеза, ранняга сярэднявечча і пазней. Вынікі даследаванняў дазволілі прасачыць развіццё вытворчасці чорных металаў і вырабаў з іх з сярэдзіны I тыс. да н. э. да канца XVIII ст. [12, с. 93]. Для пачатковых перыядаў станаўлення металургічнай індустрыі ў Прыпяцкім Палессі меліся ўсе неабходныя ўмовы: балотныя і поплаўныя руды, лясы з дастатковай колькасцю драўніны для выпальвання вугалю, гліна, камяні для пабудовы печаў, вапна для флюсаў. Як адзначае М. Ф. Гурын [12, с. 93–98], тэхніка металургіі жалеза складалася ў прамым аднаўленні з руды метала з розным утрыманнем жалеза ў невялікіх печах шахтавага тыпу. Крыцы ўтвараліся ў выніку цвёрдафазнага спякання мікрачасцінак між сабою. Зрэдку спяканне адбывалася пры наяўнасці вадкай фазы, структурна прадстаўленай ледзебурытным запаўняльнікам вольнай прасторы паміж спекшыміся часцінкамі ферыта альбо перліта. Вага найбольш вялікіх крыц магла дасягаць некалькіх сотняў грамаў [13, с. 27].



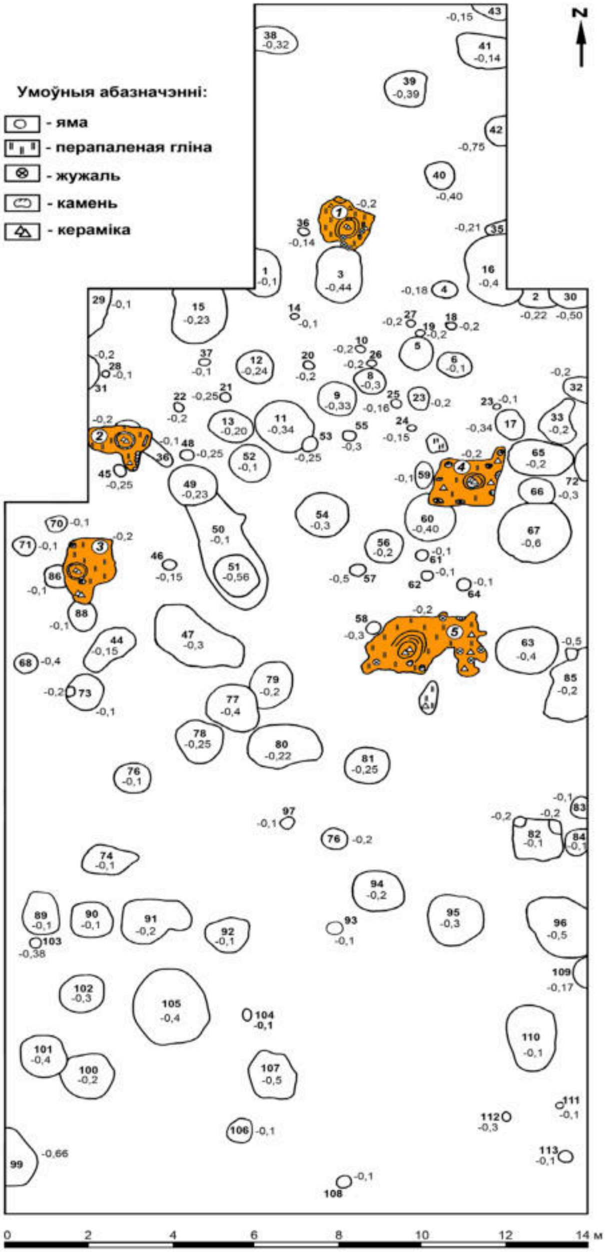
Рыс. 2. Схематычны план селішча Снядзін-2

Паселішча Снядзін-2 размешчана ў заходняй частцы выцягнутага з усходу на захад узвышша на вышыні 2,5–3,5 м над поплавам, ва ўрочышчы Дворышча, з поўначы абмежавана старычным возерам Уходнае (Входнэе), якое злучаецца з р. Прыпяць. Яго плошча дасягае прыкладна 150х270 м. У цэнтральнай частцы паселішча назіраецца паніжаная лагчына без прыкмет культурнага пласта. Тэрыторыя помніка разворвалася, на яго паверхні сустракаецца ляпная кераміка, кавалкі балотнай руды, жужаль. Даследавалася паўднёва-заходняя частка паселішча на плошчы звыш 400 $м^2$ (рыс. 2).

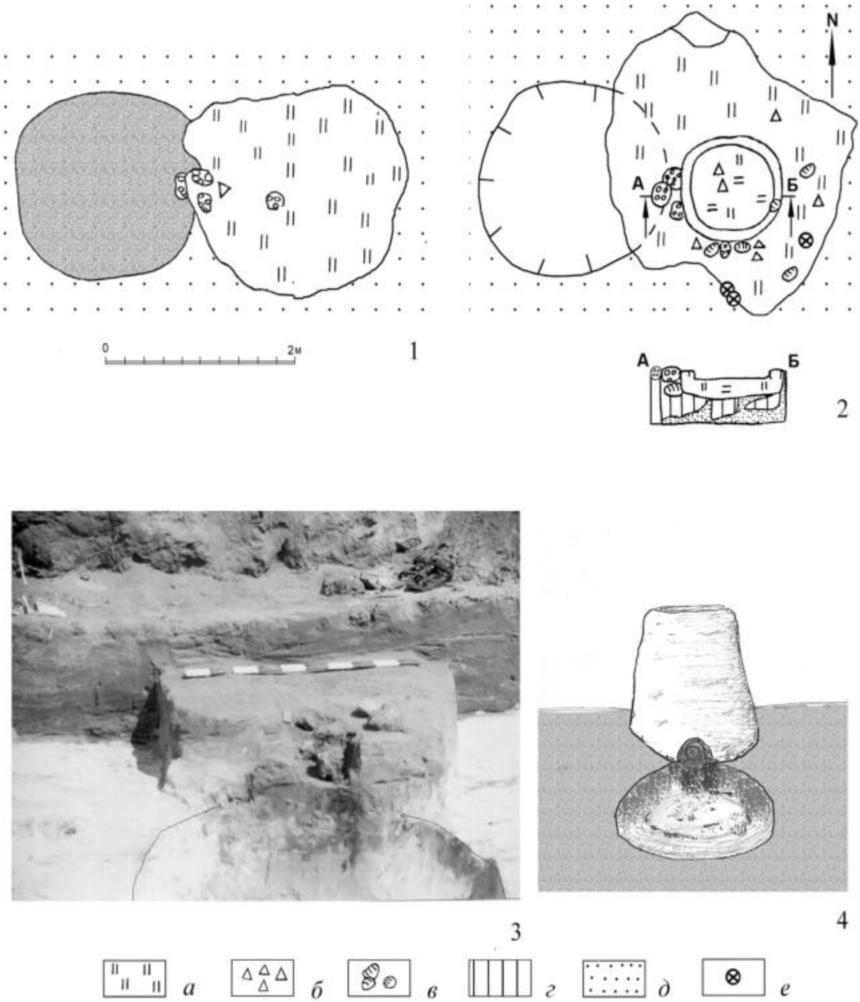
Культурны пласт дасягаў таўшчыні 0,35–0,7 м і складаўся ў верхняй частцы на глыбіню да 0,3–0,35 м з супеску цёмна-шэрага колеру, пашкоджанага ворывам на глыбіню 0,2–0,3 м. Ніжэй залягаў супесак буравата-карычневатага колеру. Мацярык уяўляе сабою жоўты пясок. У раскопах 1993–1998 гг. выяўлены 36 слупавых і 79 гаспадарчых ям, 2 асобныя агмені, складзеныя з камянёў і кавалкаў ляпнога посуду і 5 развалаў гліняных металургічных печаў (рыс. 3). Печы размешчаны кампактнай групай. Паўночнае становішча займае печ 1, к паўднёваму захаду ад яе знаходзяцца печы 2 і 3, к паўднёваму ўсходу – печы 4 і 5. Заходняя (2, 3) і ўсходняя (4, 5) пары печаў знаходзяцца на адлегласці каля 7 м ад печы 1. Адлегласць паміж печчу 2 і 3 складае крыху больш за 3 м і печамі 4 і 5 – звыш 4 м.

Печ 1 выяўлена на глыбіні 0,22–0,25 м у выглядзе развала чырванавата-карычневай і шэрай гліны з уключэннем кавалкаў жужалю, невялікіх камянёў і абломкаў ляпнога посуду (рыс. 4). Плошча развалу дасягала памераў прыкладна 1,4х1,6 м, таўшчыня яго вагалася ў межах 0,1–0,2 м. У паўднёвай частцы развалу прасочана амаль круглае ў плане дно печы дыяметрам 0,7 м, са знешняга боку якога захавалася аснова сценак на вышыню 2–3 см. Унутраны дыяметр печы складае 0,6 м, таўшчыня сценак дасягае 8–10 см. Дно ўяўляе сабою кола моцна абпаленай, парэпанай гліны, на якім прасочана тонкая праслойка чорнага пяску з попелам і два фрагменты ляпной керамікі. Само дно плоскае, яго таўшчыня даходзіць да 10 см, яго ніз залягае на вышыні каля 15 см ад мацерыка і на глыбіні 0,35–0,36 м ад дзённай паверхні. З паўночнага боку печы назіралася паглыбленне ў мацерыку да 0,1 м са слаістым запаўненнем. Адразу пад развалам гліны знаходзіўся пласт перапаленага пяску таўшчынёю 8–9 см, ніжэй залягаў пласт чорнай вуглістай зямлі з кавалкамі перапаленай гліны. Паміж ім і мацерыком прасочаны пласт бурага супеску таўшчынёю ад 2 да 10 см. На паўночным краю развалу гліны знойдзена крыца. У развале печы і пад ім выяўлена 66 кавалкаў металургічнага жужалю, некаторыя з іх дасягалі 16–18 см у дыяметры, а таксама 67 фрагментаў ляпной керамікі (рыс. 5). К поўдню ад дна печы, часткова пад скапленнем перапаленай гліны прасочана акруглая ў плане яма дыяметрам 1,2 м і глыбінёю ад узроўня мацерыка да 0,5 м. Яе запаўненне складалася з супеску бурага колеру з дамешкамі вуголля і попелу ў верхняй частцы. У яме знойдзена 4 кавалкі жужалю, 7 фрагментаў ляпной керамікі, 2 косткі жывёл і кавалкі балотнай руды. Вакол печы на глыбіні 0,3 м ад дзённай паверхні назіралася пляма чорнай зямлі з вуголлем і попелам. На ўсход ад печы яна распрасціралася на 3 м і на захад да 0,5 м.

Печ 2 выяўлена на глыбіні 0,2 м ад дзённай паверхні ў выглядзе скаплення чырвона-карычневай і шэра-зялёнай гліны плошчаю прыкладна 1,2х1,5 м з уключэннямі костак, кавалкаў жужалю, камянёў, фрагментаў ляпнога посуду. Таўшчыня развалу складала 5–10 см (рыс. 6, *1*). У яго цэнтры прасо-



Рыс. 3. Селішча Снядзін-2. Агульны план раскопаў (1994–1998 гг.)



Рыс. 4. Селішча Снядзін-2:

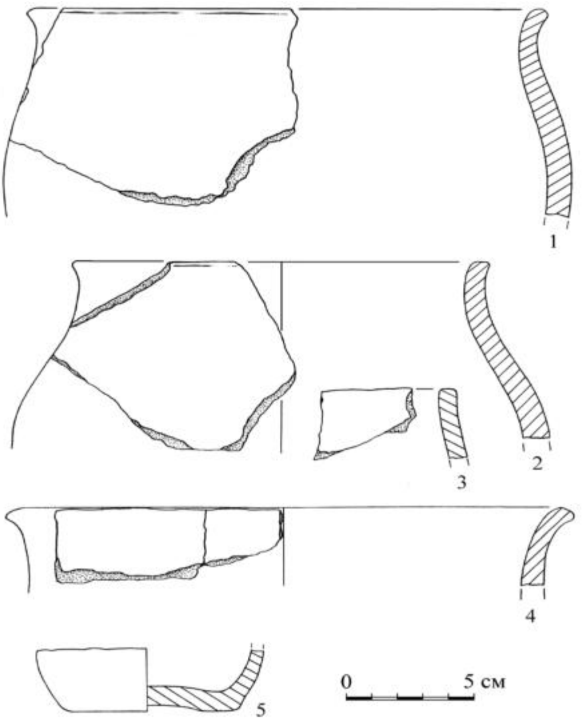
1 – рэшткі металургічнай печы 1 на глыбіні 0,3 м; *2* – на ўзроўні мацерыка; *3* – расчыстка развалу металургічнай печы 1; *4* – рэканструкцыя домніцы;

а – гліна; *б* – фрагменты керамікі; *в* – каменне; *г* – грунт цёмна-шэрага колеру; *д* – пясок жоўта-шэрага колеру; *е* – жужаль

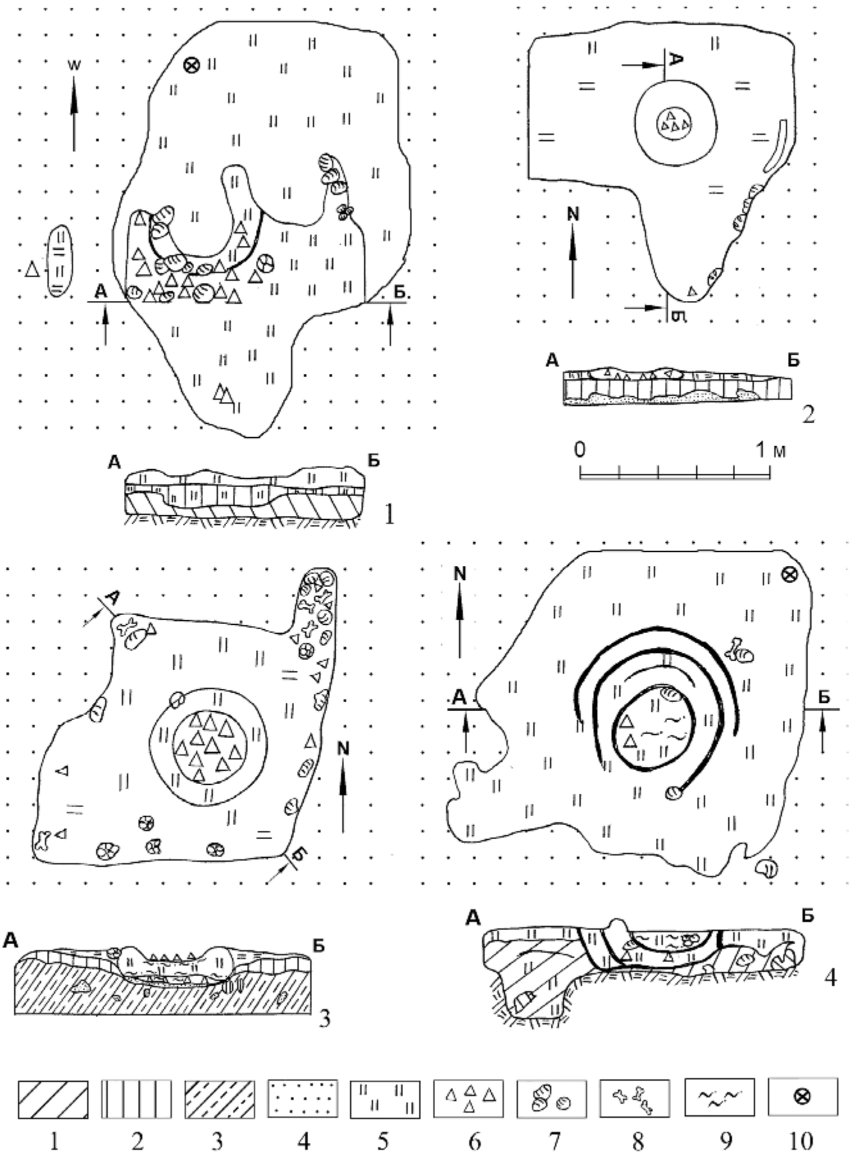
чана дно печы са знешнім дыяметрам 0,5 м і ўнутраным 0,3–0,35 м. Сценкі ў аснове мелі таўшчыню 7–9 см, а дно 2–3 см і было выкладзена буйнымі і дробнымі фрагментамі ляпнога посуду. Аснова печы знаходзілася на глыбіні

0,3 м ад дзённай паверхні і на вышыні 0,1 м ад мацерыка. Паміж дном печы і мацерыком прасочаны пласт супеску чорнага колеру з уключэннямі вуголля і попелу і рэдкімі лінзамі жаўтаватага пяску. На дне печы знойдзена 52 фрагменты керамікі, а ў развале – 16 (рыс. 7). З усходняга боку развала печы назіралася пляма чорнай з вуголлем і попелам зямлі.

Печ 3 знаходзілася прыкладна ў 3-х метрах к поўдню ад печы 2. Выяўлена на глыбіні 0,2–0,23 м ад дзённай паверхні ў выглядзе скаплення гліны чырвона-карычневага і шэра-зялёнага колераў з уключэннямі невялікіх камянёў, кавалкаў жужулю, фрагментаў ляпной керамікі (рыс. 6, *2*). Яго памеры прыблізна 1,2х1,7 м. Таўшчыня развалу вагаецца ў межах 8–12 см. Профіль развалу слаісты, праслойкі перапаленай чырванаватай гліны перамяжоўваюцца з праслойкамі чорнай з уключэннем вуголля і попелу зямлі. У заходняй частцы скаплення часткова прасочана падкавападобнай формы аснова сценак са знешнім дыяметрам каля 60 см і ўнутраным дыяметрам каля 40 см. Дно адсутнічае. У развале печы знойдзена 58 фрагментаў ляп-



Рыс. 5. Селішча Снядзін-2. Фрагменты ляпнога посуду з металургічнай печы 1

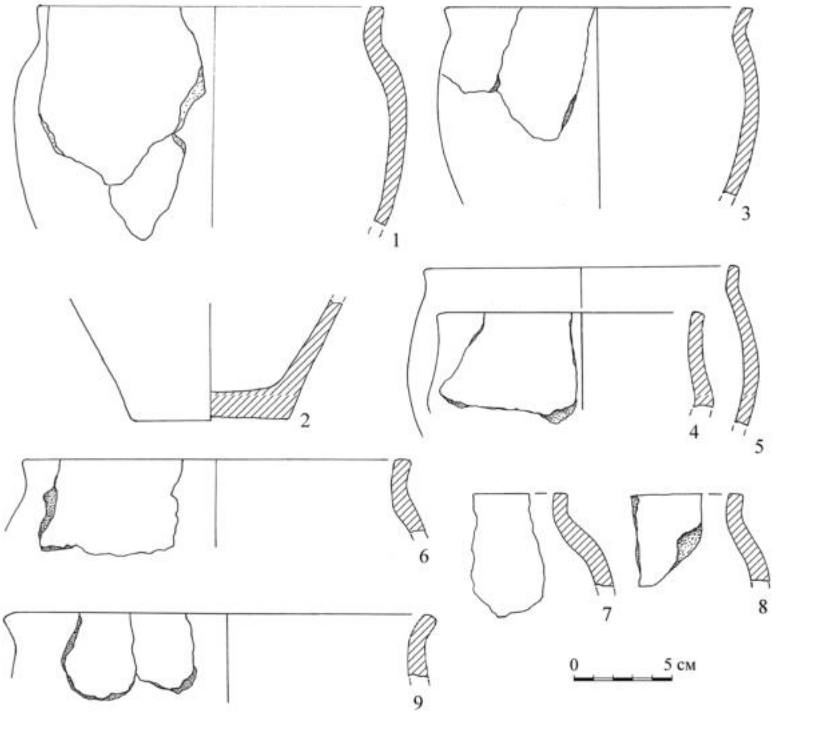


Рыс. 6. Селішча Снядзін-2. Рэшткі металургічных печаў 2–5:

а – гліна; *б* – фрагменты керамікі; *в* – каменне; *г* – грунт цёмна-шэрага колеру; *д* – пясок жоўта-шэрага колеру; *е* – жужаль; *ж* – цёмна-шэры пясок; *з* – бура-жоўты пясок; *і* – косткі; *к* – попельна-вуглісты пясок

ной керамікі, 23 кавалкі жужалю, 2 косткі жывёл. З заходняга боку, часткова пад развалам печы, у месцы, дзе прасочана аснова сценак, выяўлена яма 86, круглая ў плане, дыяметрам 0,7 м і глыбінёю 0,22 м ад узроўня мацерыка. У яе запаўненні, якое складаецца з чорнай зямлі з вуголлем і попелам, знойдзена 14 фрагментаў ляпнога посуду (рыс. 8) і 4 косткі жывёл. Пад паўднёвым краем скаплення гліны выяўлена яшчэ адна круглая ў плане яма дыяметрам 0,4 м і глыбінёю 0,2 м ад узроўня мацерыка. У яе запаўненні з чорнай зямлі з вуголлем і попелам выяўлена 2 фрагменты глянцаванага посуду, 2 грубаляпнога і кавалак пячыны.

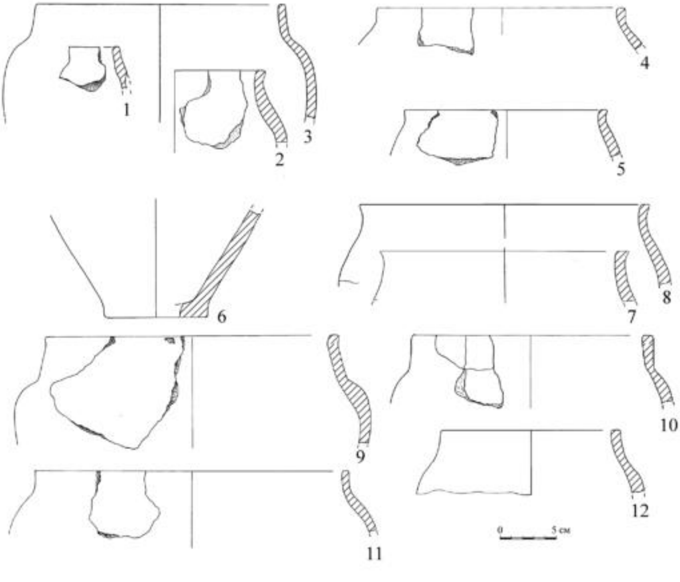
Печ 4 выяўлена на глыбіні 0,2–0,22 м ад дзённай паверхні ў выглядзе скаплення чырвона-карычневай і шэра-зялёнай гліны з уключэннем невялікіх камянёў, кавалкаў жужалю, фрагментаў ляпнога посуду (рыс. 9), костак жывёл, плошчаю прыблізна 1,2х1,6 м (рыс. 6, *3*). Усяго знойдзены 91 фрагмент керамікі, 34 косткі і 8 кавалкаў жужалю. Амаль у цэнтры развалу прасочана аснова сценак печы і падвойнае дно. Знешні дыяметр печы



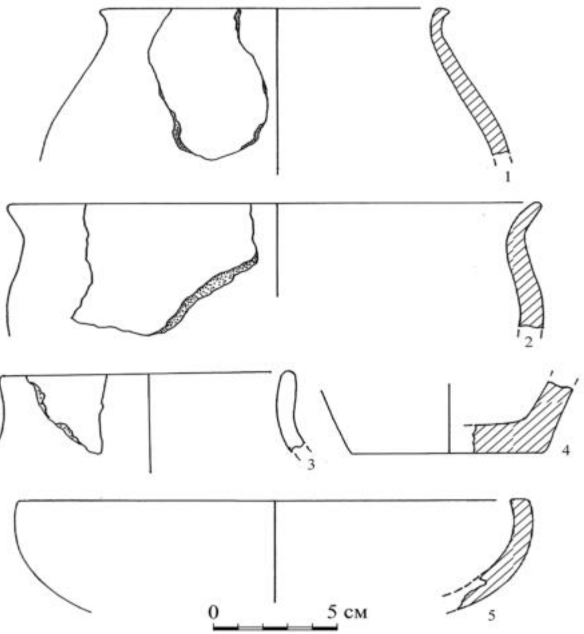
Рыс. 7. Селішча Снядзін-2. Фрагменты ляпнога посуду з развалу металургічнай печы 2

Фота. Рэшткі металургічнай печы 3:

1 – расчыстка асновы печы; 2 – профіль



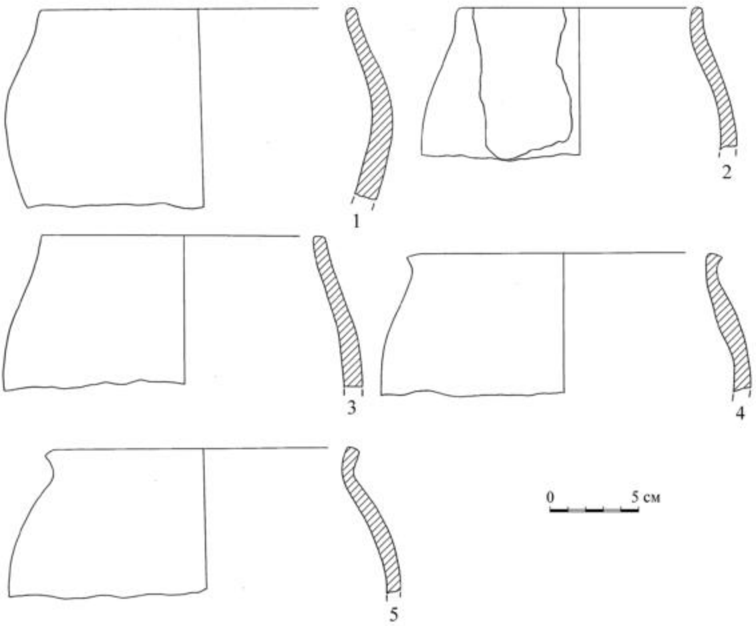
Рыс. 8. Селішча Снядзін-2. Фрагменты ляпнога посуду з развалу металургічнай печы 3



Рыс. 9. Селішча Снядзін-2. Фрагменты ляпнога посуду з развалу металургічнай печы 4

каля 70 см, унутраны – каля 50 см. Верхняе дно мела таўшчыню 9–10 см, на ім знаходзілася 27 фрагментаў ляпной керамікі. Паміж верхнім і ніжнім дном прасочана праслойка (2–4 см) перапаленага светлага пяску. На ніжнім дне таўшчынёю да 8 см выяўлена 8 фрагментаў ляпной керамікі. Пад дном печы і яе развалам да мацерыка залягаў пласт бурага супеску таўшчынёю 16–25 см з лінзамі жоўтага і чорнага пяску з уключэннем вуголля і попелу. На паўночным краі развалу печы знойдзены 2 цэлыя гліняныя хлебцы дыяметрам 7,5 см і таўшчынёю 3,3 см. Непадалёк ад печы, у культурным пласце селішча выяўлена 14 фрагментаў падобных хлебцаў. У размешчаных на ўсход ад печы 4, запоўненых чорнай зямлёй з дамешкамі вуголля і попелу яме 67 знойдзена 59 кавалкаў жужалю і яме 65 – 22 кавалкі жужалю.

Печ 5 прасочана на глыбіні 0,16–0,2 м у выглядзе развала чырвонай і чырвона-карычневай гліны таўшчынёю 0,1–0,26 м і плошчаю прыкладна 1,6х2,5 м з уключэннем невялікіх камянёў, кавалкаў жужалю, фрагментаў ляпнога посуду і костак жывёл (рыс. 6, *4*). У заходняй частцы скаплення гліны прасочана аснова сценак і дно печы. Знешні дыяметр печы роўны 0,65 м, унутраны – 0,4 м. Дно печы двухслойнае, верх яго выяўлены на глыбіні 0,25 м ад дзённай паверхні. Верхняе дно лінзападобнае ў разрэзе, на ім заха-



Рыс. 10. Селішча Снядзін-2. Фрагменты ляпнога посуду з развалу металургічнай печы 5

ваўся тонкі пласт чорнай вуглістай зямлі, у якім знойдзена некалькі дробных каменьчыкаў, кавалкаў жужалю, 10 фрагментаў ляпной керамікі. На 10 см ніжэй знаходзілася другое дно, плоскае ў разрэзе. Паміж верхнім і ніжнім дном выяўлены перапалены, амаль развалены камень і вялікія абломкі верха гаршка пражскай культуры. На ніжнім дне выяўлены 14 фрагментаў ляпной керамікі і 4 косткі жывёлы. Аснаванне ніжняга дна ляжала на глыбіні 0,45 м ад дзённай паверхні, амаль на мацерыку, а ніз развалу знаходзіўся на глыбіні 0,3–0,38 м ад дзённай паверхні. Пры даследаванні развалу печы 5 знойдзены 144 фрагменты грубаляпной керамікі (рыс. 10), 2 глянцаванай, 62 кавалкі жужалю, 53 косткі жывёл, 1 крамянёвы адшчэп. Пад развалам печы 5, к усходу ад яе асновы выяўлена яма 98, авальная ў плане. Яе памеры 0,25х0,9 м, глыбіня 0,45 м ад узроўню мацерыка. Запоўнена чорнай сажыстай зямлёй з уключэннямі вуголля і попелу. У ёй знойдзена 4 фрагменты сценак ляпнога посуду, 5 кавалкаў жужалю, кавалкі пячыны. Вакол печы на глыбіні 0,3 м ад дзённай паверхні назіралася пляма чорнай сажыстай зямлі плошчаю прыблізна 5 х 9 м. Акрамя рэшткаў печаў на даследаваным участку паселішча вывучаны ямы, у якіх знойдзены матэрыялы, звязаныя з працэсам вытворчасці жалеза: кавалкі руды, пячыны, жужалю, косткі жывёл.

Такім чынам, на селішчы Снядзін-2 вывучаны рэшткі 5 сырадутных печаў па вырабу жалеза, якія размешчаны кампактнай групай на адлегласці 3–7 метраў адна ад другой. Яны захаваліся ў выглядзе развалаў чырвонавата-карычневай і шэрай гліны з уключэннем кавалкаў жужаля, невялікіх камянёў і абломкаў ляпнога посуду. У развалах прасочаны круглыя ў плане асновы печаў, са знешнім дыяметрам 0,5–0,7 м. Унутраны дыяметр рабочай прасторы складаў 0,3–0,6 м. У некаторых печах захаваліся асновы сценак на вышыню ад 2 да 8 см. Дно звычайна выкладвалася абломкамі ляпнога посуду і знаходзілася ў культурным пласце на вышыні ад 10 да 25 см ад мацерыка. Мяркуючы па ўсім, гэта былі стацыянарныя збудаванні з наземнымі, крыху заглыбленымі ў грунт шахтамі шматразовага выкарыстання. Аб гэтым сведчаць падвойныя асновы печаў – наступствы рамонту і шлакавыпускныя адтуліны. У шэрагу печаў дны выкладзены буйнымі фрагментамі посуду, што, на думку некаторых даследчыкаў, садзейнічала захоўванню высокай тэмпературы [14, с. 229]. Падобнай канструкцыі печы, прызначаныя для прамога ўзнаўлення жалеза з руды, узнікаюць ва Усходняй Еўропе ў першыя стагоддзі н. э. і зафіксаваныя на познезарубінецкім селішчы Люцеж, на помніках чарняхоўскай культуры Лапатна і Іванкаўцы, на чарняхоўска-вельбарскам паселішчы Лепясоўка [15, с. 377], у Правабярэжжы Прыпяці – на помніку перыяду рымскіх уплываў каля в. Хачэнь[1].

Вытворчасць жалеза адбывалася ў Снядзіне-2 на спецыяльным участку, адасобленым ад жылых пабудоў. У той жа час здабыча жалеза на помніках пражскай культуры ў Падняпроўі і на Паўднёвым Бузе адбывалася ў рамесных пабудовах шматпрофільнага прызначэння, размешчаных непадалёк ад жытлаў [14, с. 230; 16, с. 40]. Наземныя горны шахтнага тыпу ў чорнаметалургічнай вытворчасці выкарыстоўвала таксама насельніцтва пянькоўскай культуры на Правабярэжжы Дняпра, а ў міжрэччы Дняпра і Дона зафіксаваны наземныя круглыя альбо авальныя печы са звужанай верхняй часткай і ямныя горны з плазавата-грушападобнымі колбамі-тыглямі [17, с. 35–36, 79].

Меншая частка выяўленых ямаў адносіцца да слупавых, астатнія маюць гаспадарчы характар. Асобныя слупавыя ямы размешчаны каля сценак гаспадарчых ям, альбо на іх дне. Пяць слупавых ям утвараюць лінію, арыентаваную з паўднёвага захаду на паўночны ўсход даўжынёю да 7 м і з'яўляюцца слядамі сцяны. У шэрагу ям дно складаецца з перапаленага чырванаватага пяску з лінзамі чорнай сажыстай зямлі. Ямы маюць блізкую да круга форму, плоскае дно і прамыя, або крыху звужаныя да нізу сценкі. Іх дыяметр дасягаў

[1]Бяліцкая Г. М., Байкоўская А. А., Харытановіч В. М. Даследаванне вытворчага ўчастку перыяду рымскіх уплываў на селішчы Хачэнь-1 Жыткавіцкага раёна Гомельскай вобласці // МАБ. 2025. Вып. 35. С. 109–123 (у друку).

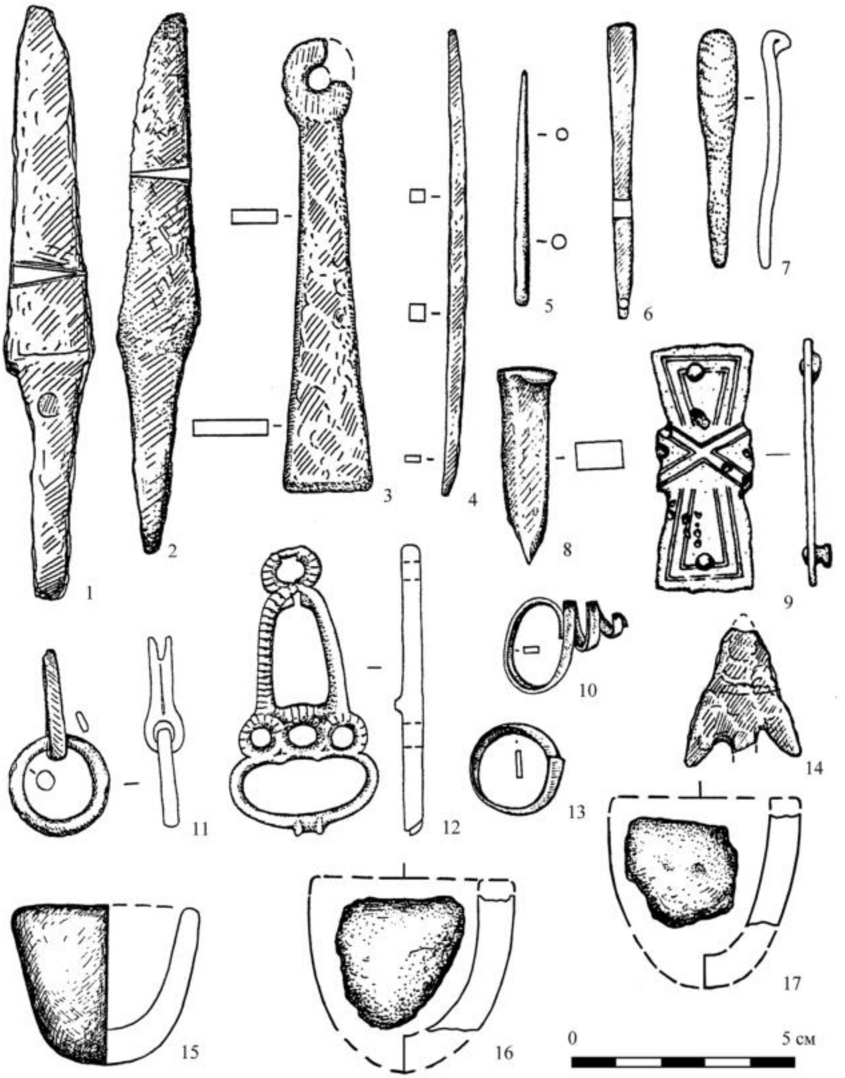
двух метраў, глыбіня да 0,3–0,5 м ад узроўню мацерыка. Магчыма, гэтыя ямы выкарыстоўваліся як для вытворчасці драўнянага вугалю, так і для належнай апрацоўкі руды, для выкарыстання яе ў металургічным працэсе.

Неабходна адзначыць, што атрыманне жалеза пад час сырадутнага працэсу было спалучана з пэўнымі складанасцямі: неабходнасцю улічваць суадносіны руды і вугалю, часу засыпкі шыхты, тэмпературнага рэжыму на розных стадыях працэсу, сілы і магутнасці дуцця, часу і перыядычнасцю выпуску шлаку. Таму металургі маглі атрымаць гэтыя веды толькі пад час накаплення вялікага досведу. Перад тым, як засыпаць руду ў печ, яе шмат разоў прамывалі, каб выдаліць пясок ды іншае смецце, здрабнялі да памераў арэха і абпальвалі [13, с. 23].

Драўняны вугаль з’яўляўся адзіным відам паліва, які выкарыстоўваўся старажытнымі металургамі на тэрыторыі Беларусі. Аднак у яго вытворчасці таксама неабходна было мець пэўныя веды і навыкі. У першую чаргу найбольш прыдатнай у металургічным працэсе была драўніна хвойных парод, так як яна значна менш утрымоўвала фосфару ў параўнанні з лісцёвымі пародамі дрэў. Вялікая колькасць фосфару ў металургічным працэсе прыводзіла да ломкасці атрымоўваемага метала. Аднак, як паказала петраграфічнае вывучэнне адбіткаў вугалю і драўніны, а таксама рэшткаў вугалю, у шэрагу кавалкаў жужалю на Беларускім Падняпроўі выкарыстоўвалі як хвойныя, так і лісцёвыя пароды дрэў [13, с. 23–24]. У працэсе вуглепалення кожнае дзеянне мела свой сэнс. Неабходна было правільна пакласці дровы, пакрыць іх галлём, мохам, саломай, а зверху засыпаць зямлёю, пры гэтым забяспечыць пастаянны прыток паветра праз адтуліны, зрабіць магчымым адток газаў, каб не дапусціць пад час працэсу выбухаў. Як адзначае М. Ф. Гурын, выпальванне вуголля ў Беларусі адбывалася кучным спосабам [18, с. 11]. Аднак даследванні паказалі, што на вытворчым участку на паселішчы Снядзін-2 быў вядомы і спосаб выпальвання вуголля ў ямах.

М. Ф. Гурыным выказана меркаванне, што для тэрыторыі Беларусі, у асноўным, былі характэрны металургічныя печы шахтнага тыпу [18, с. 11]. Для атрымання жалеза ў папярэдне разагрэтую печ паслойна засыпаліся здрабнёная і пракаленая жалезная руда, драўняны вугаль, а таксама вапна. Металургічны працэс адбываўся пры тэмпературы не вышэй за 1350 °С [19, с. 24]. Пры падобнай тэмпературы расплаўлення жалеза не было. Адбывалася аднаўленне жалеза, і яго мікрачасцінкі паспяхова злучаліся між сабою ў крыцы, якія з’яўляюцца канчатковым металургічным прадуктам і зыходнай сыравінай для кавальства [18, с. 12].

Згодна функцыянальнага прызначэння вырабы з жалеза ўмоўна дзеляцца на чатыры групы: прылады працы, прадметы гаспадарчага ўжытку, зброя, рыштунак вершніка і каня. У цэлым, на паселішчы Снядзін-2 металічных рэчаў выяўлена не шмат (рыс. 11). Часцей за ўсё сустракаліся цэлыя і



Рыс. 11. Селішча Снядзін-2:
1–14 – вырабы з металаў; *15–17* – вырабы з гліны

фрагментаваныя нажы. Іх даўжыня 11–14 см, чаранок аддзяляецца ад спінкі і ляза невялікімі ўступамі, спінка звычайна прамая. Падобнага тыпу нажы шырока распаўсюджаны і характэрны для славянскіх помнікаў другой паловы I тыс. [16, с. 17, рис. 18: 4, 5; 20, табл. 32]. З жалеза выраблены цэлыя і

фрагментаваныя шылы, невялікі, але масіўны прабойнік, язычок ад спражкі, кальцо з прабоем – магчыма ручка ад дзвярэй, альбо скрыні. Такая ж рэч знойдзена ў жытле 35 на ўсходнім гарадзішчы каля в. Манастырок на Украіне [21, рис. 42: 2]. Зброя прадстаўлена двухшыпным плоскім чарашковым наканечнікам стралы, якія бытавалі ва Усходняй Еўропе з I па XIV стст. [22, с. 61]. Жалезнае пласцінкавае трапецападобнае крэсіва з вушкам мае даўжыню 9,5 см. Тыпалагічна блізкая рэч таксама знойдзена на паселішчы Бухліцкі Хутар у Столінскім раёне. Пласцінкавыя крэсівы на паселішчах пражскай культуры выяўлены толькі ў Беларускім Палессі.

Аб структуры і тэхналагічных асаблівасцях жалезных вырабаў са Снядзінскіх паселішчаў пакуль няма даных. З дапамогаю металургічных метадаў прааналізаваны нажы, выяўленыя на паселішчы пражскай культуры Кажан-Гарадок, якое размешчана на захад ад Снядзіна ў Лунінецкім раёне [23, с. 160–162]. Яны выраблены з крычнага жалеза ферытнай структуры, з пакетаваных жалезных і сталёвых нарыхтовак. Кавалі з Кажан-Гарадка валодалі таксама тэхнікай зваркі [12, с. 93].

Даследчыкі Украіны таксама адзначаюць нешырокі асартымент жалезных вырабаў на паселішчах пражскай культуры: прылады працы, побытавыя рэчы, прадметы ўзбраення, дэталі адзення, аздобы, дробныя пакоўкі ў выглядзе пласцін, стрыжняў, аковак і да т. п. Гэтая кавальская прадукцыя задавальняла, галоўным чынам, патрэбы сельскай гаспадаркі [24, с. 42]. Неабходна адзначыць, што жалезаапрацоўка на паселішчах Украіны дасягнула значнай ступені развіцця ў 3-й чвэрці I тысячагоддзя. Яна характэрызуецца высокай тэхнікай свабоднай коўкі, наяўнасцю шырокага набору кавальскіх інструментаў, распаўсюджваннем кавальскай зваркі, тэрмічнай апрацоўкі, дыферынцыраваным выкарыстаннем жалеза і сталі [25, с. 31].

Вырабы з бронзы і медзі на паселішчы Снядзін-2 прадстаўлены нарыхтоўкамі ў выглядзе стрыжняў, пласцінак, колцаў, спражкаю. Два колцы з разамкнутымі канцамі зроблены з круглага ў сячэнні дроту. Выяўлена колца з заходзячамі канцамі, якое зроблена з плоскай прамавугольнай у сячэнні пласціны, і колца, адзін канец якога нагадвае штопар з трох віткоў. Акрамя пэўных рэчаў з каляровых металаў, тут знойдзены выліўкі, г. зн. жужаль і тыглі, для плаўкі металаў (рыс. 11, *15–17*). Гэты факт сведчыць, што тут таксама выраблялі рэчы з каляровых металаў.

Раннеславянскі перыяд функцыянавання паселішча Снядзін-2 датуецца V–VII стст. Падобная храналогія абапіраецца на марфалагічнай характарыстыцы раннеславянскага посуду (рыс. 5, 7–10) і на некаторых рэчах з абмежаваным часам бытавання. У адной з ям (№ 49), на глыбіні 0,57 м ад дзённай паверхні знойдзена «прапелерападобная» накладка на рамень (рыс. 11, *9*) [26, с. 33]. Падобныя рэчы вядомыя на могільніках IV – пачатку V ст. на тэрыторыі прыдунайскай часткі Норыка і Панонii [27, s. 249, abb. 6: 8; 28,

s. 245, abb. 18: 2]. Да гэтага ж часу можна аднесці пацерку ў форме куба са зрэзанымі краямі з сіняга паўпразрыстага кобальтавага шкла [29, с. 333]. У перадмацерыковым пласце каля печы 2 знойдзена цэльналітая срэбная спражка візантыйскага тыпу, якая датуецца VII ст., хутчэй яго сярэдзінай – другой паловай (рыс. 11, *12*) [30]. Тыпалагічны аналіз керамікі пражскага тыпу, выяўленай на дне печаў і ў іх развалах, паказвае, што яна належыць да больш развітых форм посуду, характэрнага ў асноўным для VI–VII ст. [26, с. 27–35]. Выяўленыя на паселішчы матэрыялы паказваюць, што тут адбываўся працэс вытворчасці жалеза, вяліся спадарожнічаючыя яму працы па нарыхтоўцы драўнянага вугалю і ўзбагачэнню балотнай руды. Таксама прасочваюцца сляды кавальскага і ювелірнага рамёстваў.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. *Вяргей В. С.* Археалогія ранніх славян на тэрыторыі Беларусі // Wspólnota dziedzictwa kulturowego ziem Białorusi i Polski. Warszawa, 2004. S. 278–304.

2. *Вяргей В. С.* Справаздача аб палявых даследаваннях у Петрыкаўскім і Жыткавіцкім раёнах Гомельскай вобласці, Столінскім раёне Брэсцкай вобласці ў 1994 г. // ЦНА НАН Беларусі. ФАНД. Спр. № 1538.

3. *Вяргей В. С, Трымер В.* Раннеславянскае селішча Снядзін-2 // Славяне и их соседи (археология, нумизматика, этнология). Минск, 1998. С. 27–35.

4. *Вяргей В. С.* Справаздача аб палявых даследаваннях у Петрыкаўскім раёне Гомельскай вобласці на археалагічным комплексе каля в. Снядзін у 2005 годзе // ЦНА НАН Беларусі. ФАНД. Спр. № 2290.

5. *Вяргей В. С.* Даследаванні шматслойнага паселішча Снядзін-3 на р. Прыпяць // ГАЗ. 2003. № 23. С. 121–123.

6. *Вяргей В. С.* Жытло і культавы аб’ект гарызонту пражскай культуры на паселішчы Снядзін-3 на р. Прыпяць у Петрыкаўскім раёне // Древняя история Восточной Европы: сб. науч. ст., посвящ. 80-летию профессора Э. М. Загорульского. Минск, 2009. С. 21–32.

7. *Вяргей В. С, Касюк А. Ф.* Даследаванні ў 2012 г. паселішчаў каля в. Снядзін у Петрыкаўскім раёне // МАБ. 2014. Вып. 25. С. 194–202.

8. *Шнеевайс Е.* Применение магниторазведки при изучении раннесредневековых памятников Беларуси // МАБ. 2014. Вып. 25. С. 259–265.

9. *Касюк А. Ф, Вяргей В. С, Шнеевайс Е, Бартроу Г, Шуман Ф.* Археалагічныя даследаванні каля вёскі Снядзін Петрыкаўскага раёна Гомельскай вобласці ў 2015–2016 гг. (папярэдняе паведамленне) // МАБ. 2018. Вып. 29. С. 231–235.

10. *Ляўданскі А. Н., Палікарповіч К. М.* Да гісторыі жалезнай прамысловасьці на Беларусі па даных археолёгіі // Савецкая краіна. Менск, 1932. № 5. С. 55–84.

11. *Ляўданскі А. Н.* Да гісторыі жалезнага промыслу на Палесьсі: Рудні і месцазнаходжаньні руды // Працы Палескай экспэдыцыі. Вып. 2. Менск, 1933. 40 с.

12. *Гурин М. Ф.* Развитие металлургии железа в Беларуси // ГАЗ. 1997. № 11. С. 93–98.

13. *Гурин М. Ф.* Древнее железо Белорусского Поднепровья (I тысячелетие н. э.). Минск: Наука и техника. 1982. 124 с.

14. *Хавлюк П. Н.* О начальных этапах развития раннеславянского ремесла (на материалах ремесленных сооружений на Южном Буге) // Труды V МКАС. Киев, 1988. Т. 4. С. 225–231.

15. *Паньков С. В.* Производство железа // Славяне Юго-Восточной Европы в предгосударственный период. Киев, 1990. С. 376–382.

16. *Русанова И. П, Тимощук Б. А.* Кодын – славянские поселения V–VIII вв. на р. Прут. Москва: Наука, 1984. 87 с.

17. *Колода В. В.* Чёрная металлургия Днепро-Донецкого междуречья во второй половине I тыс. н. э. Харьков: РЦНИТ, 1999. 244 с.

18. *Гурын М. Ф.* Узнікненне і развіццё металургіі і апрацоўка жалеза // Археалогія Беларусі: у 4 т. Т. 2. Жалезны век і ранняе Сярэднявечча. Мінск, 1999. С. 10–19.

19. *Колчин Б. А.* Чёрная металлургия и металлообработка в Древней Руси (домонгольский период) // МИА. № 32. Москва: Издательство Академии наук СССР, 1953. 260 с.

20. *Русанова И. П.* Славянские древности VI–XI вв. между Днепром и Западным Бугом. Москва: Наука, 1973. 100 с. (САИ. Вып. Е1-25).

21. *Максимов Е. В., Петрашенко В. А.* Славянские памятники у с. Монастырек на Среднем Днепре. Киев: Наук. думка, 1988. 146 с.

22. *Медведев А. Ф.* Ручное метательное оружие (лук и стрелы, самострел) VIII–XIV вв. Москва: Наука, 1966. 184 с. (САИ. Вып. Е1-36).

23. *Гурын М. Ф.* Кажан-Гарадок – паселішча пражскай культуры // ГАЗ. 1994. № 5. С. 152–162.

24. *Вознесенська Г. О, Недопако Д. П, Паньков С. В.* Чорна металургія та металообробка населення східноєвропейського лісостепу за доби ранніх слов’ян і Київської Русі. Київ: Б/и, 1996. 186 с.

25. *Гопак В. Д.* Обработка железа у славянских племён Юго-Восточной Европы во второй половине I тыс. н. э. // Труды V МКАС. Киев, 1988. Т. 4. С. 30–33.

26. *Вяргей В. С.* Сучасны стан і праблемы даследавання пражскай культуры ў Беларусі // Славяне на территории Беларуси в догосударственный период. Минск, 2016. Кн. 2. С. 14–62.

27. *Pollak M.* Zur chronologischen Entwicklung der Gräberfelder Ufernoricums im 4. und 5. Jahrhundert // Probleme der relativen und absoluten Chronologie ab Latėnezeit bis zum Frühmittelalter. Kraków, 1992. S. 249–262.

28. *Tejral J.* Die spätantiken militärischen Eliten beiderseits der norisch-pannonischen Grenze aus der Sicht der Grabfunde // Germanen beiderseits des spätantiken Limes. Köln–Brno, 1999. S. 217–292.

29. *Вяргей В. С.* Помнікі тыпу Прагі-Карчак і Лукі-Райкавецкай на Беларусі // Археалогія Беларусі: у 4 т. Т. 2. Жалезны век і ранняе Сярэднявечча. Мінск, 1999. С. 317–348, 392–406.

30. *Varsik V.* Byzantinische Gürtelschnallen im mittleren und unteren Donauraum im 6. und 7. Jahrhundert // Slovenska Archeologie. 1992. T. 40. S. 77–108.

ПОСТРОЙКА С ПОСЕЛЕНИЯ ОГОРОДНЯ В КОНТЕКСТЕ ДОМОСТРОИТЕЛЬСТВА ГОРИЗОНТА ПОЧЕП (ПО МАТЕРИАЛАМ ДЕСНИНСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ)

В. Н. Гурьянов[1)], А. А. Чубур[2)], Н. И. Сударев[3)]

*[1)] ООО «Брянская Археологическая Служба», ул. Дуки 4-33,
241050, г. Брянск, Российская Федерация, gurian032@yandex.ru*
*[2)] ООО «Брянская Археологическая Служба», ул. Дуки 4-33,
241050, г. Брянск, Российская Федерация, fennecfox66@gmail.com*
*[3)] Институт археологии РАН, ул. Дмитрия Ульянова, 19,
117292, г. Москва, Российская Федерация, sudarev@list.ru*

Вводятся в научный оборот результаты раскопок поселения почепской группы позднезарубинецкой культуры Огородня (Трубчевский район, Брянская обл.). Анализируются остатки жилища-полуземлянки. Предложена его реконструкция и классификация конструкций почепских углубленных жилых построек. Уточнено распространение памятников типа Почеп.

Ключевые слова: позднезарубинецкая культура; почепская группа; бассейн Десны; Огородня; постройки.

ПАБУДОВА З ПАСЕЛІШЧА АГАРОДНЯ Ў КАНТЭКСЦЕ ДОМАБУДАЎНІЦТВА ГАРЫЗОНТА ПОЧАП (ПА МАТЭРЫЯЛАХ ДЗЯСНІНСКАЙ ЭКСПЕДЫЦЫІ)

В. М. Гур'янаў[1)], А. А. Чубур[2)], М. І. Судараў[3)]

*[1)] ТАА «Бранская Археалагічная Служба», вул. Дукі 4-33,
241050, г. Бранск, Расійская Федэрацыя, gurian032@yandex.ru*
*[2)] ТАА «Бранская Археалагічная Служба», вул. Дукі 4-33,
241050, г. Бранск, Расійская Федэрацыя, fennecfox66@gmail.com*
*[3)] Інстытут археалогіі РАН, вул. Дзмітрыя Ульянава, 19,
117292, г. Масква, Расійская Федэрацыя, sudarev@list.ru*

Уводзяцца ў навуковы зварот вынікі раскопак паселішча почапскай групы познезарубінецкай культуры Агародня (Трубчэўскі раён, Бранскі рэгіён). Аналізуюцца рэшткі жытла-паўзямлянкі. Прапанавана яе рэканструкцыя і класіфікацыя структур почапскіх жылых заглыбленых пабудоў. Удакладняецца размеркаванне помнікаў тыпу Почап.

Ключавыя словы: познезарубінецкая культура; почапская група; басейн Дзясны; Агародня; пабудовы.

BUILDING FROM THE OGORODNYA SETTLEMEN IN THE CONTEXT OF HOUSE-BUILDING OF HORIZON POCHEP (BASED ON THE MATERIALS OF THE DESNINSKAYA EXPEDITION)

V. N. Guryanov[1)], A. A. Chubur[2)], N. I. Sudarev[3)]

[1)] Bryansk Archaeological Service LTD, Duki str., 4-33, 241050, Bryansk, Russian Federation, gurian032@yandex.ru
[2)] Bryansk Archaeological Service LTD, Duki str., 4-33, 241050, Bryansk, Russian Federation, fennecfox66@gmail.com
[3)] Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Dmitry Ulyanova str., 19, 117292, Moscow, Russian Federation, sudarev@list. ru

The results of the excavations of the Pochep group of the Late Zarubinetskaya culture at the settlement Ogorodnya (Trubchevsk district, Bryansk region) are introduced into scientific circulation. The traces of the dwelling are analyzed. Its reconstruction and classification of the structures of the Pochep in-depth residential buildings is proposed. The distribution of the Pochep type monuments is clarified.

Keywords: Late Zarubetskaya culture; Pochep group; Desna basin; Ogorodnya; buildings.

Необходимость своевременной публикации накопленного археологического материала не вызывает сомнений и не требует доказательств. Результаты работ, несомненно, требуют времени на осмысление, затем следуют новые работы, старые материалы постепенно откладываются и в итоге, к сожалению, зачастую остаются неопубликованными и забытыми. Именно так произошло с большинством материалов Деснинской экспедиции Института археологии РАН, проводившей значительные объёмы охранно-спасательных работ. Несмотря на свою научную значимость, они либо кратко упоминались в обзорных статьях, либо – в лучшем случае – кто-то из исследователей брал на себя труд по подготовке и публикации отдельных памятников. В данной работе речь пойдёт о раскопках поселения, которое даже не удостоилось упоминания в статье к юбилею Деснинской экспедиции [1], и лишь вскользь, даже без указания источника, упомянуто в списке исследованных памятников типа Почеп со следами построек [2, с. 79]. Между тем, несмотря на скромный объем полученного материала, оно представляет интерес в контексте конца эпохи раннего железа.

Ареал почепской группы позднезарубинецких памятников, впервые выделенной А. К. Амброзом как «почепская культура» [3], в основном ограничен бассейном среднего и верхнего течения Десны и её притоков [4–6; 7, с. 134–140; 8]: Болвы [9], Ревны, Навли, Неруссы, Судости [10–14] и Замглая [15]. Наибольшей концентрации поселения достигают на р. Судость, в полесье левобережья Десны и, наконец, на самой Десне выше Брянской луки (рис. 1). Поселение Огородня, таким образом, маркирует восточный край

Судостьского микрорегиона, соединяя его с Деснянским полесьем. Ф. М. Заверняев отметил несколько зарубинецких памятников на р. Ипуть [11], однако они известны лишь по результатам разведок и принадлежность их к почепской группе не ясна.

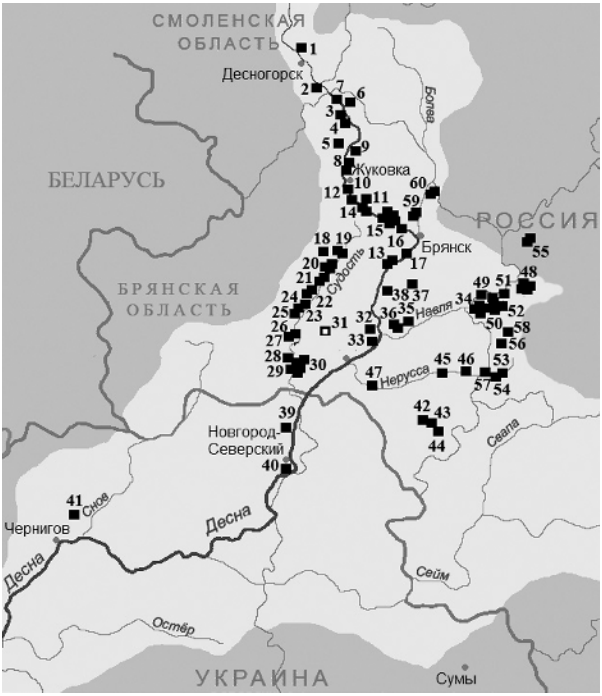


Рис. 1. Размещение позднезарубинецких памятников группы Почеп в бассейне Десны:

1 – Устье р. Соложа; *2* – Спартак; *3* – Чернея; *4* – Высокое; *5* – Рябчичи; *6* – Будянский; *7* – Лозицы 2; *8* – Жуковка, Жуковка-Ореховое; *9* – Никитенка; *10* – Дубки; *11* – Ржаница-Витховка; *12* – Лунёво 2; *13* – Полужье (селище, городище Красное); *14* – Неготино 5, 6; *15* – Бетово, Хотылево (городище Кудеярка, селища Бетово, Сельцо-Коммунар, Хотылево 1 (Устье Гасомы), 2, 4, 12); *16* – Белокаменка; *17*– Добрунь; *18* – Воробейня; *19* – Макарово 1 и 2; *20* – Синьково 1, 2, 3; *21* – Дмитрово 1, 3; *22* – Почеп 1, 3; *23* – Козорезовка 3; *24* – Рогово; *25* – Полянка; *26* – Голяшовка-Заречное; *27* – Посудичи 6; *28* – Яковлевичи 3; *29* – Курово 2, 6, 7, Кружаловка; *30* – Борки 3; *31* – Огородня; *32* – Монастырище-Лбище; *33* – Арельск; *34* – Железное 1, 2, 3, 4; *35* – Парня 1, 2 (Салтановка); *36* – Партизанское-Святое 4; *37* – Кольцовка; *38* – Рябчевка; *39* – Колодезный Бугор; *40* – Чулатово; *41* – Киселёвка 3; *42* – Зеленин 4; *43* – Заречное 2; *44* – Новоямское 3а; *45* – Аркино; *46* – Туличево; *47* – Денисовка; *48* – Мешково 1, 2, 3, 4; *49* – Сомово 2, 3, 4; *50* – Яблочково; *51* – Семенково; *52* – Слободка; *53* – Дмитровск-Орловский; *54* – Алешинское; *55* – Булатово 1, 2; *56* – Волконск; *57* – Воронино; *58* – Еньшино; *59* – Шибинец (городище, селище); *60* – Хизовка (городище, селище) [6; 8; 9; 14; 29; 35; 36; 37; 38; 39; 40; 41; 42]

Поселение расположено на северо-западе Трубчевского района Брянской области Российской Федерации в верховьях р. Волотынь (левый приток р. Гнилой – левого притока р. Судости) близ деревень Могорь, Волотынь и Огородня. Оно занимает северную и восточную часть обширного мыса левобережной первой надпойменной террасы реки в 250–300 м к северу от д. Огородня, напротив д. Волотынь, что на правом берегу. Мыс размером 600x600 м образован с севера долиной реки, с востока долиной небольшого ручья, с запада – широким оврагом и возвышается над меженным уровнем реки от 4 м на севере у берега и до 10 м в южной напольной части (рис. 2). Памятник открыт в 1989 г. А. С. Смирновым [16, с. 13] и занимает площадь приблизительно 300x300 м, его поверхность распахивается. Поселение исследовал раскопом 146 м^2 летом 1992 г. отряд Деснинской экспедиции под руководством Н. И. Сударева в рамках полномочий Открытого листа на имя Р. А. Нигматуллина [17, с. 34–37].

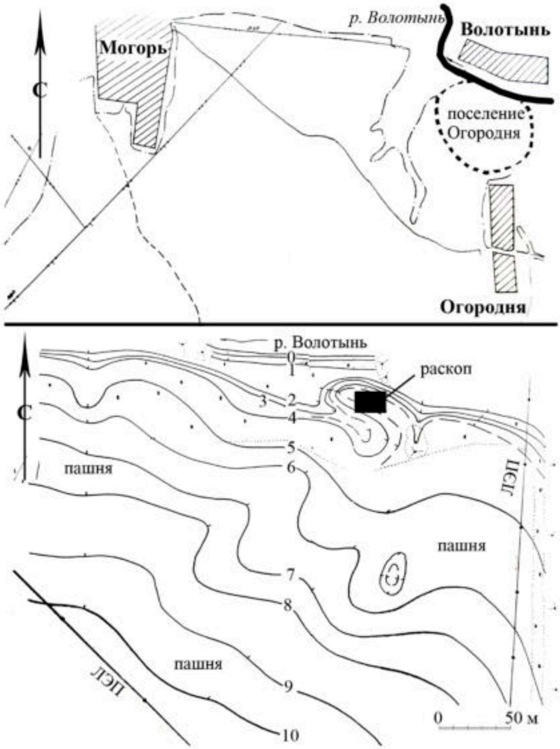


Рис. 2. Схема расположения и топографический план поселения Огородня с указанием места раскопок. Горизонтали проведены через 1 м

Мощность культурного слоя колебалась в пределах 0,18–0,55 м. По всей площади под дерном залегал слой серо-жёлтой супеси мощностью 0,1–0,28 м. В большей части раскопа он лежал непосредственно на материке – рыхлом жёлтом песке либо плотной жёлтой супеси – горизонте ортзандов с мерзлотными деформациями Молодого Дриаса [18]. В некоторых местах его подстилали линзы серой золистой супеси с включениями мелких угольков, иногда обширные и достигающие мощности в четверть метра. Встречаются линзочки оподзоленного жёлтого песка мощностью до 0,15 м, которые подстилают либо серо-жёлтую супесь, либо серую супесь с угольками. Культурный слой нельзя назвать насыщенным. Индивидуальных находок всего 4, все они железные: это два кованых гвоздя, кольцо и пластина. Обнаружено также 9 кусков железного металлургического шлака. Основной же материал – фрагменты керамической посуды. В большинстве случаев они встречены в скоплениях, которых зафиксировано 24.

Материал делится на две группы: преобладающую груболепную керамику с примесью дресвы и шамота в тесте и с шероховатой поверхностью (249 фрагментов, 95,8 %), и немногочисленную лепную лощёную керамику с примесью песка и органики в плотном тесте, которой всего 11 фрагментов (4,2 %). Долевое соотношение групп керамики такое же, как на эталонном Почепском селище [5, с. 46]. Груболепная кухонная посуда по рыхлому черепку со слоистым обжигом, орнаментации (защипы и насечки по краям венчиков) и относительно сильным изгибам венчиков наружу, типична для позднезарубинецких почепских памятников Подесенья (рис. 3, *1–17*). Все диагностичные фрагменты можно с большой долей вероятности отнести к округлобоким горшкам типа I-1 варианта, без уточнения разновидностей, согласно классификации А. М. Обломского [19, с. 15, рис. 2], наиболее распространенным на почепских памятниках. Концентрируется груболепная керамика в скоплениях в придонном заполнении и ямах на дне котлована постройки (117 фрагментов).

Лощёная керамика имеет двустороннее лощение – чаще черное, реже серо-коричневое. Основная часть лощёной керамики найдена в придонном заполнении котлована постройки (8 фрагментов из 11). Судя по двум фрагментам с ребром (рис. 3, *18, 19*), лощёная керамика представлена мисками типа III-1 (ребристая с S-видным профилем) и типа III-2 вариант «а» (ребристая с вертикальным венчиком) по той же классификации [19, с. 15, рис. 2, рис. 12, *8, 10*]. Перечисленные типы посуды входят, как наиболее распространенные, в эталонный керамический набор почепских поселений [19, с. 52].

На вскрытой раскопом площади прослежено 42 материковых ямы, большая часть которых связана с полом и непосредственной периферией котлована углубленной постройки (ямы 1). В основном это круглые столбовые ямки, заполненные сильно гумусированной супесью с углями или просто древес-

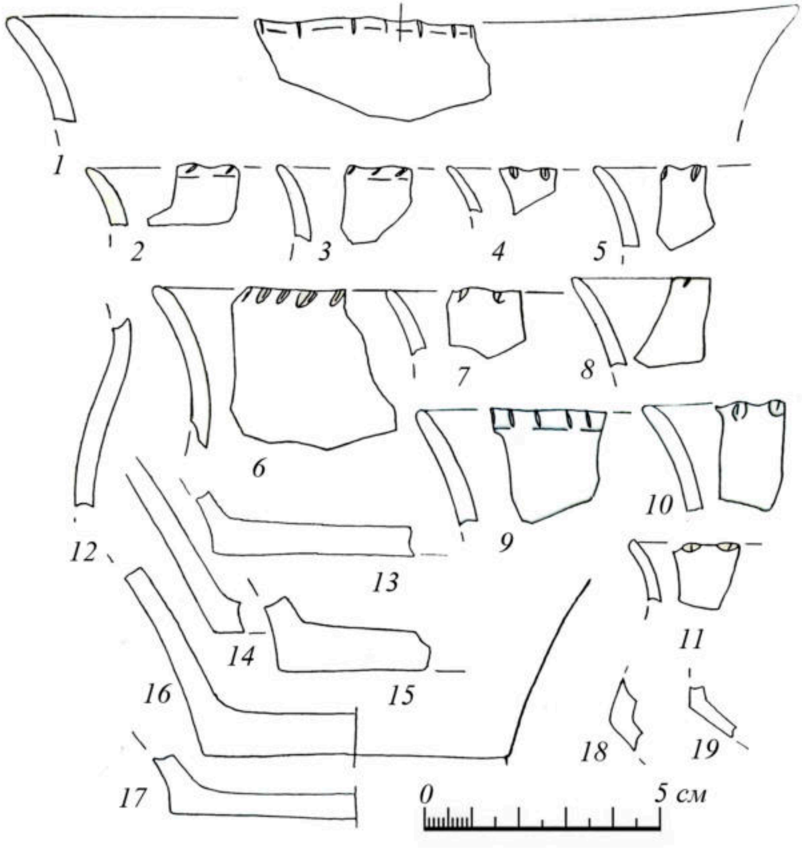


Рис. 3. Керамика поселения Огородня:

1–17 – груболепная кухонная; *18–19* – лепная лощеная (миски)

ным углём. Диаметр их колебался в пределах от 6 до 31 см; глубина от уровня материка – 5–26 см. Вне котлована постройки и связанных с ней внешних элементов располагались всего четыре ямы. Яма 2 в 4 м к северо-западу от постройки вскрыта частично (исследована часть 36х38 см и глубиной 12 см, из которых 8 см погружено в материк) и представляла собой неглубокую западину, которая уходила в северную стенку раскопа. Она была заполнена сильно гумусированной супесью с углями. Не исключено, что это следы открытого очага, тем более что к западу в основании культурного слоя зафиксировано пятно, насыщенное золой и угольками. Неправильно-округлая яма 3 поперечником около 0,65 м с чашеобразным дном, располагавшаяся в 6 м к востоку от южного края постройки, углублена в материк на 0,25 м,

а общая её глубина составляла 0,3 м. Заполнение ямы двухъярусное: верх (0,07–0,12 м) – оподзоленный желтый песок; низ (0,18–0,23 м) – темно-жёлтая супесь. Расположенные непосредственно к юго-востоку от нее столбовые ямки 4 и 5, вероятно, связаны с опорами примитивного навеса над ямой.

Перейдём к описанию постройки (рис. 4, 5). Как известно, на почепских памятниках выделяются два сильно отличающихся типа жилищ: наземные дома столбовой конструкции и полуземлянки со срубной конструкцией стен [20]. При этом сами полуземлянки также встречены нескольких разновидностей. Возможно, это связано с составлявшим единый социум композитным, мозаичным этническим составом населения, каждый из компонентов которого имел свои устоявшиеся традиции домостроения, берущие начало с одной стороны в классической зарубинецкой культуре, а с другой – в культурах лесных балтов [3; 21; 22] и даже в сарматских кочевьях [23]. Памятников, где сохранность следов построек удовлетворительная, не так много, поэтому каждое обнаруженное жилище представляет несомненный интерес. Не всегда выделение некоторых типов домов достоверно. Так, на Почепском селище, вопреки реконструкции Г. Н. Пронина [12], отсутствуют длинные наземные дома [24], а реконструкция наземных домов с углубленной центральной частью, предложенная И. К. Фроловым [13], была отвергнута при углубленном анализе [19, с. 55–56].

Итак, постройка первоначально была зафиксирована в виде подпрямоугольного тёмного углистого пятна с неровной границей размером 3,1х2,3 м. На 15 см глубже очертания приобрели правильную прямоугольную форму со сторонами 4х5 м. Котлован с горизонтальным дном и в основном вертикальными стенками был углублен на 0,65 м в материк. Верхний уровень заполнения мощностью до 0,25 м состоял из гумусированной супеси с углями. Его подстилал слой серой супеси с углями мощностью до 0,22 м. Нижняя часть заполнения – оподзоленный жёлтый песок с углями. В заполнении постройки зафиксировано 10 скоплений керамики, несколько кусков железного шлака, железный гвоздь, а у восточного борта за пределами котлована – железное кольцо.

В придонной части залегала тонкая, 2–5 см, прослойка угля. Уголь в виде небольших линз встречался и по всей толще заполнения. Вероятно, постройка погибла в пожаре. Поджечь её могли преднамеренно в ритуальных целях сами хозяева, перед тем как покинуть поселение и уйти на новое место. Об этом косвенно свидетельствует почти полное отсутствие индивидуальных находок и крупных развалов посуды. Отсутствие находок в остатках сгоревших почепских построек ставило исследователей в тупик [14]. Сожжение жилища и даже всего поселения могло восприниматься как его ритуальная смерть. Очищение огнём завершало некий жизненный цикл и давало начало новому циклу. *«Ритуал сжигания жилища означал снятие своего культур-*

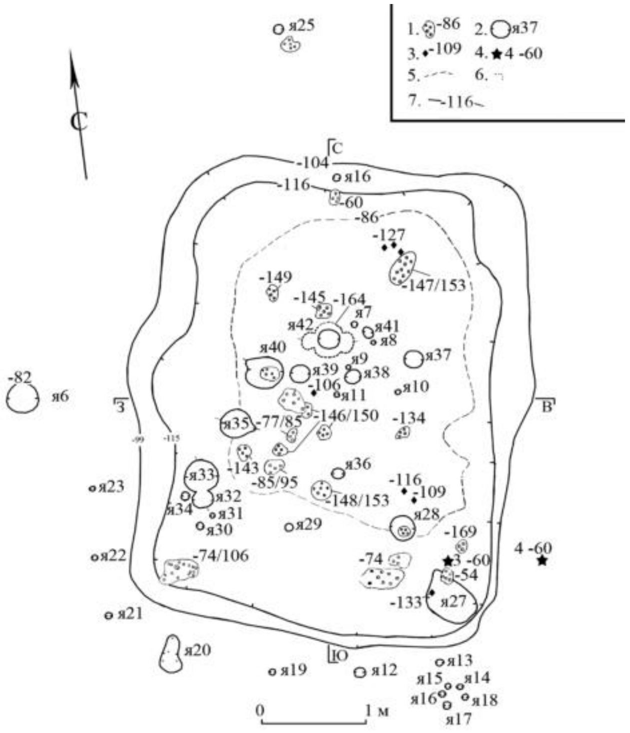


Рис. 4. План постройки поселения Огородня

Условные обозначения:

1 – скопления керамики и их глубины от репера в см; *2* – контуры ям; *3* – металлургический шлак и глубина от репера в см; *4* – индивидуальные находки и их глубины от репера в см (№ 3 кованый железный гвоздь, № 4 железное кольцо); *5* – контур пятна постройки в культурном слое поселения; *6* – контур подбоя в яме 42; *7* – контуры котлована постройки с указанием глубина от репера в см. Буквами С-Ю и З-В указано положение профилей постройки

ного кода, очищение пространства и его возвращение в природное состояние» [25, с. 220]. Подобный ритуал – распространенный архетип поведения, порой проявляющийся даже в новейшей истории, например, в зонах межэтнических и межконфессиональных конфликтов. Он многократно прослежен археологами в иных культурах и эпохах на территории Евразии [26, с. 20; 27; 28].

Большинство ям в полу постройки – столбовые, заполненные древесным углем (ямы 7–11, 29–31, 34, 36–39, 41, 42). Среди них выделяется более крупная яма 42 от центрального опорного столба. Она расположена почти в центре с небольшим смещением к северу. Диаметр её верхнего круглого контура – 0,24 м. На 0,15 м от верхнего края яма резко расширялась в за-

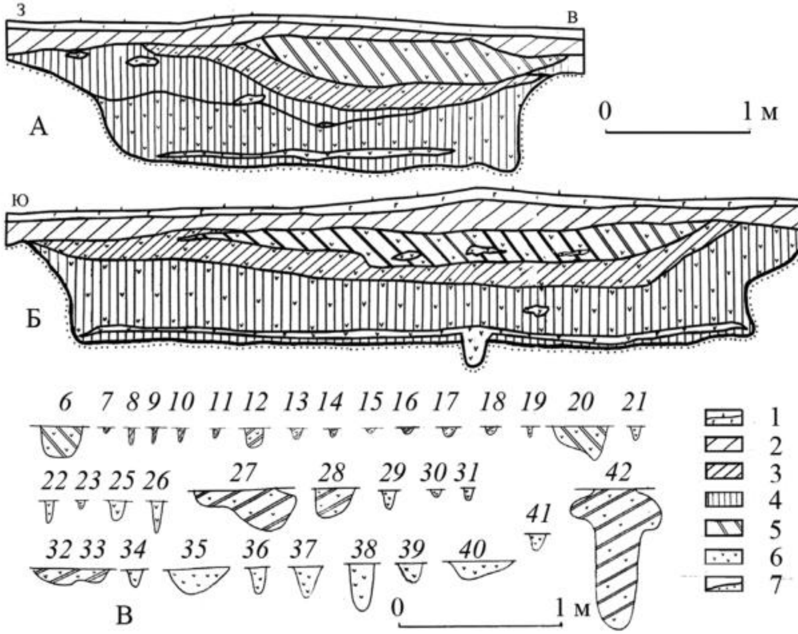


Рис. 5. Профили постройки и ям поселения Огородня

Условные обозначения:

А – З-В профиль постройки; *Б* – С-Ю профиль постройки; *В* – профили ям, нумерация соответствует номерам на плане;

1 – дерновый слой; *2* – жёлто-серая супесь; *3* – серая супесь; *4* – оподзоленный жёлтый песок; *5* – гумусированная супесь; *6* – уголь; *7* – материк (жёлтый песок)

падно-восточном направлении, приобретая очертания вытянутого овала с длинной осью 0,53 м, а глубже вновь становилась в плане круглой, с тем же диаметром, что и по верхнему контуру. Возможно, это следы специально оставленных на столбе сучьев, предотвращавших раскачивание опоры. Общая глубина ямы 0,8 м, заполнение – темно-жёлтая супесь с большим количеством древесного угля. Отсутствие угловых столбовых ям, как отсутствие рядов ямок вдоль стен (следов плетня или частокола) однозначно указывает на срубную конструкцию стен дома. Остальные столбовые ямки невелики и могут быть связаны с элементами интерьера, достоверно реконструировать которые сложно. Наличие значительного количества таких ямок – характерная черта многих почепских жилищ [14; 29].

У неправильно-округлых ям 35 и 40 с чашеобразным профилем, расположенных к юго-западу от опорного столба и имеющих поперечник около 0,3 м каждая, заполнение углистое. Можно предположить, что это остатки

типичных для почепских жилищ простых отопительных сооружений – открытых очагов, которые могли действовать и не одновременно в течение обитания постройки (непосредственно над одним из них зафиксировано одно из скоплений керамики). Именно рядом с предполагаемыми очагами концентрируется большая часть (как минимум девять) скоплений керамики, возможно, связанных с бившейся в процессе обитания кухонной посудой. Отсутствие следов прокала не удивляет: во-первых, внутри жилища горение явно не было интенсивным, пусть и регулярным, а появление прокала зависит именно от интенсивности и длительности горения [30]. Просыхание песка при растопке открытого очага не позволяло возникнуть прокалу: по данным эксперимента, *«в примитивном «открытом» очаге прокал на песчаных грунтах не образуется»* [31, с. 59]. Во-вторых, при чистке очага в песчаном углублении от накапливавшейся углисто-золистой массы, тонкий слой слегка прокаленного, но рыхлого грунта мог быть попросту удалён.

Ямы 27, 28, 32, 33 имели в плане круглые или почти круглые очертания и чашеобразный профиль (профиль ямы 27 скошенный), в заполнении, помимо угля, содержалась темно-жёлтая супесь. Не исключено, что эти ямы связаны с опорами располагавшихся в южной, более низкой части постройки полатей для сна и отдыха. Южный край полатей мог опираться и на южную стенку котлована и нижние венцы сруба. Интересны столбовые ямы 12–23, оконтурившие южную и юго-западную части котлована постройки с внешней стороны. Их можно связать с опорами края низкого пологого свода постройки, выходившего здесь за край котлована. Зафиксированная на уровне материка круглая яма 6 глубиной 0,2 м с чашеобразным уплощенным дном и заполненная сильно гумусированной супесью с углём, расположена западней котлована жилища. В ней могла стоять опора, поддерживавшая небольшой навес над входом в жилище, располагавшемся в западной части, там, где в стене котлована прослежена относительно пологая выемка.

Таким образом, центральный столб, который мог возвышаться над полом примерно до 2 м, слегка превышая человеческий рост, поддерживал асимметричную четырёхскатную крышу с более пологим и протяженным южным скатом, выходившим за пределы сруба. Сильно увеличенные свесы крыши на опорных столбах дополнительно защищали стены от влаги. Вход в эту срубную жилую конструкцию находился в центральной части западной стены, вероятно, над входом располагался небольшой навес. Недалеко от входа и центральной опоры имелось примитивное внутреннее отопительное устройство в виде открытого очага в небольшом углублении на песчаном полу, который мог менять своё место со временем. На наличие очага указывает и концентрация вокруг скоплений керамики, вероятно, связанных с время от времени разбивавшимися в процессе бытовой деятельности лепными горшками. У центральной опоры, судя по столбовым ямкам, располагались

какие-то конструкции интерьера, которые сложно достоверно реконструировать. В южной части постройки с наиболее низким полого-наклонным потолком могла располагаться зона отдыха – лежак (полати) с передним краем на невысоких опорах и задним краем, опиравшимся преимущественно на нижние венцы сруба.

Срубная конструкция стен была возведена из целых брёвен, о чем говорит отсутствие узкой канавки, прилегающей к основанию стен котлована. Такие канавки зафиксированы в ряде позднезарубинецких полуземлянок. Они могут быть основаниями срубных конструкций, собранных из плах (брёвен, расколотых продольно). Стоящие на ребре плахи нижнего венца под весом конструкции давили на материковый грунт сильнее, нежели округлое бревно, и, частично погружаясь в него, формировали узкие неглубокие «канавки».

Исходя из сказанного, можно предложить классификацию почепских полуземлянок на основе связи конструкции и её археологических признаков (комплекса следов конструктивных элементов), изложенную в таблице (табл.). Разнообразие видов полуземляночных построек в очередной раз указывает, на наш взгляд, на композитный характер этнического состава носителей почепского варианта позднезарубинецкой культуры. Несмотря на разнообразие, преобладают срубные конструкции стен из брёвен и, реже, из плах (4 из 7 вариантов) и четырёхскатные крыши (5 из 7 вариантов). Крыши, скорее всего, покрывались соломой или камышом, связанными снопами. Учитывая то, что ареал почепских памятников целиком лежит в пределах лесной зоны, преобладание срубных конструкций вполне закономерно.

Типы конструкций построек-полуземлянок поселений Почепской группы

Конструктивные элементы	Конструкция	Примеры	Публикации
Без канавки и столбовых ям по краю и в центре прямоугольного котлована (хозяйственные?)	Сруб из брёвен в котловане, двухскатная крыша	Почеп пIV-3; пV-3; пVII-5, 8; пVIII-1; пIX-2, 10, 18	[32]
Без столбовых ям и канавки по краю дна прямоугольного котлована, центральная столбовая яма	Сруб из брёвен в котловане, четырёхскатная крыша	Дубки 1; Киселевка 3 п2; Курово 7 п1; Почеп пII-1; пIV-1; Хотылёво 4; Огородня	[8; 15; 29; 32; 33; 36]
Без столбовых ям и канавки по краю дна округлого котлована, центральная столбовая яма	Сруб из брёвен над котлованом, четырёхскатная крыша	Святое 4 п2; Курово 7 п3	[14; 29]
Канавка по краю дна прямоугольного котлована, без столбовых ям в ней, центральная столбовая яма	Сруб из плах в котловане, четырёхскатная крыша	Святое 4 п1; Курово 7 п2; Почеп пI-2; пII-3; пIII-1; пV-2; пVII-1	[14; 29; 32]

Окончание таблицы

Конструктивные элементы	Конструкция	Примеры	Публикации
Канавка по краю дна котлована со столбовыми ямами в ней, центральная столбовая яма	Стены из плетня или частокола, четырёхскатная крыша	Синьково п19; Киселевка 3 п1; Почеп пIV-1; пV-1	[3; 15; 32]
Столбовые ямы в центре, по углам и иногда по краю дна подпрямоугольного котлована	Стены из плетня или каркасно-столбовые, четырёхскатная крыша	Неготино 6 п2 (?); Хотылёво 12	[8; 34; 35]
Столбовые ямы по краю дна округлого котлована и, как правило, центральная столбовая яма	Стены каркасно-столбовые или же из плетня, шатровая крыша	Спартак; Курово 7 п4; Почеп пII-2	[7; 22; 29; 32]

В столбце «Примеры» после названия поселения при наличии там нескольких построек «п» означает «постройка», следующая за ней римская цифра обозначает раскоп, арабская – номер постройки согласно приведённым источникам.

Если круглые юртообразные постройки с шатровой кышей (тип 7) – редкая разновидность безусловно жилых сооружений, то назначение ещё более редких построек, в которых, скорее всего, прямоугольны срубом (учитывая прямоугольную или подпрямоугольную форму пятна постройки в культурном слое над котлованом [14]) по внешним краям обнесён расположенный внутри округлый котлован (тип 3) остается пока загадочным. Можно предположить их не жилое, а хозяйственное назначение. Находки фрагментов литейных тиглей в такой постройке на поселении Курово 7 [29] позволяют говорить о размещении в таких постройках мастерских. Сооружения со стенами из плетня или частокола при отсутствии каких-либо следов их глиняной обмазки (как это делается в так называемых «турлучных» домах – хатах-мазанках) либо для утепления снаружи обкладывались вязанками камыша, либо носили, на наш взгляд, сезонный или временный характер, поскольку в холодное время года не могли бы обеспечить достаточного утепления внутреннего пространства, если, конечно, такие легкие стены не обкладывались снаружи дополнительно снопами камыша. При этом каркасно-столбовые дома с плетёными стенами в богатой деревом лесной зоне – это скорее следование части населения определенной традиции домостроения, чем способ применения более доступных подручных строительных материалов.

Библиографические ссылки

1. *Нигматуллин Р. А., Смирнов А. С.* Деснинская экспедиция // 30 лет Отделу охранных раскопок: Труды отдела охранных раскопок. Т. 2. Тула, 2004. С. 76–80.

2. *Башкатов Ю. Ю., Земцов Г. П.* Топография и планировка поселений, типы построек // Раннеславянский мир. Вып. 12. Позднезарубинецкие памятники на территории Украины (вторая половина I–II в. н. э.). Москва, 2010. С. 67–92.

3. *Амброз А. К.* К истории Верхнего Подесенья в I тысячелетии н. э. // СА. 1964. № 1. С. 56–71.

4. *Обломский А. М.* Культурно-типологические группы позднезарубинецких памятников Подесенья и их взаимоотношение с деснинским вариантом киевской культуры // Культуры Восточной Европы I тысячелетия. Куйбышев, 1986. С. 39–67.

5. *Обломский А. М.* Позднезарубинецкие памятники // Славяне и их соседи в конце I тысячелетия до н. э. – первой половине I тысячелетия н. э. Москва, 1993. С. 40–52.

6. *Обломский А. М.* Памятники типа Почеп // Раннеславянский мир. Вып. 12. Позднезарубинецкие памятники на территории Украины (вторая половина I–II в. н. э.). Москва, 2010. С. 45–54.

7. *Третьяков П. Н., Шмидт Е. А.* Древние городища Смоленщины. Москва, Ленинград: АН СССР, 1963. 194 с.

8. *Гурьянов В. Н., Миненко В. В.* Новые исследования поселений почепской культуры в Верхнем Подесенье // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья. Материалы VIII региональной научной конф. Калуга, 2001. С. 36–40.

9. *Гурьянов В. Н.* Лепная керамика селища Хизовка-3 // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья. Материалы X региональной научной конф. Калуга: Гриф, 2003. С. 68–74.

10. З*аверняев Ф. М.* Почепское селище первых веков нашей эры // СА. 1960. № 4. С. 179–186.

11. *Заверняев Ф. М.* Зарубинецкие памятники верхнего Подесенья // Древние славяне и их соседи (МИА. № 176). Москва, 1970. С. 22–24.

12. *Пронин Г. Н.* Некоторые вопросы изучения памятников почепского типа // СА. 1979. № 1. С. 47–62.

13. *Фролов И. К.* О домостроительстве первой половины 1 тысячелетия н. э. на территории Подесенья и Поочья // СА. 1979. № 1. С. 63–72.

14. *Массалитина Г. А.* Новые жилища почепской культуры на Верхней Десне // Вопросы археологии и истории Верхнего Поочья. Тез. докл. Калуга, 1989. С. 27–29.

15. *Зеленецька І. Б.* Нови поселення зарубинецького типу в Подесенні // Археологія. 1980. № 33. С. 80–87.

16. *Смирнов А. С.* Отчёт о разведках в зонах проектирования гидромелиоративных объектов в Брянской области. 1989 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 13612.

17. *Смирнов А. С., Нигматуллин Р. А.* Отчёт «Работы Деснинской экспедиции в 1992 году» // Архив ИА РАН. Р-1. № 18491.

18. *Гурьянов В. Н., Чубур А. А.* О горизонте ортзандов, как стратиграфическом маркере для эпохи финального палеолита в бассейне Десны // Геология палеолита Северной Азии: к столетию со дня рождения С. М. Цейтлина: материалы докладов международной геолого-археологической конференции (симпозиума), Красноярск, 10–13 ноября 2020 г. Красноярск, 2020. С. 28–30.

19. *Обломский А. М., Терпиловский Р. В.* Среднее Поднепровье и Днепровское Левобережье в первые века нашей эры. Москва: Наука, 1991. 173 с.

20. *Амброз А. К.* Длинные дома Полужского городища V–III вв. до н. э. // Древняя Русь и славяне. Москва, 1978. С. 30–39.

21. *Массалитина Г. А.* Об одном типе построек в верхнем Подесенье и Поочье // Деснинские древности. Вып. 1. Брянск, 1995. С. 58–60.

22. *Чубур А. А.* Округлые жилища поселения Курово-7 и их место в культурной мозаике верхнего Поднепровья на рубеже новой эры // Труды IV(XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т. 2. Казань, 2014. С. 440–443.

23. *Воронятов С. В.* Юртообразная постройка Почепского селища в Брянской области // Археологическое наследие. 2020. № 1 (3). С. 404–408.

24. *Воронятов С. В.* Планиграфия и домостроительство Почепского селища // Славянский мир Полесья в древности и средневековье. Гомель, 2004. С. 28–33.

25. *Новикова О. И., Нестерова М. С.* Археологические свидетельства ритуалов оставления жилища // Культура как система в историческом контексте: опыт Западно-Сибирских археолого-этнографических совещаний. Материалы XV Международной Западно-Сибирской археолого-этнографической конференции. Томск, 2010. С. 218–220.

26. *Ковалева В. Т.* О реконструкции общинных структур древних обществ Среднего Зауралья по раскопкам поселений и жилищ (неолит – начало бронзового века) // Вопросы археологии Урала. 1993. № 21. С. 5–23.

27. *Бурдо Н. Б., Видейко М. Ю.* «Погребенные дома» и ритуал сожжения поселений Кукутень-Триполья // Культурные взаимодействия. Динамика и смыслы. Сборник статей в честь 60-летия И. В. Манзуры. Кишинев, 2016. С. 175–191.

28. *Tringham R.* Destruction of Places by Fire: Domicide or Domithanasia // Destruction: Archaeological, Philological, and Historical Perspectives. Louvain, 2013. P. 89–108.

29. *Чубур А. А.* Горизонт древностей Полужье – Почеп на многослойном поселении Курово 7 // Верхнедонской археологический сборник. 8. Липецк, 2017. С. 180–192.

30. *Чирков М. В., Лычагина Е. Л.* Экспериментальная археологизация очагов на суглинистом грунте // Вестник научной ассоциации студентов и аспирантов исторического факультета Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Серия: Studis historica juvenum. 2009. № 1 (5). С. 18–21.

31. *Мингалев В. В., Чирков М. В.* Эксперименты по археологизации разнотипных кострищ и очагов // Вестник Музея археологии и этнографии Пермского Предуралья. 2008. № 2. С. 53–61.

32. *Заверняев Ф. М.* Почепское селище // Новые данные о зарубинецкой культуре в Поднепровье (МИА. № 160). Ленинград, 1969. С. 88–118.

33. *Третьяков П. Н.* Древности второй и третьей четверти первого тысячелетия н. э. в верхнем и среднем Подесенье // Раннесредневековые восточнославянские древности. Ленинград, 1974. С. 40–108.

34. *Миненко В. В., Гурьянов В. Н.* Археологические исследования на территории тютчевского музея-заповедника (раскопки поселений Неготино-5 и 6) // Тютчевские чтения на Брянщине: Материалы VI чтений. Брянск, 2006. С. 183–203.

35. *Шинаков Е. А.* Отчет о работах в Брянском и Жуковском районах Брянской области в 1999 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 24168.

36. *Миненко В. В., Разумов И. Н., Сироштан И. И.* Раскопки на поселении «Жуковка. Дубки 1» (публикация материалов спасательных работ 1996 года) // Русский сборник. 10. Брянск, 2021. С. 66–79.

37. *Заверняев Ф. М.* Селище в устье р. Гасомы // Раннесредневековые восточнославянские древности. Ленинград, 1974. С. 126–131.

38. *Обломский А. М.* Работы Раннеславянской экспедиции на территории Брянской и Тамбовской областей // Археологические открытия 2014 года. Москва, 2016. С. 137–138.

39. *Обломский А. М.* Раскопки раннеславянских памятников на территории Брянской обл. // Археологические открытия 2015 года. Москва, 2017. С. 162–164.

40. *Патрик Г. К.* Разведки в Тульской и Брянской областях // Археологические открытия 1980 года. Москва, 1982. С. 72.

41. *Фролов И. К.* Поселение у дер. Железное // Археологические открытия 1968 года. Москва, 1969. С. 54–55.

42. *Чубур А. А., Гурьянов В. Н., Шинаков Е. А., Титова О. В.* Материал рубежа нашей эры с многослойного поселения Курово 6 на нижней Судости // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2015. № 1-1. С. 151–154.

ИЗДЕЛИЯ ИЗ ГЛИНЫ НА ПАМЯТНИКАХ КУЛЬТУРЫ АБИДНИ В БЕЛОРУССКОМ ПОДНЕПРОВЬЕ

Н. Н. Дубицкая

Институт истории НАН Беларуси, ул. Академическая 1,
220072, г. Минск, Республика Беларусь, dubitskaya57@gmail.com

Статья посвящена различным категориям предметов, изготовленным из глины, выявленным на памятниках круга древностей типа Абидни (конец II–V в.) Белорусского Поднепровья. Представлены, сгруппированы и описаны глиняные пряслица, грузики, грузила, украшения (бусы), различные амулеты. Выделены характерные для памятников Абидни бытовые и производственные изделия (пирамидальные грузила, тигли с подтреугольным основанием).

Ключевые слова: культура Абидня; глиняные пряслица; грузики; грузила; бусы; амулеты.

ВЫРАБЫ З ГЛІНЫ НА ПОМНІКАХ КУЛЬТУРЫ АБІДНІ Ў БЕЛАРУСКІМ ПАДНЯПРОЎІ

Н. М. Дубіцкая

Інстытут гісторыі НАН Беларусі, вул. Акадэмічная, 1,
220072, г. Мінск, Рэспубліка Беларусь, dubitskaya57@gmail.com

Артыкул прысвечаны разнастайным катэгорыям прадметаў, вырабленых з гліны, выяўляных на помніках кола старажытнасцей тыпу Абідні (канец II–V ст.) Беларускага Падняпроўя. Прадстаўлены, згрупаваны і апісаны гліняныя прасліцы, грузікі, грузілы, упрыгажэнні (пацеркі), разнастайныя кудмені. Вылучаны характэрныя для помнікаў Абідні побытавыя і вытворчыя вырабы (пірамідальныя грузілы, тыглі з падтрохкутнай асновай).

Ключавыя словы: культура Абідня; гліняныя прасліцы; грузікі; грузілы; пацеркі; кудмені.

CLAY PRODUCTS AT THE ABIDNYA CULTURAL SITES IN THE BELARUSIAN DNIEPER REGION

N. N. Dubitskaya

Institute of History of the NAS of Belarus, Academic str., 1
220072, Minsk, Republic of Belarus, dubitskaya57@gmail.com

The article is dedicated to various categories of objects made of clay, found on the monuments of the circle of antiquities of the Abidnya type (end of the 2nd–5th centuries) of the Belarusian Dnieper region. Clay whorls, weights, sinkers, jewelry (beads), various amulets are presented, grouped and described. Household and industrial products (pyramidal sinkers, crucibles with a subtriangular base) typical of the Abidnya monuments are singled out.

Keywords: Abidnya culture; clay whorls; weights; sinkers; beads; amulets.

Памятники культуры Абидня (II–V вв.) локализуются в Белорусском Поднепровье. Они, как правило, располагаются по краям первых речных террас. Памятники представлены неукрепленными поселениями (селищами) и грунтовыми могильниками. Обряд погребения – кремация в ямах, позднее появляются урновые захоронения. Большая заслуга в изучении древностей римского времени в Белорусском Поднепровье принадлежит известному белорусскому археологу Л. Д. Поболю. В результате его многолетних раскопок (Абидня, Тайманово и др.) получен большой фактологический материал, позволяющий с недоступной ранее полнотой осветить многие проблемы истории населения лесной и лесостепной зоны Восточной Европы во второй и третьей четверти I тыс. н. э.

Самой многочисленной категорией находок являются различные керамические изделия и их обломки. Помимо керамической посуды из глины изготавливали различные предметы технического и бытового назначения, а также украшения. Техническая керамика представлена тиглями, льячками, литейными формами. К изделиям бытового назначения относятся пряслица, грузики, грузила. Иногда из глины изготавливали бусины. Встречаются различные глиняные фигурки, по-видимому, выполнявшие роль амулетов, либо служившие детскими игрушками.

Самая многочисленная категория бытовых изделий из глины – пряслица. Например, в Абидне коллекция пряслиц насчитывает 406 экземпляров [1], в Тайманово найдено 427 целых и в обломках пряслиц[1]. Таймановские пряслица найдены во всех полуземляночных постройках, остальные пряслица происходят из культурного слоя поселения. Аналогичная картина наблюдается и в Абидне. Все пряслица изготовлены из отмученной глины с мелкими минеральными примесями. Поверхность, как правило, тщательно заглажена. Большая часть пряслиц Тайманово неорнаментированная (92,7 %). Орнаментация пряслиц самая разнообразная. Чаще всего орнаментом покрывалась вся внешняя поверхность пряслиц, иногда только боковые или только противоположные стороны. Встречены следующие виды декора: точечный, прочерченный, нарезной, циркульный (рис. 1, 2, 3, *1*). Найдено одно пряслице с защипами (рис. 1, *3*). Преобладает точечный декор. Элементы декора нередко комбинировались, складывались в определенный орнамент, несущий смысловую нагрузку. На одном пряслице имеется изображение солярного знака – свастики (рис. 1, *2*). Пряслице выявлено в полуземляночном жилище № 15 вместе с бронзовыми арбалетными фибулами западного облика, постройка датируется концом III – началом IV в. Все элементы декора, за исключением циркульного, встречены на поселении Абидня [1].

[1] Сведения о находках Тайманово взяты из полевых отчетов Л. Д. Поболя. Раскопки производились в 1967–1983 гг.

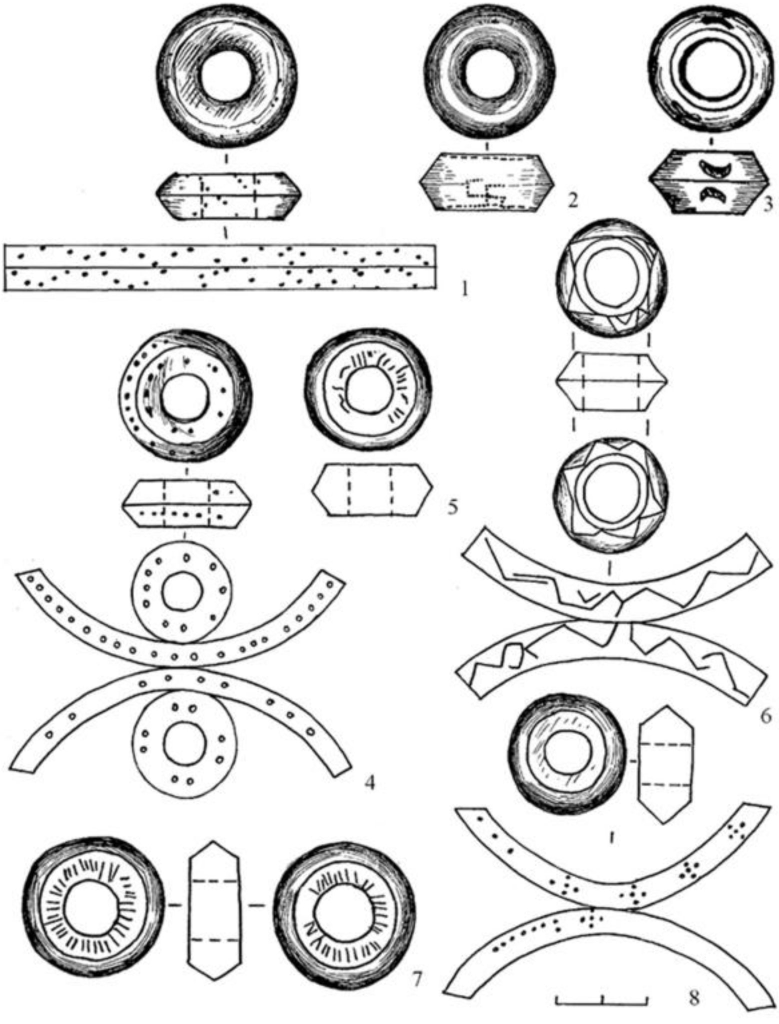


Рис. 1. Глиняные орнаментированные пряслица Тайманово. Раскопки Л. Д. Поболя

Подавляющее большинство пряслиц Тайманово биконической формы с четко выраженными гранями (тип IVE для пряслиц Абидни по А. В. Ильютик) [1]. Встречаются и другие разновидности биконической формы: с вогнутыми основаниями (29 экз.), округло-биконические (18 экз.), удлиненно-биконические (4 экз.), с валиком по ребру (3 экз.), с канавкой по ребру (1 экз.). Все эти варианты биконической формы, в том числе единичные находки

пряслиц с валиком (вариант Ж) и канавкой по ребру (вариант К), имеются в коллекции из поселения Абидня [1, с. 109]. Изредка встречаются другие формы, прежде всего, округлая форма (3 экз.) и ее варианты – плоско-округлая и уплощенно-округлая (3 экз.), округлая с вогнутыми основаниями (1 экз.). Цилиндрическое пряслице с вогнутыми основаниями найдено в Симоновичах [2, рис. 4, *1*]. Такие пряслица весьма характерны для поздних памятников культуры штрихованной керамики и банцеровской культуры [3, с. 41]. Два пряслица Тайманово имеют уплощенную форму. Одно пряслице имело линзовидную форму (тип VI по А. В. Ильютик) [1]. В полуземляночной постройке № 28 Тайманово найдено сосудообразное пряслице (рис. 3, *2*). Четыре пряслица изготовлены из стенок сосуда. Пряслица из стенок сосуда встречены также на поселениях Абидня [1, с. 106], Симоновичи [2, с. 10, рис. 4, *4*] и Дедново [4, рис. 12, *10*]. В Тайманово найдены несколько пряслиц без отверстия, одно из них украшено комбинированным точечно-прочерченным орнаментом (рис. 2, *4*). Предположительно, это заготовки. А. В. Ильютик также считает, что это заготовки для маховичков, либо их могли использовать в качестве шашек [1, с. 106]. Практически все типы пряслиц, за исключением сосудообразного пряслица, и в тех же соотношениях встречены на синхронном поселении Абидня [1].

Общий диаметр пряслиц из Тайманово варьирует от 1,6 до 4,3 см. Диаметр отверстия составляет от 0,5 до 1,6 см, чаще 0,8–1,4 см, одно биконическое, округло-биконическое и линзовидное пряслица имели диаметр отверстия 0,4 см. Высота пряслиц составляла 0,8–2,3 см, чаще 0,8–1,5 см, у одного пряслица из стенки сосуда высота не превышала 0,6 см. По соотношению высоты к максимальному диаметру (Н: Д1) и диаметра отверстия к максимальному диаметру (Д2: Д1) можно выделить два типа пряслиц. К первому типу относятся пряслица с незначительным диаметром отверстия до 0,8 см (70 экз.). Они характеризуются следующими пропорциями: Н: Д1 равно 0,4–1,0; Д2: Д1 – 0,2–0,3. Ко второму типу относятся пряслица, диаметр отверстия которых больше 0,8 см. Им, в основном, соответствуют пропорции: Н: Д1 и Д2 : Д1 равно 0,4–0,6 и 0,4–0,5.

Преобладающий тип пряслиц на памятнике – довольно низкие по высоте (до 1,5 см) биконические пряслица с довольно широким (1,0 см и более) отверстием. Такие пряслица характерны практически для всех культур лесной и лесостепной зоны первой половины и третьей четверти I тыс. н. э. Истоки традиции появления пряслиц с широким каналом до сих пор не выяснены [5, с. 65–72]. С. В. Воронятов полагает, что это каким-то образом связано с южно-балтийским импульсом и распространением традиции варварских выемчатых эмалей [6, с. 113]. На наш взгляд, распространение таких пряслиц связано с технологией усовершенствования прядения с использованием пирамидальных грузил.

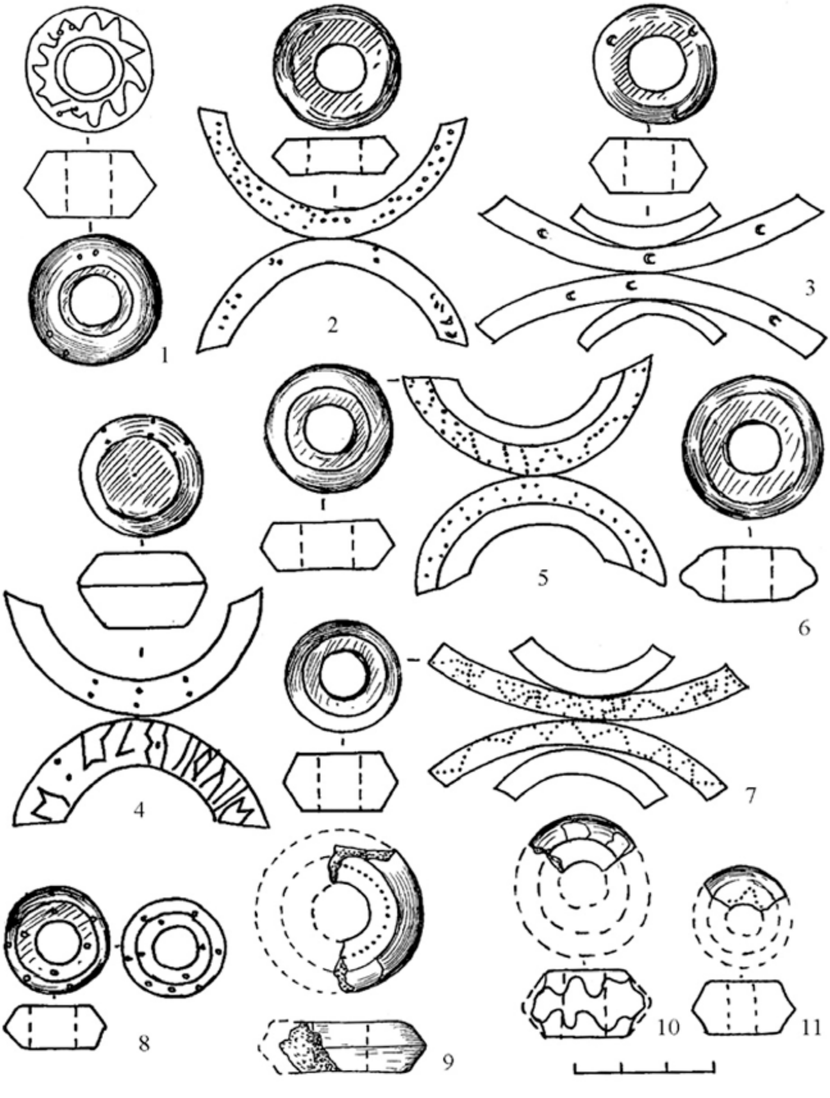


Рис. 2. Глиняные пряслица и заготовки Тайманово. Раскопки Л. Д. Поболя

Аналогичные по форме пряслица выявлены и на других памятниках (Симоновичи, Дедново). В Симоновичах известно 17 пряслиц, в Дедново – 48 пряслиц [7, с. 29–30; 4, с. 55. рис. 12]. Преобладали биконические пряслица. Широкое распространение биконических пряслиц, очевидно, имеет

большое технологическое значение, т. к. биконическая форма обладает наибольшей инерцией при вращении. В Дедново найдена редко встречающаяся разновидность биконического пряслица – с гранеными боками [7, рис. 9, *16*]. Граненое высокое (высота 2,5 см) биконическое пряслице с более узким (диаметр 0,6 см) внутренним отверстием, чем дедновское пряслице найдено вместе с лепной керамикой во время шурфовки на посаде древнего Турова (рис. 3, *4*). Граненые биконические пряслица изредка встречаются в черняховских древностях (Лохвица) [8, рис. 84, *17*].

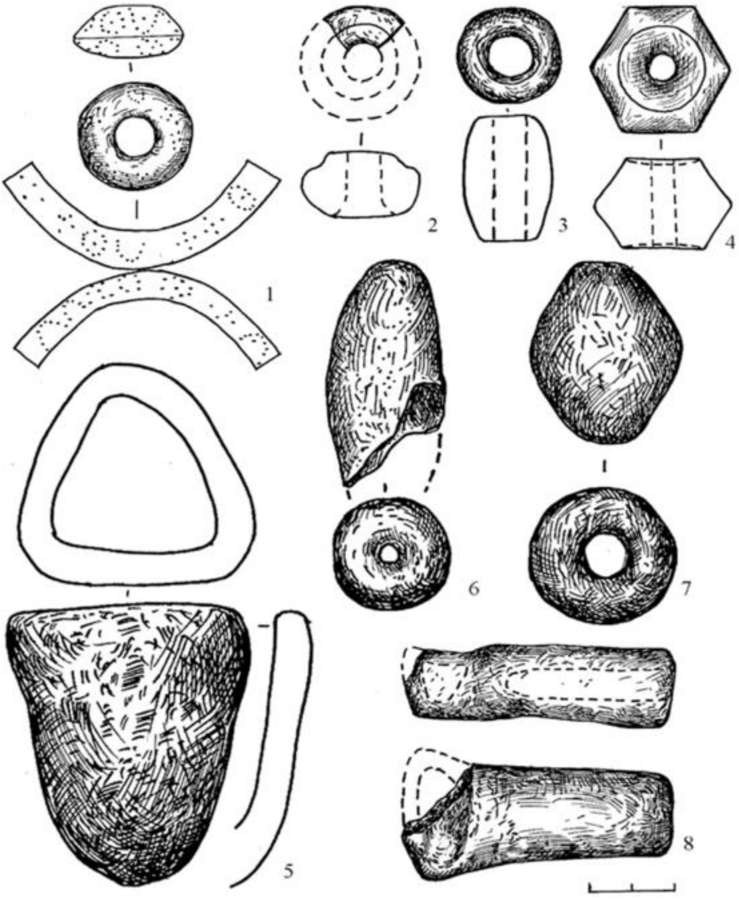


Рис. 3. Изделия из глины Тайманово:

1–2 – пряслица; *3, 6–7* – грузики; *5* – тигель; *8* – льячка. Раскопки Л. Д. Поболя. *4* – пряслице из Турова

Из глины изготавливались также грузики. В Абидне известно 6 грузиков [9, с. 210–211, рис. 12, *1–6*]. В культурном слое поселения Тайманово найдено 5 грузиков, из них два грузика целых и три в обломках. Диаметр грузиков 2,1–3,4 см, диаметр отверстия 0,4–1,0 см, высота 2,4–5,0 см (рис. 3, *3, 6, 7*). Грузики изготовлены из такого же глиняного теста с мелкими специальными минеральными добавками, что и пряслица. Единственно, что глины для грузиков не столь тщательно отмучивали.

Также из глины в Тайманово изготавливались различные типы грузил. Всего найдено 42 грузила, из них 5 сохранились целыми (рис. 4), остальные – в обломках. Грузила встречались как в культурном слое, так в заполнении полуземляночных построек (№№ 4, 16, 38, 41, 42, 44, 46, 47), находили их в хозяйственных ямах, при разборке очагов. На территории могильника обломки грузил найдены вне погребений. Исключением является погребение № 188, в котором выявлены обломки двух грузил. Однако следует учесть, что данное погребение было произведено на месте заброшенной хозяйственной ямы и находки грузил относятся именно к содержимому заполнения ямы.

По форме можно выделить несколько типов таймановских грузил: пирамидальные (18 экз.), округлые (9 экз.), овальные (4 экз.), конусовидные (4 экз.). Диаметр округлых грузил составляет 4,5–8,2 см, овальных грузил – 5,3–6,7 см. Диаметр конусовидных грузил по нижней части – 8,2–9,9 см. Размеры пирамидальных грузил составляют от 5,2 см (по верху) до 9,0 см (по низу). Восстановить форму остальных грузил не представляется возможным. В Абидне встречены только шаровидные грузила (2 экз.) [9, с. 211, рис. 13, *6, 8*].

Особую группу грузил составляют пирамидальные изделия (рис. 4, *1, 2*). Грузила данного вида достаточно широко представлены в киевских и черняховских древностях. На памятниках киевской культуры они появляются на позднем этапе ее развития – в IV – первой половине V в. [10, с. 187, рис. 4, *27–29*; 11, с. 63, рис. 14, *20*]. Предшествующему населению такие типы грузил были не известны. Пирамидальные грузила являются деталями вертикального ткацкого станка, и их появление в Белорусском Поднепровье непосредственно связано с черняховским влиянием. Не исключено, что появление пирамидальных грузил и пряслиц с большими отверстиями взаимосвязаны между собой.

Наличие предметов технической керамики свидетельствует о довольно развитом бронзолитейном производстве. Местное производство подтверждают находки сплавленной бронзы на поселениях Абидня и Тайманово. Также свидетельством местного производства цветного металла служат находки формочек для отливки металла – тиглей и специальных ложек для разливки горячего металла – льячек.

В Тайманово найдено один целый и 12 обломков тиглей. Целый экземпляр выявлен в заполнении полуземляночной постройки № 32, обломки тиглей частично найдены в полуземлянках №№ 4, 29, остальные обломки происходят из культурного слоя поселения. Тигли представляют собой небольшие сосудики (высота 6,0–8,0 см) конической формы. Особенностью

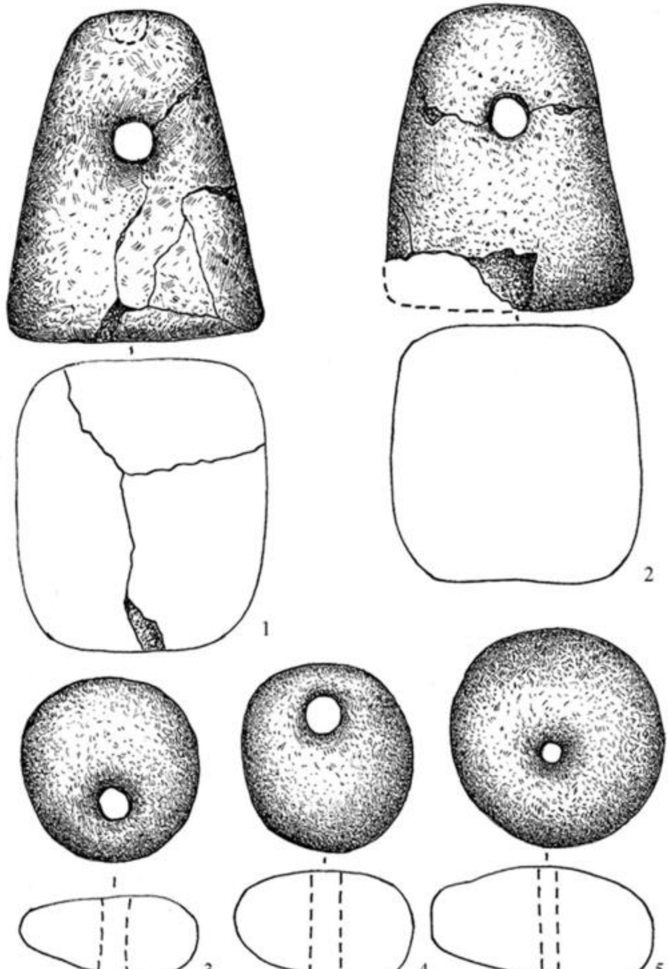


Рис. 4. Грузила Тайманово. Раскопки Л. Д. Поболя

тиглей Тайманово является подтреугольная форма горловины. Такая горловина отмечена у пяти тиглей, в том числе у целого тигля из полуземлянки № 32 (рис. 3, *5*) (постройка датируется 200–310 гг.). Тигли с подтреугольной горловиной широко представлены на поселении Абидня [12, с. 118, рис. 19; с. 120, рис. 24, *5, 6*; с. 122, рис. 31, *4, 5*, с. 126, рис. 35, *3*]. Из Абидни происходит обломок тигля с ручкой. По-видимому, он имел тулово в виде округлой чаши. Тигель найден в полуземлянке № 28 вместе с железной фибулой с подвязной ножкой, которая датируется по Е. Л. Гороховскому 230–270 гг. [13, с. 126, 127, рис. 17, *4*]. В Абидне найден еще один обломок тигля с туловом округлой формы [12, с. 110, рис. 34, *13*]. Он выявлен в полуземлянке № 20 в комплексе с железной фибулой с цельным приемником, железной D-образной пряжкой без язычка, бронзовой посоховидной булавкой с ромбическим сечением головки, железной посоховидной булавкой с квадратным сечением и другими находками, которые датируют постройку III – началом IV вв. Всего, по данным Л. Д. Поболя, в Абидне найдено два десятка целых и более 100 обломков тиглей [14, с. 425]. Обломки тиглей найдены и на поселении Симоновичи. Наиболее сохранившийся из тиглей имеет подковообразную форму с округлыми боками, форма горловины тигля овальная [2, рис. 4, *10*].

На поселении Тайманово также найдены специальные керамические ложки для разливки горячего цветного металла – льячки. Все льячки происходят из культурного слоя поселения. Всего найдено одна почти целая льячка и три льячки в обломках, из них обломок ложки и два обломка ручек. Общая длина целой льячки составляет 4,0 см, размер ложки 2,2x1,2 см, ширина ложки 3,1 см, высота ложки до 2,0 см, глубина ложки 1,2 см, длина втулки 4,0 см, диаметр втулки 0,7 см (рис. 3, *8*). Похожие льячки найдены на соседнем поселении Абидня, где также было развито бронзолитейное ремесло. В Абидне целая льячка была найдена в полуземлянке № 18 вместе со слитком кованой бронзы и двумя бронзовыми орнаментированными трубочками. Длина льячки 5,3 см, диаметр ложки 3 см, диаметр ручки 2,1 см [12, с. 123, рис. 32, *8*]. Полуземлянка № 18 была без отопительного сооружения, что может указывать на ее хозяйственное назначение. Не исключено, учитывая вышеназванные вещи, что данная постройка являлась мастерской мастера-литейщика. Бронзовые орнаментированные пластинчатые украшения, аналогичные тем, что выявлены в полуземлянке № 18, входят в группу изделий круга «варварских» выемчатых эмалей. Подобные украшения известны в Мощинском, Межигорском, Жукинском кладах, на ряде позднезарубинецких и киевских памятников [15, с. 29]. Всего в Абидне найдено пять целых льячек, пять ручек к льячкам и один обломок чашки [9, с. 212, рис. 15]. Фрагмент льячки найден также на поселении Симоновичи. Льячка представлена обломками черенка с округлым отверстием диаметром около 0,8 см, в которое вставлялась деревянная рукоятка [2, с. 9, рис. 5, *10*].

На селище Тайманово в заполнении полуземлянки № 18 найден обломок глиняной литейной формочки длиной 2,4 см, шириной 2,7 см, толщиной 1,0 см. Глиняные формочки известны и в Абидне. Одна такая формочка сохранилась полностью, в ней отливались подвески с шестью рожками (лунницы?) [16, с. 175].

На поселении Тайманово найдена маленькая глиняная фигурка, предположительно, голова медведя. Фигурка обломана. Длина сохранившейся части 2,4 см. По-видимому, это была подвеска-амулет. Две стилизованные глиняные фигурки животных найдены в Абидне, одна из них также напоминает фигурку медведя [9, с. 211, рис. 12, *19*]. Возможно, амулетом служило глиняное изделие из поселения Дедново. Оно представляло собой плоский кружок, у которого отверстие расположено ближе к краю [7, с. 30]. На поселении Тайманово найден глиняный обожженный шарик диаметром 2,0 см. Возможно, это была подготовленная, но забракованная по каким-то причинам заготовка бусины.

На селище Тайманово найдена уплощенно-овальная глиняная бусина. Диаметр бусины 1,4 см, диаметр отверстия 0,4 см, высота 0,8 см. Три глиняные бусины найдены в Абидне, в полуземляночных постройках № 4 и № 5 [12, с. 104]. Всего в Абидне найдено шесть глиняных бусин и несколько заготовок [9, с. 211, рис. 12, *7–9, 11–13*]. Единичная находка глиняной бусины в Тайманово и несколько бусин в Абидне свидетельствуют о том, что «украшения бедняков» были не в моде у зажиточного населения поселений. В частности, коллекция стеклянных бус Тайманово насчитывает 59 экз., Абидни – 74 экз. [17, с. 244]. Это самая крупная коллекция стеклянных бус среди синхронных памятников Восточной Европы.

Таким образом, ассортимент изделий из глины на памятниках типа Абидни одинаковый – пряслица, грузики, грузила, украшения (бусы), различные амулеты. Самыми распространенными бытовыми изделиями из глины являлись приземистые биконические пряслица с широким (1 см и более) отверстием (тип IV, варианты Д, Е по А. В. Ильютик). Они являлись ведущей формой на всех памятниках (Абидня, Тайманово, Дедново, Симоновичи). Биконические пряслица с широким отверстием также характерны для синхронных древностей Подесенья и Среднего Поднепровья [11, с. 63]. В то же время у западных соседей – племен культуры штрихованной керамики – преобладают пряслица с округлой и прямой профилировкой боковой стороны [18, с. 42; 19, с. 94–95, табл. 69]. Биконические пряслица (тип IV Е по А. В. Ильютик, тип IV Е по А. М. Медведеву) на этой территории широко распространяются только у населения банцеровской культуры (V–VIII вв.) [18, с. 230; 20, с. 107]. Присутствие западных типов пряслиц на памятниках типа Абидни (с обоюдовогнутыми боками – тип V, цилиндрической формы – вариант Г по А. В. Ильютик) также, несомненно, являются заимствованием

у племен культуры штрихованной керамики. Биконическая форма пряслиц появляется у населения зарубинецкой культуры (Чаплин и др.) [21, рис. 22, 23; 22, с. 96] и уже к началу второй четверти I тыс. н. э. становится ведущей формой пряслиц на всей территории, на которой ранее расселялись зарубинецкие племена. Как правило, у пряслиц второй четверти I тыс. н. э. более широкие внутренние отверстия (1 см и более) по сравнению с зарубинецким временем, но это наблюдается не всегда.

Изделием бытового назначения из глины, также характерным для памятников типа Абидни, несомненно, имеющим южное происхождение, являются пирамидальные грузила (Тайманово). Пирамидальные грузила были заимствованы населением Белорусского Поднепровья у племен черняховской культуры в IV – начале V в. Именно поэтому они не встречены на ранних памятниках (Абидня). Изредка такие грузила встречаются на соседних территориях (Малышки) [18, с. 44]. Пирамидальные грузила являются частью вертикального ткацкого станка. Не исключено, что появление пирамидальных грузил и распространение биконических пряслиц с широким отверстием как-то взаимосвязаны.

Особенностью бронзолитейного производства на памятниках типа Абидни является бытование тиглей с подтреугольным основанием (Абидня, Тайманово). На соседних территориях такие формы тиглей не известны. Подтреугольное основание имеет существенное практическое преимущество, такие тигли гораздо удобнее в применении, то же самое можно сказать относительно тиглей с ручками (Абидня). В дальнейшем, тигли такой формы применялись в древнерусском производстве изделий из цветных металлов (Туров) [23, рис. 22]. К сожалению, на памятниках второй половины I тыс. н. э. тигли такой формы не известны.

Библиографические ссылки

1. *Ильютик А. В., Поболь Л. Д.* Пряслица второй четверти I тыс. н. э. с поселения Абидня // Древности Беларуси (железный век и средневековье) // МАБ. 2005. Вып. 9. С. 106–111.

2. *Дубицкая Н. Н.* Раннеславянское селище Симоновичи на р. Птичь // Старажытнасці Бабруйшчыны. Бабруйск, 1998. С. 5–17.

3. *Митрофанов А. Г.* Железный век Средней Белоруссии (VIII – VI вв. до н. э. – VIII в. н. э. Минск: Наука и техника, 1978. 160 с.

4. *Ильютик А. В.* Новые материалы из раскопок Дедновского поселения в Бобруйске // Старажытнасці Бабруйшчыны. Мінск–Бабруйск, 1998. Вып. 2. С. 49–70.

5. *Шарова О. А.* Две традиции изготовления пряслиц Верхнего Поднепровья и прилегающих территорий в 1-м тыс. н. э. // Вопросы археологии, истории и культуры Верхнего Поочья. Калуга, 2004. С. 65–72.

6. *Воронятов С. В.* Сарматский и южно-балтийский культурные импульсы постзарубинецких древностях горизонта Рахны–Почеп (втор. пол. I – нач. II вв.): дис. ... канд. ист. наук: 07. 00. 06. Санкт-Петербург, 2018. 309 с.

7. *Ильютик А. В.* Селище Дедново на Березине // Старажытнасці Бабруйшчыны. Бабруйск, 1998. С. 26–42.

8. *Магомедов Б. В.* Черняховская культура. Проблемы этноса. Lublin: Wydaw. Uniw. M. Curie-Skłodowskiej, 2001. 290 с.

9. *Ильютик А. В., Дубицкая Н. Н.* Абидня. Вещевой комплекс селища и могильника // Славяне на территории Беларуси в догосударственный период: к 90-летию со дня рождения Леонида Давыдовича Поболя. Минск, 2016. В 2 кн. Кн. 1. С. 198–247.

10. *Сымонович Э. А.* Раннесредневековое поселение Тазово под Курском // СА. 1986. № 4. С. 183–193.

11. *Терпиловский Р. В., Абашина Н. С.* Памятники киевской культуры: свод археологических источников. Киев: Наукова Думка, 1992. 221 с.

12. *Поболь Л. Д., Ильютик А. В.* Жилища второй четверти I тыс. н. э. из поселения Абидня (по материалам раскопок 1960 г.) // МАБ. 2001. № 3. С. 102–153.

13. *Поболь Л. Д., Ильютик А. В.* Жилища второй четверти I тыс. н. э. из Абидни (по материалам раскопок 1962, 1965, 1966 гг.) // МАБ. 2002. № 5. С. 124–142.

14. *Поболь Л. Д., Наумов Д. В.* О некоторых предметах материальной культуры селища Абидня // Доклады к XI конференции молодых ученых БССР. Минск, 1967. С. 424–441.

15. *Терпиловский Р. В.* Славяне Поднепровья в первой половине I тысячелетия н. э. Lublin: Wydaw. Uniw. M. Curie-Skłodowskiej. 2004. 230 с.

16. *Поболь Л. Д.* Глава V. Памятники южной Белоруссии. § 2. Поздний этап зарубинецкой культуры // Очерки по археологии Белоруссии. Минск, 1970. Часть I. С. 168–183.

17. *Ильютик А., Поболь Л.* Бусы с поселения Абидня (Белорусское Поднепровье) // ГАЗ. 2010. № 25. С. 244–251.

18. *Медведев А. М.* Верхнее Понеманье в железном веке и раннем средневековье. Минск: Беларуская навука, 2011. 350 с.

19. *Егорейченко А. А.* Культуры штрихованной керамики. Минск: БГУ, 2006. 207 с.

20. *Зверуга Я. Г.* Беларускае Павілле ў жалезным веку і раннім сярэдневякоўі. Мінск: Інстытут гісторыі НАН Беларусі, 2005. 174 с. (МАБ. Вып. 10).

21. *Поболь Л. Д.* Славянские древности Белоруссии (ранний этап зарубинецкой культуры). Минск: Наука и техника, 1971. 232 с.

22. *Поболь Л. Д.* Славянские древности Белоруссии (могильники раннего этапа зарубинецкой культуры). Минск: Наука и техника, 1973. 280 с.

23. *Лысенко П. Ф.* Древний Туров. Минск: Беларуская навука, 2004. 180 с.

ПОСЕЛЕНИЕ И МОГИЛЬНИК ГУННСКОГО ВРЕМЕНИ НА ЖИВОТИННОМ ГОРОДИЩЕ

И. В. Зиньковская

Воронежский государственный университет, Университетская пл., 1, 394000, г. Воронеж, Российская Федерация, zinkovi@yandex.ru

Проведен сопоставительный анализ материалов поселения и могильника гуннского времени на Животинном городище в Рамонском р-не Воронежской обл. Судя по присутствию в керамическом комплексе поселения черняховской керамики и граненых пряслиц, слой интересующего нас времени начал отлагаться на городище в первой половине V в., скорее всего, ближе к его началу. Грунтовый могильник с ингумациями оставлен какой-то группой пришлого с юга населения, подчинившего оседлых земледельцев центральных и северных районов донской лесостепи с культурой Чертовицкое–Замятино.

Ключевые слова: Верхнее Подонье; Боспор; Животинное городище; гуннское время; керамика; ингумация; кочевники.

ПАСЕЛІШЧА І МОГІЛЬНІК ГУНСКАГА ЧАСУ НА ЖЫВАТЫННЫМ ГАРАДЗІШЧЫ

І. У. Зінькоўская

Варонежскі дзяржаўны ўніверсітэт, Універсітэцкая пл., 1, 394000, г. Варонеж, Расійская Федэрацыя, zinkovi@yandex.ru

Праведзены супастаўляльны аналіз матэрыялаў паселішча і могільніка гунскага часу на Жыватынным гарадзішчы ў Рамонскім р-не Варонежскай вобл. Мяркуючы па прысутнасці ў керамічным комплексе паселішча чарняхоўскай керамікі і гранёных праслiц, пласт цікавіўшага нас часу пачаў адкладацца на гарадзішчы ў першай палове V ст., хутчэй за ўсё, бліжэй да яго пачатку. Грунтовы могільнік з інгумацыямі пакінуты нейкай групай прыйшлага з поўдня насельніцтва, падпарадкаваўшага аседлых земляробаў цэнтральных і паўночных раёнаў данскога лесастэпу з культурай Чартавіцкае–Замяціна.

Ключавыя словы: Верхняе Падонне; Баспор; Жыватыннае гарадзішча; гунскі час; кераміка; інгумацыя; качэўнікі.

SETTLEMENT AND BURIAL GROUND OF THE HUNNIC PERIOD AT THE ZHIVOTINNOE HILLFORT

I. V. Zinkovskaya

Voronezh State University, Universitetskaya Square, 1, 394000, Voronezh, Russian Federation, zinkovi@yandex.ru

A comparative analysis was carried out on materials from the settlement and burial ground of the Hunnic period at the Zhivotinnoe hillfort in the Ramonsky District of the Voronezh Region. Judging by the presence of Chernyakhov ceramics and faceted spindle

whorls in the ceramic complex of the settlement, the layer of interest began to form at the hillfort in the first half of the 5th century, most likely closer to its beginning. The flat-ground burial site with inhumations was left by a group of migrants from the south, who subordinated the sedentary farmers of the central and northern areas of the Don forest-steppe, associated with the Chertovitskoe–Zamyatino culture.

Keywords: Upper Don region; Bosporus; Zhivotinnoe hillfort; Hunnic period; ceramics; inhumation; nomads.

Памятники оседлости гуннского времени на Верхнем Дону с легкой руки А. М. Обломского получили название типа Чертовицкое–Замятино (рис. 1, *А*). Географически они тяготеют к главным рекам региона – Дону и Воронежу, к господствующим береговым высотам (рис. 1, *Б*).

Памятники этого типа представлены неукрепленными поселениями, изредка жители использовали заброшенные старые городища (III Чертовицкое, Верхнее Казачье). К этому хронологическому горизонту с полным основанием можно отнести материалы из культурного слоя и отдельные комплексы (постр. 21, ямы 33, 36) Животинного городища в Рамонском р-не Воронежской обл. Оно занимает оконечность мыса правого берега р. Воронеж, возвышающегося над уровнем поймы на 35 м (рис. 1, *В*). Памятник изучался в 1974, 1977, 1982–1986 гг. Славянским отрядом археологической экспедиции Воронежского госуниверситета под руководством А. З. Винникова при участии автора. Как показали раскопки, он содержал культурные напластования различных эпох, начиная с бронзового века и кончая древнерусским временем [1].

На наличие на Животинном городище интересующих нас древностей впервые обратил внимание А. П. Медведев в 1989 г. [2]. Он датировал открытые на городищенской площадке грунтовые погребения финалом сарматской эпохи в пределах IV в. н. э. [3, с. 73–77]. В последствии А. М. Обломский обосновал их датировку гуннским временем [4]. А. П. Медведев выделил на городище бытовые комплексы того же времени [2, с. 55, рис. 22]. В дальнейшем в результате изучения всей керамической коллекции Животинного городища из слоя, построек и ям мне удалось собрать более представительную серию находок гуннского времени [5]. После публикации планов раскопов Животинного городища в книге А. З. Винникова 2014 г. появилась возможность проанализировать топографию бытовых объектов и грунтовых погребений гуннского времени в комплексе.

К интересующему нас горизонту относится постройка 21. В ней были найдены пять фрагментов лепных горшков (рис. 2, *1–5*), а также два граненых пряслица (рис. 2, *6–7*). Они характерны для поздней черняховской культуры. Постройка расположена на самом краю мысовой площадки, поэтому она не была разрушена поселением боршевской культуры (рис. 1, *В*). От жилищ последней она отличается небольшими размерами. Котлован имеет не-

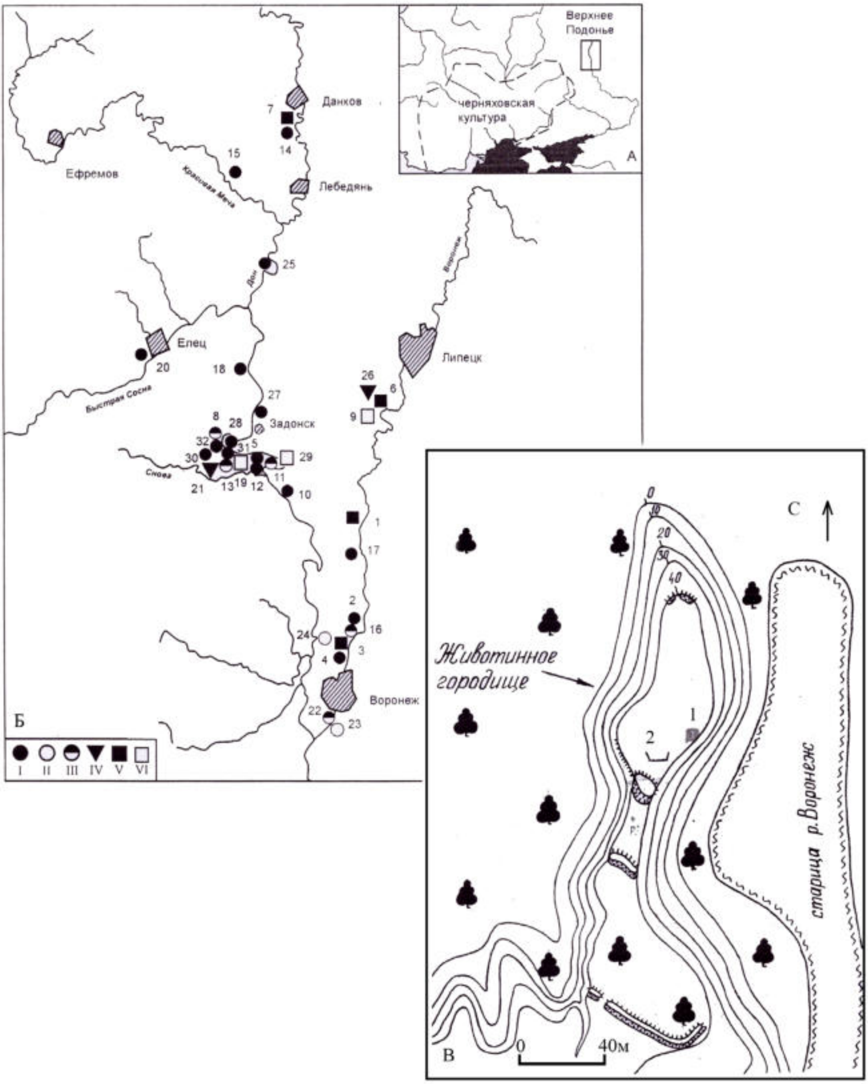


Рис. 1. Карта памятников гуннского времени в бассейне Верхнего Дона и план Животинного городища:

А – Верхнее Подонье на карте Восточной Европы; *Б* – Памятники гуннского времени в Верхнем Подонье; *В* – План Животинного городища;

1 – постр. 21; *2* – погребения гуннского времени

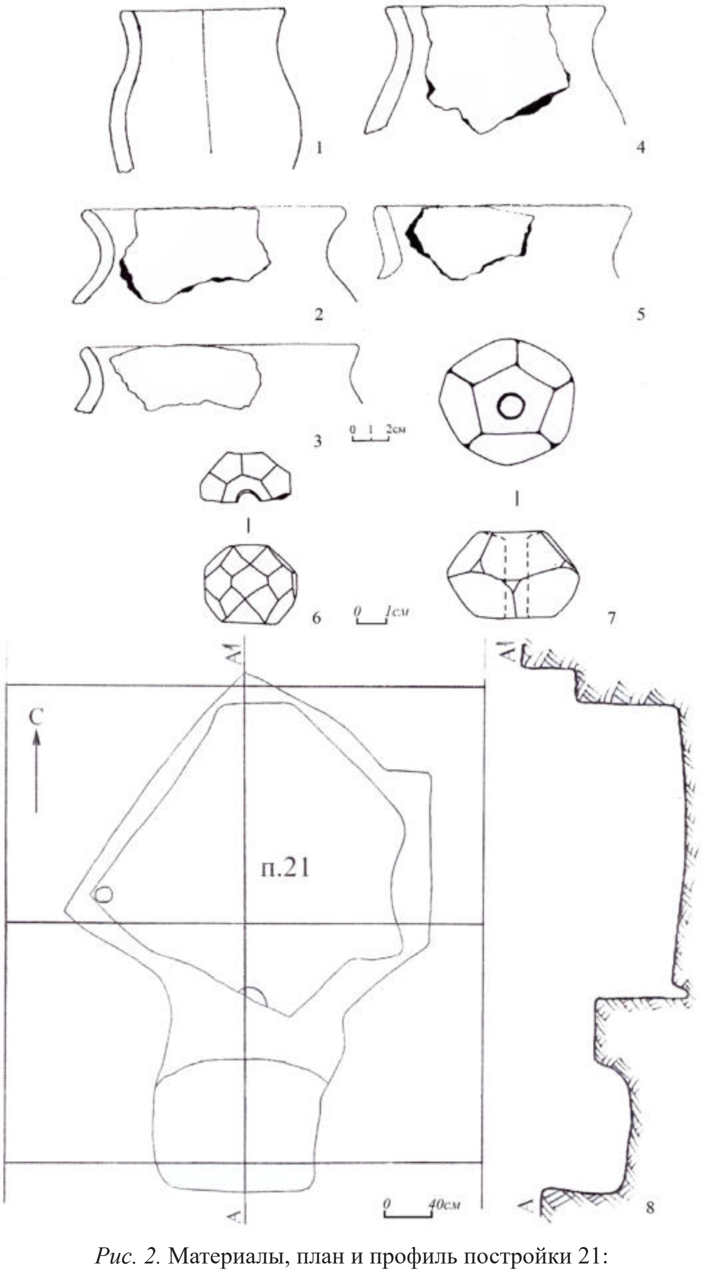


Рис. 2. Материалы, план и профиль постройки 21:

1–7 – Материалы из постр. 21; *8* – план и профиль постр. 21

правильную прямоугольную форму, углами ориентирован по сторонам света (рис. 2, *8*). Его площадь около 4,5 м^2. Пол постройки углублен в материк на 1,32–1,42 м. С юга к котловану постройки примыкала яма, отделявшаяся от нее неширокой материковой перемычкой. По мнению А. З. Винникова, эта яма составляла с постройкой единое целое, являясь конструкцией входа [1]. Такие сооружения на территории Днепровского лесостепного Левобережья относятся к типу Букреевка [6].

В яме 33 найдено три лепных сосуда типа Чертовицкое–Замятино (рис. 3, *1–3*). Первый сосуд представляет собой крупный горшок с выпуклыми боками, выделенной шейкой и отогнутым наружу венчиком (рис. 3, *1*). Поверхность сосуда бурого цвета, в тесте примесь шамота и песка. Второй сосуд имеет слегка раздутое в средней части тулово и отогнутый наружу венчик. Он не орнаментирован, но плавно закруглен. Поверхность бурого цвета, в тесте примесь шамота и песка (рис. 3, *2*). Третий горшок имеет сильно яйцевидное тулово, сужающееся кверху, отогнутый наружу венчик (рис. 3, *3*). Край венчика орнаментирован косыми насечками. По плечикам сосуда проходит прочерченный орнамент в виде фестонов, образованных двумя треугольниками, вершинами книзу: большим и малым. Поверхность горшка серого цвета, в тесте примесь песка. Близкие аналогии сосуду не известны, хотя обычно такие профилированные формы относят к южной степной традиции. В яме 36 найден верх гончарной миски темно-серого лощения, относящейся к черняховской культуре (рис. 3, *4*). Аналогичная миска найдена в Ксизово-16 [4].

Из культурного слоя городища происходит серия лепных сосудов типа Чертовицкое–Замятино, в том числе, по заключению А. М. Обломского, с проявлениями окской или мощинской традиции (рис. 4). Посуда грубая, сформована из рыхлого теста с примесью крупного шамота и слюды. Из-за крупных примесей поверхность сосудов часто бугристая, из-за кострового обжига – неровно окрашенная, различных оттенков от темно-серых до буро-желтых. Часто внешнюю поверхность сосудов заглаживали щепкой или просто пальцами.

Кроме грубой кухонной посуды реже встречается лепная столовая керамика, отличающаяся лучшим качеством (хорошо промешанным тестом, более мелкими примесями) с гладкой поверхностью, покрытой лощением бурого или черного цвета. Орнамент для лепной керамики этого времени мало характерен. Лишь иногда встречаются простых насечки и вдавления по краю венчика (рис. 4, *7*) или зигзагообразные линии (рис. 4, *4*). Если первый тип орнамента, возможно, является пережитком традиций сарматского времени, то происхождение второго не ясно (он представлен всего на одном сосуде). Изредка попадаются сосуды с глубокими косыми вертикальными штрихами, нанесенными по всему тулову.

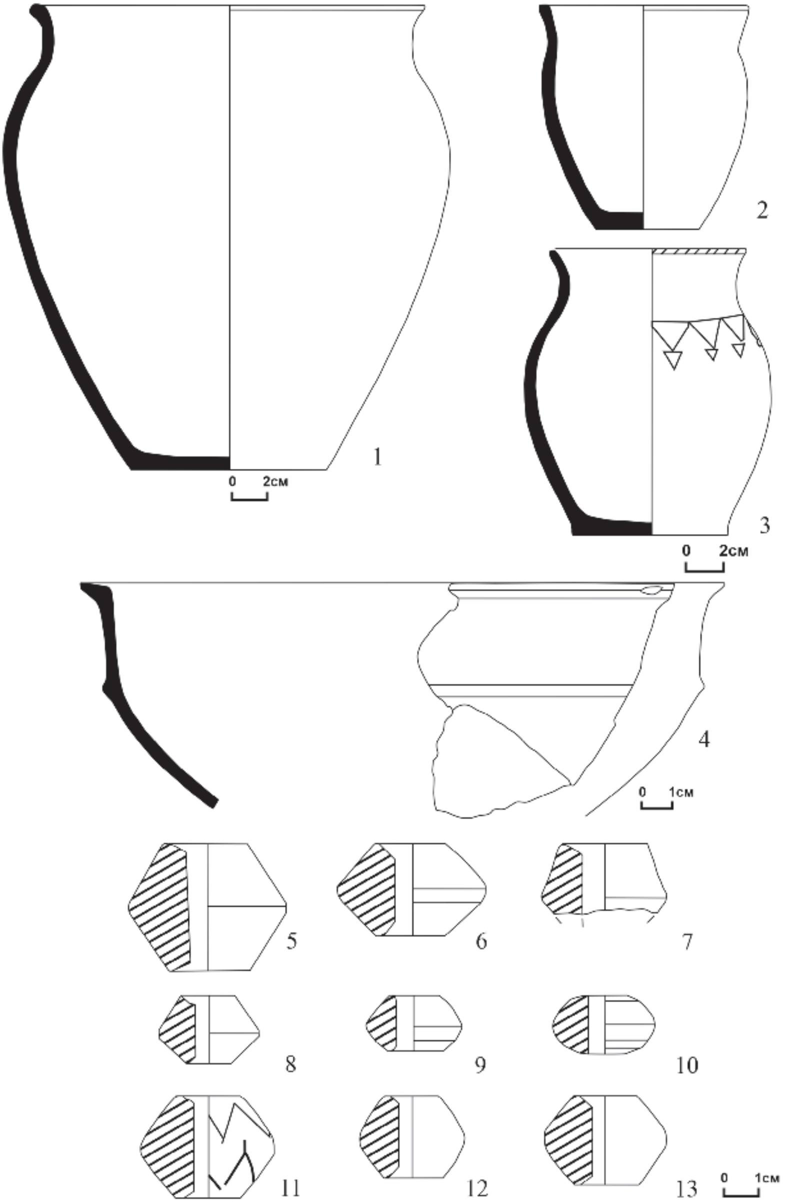


Рис. 3. Керамика из ям и пряслица из культурного слоя:

1–3 – керамика из ямы 33; *4* – миска из ямы 34; *5–13* – пряслица из культурного слоя

Особо следует обратить внимание на верх сосуда, украшенного по плечикам неглубокими округлыми вдавлениями, образующими два ряда (рис. 4, *3*). А. М. Обломский отнес его к мощинской традиции, но в его публикациях керамики с такой орнаментацией мы не нашли. Отметим один фрагмент сосуда, покрытого черным лощением и украшенного ячеистым орнаментом, принадлежал керамике типа Ксизово (рис. 4, *8*). В слое попадались немногочисленные обломки глиняных плоских дисков, относящиеся к 1 типу классификации замятинской лепной керамики.

Из слоя городища происходит несколько миниатюрных сосудиков. Это небольшая вазочка с коническим туловом на высоком поддоне. Ее венчик сильно отогнут наружу, так, что на плечиках образовалось острое ребро. По внешнему краю венчика нанесен орнамент в виде оттисков ногтя (рис. 4, *10*).

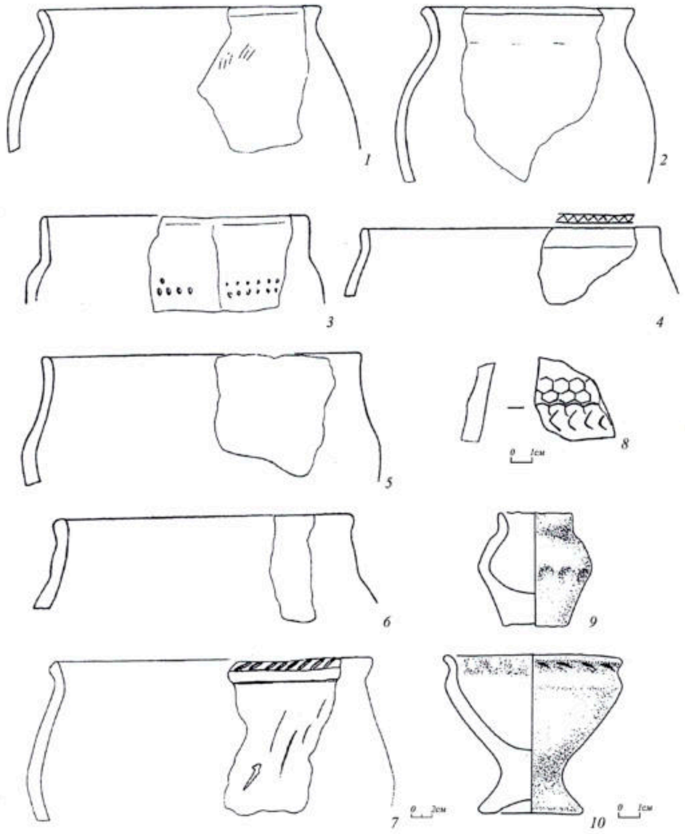


Рис. 4. Керамика гуннского времени из слоя Животинного городища

Аналогичные лепные вазочки известны в Ксизово-19 [4, рис. 319, *9–11*]. Второй миниатюрный сосудик в виде горшочка, по тулову нанесен орнамент из едва заметных вдавлений пальца (рис. 4, *9*). Небольшие биконические сосуды такого же типа известны в черняховской культуре [7, табл. LV, 8].

Помимо фрагментов сосудов из слоя Животинного городища удалось выделить серию глиняных пряслиц гуннского времени (рис. 3, *5–10*). Они имеют характерную биконическую форму, довольно широкие отверстия и воронковидные углублениями по верху и основанию. Три пряслица были орнаментированы: у одного поверхность украшена двумя рядами прочерченных зигзагообразных линий (рис. 3, *11*), у другого – покрыта неглубокими вертикальными линиями (рис. 3, *12*), у третьего – по ребру нанесены округлые вдавления (рис. 3, *13*). Такое же пряслице происходит из Ксизово-19 [4, рис. 164, *2*]. Пряслица с орнаментом указанных типов известны в черняховской культуре [8, с. 285, рис. 84, *14–17*].

Итак, керамику гуннского времени Животинного городища можно подразделить на три группы: 1 – лепные сосуды типа Чертовицкое-Замятино; 2 – гончарная миска и пряслица черняховской культуры; 3 – фрагмент гончарного сосуда типа Ксизово, т. е. местного верхнедонского производства.

После выделения на площади Животинного городища материалов поселения гуннского времени встал вопрос о их соотношении с раннее открытым здесь же грунтовым могильником [2, с. 148–156]. Все исследованные пять погребений представляли бескурганные ингумации. Они располагались непосредственно на территории поселения гуннского времени. Погребения 1, 2, 3 были разрушены. Особый интерес представляют погребения 4 и 5.

Погребение 4 совершено в узкой яме, ориентированной длинными сторонами по линии юго-запад – северо-восток (рис. 5, *I*). Скелет мужчины лежал на спине вытянуто, руки вдоль туловища, ноги прямые, он ориентирован головой на север-северо-восток. В изголовье стоял сероглиняный кувшин (рис. 5, *4*). Слева от погребенного, вдоль ноги, лежал железный меч с ручкой-штырем без металлического перекрестия (рис. 5, *1*). Рукоять плоская, довольно широкая, в месте соединения с клинком образует прямой угол. Рядом с рукоятью меча найдено янтарное навершие с бронзовым колпачком (рис. 5, *1а*).

Вдоль левой руки был положен острием вверх железный короткий меч или кинжал с ручкой-штырем из металлического навершия и перекрестия (рис. 5, *2*). Сохранились остатки его деревянных ножен, завершающихся снизу бронзовой подковообразной обкладкой.

На тазовых костях встречены три пряжки. Слева лежало массивное серебрянное изделие с овальной чуть прогнутой рамкой и прямоугольной обоймой (рис. 5, *5*). Под клинком кинжала встречена маленькая бронзовая пряжка с овальной обоймой и одной заклепкой (рис. 5, *7*). Язычок у дан-

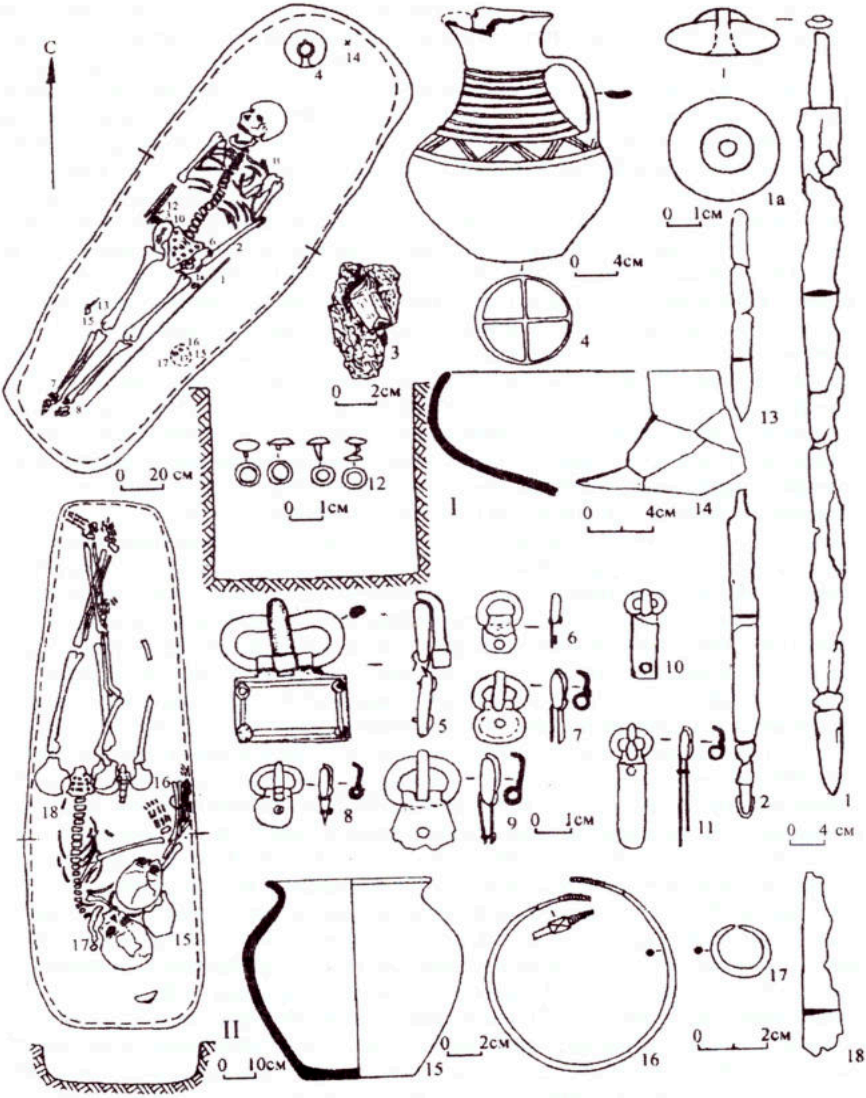


Рис. 5. Погребения с территории Животинного городища:

I – 1–14 – погр. 4; *II – 15–18* – погр. 5

ного предмета отсутствует. Третья пряжка с плохо сохранившейся обоймой обнаружена на правой половине таза. Она изготовлена из серебра и имеет овальную рамку и обойму. Конец язычка загнут книзу и чуть выступает за пределы рамки.

Поблизости, над кистью правой руки, найден железный предмет, в который с внешней стороны «припаялся» кремневый отщеп (рис. 5, *3*). Снизу в этот же предмет оказалась «впаянной» маленькая серебряная пряжка с удлиненной прямоугольной обоймой на одной заклепке. Тут же собраны четыре серебряных заклепки с грибковидными шляпками (рис. 5, *12*). По мнению А. М. Обломского, это были остатки сумки с кусочком кремня, которая застегивалась пряжкой [6, с. 491].

Под левой ключицей лежала серебряная пряжка с овальной рамкой и удлиненно-прямоугольной обоймой на одной заклепке (рис. 5, *5*). На лодыжках встречены еще две небольшие серебряные пряжки от обуви. Они имеют округлые рамки и обоймы овальной формы на одной заклепке. Между костями правой ноги и стенкой могилы обнаружены кость животного, невыразительный фрагмент лепной керамики и кусок мела. У правого колена найдена кость животного, в которую был воткнут железный нож (рис. 5, *13*).

Сероглиняный гончарный кувшин, покрытый темным лощением, имеет высокое горло с желобчатым орнаментом, и тулово, украшенное поясом из пролощенных тройных полосок, образующих зигзаг (рис. 5, *4*). На дне – отпечаток клейма в виде колеса с четырьмя спицами. А. М. Обломский считал, что кувшин аналогичен тем, которые изготавливались на поселении Ксизово-19 [6, с. 491]. Но обычай украшать дно сосуда рельефным клеймом в виде колеса со спицами получает распространение на боспорской столовой посуде с IV в. н. э. [9, с. 317]. Зигзаговидный пролощенный орнамент известен на кувшинах черняховской культуры [8, с. 57], но, особенно, на Боспоре в конце IV – первой половине V в. н. э. [10, с. 242, рис. 4].

Железный меч с широкой и плоской рукоятью можно было бы отнести к одному из самых поздних вариантов длинных позднесарматских мечей (рис. 5, *1*) конца Ш – IV вв. н. э. [11, с. 85]. Однако клинок его более широкий, что характерно для боспорских мечей позднеантичного времени. Найденный вместе с мечом кинжал (рис. 5, *2*) имеет одну характерную особенность – бронзовую оковку нижней части ножен. Эта деталь довольно часто встречается на ножнах мечей и кинжалов эпохи Великого переселения народов [12, с. 162, табл. 9].

Более точную дату погребения 4 позволяет определить набор пряжек. И. Р. Ахмедов и М. М. Казанский существенно омолодили датировку этого комплекса в пределах 450–480 гг. Выходит, что они могли попасть в Центральную Россию только после распада «державы Аттилы». Поясной набор и наличие второго короткого меча соответствует о западной воинской моде,

распространенной во второй половине V в. [13, с. 179]. Судя по длинному мечу и набору серебряной ременной гарнитуры, этот комплекс относится к привилегированным мужским или вождеским погребениям гуннского времени группы IIa по Ф. Бирбрауэру [14, с. 163, 178].

Погребение 5 совершено в узкой могильной яме 0,55x1,75 м, глубиной 0,15 м (рис. 5, *II*). Ее дно было посыпано мелом. В могиле встречены два костяка: женский и детский. При детском костяке находок не было.

Скелет взрослой женщины положен вытянуто на спине, головой на юг. Ее ноги перекрещены в голенях, руки сведены вместе и лежали справа от туловища, голова чуть склонилась вправо. Детский костяк находился справа от женского, но залегал несколько выше. Он лежал на спине, головой на юг. Правая рука слегка согнута в локте и отведена в сторону. Судя по положению костяков, здесь было совершено парное захоронение женщины с ребенком.

Справа от черепа женщины найден лепной горшок (рис. 5, *15*). За ее черепом встречено днище второго лепного сосуда. Слева от черепа лежала бронзовая серьга в один оборот с утончающимися концами (рис. 5, *17*). На правой руке находился бронзовый браслет (рис. 5, *16*). На поясе, слева от позвоночника, найден обломок железного ножа (рис. 5, *18*). Горшок с шаровидным туловом близок одному из самых распространенных типов посуды, появившейся в позднесарматское время [15, с. 28, рис. 8, *4*]. Горшки этого типа встречаются в нижнедонских катакомбах IV в. [16, с. 289, рис. 6, *11*], а также в подбойных погребениях IV–V вв. на Среднем Дону [17, рис. 6, *9*].

Бронзовый браслет с уплощенными концами в виде стилизованных змеиных головок, украшенных крестами и насечками, обнаруживает аналогии в позднеантичных погребениях Танаиса [18, с. 11, табл. XXXIV: 11; 19, с. 70–71, табл. VXXIII). Их находки известны на памятниках гуннского времени, в том числе, на Верхнем Дону [20, с. 205–206].

Широкую дату имеет бронзовая серьга в виде колечка, утолщающегося в средней части, и несомкнутыми, близко сведенными концами. Укажем, что точно такое же сочетание сережек этого типа с браслетом, украшенным стилизованными змеиными головками, встречено в погребении 253 позднеантичного некрополя Танаиса [19, с. 69–71, табл. XXXI: 6; XXX: 8].

Планиграфический анализ показал, что погребение 2 выявлено в 2 м к северо-западу от ямы 33, погребение 3 находилось в 2 м к северо-востоку от постройки 21, погребение 4 было расположено в 2 м к юго-западу от постройки 21, а погребение 5 находилось в 6 м к юго-западу от погребения 4. Однако говорить о какой-либо связи погребальных комплексов с бытовыми объектами затруднительно. Замечено лишь то, что большинство погребений с ингумациями гуннского времени открыты там, где не было плотной застройки полуземлянками боршевской культуры, которые уничтожили большую часть более ранних объектов на площади городища.

Сравнительный анализ материалов поселения и грунтового могильника гуннского времени на площади Животинного городища позволяет уточнить ранее сделанные выводы. Судя по присутствию в керамическом комплексе поселения черняховской керамики и граненых пряслиц, слой интересующего нас времени начал отлагаться на городище в первой половине V в., скорее всего, ближе к его началу. Грунтовые захоронения, в частности, погребение 4, появляются здесь несколько позднее, не ранее середины V в. Они существенно отличаются от более ранних среднедонских погребений позднесарматского горизонта конца IV – начала V в. [17].

Скорее всего, грунтовый могильник с ингумациями на Животинном городище возник позднее. Он оставлен какой-то группой пришлого с юга населения, подчинившего оседлых земледельцев центральных и северных районов донской лесостепи с культурой Чертовицкое–Замятино. Но это были не кочевники-гунны, а, судя по инвентарю, представители некой варварской аристократии [21, с. 235].

Библиографические ссылки

1. *Винников А. З.* Юго-восточная окраина славянского мира в VIII – нач. XIII вв. (Животинное городище на р. Воронеж). Воронеж: Кварта, 2014. 396 с.

2. *Медведев А. П., Винников А. З.* Грунтовый могильник на Животинном городище // Проблемы археологического изучения Доно-Волжской лесостепи. Воронеж, 1989. С. 148–156.

3. *Медведев А. П.* Сарматы и лесостепь (по материалам Подонья). Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1990. 217 с.

4. Острая Лука Дона в древности. Археологический комплекс памятников гуннского времени у с. Ксизово (конец IV–V в.) / Сост. А. М. Обломский. Москва: ИА РАН. 2015. 660 с. (Раннеславянский мир. Вып. 16.).

5. *Зиньковская И. В.* Поселение и могильник раннегуннского времени на Животинном городище // Древности эпохи Средневековья Евразийской лесостепи. Воронеж, 2008. С. 32–51.

6. *Обломский А. М.* Ранние славяне в лесостепном Подонье в III–VII вв. // Очерки археологии лесостепного Подонья в эпоху голоцена. Воронеж, 2021. С. 461–648.

7. Славяне и их соседи в конце I тыс. до н. э. – I первой половине тыс. н. э. / Отв. ред. И. П. Русанова, Э. А. Сымонович. Москва: Наука, 1993. 328 с.

8. *Магомедов Б. В.* Черняховская культура. Проблема этноса. Lublin: Wydaw. Uniw. M. Curie-Skłodowskiej, 2001. 290 с.

9. *Шелов Д. Б.* Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры. Москва: Наука, 1972. 352 с.

10. *Медведев А. П.* О греко-сарматах в позднеантичной Фанагории // НАВ. 2009. Вып. 10. С. 237–250.

11. *Смирнов К. Ф.* Сарматские погребения Южного Приуралья // КСИИМК. 1948. № 22. С. 80–86.

12. *Сокольский Н. И.* Боспорские мечи // МИА. 1954. №33. С. 123–196.

13. *Ахмедов И. Р., Казанский М. М.* После Аттилы. Киевский клад и его культурно-исторический контекст // Культурные трансформации и взаимовлияния в Днепровском регионе на исходе римского времени и в раннем Средневековье. Санкт-Петербург, 2004. С. 168–202.

14. *Казанский М. М., Мастыкова А. В.* Престижное оружие, конское снаряжение и воинский убор эпохи Великого переселения народов на Боспоре Киммерийском // МАИЭТ. 2023. Вып. 28. С. 161–217.

15. *Скрипкин А. С.* Нижнее Поволжье в первые века нашей эры. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1984. 150 с.

16. *Безуглов С. И.* Курганные катакомбные погребения позднеримской эпохи в нижнедонских степях // Проблемы современной археологии. Москва: Таус, 2008. С. 284–301.

17. *Медведев А. П., Березуцкий В. Д.* О новой группе погребений постсарматского времени на Среднем Дону // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2018. Т. 23, № 3. С. 138–152.

18. *Шелов Д. Б.* Некрополь Танаиса. Москва: Изд-во АН СССР, 1961. 95 с. (МИА. № 98).

19. *Арсеньева Т. М.* Некрополь Танаиса. Москва: Наука, 1977. 152 с.

20. *Мастыкова А. В., Земцов Г. Л.* «Княжеское» женское погребение на поселении Мухино гуннского времени на Верхнем Дону // КСИА. 2014. Вып. 234. С. 200–224.

21. *Казанский М. М., Мастыкова А. В.* Акациры: северная окраина кочевой степи после Аттилы // КСИА. 2022. Вып. 267. С. 221–241.

АРХЕАЗААЛАГІЧНЫЯ ДАСЛЕДАВАННІ МАТЭРЫЯЛАЎ З ГАРАДЗІШЧА ЦЯСТЫ ВЕРХНЯДЗВІНСКАГА РАЁНА ВІЦЕБСКАЙ ВОБЛАСЦІ

А. В. Зыль

*Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4,
220030, г. Мінск, Рэспубліка Беларусь, zyl@bsu.by*

У артыкуле апублікаваныя даныя аб фауністычных рэштках, выяўленых падчас раскопак гарадзішча Цясты (Марыліна Гара) Верхнядзвінскага раёна Віцебскай вобласці ў 1981 г. і 2019 г. Большая частка астэалагічнага матэрыялу моцна фрагментаваная. На шматлікіх фрагментах характэрныя для кухонных рэштак сляды рэжучых прылад, тэрмічнага ўздзеяння, пагрызы сабак. У насельніцтва гарадзішча Цясты пераважала жывёлагадоўля. Больш за ўсё было выяўлена фрагментаў касцей буйной рагатай жывёлы і свінні хатняй. Рэштак дробнай рагатай жывёлы і каня, наадварот, нетыпова мала, у параўнанні з іншымі помнікамі поўначы Беларусі і сумежных тэрыторый. Палявалі жыхары гарадзішча пераважна на буйных капытных жывёл – лася і аленя, але таксама займаліся здабычай дзіка, казулі, бабра, куніцы і мядзведзя, што суадносіцца з паляваннем на іншых помніках лясной зоны. Для вывучэння астэалагічнага матэрыялу выкарыстоўваліся метады астэалогіі, а для вызначэння відавой прыналежнасці фауністычных рэштак выкарыстоўваўся параўнальны метад, эталонныя калекцыі і атласы-вызначальнікі.

Ключавыя словы: археазаалогія; паляванне; жывёлагадоўля; фауністычныя рэшткі; косткі жывёл; днепра-дзвінская культура; гарадзішча; Паўночная Беларусь; вызначэнне астэалагічнага матэрыялу.

АРХЕОЗООЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ МАТЕРИАЛОВ ГОРОДИЩА ТЯСТЫ ВЕРХНЕДВИНСКОГО РАЙОНА ВИТЕБСКОЙ ОБЛАСТИ

А. В. Зыль

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Республика Беларусь, zyl@bsu.by*

В статье опубликованы данные о фаунистических остатках, обнаруженных во время раскопок городища Тясты (Марылина Гора) Верхнедвинского района Витебской области в 1981 г. и 2019 г. Большая часть остеологического материала сильно фрагментирована. На многих фрагментах характерные для кухонных остатков следы режущих инструментов, термического воздействия, погрызы собак. У населения городища Тясты преобладало животноводство. Больше всего было обнаружено фрагментов костей крупного рогатого скота и свиньи домашней. Остатков мелкого рогатого скота и лошади, напротив, нетипично мало, в сравнении с другими памятниками севера Беларуси и смежных территорий. Охотиться жители городища предпочитали на крупных копытных животных – лося и оленя, но также занимались добычей кабана, косули, бобра, куницы и медведя, что соотносится с

охотой на других памятниках лесной зоны. Для изучения остеологического материала использовались методы остеологии, а для определения видовой принадлежности фаунистических остатков использовался сравнительный метод, эталонные коллекции и атласы-определители.

Ключевые слова: археозоология; охота; животноводство; фаунистические остатки; кости животных; днепро-двинская культура, городища; Северная Беларусь; определение остеологического материала.

ARCHAEOZOOLOGICAL STUDIES ON THE TIASTY HILLFORT MATERIALS IN THE VERKHNEDVINSKY DISTRICT OF THE VITEBSK REGION

A. V. Zyl

Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus, zyl@bsu.by

The article presents data on the faunal remains discovered during the Tyasty (Marylina Gora) hillfort in the Verkhnedvinsky district of the Vitebsk region excavation in 1981 and 2019. Most of the osteological material is heavily fragmented. Many fragments contain traces of cutting tools, thermal effects, and dog bites, typical for kitchen remains. Livestock farming was predominant among the population of the Tyasty settlement. The largest number of bone fragments was found among cattle and domestic pigs. On the contrary, the remains of small cattle and horses are unusually few, compared to other sites in the north of Belarus and adjacent territories. The inhabitants of the settlement preferred to hunt large ungulates – elk and deer, but they also hunted wild boar, roe deer, beaver, marten and bear, which is consistent with hunting at other sites in the forest zone. Osteological methods were used to study the osteological material, and a comparative method, reference collections, and identification atlases were used to determine the species affiliation of the faunal remains.

Keywords: archaeozoology; hunting; animal husbandry; faunal remains; animal bones; Dnieper-Dvina culture, hillforts; Northern Belarus; determination of osteological material.

Для рэканструкцыі гаспадарчага ўкладу насельніцтва Паўночнай Беларусі ў жалезным веку вялікае значэнне мае вызначэнне і аналіз астэалагічных калекцый з монакультурных помнікаў. Менавіта да такіх аб’ектаў адносіцца гарадзішча Цясты Верхнядзвінскага раёна. На ім пражывала насельніцтва лакальнага варыянта днепра-дзвінскай культуры. Датуюцца дадзеныя матэрыялы ў межах першай паловы I тыс. н. э.

Раскопкі 1981 г. Гарадзішча Цясты (Марыліна Гара) Верхнядзвінскага раёна Віцебскай вобласці размешчана за 0,5 км на ўсход ад вёскі, на левым беразе р. Дрыса. У 1981–1982 гг. на помніку праводзіў раскопкі В. І. Шадыра, які даследаваў плошчу ў 160 м² [1; 2]. Магутнасць культурнага пласта склала ад 0,6 да 2 м. Большасць атрыманых матэрыялаў даследчык суаднёс з познім

перыядам днепра-дзвінскай культуры – I–IV стст. н. э. Помнік з'яўляецца аднакультурным, на ім прадстаўлены характэрныя для днепра-дзвінскай культуры прадметы побыту, а таксама астэалагічны матэрыял [1; 3, с. 39–40].

Падчас раскопак было выяўлена і вызначана 100 касцяных фрагментаў [1]. Вызначэннем фаўністычных рэшткаў займалася кандыдат біялагічных навук Н. П. Александровіч[1] [4, с. 241]. Хатнія жывёлы склалі 70 %, дзікія – 30 % ад агульнай колькасці вызначаных рэшткаў [4, с. 245, табл. 1]. Згодна вопісу астэалагічнага матэрыялу пераважалі фрагменты костак быка хатняга – 39,8 %. Пераважна выяўлены зубы, а таксама фрагменты трубчастых костак і рэбраў. На некаторых костках даследчык адзначыла наяўнасць пагрызаў сабак.

На другім месцы па колькасці фаўністычных рэштак знаходзіцца свіння хатняя – 22,6 %. Сярод касцяных рэшткаў свінні зубы і фрагменты сківіцы, сустракаюцца фрагменты прамянёвых костак, рэбраў, цэлыя фалангі і пясная косць. Значна меншы адсотак астэалагічнага матэрыялу сярод астэалагічнай калекцыі 1981 г. адносіцца да рэшткаў дробнай рагатай жывёлы – 7,6 %. Гэта таксама пераважна былі сківіцы і зубы, фрагменты трубчастых костак. Асобна вылучана фаланга авечкі са слядамі рэжучых інструментаў. Каню належыў толькі фрагмент карэннага зубу, што складае 1,1 % ад агульнай колькасці вызначаных рэшткаў [1].

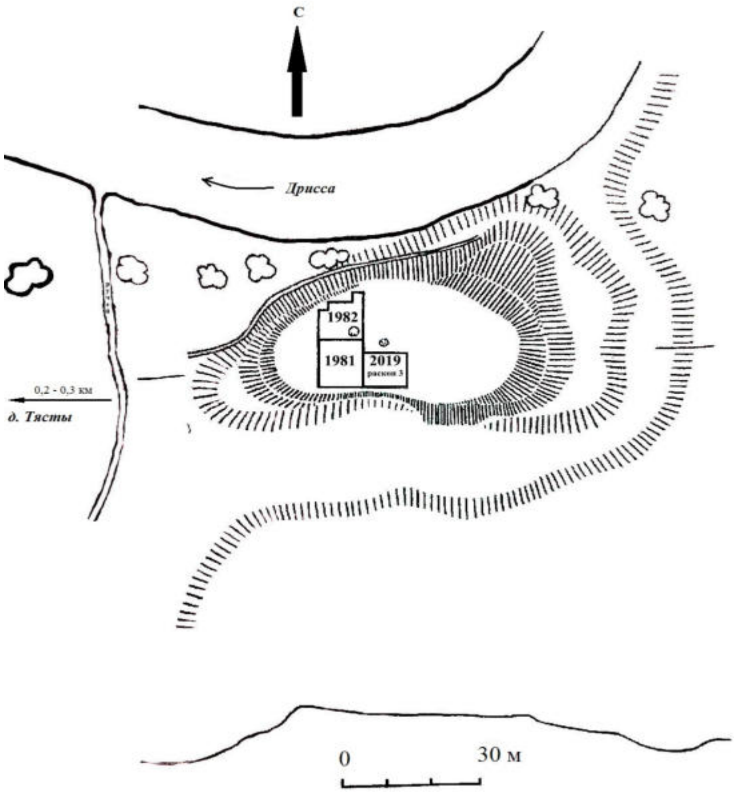
Сярод дзікіх жывёл лідарам па колькасці выяўленых і вызначаных фаўністычных рэшткаў з'яўляўся алень звычайны – 12 %, былі вызначаны разцы, прэмаляры, маляры, фрагмент ніжняй сківіцы з пагрызамі сабак і фрагмент пяснай косткі. Фаўністычныя рэшткі бабра звычайнага склалі 10,5 %, гэты былі фрагменты сцегнавых костак, зубы, фрагменты верхняй сківіцы з малярам і фрагмент плечавой косткі [1]. Тры зубы, якія належаць казулі, склалі 3,2 %. Па 1,1 % ад агульнай колькасці вызначаных астаткаў склалі рэшткі лася (вызначаны адзін прэмаляр з ніжняй сківіцы) і барсука (фрагмент правай ніжняй сківіцы) [1].

Н. П. Александровіч правяла крапатлівую працу па вызначэнню фаўністычных рэшткаў. Асабліва дакладна вызначаны зубы жывёл – адзначаны іх тыпы і нумарацыя згодна зубной формуле відаў. Была ўсталявана анатомія кожнага фрагмента, які было магчыма вызначыць. Даследчык адзначыла агульны стан костак як сярэдняй ступені пашкоджання. Выяўленыя косткі мелі брудна-жоўты колер светлага адцення, што характэрна для рэштак, знойдзеных ў рачной даліне. Фаўністычныя рэшткі лёгкія, рыхлыя, пры ўздзеянні рэжучых інструментаў дававалі стружку і дробку з пахам калагену. Н. П. Александровіч аднесла выяўлены астэалагічны матэрыял да катэгорыі «кухоных рэшткаў» [1, с. 8].

---

[1] Шчыра дзякую аўтару даследаванняў В. І. Шадыра і Н. П. Александровіч за магчымасць выкарыстання вынікаў аналізу.

Раскопкі 2019 г. У 2019 г. экспедыцыяй гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта пад кіраўніцтвам П. С. Курловіч праводзіліся новыя археалагічныя раскопкі гарадзішча Цясты. Была вывучана плошча 80 м^2. Раскоп меў памер 8x10 м і быў разбіты на 20 квадратаў памерам 2x2 м, магутнасць культурнага пласта склала ад 50 да 120 см (рыс. 1). Падчас правядзення раскопак было выяўлена 12298 прадметаў, з іх 118 – індывідуальныя знаходкі. Комплекс матэрыялаў з гарадзішча датуецца ў межах першай паловы I тыс. н. э. Сярод знаходак бытавыя прадметы, дэталі строю і прылады працы, косткі [5, с. 40–43][1].



Рыс. 1. Гарадзішча Цясты. План пасялення з пазначэннем раскопаў 1981, 1982, 2019 гг.:

планы 1981, 1982 гг. – В. І. Шадыра [1]; 2019 г. і апрацоўка – А. В. Зыль

[1] Шчыра дзякую аўтару даследаванняў Курловіч П. С. за магчымасць працы з палявой справаздачай і прадстаўленыя астэалагічныя матэрыялы для іх далейшага вызначэння.

Фауністычныя рэшткі з раскопак помніка ў 2019 г. прадстаўлены 1320 касцянымі фрагментамі рознай ступені захаванасці. Амаль усе яны, як і матэрыял 1981 г., належаць да кухонных рэштак. Косткі моцна фрагментаваныя, маюць пагрызы і сляды ад рэжучых прадметаў, частка падвяргалася тэрмічнаму ўздзеянню. Гэта вельмі ўскладніла працу па вызначэнні і выключыла магчымасць правесці вымярэнні. З 1320 касцяных фрагментаў аўтарам артыкула было вызначана 436 (33,03 %). Вынікі былі ўключаны ў палявую справаздачу [6]. Астэалагічны матэрыял належыць некальнкім відам млекакормячых, ёсць невялікі адсотак фрагментаў костак рыб і птушак[1].

Бык хатні (*Bos taurus taurus*). Найбольшая колькасць фрагментаў касцей як сярод хатніх, так і сярод дзікіх жывёл пры раскопках 2019 года належыць буйной рагатай жывёле – 49,53 %. Косткі ўпэўнена можна аднесці да кухонных рэштак. Яны моцна фрагментаваныя і на большасці бачныя разрубы і сляды ад зубоў сабак. Сярод рэштак лепш за ўсё захаваліся зубы, шматлікія абломкі трубчастых костак. Зубы – пераважна прэмаляры і маляры з ніжняй сківіцы. Цікавая знаходка адной з прамянёвых костак буйной рагатай жывёлы, абпаленай з аднаго боку. Верагодна, дадзены фрагмент выкарыстоўвалі ў якасці імправізаванай прыхваткі.

Нягледзячы на тое, што жывёлагадоўля на тэрыторыі Паўночнай Беларусі насіла пераважна мясны характар [7, с. 91], буйную рагатую жывёлу ўжывалі не толькі ў ежу. Так, сярод іншых, былі выяўлены зубы каровы з характэрнай пацёртасцю, якая паказвае на тое, што жывёлу ўтрымлівалі да сталага ўзросту і выкарыстоўвалі для атрымання малака. Гэтае назіранне падмацоўваюць выяўленыя фрагменты трубчастых костак з такімі характэрнымі прыкметамі, як моцная друзласць, крохкасць, памяншэнне шчыльнасці косткі, якія сведчаць аб нізкім утрыманні кальцыя. У літаратуры раней выказвалася сцвярджэнне аб тым, што буйная рагатая жывёла акрамя мяса давала насельніцтву паўночнабеларускіх гарадзішчаў і малочныя прадукты [7, с. 91–92].

Свіння хатняя (*Sus scrofa domesticus*). Другімі па колькасці з’яўляюцца касцяныя рэшткі хатняй свінні – 22,25 %. Гэтая жывёла непатрабавальная, яе зручна разводзіць у лясной паласе. Сярод рэштак пераважаюць зубы і фрагменты сківіцы, але трапляюцца і фрагменты трубчастых костак (прамянёвай, плечавой і інш.).

Дробная рагатая жывёла (авечка (*Ovis aries*) / каза (*Capra hircus*) хатнія) – 0,92 % ад колькасці вызначаных фрагментаў. Было знойдзена толькі тры зубы і фрагмент вялікай галёначнай косткі, па якіх адрозніць дадзеныя віды не ўяўляецца магчымым. На некаторых помніках Беларускага Падзвіння ў ліку дробнай рагатай жывёлы пераважала авечка, што, верагодна, звязана са здабычай воўны [8, с. 94–96].

---

[1]Шчыра дзякую за кансультацыю Н. П. Александровіч і А. А. Чубура.

Лось (*Alces alces*). Сярод дзікіх жывёл большасць касцяных рэшткаў належыць ласю – 12,38 % ад агульнай колькасці вызначанага матэрыялу. Сярод вызначаных рэшткаў пясная костка, фрагменты лапаткі, ніжняй сківіцы, зубоў і вялікай галёначнай косткі, як мінімум, двух асобных жывёл.

Дзік (*Sus scrofa*). Наступнымі па колькасці з'яўляюцца рэшткі дзіка, якія складаюць 6,19 %. Галоўным чынам, косткі жывёл гэтага віду адрозніваюцца ад свінні хатняй памерамі. Дзікі звычайна буйней, аднак, часта ўзнікаюць праблемы з дакладным вызначэннем віду, калі трапляюцца рэшткі маладых асобін, бо па памерах яны блізкія да дарослых асобін свінні хатняй. На гарадзішчы Цясты ў 2019 г. былі знойдзены фрагменты вялікай галёначнай косткі, чэрапа, прамянёвай косткі, пясных костак, фрагменты маляраў і іклоў.

Казуля (*Capreolus capreolus*). Касцяныя рэшткі іншых відаў дзікіх жывёл нешматлікія. Так, казулі еўрапейскай належыць 0,46 % ад агульнай колькасці вызначанага матэрыялу. Фаўністычныя рэшткі казулі прадстаўлены цэлай першай фалангай і зубам з верхняй сківіцы. Верагодна, казуля была не самай папулярнай жывёлай для палявання, прычым падобная тэндэнцыя захавалася і ў сярэднявеччы [9, с. 86–90].

Бабёр звычайны (*Castor fiber*). Быў знойдзены ўсяго адзін фрагмент тазавай косткі бабра, які склаў 0,23 % ад агульнай колькасці вызначанага матэрыялу. На бабра паляванне вялося як на пушнога звера, магчыма, для здабычы бабровага струменя, але яго таксама маглі ўжываць у ежу.

Куніца (лясная *Martes martes*/ каменная *Martes foina*). На тэрыторыі Беларусі сустракаюцца два віды куніц. На помніку ў 2019 г. было знойдзена 2 (0,46 %) фрагменты ніжняй сківіцы, захаванасць якіх не дазволіла дакладна ўстанавіць, да якога канкрэтнага віду куніцы яны належаць. Адназначна сказаць, з'яўляюцца дадзеныя рэшткі куніцы вынікам паляўнічай здабычы ці не, цяжка. Каменныя куніцы могуць сяліцца каля чалавечых паселішчаў.

Мядзведзь (*Ursus arctos*). З'яўляецца самым буйным з драпежнікаў Беларусі. Быў знойдзены буйны фрагмент ніжняй сківіцы маладога мядзведзя з малярамі і прэмалярам. Спераду сківіца мае разлом, характэрны для вымання коснага мозгу (рыс. 2). Таксама можна вылучыць фалангу мядзведзяня з невялікай круглай незавершанай адтулінай (рыс. 3). Верагодна, з яе планавалася зрабіць упрыгожванне або кудмень, але костка апынулася крохкай і дала расколіну [10, с. 33]. Касцяныя рэшткі мядзведзя складаюць 0,46 % ад агульнай колькасці вызначанага матэрыялу.

Палявалі на мядзведзя ў першую чаргу дзеля шкуры, аднак маглі ўжываць у ежу мяса гэтай жывёлы. У Прудніках былі выяўлены раздробленыя косткі, якія належаць гэтаму зверу [4, с. 244].

Размяшчэнне гарадзішча паблізу ракі, а таксама знаходкі рыбалоўных кручкоў дазваляюць выказаць думку, што істотную ролю ў гаспадарцы яго жыхароў займала рыбалоўства. Сярод фаўністычных рэшткаў трапляюц-

Рыс. 2. Цясты 2019. Сківіца мядзведзя з характэрнымі для кухонных рэшткаў пашкоджаннямі.

Фота і апрацоўка А. В. Зыль

Рыс. 3. Цясты 2019. Фалангі мядзведзяня. Адна з невялікай круглай, незавершанай адтулінай.

Фота А. В. Зыль

ца косткі рыб, але яны адрозніваюцца дрэннай захаванасцю і склалі ўсяго 8 фрагментаў (1,84 % ад агульнай колькасці вызначаных). Дрэнная захаванасць рыбных костак характэрна і для іншых помнікаў рэгіёна [7, с. 96–97]. Акрамя таго, рэшткі рыб крохкія і дробныя. Каб мінімізаваць страту дробных костак, фрагментаў і лускі, варта выкарыстоўваць дробнае сіта і прамываць зямлю.

Сярод птушыных костак вылучаецца моцна згладжаны абломак трубчастай косткі гуся з вострым абламаным канцом. Дробныя фрагменты птушыных костак (гусь, качка), склалі 5,28 % ад агульнай колькасці вызначанага матэрыялу (23 фрагменты).

Такім чынам, у астэалагічным матэрыяле раскопак 2019 г. пераважаюць косці хатніх жывёл, у асноўным буйной рагатай жывёлы і свінні. Былі ўсталяваныя наступныя суадносіны: 72,71 % хатніх, 27,29 % дзікіх жывёл ад агульнай колькасці вызначальных рэшткаў (табл. 1, 2) [11, с. 73–74]. Моцная фрагментаванасць касцяных рэшткаў, сляды ад зубоў сабак і рэжучых інструментаў сведчаць аб тым, што жыхары гарадзішча актыўна ўжывалі ў ежу мяса хатніх жывёл, асабліва прадстаўнікоў буйной рагатай жывёлы. На костках дзікіх жывёл падобныя сляды штучных пашкоджанняў сустракаюцца радзей, аднак іх таксама ўжывалі ў ежу, хоць у меншай ступені. На карысць таго, што мяса жывёл падвяргалася тэрмічнай апрацоўцы, сведчыць і тое, што сярод рэшткаў трапляюцца кальцыніраваныя фрагменты костак бела-шэрага, бела-жоўтага колеру, а таксама часткова абпаленыя і абвугленыя рэшткі, працэнт якіх склаў 9,47 % (125 фрагментаў). Буйную рагатую жывёлу выкарыстоўвалі не толькі для атрымання мяса, але і малака.

Другі па папулярнасці від мясной жывёлы, які быў распаўсюджаны на дадзеным гарадзішчы – гэта свіння хатняя. Працэнт рэшткаў свінні хатняй у Цястах (22,6 % у калекцыі 1981 г. і 22,25 % у калекцыі 2019 г.) таксама вышэйшы, чым на іншых помніках поўначы Беларусі, дзе ў сярэднім працэнтныя суадносіны гэтага віду складаюць 7,2 % – 11,8 % [7, с. 91–92, табл. 6, 7]. Бліжэйшымі па працэнтных суадносінах свінні хатняй з’яўляюцца гарадзішчы Сярэдняй Беларусі, напрыклад, на Лабеншчыне рэшткі гэтай жывёлы складаюць 21,4 %. [12, с. 99–101].

Што да дробнай рагатай жывёлы і каня, то мяркуючы па малалікім касцяным рэшткам, у насельніцтва гарадзішча Цясты гэтыя віды не карысталіся асаблівай папулярнасцю ў жывёлагадоўлі. У Цястах выяўлена вельмі мала касцяных рэшткаў, якія належаць дробнай рагатай жывёле. Пры раскопках 1981 г. – 7,6 %, а ў 2019 г. – 1,47 % ад агульнай колькасці вызначанага матэрыялу. Практычна адсутнічаюць астэалагічныя рэшткі каня, што таксама не характэрна для іншых помнікаў Паўночнай Беларусі, Смаленшчыны і помнікаў культуры позняй штрыхаванай керамікі, дзе адсотак костак каня быў ад 10 % і вышэй [7, с. 91–92, табл. 6, 7; 12, с. 99–101].

Табліца 1

Суадносіны хатніх жывёл на гарадзішчы Цясты (2019 г.) [11, с. 73]

Найменне відаў	Косткі		
	Колькасць	% ад колькасці костак хатніх жывёл	% ад агульнай колькасці вызначаных фрагментаў костак
Бык хатні	216	68,14	49,53
Свіння хатняя	97	30,60	22,25
Дробная рагатая жывёла(авечка / каза хатняя)	4	1,26	0,92

Табліца 2

Суадносіны дзікіх жывёл на гарадзішчы Цясты (2019 г.) [11, с. 74]

Найменне відаў	Косткі		
	Колькасць	% ад колькасці костак дзікіх жывёл	% ад агульнай колькасці вызначаных фрагментаў костак
Лось	54	45,38	12,38
Дзік	27	22,69	6,19
Казуля	2	1,68	0,46
Бабёр	1	0,84	0,23
Куніца	2	1,68	0,46
Мядзведзь	2	1,68	0,46
Гусь /качка	23	19,33	5,28
Рыбы	8	6,72	1,84

На помніках поўначы Беларусі сярэдні паказчык складае 66 % хатніх жывёл і 34 % дзікіх жывёл адпаведна. Сярэдні паказчык гарадзішча Цясты, па даных даследаванняў 1981 г. і 2019 г., – 71,9 % хатнія жывёлы і 28,1 % дзікія. Сярод помнікаў Беларускага Падзвіння найбольш блізкія паказчыкі працэнтных суадносін хатніх і дзікіх жывёл прасочваюцца на гарадзішчы Кублічы (Ушацкі раён Віцебскай вобласці), дзе хатнія жывёлы складаюць 71,4 %, дзікія – 28,6 % адпаведна [7, с. 91–92, табл. 6, 7].

Відавы склад дзікіх жывёл, на якіх палявала насельніцтва гарадзішча Цясты, падобны з традыцыйным пералікам жывёл, папулярных у паляўнічай здабычы насельніцтва большасці помнікаў лясной зоны. Жыхары гарадзішча палявалі на дзіка, бабра і аленя. Найбольш прыярытэтнай здабычай з'яўляўся лось, які даваў вялікую колькасць мяса, шкуру і рогі, якім знаходзілі шырокае прымяненне [13, с. 106–108; 4, с. 244].

Для вызначэння астэалагічнага матэрыялу аўтарам артыкула першапачаткова былі выкарыстаны метады астэалогіі. Стан захаванасці часткі астэалагічнага матэрыялу дазволіў вызначыць элелементы шкілета, відавую прыналежнасць, пол, узрост жывёлы, паталогіі на костках у выніку эксплуатацыі жывёлы. Для відавой ідэнтыфікацыіі выкарыстоўваўся параўнальны метад і эталонныя калекцыі, таксанамічныя атласы і вызначальнікі [14; 15; 16; 17].

Пасля вызначэння прыналежнасці фауністычных рэштак адзначаўся характар пашкоджання астэалагічнага матэрыялу і сляды ўздзеяння. Археалагічныя і біялагічныя адзнакі, а таксама параметры костак могуць аднесці іх у розныя катэгорыі археазаалагічных знаходак: кухонныя рэшткі, сыравіна для кастарэзнага рамяства, рытуальны комплекс, косткі з комплексу аднаімгненных падзей і інш. Звычайна менавіта кухонныя рэшткі і косткі з вытворчых комплексаў з'яўляюцца найбольш часта сустракаемымі і шматлікімі [17]. Пераважная колькасць астэалагічнага матэрыяла з гарадзішча Цясты належыць менавіта да кухонных рэшткаў.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. *Шадыро В. И.* Отчет о разведках и раскопках в Верхнедвинском и Полоцком районах Витебской области в 1981 г. // ЦНА НАН Беларусі. ФАНД. Арх. № 816.
2. *Шадыро В. И.* Отчет о разведках и раскопках в Верхнедвинском районе Витебской области и разведке в Сморгонском районе Гроденской области в 1982 г. // ЦНА НАН Беларусі. ФАНД. Арх. № 796.
3. *Шадыра В. І.* Раскопкі Марылінай гары // Помнікі гісторыі і культуры Беларусі. 1985. № 3. С. 39–40.
4. *Шадыра В. І.* Жывёлагадоўля і паляванне ў жыцці насельніцтва Беларускага Падзвіння ў 2-ой пал. I тыс. н. э. // ГАЗ. 1997. № 12. С. 241–246.
5. *Курловіч П. С.* Папарэднія вынікі археалагічных даследаванняў на гарадзішчы Цясты (Марыліна Гара) у 2019 годзе // Беларускае Падзвінне: вопыт, методыка і вынікі палявых і міждысцыплінарных даследаванняў: зб. арт. V міжнар. навук. канферэнцыі (Полацк, 15–16 крас. 2021 г.). Наваполацк, 2021. С. 39–43.
6. *Курловіч П. С.* Справаздача аб правядзенні археалагічных раскопак гарадзішча каля вёскі Цясты Верхнядзвінскага раёна Віцебскай вобласці і археалагічных разведак у Верхнядзвінскім і Міёрскім раёнах Віцебскай вобласці і Вілейскім раёне Мінскай вобласці ў 2019 г. // ЦНА НАН Беларусі. ФАНД. Арх. № 3751.
7. *Шадыро В. И.* Ранний железный век северной Белоруссии. Минск: Наука и техника, 1985. 126 с.
8. *Шадыра В. І.* Беларускае Падзвінне (I тысячагоддзе н. э.). Мінск: ДНУ «Інстытут гісторыі НАН Беларусі», 2006. 150 с.
9. *Александрович Н. П.* Археозоологический анализ охотничьей териофауны средневековой Беларуси. Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2014. 232 с.

10. *Зыль А. В*. Итоги археозоологического изучения материалов с раскопок 2019 г. на городище Тясты Верхнедвинского района Витебской области // Актуальная археология 5. Материалы Международной научной конференции молодых учёных. Санкт-Петербург, 2020. С. 31–34.

11. *Зыль А. В.* О фауне городища Тясты Верхнедвинского района Витебской области по итогам раскопок 1981 и 2019 гг. // АЕС. 2023. № 1. С. 70–77.

12. *Егорейченко А. А.* Культуры штрихованой керамики. Минск: БГУ, 2006. 207 с.

13. *Краснов Ю. А.* Раннее земледелие и животноводство в лесной полосе Восточной Европы. Москва: Наука, 1971. 166 с. (МИА. № 174).

14. *Barone R.* Anatomie comparée des mammifères domestiques. Tome I, Osteologie atlas. Paris: Vigot editions, 1976. 428 p.

15. *Громова В.* Определитель млекопитающих СССР по костям скелета. Выпуск 2. Определитель по крупным костям заплюсны. Москва:, 1960. 118 с. (Труды комиссии по изучению четвертичного периода. Т. 16).

16. *Громова В.* Определитель млекопитающих СССР по костям скелета. Выпуск 1. Определитель по крупным трубчатым костям. Ч. А. Москва–Ленинград: Акад. наук СССР, 1950. 241 с. (Труды комиссии по изучению четвертичного периода. Т. 9).

17. *Антипина Е. Е.* Современная археозоология: задачи и методы исследования // Междисциплинарная интеграция в археологии (по материалам лекций для аспирантов и молодых сотрудников). Москва, 2016. С. 96–117.

«СКАРБ ЮВЕЛІРА» V–VII стст. З ВЯРХОЎЯЎ р. АРЭСА (ПРЫПЯЦКАЕ ЛЕВАБЯРЭЖЖА)

А. Ф. Касюк[1)], К. Ф. Ермаліцкая[2)]

[1)] Установа культуры «Гродзенскі дзяржаўны гісторыка-археалагічны музей», вул. Замкавая, 20, 230023, г. Гродна, Рэспубліка Беларусь, kasiuk2585@gmail.com
[2)] Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Рэспубліка Беларусь, ermalitskaia@bsu.by

Прадстаўлены вынікі ўсебаковага аналізу рэчавага комплексу – «скарбу ювеліра» эпохі ранняга сярэднявечча, знойдзенага каля в. Госціна Старадарожскага раёна Мінскай вобласці. Прыведзена яго датаванне і зроблена спроба вызначэння культурнай прыналежнасці. З выкарыстаннем метада лазернай атамна-эмісійнай спектраскапіі вызначаны элементны склад рэчаў. «Скарб ювеліра» з Госціна разгледжаны ў кантэксце гісторыка-культурнай сітуацыі ў канцы трэцяй чвэрці I тыс. н. э. на тэрыторыі Падняпроўя і Падзвіння, прыведзены гіпотэзы даследчыкаў наконт інтэрпрэтацыі падобных рэчавых комплексаў.

Ключавыя словы: бранзалет; злітак каляровых металаў; ювелірная справа; ранняе сярэднявечча; лазерная атамна-эмісійная спектраскапія; элементны аналіз.

«КЛАД ЮВЕЛИРА» V–VII вв. С ВЕРХОВЬЕВ р. ОРЕСА (ПРИПЯТСКОЕ ЛЕВОБЕРЕЖЬЕ)

Е. Ф. Касюк[1)], К. Ф. Ермалицкая[2)]

[1)] Учреждение культуры «Гродненский историко-археологический музей», ул. Замковая, 20, 230023, г. Гродна, Республика Беларусь, kasiuk2585@gmail.com
[2)] Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Республика Беларусь, ermalitskaia@bsu.by

Представлены результаты всестороннего анализа вещевого комплекса – «клада ювелира» раннего средневековья, найденного возле д. Гостино Стародорожского района Минской области. Приведена его датировка, сделана попытка определения культурной принадлежности. С использованием метода лазерной атомно-эмиссионной спектроскопии определён элементный состав предметов. «Клад ювелира» из Гостино рассмотрен в контексте историко-культурной ситуации в конце третьей четверти I тыс. н. э. на территории Поднепровья и Подвинья, приведены гипотезы исследователей насчёт интерпретации подобных вещевых комплексов.

Ключевые слова: браслет; слиток цветных металлов; ювелирное дело; раннее средневековье; лазерная атомно-эмиссионная спектроскопия; элементый анализ.

«THE JEWELER'S TREASURE» OF THE 5-7th CENTURIES FROM THE UPPER REACHES OF THE ARES RIVER (PRIPYAT LEFT BANK)

A. Kasiuk[1], K. Ermalitskaia[2]

[1] Hrodna State Historical and Archaeological Museum, Zamkavaya, 20, 230023, Hrodna, Republic of Belarus, kasiuk2585@gmail.com
[2] Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus, ermalitskaia@bsu.by

The results of a comprehensive analysis of the artifact complex – «The Jeweler's Treasure» from the early Middle Ages, found near the village Gostino, Starodorozhsky district, Minsk region, are presented. Its dating was given and an attempt to determine its cultural affiliation was made. Using the method of laser atomic emission spectroscopy, the elemental composition of things was determined. The «Jeweler's Treasure» from Gostino is considered in the context of the historical and cultural situation at the end of the third quarter of the 1st millennium AD on the territory of the Dnieper and Dvina regions, hypotheses of researchers about the interpretation of such artifact complexes are presented.

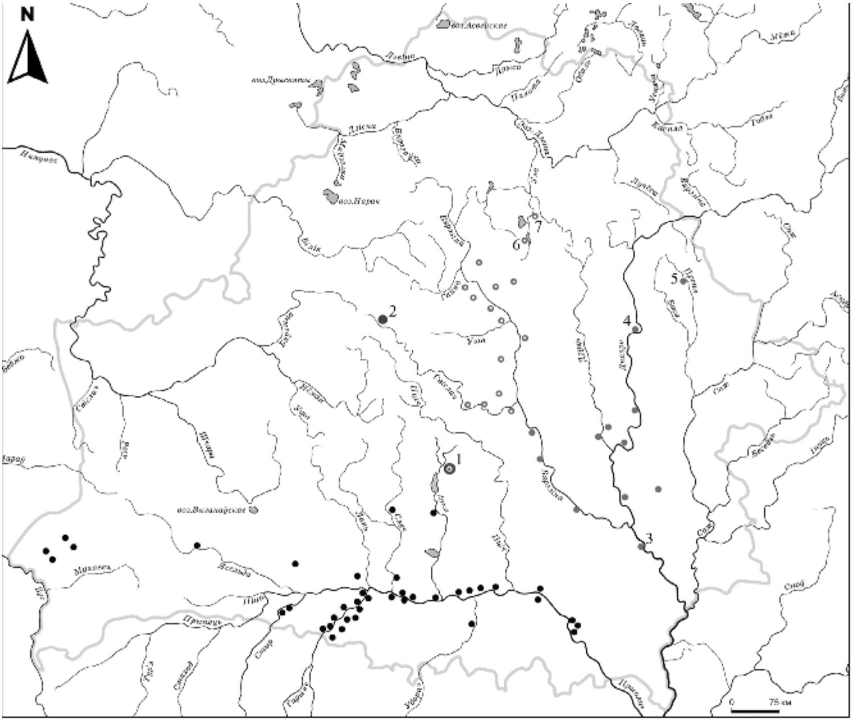
Keywords: bracelet; non-ferrous metal ingot; jewelry making; early Middle Ages; laser atomic-emission spectroscopy; elemental analysis.

Уводзіны. У 2020 г. недалёка ад в. Госціна Пасекскага с/с Старадарожскага раёна Мінскай вобласці, у вярхоўях р. Арэса, каля безназоўнай рэчкі, у лесе былі выпадкова знойдзены металічныя рэчы: упрыгажэнні, дэталь касцюму, а таксама зліткі каляровых металаў (рыс. 1). Па словах знаходчыка, У. У. Бойка, прадметы размяшчаліся разам у ямцы глыбінёй да 0,3 м. Артэфакты былі перададзены ім ва ўстанову культуры «Старадарожскі гісторыка-этнаграфічны музей» (г. Старыя Дарогі, вул. Пралетарская, 31), дзе яны і захоўваюцца на дадзены момант. Візуальны агляд паверхні месцазнаходжання, праведзены А. Ф. Касюк, іншых знаходак не даў. Мэтай артыкула з'яўляецца ўвядзенне выяўленых артэфактаў у навуковы зварот.

Асноўная частка. Атрыманая калекцыя налічвае восем прадметаў з каляровых металаў:

1) рамка спражкі (рыс. 2, *1*; 3, *2*). Язычок страчаны. Форма рамкі акруглая, памеры – 3,35x3,5 см, пярэдняя частка патоўшчаная. Сячэнне акруглае, яго найбольшы дыяметр – 0,6–0,65 см. Каля аднаго з краёў рамкі маецца арнамент з чатырох насечак. Вага прадмета складае 11,7 г. Уліковы нумар СГЭМ КП 3491;

2) бранзалет (рыс. 2, *3*; 3, *1*). Форма акруглая, канцы патоўшчаныя, памеры – 5,3x6,2 см. У цэнтры акруглы ў папярочным сячэнні, дыяметр 0,6 см; на канцах авальны, дыяметр – 1,55x1,85 см. Канцы на знешняй паверхні ўпрыгожаны геаметрычным арнаментам, выкананым у тэхніцы глыбокай гравіроўкі. Насечка мае выгляд касых ліній ці «ялінкі», абмежаваных кальцавымі бароздкамі. Вага бранзалета – 65,8 г. Уліковы нумар СГЭМ КП 3492;



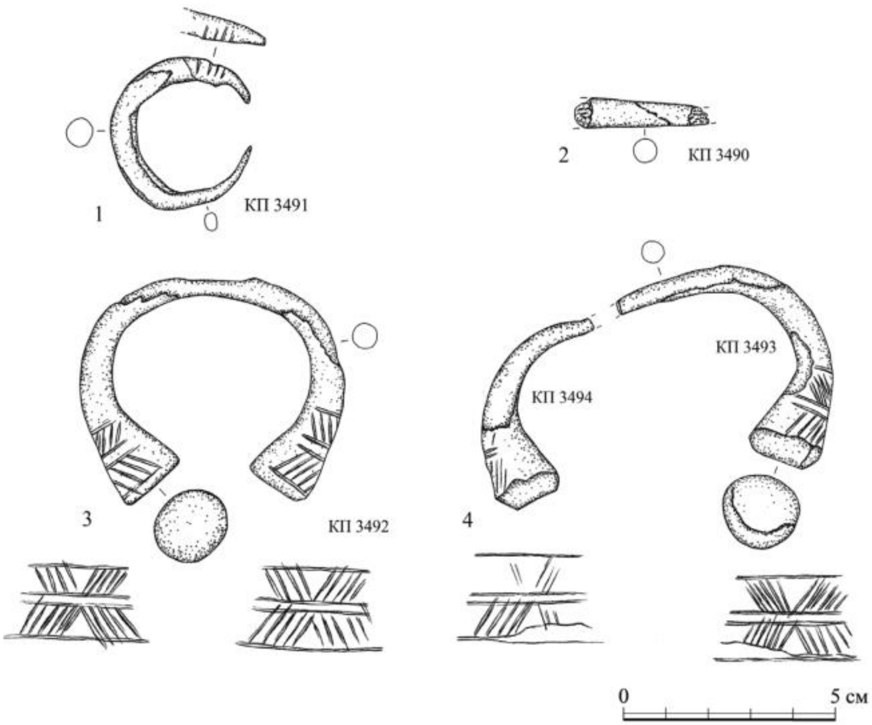
• - помнікі пражскай культуры • - помнікі калочынскай культуры ○ - іншыя помнікі з матэрыяламі V-VII стст.
1 - Госціна; 2 - Банцараўшчына; 3 - Калочын; 4 - Магілёў-Змяёўка; 5 - Нікадзімава; 6 - Клішына; 7 - Лукомль

Рыс. 1. Карта распаўсюджвання археалагічных культур трэцяй чвэрці I тыс. н. э. на поўдні і ўсходзе сучаснай Беларусі з пазначэннем некаторых апорных помнікаў і тых, якія ўзгадваюцца ў артыкуле

3) бранзалет (рыс. 2, *4*; 3, *4*). Падзелены на дзве часткі. Па форме і арнаментацыі ён аналагічны папярэдняму ўзгаданаму вырабу. Па краях бранзалета і на ўнутранай паверхні бачныя сляды рэзання (саскоблівання металу). Вага першага фрагмента складае 40,3 г, другога – 30,2 г. Уліковыя нумары адпаведна – СГЭМ КП 3493, КП 3494;

4) фрагмент вырабу (рыс. 2, *2*; 3, *3*). Мае выцягнутую конусападобную форму, даўжыня – 3,3 см. Сячэнне акруглае, дыяметр у сярэдняй частцы – 0,55 см. Вага фрагмента складае 5,5 г. Уліковы нумар СГЭМ КП 3490;

5) злітак (рыс. 4, *1*; 5, *1*). Мае форму палачкі, патоўшчанай на адным канцы і сплошчанай, завостранай – на другім. У патоўшчанай частцы сячэнне трапецападобнае. Памеры злітка – 10,2x1,9x1,6 см (тут і далей: даўжыня x шырыня x вышыня). Вага прадмета складае 127,5 г. Уліковы нумар СГЭМ КП 3487;



Рыс. 2. Рэчавы комплекс Госціна:

1 – рамка спражкі; *2* – фрагмент вырабу; *3–4* – бранзалеты

6) злітак (рыс. 4, *2*; 5, *2*). Мае форму прамавугольнага бруска. Яго памеры складаюць 10,4х3,1х1 см. Злітак выгнуты ў профіль па даўжыні, краі крыху скругленыя. Папярочнае сячэнне прамавугольнае. На ніжняй і верхняй паверхнях вырабу па даўжыні, каля краёў, нанесены прадольныя барозны. Вага злітка – 244,4 г. Уліковы нумар СГЭМ КП 3486;

7) злітак (рыс. 4, *3*; 5, *3*). Мае форму прамавугольнага бруска. Памеры складаюць 9,3х3,3х0,95 см. Злітак дваякавыгнуты ў профіль па даўжыні, яго краі крыху скругленыя. Папярочнае сячэнне прамавугольнае. На ніжняй і верхняй паверхнях вырабу па даўжыні, каля краёў, нанесены прадольныя барозны. Вага злітка складае 195,1 г. Уліковы нумар СГЭМ КП 3488;

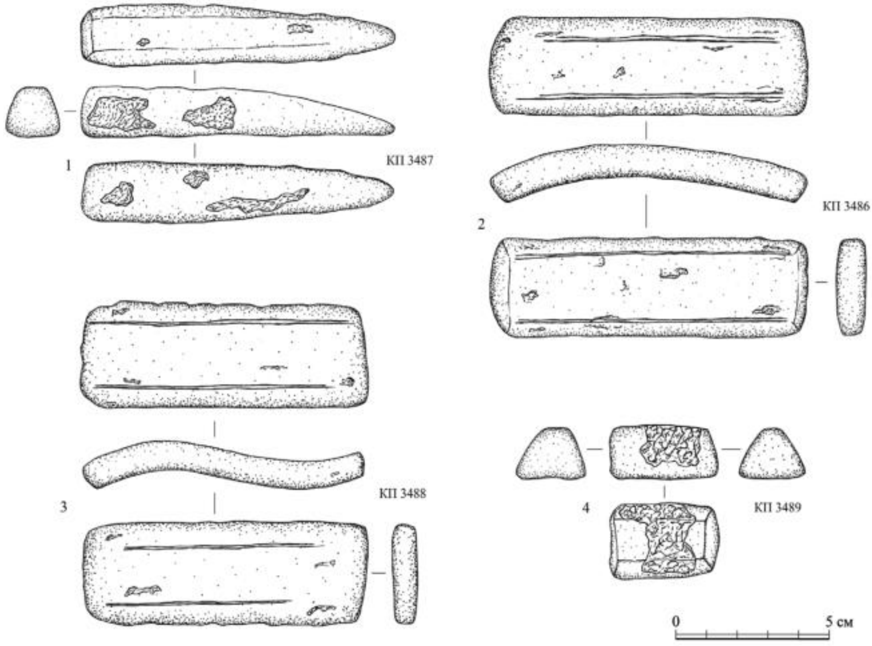
8) злітак (рыс. 4, *4*; 5, *4*). Мае форму прамавугольнага бруска. Папярочнае сячэнне трапецападобнае. Яго памеры складаюць 3,6х2,4х1,7 см. Вага – 72,4 г. Уліковы нумар СГЭМ КП 3489.

Усе артэфакты пакрытыя пацінай цёмна-зялёнага колеру, характэрнай для вырабаў з бронзы. На двух злітках (рыс. 4, *1, 4*; 5, *1, 4*) маюцца фрагменты спёкшайся масы, якая ўтварылася ў выніку ўздзеяння высокай тэмпературы. Для вызначэння складу металаў, з якіх зроблены артэфакты з Госціна, быў прыменены элементны аналіз, ход і вынікі якога прадстаўлены ніжэй.

Прымяненне метаду лазернай атамна-эмісійнай спектраскапіі. Пры правядзенні даследаванняў аб’ектаў, якія маюць гісторыка-культурную каштоўнасць, і прадметаў археалагічных раскопак, перавага аддаецца недэструктыўным метадам аналізу, такім, напрыклад, як рэнтгена-флуарэсцэнтная спектраскапія. Аднак, варта мець на ўвазе, што адсутнасць дэструкцыі ўзору пры аналізе, у пераважнай большасці выпадкаў азначае элементнае даследаванне толькі павярхоўных пластоў прадмета. Так, пры вывучэнні вырабаў, якія на працягу стагоддзяў захоўваліся ў скарбніцы Ватыкана і не падвяргаліся агрэсіўнаму ўздзеянню навакольнага асяроддзя, натуральна трэба звяртацца да недэструктыўнага аналізу. Аднак большасць металічных прад-

Рыс. 3. Рэчавы комплекс Госціна:

1 – бранзалет; *2* – рамка спражкі; *3* – фрагмент вырабу; *4* – фрагментаваны бранзалет са слядамі рэзання



Рыс. 4. Рэчавы комплекс Госціна. Зліткі каляровых металаў

метаў з калекцый беларускіх музеяў і ўстаноў навукі і адукацыі пакрыты значным пластом паціны, акаліны, іржы і забруджвання. Часта пры даследаванні даводзіцца мець справу з прадметам, які падвергся даволі працягламу высокатэмпературнаму ўздзеянню, затым на працягу стагоддзяў знаходзіўся ў кантакце з глебай і вадой, і, нарэшце, у XX ст. мог выпрабаваць на сабе ўплыў «магутнай» сельскагаспадарчай хіміі. Усе вышэйадзначаныя прычыны не маглі не паўплываць на змены ўзаемнага зместу элементаў у прыпаверхневых пластах, таму недэструктыўныя метады аналізу могуць прыводзіць да атрымання некарэктных вынікаў.

Рашэннем у дадзенай сітуацыі з’яўляецца выкарыстанне метаду лазернай атамна-эмісійнай спектраскапіі, заснаванай на выпарэнні тонкіх пластоў рэчыва (3–5 мкм) магутнымі лазернымі імпульсамі; дыяметр кратэра на паверхні (100–150 мкм) не залежыць ад колькасці імпульсаў. Такім чынам, можна вызначыць таўшчыню пласта паціны, акаліны і іржы на паверхні, выключыць атрыманыя даныя з вынікаў аналізу ўзору або, пры неабходнасці, параўнаць змест элементаў у паверхневых пластах і ў аснове, што дазволіць зрабіць выснову аб уплыве высокіх тэмператур, працяглага ўздзеяння агрэсіўных асяроддзяў на глыбіню і ступень карозіі аб’екта.

Рыс. 5. Рэчавы комплекс Госціна. Зліткі каляровых металаў

Элементны аналіз артэфактаў, выяўленых каля в. Госціна Старадарожскага раёна Мінскай вобласці, праводзіўся на лазерным спектрометры ЛАЭМС на кафедры лазернай фізікі і спектраскапіі фізічнага факультэта БДУ. Пры правядзенні даследавання выпараецца 10^{-10-11} г рэчыва, дыяметр дэструкцыі 100–150 мкм, за рахунак выкарыстання магутных лазерных імпульсаў, вакол бакоў кратэра не ўтворыцца бруствер з застылага расплаву металу (мае месца так званая лазерная абляцыя – калі выпараецца непасрэдна цвёрды матэрыял без плаўлення). За рахунак тэхнічных рашэнняў, рэалізаваных пры праектаванні спектрометра, магчыма правядзенне аналізу як невялікіх прадметаў (плоскія фрагменты металаў 5*5 мм), так і даволі аб'ёмных. Пры гэтым, даследчык сам выбірае месца ўздзеяння (вонкавы бок дэкаратыўнага вырабу, гурт манеты і г. д.). Вынікі элементнага аналізу артэфактаў з Госціна прадстаўлены на рысунку 6.

Культурна-храналагічная ідэнтыфікацыя і інтэрпрэтацыя рэчавага комплексу. Пры вызначэнні культурна-храналагічнай прыналежнасці калекцыі з Госціна мы абапіраліся, перш за ўсё, на спражку і бранзалеты. Спражкі з акруглымі ці авальнымі, патоўшчанымі ў пярэдняй частцы рамкамі, і хабатковымі язычкамі, шырока выкарыстоўваліся насельніцтвам Заходняй і Цэнтральнай Еўропы, Паўночнага Прычарнамор'я, Каўказу, стэпу

№	Узор	Медзь (Cu)	Волава (Sn)	Цынк (Zn)	Свінец (Pb)	Срэбра (Ag)
		С, %				
КП 3492		96,79	2,19	0,00	1,03	0,00
КП 3493		96,48	2,63	0,00	0,89	0,00
КП 3491		58,66	27,97	7,91	4,15	1,32
КП 3490		61,10	22,67	9,02	5,67	1,54
КП 3489		66,19	20,16	8,47	3,68	1,50
КП 3488		62,20	23,27	8,55	5,48	0,50
КП 3487		62,27	25,48	6,12	6,14	0,00
КП 3486		63,00	23,55	8,56	4,90	0,00

Рыс. 6. Вынікі элементнага аналізу рэчаў з комплекса Госціна

і лясной зоны Усходняй Еўропы з апошняй чвэрці IV ст. па VI ст. [1; 2; 3; 4, с. 44–46]. Па меркаванні А. М. Абломскага, верхняя мяжа бытавання спражак з акруглымі рамкамі ў лясной зоне Падняпроўя пакуль няясная: ускосныя даныя сведчаць аб тым, што яны могуць дажываць да фіналу калочынскай культуры – канца VII ст. [4, с. 45, рис. 35]. Найбольш блізкія спражцы з Госціна аналогіі прадстаўлены ў пахаваннях культуры пскоўскіх доўгіх курганоў [5, с. 21–27, рис. 1].

Бранзалеты з Госціна маюць масіўныя патоўшчаныя канцы, авальныя ў сячэнні, і аздобленыя геаметрычным арнаментам, выкананым у тэхніцы гравіроўкі. Варта адразу адзначыць, што яны не падобныя на вырабы гэтай катэгорыі, знойдзеныя на помніках V–VII стст. Беларускага Палесся. Усе вядомыя з гэтай тэрыторыі бранзалеты маюць не такія масіўныя канцы, і арнамент на іх адсутнічае, або ўяўляе сабой некалькі кальцавых бараздак (паселішчы Радасць-2, Астрамечава, Мерчыцы-2, Бярэжцы-4) [6; 7, с. 253, рис. 2: 13; 8, с. 549, мал. 24: 6–7]. Значна бліжэй па стылістыцы да бранзалетаў з Госціна знаходзяцца вырабы з помнікаў трэцяй чвэрці I тыс. н. э. Верхняга Падняпроўя, Пасожжа і Падзвіння: гарадзішчаў Магілёў–Змяёўка, Нікадзімава, Лукомль, гарадзішча Клішына (у складзе скарбу жаночых упрыгажэнняў) [9, с. 24–26, мал. 12; 10, с. 240, рис. 4: 3; 11, с. 36, рис. 12: 11; 12, с. 100, табл. 19/II]. Падобныя бранзалеты былі шырока распаўсюджа-

ны ў лясной і лесастэпавай зонах Еўропы, галоўным чынам – у старажытнасцях калочынскай і пянькоўскай культур [4, с. 52–53, рис. 41; 13, с. 33, 39, рис. 20: 20, 66: 7, 71: 4]. У тым ліку, яны сустракаюцца ў скарбах «старажытнасцей антаў» першай храналагічнай групы (другая – трэцяя чвэрці VII ст. н. э.) у басейне Сярэдняга Дняпра і на Дняпроўскім лесастэпавым Левабярэжжы [14; 15, с. 136, рис. 3: 1, 2].

Бронзавыя зліткі з Госціна з’яўляюцца найбольш цікавай катэгорыяй вырабаў у калекцыі. Сярод раннесярэднявечных старажытнасцей зліткі каляровых металаў былі знойдзены на помніках пянькоўскай культуры: паселішча Валошскае (Сурская Забора) – выяўлены злітак-грыўна [13, с. 39, рис. 75: 15]; паселішча Хітцы – даследаваны рэшткі майстэрні ювеліра з агменем-горнам, а ў культурным пласце выяўлены бронзавыя пласціны – нарыхтоўкі для ўпрыгажэнняў і бронзавы гранёны прут, які вызначаецца даследчыкамі як сыравіна для бронзаліцейных майстэрняў [16, с. 66, рис. 29: 1]. У Беларускім Палессі бронзавыя зліткі палачкападобнай формы былі знойдзены на паселішчах з матэрыяламі I тыс. н. э. Хачэнь на р. Сцвіга і Петрыкаў-2 на р. Прыпяць [17; 18, с. 156, мал. 28: 16]. Такія зліткі вырабляліся ў адкрытай форме, без дадатковай значнай механічнай апрацоўкі, а палачкападобная канфігурацыя з’яўляецца найбольш прыдатнай для далейшай апрацоўкі ці падзелу на часткі. Зліткі з Госціна маюць розныя формы, аднак асабліва вылучаюцца два найбольш масіўныя – выгнуты і дваякавыгнуты. Пакуль што аналогіі такім вырабам нам не вядомыя. Аддаленае падабенства па масіўнасці і форме да іх маюць зліткі з «Кузебаеўскага скарбу ювеліра» (VII ст.), знойдзенага на тэрыторыі Удмурціі [19, рис. 8].

Склад калекцыі вырабаў з Госціна: зліткі каляровых металаў і рэчы, частка з якіх ужо выкарыстоўвалася (разламаны бранзалет са слядамі рэзання, фрагментаваны выраб), а, астатняя, верагодна, планавалася для выкарыстання ў якасці сыравіны для ювелірнай справы, дазваляе нам умоўна называць яе «скарбам ювеліра». Падчас правядзення даследаванняў на раннесярэднявечных паселішчах частымі знаходкамі з’яўляюцца тыглі, льячкі, радзей выяўляюць металічныя інструменты ювеліраў: пінцэты, кавадлы і г. д. Аднак знаходкі сыравіны, асабліва ў такім выглядзе і колькасці, як у комплексе з Госціна, сустракаюцца вельмі рэдка. Зліткі са скарбу, на нашую думку, маглі таксама выконваць функцыю грашовых адзінак таго часу, як грыўны ў старажытнарускі перыяд. Аднак такія рэчы пакуль не былі выяўлены масава, таму гэтае меркаванне выказваецца як гіпотэза.

Праведзены элементны аналіз артэфактаў з Госціна дазволіў устанавіць, што самы «чысты» склад (медзь і невялікая дамешка волава), маюць бранзалеты (рыс. 6). Астатнія рэчы зроблены з алавянай бронзы з дамешкай цынку, свінцу і, зрэдку, срэбра. Для параўнання, хімічны аналіз металу вырабаў Курылаўскага скарбу (басейн р. Псёл, Дняпроўскае Левабярэжжа) паказаў,

што ўсе сплавы на меднай аснове, акрамя адзінага ўзора алавянай бронзы, дэманструюць сплаўленне латуні і свінцова-алавянай лігатуры. Такі прыём атрымання ювелірнага металу характэрны для дняпроўскіх скарбаў першай групы. Адзначаецца таксама, што волава больш дарагі метал, чым цынк і свінец [20].

У археалагічным плане тэрыторыя, адкуль паходзіць рэчавы комплекс Госціна, на эпоху ранняга Сярэднявечча выглядае пакуль «белай плямай». Арэса з'яўляецца левым прытокам Прыпяці – ракі, на берагах і прытоках якой сканцэнтраваны помнікі пражскай культуры. Аднак на сённяшні дзень паўночная мяжа помнікаў узгаданай культурнай адзінкі праходзіць на поўдзень ад Госціна (рыс. 1). На ўсход, у Верхнім Падняпроўі, лакалізуецца арэал калочынскай культуры. У той жа час, калі разглядаць, напрыклад, помнікі па р. Пціч (прыток Прыпяці), р. Свіслач і р. Бярэзіна (першая – прыток Бярэзіны, другая – прыток Дняпра), тэрытарыяльна блізкія да вярхоўяў Арэсы і пункту Госціна, то іх культурная прыналежнасць дакладна не акрэслена. Папярэдне можна канстатаваць, што стылістычна спражка і бранзалеты з Госціна «цягнуцца» да помнікаў трэцяй чвэрці I тыс. н. э. Сярэдняга і Верхняга Падняпроўя і Падзвіння. Далейшае правядзенне археалагічных даследаванняў у рэгіёне дапаможа разгледзець гэтае пытанне больш грунтоўна. Храналогія такіх вырабаў на ўзгаданай тэрыторыі пакуль не распрацавана, таму, з улікам усіх узгаданых аспектаў, час існавання рэчавага набору, які адклаўся ў скарбе з Госціна, вызначаецца намі V–VII стст.

У кантэксце гісторыка-культурнай сітуацыі ў Падняпроўі ў трэцяй чвэрці I тыс. н. э., з'яўленне «скарбу ювеліра» з Госціна можна звязаць са складанымі ваяўнічымі працэсамі, якія праявіліся ў спаленні шэрагу ўмацаваных цэнтраў Палесся і Верхняга Падняпроўя (Хотамель, Нікадзімава, Кісялі, Чаркасава) і выпадзенні ў басейне Сярэдняга Дняпра і на Дняпроўскім лесастэпавым Левабярэжжы скарбаў «старажытнасцей антаў» першай храналагічнай групы (другая – трэцяя чвэрці VII ст. н. э.) [гл.: 4, с. 57, 61; 14; 15; 21].

Таксама існуе меркаванне, што такія рэчавыя комплексы маглі быць ватыўнымі [15; 21]. У гэтым кантэксце варта ўзгадаць, што некаторыя прадметы з Госціна маюць сляды высокатэмпературнага ўздзеяння. Як ужо адзначалася, візуальны агляд тэрыторыі – узвышэння сярод забалочанай мясцовасці, дзе была зроблена знаходка, слядоў паселішча не выявіў. Шурфоўка не праводзілася. Таму пытанне аб кантэксце знаходкі з Госціна пакуль застаецца адкрытым.

Высновы. «Скарб ювеліра», выпадкова знойдзены ў 2020 г. непадалёку ад в. Госціна Старадарожскага раёна Мінскай вобласці, з'яўляецца ўнікальнай знаходкай для тэрыторыі Беларусі і ўсёй Усходняй Еўропы. Перыяд існавання адклаўшагася ў скарбе рэчавага набору (спражкі і бранзалетаў) вызначаецца V–VII стст., стылістычна прадметы маюць найбольш аналогій

на помніках Сярэдняга і Верхняга Падняпроўя, Пасожжа, Падзвіння, якія пакінулі прадстаўнікі пянькоўскай, калочынскай, банцараўскай культур, культуры пскоўскіх доўгіх курганоў. Вынікі праведзенага элементнага аналізу паказалі, што бранзалеты амаль цалкам зроблены з медзі. Астатнія рэчы, у тым ліку зліткі, складаюцца з алавянай бронзы – найбольш каштоўнага на той час сплаву. Утойванне скарбу, магчыма, звязана з інтэнсіўнымі ваяўнічымі працэсамі, якія адбываліся ў рэгіёне і адзначыліся выпадзеннем дняпроўскіх скарбаў першай храналагічнай групы. Яшчэ адной версіяй прычыны з'яўлення рэчавага комплексу з Госціна з'яўляецца яго ватыўнае прызначэнне.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. *Tejral J.* Einige Bemerkungen zur Chronologie der Späten Römischen Kaiserzeit in Mitteleuropa // Probleme der relativen und absoluten Chronologie ab Latènezeit bis zum Frühmittelalter. Kraków, 1992. S. 227–248.

2. *Амброз А. К.* Хронология древностей Северного Кавказа V–VII вв. Москва: Наука, 1989. 134 с.

3. *Айбабин А. И.* Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени // МАИЭТ. 1990. Вып. 1. С. 3–86.

4. *Обломский А. М.* Колочинская культура // Раннеславянский мир. Вып. 17. Раннесредневековые древности лесной зоны Восточной Европы (V–VII вв.). Москва, 2016. С. 10–113.

5. *Михайлова Е. Р.* Вещевой комплекс культуры псковских длинных курганов: типология и хронология. Saarbüken: LaP LamberT academic Publishing, 2014. 435 с.

6. *Касюк А. Ф.* Пражская і райкавецкая культуры на тэрыторыі Беларускага Палесся (канец IV ст. – IX ст.): дыс. ... канд. гіст. навук: 07. 00. 06. Мінск, 2021. 188 с.

7. *Белевец В. Г.* Результаты разведочных работ на поселении Мерчицы-2 и перспективы изучения памятников римского времени и эпохи Великого переселения народов в Белорусском Полесье // Раннеславянский мир. Вып. 19. Археология славян и их соседей. Москва, 2017. С. 249–261.

8. *Бяліцкая Г. М., Байкоўская А. А., Харытановіч В. М.* Паселішча каля вескі Бярэжцы Жыткавіцкага раёна Гомельскай вобласці // Славяне на территории Беларуси в догосударственный период. Минск, 2019. Кн. 1. С. 514–555.

9. *Марзалюк І. А., Рыер Я. Р.* Гарадзішча Змяёўка (Пелагееўскае гарадзішча) у Магілёве. Археалагічнае даследаванне. Магілёў: МДУ імя А. А. Куляшова, 2010. 68 с.

10. *Родинкова В. Е., Седин А. А.* Браслеты Никодимовского городища // Восточная Европа в Средневековье: к 80-летию В. В. Седова. Москва, 2004. С. 234–246.

11. *Штыхов Г. В.* Лукомль: археологический комплекс железного века и средневековья. Минск: Беларуская навука, 2014. 168 с.

12. *Шадыра В. І.* Беларускае Падзвінне (І тысячагоддзе н. э.). Мінск: ДНУ «Інстытут гісторыі НАН Беларусі», 2006. 150 с.

13. *Приходнюк О. М.* Пеньковская культура (культурно-археологический аспект исследования). Воронеж: Воронежский университет, 1998. 170 с.

14. *Щеглова О. А.* О двух группах «древностей антов» в Среднем Поднепровье // Материалы и исследования по археологии Днепровского Левобережья. Курск, 1990. С. 162–204.

15. *Родинкова В. Е., Сапрыкина И. А., Сычёва С. А.* Клад из Суджи-Замостья и проблема социокультурной интерпретации Днепровских раннесредневековых кладов I группы // Российская археология. 2018. № 2. С. 130–147.

16. *Горюнов Е. А.* Ранние этапы истории славян Днепровского Левобережья. Ленинград: Наука. Ленингр. отд-ние, 1981. 135 с.

17. *Бяліцкая Г., Байкоўская А., Харытановіч В.* Знаходкі з Тураўшчыны // Навука. № 34 (2761). 26 жніўня 2019. С. 6.

18. *Вяргей В. С., Трымер В.* Раннеславянскае паселішча Петрыкаў-2 на р. Прыпяць // ГАЗ. 2003. № 18. С. 151–187.

19. *Останина Т. И., Канунникова О. М., Степанов В. П., Никитин А. Б.* Кузебаевский клад ювелира VII в. как исторический источник. Ижевск: Удмуртия, 2011. 218 с.

20. *Егорьков А. Н., Родинкова В. Е.* Состав металла изделий из Куриловского клада раннесредневекового времени (по результатам оптико-эмиссионной спектрографии) // КСИА. 2014. Вып. 233. С. 168–177.

21. *Родинкова В. Е.* Клады в раннесредневековой истории и культуре Поднепровья // Труды IV (XX) Всерос. археолог. съезда в Казани. Т. II. Казань, 2014. С. 391–395.

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ СИТУАЦИЯ НА ТЕРРИТОРИИ ОКСКО-ДОНСКОГО ВОДОРАЗДЕЛА В VIII–X вв.: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ПРОБЛЕМЫ

А. М. Колоколов

Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры «Государственный военно-исторический и природный музей-заповедник «Куликово поле»», проспект Ленина, 47,
300041, г. Тула, Российская Федерация, kolokolofff.sasha@yandex.ru

История археологического изучения славянских древностей Окско-Донского водораздела насчитывает полтора столетия. Итог многолетних исследований был подведен в монографии А. В. Григорьева «Славянское население водораздела Оки и Дона в конце I – начале II тыс. н. э.» 2005 года. В ней была заложена основа современного представления об этнокультурной ситуации на территории региона в период VIII–X вв. и обозначены основные проблемы в понимании процесса заселения Окско-Донского водораздела славянскими племенами. Наиболее актуальные из них связаны с хронологией древностей, а именно: отсутствие памятников VIII в. и, как следствие, неясность начального этапа славянской колонизации; трудность выделения материалов сер. X – нач. XI в., что создавало хронологическую лакуну между финалом поселений роменского типа и возникновением древнерусских памятников. Работы последних 18 лет позволили предложить решение обозначенных вопросов, и в целом уточнить хронологию древностей VIII–X вв. Окско-Донского водораздела.

Ключевые слова: Окско-Донской водораздел; VIII–X вв.; древности типа Сахновка–Волынцево; роменская культура; Древняя Русь.

ЭТНАКУЛЬТУРНАЯ СІТУАЦЫЯ НА ТЭРЫТОРЫІ ОКСКА-ДАНСКОГА ВОДАПАДЗЕЛУ Ў VIII–X стст.: СУЧАСНЫ СТАН ПРАБЛЕМЫ

А. М. Колакалоў

Федэральная дзяржаўная бюджэтная ўстанова культуры «Дзяржаўны ваенна-гістарычны і прыродны музей-запаведнік «Кулікова поле»», праспект Леніна, 47,
300041, г. Тула, Расійская Федэрацыя, kolokolofff.sasha@yandex.ru

Гісторыя археалагічнага вывучэння славянскіх старажытнасцяў Окска-Данскога водападзелу налічвае паўтара стагоддзя. Вынік шматгадовых даследаванняў быў падведзены ў манаграфіі А. У. Грыгор’ева «Славянскае насельніцтва водападзелу Акі і Дона ў канцы I – пачатку II тыс. н. э.» 2005 года. У ёй была закладзена аснова сучаснага ўяўлення аб этнакультурнай сітуацыі на тэрыторыі рэгіёну ў перыяд VIII–X стст. і пазначаныя асноўныя праблемы ў разуменні працэсу засялення Окска-Данскога водападзелу славянскімі плямёнамі. Найбольш актуальныя з іх звязаныя з храналогіяй старажытнасцяў, а менавіта: адсутнасць помнікаў VIII ст. і, як

следства, няяснасць пачатковага этапу славянскай каланізацыі; цяжкасць вылучэння матэрыялаў сяр. X – пач. XI ст., што стварала храналагічную лакуну паміж фіналам паселішчаў роменскага тыпу і ўзнікненнем старажытнарускіх помнікаў. Працы апошніх 18 гадоў дазволілі прапанаваць рашэнне пазначаных пытанняў і ў цэлым ўдакладніць храналогію старажытнасцяў VIII–X стст. Окска-Данскога водападзелу.

Ключавыя словы: Окска-Данскі водападзел; VIII–X стст. ; старажытнасці тыпу Сахноўка–Валынцава; роменская культура; Старажытная Русь.

ETHNO-CULTURAL SITUATION IN THE TERRITORY OF THE OKA-DON WATERSHED IN THE 8th–10th CENTURIES: CURRENT STATE OF THE PROBLEM

A. M. Kolokolov

Kulikovo Pole State Museum and Reserve, Lenin Ave., 47,
300041 Tula, Russian Federation, kolokolofff.sasha@yandex.ru

The history of Slavic antiquities archaeological study on the Oka-Don watershed is about 150 years old. The result of many years of research was summarized in A. V. Grigoriev's monograph «Slavic Population of the Oka and Don Watershed in the Late 1st – Early 2nd Millennium AD» in 2005. It laid the foundation for the modern view of the ethno-cultural situation on the territory of the region in the 8th – 10th centuries period, and outlined the main problems in understanding the colonization process on the Oka-Don watershed by the Slavic tribes. The most relevant ones are related to the chronology of antiquities, namely: the absence of sites of the 8th century and, as a consequence, the lack of clarity of the initial stage of Slavic colonization; the difficulty of identifying materials of the middle 10th – early 11th centuries, which created a chronological lacuna between the end of the Romensk type settlements and the emergence of Old Russian sites. The works of the last 18 years have allowed us to propose a solution to these questions and, in general, to clarify the chronology of antiquities of the 8th–10th centuries on the Oka-Don watershed.

Keywords: Oka-Don watershed; 8th–10th centuries; Sakhnovka–Volyntsevo type antiquities; Romenskaya culture; Old Rus.

Изучение славянских памятников Окско-Донского водораздела продолжается около 150 лет [1, с. 185–186]. Впервые археологические материалы VIII–X вв. были обобщены в монографиях Т. Н. Никольской 1969 [2] и 1981 [3] гг. Основа современного понимания этнокультурной ситуации на территории региона в этот период была заложена в трудах А. В. Григорьева. В его монографиях 2000 [4] и 2005 [5] гг. была собрана и проанализирована большая часть имеющихся на тот момент материальных источников по теме славянского освоения междуречья Оки и Дона. Результаты исследований славянских древностей в сопредельном регионе – на левобережье Оки – отражены в трудах О. Л. Прошкина [6, с. 173–198; 7].

В работе А. В. Григорьева 2005 г. была впервые предложена дробная хронология древностей региона кон. I – нач. II тыс. н. э. Согласно ей, бытование славянских памятников Окско-Донского водораздела делится на 3 периода: ранний (IX – 1-я четв. X в.), средний (2–3 четв. X в.) и поздний (посл. четв. X–XI в.) [5]. Предложенная хронология содержала две основные проблемы, четко обозначенные ее автором. Во-первых, отсутствие известных памятников VIII в. не позволяло ясно представить картину начального этапа славянской колонизации региона; во-вторых, древности среднего периода (2–3 четв. X в.) выделялись лишь гипотетически, поселений и могильников этого времени не было выявлено, поздний же период (посл. четв. X–XI в.) был достоверно представлен материалами одного городища. Работы последних 18 лет позволили предложить решение обозначенных вопросов, и в целом уточнить хронологию древностей VIII–X вв. Окско-Донского водораздела.

Проблема начального этапа славянской колонизации региона вытекает из финала древностей предыдущей эпохи. Так, к сер. VII в. на верхней Оке исчезают наиболее поздние поселения мощинской культуры, бытовавшей с сер. III в. [8, с. 142–154]. Тем же временем датируется финал позднедьяковских памятников в бассейне Москвы [9, с. 261–332] и рязано-окских в среднем Поочье [10, с. 16]. Носители же роменской археологической культуры появляются на территории Окско-Донского водораздела не ранее IX в. Таким образом, создавалась хронологическая лакуна длительностью около полутора века, охватывающая период 2-й пол. VII–VIII в. Работы последних лет позволили сформировать предварительную этнокультурную картину региона в этот период.

Наиболее интересные результаты дали раскопки Ю. Г. Екимова на селище Каменка-1 (рис. 1, *38*; 2, *I:2, II:9*) в 2005–2017 гг. На памятнике были изучены две хозяйственные ямы, содержащие развалы сосудов типа Сахновка (рис. 3, *21–24*) [11, рис. 14–16]. Древности этого типа широко распространены на территории лесостепной зоны Поднепровья и бассейна Северского Донца во 2-й пол. – кон. VII–VIII в. [12, с. 45–137; 13]. Кроме того, на селище был изучен котлован жилой постройки IX–X вв., где под развалом печи было *in situ* обнаружено скопление фрагментов роменских сосудов (рис. 3, *16*), среди которых был выявлен неполный развал чернолощеной мощинской миски (рис. 3, *31*) [11, рис. 11, *1*]. Синхронное существование сосудов роменской и мощинской керамических традиций зафиксировано так же в нескольких жилых постройках IX–X вв. на Супрутском городище (рис. 1, *88*; 2, *I:4*; 3, *29, 30*) [14, с. 52–53]. Существование таких объектов подразумевает наличие связи между населением, появившимся на территории региона в IX в. и существовавшим на Верхней Оке до сер. VII в., что возможно только при условии обитания определенной части носителей мощинских культурных традиций в период 2-й пол. VII–VIII в.

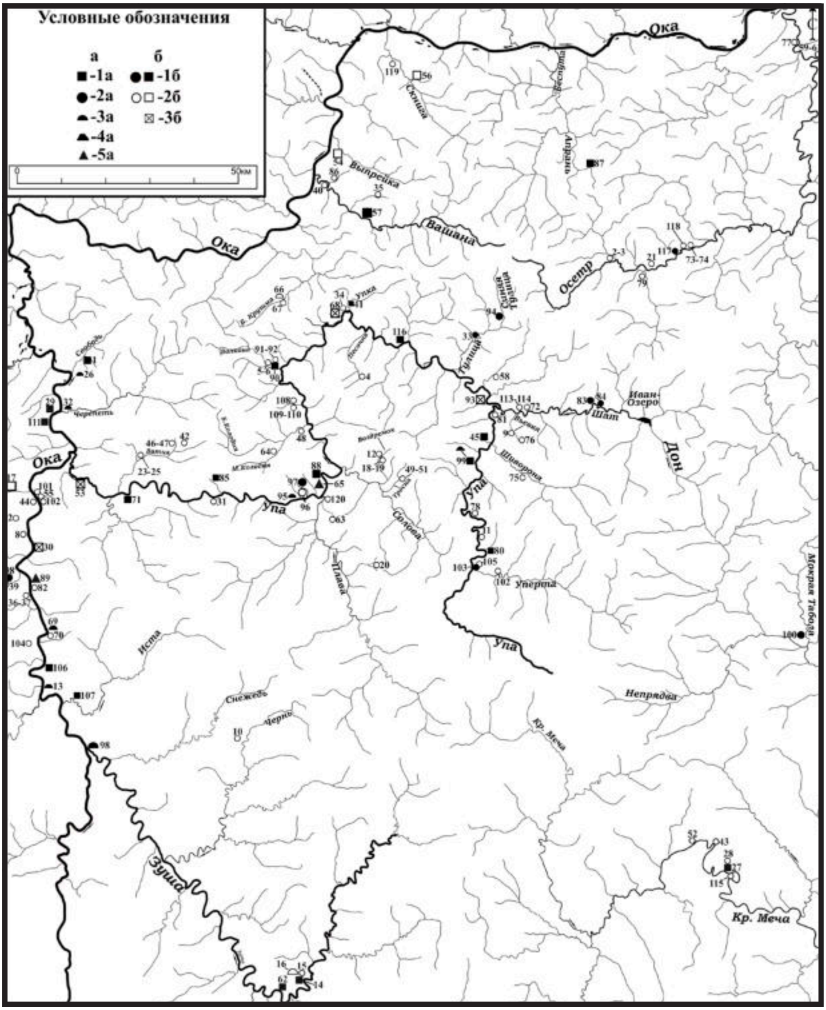


Рис. 1. Памятники VIII–X вв. Окско-Донского водораздела:

Условные обозначения: *а* – тип памятника (*1а* – городище; *2а* – селище; *3а* – курганный могильник; *4а* – мемориальный комплекс; *5а* – местонахождение); *б* – степень изученности (*1б* – памятники, изученные раскопками; *2б* – памятники известные по разведочным данным; *3б* – утраченные памятники).

Перечень памятников VIII–X вв. на территории Окско-Донского водораздела:

1–Акиньшино; *2*–Андреевка-1; *3*–Андреевка-2; *4*–Батищево-4; *5*–Березово-1; *6*–Березово-2; *7*–Берхино-1; *8*–Болтенки; *9*–Болхово-1; *10*–Бунаково; *11*–Бутырки; *12*–Воздремо-10; *13*–Воронец; *14*–Воротынцево; *15*–Воротынцево-8; *16*–Воротынцево; *17*–Вырск; *18*–Головеньки-1; *19*–Голвеньки-3;

20–Голощапово-3; *21*–Грабоново-1; *22*–Давыдово; *23*–Денисово-1; *24*–Денисово-2; *25*–Денисово-3; *26*–Доброе; *27*–Дубики; *28*–Дубики-1; *29*–Дуна; *30*–Жабынь; *31*–Жемчужниково; *32*–Западное; *33*–Ивановка-2; *34*–Изволь-1; *35*–Калединовка-4; *36*–Кализна-1; *37*–Кализна-2; *38*–Каменка-1; *39*–Каменка-2; *40*–Карташово-1; *41*–Кетри; *42*–Кирилловка-3; *43*–Козье; *44*–Кондратово; *45*–Лобынское; *46*–Лужки-1; *47*–Лужки-5; *48*–Лужное-8; *49*–Майский-1; *50*–Майский-4; *51*–Майский-5; *52*–Маслово; *53*–Мишнево; *54*–Мосолово; *55*–Мощены; *56*–Нижняя Городня; *57*–Никулино; *58*–Новоселки-2; *59*–Новоселки-1; *60*–Новоселки-2; *61*–Новоселки-3; *62*–Новосиль; *63*–Образцово-2; *64*–Озерки-1; *65*–Орлово; *66*–Панское; *67*–Панское-1; *68*–Першино; *69*–Песковатое-1; *70*–Песковатое-4; *71*–Петровское; *72*–Победа; *73*–Причаль-1; *74*–Причаль-2; *75*–Пушкарские выселки-1; *76*–Пятницкое-1; *77*–Ратькино-2; *78*–Сатинка-1; *79*–Свиридовский-1; *80*–Свисталовка; *81*–Сергиевское; *82*–Сестринский; *83*–Слободка-1; *84*–Слободка-2; *85*–Снедка; *86*–Сотино-1; *87*–Спицино; *88*–Супруты; *89*–Темрянь; *90*–Тимофеевка; *91*–Тимофеевка-1; *92*–Тимофеевка-2,3; *93*–Таптыково; *94*–Торхово-3; *95*–Б. Тризново; *96*–Б. Тризново-3; *97*–Б. Тризново-4; *98*–Тшлыково; *99*–Услань Гора; *100*–Устье-2; *101*–Устье Гастунки; *102*–Устье Усты; *103*–Уткино-1; *104*–Уткино-3; *105*–Уткино-4; *106*–Федяшево; *107*–Фурсово; *108*–Хотетово-2; *109*–Хотетово-5; *110*–Хотетово-7; *111*–Чекалин; *112*–Чифировка; *113*–Шатск-17; *114*–Шатск-18; *115*–Шилово; *116*–Щепилово; *117*–Щучье-1; *118*–Щучье-2; *119*–Яковлево-1; *120*–Ярцево-5

В комплексе Супрутского городища были выявлены и материалы типа Сахновка. В постройке 3 раскопа XXVIII (2006–2007 гг.), стратиграфически относящейся к наиболее раннему периоду славянского поселения на городище [15, с. 95–99], были обнаружены 2 развала лепных горшков, близких к сосудам с Каменки-1 (рис. 3, *25, 26*), а также верхняя часть лепного сосуда волынцевского типа [16, рис. 56, *1*]. К этому же горизонту относится поясная накладка типа Арадац–Фенлак (рис. 4, *1*), обнаруженная на разрушенной части площадки городища [17, с. 271, рис. 2, *2*].

Серия бронзовых украшений, имитирующих серьги пастырского типа (рис. 5, *2–4*), происходит с селища Б. Тризново-3 (рис. 1, *96*; 2, *I: 7*) [1, рис. 13, *6*; 18]. Прототипы этих изделий широко распространены в кон. VII–1-й пол. VIII в. Они известны в составе днепровских кладов II группы и комплексе Пастырского городища [19, с. 162–204; 20, с. 247; 21, с. 255]. Поясная накладка типа Врап–Эрсеке (рис. 4, *2*), обнаруженная на памятнике, так же укладывается в этот хронологический промежуток [17, с. 271, рис. 2, *1*]. Еще одна деталь поясного набора этого времени – пряжка с фигурным щитком (рис. 4, *4*), происходит с городища Никулино (рис. 1, *57*; 2, *I: 3*) [17, с. 275, рис. 3, *4*].

В связи с выявлением указанной группы материалов иной смысл обретают находки круговых волынцевских сосудов в комплексе городища Супруты, селища Торхово-3 (рис. 1, *94*; 2, *I: 6*; 5, *28*) и селища Уткино-1 (рис. 1, *103*; 2, *I: 8*) [1, рис. 1, 5, 6]. А. В. Григорьев связывал их с финальным этапом бытования волынцевских древностей, которые, по его мнению, продолжают существовать в бассейне Верхней Оки после 1-й четв. IX в. [22, с. 23–25]. На сегодняшний день уместнее рассматривать находки волынцевской керамики в контексте сахновских древностей. Сахновские памятники тесно связаны

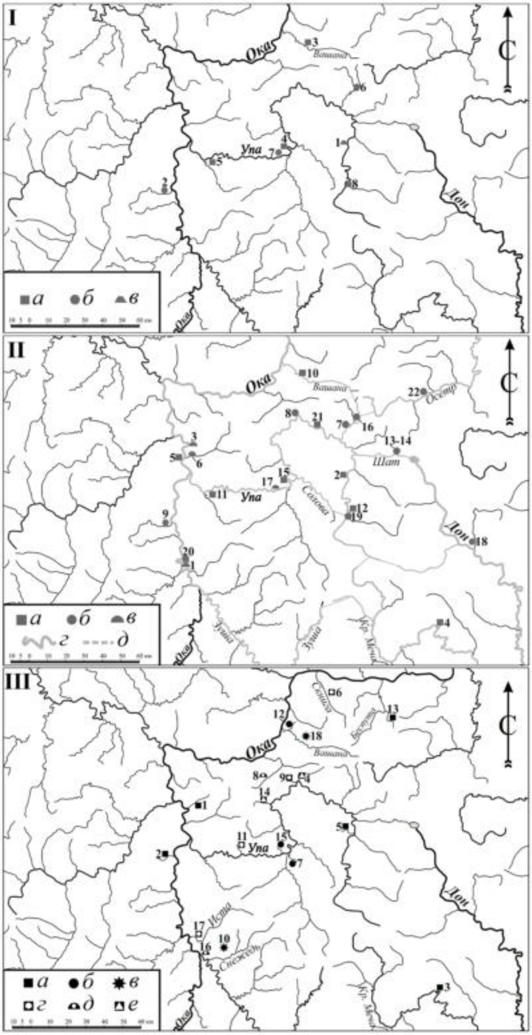


Рис. 2. Археологическая ситуация в разные периоды славянского освоения региона:

I – 2-я пол. VII – VIII в.; *II* – IX – 1-я пол. X в.; *III* – 2-я пол. X – XI в.

Условные обозначения:

I: а – городище, *б* – селище, *в* – поминальный комплекс; *II: а* – городище, *б* – селище, *в* – курганный могильник; *г* – Окско–Донской участок речного торгового пути (по А. В. Григорьеву); *5* – предполагаемые участки волоков; *III: а–в* – памятники 2-й пол. X – нач. XI в.: *а* – городище, *б* – селище, *в* – клад; *г, д* – памятники, гипотетически отнесенные к периоду 2-й пол. X – нач. XI в.; *е* – памятники конца X – XI в.;

Памятники VIII–X вв. на территории Окско-Донского водораздела, соотносимые с различными периодами освоения региона: *I) 1* – Гора Услань; *2* – Каменка-1; *3* – Никулино; *4* – Супруты; *5* – Петровское; *6* – Торхово-3; *7* – Б. Тризново-3; *8* – Уткино-1; *II) 1* – Воронец; *2* – Гора Услань; *3* – Доброе; *4* – Дубики; *5* – Дуна; *6* – Западное; *7* – Ивановка-2; *8* – Изволь-1; *9* – Каменка-1; *10* – Никулино; *11* – Петровское; *12* – Свисталовка; *13* – Слободка-1; *14* – Слободка-2; *15* – Супруты; *16* – Торхово-3; *17* – Тризново; *18* – Устье-2; *19* – Уткино-1; *20* – Федяшево; *21* – Щепилово; *22* – Щучье-1; *III) 1* – Акиньшино; *2* – Вырск; *3* – Дубики; *4* – Кетри; *5* – Лобынское; *6* – Нижняя Городня; *7* – Образцово-2; *8* – Панское; *9* – Першино; *10* – Полтево; *11* – Снедка; *12* – Сотино-1; *13* – Спицино; *14* – Тимофеевка; *15* – Тризново-4; *16* – Тшлыково; *17* – Фурсово-2; *18* – Щепотьево

с материалами типа Волынцево, и обозначение «древности типа Сахновки–Волынцево» применяется в литературе для характеристики культурной принадлежности памятников Левобережья Днепра и бассейна Северского Донца 2-й пол. – конц. VII–VIII в. [12, с. 45–137; 13].

Существенно дополняют наши представления о ситуации в регионе в предроменский период материалы мемориального комплекса, открытого в 2021 г. у д. Гора Услань (рис. 1, *99*; 2, *I: 1*). Он представлял собой округлое в плане наземное сооружение (диаметр около 3 м), сложенное из необработанных камней, под которым обнаружены остатки кострища, содержащего набор вещей: железный нож, миниатюрный лепной кувшин (рис. 3, *27*) и бронзовую пряжку, датированную 2-й пол. VII–1-й пол. VIII в. (рис. 4, *3*). У подножья сооружения был найден развал горшка сахновского типа. Находка лепного кувшина (на сегодняшний день единственная в регионе), а также сама традиция сооружения подобных мемориальных комплексов имеют явное степное происхождение [23, с. 173–188].

Имеющиеся в нашем распоряжении материалы предроменского периода позволяют сформировать приблизительную этнокультурную картину региона в 2-й пол. VII–VIII в. В IX в. на территории Окско-Донского водораздела возникает многочисленная группа памятников, материалы которых соотносимы с древностями роменской культуры. По версии А. В. Григорьева, их появление связано с началом функционирования в IX в. Верхнеокского участка Донского торгового пути (рис. 2, *II*), которое прекратилось в 1-й четв. X в. [24, с. 51–60]. Согласно его хронологии, эти памятники соответствуют раннему этапу славянского освоения региона.

Поселения этого периода расположены на берегах Оки и ее крупных притоков, которые связывают бассейны Оки и Дона (Упа, Шат, Зуша) или позволяют значительно сократить путь внутри Окского бассейна (Осетр, Вашана, Тулица), а также в местах предполагаемых волоков (рис. 2, *II*). При этом верховье Дона занято поселениями этого времени гораздо меньше. Небольшое их количество известно на его притоках – Мокрой Таболе (рис. 1, *100*) [25, с. 62–101] и Красивой Мече (рис. 1, *27, 28, 43, 52, 115*) [26, с. 121–128]. На многих поселениях обнаружены фрагменты тарных сосудов – амфор

причерноморского происхождения (рис. 3, *19, 20*) [27, рис. 25, 30; 5, с. 126, рис. 52, *15–19*; 28, с. 102–106; 29, рис. 4, *6, 7*, рис. 11, *6*], гончарной посуды салтовского типа (рис. 3, *18*) [27, рис. 31; 1, с. 217, рис. 19; 30, рис. 5, *1*; 31, рис. 8, *5*, 9, *4*], а так же скопления житных ям большого объема и следы смолокуренного производства [29, рис. 12]. Наиболее типичные находки, маркирующие торговый путь – инструменты для малых взвешиваний (гирьки и детали весов) и арабские серебряные монеты. Весовые принадлежности массово представлены в комплексе Супрутского городища [32, с. 121–134]. Находки боченковидных гирек известны так же на селище Изволь на р. Упе (рис. 1, *34*; 2: *II: 8*), городище Никулино на р. Вашане (рис. 1, *57*; 2, *II: 10*) [1, рис. 12, *3, 14*], городище Федяшево на Оке (рис. 1, *106*; 2, *II: 20*; 5, *5*) [33], а так же в составе клада у п. Головеньки [1, рис. 12, *4–7*]. Нумизматические находки происходят с городищ Дубики, Дуна, Петровское, Супруты, Федяшево, Щепилово, селища Устье-2 [30, рис. 1; 1, с. 193], а так же из комплекса кладов, коих на территории региона известно более 20 [1, рис. 3]. Большинство их относится к первому (VIII – 1-й треть IX в.), второму (833 г. – начало X в.), и началу третьего (нач. X в. – 938 г.) периодам обращения арабского дирхема по В. Л. Янину [1, с. 193].

Практически все укрепленные пункты раннего периода (Щепилово, Супруты, Дуна, Федяшево, Петровское, Дубики, Воротынцево, Гора Услань), представляют собой поселения, организованные на площадках городищ ранних эпох, не оснащенные собственной системой фортификации. Объяснением этому может служить внутри- и внешнеполитическая стабильность в регионе, и, как следствие, отсутствие необходимости в мощных укреплениях [34, с. 188–223].

Основными типами сосудов на поселениях раннего периода являются груболепные горшки и миски роменской традиции (рис. 3, *III*). Посуда орнаментирована пальцевыми вдавлениями, отпечатками веревочного штампа, насечками острым предметом, нанесенными, в основном, по краю венчиков сосудов, в редких случаях – по плечикам [1, рис. 21]. Наиболее характерными украшениями восточнославянского круга для памятников этого периода являются лучевые серьги 1-го (рис. 5, *6*) и 2-го (рис. 5, *7, 8*) этапов развития (по А. В. Григорьеву). [35, с. 219–226]. Еще одним массовым типом украшений в это время служат трапециевидные привески с пуансонным орнаментом (рис. 5, *10, 11*).

На протяжении раннего периода население региона испытывает сильное влияние материальной культуры Хазарского каганата. Наиболее ярко это проявляется в наборе украшений и элементах воинской культуры. Самыми популярными типами украшений степного культурного круга являются серьги «салтовского типа», перстни и бубенчики (рис. 5, *9, 12–14*). Детали поясного набора (рис. 4, *II*), а так же подавляющее большинство професси-

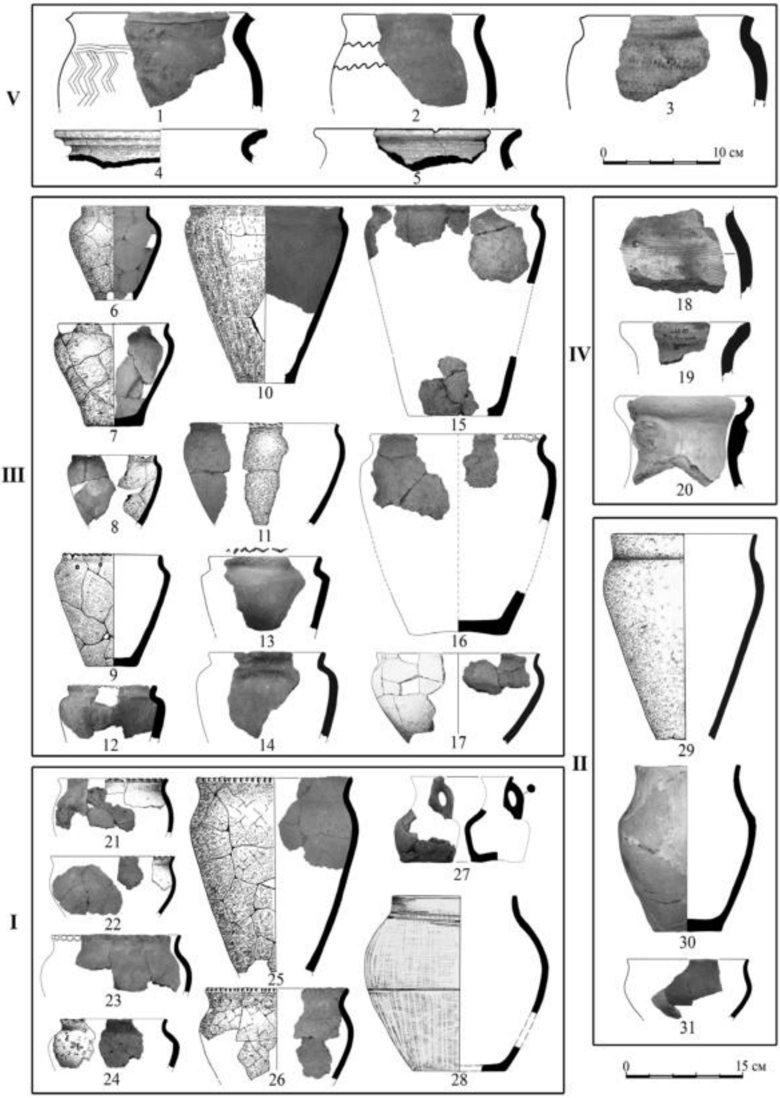


Рис. 3. Находки керамических сосудов:

I – 2-я пол. VII – VIII в.; *II, III, IV* – IX – 1-я пол. X в.; *V* – 2-я пол. X – нач. XI в.;

1 – селище Сотино-1; *2* – городище Лобынское; *3* – городище Вырск; *4,5* – городище Кетри; *6–11, 25, 26, 29, 30* – городище Супруты; *12–14* – городище Петровское; *15, 27* – городище Гора Услань; *16, 21–24, 31* – селище Каменка-1; *17–20* – селище Уткино-1; *28* – селище Торхово-3;

1–3 – раннекруговые; *4, 5, 18–20, 28* – круговые; *6–17, 21–27, 29–31* – лепные

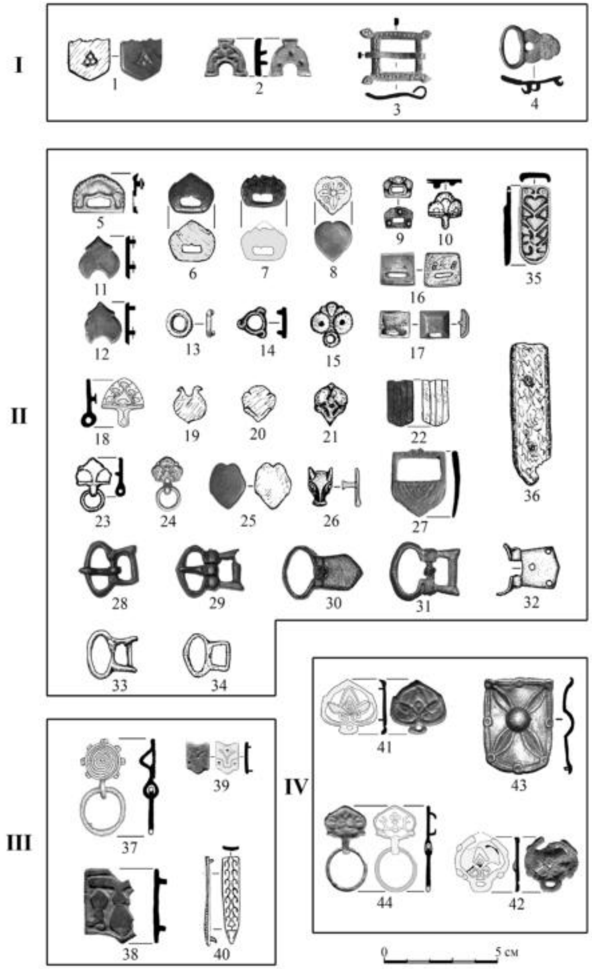


Рис. 4. Находки предметов ременной гарнитуры, маркирующих различные периоды славянского освоения региона:

I – 2-я пол. VII – VIII в.; *II* – IX – 1-я пол. X в.; *III* – 2-я пол. X – нач. XI в.; *IV* – группа находок венгерского круга древностей, из комплексов сер. – 2-й пол. X в.;

1, 5–8, 19–22, 25, 26, 28–31, 33, 34, 36, 43 – городище Супруты; *2* – селище Б. Тризново-3; *3* – мемориальный комплекс у д. Гора Услань; *4* – городище Никулино; *9, 14, 32* – селище Устье-2; *10, 23, 24* – городище Чертово Городище; *11, 12* – городище Федяшево; *13* – селище Каменка-1; *15* – курганный могильник Тшлыково; *16, 35* – селище Торхово-3; *17* – городище Петровское; *18* – селище Слободка-1; *27, 38, 44* – городище Акиньшино; *37* – городище Спицино; *39* – селище Б. Тризново-4; *40* – курганный могильник Панское; *41, 42* – городище Лобынское;

1–7, 9–14, 17–23, 25–44 – бронза; *8, 15, 16, 24* – серебро

ональных предметов вооружения и конского снаряжения, обнаруженных на поселениях (рис. 5, *16–18*), имеют аналогии в материалах салтово-маяцкой культурно-исторической общности [17, с. 268–281; 36].

Базовым памятником для раннего периода является городище Супруты, которое гибнет в результате военного разгрома [5, с. 184]. С теми же событиями исследователи связывают финал эталонного славянского памятника на левом берегу Оки – городища «Чертово городище» [37, с. 113–119]. Вместе с гибелью Супрутского городища прекращают свое существование памятники раннего периода, составлявшие инфраструктуру торгового пути [24, с. 51–60].

Выделение памятников следующего, среднего периода является второй, наиболее актуальной проблемой в изучении славянских древностей Окско-Донского водораздела. Вопрос о времени их возникновения непосредственно связан с вопросом датировки финала памятников предыдущего, раннего этапа. Ответить на него возможно, обратившись к материалам Супрутского городища.

Дискуссия относительно времени гибели славянского поселения на городище продолжается не одно десятилетие. Варианты, предлагаемые исследователями, имеют значительный хронологический разброс – с кон. IX до кон. X в. [1, с. 187]. Остановимся на двух основных точках зрения. Одна из них отражена в хронологии А. В. Григорьева и основана на изучении нумизматического комплекса памятника. Согласно ей, поселение гибнет не позднее 1-й четв. X в. [5, с. 135–139]. Вторая версия основана на изучении предметов конской упряжи североевропейского происхождения, содержащихся в Супрутском кладе 1969 г. и в культурном слое городища (рис. 5, *20*). Исходя из анализа этих находок, было выдвинуто предположение, что финал поселения не мог наступить ранее сер. X в. [38, с. 121].

На сегодняшний день вторая версия выглядит более убедительной. В ее пользу можно так же привести еще ряд находок, обнаруженных как в построечных комплексах, так и на разрушенных участках культурного слоя Супрутского городища: украшения (рис. 5, *21*), предметы вооружения (рис. 5, *19*) и конского снаряжения (рис. 5, *20*; рис. 4, *43*), элементы поясного набора (рис. 5, *22*). Все они находят прочные аналогии в североевропейских и древнерусских материалах X–XI вв. [39, с. 27–29; 40, с. 256–269], а так же в венгерских древностях Карпатской котловины 2-й пол. X в. [36]. Показательными являются находки североевропейских наконечников стрел типов D1 и D2 по Э. Вэгре (рис. 5, *23–26*), которые датируются в рамках 2-й пол. X – 1-й пол. XI в. Они были обнаружены на городищах Супруты и Чертово Городище [41, с. 114–125]. Упомянутые находки маркируют финал памятников раннего периода, который, вероятнее всего, состоялся не ранее сер. X в. [39, с. 29].

После гибели Супрутского городища, являвшегося, по-видимому, административным и военным центром, неизбежным является изменение топографии расселения. Утрата контроля над крупными водными артериями превращает их из источника дохода в источник потенциальной опасности. В связи с этим было выдвинуто предположение, что поселения переносятся на мелкие, не судоходные притоки крупных рек [5, с. 141–143]. Полевые исследования последних лет были ориентированы на эту версию. Был изучен ряд памятников, расположенных в отдалении от основных речных магистралей региона: на городищах Спицино, Лобынское, Акиньшино, и селище Б. Тризново-4 были проведены раскопки, городища Першино, Нижняя Городня, Вырск, селища Сотино-1, Образцово-2 обследованы разведочными методами. Все они имели в своем комплексе материалы, датирующиеся не ранее сер. X в.

Эталонным памятником 2-й пол. X в., для нашего региона на сегодняшний день является городище Спицино на р. Апрань (рис. 1, *87*; 2, *III: 13*). Горизонт этого времени на городище маркируется находками предметов североевропейского происхождения: серебряной подвески с орнаментом в виде валют (рис. 5, *29*), фрагмента подковообразной бронзовой фибулы (рис. 5, *30*), иглы от овальной скандинавской фибулы [42, с. 50–66].

В результате раскопок 2022 г. на городище Лобынское была исследована жилая постройка с печкой каменкой в углу [43]. Датирующей находкой для этого комплекса является игла от подковообразной фибулы с орнитоморфным изображением у основания (рис. 5, *27*), датированная 2-й пол. X–XI вв. [39, рис. 3, *7*]. Очевидно, к тому же времени относится найденный на памятнике профиль раннекругового сосуда с волнистым орнаментом по плечику (рис. 3, *2*). [1, рис. 22, *2*].

На городище Акиньшино горизонт 2-й пол. X в. выделяется благодаря находкам фрагментов раннекруговой посуды [39, рис. 4, *3*] и пятиугольной поясной накладки (рис. 4, *38*), имеющей аналогии в материалах 2-й пол. X – нач. XI вв. Древней Руси, Верхнего Поволжья и Приуралья [17, с. 274].

На селище Б. Тризново-4 была исследована жилая постройка, содержащая серию раннекруговой керамики, характерной для 2-й пол. X – нач. XI вв. [18]. Кроме того, с селища происходит поясная накладка (рис. 4, *39*), имеющая прямые аналогии в материалах Древней Руси 2-й пол. X в. [17, с. 274].

Основаниями для датировки городищ Першино, Нижняя Городня, Вырск, селищ Сотино-1 и Образцово-2 являются находки раннекруговой керамики (рис. 3, *1, 3*), характерной для периода 2-й пол. X – нач. XI вв. [39, рис. 4].

Помимо вещей древнерусского и североевропейского круга обращает на себя внимание серия предметов ременной гарнитуры, находящих наиболее близкие аналогии в древностях венгров (рис. 4, *IV*). Они концентрируются в

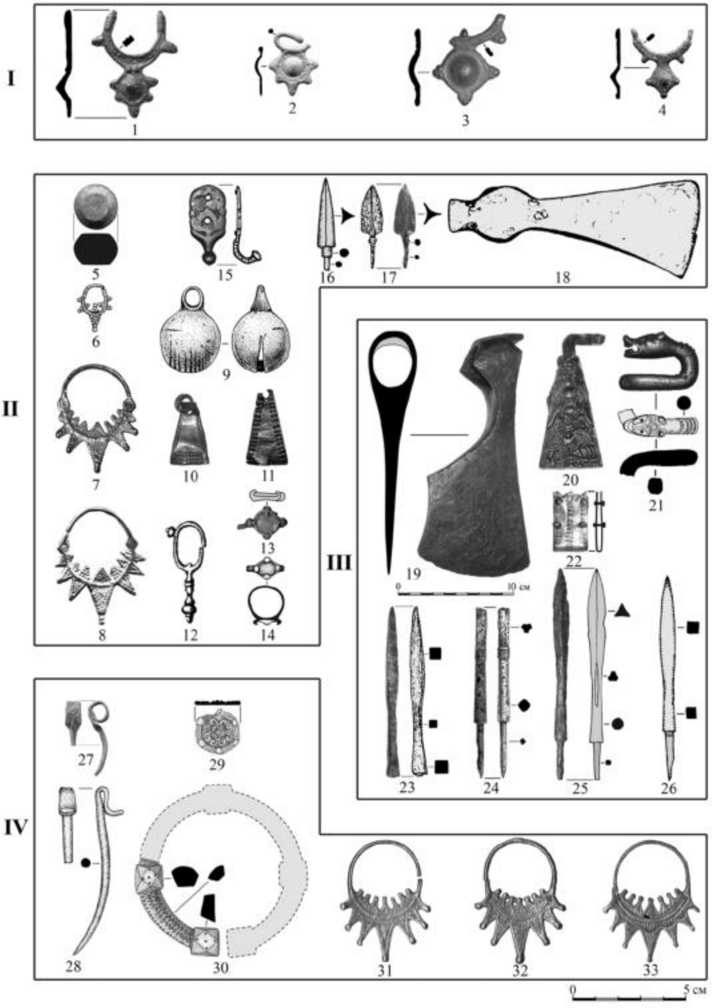


Рис. 5. Находки украшений, деталей костюма и предметов вооружения:

I – 2-я пол. VII – VIII в.; *II* – IX – 1-я пол. X в.; *III* – находки, маркирующие финал базовых памятников IX – 1-я пол. X в.; *IV* – 2-я пол. X – нач. XI в.;

1 – местонахождение у д. Темрянь; *2–4* – селище Б. Трзново-3; *5* – городище Федяшево; *6, 14* – селище Устье-2; *7–10, 12, 15, 19–25* – городище Супруты; *11* – селище Торхово-3; *13* – городище Петровское; *16, 18* – селище Уткино-1; *17* – селище Слободка-1; *26* – городище Чертово Городище; *27* – городище Лобынское; *28–30* – городище Спицино; *31–33* – Полтевский клад;

1–4, 9–11, 13–15, 20, 21, 27, 30 – бронза; *6–8, 12, 22, 29, 31–33* – серебро; *16–19, 23–26, 28* – железо; *5* – биметаллическое изделие

горизонте финала раннего – среднего периода. Эти находки позволяют предположить наличие второй волны степного влияния на население региона после ослабления и впоследствии гибели Хазарского каганата [36].

Еще один тип поселений, который явно отличается от памятников раннего этапа, – однослойные городища, единственный период жизни на которых синхронен возведенным на них укреплениям. Их керамический комплекс представлен исключительно лепными сосудами роменского типа. Исследованы два таких городища: Снедка (рис. 1, *85*; 2, *III: 11*) и Фурсово-2 (рис. 1, *107*; 2: *III: 17*). Как и памятники среднего периода, они исключены из системы речного торгового пути – расположены на удалении 2–4 км от основных водных магистралей региона. Оба городища погибли в пожаре. Отсутствие датирующих находок не позволяет достоверно соотнести эти памятники ни с одним из этапов славянского освоения региона. Однако появление собственного фортификационного строительства, вероятно, связано с дестабилизацией обстановки, наступившей после гибели военного и административного центра на городище Супруты в сер. X в. Предположительно, эти городища могли возникнуть вскоре после гибели Супрут и просуществовать крайне непродолжительное время [44, с. 141–161; 45, с. 181–196].

В отличие от раннего периода, монетные и денежно-вещевые клады представлены всего 2-мя находками: комплексами у д. Полтево и д. Щепотьево (рис. 2, *III: 10, 18*). Младшие монеты этих кладов относятся к кон. 70-х гг. X в. Кроме того, в кладе, найденном у д. Полтево, содержится набор лучевых височных колец (рис. 5, *31–33*) 3-го этапа развития (по А. В. Григорьеву). Они имеют множественные аналогии в комплексах посл. четв. X – нач. XI в. Находки этих кладов демонстрируют включение региона в восточноевропейскую экономическую среду после прекращения действия Верхнеокского участка Донского торгового пути [39, с. 36].

Начало следующего, позднего периода представлено двумя памятниками – городищами Тимофеевка (рис. 1, *90*; 2, *III: 14*) и Кетри (рис. 1, *41*; 2, *III: 4*). Главной их чертой является наличие в комплексах, помимо лепной роменской и раннекруговой, значительного количества гончарной древнерусской посуды. При этом, если интересующий нас горизонт городища Кетри датируется кон. X – 1-й пол. XI в. [29, с. 172–204], то раннее поселение на городище Тимофеевка, по мнению А. В. Григорьева, продолжает существовать вплоть до кон. XI в. [5, с. 141]. Оба городища расположены на мелких притоках р. Упы в небольшом отдалении от их устья, и, в отличие от укрепленных поселений раннего и среднего периодов, за их валами расположены селища с синхронными материалами.

Таким образом, на сегодняшний день динамика развития славянских древностей Окско-Донского водораздела на протяжении VIII–X вв. представляется следующим образом.

Основную роль в сложении этнокультурной картины Окско-Донского водораздела в VIII в. играли древности типа Сахновки-Волынцево. Кроме того, в этот и последующий периоды, вероятно, сохранялись остатки населения, бытовавшего на территории региона с сер. III по сер. VII в. Материалы мемориального комплекса у д. Гора Услань указывают на участие в освоении региона в предроменский период представителей степного круга культур эпохи раннего Хазарского каганата.

В IX в. возникает множество памятников, материальная культура которых соотносима с древностями роменского типа. Они связаны с Верхнеокским участком Донского торгового пути: поселения расположены на берегах его основных магистралей. Они прекращают существование в результате военного нашествия, которое наиболее ярко зафиксировано на городище Супруты. Судя по комплексу находок с памятника, имеющих аналогии в древнерусских и североевропейских древностях, оно произошло не ранее сер. X в.

После этих событий возникает группа поселений среднего периода. Этот процесс связан с прекращением функционирования Верхнеокского участка Донского торгового пути. Памятники этого времени расположены на удалении от крупных водных артерий региона. В их комплексах встречаются предметы, демонстрирующие постепенный переход региона в древнерусскую культурную среду. Набор керамики с этих памятников состоит из лепной посуды роменского типа и небольшого процента раннекруговых сосудов наиболее архаичных форм. Хронологические рамки памятников среднего периода можно ограничить сер. – 2-й пол. X в.

Следующий, поздний этап представлен двумя городищами – Тимофеевка и Кетри, возникающими в кон. X в. Они сохраняют топографию, сходную с поселениями среднего периода. В их керамическом комплексе, помимо лепной роменской и раннекруговой, содержится значительный процент древнерусской гончарной керамики. Жизнь на этих городищах продолжается и в XI в.

Во 2-й пол. – кон. XI в. роменская культура на памятниках Окско-Донского водораздела полностью замещается древнерусской. Это связано с включением территории в состав Черниговского княжества в результате походов черниговского князя Владимира Всеволодовича Мономаха в начале 80-х гг. XI в. С этого времени для нашего региона наступает следующий исторический период – древнерусский [47, с. 221–263].

Библиографические ссылки

1. *Колоколов А. М.* Эпоха формирования Древнерусского государства // Археология Окско-Донского водораздела. Книга 1. С древнейших времен до Средневековья. Тула, 2022. С. 184–202.

2. *Никольская Т. Н.* Культура племён бассейна Верхней Оки в I тысячелетии н. э. (МИА. № 72). Москва: Издательство Академии наук СССР, 1959. 150 с.

3. *Никольская Т. Н.* Земля вятичей: К истории заселения бассейна верхней и средней Оки в IX–XIII вв. Москва: Наука, 1981. 296 с.

4. *Григорьев А. В.* Северская земля в VIII – начале XI века по археологическим данным. Тула: Гриф и К°, 2000. 263 с. (Труды Тульской археологической экспедиции. Вып. 2.).

5. *Григорьев А. В.* Славянское население водораздела Оки и Дона в конце I – начале II тыс. н. э. Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово поле», 2005. 207 с.

6. *Прошкин О. Л.* Славянское освоение территории Калужского края // Труды регионального конкурса научных проектов в области гуманитарных наук. Вып. 4. Калуга, 2003. С. 173–198.

7. *Прошкин О. Л.* Чертово Городище. Освоение славянами Верхнего Поочья. Калуга: Золотая аллея, 2011. 144 с.

8. *Воронцов А. М.* Позднеримское время и эпоха Великого переселения народов (конец II–VII в.) // Археология Окско-Донского водораздела. Книга 1. С древнейших времен до Средневековья. Тула, 2022. С. 142–184.

9. *Кренке Н. А.* Позднедьяковская культура на территории бассейна Москвы-реки // Раннеславянский мир. Вып. 17. Раннесредневековые древности лесной зоны Восточной Европы (V–VII вв.). Москва, 2016. С. 261–332.

10. *Ахмедов И. Р.* Проблема «финального» периода культуры рязано-окских финнов (к современному состоянию вопроса) // Раннеславянский мир. Вып. 13. Археология Восточной Европы в I тысячелетии н. э. Проблемы и материалы. Москва, 2010. С. 7–34.

11. *Екимов Ю. Г., Колоколов А. М.* Материалы VIII–X вв. поселения Каменка-1 в меридиональном течении Верхней Оки // Куликово Поле: история и археология. Тула, 2023. С. 208–235.

12. *Казанский М. М.* Археологическая ситуация в Среднем Поднепровье в VII в. // Раннеславянский мир. Вып. 15. Проблемы взаимодействия населения Восточной Европы в эпоху Великого переселения народов. Москва, 2014. С. 45–137.

13. *Обломский А. М., Родинкова В. Е.* Этнокультурный перелом в Поднепровье в VII в. н. э. Хронология событий // КСИА. 2014. Вып. 235. С. 381–403.

14. *Колоколов А. М.* Лепная керамика роменского типа с городища Супруты // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Т. II. Санкт-Петербург–Москва–Великий Новгород, 2011. С. 52–53.

15. *Григорьев А. В.* О возможности внутренней периодизации Супрутского городища // Стародавній Іскоростень і слов'янські гради. Том 1. Коростень, 2008. С. 95–99.

16. *Воронцов А. М.* Отчет об археологических исследованиях на городище Супруты Щекинского района Тульской области в 2006 году. Том 1. // Архив ИА РАН. № Р-1. 36010. 2006.

17. *Колоколов А. М.* Элементы поясной гарнитуры с памятников VIII–X веков Окско-Донского водораздела // АЕС. 2023. № 3. С. 268–281.

18. *Колоколов А. М., Простяков И. С.* Селище Большое Тризново–4: к вопросу о хронологии и топографии неукрепленных поселений Окско–Донского водораздела второй половины X в. // Археологические вести. 2024. № 44. С. 153–164.

19. *Щеглова О. А.* О двух группах «древностей антов» в Среднем Поднепровье // Материалы и исследования по археологии Днепровского Левобережья. Курск, 1990. С. 162–204.

20. *Родинкова В. Е.* Женский костюм днепровских племен в эпоху Великого переселения народов: современное состояние исследований. // Новые исследования по археологии стран СНГ и Балтии: материалы Школы молодых археологов. Кириллов, 3–12 сентября 2011 года. Москва, 2011. С. 239–265.

21. *Рябцева С. С.* О находках украшений византийско-дунайских типов VIII–X вв. на территории Поднепровья и Поднестровья // Древности Восточной Европы: сб. науч. тр. к 90-летию Б. А. Шрамко. Харьков, 2011. С. 252–262.

22. *Григорьев А. В.* О финальном этапе волынцевских древностей // Стародавній Іскоростень і слов'янскі гради VIII–X ст. Кіев, 2004. С. 23–25.

23. *Колоколов А. М.* Поминальный комплекс 2-й половины VII–VIII вв. у д. Гора Услань // Поволжская археология. 2023. № 2 (44). С. 173–188.

24. *Григорьев А. В.* Верхнеокский участок донского торгового пути в IX – начале X вв. // Археология Юго-востока Руси. Материалы IV научной конференции. Елец, 2006. С. 51–60.

25. *Гоняный М. И.* Предварительные результаты археологических исследований на селище IX – начала X века Устье 2 в верховьях Дона // Восточнославянский мир Днепро-Донского междуречья в эпоху средневековья. Тула, 2020. С. 62–101.

26. *Разуваев Ю. Д.* Городище у д. Дубики // Археологические памятники эпохи железа восточноевропейской лесостепи: Межвузовский сборник научных трудов. Воронеж, 1987. С. 121–128.

27. *Володин Е. О.* Отчет о научных археологических исследованиях, проведенных на селище Щучье-1 в Веневском районе Тульской области в 2015 г. // Архив ИА РАН. №Р-1. № 49109. 2015.

28. *Суханов Е. В.* Об аморфной таре селища Устье 2 (предварительные сведения) // Восточнославянский мир Днепро-Донского междуречья в эпоху средневековья. Тула, 2020. С. 102–106.

29. *Шебанин Г. А., Колоколов А. М.* Материалы IX–X вв. селища Слободка-1 на р. Шат // Куликово Поле: история и археология. Тула, 2023. С. 410–434.

30. *Колоколов А. М.* Поселение IX–X вв. на городище у д. Гора Услань на р. Упа, в системе верхнеокского участка Донского торгового пути // МИАДЛ. Вып. VI. Курск, 2023. С. 252–267.

31. *Зацаринный С. В.* Славянское селище в устье р. Холкельцы на северной окраине г. Тулы // Куликово Поле: история и археология. Тула, 2023. С. 240–259.

32. *Григорьев А. В.* Весы и гирьки городища у с. Супруты // Материалы по истории и археологии России. Т. 2. Рязань, 2012. С. 121–134.

33. *Простяков И. С.* Отчет об археологических разведках на территории г. Тулы, Белевского, Дубенского и Щекинского районов Тульской области в 2022 году // Архив ИА РАН. Р–1. Б. н.

34. *Колоколов А. М.* Типология славянских городищ IX–первой половины XI вв. на территории Окско-донского водораздела // Археологическое наследие. № 1 (4). Воронеж, 2021. С. 188–223.

35. *Григорьев А. В.* Лучевые серьги (височные кольца) культур роменского круга древностей // Верхнедонской археологический сборник. Вып. 5. Липецк, 2010. С. 219–226

36. *Колоколов А. М.* Находки предметов вооружения и конского снаряжения степного круга древностей с памятников IX–X вв. Окско-Донского водораздела // Уфимский археологический вестник. 2023. Т. 23, № 2. С. 136–154.

37. *Прошкин О. Л.* Чертово городище и Супруты – яркие памятники роменской эпохи на Верхней Оке // Русский сборник. Вып. 8. Том 1. Брянск, 2016. С. 113–119.

38. *Новиков В. В.* Об одном типе скандинавских оголовий X в. с территорий Древней Руси и Скандинавии // Археологические вести. 2012. Вып. 18. С. 108–123.

39. *Колоколов А. М.* Хронология памятников X века на территории Окско-Донского водораздела // Историко-географический журнал. 2023. Т. 2. № 1. С. 24–43.

40. *Колоколов А. М.* Находка подковообразной фибулы с зооморфными окончаниями из раскопа XXVIII на городище Супруты // КСИА. 2022. Вып. 267. С. 256–269.

41. *Колоколов А. М., Простяков И. С.* Материальная культура горизонта X в. на городище у д. Спицино // Поволжская археология. 2021. № 4 (38). С. 50–66.

42. *Простяков И. С., Колоколов А. М., Столяров Е. В.* Раскопки на городище у д. Лобынское в черте г. Тула // Археологические исследования в Центральном Черноземье 2022. Липецк–Воронеж, 2023. С. 235–237.

43. *Григорьев А. В., Колоколов А. М.* Славянское городище у д. Снедка Одоевского р-на Тульской области // Славянские древности VIII–XI веков на территории лесной и лесостепной зоны Восточной Европы: к 60-летию А. В. Григорьева. Тула, 2021. С. 141–161.

44. *Колоколов А. М.* Славянское городище у с. Фурсово на реке Исте // Археологическое наследие. № 1 (2). Воронеж, 2019. С. 181–196.

45. *Колоколов А. М., Простяков И. С., Столяров Е. В.* Городище X–XII вв. у бывшей деревни Кетри // Славянские древности VIII–XI веков на территории лесной и лесостепной зоны Восточной Европы: к 60-летию А. В. Григорьева. Тула, 2021. С. 172–204.

46. *Колоколов А. М., Шеков А. В.* Древнерусский период // Археология Окско-Донского водораздела. Книга 1. С древнейших времен до Средневековья. Тула, 2022. С. 221–263.

ЗАГОРЫНЫ-1 (МАЗЫРСКАЕ ПАЛЕССЕ) – АД НЕАЛІТУ ДА ЭПОХІ ЖАЛЕЗА (ПАДСУМАВАННЕ ВЫНІКАЎ АРХЕАЛАГІЧНАГА ДАСЛЕДАВАННЯ)

М. М. Крывальцэвіч

*Інстытут гісторыі НАН Беларусі, вул. Акадэмічная, 1,
220072, г. Мінск, Рэспубліка Беларусь, mikola.kryvaltsevich@yandex.by*

Шматкультурны помнік Загорыны-1 адкрыў у 1962 г. У. Ф. Ісаенка. Ён вывучаў яго раскопам у 1967 г. і эпізадычна ў 1960–1970-я гг. паверхневымі зборамі. У 1978 г. Загорыны-1 абследаваў Р. І. Міхальчышын, а ў 2000-ыя гады – М. М. Крывальцэвіч. Няма ўпэўненасці ў адкрыцці на помніку могільніка «палескай групы культуры шнуравой керамікі», як тое сцвярджаў У. Ф. Ісаенка. Акрамя параўнальна вялікай колькасці знаходак ранняга і позняга неаліту ўсходнепалескага варыянту днепра-данецкай культуры, у Загорынах-1 вылучаецца комплекс матэрыялаў «шнуравога перыяду» (канец першай паловы/сярэдзіны III – пачатку II тыс. да н. э.), асобныя фрагменты керамікі тшцінецкага культурнага кола, позняга перыяду бронзавага веку і мілаградскай культуры ранняга жалезнага веку.

Ключавыя словы: неаліт; бронзавы век; кола культуры шнуравой керамікі; сярэднедняпроўская культура; тшцінецкае культурнае кола.

ЗАГОРИНЫ-1 (МОЗЫРСКОЕ ПОЛЕСЬЕ) – ОТ НЕОЛИТА ДО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА (ПОДВЕДЕНИЕ ИТОГОВ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ)

Н. Н. Кривальцевич

*Институт истории НАН Беларуси, ул. Академическая 1,
220072, г. Минск, Республика Беларусь, mikola.kryvaltsevich@yandex.by*

Многокультурный памятник Загорины-1 был открыт в 1962 г. В. Ф. Исаенко. Он изучал его раскопом в 1967 г. и эпизодически в 1960–1970-е гг. поверхностными сборами. В 1978 г. Загорины-1 обследовал Р. И. Михальчишин, а в 2000-е гг. – Н. Н. Кривальцевич. Нет уверенности в открытии на памятнике могильника «полесской группы культуры шнуровой керамики», как то утверждал В. Ф. Исаенко. Кроме сравнительно большого количества находок раннего и позднего неолита восточнополесского варианта днепро-донецкой культуры, в Загоринах-1 выделяется комплекс материалов «шнурового периода» (конец первой половины/середина III – начало II тыс. до н. э.), отдельные фрагменты керамики тшинецкого культурного круга позднего периода бронзового века и милоградской культуры раннего железного века.

Ключевые слова: неолит; бронзовый век; круг культуры шнуровой керамики; среднеднепровская культура; тшинецкий культурный круг.

ZAGORYNY-1 (MAZYRSKAJE PALESSE) – FROM THE NEOLITHIC TO THE IRON AGE (SUMMING-UP OF RESULTS OF ARCHAEOLOGICAL RESEARCH)

M. M. Kryvaltsevich

*Institute of History of the NAS of Belarus, Academic str., 1,
220072, Minsk, Republic of Belarus, mikola. kryvaltsevich@yandex. by*

The multicultural site Zagoryny-1 was discovered in 1962 by U. F. Isaenka. He explored it by excavation in 1967 and episodically in the 1960s and 1970s by collect on the surface. R. I. Mikhalchyshyn explored Zagoryny-1 in 1978, M. M. Kryvaltsevich in 2000s. There is no certainty about the discovery on the site of the burial ground of the «Palesse group of Corded Ware Culture», as claimed by U. F. Isaenka. In addition to a relatively large number of finds of the Early and Late Neolithic of the Eastern Palesian variant of the Dnipro-Donets culture, there is a complex of materials from the «corded period» (end of the first half / middle of the 3rd – beginning of the 2nd millennium BC), fragments of pottery of Trzciniec Cultural Circle, Late Bronze Age and Milagrad Culture of the Early Iron Age in Zagoryny-1.

Keywords: Neolithic; Bronze Age; Circle of Corded Ware Culture; Middle Dnieper Culture; Trzciniec Cultural Circle.

Уступ. Помнік Загорыны-1 быў адкрыты У. Ф. Ісаенкам у 1962 г. Ён вывучаў гэты помнік невялікім раскопам і паверхневымі зборамі, згадваў у археалагічных публікацыях 1960–1990-ых гг. як адзін з апорных усходнепалескіх комплексаў днепра-данецкай неалітычнай культуры і «палескай групы культуры шнуравой керамікі» [1, с. 43, 45; 2, с. 49; 3, с. 86; 4, с. 258]. Тэрыторыя помніка пабурана ў 1970-ыя гады лесапасадкамі, і на яго месцы цяпер расце лес.

Мной неаднаразова праводзілася абследаванне Загорын-1 у перыяд з 2003 да 2019 гг., вывучаліся старыя (1960–1970-ых гг.) і новыя калекцыі (2000-ых гг.), у першую чаргу матэрыялы позняга неаліту і бронзавага веку, аналізаваліся публікацыі і справаздачы аб палявых даследаваннях У. Ф. Ісаенкі, што дазволіла выявіць некаторыя хібы ў ранейшых інтэрпрэтацыях і прапанаваць аўтарскую версію культурна-храналагічнага падзелу матэрыялаў помніка. Дагэтуль не рабіўся сістэмны тыпалагічны аналіз керамікі «шнуравога перыяду» Загорын-1 – аднаго з самых прадстаўнічых комплексаў на помніку. У гэтай сувязі мной прапануецца тыпалогія адпаведнай керамікі з вылучэннем асноўных культурных кампанентаў у яе складзе, разглядаюцца найбольш верагодныя крыніцы іх паходжання, абазначаецца кола тыпалагічна блізкіх помнікаў.

Гісторыя вывучэння. Шматкультурны помнік Загорыны-1, які знаходзіцца за паўднёвай ускраінай в. Загорыны (Прудоцкі сельскі савет, Мазырскі раён, Гомельская вобласць), адкрыў У. Ф. Ісаенка ў 1962 г. [5, с. 21–23;

2, с. 49; 4, с. 258] (рыс. 1, *А, Б*). Знаходкі – крэмень і фрагменты керамікі – ён збіраў на разбураных участках бязлеснай паверхні. Абследаванне Загорын-1 паверхневымі зборамі У. Ф. Ісаенка эпізадычна працягваў і пазней – у 1966, 1967, 1973, 1975, 1976, 1978 гг. [6, с. 25–26; 7, с. 2; 8, с. 6–7; 9, с. 21; 10, с. 52–53; 11, с. 14; 1, с. 43, 45; 2, с. 49; 3, с. 86; 4, с. 258]. Ва ўступе да справаздачы аб палявых даследаваннях 1967 г. У. Ф. Ісаенка паведамляў пра раскоп плошчаю 60 м^2, якім ён вывучаў *«паселішча палескай групы шнуравой керамікі»* каля Загорын [7, с. 2][1]. Пра найбольш верагоднае месца размяшчэння раскопа – паўночная ўскраіна помніка – можна толькі здагадвацца, параўноўваючы сістэму ўмоўных пазначэнняў на схематычным плане Загорын-1 у справаздачы У. Ф. Ісаенкі за 1967 г. [7, рис. 21] (рыс. 2, *А*). Зрэшты, прыведзенымі вышэй згадкамі і абмяжоўваецца інфармацыя пра раскоп у Загорынах-1. Пры праглядзе ўсіх даступных калекцый з помніка не заўважаліся якія-небудзь сведчанні пра раскопачны матэрыял.

У справаздачы за 1978 г. У. Ф. Ісаенка піша пра разбурэнне тэрыторыі Загорын-1 і знішчэнне рэштак культурнага пласта лесапасадкамі па схілу рачной тэрасы і карэннага берага [11, с. 14]. У гэтай жа справаздачы паведамляецца пра абследаванне і паверхневыя зборы на групе помнікаў у нізоўях ракі Тур (Прудок) каля вёсак Загорыны, Лучажэвічы, Мерабеля, у тым ліку на Загорынах-1, якія здзяйсняў украінскі археолаг з Львова Р. І. Міхальчышын [11, с. 14–15, 24]. У ілюстрацыйным дадатку да справаздачы змешчана фотакопія схематычнай карты помнікаў у нізоўях ракі Тур (Прудок) з подпісамі па-украінску [11, рис. 49] (рыс. 2, *В*). Аўтарам карты, мабыць, і быў Р. І. Міхальчышын. Побач з Загорынамі, Лучажэвічамі, Мерабеляй, у адпаведнасці са згаданай схематычнай картай, абазначаецца, у розных варыянтах нумарацыі і падзелу, ад 12 да 16 пунктаў збора археалагічнага матэрыялу.

Ужо ў тэксце справаздачы аб палявых даследаваннях 1966 г. У. Ф. Ісаенка піша пра Загорыны-1 не толькі як пра паселішча, але і пра знойдзеныя тут сляды могільніка «ранняй бронзы», г. зн. «шнуравога перыяду» [6, с. 25–26]. Пазней паведамленне пра грунтовы могільнік культуры шнуравой керамікі, альбо ў інтэрпрэтацыі У. Ф. Ісаенкі «культуры шнуравой керамікі Палесся», «палескай групы культуры шнуравой керамікі», у Загорынах-1 неаднаразова згадвалася ў яго публікацыях [2, с. 49; 3, с. 86; 4, с. 258].

Праблема адкрыцця слядоў грунтовага могільніка культуры шнуравой керамікі ў Загорынах-1 застаецца адкрытай. У справаздачнай дакументацыі і ў публікацыях У. Ф. Ісаенкі, акрамя кароткай тэкставай згадкі *a priori*, няма неабходнай у такім разе сістэмы абгрунтаваных доказаў і сведчанняў існавання пахаванняў, не кажучы ўжо пра археаметрыю пахавальных аб'ектаў.

[1] Паведамленне адным сказам: *«Возле д. Загорины в Мозырском районе проводились небольшие раскопки на поселении полесской группы шнуровой керамики (вскрыта площадь в 60 кв. м).»* [7, с. 2].

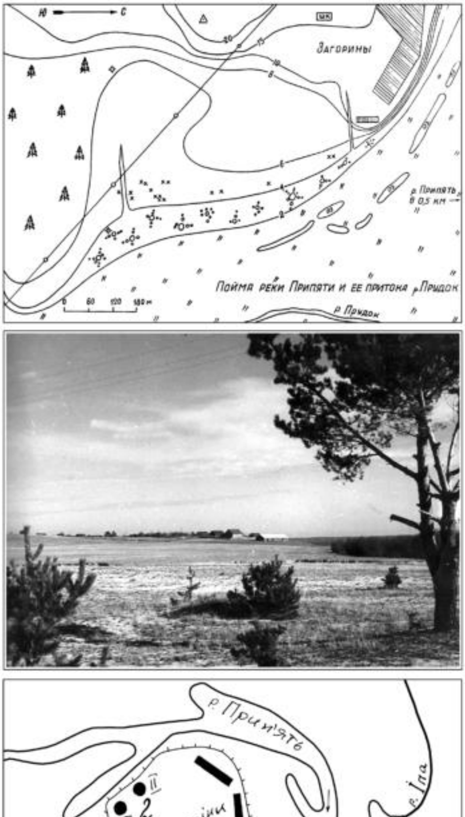
А

Рыс. 1. А – лакалізацыя Загорын-1 на тапаграфічнай карце;
Б – абазначэнне месца збора артэфактаў на помніку Загорыны-1 у 2000-ых гадах (з выкарыстаннем карты онлайн сэрвіса Google Maps)

A

Б

В



Рыс. 2. А – схематычны план Загорын-1, складзены У. Ф. Ісаенкам, з абазначэннем зоны распаўсюджання знаходак (касыя крыжыкі) і раскопа 1967 г. (невялікі прамакутнік з вертыкальнай штрыхоўкай) (?) [7, рис. 21];

Б – фотаздымак Загорын-1 (1967 г.) [7, рис. 21];

В – схематычны план (1978 г.) размяшчэння Загорын-1 (абазначана арабскай і лацінскай лічбай лічбай «адзін») і іншых выяўленых і даследаваных Р. І. Міхальчышыным (?) помнікаў у нізоўях р. Тур [7, рис. 21]

Спарадычна ў яго тэкстах сустракаліся звесткі, якія, мабыць, ён лічыў аргументамі на карысць меркавання пра могільнік: згадкі пра развалы гаршкоў культуры шнуравой керамікі, пра каменную свідраваную сякеру (сякеры?), якую знаходзілі каля Загорын і якая захоўвалася ў школе. Аднак, ні ў калекцыйным матэрыяле Загорын-1, ні на апублікаваных У. Ф. Ісаенкам ілюстрацыях няма керамічных форм, якія маглі б пацвердзіць звесткі пра развалы гаршкоў культуры шнуравой керамікі. Няма малюнкаў ці фотаздымкаў свідраванай сякеры. Неабходна таксама дадаць, што ў згадках пра могільнік У. Ф. Ісаенка нічога не пісаў пра касцёвыя чалавечыя парэшткі альбо, напрыклад, пра сляды пахавальных ям. У сувязі з гэтым узнікаюць невырашальныя задачы па ідэнтыфікацыі грунтовага могільніка на месцы Загорын-1. Праблема ўсугубляецца тым, што на сёняшні дзень помнік разбураны ветравой эрозіяй, лесапасадкамі і практычна амаль не прыгодны для паўнавартасных раскопачных даследаванняў і пошукаў пахаванняў.

У справаздачнай дакументацыі У. Ф. Ісаенкі ёсць схематычны план і фотаздымак помніка [7, рис. 21] (рыс. 2, *А, Б*). Напэўна, здымак зроблены здалёк – з паўднёвага ўсходу, ад Лучажэвічаў, з правабярэжжа Тура (Прудка) (?). Па стану на 1960-ыя, пачатак 1970-ых гг., калі на помніку праводзіліся асноўныя паверхневыя зборы, паверхня Загорын-1 была адкрытая і амаль бязлесная. Паводле інтэрпрэтацыі У. Ф. Ісаенкі, Загорыны-1 – шматкультурны помнік. Сабраны матэрыял дазволіў яму вылучыць наступныя культурна-храналагічныя комплексы: мезалітычны, ранняга і позняга неаліту (днепра-данецкай неалітычнай культуры), «культуры шнуравой керамікі Палесся», тшцінецкай, мілаградскай і зарубінецкай (постзарубінецкай) культур.

У. Ф. Ісаенка, нягледзячы на разбураны стан культурнага пласта, назіраючы за стратыграфіяй некаторых ацалелых участкаў помніка, дзе захоўваліся глебавыя адклады, паспрабаваў вылучыць на помніку ранні (30 см) і позні (20 см) стратыграфічныя гарызонты. Паводле яго інтэрпрэтацыі, позні гарызонт – гумусаваны глебавы пласт – змяшчаў культурныя рэшткі позняга неаліту, бронзавага веку і эпохі жалеза, а ранні – падглебавы пласт – матэрыялы, характэрныя для мезаліту і ранняга неаліту. Паміж згаданымі гарызонтамі дзе-нідзе прасочваліся «дэлювіяльныя адклады» [10, с. 52–53; 2, с. 49; 4, с. 258]. Шкада, аднак, што ў ягоных працах адсутнічала зафіксаваная графічна ці фотаспосабам стратыграфічная калонка, гарызантальная планіграфія, якія маглі б адлюстраваць і пацвердзіць менавіта такі падзел культурнага пласта ў Загорынах-1.

Па выніках абследавання помніка ў 1973 г. ёсць згадка пра вуглістыя сляды і паглыбленні ў культурным пласце, якія, як мяркаваў У. Ф. Ісаенка, маглі быць рэшткамі жылых аб'ектаў (?) [8, с. 6–7], што яшчэ больш ускладняе разуменне стратыграфіі і функцыянальнага выкарыстання тэрыторыі Загорын-1 у старажытнасці.

Помнік абследаваўся мной у 2003[1], 2007[2], 2013, 2015[3], 2016, 2019 гг. Збор пад'ёмнага матэрыялу праводзіўся на даступных участках паверхні ўздоўж краю рачной тэрасы, у тым ліку на свежаразбураным паўднёвым адгалінаванні тэрыторыі помніка (рыс. 1, *Б*). У сабранай мной калекцыі пераважалі фрагменты неалітычнай керамікі (269 фр.), радзей сустракаліся дробныя рэшткі посуду кола культуры шнуравой керамікі (209 фр.), апрацаваны крэмень (86 экз.) і артэфакты іншых перыядаў.

У публікацыях і ў справаздачнай дакументацыі У. Ф. Ісаенкі інфармацыя пра колькасць сабраных у Загорынах-1 знаходак і пра іх асноўныя катэгорыі, у тым ліку па прыналежнасці да тых ці іншых культурна-храналагічных тыпаў, урыўкавая і няпоўная. Найбольш верагодна, калі аналізаваць тэксты справаздач, матэрыялы калекцый, якія захоўваюцца ў фондах Інстытута гісторыі НАН Беларусі і ў музеях, колькасць знаходак была крыху больш за адну тысячу адзінак. Пераважная частка сабранай ім калекцыі прыходзілася на матэрыялы неаліту, меншая – на іншыя катэгорыі знаходак «шнуравога перыяду», бронзавага веку, эпохі жалеза. Дадам, паводле тагачаснай практыкі палявых даследаванняў, у тым ліку аўтарства У. Ф. Ісаенкі, у калекцыю браліся не ўсе археалагічныя знаходкі, параўнальна вялікая колькасць керамічных фрагментаў і крэменю выбракоўвалася і пакідалася на помніку (параўн.: [12, с. 92]), што, прынамсі, прасочваецца ў матэрыялах збораў У. Ф. Ісаенкі на Загорынах-1.

Лакалізацыя помніка. Помнік знаходзіцца на левабярэжжы вусця ракі Тур (Прудок) – правага прытока Прыпяці. Матэрыялы пачынаюць сустракацца праз некалькі дзесяткаў метраў на поўдзень ад паўднёвай ускраіны вёскі Загорыны (Прудоцкі сельскі савет, Мазырскі раён, Гомельская вобласць) і лакалізуюцца, паводле майго абследавання, уздоўж края рачной тэрасы на працягу амаль 330 м (рыс. 1). З разведак У. Ф. Ісаенкі 1960–1970-ых гг. вынікае, што тэрыторыя фіксацыі рэштак культурнага пласта, аб'ектаў і артэфактаў на Загорынах-1 дасягала 300–500х120 м (зборы на плошчы ад 36000 да 60000 м^2) і знаходзілася на ўзроўні каля 4 і болей метраў над ўзроўнем поймы рэк Тур і Прыпяць (рыс. 2, *А*). На поўдзень і паўднёвы ўсход ад Загорын-1 лакалізаваліся іншыя месцазнаходжанні з аналагічнымі матэрыяламі і з прывязкамі да вёсак Мерабеля, Лучажэвічы (рыс. 2, *В*), што сведчыць пра асваенне і выкарыстанне старажытнымі людзьмі практычна ўсіх, параўнальна высокіх, прылеглых ускраін тэрасы ўздоўж рэк Тур і Прыпяць.

Схематычны план з абазначэннем зоны распаўсюджання знаходак, які захаваўся ў справаздачы У. Ф. Ісаенкі за 1967 г., з'яўляецца адзіным планіграфічным дакументам Загорын-1 [7, рис. 21] (рыс. 2, *А*). Ён дапаўняецца фо-

[1] сумесна з А. М. Сінілам, А. І. Чарняўскім.

[2] сумесна з В. С. Вяргей.

[3] сумесна з У. В. Грыбам.

таздымкам 1967 г. [7, рис. 21] (рыс. 2, *Б*). Маё абследаванне суправаджалася абазначэннем на картах месцаў збора артэфактаў у 2000-ых гг. (рыс. 1, *Б*). Дадам, што амаль на ўсёй сучаснай тэрыторыі помніка расце лес.

Вынікі тыпалагічнага падзелу керамікі і крамянёвых вырабаў. У даступных аўтару археалагічных калекцыях з Загорын-1 на сённяшні дзень налічваецца болей за паўтары тысячы артэфактаў. Калекцыі складаюцца з фрагментаў керамікі і крамянёвых вырабаў, якія захоўваюцца ў археалагічных фондах Інстытута гісторыі НАН Беларусі (зборы У. Ф. Ісаенкі, М. М. Крывальцэвіча), у Нацыянальным гістарычным музеі (зборы У. Ф. Ісаенкі) і ў Мазырскім аб'яднаным краязнаўчым музеі (зборы У. Ф. Ісаенкі). Матэрыялы адносяцца да каменнага, бронзавага і жалезнага вякоў.

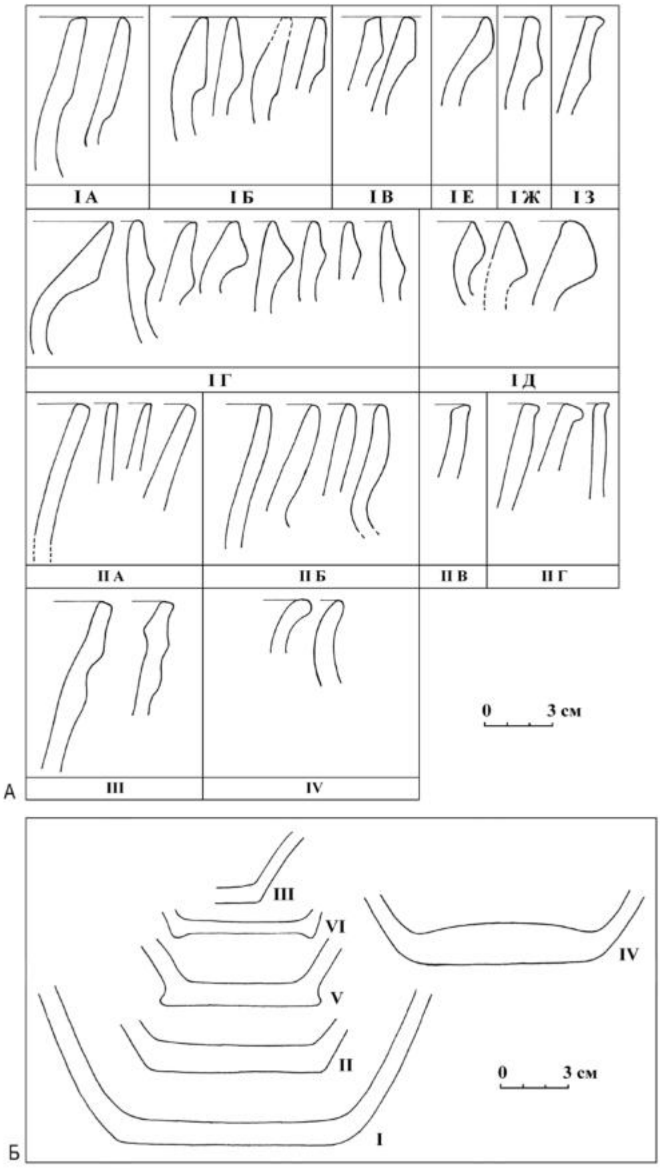
Большая частка фрагментаў керамікі і вырабаў з крэменю адпавядае азнакам *неаліту*. Сабраны ў 1960–1970-ых гг. неалітычны матэрыял У. Ф. Ісаенка дзяліў на два асноўныя культурна-храналагічныя таксоны: ранненеалітычны і познанеалітычны. Для ранняга неаліту (V–IV тыс. да н. э.) ён вылучаў у Загорынах-1 грабенчата-накольчатую кераміку ранніх этапаў днепра-данецкай культуры, якая, паводле яго заключэння, узнікла на ўсходзе Палесся пад уздзеяннем буга-днястроўскай культуры [2, с. 49–57, 113–115]. У Загорынах-1 прадстаўлены таксама перыяд позняга неаліту (III–пачатак II тыс. да н. э.), калі, на яго думку, завяршаецца трэці і развіваецца чацвёрты этапы днепра-данецкай культуры [2, с. 85–107, 115]. Неабходна дадаць, што крытэрыям таксонаў ранненеалітычнага і познанеалітычнага перыядаў, якія вылучаў у Загорынах-1 У. Ф. Ісаенка, адпавядае частка сабраных мной керамічных і крамянёвых вырабаў.

Калі прапанаваная У. Ф. Ісаенкам версія таксанамоміі комплексу днепра-данецкай культуры застаецца прыярытэтнай, то ў дачыненні да матэрыялаў «шнуравога перыяду» і наступных перыядаў эпохі бронзы ўзнікае неабходнасць паглыбленага аналізу і рэінтэрпрэтацыі.

Даступнымі для вывучэння былі крыху болей за 400 фрагментаў керамікі *«шнуравога перыяду»* (канец першай паловы/сярэдзіна III – пачатак II тыс. да н. э.) (рыс. 3–6; 7, *1–13*; 8, 9). Згаданы комплекс знаходак вылучаўся на падставе спецыфікі тэхналогіі, марфалогіі і арнаментальнага аздаблення. Азнакі і методыка ідэнтыфікацыі такога тыпу комплексаў распрацоўваліся мной на матэрыяле шэрагу іншых помнікаў Прыпяцкага Палесся (Азярное-1, Старыя Юрковічы-1, Бухліцкі Хутар-1 і інш.) (гл., напрыклад: [13, с. 7–25; 14, с. 116–123; 15, с. 219–242]).

Прапануецца наступная тыпалогія керамікі «шнуравога перыяду» з Загорын-1.

Паводле візуальнага вывучэння, вылучаюцца тры тэхналагічныя групы шнуравой керамікі. Група 1 характэрызуецца прысутнасцю ў фармовачнай масе буйных і дробных крупінак шамоту, у некаторых выпадках у тым ліку



Рыс. 3. Загорыны-1. Кераміка:

А – групы марфалогіі венцаў-шыек керамікі «шнуравога перыяду»; *Б* – групы марфалогіі донных-прыдонных частак «шнуравога перыяду».

Малюнкі аўтара

і пяску. На асобных фрагментахназіраюцца шамоцістыя інгрэдыенты ў выглядзе невялікіх частачак старога посуду. У кераміцы першай групы паверхня параўнальна гладкая. Кераміка тэхналагічнай групы 1 – самая масавая на помніку. Радзей сустракаліся абломкі шнуравога посуду, якія вылучаюцца ў тэхналагічную групу 2. У гэтай кераміцы таксама прасочваюцца дададзеныя да гліны штучныя дамешкі шамоту, але паверхня рэльефна прыціралася знутры і звонку, альбо толькі знутры пасудзін. Адзінкавыя фрагменты аднесены да тэхналагічнай групы 3. У гліне такой керамікі прысутнічала жарства, а паверхня была гладкая альбо са слядамі прыцірання.

Неабходна дадаць, што таўшчыня сценак у посудзе трох груп вагалася ў межах ад 0,5–0,6 да 0,7–0,9 см.

Марфалогію шнуравога посуду з Загорын-1 можна аналізаваць толькі па формах венцаў–шыек, донных–прыдонных частак і радзей тулаваў. На падставе параўнання профіляў вылучаюцца венцы–шыйкі груп I–IV з падзелам на адпаведныя падгрупы (А–Д) (рыс. 3, *А*).

Група I. Венцы–шыйкі з «каўнерыкамі». Сярод іх па форме, па вышыні «каўнерыкаў», вылучаецца восем падгруп (А–Д). Кераміка з венцамі–шыйкамі групы I самая распасюджаная ў комплексе «шнуравога перыяду» (рыс. 3, *А, IА–IД*).

Група II. Прамыя, адхіленыя вонкі венцы–шыйкі. Дзеляцца па формах профіляў на чатыры падгрупы (А–Г) (рыс. 3, *А, IIА–IIГ*). Сустракаюцца радзей ў параўнанні з венцамі–шыйкамі групы I.

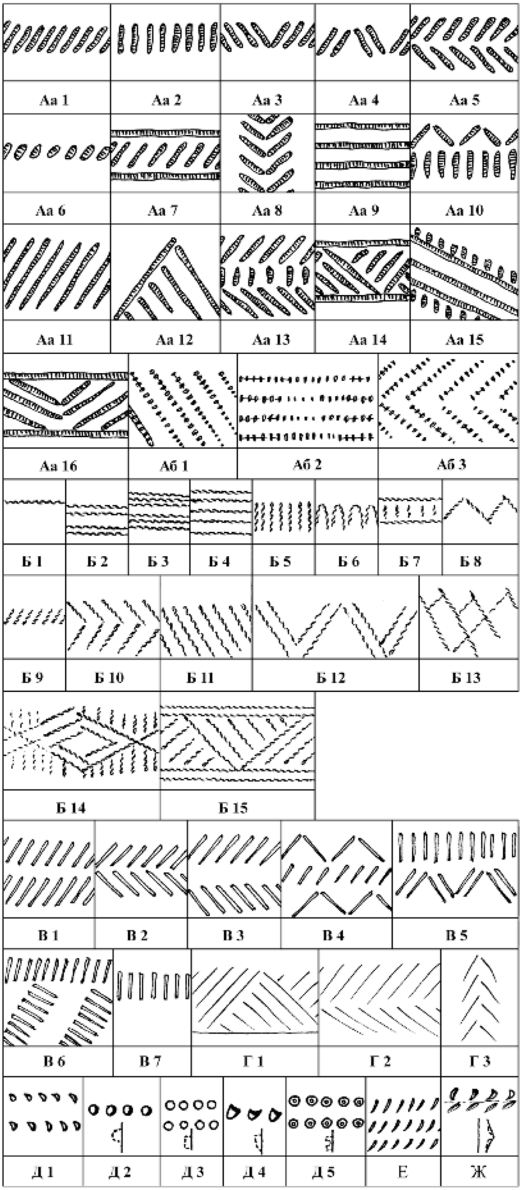
Група III. Прамыя, адхіленыя вонкі венцы–шыйкі з валікамі (рыс. 3, *А, III*). У складзе калекцыі іх налічваецца некалькі экзэмпляраў.

Група IV. Кароткія выгнутыя вонкі венцы–шыйкі (рыс. 3, *А, IV*). Адзінкавыя знаходкі.

Сярод невялікай колькасці донных–прыдонных частак «шнуравых» пасудзін па форме профіля вылучаюцца наступныя іх групы (мал. 3: Б): I – плоска-акруглыя; II – плоскія; III – плоскія завужаныя; IV – плоска-акруглыя, патоўшчаныя; V – плоскія з бакавымі закраінамі; VI – плоскія з выступаючым краем па ніжняму доннаму перыметру.

Донныя часткі, як правіла, ляпіліся асобна і прымацоўваліся да ніжняй стужкі гаршка. Дыяметры донцаў, параметры якіх можна было памераць, дасягалі 6–10 см.

Стан захаванасці керамічнай калекцыі не дазваляе паўнавартасна аднавіць макрамарфалогію шнуравога посуду Загорын-1. Форма большасці пасудзін набліжалася, відаць, да высакагорлых тыпаў гаршкоў (рыс. 5, *1–3*; 6, *5–7*), радзей сустракаліся рэшткі посуду з кароткімі выгнутымі вонкі венцамі са стромкім пераходам ад шыйкі да плечукоў і тулава (рыс. 3, *А, IV*; 7, *1*). Абазначаецца яшчэ адзін профіль гаршка, у якога назіралася паступовае звужэнне шыйнай часткі ў накірунку да гарлавіны з паступовым пашы-

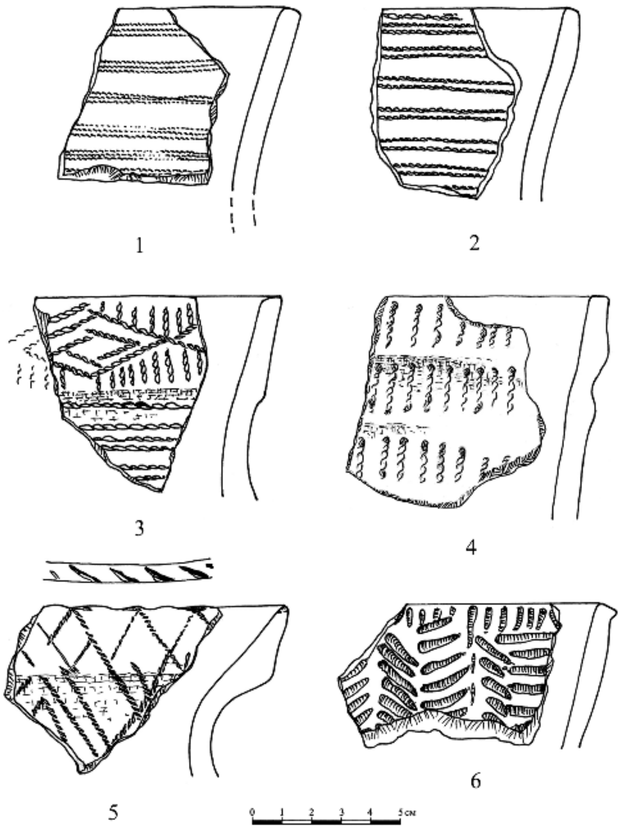


Рыс. 4. Загорыны-1. Групы і падгрупы арнаментальных матываў на кераміцы «шнуравога перыяду».

Малюнкі аўтара

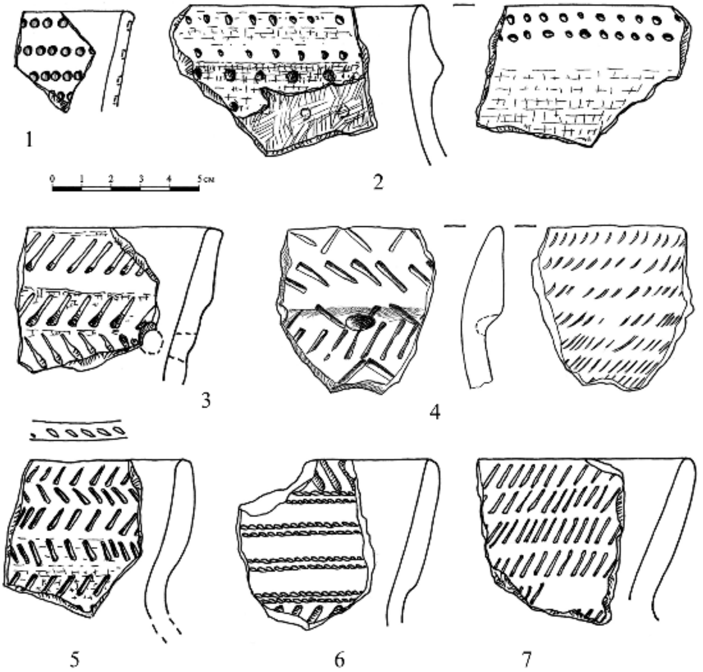
рэннем на тулаве і выразным перагінам на пераходзе да прыдоннай часткі (рыс. 9, *4*). Апошняя форма набліжаецца да профіляў мясцовых гаршкоў «ляснога неаліту».

Пры тыпалогіі арнаментацыі керамікі «шнуравога перыяду» з Загорын-1 вылучаліся групы аздаблення на падставе сістэматызацыі матываў і ў залежнасці ад элементаў, якімі яны выконваліся (рыс. 4). У прыватнасці, «вусеневымі» адбіткамі (Аа, Аб) наносіліся матывы груп Аа1–16 і Аб1–3 (рыс. 4; 5, *6*; 6, *6*; 7, *3, 4, 8–10, 12*; 8, *3–5, 7, 10*; 9, *5*). Калі матывы Аа1–16 утвараліся адбіткамі шчыльна наматанай на аснову ніткай, то групы Аб1–3 – вынік прыкладання асновы з рэдка наматанай ніткай. Вылучаюцца шнуравыя арнаменты груп Б1–15 (рыс. 4; 5, *1–5*; 6, *6*; 7, *3, 8, 9, 11*; 8, *9, 10*; 9, *4*). Сярод арнаментаў абазначаюцца матывы груп В1–7, якія наносіліся адбіт-



Рыс. 5. Загорыны-1. Кераміка «шнуравога перыяду».

Малюнкі аўтара



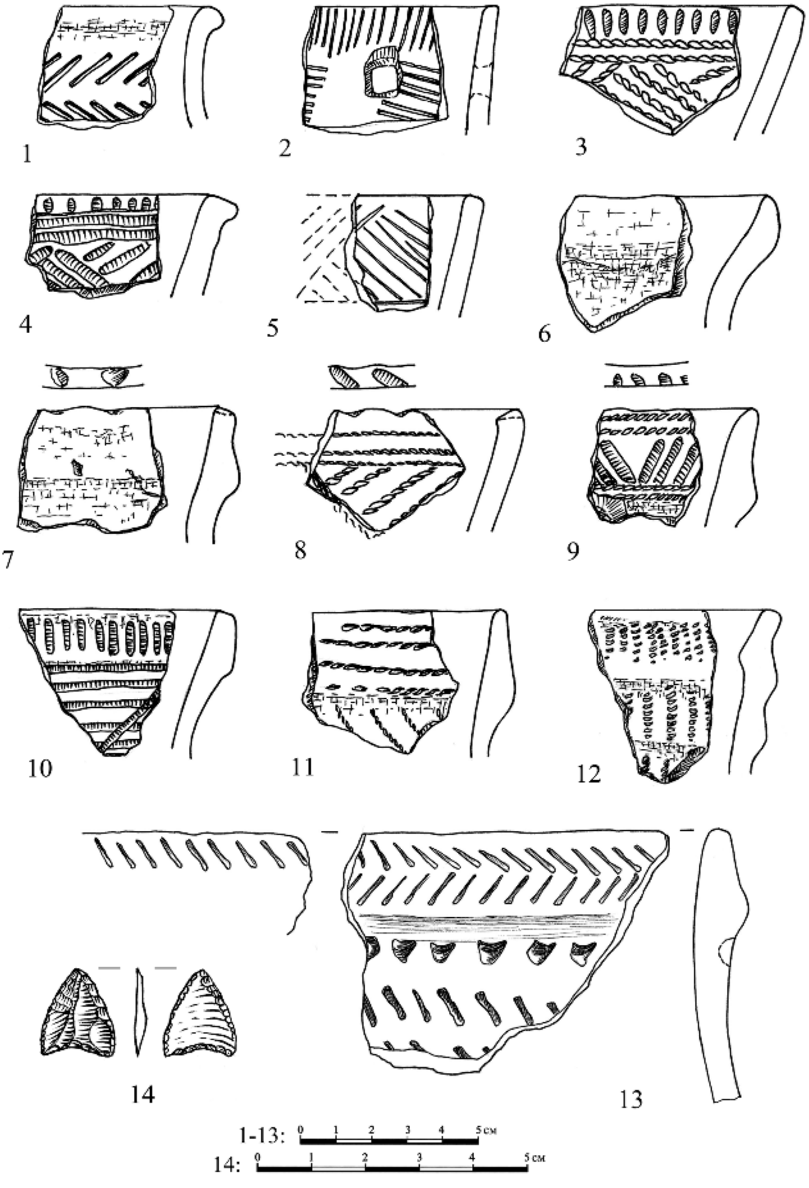
Рыс. 6. Загорыны-1. Кераміка «шнуравога перыяду».

Малюнкі аўтара

камі лінейных штампаў (рыс. 4; 6, *3–5, 7*; 7, *1, 2, 13*; 8, *1, 2, 8*). Параўнальна невялікім быў набор матываў, якія ўтвараліся пракрэсленымі лініямі (групы Г1–3) (рыс. 4; 7, *5*; 9, *1*), наколамі, ямкамі (групы Д1–5) (рыс. 4; 6, *1, 2, 4*; 7, *7, 13*; 9, *3*). Група Е – матывы з выкарыстаннем насечак (рыс. 4; 6, *4*), група Ж – арнаментацыя пальцава-пазногцевымі ўцісканнямі (рыс. 4; 8, *5, 6*).

Колькасна пераважалі фрагменты керамікі, якія выконваліся «вусеневымі», шнуравымі арнаментамі, лінейнымі штампамі. Адзінкавымі былі керамічныя абломкі з іншымі арнаментамі. Аздабленне канцэнтравалася на верхняй палове пасудзін. Сустракаліся фрагменты донных і прыдонных частак з арнаментамі (рыс. 9, *5*), што, напэўна, сведчыць пра пакрыццё пэўнай катэгорыі керамікі арнаментальнымі матывамі па ўсёй паверхні. Частая з'ява – нанясенне элементаў аздаблення па краях і па тарцу, а часам і пад унутраным краем венца.

Як ужо адзначалася, вялікая колькасць *крамянёвых артэфактаў*, сабраных на помніку, суадносіцца з неалітычным комплексам днепра-данецкай культуры [2, с. 49–57, 85–107]. Адзінкавыя крамянёвыя вырабы, калі

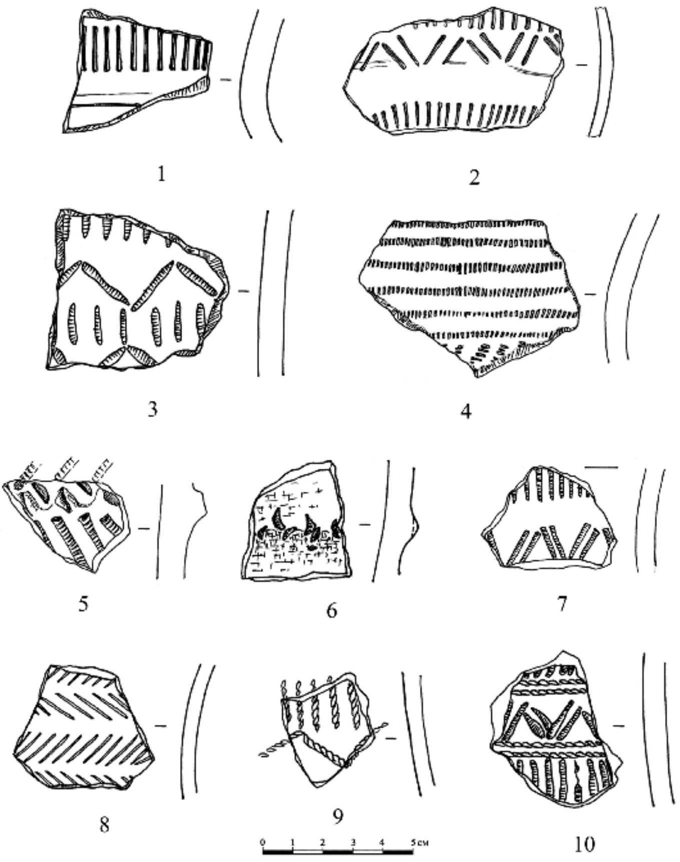


Рыс. 7. Загорыны-1:

1–13 –кераміка, *14* – крамянёвы наканечнік стралы «шнуравога перыяду».

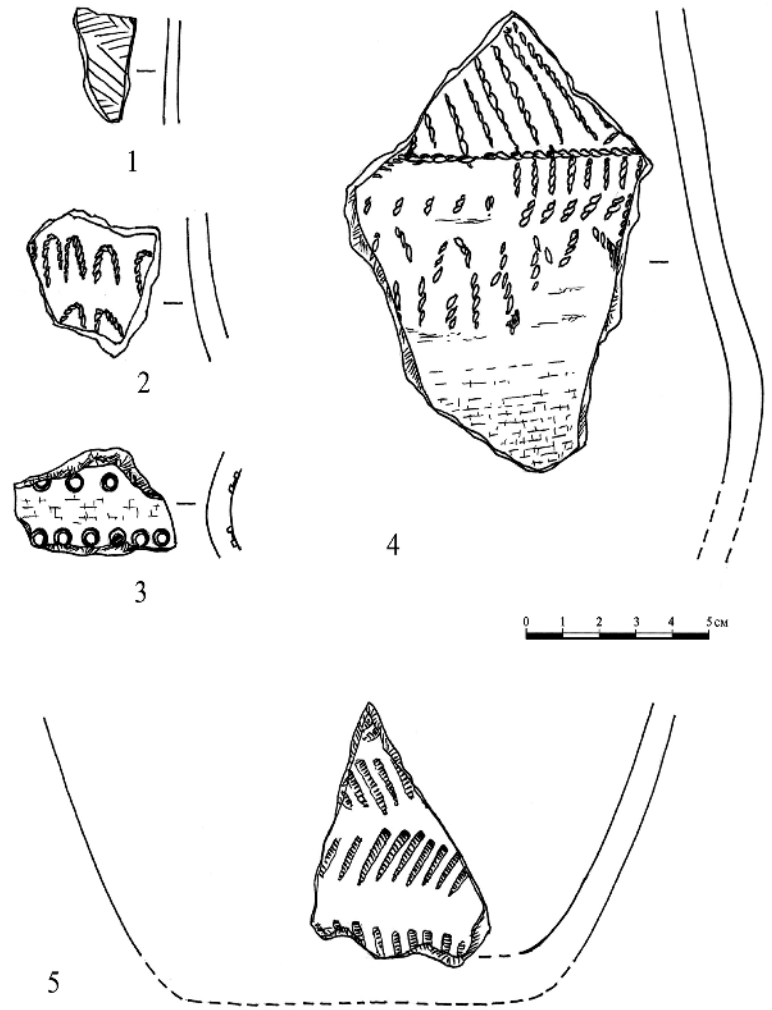
Малюнкі аўтара

параўноўваць іх з закрытымі комплексамі, у першую чаргу пахавальнымі, тэарэтычна атаясамляюцца з «шнуравым перыядам». Да гэтай катэгорыі адносяцца наканечнікі стрэл трохвугольнай формы з двухбаковай апрацоўкай з выемкай і без выемкі на аснове. У складзе апрацавай калекцыі адзначалася пяць такіх вырабаў – чатыры з прамой асновай і адзін з выемкай на аснове (рыс. 7, *14*). Зрэшты, першы тып наканечнікаў можна сустрэць сярод інвентару не толькі «шнуравых» комплексаў, але і позніх этапаў днепра-данецкай культуры, на помніках культуры шарападобных амфар і некаторых іншых сінхронных культур. Другі тып таксама ўжываўся не толькі носьбітамі кола культуры шнуравой керамікі, але і некаторых іншых адначасовых культур позняга неаліту і перыяду пераходу да бронзавага веку.



Рыс. 8. Загорыны-1. Кераміка «шнуравога перыяду».

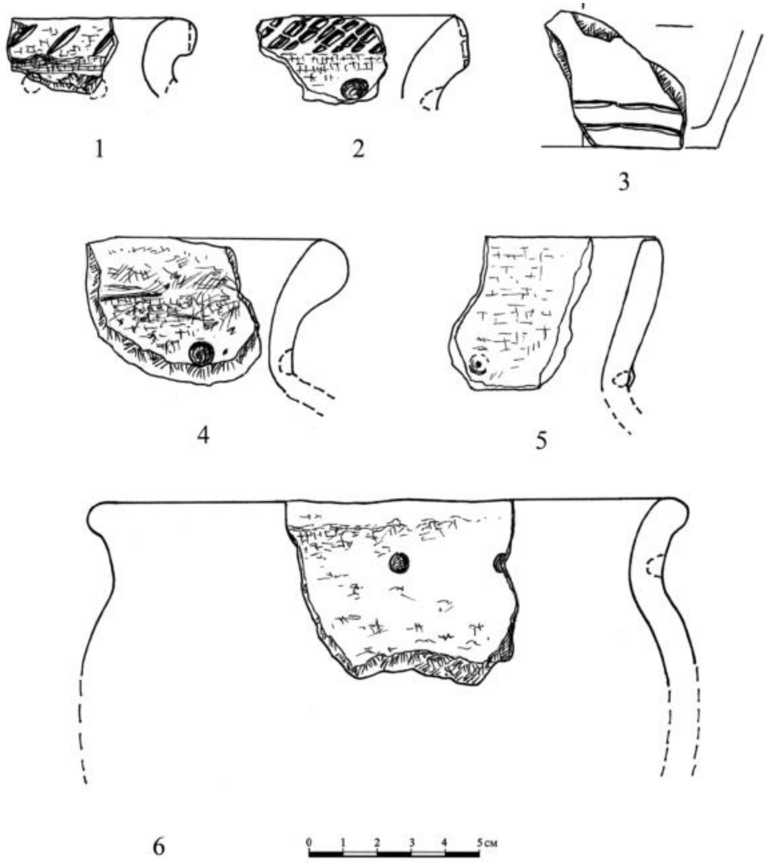
Малюнкі аўтара



Рыс. 9. Загорыны-1. Кераміка «шнуравога перыяду».

Малюнкі аўтара

Акрамя матэрыялаў «шнуравога перыяду» у Загорынах-1 вылучаецца кераміка *тшцінецкага культурнага кола* (3 фр.): два венцы–шыйкі (рыс. 10, *1, 2*) і прыдонная частка гаршка (рыс. 10, *3*). На фрагментах захаваліся сляды зубчастага арнаменту (рыс. 10, *2*), насечак (рыс. 10, *1*) па краях венцаў і ямак на шыйках (рыс. 10, *1, 2*), пракрэсленых ліній на прыдоннай частцы (рыс. 10, *3*). Кераміка гладкасценная, з дамешкамі жарствы.



Рыс. 10. Загорыны-1:

1–3 – кераміка тшцінецкага культурнага кола; *4, 6* – позняга перыяду бронзавага веку; *5* – мілаградскай культуры.

Малюнкі аўтара

Адзначаюцца два фрагменты посуду з азнакамі, характэрнымі для мясцовага *позняга перыяду бронзавага веку* (рыс. 10, *4, 6*). Венцы закругленыя і патошчаныя, шыйкі параўнальна кароткія і выгнутыя. На шыйках нанесены круглыя ямкі. У гліну дадаваліся адтлушчальнікі – сярэдніх і буйных памераў жарства бялёсага і шэрага колераў. Паверхня не зусім гладкая, з часта выступаючымі на ёй краямі часцінак жарствы.

Адзін з венцаў атаясамляецца з керамікай *мілаградскай культуры* (рыс. 10, *5*). У кераміцы гладкая паверхня. Гліна замешвалася з дробнай жарствой.

Такім чынам, у выніку аналізу і тыпалагічнай сістэматызацыі артэфактнага матэрыялу ў складзе калекцыі з Загорын-1 вылучаюцца комплексы і асобныя знаходкі: неалітычнай днепра-данецкай культуры (усходнепалескі варыянт); «шнуравога перыяду», тшцінецкага культурнага кола, позняга перыяду бронзавага веку і мілаградскай культуры.

Аспекты культурна-храналагічнай інтэрпрэтацыі. Патрабуюць перагляду прапановы У. Ф. Ісаенкі па культурна-храналагічнай ідэнтэфікацыі матэрыялаў «шнуравога перыяду» з Загорын-1. Нагадаю, што мной неаднаразова разглядалася і аналізавалася праблема найбольш верагодных шляхоў генезісу і развіцця «шнуравой прасторы» на тэрыторыі Беларусі ў цэлым і таксаноміі асобных комплексаў «шнуравога перыяду» Палесся ў прыватнасці (гл., напрыклад: [13, с. 7–25; 14, с. 116–123; 15, с. 219–242; 16, с. 70–79; 17, с. 33–98; 18, с. 207–217; 19, с. 213–219; 20, с. 719–736; 12, с. 96–97, 100]).

У канцы першай паловы III – пачатку II тыс. да н. э. супольнасці тэрыторыі Беларусі былі складовай часткай культурна-камунікацыйнай прасторы, якая фармавалася і развівалася з удзелам шматлікіх экзагенных і эндагенных культурных традыцый. Сярод першых вялікае значэнне належала цэтральнаеўрапейскім культурам, галоўным чынам, Цыркумбалтыйскага культурнага кола: культуры шнуравой керамікі, культуры шарападобных амфар і інш. На позніх этапах акрэсленага перыяду пранікалі эпішнуравыя традыцыі прыкарпацкага культурнага кола, тыпы позняй шнуравой керамікі і культуры звонападобных кубкаў, што фіксуецца на матэрыялах палескіх помнікаў канца III – пачатку II тыс. да н. э. Да экзагенных неабходна залічваць традыцыі ямна-катакомбных культур, культурнага кола Бабіна і, напэўна, мар’янаўскага тыпу, якія найбольш выразна праяўляліся на паўднёвым усходзе Беларусі, і, у першую чаргу, у сярэднедняпроўскай культуры. Падмурак эндагеннай культурнай асновы складалі комплексы і шматлікія пражыткавыя элементы позніх груп мясцовага «ляснога неаліту».

Вялікае значэнне ў культурагенэзе ўсходнееўрапейскай прасторы ад Сярэдняга–Верхняга Падняпроўя да ўсходнебалтыйскіх земляў належала сярэднедняпроўскай культуры. Нагадаю, што сярэднедняпроўская культура, канцэнтрацыя пахаванняў і паселішчаў якой выяўляецца на Верхнім і Сярэднім Падняпроўі, узнікала ў працэсе ўзаемадзеяння культурных традыцый, з аднаго боку, лесастэпаў-стэпаў (ямна-катакомбных культур, культурнага кола Бабіна), з другога боку, мясцовых культур «ляснога неаліту», культур цэнтральнаеўрапейскага паходжання (культуры шнуравой керамікі, культуры шарападобных амфар, эпішнуравых культур і інш.) (гл., напрыклад, аналіз праблемы [17, с. 33–98; 19, с. 213–219; 20, с. 719–736]).

Матэрыялы «шнуравога перыяду» з Загорын-1, а гэта галоўным чынам кераміку, неабходна ў гэтай сувязі разглядаць у сістэме інтэррэгіянальнага і інтэркультурнага ўзаемадзеяння, як тое здзяйснялася мной для другіх анала-

гічных усходніх помнікаў Прыпяцкага Палесся (Старыя Юрковічы-1, Азярное-1, Бухліцкі Хутар-1 і інш.). Загорыны-1 – шматкампанентны комплекс, у якім вялікае значэнне, як і на пералічаных вышэй помніках Прыпяцкага Палесся, належала традыцыям сярэднеднепроўскай культуры.

Паралелі з керамікай пасяленцкіх комплексаў сярэднеднепроўскай культуры прасочваюцца ў марфалагічнай і арнаментальнай стылістыцы: ужыванне керамікі з «каўнерыкамі» (марфалогія групы I) і посуду з высокімі прамымі і адхіленымі вонкі шыйкамі (марфалогія групы II), у тым ліку вельмі часта ў спалучэнні з «вусеневым», шнуравым аздабленнем (групы А і Б); вялікая роля «вусеневых» арнаментальных элементаў і матываў (у тым ліку матываў груп Аб1–3). У Загорынах-1 ёсць шнуравыя матывы (напрыклад, групы Б5, Б6, Б8, Б9, Б12, Б13, Б15) (рыс. 4) ідэнтычныя Мохаву-4 (параўн. [20, мал. 4]) (рыс. 8, *9*; 9, *2*). Характэрныя для керамікі сярэднеднепроўскай культуры т. зв. «паркетныя» арнаменты, выкананыя шнуравымі, «вусеневымі» уцісканнямі, пракрэсленымі лініямі сустракаюцца і ў калекцыі Загорын-1 (матывы Аа14, Б15, Г1) (рыс. 4; 7, *3–5, 8*). Спалучэнне «шамоцістай» тэхналогіі, тэхнікі прыцірання паверхні, «вусеневага», шнуравога аздаблення, «каўнерыкавага» стылю ў марфалогіі, што часта сустракаецца ў адпаведнай кераміцы і паселішчаў сярэднеднепроўскай культуры і Загорын-1, дазваляе шукаць сувязь з эпішнуравымі комплексамі, у першую чаргу з стжыжоўскай культурай.

У першыя стагоддзі II тыс. да н. э. на Гомельскае і Мазырскае Палессе пранікае культура шматвалікавай керамікі (культурнае кола Бабіна). Вылучаюцца керамічныя тыпы са спалучэннем стылю аздаблення і тэхналогіі сярэднеднепроўскай культуры і культурнага кола Бабіна [21, p. 139–161]. Сярод керамікі ў Загорынах-1 ёсць адзінкавыя венцы–шыйкі групы III «шнуравога перыяду» (рыс. 3, *А, III*; 5, *4*; 7, *12*), якія, відаць, адлюстроўваюць кантакт з традыцыямі культурнага кола Бабіна.

У керамічным комплексе Загорын-1 прысутнічаюць характэрныя для культуры шнуравой керамікі кубкавыя формы посуду з высокімі прамымі гарлавінамі і акруглымі тулавамі, у якіх «шамоцістая» тэхналогія, прыціранне паверхні спалучаецца з шнуравымі арнаментамі, лінейнымі штампамі. У выніку кантактаў з носьбітамі культуры шнуравой керамікі ў Загорынах-1 мог з’явіцца рэльефны пальцава-пазногцевы хвалісты арнамент тыпу групы Ж (рыс. 4; 8, *5, 6*).

На керамічным матэрыяле Загорын-1 прасочваюцца элементы, якія сведчаць пра сувязі з культурай шарападобных амфар. Прынамсі, да гэтай катэгорыі азнак адносяцца некаторыя матывы, якія выконваліся лінейнымі штампамі (групы В4–В6) (рыс. 4; 7, *2*; 8, *2*), а таксама, напэўна, круглымі ямкамі (адбіткі тарцом полай сцяблін ці т. зв. «птушыным пяром») групы Д5 (рыс. 4; 9, *3*).

Захоўванне мясцовых эндагенных традыцый «ляснога неаліту» (днепра-данецкай культуры) назіраецца ў выкарыстанні накольчатых, ямкавых арнаментаў, насечак (матывы груп Д1–Д4) (рыс. 4; 6, *1, 2, 4*). Адзначаецца кераміка са спалучэннем лінейных штампаў, «каўнерыка» з ямкамі на шыйцы, насечкамі пад унутраным краем венца (рыс. 6, *4*). Да профіляў неалітычнага посуду набліжаецца адзін з фрагментаў гаршка са шнуравым арнаментам (рыс. 9, *4*).

Такім чынам, культурны змест керамічнага матэрыялу «шнуравога перыяду» у Загорынах-1 характэрызуецца шматкампанентнасцю з прысутнасцю традыцый сярэднедняпроўскай культуры, культуры шнуравой керамікі, культур эпішнуравога культурнага кола, культуры шарападобных амфар, «ляснога неаліту», культурнага кола Бабіна. Кампанентная структура Загорын-1 зближаецца з іншымі комплексамі «шнуравога перыяду» усходніх рэгіёнаў Прыпяцкага Палесся – Старымі Юрковічамі-1, Азярным-1, Бухліцкім Хутарам-1. Бадай, адна са спецыфік Загорын-1 у параўнанні з пералічанымі помнікамі – кераміка, якая ўзнікла пад уздзеяннем традыцый культурнага кола Бабіна. З іншага боку, дэтальны параўнальны аналіз «шнуравой» керамікі Загорын-1 і кожнага са згаданых усходнепалескіх комплексаў дазваляе адзначыць і адметныя, і сходныя стылістычныя рысы, што плануецца паказаць у іншых публікацыях аўтара.

Заключэнне. Шматкультурны помнік Загорыны-1 у Мазырскім Палессі адкрыў у 1962 г. У. Ф. Ісаенка. Ён даследаваў Загорыны-1 раскопам у 1967 г. і эпізадычна ў 1960–1970-ыя гг. паверхневымі зборамі. Найбольш верагодна, у 1978 г. пад'ёмны матэрыял на помніку збіраў украінскі археолаг Р. І. Міхальчышын. Паверхневыя зборы ў Загорынах-1 здзяйсняліся мной у 2000-ыя гг. Няма ўпэўненасці пра адкрыццё на помніку могільніка «палескай групы культуры шнуравой керамікі». Ва ўсялякім разе меркаванне У. Ф. Ісаенкі на гэты конт, калі аналізаваць яго публікацыі і справаздачную дакументацыю, падаецца мне не абгрунтаваным і апрыорным.

Акрамя параўнальна вялікай колькасці знаходак – керамікі і крамянёвых вырабаў – ранняга (V–IV тыс. да н. э.) і позняга неаліту (III–пачатку II тыс. да н. э.) усходнепалескага варыянту днепра-данецкай культуры, у Загорынах-1 вылучаецца комплекс матэрыялаў «шнуравога перыяду» (канец першай паловы/сярэдзіны III – пачатку II тыс. да н. э.), асобныя фрагменты керамікі тшцінецкага культурнага кола, позняга перыяду бронзавага веку і мілаградскай культуры ранняга жалезнага веку.

Вывучэнне параўнальна прадстаўнічай калекцыі керамікі «шнуравога перыяду» дазволіла аўтару прапанаваць версію культурна-храналагічнай інтэрпрэтацыі, заснаваную на кампанентным аналізе і ў сістэме інтэррэгіянальнага і інтэркультурнага ўзаемадзеяння. Культурны змест керамічнага матэрыялу «шнуравога перыяду» ў Загорынах-1 характэрызуецца шматкам-

панентнасцю з прысутнасцю традыцый сярэднедняпроўскай культуры, культуры шнуравой керамікі, культур эпішнуравога культурнага кола, культуры шарападобных амфар, «ляснога неаліту», культурнага кола Бабіна. Кампанентная структура Загорын-1 зближаецца з іншымі комплексамі «шнуравога перыяду» ўсходніх рэгіёнаў Прыпяцкага Палесся – Старымі Юрковічамі-1, Азярным-1, Бухліцкім Хутарам-1.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. *Исаенко В. Ф.* Археологическая карта Белоруссии. Минск: Полымя, 1968. 125 с. (Вып. 1. Памятники каменного века).

2. *Исаенко В. Ф.* Неолит Припятского Полесья. Минск: Наука и техника, 1976. 128 с.

3. *Исаенко В. Ф.* Археологическая карта Белоруссии. Минск: Полымя, 1976. 150 с. (Вып. 3. Памятники бронзового века).

4. *Ісаенка У. Ф.* Загорыны // Археалогія і нумізматыка Беларусі: энцыклапедыя. Мінск, 1993. С. 258.

5. *Исаенко В. Ф.* Отчет о полевых исследованиях в 1962 г. // ЦНА НАН Беларусі. ФАНД. Воп. 1. Арх. № 158.

6. *Исаенко В. Ф.* Отчет о полевых исследованиях в 1966 г. // ЦНА НАН Беларусі. ФАНД. Воп. 1. Арх. № 296.

7. *Исаенко В. Ф.* Отчет о полевых исследованиях в Полесье в 1967 году // ЦНА НАН Беларусі. ФАНД. Воп. 1. Арх. № 319.

8. *Исаенко В. Ф.* Отчет о полевых исследованиях Полесской неолитической группы в 1973 году // ЦНА НАН Беларусі. ФАНД. Воп. 1. Арх. № 442.

9. *Исаенко В. Ф.* Отчет Полесского неолитического отряда о полевых работах 1975 года // ЦНА НАН Беларусі. ФАНД. Воп. 1. Арх. № 521.

10. *Исаенко В. Ф.* Отчет о полевых исследованиях 1976 г. в Полесье // ЦНА НАН Беларусі. ФАНД. Воп. 1. Арх. № 551.

11. *Исаенко В. Ф.* Отчет о полевых исследованиях 1978 г. // ЦНА НАН Беларусі. ФАНД. Воп. 1. Арх. № 612.

12. *Крывальцэвіч М. М.* Праблематыка археалогіі бронзавага веку Палесся ў працах Уладзіміра Фёдаравіча Ісаенкі // МАБ. 2019. Вып. 30. С. 92–103.

13. *Крывальцэвіч М. М.* Азярное-1 – паселішча эпохі бронзы на поўначы Палесся. Мінск: Ін-т гісторыі НАН Беларусі, 1999. 108 с.

14. *Крывальцэвіч М. М.* Кераміка эпохі бронзы з паселішча Бухліцкі Хутар-1 на Гарыні // ГАЗ. 1994. № 5. С. 113–130.

15. *Крывальцэвіч М. М.* Старыя Юрковічы-1 – культурна-храналагічныя аспекты «шнуравога» комплексу // МАБ. 2010. Вып. 18. С. 219–242.

16. *Крывальцэвіч М., Ісаенка У., Майсеня С.* Кераміка «шнуравога» і «тшцінецкага гарызонтаў» паселішча Камень 2 (Заходняе Палессе) // ГАЗ. 2003. № 18. С. 69–91.

17. *Крывальцэвіч М. М.* Могільнік сярэдзіны III– пачатку II тыс. да н. э. на Верхнім Дняпры – Прорва-1. Мінск: Ін-т гісторыі НАН Беларусі, 2006. 202 с.

18. *Крывальцэвіч М.* Новыя вынікі даследавання позняга неаліту – пачатку эпохі бронзы ў Заходнім Палессі // Na rubieży kultur: badania nad okresem neolitu i wczesną epoką brązu: materiały międzynarodowej konferencji, Supraśl, 18–19 listopada 2010 r. Białystok, 2011. S. 207–217.

19. *Кривальцевич Н. Н.* К проблеме распространения традиций культуры шнуровой керамики в междуречье Припяти и Западной Двины) // Культурные процессы в циркумбалтийском пространстве в раннем и среднем голоцене. Доклады международной научной конференции, посвященной 70-летию со дня рождения В. И. Тимофеева. Санкт-Петербург, 2017. С. 213–219.

20. *Крывальцэвіч М.* Мохаў-IV і перспектыва вылучэння асобнага тыпу паселішчаў сярэднедняпроўскай культуры на Верхнім Падняпроўі // Vir Bimaris. Od kujawskiego matecznika do stepów nadczarnomorskich. Studia z dziejów międzymorza bałtycko-pontyjskiego ofiarowane Profesorowi Aleksandrowi Kośko. Archaeologia Bimaris. Poznań, 2019. S. 719–736.

21. *Kryvaltsevich M.* Babino-type ceramics in the Eastern Palessiye // Baltic-Pontic Studies. 2013. Vol. 18: The Ingul-Donets Early Bronze civilization as springboard for transmission of Pontic cultural patterns to the Baltic Drainage Basin: 3200–1750 BC. P. 139–161.

БРОНЗАВАЯ СЯКЕРА НАРТЫКЕНСКАГА ТЫПУ Ў НІЗОЎЯХ ГАРЫНІ

М. М. Крывальцэвіч

*Інстытут гісторыі НАН Беларусі, вул. Акадэмічная, 1,
220072, г. Мінск, Рэспубліка Беларусь, mikola.kryvaltsevich@yandex.by*

Прапануюцца вынікі ідэнтыфікацыйнага, параўнальна-тыпалагічнага аналізу бронзавай сякеры тыпу *Nortycken*, а таксама спадарожнай ёй сякеры тыпу *Gołoty* бронзавага веку, якія знойдзены ў 2022 г. каля Давыд-Гарадка (Столінскі раён, Брэсцкая вобласць). Рэгістрацыя артэфакта і археалагічнае абследаванне месца выяўлення знаходкі праводзілася аўтарам у 2022 г. Сякера тыпу *Nortycken*, якая магла выкарыстоўвацца ў якасці зброі, адпавядае прыкметам усходніх прыбалтыйскіх сякер і датуецца адпаведна III перыядам бронзавага веку. Храналогія сякеры тыпу *Gołoty,* паводле аналогій на тэрыторыі Польшчы, вызначаецца на заканчэнне I і пачатак II перыяду бронзавага веку. Знойдзеныя сякеры – імпарт з прыбалтыйскіх рэгіёнаў праз басейн Буга ў Прыпяцкае Палессе. Выкарыстанне разгледжаных імпартаваных бронзавых сякер адбывалася ў тшцінецкі перыяд (сярэдні і позні этапы развіцця) і было, напэўна, звязана з запатрабаванасцю ранняга метала носьбітамі тшцінецкай культуры Прыпяцкага Палесся.

Ключавыя словы: Прыпяцкае Палессе; бронзавы век; бронзавыя сякеры; параўнальна-тыпалагічны аналіз; тшцінецкае культурнае кола.

БРОНЗОВЫЙ ТОПОР НОРТИКЕНСКОГО ТИПА В НИЗОВЬЯХ ГОРЫНИ

Н. Н. Кривальцевич

*Институт истории НАН Беларуси, ул. Академическая, 1,
220072, г. Минск, Республика Беларусь, mikola.kryvaltsevich@yandex.by*

Предлагаются результаты идентификационного, сравнительно-типологического анализа бронзового топора типа *Nortycken*, а также сопутствующего ему топора типа *Gołoty* бронзового века, которые найдены в 2022 г. возле Давид-Городка (Столинский район, Брестская область). Регистрация артефакта и археологическое обследование места обнаружения находки проводилась автором в 2022 г. Топор типа *Nortycken*, который мог использоваться в качестве оружия, соответствует признакам восточных прибалтийских топоров и датируется соответственно III периодом бронзового века. Хронология топора типа *Gołoty*, согласно аналогиям на территории Польши, определяется на окончание I и начало II периода бронзового века. Найденные топоры – импорт из прибалтийских регионов через бассейн Буга в Припятском Полесье. Использование рассмотренных импортированных бронзовых топоров происходило в тштинецкий период (средний и поздний этапы развития) и было, вероятно, связано с востребованностью раннего металла носителями тштинецкой культуры Припятского Полесья.

Ключевые слова: Припятское Полесье; бронзовый век; бронзовые топоры; сравнительно-типологический анализ; тштинецкий культурный круг.

BRONZE AXE OF THE NORTYCKEN TYPE IN THE LOWER REACHES OF THE GARYN RIVER

M. M. Kryvaltsevich

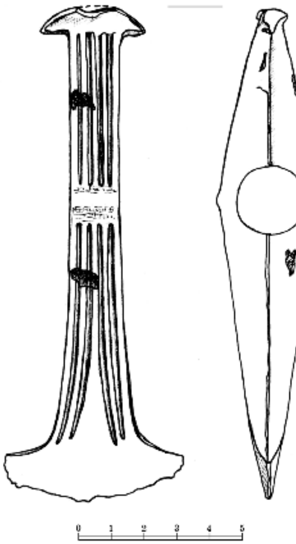
The Institute of History of the NAS of Belarus, Academic str., 1, 220072, Minsk, Republic of Belarus, mikola.kryvaltsevich@yandex.by

The results of the identification, comparative and typological analysis of the bronze axe of the *Nortycken* type, as well as the accompanying axe of the *Gołoty* type of the Bronze Age, found in 2022 near Davyd-Garadok (Stolin district, Brest region), are presented. The registration of the artifact and the archaeological survey of the place of the find discovery were carried out by the author in 2022. The axe of the *Nortycken* type, which could have been used as a weapon, corresponds to the characteristics of the eastern Baltic axes and is dated to the III period of the Bronze Age. The chronology of the *Gołoty* type axe, according to analogies on the territory of Poland, is determined at the end of the I and the beginning of the II period of the Bronze Age. The found axes are imports from the Baltic regions through the Bug basin to Prypyat Palesse. The use of the imported bronze axes under consideration occurred during the Trzciniec period (middle and late stages of development) and was probably related to the demand for early metal by the bearers of the Trzciniec culture in Prypyat Palesse.

Keywords: Prypyat Palesse; Bronze Age; bronze axes; comparative typological analysis; Trzciniec cultural circle.

Паступова пашыраецца колькасць знаходак металічных вырабаў эпохі бронзы, знойдзеных апошнім часам на тэрыторыі Беларусі. Колькаснае павелічэнне суправаджаецца адкрыццём новых тыпаў і катэгорый медна-бронзавых артэфактаў. Да такога роду знаходак адносіцца бронзавая сякера нартыкенскага тыпу, якая выяўлена ў нізоўях Гарыні (Прыпяцкае Палессе) каля Давыд-Гарадка ва ўрочышчы «Баравое Поле» (рыс. 1, 2). Сякера тыпу *Nortycken* упершыню знойдзена на тэрыторыі Беларусі. «Баравое Поле» – месца выяўлення яшчэ адной знаходкі – бронзавай сякеркі тыпу *Gołoty* (рыс. 3). З фіксацыяй згаданых спецыфічных для бронзавага веку Беларусі тыпаў сякер адкрываецца перспектыва для ўдакладнення часу, накірункаў і шляхоў паступлення на Прыпяцкае Палессе балтыйскага імпарту. Знаходкі дазваляюць выказаць некаторыя меркаванні пра іх функцыянальнае выкарыстанне і мэтавую запатрабаванасць, што, несумненна, пашырае наша ўяўленне пра эпоху бронзы на тэрыторыі Беларускага Палесся.

Сякера нартыкенскага тыпу (рыс. 1, 2) выпадкова знойдзена вясной 2022 г. жыхаром г. Давыд-Гарадка (Столінскі раён, Брэсцкая вобласць) у мясцовасці «Баравое Поле», што на поўдзень ад заходняй гарадской ускраіны Давыд-Гарадка (рыс. 4, *A*). Выраб захоўваецца ў знаходчыка. Вывучэнне сякеры і абследаванне месца яе выяўлення праводзілася мной у красавіку і чэрвені 2022 года. «Баравое Поле» – параўнальна вялікія па плошчы пяс-

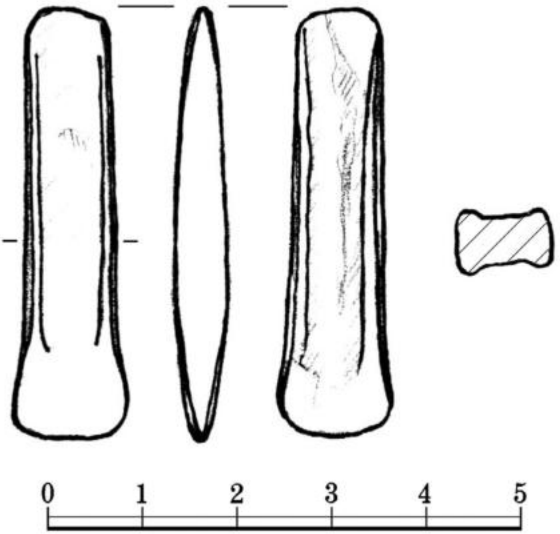


Рыс. 1. Давыд-Гарадок, урочышча «Баравое Поле». Бронзавая сякера нартыкенскага тыпу.

Малюнак аўтара

Рыс. 2. Давыд-Гарадок, урочышча «Баравое Поле». Бронзавая сякера нартыкенскага тыпу.

Фотаздымак аўтара



Рыс. 3. Давыд-Гарадок, урочышча «Баравое Поле». Бронзавая сякерка тыпу *Gołoty*.
Малюнак аўтара

чаныя і ўзараныя пагоркі ў правабярэжжы Гарыні, якія ўзвышаюцца паміж старыцамі і забалочанымі нізінамі даліны ракі. Паўднёва-заходняя ўскраіна «Баравога Поля» перакапаная кар'ерамі і ямамі.

Паводле паведамлення знаходчыка і непасрэднага дакладнага ўказання месца выяўлення артэфакта, сякера выкапана на невялікай глыбіні ў перааднкладзенай глебе, побач з кар'ерамі, на пераходзе паўднёвага схілу ўзвышша ў забалочаную нізіну (рыс. 4, *А*). Глебавы пласт пагорка па схілу быў пашкоджаны бульдозерам і ссунуты ў высокі вал на край пойменнай нізіны. На месцы, дзе была знойдзена сякера, па краю пойменнай нізіны перад валам ссунутай глебы захаваліся сляды невялікай капанай ямы (рыс. 5).

У чэрвені 2022 г. мной зачышчалася месца выяўлення сякеры. Прасочваліся чорныя тарфяністыя пойменныя адклады (таўшчыня да 40 і болей см), якія перакрываліся шэрай перамяшанай глебай (таўшчыня да 15 см). Пад торфам залягалі супескі і апясчаненыя суглінкі бялёса-жаўтлявага колеру. Вынікае, што на момант выкопвання сякера, мабыць, ляжала ў перамяшанай шэрай глебе, якую бульдозер зрэзваў ў нізіне і ссоваў у вал. Маімі зачысткамі побач з ямай, дзе знайшлі сякеру, на адлегласці каля 40 см ад яе, у змяшанай шэрай глебе быў выяўлены крамянёвы пласцiністы скол з участкамі рэтушы па аднаму краю.

Рыс. 4. Давыд-Гарадок, урочышча «Баравое Поле»:
Лакалізацыя збора артэфактаў на месцазнаходжаннях 1 і 2 з вылучэннем месцаў выяўлення бронзавых сякер нартыкенскага тыпу (*А*) і тыпу Gołoty (*Б*);
з выкарыстаннем карты онлайн сэрвіса Google Maps

Рыс. 5. Давыд-Гарадок, урочышча «Баравое Поле».
Месца выяўлення (А) бронзавай сякеры нартыкенскага тыпу.
Фотаздымак М. М. Крывальцэвіча (красавік 2022 г.)

Знойдзены на «Баравым Полі» бронзавы выраб ідэнтычны балтыйскім бронзавым сякерам нартыкенскага тыпу, якія вылучаюцца характэрнымі марфалагічнымі паказнікамі, арнаментальным аздабленнем і тэхналогіяй вырабу. Сякеры пераўнальна доўгія і вузкія, з выразна пашыранымі лёзавай і абушковай часткамі, з жалабатымі аздабленнямі па тулаву, з круглай адтулінай для мацавання рукаяткі [гл., напрыклад: 1, tafel 14b, 16g, 20d, k; 2, c. 24–27; 3, pav. 6, 87, 149, 155, 162].

У сякеры з «Баравога Поля» (рыс. 1, 2) наступныя метрычныя параметры: агульная даўжыня – 150 мм; шырыня ляза – 55 мм; шырыня абушка – 31 мм; максімальная шырыня тулава з пярэдняга боку на месцы адтуліны для рукаяткі – 30 мм; дыяметр адтуліны – 20 мм; таўшчыня тулава на месцы адтуліны – 15 мм. Абушок сякеры пашыраны. Лязо шырокае, але, напэўна, першапачаткова было куды шырэй і рабілася з акруглым лёзавым краем, як тое вынікае з традыцыйных для такіх сякер форм. Пры выглядзе з пярэдняга боку ў сякеры амаль ромбападобная форма. Максімальнае пашырэнне тулава на бакавых паверхнях падкрэсліваецца акруглымі гарызантальнымі кантамі. Вузкая паверхня бакавых граняў вышэй і ніжэй згаданых акруглых кантаў аз-

доблена жалабкамі: верхні блок з чатырох жалабкоў даўжынёй амаль 47 мм і шырынёй каля 2 мм; ніжні блок таксама з чатырох жалобкоў (даўжыня каля 70 мм), якія загінаюцца і разыходзяцца парамі ў накірунку да шырокага ляза.

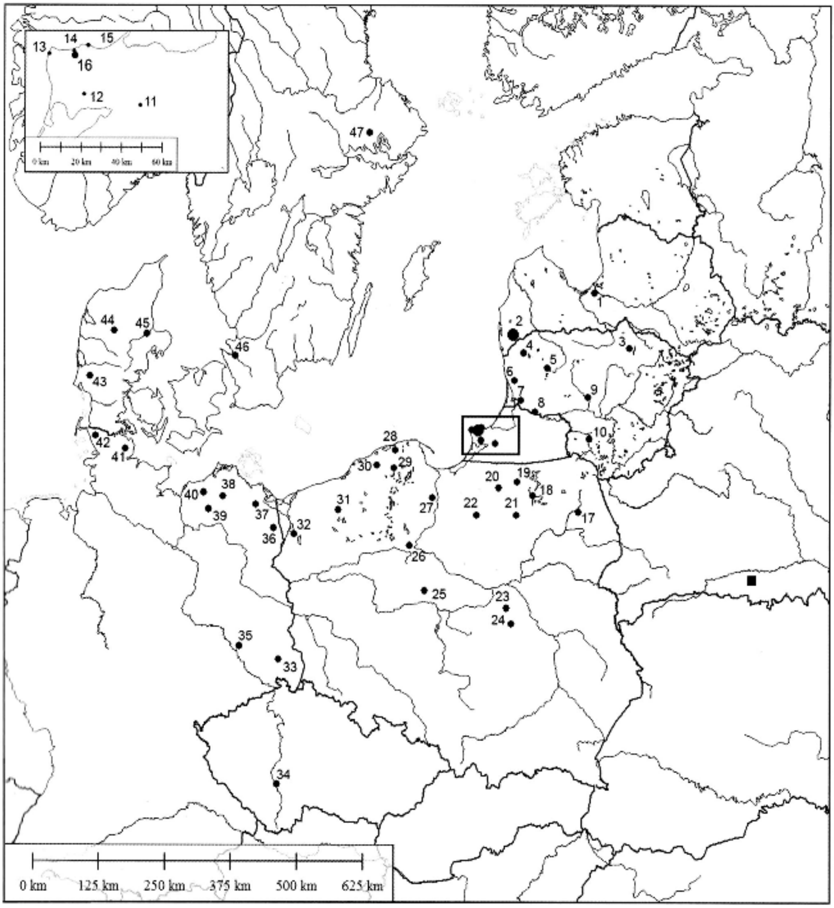
Сякера адліта ў двухбаковай раз'ёмнай форме. На паверхнях пярэдняга і тыльнага бакоў вырабу захаваліся і добра праглядаюцца сляды ліцейнага шва (рыс. 1, 2). Паводле эксперыметальнага мадэлявання тэхналогіі ліцця сякер нартыкенскага тыпу, літнік знаходзіўся ў абушковай частцы вырабу [4, s. 65–70]. Сляды і якасць ліцця заўважаюцца на паверхнях давыд-гарадокскай сякеры ў выглядзе дробных лакун-ямак (рыс. 2). Лязо сякеры моцна спрацаванае, і, напэўна, цягам эксплуатацыі зменшанае ў памерах, з шматлікімі вышчарбінамі і няроўнасцямі па краю. Абушок пашыраны і крыху прыплюшчаны па верхняму краю. Верхняя частка абушка пасярэдзіне збітая, утвараючы вышчарбленае паглыбленне. У двух месцах тулава сякеры, на ўчастках арнаментаванай бакавой паверхні заўважаюцца глыбокія выбаіны, якія маглі ўтварыцца ў старажытнасці ў выніку жорсткіх і моцных udaраў. Сляды пашкоджанняў, а менавіта, зношанае і вышчарбленае лязо, выбаіны ад ўдараў на адной з бакавых арнаментаваных паверхняў, збітая частка абушка, ускосна сведчаць, што сякера магла выкарыстоўвацца ў якасці зброі.

Асноўныя арэалы распаўсюджання сякер нартыкенскага тыпу прасціраюцца ўздоўж балтыйскага ўзбярэжжа ад Даніі да Латвіі [4, žemėl 6] (рыс. 6). Большая іх частка лакалізавана ва Усходняй Прыбалтыцы [2, с. 27]. Тып вылучаны паводле адпаведнай серыі сякер, знойдзеных у скарбе каля паселішча *Nortycken* ва Усходняй Прусіі (цяпер Гарбатаўка Зялёнаградскага раёна Калінінградскай вобласці, Расія) [4, žemėl 6: № 16, pav. 115] (рыс. 6, *16*). Сякеры з *Nortycken* адліваліся ў ліцейных формах двух відаў. Вырабы захаваліся з незагладжанымі ліцейнымі швамі [2, с. 26]. У адной форме адлівалі сякеры, якія знойдзены ў скарбе з *Kaleji* (Ліепайскі раён, Латвія) [4, žemėl 6: № 2, pav. 113] (рыс. 6, *2*). У сямі сякер з *Kaleji* ліцейныя швы таксама незагладжаныя [2, с. 26]. У такім разе, згаданыя сякеры і з *Nortycken*, з *Kaleji* – свежа прыгатаваныя і без практычнага ўжытку вырабы, змешчаныя на захаванне.

У свой час латвійскі археолаг Эдуард Штурмс, аналізуючы бронзавыя вырабы Усходняй Прыбалтыкі, упершыню звярнуў увагу на марфалагічныя адрозненні заходніх і ўсходніх груп сякер [1], якія пазней у літаратуры характарызаваліся адзнакамі вырабаў нартыкенскага ўсходняга і заходняга тыпаў з адгалінаваннямі на падтыпы [гл., напрыклад: 5, s. 43–47, 100–101; 6, s. 55; 7, s. 30–31; 2, с. 24]. Усходні тып адрозніваецца параўнальна меншымі агульнымі памерамі, шырэйшай паўкруглай лёзавай часткай, пашыраным прыплюснутым абухам. Назіраюцца таксама некаторыя асаблівасці сякер усходняга тыпу ў арнаментальным аздабленні і яго размяшчэнні на паверхні вырабаў.

Сякеры ўсходняга тыпу распаўсюджваліся ў рэгіёнах ад Паўночнай Германіі да Латвіі. Заходні тып лакалізуецца адпаведна ў заходніх рэгіёнах пашырэння. Зрэшты, даследчыкі адзначаюць, што сякеры заходняга тыпу сустракаюцца і на ўсходнепрыбалтыйскіх тэрыторыях [гл., напрыклад: 7, s. 30–31; 2, с. 24–26].

Знойдзеная каля Давыд-Гарадка сякера адпавядае прыкметам вырабаў ўсходняга нартыкенскага тыпу. Яна блізкая і аналагічная па форме і параметрах шматлікім знаходкам з тэрыторыі Польшчы, Паўднёва-Ўсходняй і



Рыс. 6. Карта распаўсюджання сякер нартыкенскага тыпу [паводле: 4, žemėl 6]:
спіс пунктаў з нумарамі гл.: [4, žemėl 6], чорны квадрат – абазначэнне лакалізацыі сякеры ў нізоўях Гарыні каля Давыд-Гарадка

Усходняй Прыбалтыкі. Напрыклад, з давыд-гарадокскай сякерай, звяртаючы ўвагу на марфалогію і арнаментацыю, збліжаецца серыя сякер з скарбу у *Nortycken* [параўн.: 4, pav. 115]. Назіраецца падабенства палескай знаходкі з сякерамі скарбу *Kaleji* ў Латвіі [4, pav. 113, lentelė IX]. Вырабы, блізкія і ідэнтычныя знаходцы з Давыд-Гарадка, сустракаюцца сярод сякер усходняга нартыкенскага тыпу Літвы [параўн., напрыклад: 3, pav. 6, 87, 155; 2, табл. VII: 2, 3, 6]. *Goniądz* – месцазнаходжанне сякеры нартыкенскага тыпу ў басейне р. Нараў на тэрыторыі паўночна-ўсходняй Польшчы [7, tabl. 25: 3]. Выраб з *Goniądz* амаль ідэнтычны сякеры з Давыд-Гарадка. *Goniądz* у басейна Нарава, а таксама *Czubin, Krobów* у басейне сярэдняй Віслы [4, žemėl 6: № 17, 23, 24] – самыя ўсходнія месцазнаходжанні сякер нартыкенскага тыпу на землях Польшчы і найбольш тэрытарыяльна набліжаныя да Палесся. Яны могуць абазначаць верагодны накірунак распаўсюджання сякер нартыкенскага тыпу з прыбалтыйскіх тэрыторый на ўсход, у тым ліку на Прыпяцкае Палессе. Неабходна таксама дадаць, што прыкладам блізкай па форме сякеры з Давыд-Гарадка з'яўляецца знаходка з населенага пункта *Miejska Wieś* у паўночна-ўсходняй Польшчы [параўн.: 6, rys. 42d].

Пры вырашэнні праблемы храналогіі, і ў першую чаргу сякер нартыкенскага ўсходняга тыпу, неабходна звярнуць увагу на некаторыя версіі паходжання і эвалюцыі згаданых артэфактаў. Многія даследчыкі пагаджаюцца з тым, што нартыкенскія сякеры ўсходняга тыпу вылучаюцца арыгінальнай формай і іншымі характарыстыкамі, і ва ўсходніх рэгіёнах іх пашырэння сярод металічных матэрыялаў папярэдніх перыядаў не прасочваецца эвалюцыйны шэраг іх развіцця. У сувязі з гэтым дапускаецца, што вытокі генезіса ўсходняга тыпу варта шукаць у заходніх рэгіёнах распаўсюджання сякер нартыкенскага тыпу, дзе яны датуюцца больш раннім часам [5; 6, s. 55; 7, s. 30–31; 2, с. 26–27]. У сувязі з праблемай паходжання і пошукаў першапачатковых цэнтраў іх вытворчасці і распаўсюджання звяртаецца ўвага на два аспекты. Першы аспект – гэта канцэнтрацыя вялікай колькасці сякер ўсходняга тыпу ва Усходняй Прыбалтыцы і іх наяўнасць у скарбах. Другі – прысутнасць серый сякер нартыкенскага ўсходняга тыпу, адлітых у адной–дзвюх формах і з неапрацаванымі ліцейнымі швамі (гл., напрыклад *Nortycken, Kaleji*) [4, pav. 113, 115, lentelė IX; 2, с. 26–27]. Літоўская даследчыца Агне Чывілітэ мяркуе з гэтай нагоды, што ў выпадку з сякерамі нартыкенскага тыпу, як і некаторых іншых усходнебалтыйскіх бронзавых вырабаў, гаворка, напэўна, не павінна весціся пра іх вытворчасць мясцовымі майстрамі. Мабыць, з улікам распаўсюджання сякер у рэгіёнах уздоўж Балтыйскага мора і практыкі тагачаснай металавытворчасці, якая патрабуе дасведчанасці і пэўнай традыцыі, майстры былі прыезжымі і займаліся вытворчасцю сякер непасрэдна на ўсходнебалтыйскіх тэрыторыях [4, s. 234–235]. Услед за іншымі спецыялістамі Агне Чывілітэ сцвярджае, што ўласна ўсходне-прыбалтыйская мясцо-

вая металавытворчасць пачала распаўсюджвацца з IV перыяду эпохі бронзы (1100–900 cal. BC), калі ў культурных пластах ранніх умацаваных паселішчаў адзначалася вялікая колькасць форм для адліўкі бронзавых вырабаў і іншых прыстасаванняў для працы з металам, а таксама ва ўжытку пашырыліся адмысловыя прыбалтыйскія тыпы бронзавых артэфактаў [4, s. 235].

Як мяркуюць некаторыя навукоўцы, заходні нартыкенскі тып сякер мог з'явіцца ўжо ў перыяд II (1500–1300 cal. BC) паўночнаўрапейскага бронзавага веку [гл., напрыклад: 6; 2, с. 26–27]. У дачыненні да ўсходняга нартыкенскага тыпу сякер на тэрыторыі Усходняй Прыбалтыкі, Польшчы абгрунтоўваецца думка іх найбольш верагоднага распаўсюджання ў III перыядзе (1300–1100 cal. BC) эпохі бронзы [5, s. 43–47, 100–101; 7, s. 30–31; 2, с. 26–27]. Храналогія на III перыяд вынікае з тыпалагічнага комплекснага аналізу скарбаў. Прыведзены мной пералік аналагічных і блізкіх давыд-гарадокскай знаходцы сякер з тэрыторыі Польшчы, Усходняй Прыбалтыкі [параўн.: 7, s. 30–31, tabl. 40: 1; 65: 4; 6, s. 55, rус. 42d; 2, с. 26-27, табл. VII: 2, 3, 6] дазваляе датаваць палескую сякеру на III перыяд эпохі бронзы.

Вызначаны інтэрвал часу (III перыяд бронзавага веку) на Прыпяцкім Палессі адпавядае позняму этапу развіцця тшцінецкага культурнага кола. Храналогія палескіх тшцінецкіх помнікаў вызначаецца ў межах каля 1700/1600 – 1200/1000 гг. да н. э. [гл., напрыклад: 8, с. 45–46]. Тшцінецкі матэрыял, а гэта ў першую чаргу кераміка і крамянёвыя вырабы, прысутнічае на Пагарынні, у тым ліку каля Давыд-Гарадка. Асобныя фрагменты керамікі, якія нагадваюць тшцінецкі посуд, знойдзены мной у 2022 г. на «Баравым Полі» – лакалізацыя паверхневых збораў № 1 (рыс. 4, *1*), г. зн. побач з месцам выяўлення бронзавай сякеры нартыкенскага тыпу. Сляды помнікаў тшцінецкага культурнага кола адзначаліся таксама ўздоўж старарэччаў Гарыні каля вёсак Велямічы (паверхневыя зборы В. С. Вяргей, М. М. Крывальцэвіча і інш.), Альпень (паверхневыя зборы Г. М. Бяліцкай у 2019 г.), што насупраць Давыд-Гарадка і «Баравога Поля». Такім чынам, выкарыстанне бронзавай сякеры адбывалася ў позні тшцінецкі перыяд і было, напэўна, звязана з запатрабаванасцю носьбітаў тшцінецкай культуры ў раннім метале. Мабыць, менавіта тшцінецкае насельніцтва пачынае практыкаваць спажыванне металічнага імпарту на тэрыторыі Прыпяцкага Палесся, тым самым распачынаючы ў рэгіёне ранні бронзавы век [параўн.: 8, с. 39–52].

У 2022 г. на «Баравым Полі», на паўночным схіле пагорка, на месцы лакалізацыі знаходак № 2 (пункт Б) (рыс. 4, *2, Б*), а гэта прыблізна праз 0,5 км на поўнач ад пункта (А) выяўлення сякеры нартыкенскага тыпу, тым жа жыхаром Давыд-Гарадка на раллі знойдзены яшчэ адзін металічны артэфакт эпохі бронзы – металічная сякерка малых памераў з закраінамі (рыс. 3). Бронзавы артэфакт захоўваецца ў калекцыі знаходчыка. Месца выяўлення паказана знаходчыкам і абследавалася мной у красавіку і чэрвені 2022 г.

Метрычныя параметры прылады (рыс. 3): даўжыня – 45 мм; шырыня ляза – 12 мм; шырыня абушка – 9 мм; максімальная таўшчыня – 6 мм. У сякеркі крыху пашыранае і закругленае лязо. Край абушка тонкі і закруглены. Пры бакавым выглядзе ў прылады завостраныя абушковая і лёзавая часткі з плаўным і максімальным пашырэннем закраін пасярэдзіне. Закраіны параўнальна нізкія (вышыня да 1 мм). Яны закруглена-завужаныя на верхніх краях і пашыраныя ў аснаванні. На бакавых гранях сякеркі няма слядоў ліцейнага шва. Паміж закраін, на адной з шырокіх плашчынаў вырабу прасочваецца няроўная вертыкальнай скіраванасці лажбіна з наплывамі металу. На супрацьлеглай плашчыне сляды падобнай лажбіны ёсць толькі на ніжняй паверхні – бліжэй да ляза. Згаданыя дэталі няроўнасці паверхні на плашчынах і вертыкальных лажбін на іх мажліва сведчаць пра тэхналагічны прыём падпраўкі сякеркі коўкай (ударамі па бакавых гранях?) на апошнім этапе апрацоўкі.

Артэфакт паводле асноўных марфалагічных элементаў нагадвае раннія бронзавыя сякеры з закраінамі эпохі бронзы. Адна з асаблівасцяў давыд-гарадокскага вырабу з месцазнаходжання № 2 – вельмі малыя памеры для сякеры (рыс. 3). Форма знаходкі адпавядае тыпу *Gołoty*, які вылучыў польскі археолаг Анджэй Шпунар [9, s. 58, tafel 17: 311]. Лакалізацыя тэрыторыі пашырэння згаданага тыпу абмяжоўваецца паўночнымі ўскраінамі цэнтральнай Польшчы – нізоўямі Віслы і вярхоўямі ракі Нотэц (правы прыток Варты) [9, tafel 37: A]. Даўжыня сякерак тыпу *Gołoty* на тэрыторыі Польшчы – ад 66 да 82 мм [9, s. 58], што ў пэўнай ступені адрознівае іх у параўнанні з давыд-гарадокскай знаходкай (45 мм). Тым не менш іх марфалагічнае падабенства бясспрэчнае. А. Шпунар схіляецца да датавання сякер тыпу *Gołoty* у межах заканчэння перыяду I і пачатку перыяду II эпохі бронзы [9, s. 58], г. зн. прыблізна на сярэдзіну II тыс. да н. э.

У такім разе, з улікам магчымай храналогіі сякер тыпу *Gołoty*, эпізод выкарыстання давыд-гарадокскай сякеркі з месцазнаходжання № 2 прыходзіцца на сярэдні этап тшцінецкай культуры палескага бронзавага веку. Адзін з верагодных накірункаў сувязі раёнаў лакалізацыі сякер тыпу *Gołoty* і нізоўяў Гарыні на Палессі мог пралягаць праз басейн Віслы і Заходняга Буга ў басейн верхняй Прыпяці.

У выніку вывучэння давыд-гарадокскай сякеры нартыкенскага тыпу з нізоўяў Гарыні і мікрарэгіянальна спадарожнай ёй сякеркі з закраінамі тыпу *Gołoty* можна прапанаваць наступныя заключныя высновы:

1. Сякера ўсходняга нартыкенскага тыпу з нізоўяў Гарыні – пакуль адзіная знаходка на тэрыторыі Беларусі. Асноўная тэрыторыя іх распаўсюджання лакалізуецца ў прыбалтыйскіх рэгіёнах ад Паўночнай Германіі да Латвіі. Храналагічны этап ужывання ўсходняга тыпу на тэрыторыі Польшчы і Усходняй Прыбалтыкі прыходзіцца на III перыяд паўночнаеўрапейскага брон-

завага веку, што можа адпавядаць позняму тшцінецкаму перыяду на Палессі і непасрэдна на Пагарынні. Мяркуецца, у адпаведнасці з фіксацыяй слядоў выкарыстання, сякера ўжывалася ў якасці зброі.

2. Давыд-гарадокская сякера нартыкенскага тыпу – імпарт з асноўных тэрыторый іх распаўсюджання. Шляхі пранікнення вырабу маглі пралягаць праз басейн Віслы – Заходняга Буга і басейн верхняй Прыпяці.

3. Яшчэ адна бронзавая знаходка з «Баравога Поля» – сякерка з закраінамі, якая амаль ідэнтычная тыпу *Gołoty* з прыблізнай храналогіяй на заканчэнне перыяду I і пачатак перыяду II паўночнаеўрапейскага бронзавага веку. Імпарт вырабу ў нізоўі Гарыні прыходзіцца на сярэдні этап развіцця палескіх тшцінецкіх помнікаў. З улікам асноўных раёнаў іх распаўсюджання – паўночныя тэрыторыі цэнтральнай Польшчы – накірункі пранікнення маглі праходзіць праз басейны Віслы, Заходняга Буга і Прыпяці.

4. Выкарыстанне разгледжаных імпартаваных бронзавых сякер адбывалася ў тшцінецкі перыяд (сярэдні і позні этапы развіцця) і было, напэўна, звязана з запатрабаванасцю ранняга метала носьбітамі тшцінецкай культуры Прыпяцкага Палесся, а значыць, у першую чаргу, з адпаведнымі зменамі ў сацыяльным развіцці тагачаснага палескага насельніцтва.

Падзякаванні: аўтар ўдзячны А. Ю. Ткачову за камп'ютарную апрацоўку ілюстрацый да артыкула.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. *Šturms E.* Die ältere Bronzezeit im Ostbaltikum. Berlin–Leipzig: Walter de Gruyter, 1936. 155 s. (Vorgeschichtliche Forschungen. Heft 10).
2. *Григалавичене Э., Мяркявичус А.* Древнейшие металические изделия в Литве. Вильнюс: Мокслас, 1980. 144 с.
3. *Merkevičius A.* Ankstyvieji metaliniai dirbiniai Lietuvoje. Vilnius: Versus aureus, 2011. 176 p.
4. *Čivilytė A.* Žmogus ir metalas priešistorėje: žvilgančios bronzos trauka. Vilnius: Diemedžio, 2014. 272 p.
5. *Dąbrowski J.* Zabytki metalowe epoki brązu między dolną Wisłą a Niemnem. Wrocław–Warszawa–Kraków: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1968. 231 s.
6. *Dąbrowski J.* Epoka brązu w Północno-Wschodniej Polsce. Białystok: Białostockie Towarzystwo Naukowe, 1997. 188 s.
7. *Blajer W.* Skarby ze starszej i środkowej epoki brązu na ziemiach Polskich. Kraków: Wydawn. Nauk., 1999. 475 s.
8. *Крывальцэвіч М. М.* Праблемы перыядызацыі і храналогіі эпохі бронзы на тэрыторыі Паўднёвай Беларусі // ГАЗ. 2006. № 22. С. 39–52.
9. *Szpunar A.* Die Beile in Polen I (Flachbeile, Randleistenbeile, Randleistenmeißel) // Prähistorische Bronzefunde. 1987. Abt. IX, Bd. 16. 164 s.

НЕКАТОРЫЯ НОВЫЯ ЗНАХОДКІ МЕТАЛІЧНЫХ ВЫРАБАЎ БРОНЗАВАГА ВЕКУ НА ТЭРЫТОРЫІ БЕЛАРУСІ

М. М. Крывальцэвіч[1)], А. Ю. Ткачоў[2)], М. М. Чарняўскі[3)]

*[1)] Інстытут гісторыі НАН Беларусі, вул. Акадэмічная, 1,
220072, г. Мінск, Рэспубліка Беларусь, mikola.kryvaltsevich@yandex.by*
*[2)] Інстытут гісторыі НАН Беларусі, вул. Акадэмічная, 1,
220072, г. Мінск, Рэспубліка Беларусь, aleh.tkachou@gmail.com*
*[3)] Інстытут гісторыі НАН Беларусі, вул. Акадэмічная, 1,
220072, г. Мінск, Рэспубліка Беларусь,maxchar@gmail.com*

Прапануюцца вынікі тыпалагічнага, культурна-храналагічнага аналізу 9 металічных вырабаў бронзавага веку (плоскай сякеры, трох сякер з закраінамі, двух наканечнікаў коп'яў, нажа, наканечніка стралы, спіралепадобнай часткі ўпрыгожання), знойдзеных у перыяд з канца 1990-ых гг. да 2025 г. на тэрыторыі цэнтральных і паўднёвых рэгіёнаў Беларусі. Металічныя вырабы датуюцца ў межах II – першай паловы I тыс. да н. э. Дапускаецца, што ўсе яны адносяцца да катэгорыі імпарту і траплялі на тэрыторыю Беларусі з цэнтральнаеўрапейскіх, прыбалтыйскіх і паўднёва-ўсходнееўрапейскіх рэгіёнаў. Непасрэдна на тэрыторыю Беларусі многія разгледжаныя артэфакты пранікалі праз Пабужжа, Заходняе і Усходняе Палессе і былі запатрабаваныя ў тшцінецкі і посттшцінецкі перыяды эпохі бронзы. Знойдзеныя артэфакты паводле свайго найбольш верагоднага функцыянальнага прызначэння, як правіла, залічваюцца ў катэгорыю зброі (сякеры, наканечнікі коп'яў, наканечнік стралы, нож) і ўпрыгожанняў (фрагмент вырабу са спіралепадобным шчытком). Рэдкія на тэрыторыі Беларусі металічныя вырабы, якія імпартаваліся з аддалёных тэрыторый, павінны былі шанавацца і разглядацца ў якасці прэстыжных і экзатычных рэчаў, набываючы значэнне сацыяльных маркераў.

Ключавыя словы: металічныя вырабы; бронзавы век; цэнтральныя і паўднёвыя рэгіёны Беларусі; тыпалагічны і культурна-храналагічны аналіз.

НЕКОТОРЫЕ НОВЫЕ НАХОДКИ МЕТАЛЛИЧЕСКИХ ИЗДЕЛИЙ БРОНЗОВОГО ВЕКА НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ

Н. Н. Кривальцевич[1)], О. Ю. Ткачев[2)], М. М. Чернявский[3)]

*[1)] Институт истории НАН Беларуси, ул. Академическая, 1,
220072, г. Минск, Республика Беларусь, mikola.kryvaltsevich@yandex.by*
*[2)] Институт истории НАН Беларуси, ул. Академическая, 1,
220072, г. Минск, Республика Беларусь, aleh.tkachou@gmail.com*
*[3)] Институт истории НАН Беларуси, ул. Академическая, 1,
220072, г. Минск, Республика Беларусь, maxchar@gmail.com*

Предлагаются результаты типологического, культурно-хронологического анализа 9 металлических изделий бронзового века (плоского топора, трех топоров с закраинами, двух наконечников копий, ножа, наконечника стрелы, спиралевидной части украшения), найденных в период с конца 1990-ых годов до 2025 г. на территории

центральных и южных регионов Беларуси. Металлические изделия датируются в пределах II – первой половины I тыс. до н. э. Допускается, что все они относятся к категории импорта и попадали на территорию Беларуси из центральноевропейских, прибалтийских и юго-восточноевропейских регионов. Непосредственно на территорию Беларуси многие рассмотренные артефакты проникали через Побужье, Западное и Восточное Полесье и были востребованы в тштинецкий и посттштинецкий периоды эпохи бронзы. Найденные артефакты согласно своему наиболее вероятному функциональному назначению, как правило, зачисляются в категорию оружия (топоры, наконечники копий, наконечник стрелы, нож) и украшений (фрагмент изделия со спиралевидным щитком). Редкие на территории Беларуси металлические изделия, которые импортировались с отдаленных территорий, должны были цениться и рассматриваться в качестве престижных и экзотических вещей, приобретая значение социальных маркеров.

Ключевые слова: металлические изделия; бронзовый век; центральные и южные регионы Беларуси; типологический и культурно-хронологический анализ.

SOME NEW METALLIC GOODS OF THE BRONZE AGE ON THE TERRITORY OF BELARUS

M. M. Kryvaltsevich[1], A. Y. Tkachou[2], M. M. Charniauski[3]

[1] The Institute of History of the NAS of Belarus, Academic str., 1, 220072, Minsk, Republic of Belarus, mikola.kryvaltsevich@yandex.by
[2] The Institute of History of the NAS of Belarus, Academic str., 1, 220072, Minsk, Republic of Belarus, aleh.tkachou@gmail.com
[3] The Institute of History of the NAS of Belarus, Academic str., 1, 220072, Minsk, Republic of Belarus, maxchar@gmail. com

The results of the typological, cultural-chronological analysis of 9 metal products of the Bronze Age (a flat axe, three axes with edges, two spearheads, a knife, an arrowhead, a spiral part of the decoration) found in the period from the late 1990s to 2025 in the central and southern regions of Belarus are presented. The metal products date back to the 2nd – first half of the 1st millennium BC. It is assumed that they all belong to the category of imports and came to the Belarusian territory from the Central European, Baltic and South-Eastern European regions. Many of the examined artifacts penetrated directly into the territory of Belarus through the Bug region, Western and Eastern Palesie and were in demand in the Trzciniec and post-Trzciniec periods of the Bronze Age. The found artifacts, according to their most likely functional purpose, are usually classified as weapons (axes, spearheads, arrowheads, knives) and jewelry (a spiral part of the decoration). Rare on the territory of Belarus metal products imported from distant territories must have been valued and considered as prestigious and exotic items, acquiring the value of social markers.

Keywords: metal products; Bronze Age; central and southern regions of Belarus; typological and cultural-chronological analysis.

На тэрыторыі Беларусі знойдзена параўнальна невялікая колькасць металічных вырабаў бронзавага веку. Зрэшты, апошнім часам, галоўным чынам у выніку несанкцыяваных аматарскіх пошукаў з выкарыстаннем металадэтэктараў, адзначаецца павялічэнне колькасці медна-бронзавых знаходак эпохі бронзы. На жаль, да археолагаў трапляюць толькі асобныя і надзвычай абмежаваныя па інфармацыйнасці звесткі пра такія артэфакты.

Артыкул прысвячаецца разгляду некаторых новых металічных вырабаў бронзавага веку, якія знойдзены ў перыяд з канца 1990-ых гг. да 2025 г. на тэрыторыі паўднёвага і цэнтральнага рэгіёнаў Беларусі (рыс. 1). Толькі адна знаходка – спіралепадобная частка ўпрыгожання – была выяўлена падчас раскопак (помнік Камянюкі-13, раскопкі А. Ю. Ткачова), усе іншыя вырабы знойдзены выпадкова, а археалагічны кантэкст месцазнаходжанняў застаецца не даследаваным альбо малавядомым. Па розных прычынах не праводзіўся спецыяльны аналіз металу знойдзеных артэфактаў. Аўтары прапануюць параўнальна-тыпалагічную і культурна-храналагічную ідэнтыфікацыю вырабаў, вызначаюць асноўныя перыяды распаўсюджання і найбольш верагодныя шляхі пранікнення металічных рэчаў на тэрыторыю Беларусі.

У артыкуле разглядаецца 9 вырабаў: дзве плоскія сякеры з нізкімі закраінамі (г. Заслаўе, Мінская вобласць; в. Боркі, Бярозаўскі раён Брэсцкай вобласці); сякера ўсходнебалтыйскага тыпу з высокімі закраінамі і лязом паўкруглай формы (в. Вавулічы, Драгічынскі раён Брэсцкай вобласці); сякера тыпу «Казары» (в. Юравічы, Калінкавіцкі раён, Гомельская вобласць); праразны наканечнік кап’я (г. Брэст, вусце ракі Мухавец); наканечнік кап’я з доўгай утулкай (в. Рудкаўка, Іванаўскі раён, Брэсцкая вобласць); арнаментаваны нож (в. Чабатыры, Лагойскі раён, Мінская вобласць); тронкавы наканечнік стралы (в. Страдзеч, Брэсцкі раён, Брэсцкая вобласць); фрагмент вырабу са спіралепадобным шчытком (Камянюкі-13, Камянецкі раён, Брэсцкая вобласць).

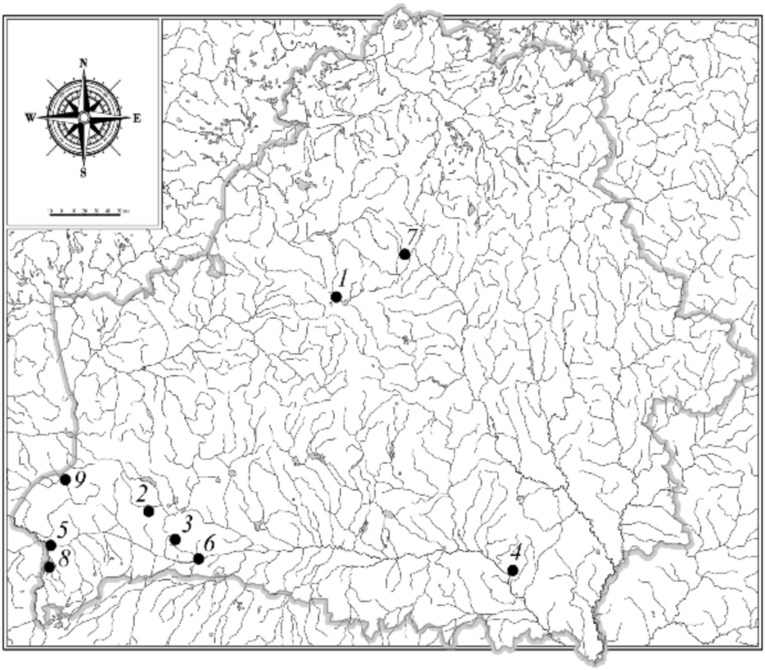
Дададзім, што для абазначэння тыпахраналогіі адпаведных вырабаў выкарыстоўваецца цэнтральна- і паўночнаеўрапейская перыядызацыі эпохі бронзы, пабудаваныя на комплексным вылучэнні тыпаў характэрных рэчаў. Для паўночных рэгіёнаў Еўропы, галоўным чынам для Скандынавіі, Даніі, вылучаюцца перыяды з наступным прыблізным датаваннем:

I (1700–1500 cal. BC);
II (1500–1300 cal. BC);
III (1300–1100 cal. BC);
IV (1100–900 cal. BC);
V (900–700 cal. BC);
VI (700–500 cal. BC).

Цэнтральнаеўрапейская перыядызацыйная шкала пабудавана на вылучэнні перыядаў:

BrA1 (2300/2200–2000/1950 cal. BC);
BrA2 (2000/1950–1600/1500 cal. BC);
BrB–C (1500–1300 cal. BC);
BrD–HaA1 (1300–1100 cal. BC);
HaA2–B1 (1100–900? cal. BC);
HaB2–B3 (900?–700? cal. BC);
HaC–HaD1 (700?–500 cal. BC)

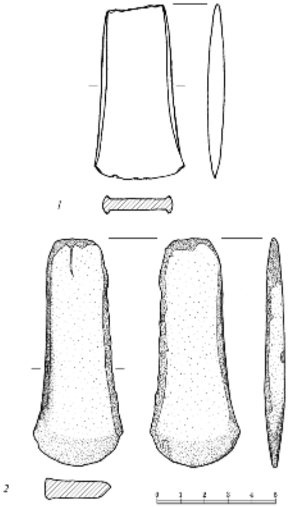
(паводле A. Harding, H. Vandkilde і інш. – гл., напрыклад, бібліяграфію і агляд: [1; 2; 3; 4, p. 14-24]). На аснове згаданых сістэм распрацоўваюцца рэгіянальныя перыядызацыйныя схемы [гл., напрыклад: 3, s. 81–89].



Рыс. 1. Карта знаходак металічных вырабаў:

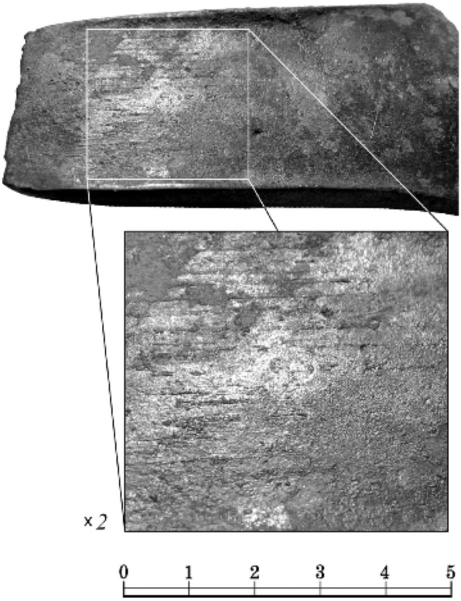
1 – плоская сякера з нізкімі закраінамі (г. Заслаўе, Мінская вобласць); *2* – плоская сякера з нізкімі закраінамі (в. Боркі, Бярозаўскі раён Брэсцкай вобласці); *3* – сякера ўсходнебалтыйскага тыпу з высокімі закраінамі і лязом паўкруглай формы (в. Вавулічы, Драгічынскі раён Брэсцкай вобласці); *4* – сякера тыпу «Казары» (в. Юравічы, Калінкавіцкі раён, Гомельская вобласць); *5* – праразны наканечнік кап'я (г. Брэст, вусце ракі Мухавец); *6* – востралісты наканечнік кап'я з доўгай ўтулкай (в. Рудкаўка, Іванаўскі раён Брэсцкай вобласці); *7* – арнаментаваны нож (в. Чабатыры Лагойскага раёна Мінскай вобласці); *8* – тронкавы наканечнік стралы (в. Страдзеч, Брэсцкі раён Брэсцкай вобласці); *9* – фрагмент вырабу са спіралепадобным шчытком (Камянюкі-13, Камянецкі раён Брэсцкай вобласці)

Плоская сякера з нізкімі закраінамі (г. Заслаўе, Мінская вобласць) (рыс. 2, *1*). Сякеру выпадкова знайшоў жыхар г. Заслаўя І. В. Жураўлёў у 2016 г. і перадаў у музейную археалагічную экспазіцыю Інстытута гісторыі НАН Беларусі, дзе выраб і захоўваецца. Паводле паведамлення І. В. Жураўлёва, сякера знойдзена на тэрыторыі сучаснага Заслаўя, у паўднёвым накірунку ад птушкафабрыкі, на ўзвышаным участку левай тэрасы р. Свіслач (рыс. 1, *1*). Месца выяўлення вырабу паказана знаходчыкам на карце. Археалагічнае абследаванне тэрыторыі, на якой знойдзена сякера, не праводзілася.



Рыс. 2. Плоскія сякеры з нізкімі закраінамі:
1 – г. Заслаўе, Мінская вобласць (малюнак М. М. Крывальцэвіча); *2* – в. Боркі, Бярозаўскі раён Брэсцкай вобласці (малюнак А. Ю. Ткачова)

Прылада адносіцца да тыпу плоскіх сякер з нізкімі закраінамі. Метрычныя параметры вырабу: даўжыня 73 мм; шырыня ляза 37 мм; шырыня абушка 25 мм; максімальная таўшчыня з закраінамі 7 мм; максімальная таўшчыня тулава без закраін 5 мм. Лязо пашыранае, дугападобнае, месцамі пашкоджанае ў старажытнасці. Абушок параўнальна шырокі і прывостраны. Край абушка скошаны на адзін бок, але, верагодна, першапачаткова быў прамым. На сякеры прасочваецца паціна цёмна-зялёнага колеру са светлазялёнымі плямамі. На асобных участках верхняй паловы вырабу, на метале захаваліся ледзь заўважныя вертыкальныя і амаль паралельныя пасы зацвярдзелага жаўтлява-шэрага рэчыва (рыс. 3) – сляды субстанцыі, якія могуць быць арганічнымі рэшткамі дзяржальна альбо муфты (драўлянай? рагавой? касцяной?).



Рыс. 3. Плоская сякера з закраінамі, г. Заслаўе, Мінская вобласць.
Сляды-рэшткі дзяржальна альбо муфты; фота М. М. Крывальцэвіча

Пры тыпалагічнай ідэнтыфікацыі заслаўскай плоскай сякеры з закраінамі неабходна звярнуць увагу на наступныя марфалагічныя элементы: дугападобнай формы і мала закругленае, мала пашыранае лязо; нізкія закраіны; максімальнае пашырэнне бакавых паверхняў закраін пасярэдзіне; прывостраны і параўнальна шырокі абушок, не выключана, прамы ў першапачатковым варыянце; параўнальна тонкае тулава. Прылады з блізкімі марфалагічнымі паказнікамі сустракаюцца сярод вырабаў, якія вядуць сваё паходжанне ад сякер унеціцкага тыпу цэнтральнаеўрапейскага ранняга бронзавага веку. У скарбах металічных вырабаў на тэрыторыі паўночнай Польшчы даследчыкі вылучаюць сякеры рэгіянальнага тыпу *Grodnica*, якія нагадваюць заслаўскую знаходку і суадносяцца з перыядам BrB [параўн., напрыклад: 1, s. 23–24, tabl. XV: 2, 3; 5, s. 51–54, tafel 57]. Неабходна таксама дадаць, што заслаўскі выраб збліжаецца па асноўных сваіх азнаках з некаторымі сякерамі, якія знаходзілі на тэрыторыі Заходняй Украіны, у тым ліку на Валыні, дзе яны датуюцца эпішнуравым і тшцінецкім перыядамі [гл., напрыклад: 6, с. 78–80; 7, tabl. V: 6; 8, с. 424–426; 9, с. 397–400]. Паводле В. І. Клочкі, сякеры з закраінамі, вытокі тыпалагічнага развіцця якіх варта шукаць ва ўнеціцкай традыцыі, спарадычна фіксуюцца ва ўсходнееўрапейскай лясной зоне [9, с. 397–400].

Плоская сякера з нізкімі закраінамі (в. Боркі, Бярозаўскі раён, Брэсцкая вобласць) (рыс. 2, *2*). Сякеру знайшоў жыхар г. Брэста П. Шыманскі у 2015 г. на ворным полі, што на захад ад вёскі Боркі (рыс. 1, *2*). Археалагічныя даследаванні на месцы выяўлення сякеры не праводзіліся. Захоўваецца ў фондах Інстытута гісторыі НАН Беларусі.

Прылада адносіцца да тыпу плоскіх сякер з нізкімі закраінамі (рыс. 2, *2*). Памеры выраба: даўжыня 95 мм; шырыня ляза 38 мм; шырыня абушка 25 мм; максімальная таўшчыня з закраінамі 9 мм; максімальная таўшчыня без закраін 7 мм. Лязо пашыранае, дугападобнае. Бакавыя паверхні закругленыя. Абушок сякеры пашкоджаны. Найбольш верагодна, у першапачатковым выглядзе край абушка быў прамым. З аднаго боку цалкам, а з другога часткова, грані і закраіны ў сякеры знішчаныя. На адной з плоскіх паверхняў амаль на ўсю даўжыню прылады праглядаецца паглыбленае пашкоджанне (след ад плуга альбо вынік сучаснай зачысткі вырабу?). Паверхня сякеры пакрыта цёмна-зялёнай пацінай, якая на ўчастках пашкоджання святлее і набывае светла-зялёны колер.

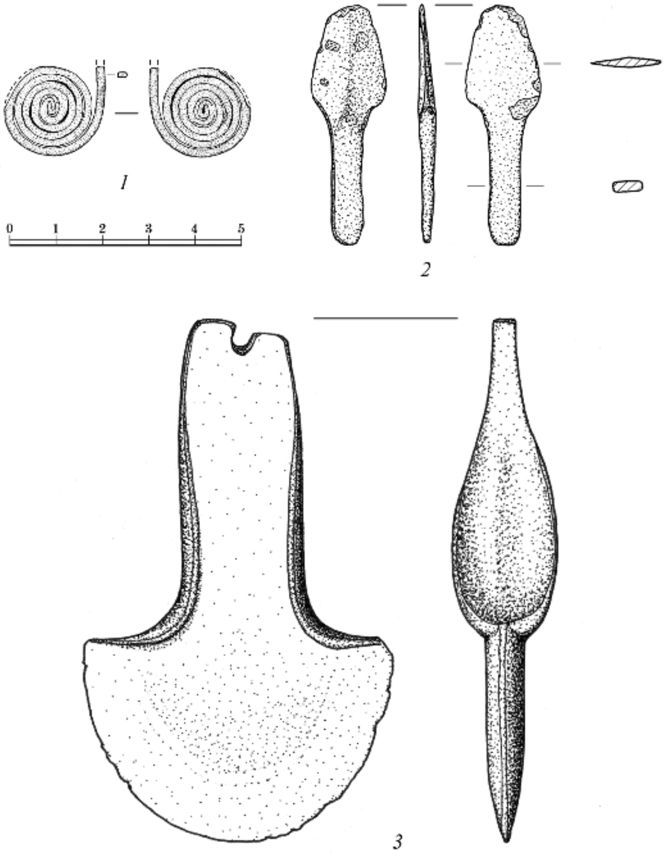
Выраб, які знойдзены каля вёскі Боркі, нагадвае некаторыя сякеры ўнеціцкіх тыпаў. У прыватнасці, калі звярнуць увагу на невялікую ўвагнутасць бакавых краёў выраба, нізкія закраіны, дугападобнасць ляза, то знаходка зближаецца з сякерамі тыпу *Wrocław-Szczytniki* з тэрыторыі Польшчы [1, s. 19–21] альбо з некаторымі сякерамі тыпу *Grodnice* [1, s. 23–24]. Ужыванне згаданых тыпаў бронзавых вырабаў на тэрыторыі Польшчы адносіцца, галоўным чынам, да заканчэння BrA2 і BrB перыядаў [гл., напрыклад: 1, s. 19, 23].

Сякера ўсходнебалтыйскага тыпу з высокімі закраінамі і лязом паўкруглай формы (в. Вавулічы, Драгічынскі раён, Брэсцкая вобласць) (рыс. 1, *3*; 4, *3*). Сякеру знайшла жыхарка горада Драгічын В. В. Мельнічук. Абставіны і дакладнае месца выяўлення сякеры каля в. Вавулічы не ўстаноўлены. У 2000 г. сякеру перадалі на гістарычны факультэт Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта ім. А. С. Пушкіна, дзе яна цяпер і захоўваецца.

Даўжыня сякеры 106 мм, шырыня ляза 64 мм, шырыня закраін 22 мм. Закраіны пачынаюцца прыкладна праз 10 мм ніжэй верхняга краю абушка. Даўжыня аправы 70 мм, шырыня – 37 мм. Раўчук аправы плоскі, а на пераходзе да ляза з уступам. Закраіны працягваюцца па плечыках лёзавай часткі вырабу. Невялікая круглая выемка зроблена па краю абушка (рыс. 4, *3*).

Выраб з Вавуліч адпавядае асноўным паказнікам усходнебалтыйскіх сякер тыпу *Tautušiai* [параўн. : 3, s. 47; 10, с. 18–23; 4, s. 92–94; 11, pav. 224, 150, 23]. У сякеры з Вавуліч шырокае лязо паўкруглай формы, уступ на месцы перахода ад аправы да ляза – азнакі, якія дазваляюць суадносіць выраб з сякерамі тыпу *Tautušiai* падтыпу *C* [параўн.: 3, s. 47, rус. 42b]. Вырабы тыпу *Tautušiai* сустракаліся, галоўным чынам, у рэгіёнах Памор’я, Усход-

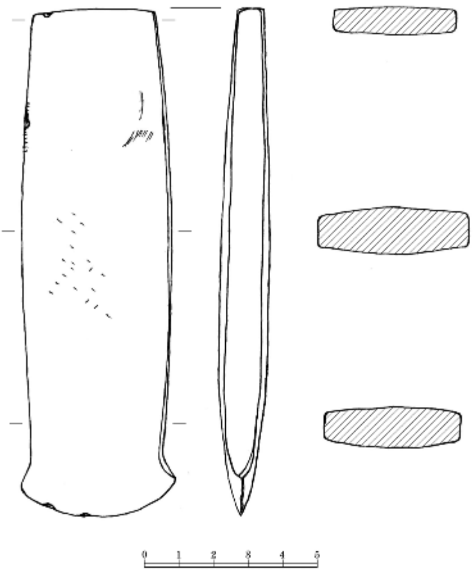
няй і Паўднёва-Усходняй Прыбалтыкі [гл., напрыклад: 3, mapa 12; 4, pav. 78, žemėl 5]. Некаторыя даследчыкі разглядаюць такія сякеры ў якасці рэгіянальнага ўсходнебалтыйскага тыпу [гл., напрыклад: 4, s. 234]. Падтып С, паводле Я. Дамброўскага, датуецца ў межах III–IV перыядаў эпохі бронзы. Пры гэтым, найбольш верагодна, позняя храналогія адносіцца ў першую чаргу да вырабаў з усходніх рэгіёнаў іх распаўсюджання [3, s. 47]. А. Шпунар датуе іх на тэрыторыі Польшчы перыядам III [5, tafel 57].



Рыс. 4. Вырабы з бронзы:

1 – фрагмент вырабу са спіралепадобным шчытком, Камянюкі-13, Камянецкі раён Брэсцкай вобласці; *2* – тронкавы наканечнік стралы, в. Страдзеч, Брэсцкі раён Брэсцкай вобласці; *3* – сякера ўсходнебалтыйскага тыпу з высокімі закраінамі і лязом паўкруглай формы, в. Вавулічы, Драгічынскі раён Брэсцкай вобласці.

Малюнкі А. Ю. Ткачова



Рыс. 5. Сякера тыпу «Казары», в. Юравічы, Калінкавіцкі раён, Гомельская вобласць.
Малюнак М. М. Крывальцэвіча

Сякера тыпу «Казары» (в. Юравічы, Калінкавіцкі раён, Гомельская вобласць) (рыс. 5). Параўнальна добрай захаванасці сякера знойдзена ў ваколіцах в. Юравічы, захоўваецца ў прыватнай калекцыі (рыс. 1, *4*).

Паводле тыпалагічнай ідэнтыфікацыі, юравіцкая знаходка адпавядае марфалагічным азнакам металічных прыладаў, якія ўкраінскія даследчыкі вылучаюць у тып *«цёслы скарбу «Казары»* [параўн. : 12, с. 100, 103–107, 303]. Як і вырабы тыпу «Казары», юравіцкая знаходка характарызуецца завужэннем абушковай і прылёзавай частак, максімальным пашырэннем тулава пасярэдзіне, шырокім лязом з выступаючымі бакавымі заканчэннямі, а таксама набліжаным да прамакутнай формы папярочным сячэннем тулава, плоскім па тарцу абушком (рыс. 5). У выраба наступныя метрычныя параметры: агульная даўжыня 147 мм; максімальная шырыня тулава 43 мм; максімальная таўшчыня вырабу 14 мм; таўшчыня абушка 7 мм; шырыня абушка 35 мм; шырыня завужэння ў прылёзавай частцы 39 мм; шырыня ляза 44 мм. Вага прылады 515 г.

Візуальны агляд сякеры дазваляе адзначыць некаторыя яе марфалагічныя і тэхналагічныя дэталі. У прыватнасці, калі бакавыя грані прылады прыплюшчаныя, то абедзве шырокія плашчыны зроблены з прадольнымі выпу-

класцямі. Лязо параўнальна вострае, з невялікімі вышчарбінамі па самаму краю. Паверхня сякеры зялянцавага колеру з невялікімі рудаватымі плямамі. На адной з шырокіх плашчынаў, у верхняй яе палове захаваліся сляды ледзь заўважнай зялёнай шурпатасці, якія, мабыць, можна інтэрпрэтаваць як сляды мацавання муфты ці дзяржальна (?). На супрацьлеглай плашчыне, на яе сярэдняй выпуклай паверхні, праглядаюцца мікраскапічныя тонкія надзёўбванні дыяганальнай скіраванасці. Тонкія кароткія насечкі заўважаюцца на адным з кантаў у верхняй палове сякеры.

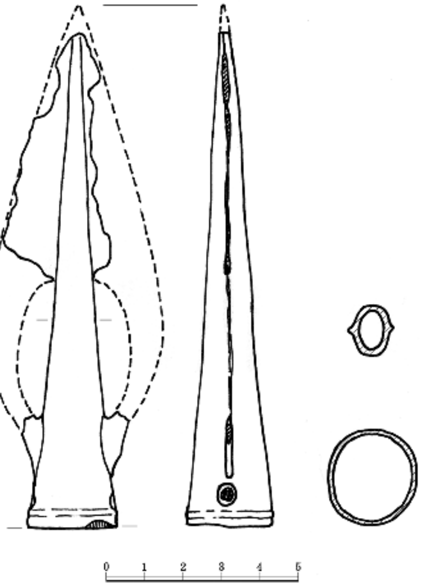
На тэрыторыі Беларусі некаторымі элементамі формы і метрычнымі параметрамі знаходка з Юравіч нагадвае бронзавую сякеру, якая знойдзена М. М. Чарняўскім пры раскопках паселішча Кастыкі (Вілейскі раён, Мінская вобласць), што на Беларускім Паазер'і. Асноўныя складнікі металу сякеры з Кастык – медзь і волава ў суадносінах адпаведна 90 % і 8–10 %, што характэрна для класічнай і аптымальнай для практычнага выкарыстання бронзы [13, с. 320].

Юравіцкі выраб у найбольшай ступені адпавядае цёслам скарбу «Казары» Чарнігаўскай вобласці Украіны [параўн.: 12, с. 100, 303]. Цёслы тыпу «Казары» часта знаходзілі на Сярэднім Падняпроўі і на некаторых сумежных тэрыторыях, у тым ліку ў Чарнігаўскай, Кіеўскай абласцях Украіны [12, с. 100, 103–107, 303]. Украінскія даследчыкі суадносяць скарб «Казары» і цёслы адпаведнага тыпу з культурным колам Бабіна эпохі бронзы (2300–1700 гг. да н. э.) [12, с. 303]. Неабходна дадаць, што ў басейне ніжняй Прыпяці, у тым ліку на Мазырскім Палессі і каля Юравіч (Юравічы-3, 4, 5), адзначаліся матэрыялы позняга тыпу культурнага кола Бабіна [гл., напрыклад: 14], якія ў некаторых выпадках спалучаюцца з традыцыямі сярэднедняпроўскай культуры. Матэрыялы бабінскага тыпу з паўднёва-ўсходняй Беларусі разглядаюцца ў складзе адной з паўночных і паўночна-ўсходніх перыферыйных груп пост-катакомбных культур культурнага кола Бабіна з храналогіяй на заключны іх этап, а менавіта, прыблізна на заканчэнне першай – пачатак другой чвэрці II тыс. да н. э. (гл., больш падрабязна, у тым ліку бібліяграфію: [14, р. 139–161].

Найбольш верагодна, знойдзеная ў Юравічах сякера – імпартаваны выраб, які пранік па Дняпру і Прыпяці з суседніх рэгіёнаў паўночнай Украіны.

Праразны наканечнік кап'я (г. Брэст, вусце ракі Мухавец) [гл. таксама: 15, с. 152–157] (рыс. 6). Наканечнік выпадкова знайшоў у 2008 г. жыхар г. Брэста Г. А. Умецкі. Старажытны выраб ляжаў у прыруславым пяску, недалёка ад месца ўпадзення ракі Мухавец ў Заходні Буг (рыс. 1, *5*). Знаходка трапіла ў Брэсцкі абласны краязнаўчы музей, дзе цяпер і захоўваецца. У наканечніка пашкоджаныя і часткова адсутнічаюць асобныя элементы пяра. Аднак больш-менш упэўнена можна аднавіць агульную форму вырабу, што дазваляе разглядаць знаходку як тып наканечніка з праразнымі кры-

ламі [параўн., напрыклад: 16, с. 100–102; 17, p. 235–237 і інш.] (рыс. 6). Артэфакт знойдзены на параўнальна вялікай адлегласці ад асноўных раёнаў распаўсюджання бронзавых праразных наканечнікаў – Сярэдняга і Ніжняга Падняпроўя, а таксама лесастэпавых і стэпавых тэрыторый на ўсход ад Дняпра [16, рис. 45]. Па комплексу марфалагічных элементаў брэсцкая знаходка нагадвае некаторыя праразныя наканечнікі Сярэдняга Падняпроўя. У такім разе ўзнікае праблема мадэлявання найбольш верагоднага шляху пранікнення знойдзенага бронзавага вырабу ў палескі рэгіён Беларускага Пабужжа.



Рыс. 6. Праразны наканечнік кап’я, г. Брэст, вусце ракі Мухавец.

Малюнак М. М. Крывальцэвіча

Даўжыня той часткі наканечніка, якая дайшла да нашага часу, складае 126 мм. У першапачатковым выглядзе даўжыня вырабу магла дасягаць амаль 130 мм. У наканечніка кароткая самкнутая ўтулка (даўжыня яе ад краю да ніжняй часткі пяра 13 мм). На ўтулцы зроблены дзве адтуліны, а вышэй яе краю – невысокае і вузкае патаўшчэнне ў выглядзе валіка. Дыяметр ніжняга краю ўтулкі 23 мм. Ніжнія часткі крылаў праразныя (даўжыня адтулін не перавышала 35 мм). Наканечнік адлівалі ў двухбаковай раздымнай форме, пра што сведчаць сляды ліцейнага шва на бакавых паверхнях. Выраб пакрыты характэрнай для медна-бронзавых вырабаў цёмна-зялёнай пацінай.

Бронзавыя наканечнікі коп’яў з праразнымі крыламі распаўсюджваліся на сумежных з Палессем паўднёва-ўсходніх тэрыторыях Еўропы. Самыя раннія варыянты праразных наканечнікаў адзначаліся ў бережноўска-маёўскай зрубнай культуры (XVII–XII стст. да н. э.). У коп’яў тыпу «Златопаль», якія вылучаў В. І. Клочка, шырокае востралістае пяро з вялікімі акруглымі прарэзамі, а ніжняя частка ўтулкі ўмацавана валікам [18, с. 194]. У бережноўска-маёўскай зрубнай культуры наканечнікі златопальскага тыпу з’яўляюцца больш познім тыпам развіцця форм наканечнікаў коп’яў у параўнанні з некаторымі мясцовымі вырабамі без прарэзаў [18, с. 194]. Я. М. Чарных вылучаў згаданыя раннія праразныя наканечнікі ў тып П-10. Ён лічыў, што Паўночнае Прычарнамор’е было адным з цэнтраў іх паходжання і вытворчасці [16, с. 100–101].

Наступны этап распаўсюджання коп’яў з праразнымі крыламі – белаазёрскі перыяд позняга бронзавага веку (XII–X стст. да н. э.). У гэты час выраблялiся праразныя наканечнікі завадоўскага тыпу з полымяпадобным пяром [18, с. 213–214, рис. 101: 17–20]. Я. М. Чарных вылучаў іх у тып П-12 [16, с. 101–102]. Верагодна, яны ўзніклі ў выніку сінтэзу цэнтральна- і ўсходнееўрапейскіх традыцый і распаўсюджваліся пераважна ў Сярэднім і Ніжнім Падняпроўі [16, с. 102; 18, с. 213–214]. Практыка вытворчасці і выкарыстання наканечнікаў коп’яў і дроцікаў з прарэзамі дажывае да кімерыйскага перыяду (X–VIII стст. да н. э.). У многіх вырабаў гэтага часу можна пабачыць кароткую ўтулку і шырокае лісцепадобнае пяро. Утулка не ўмацоўвалася валікам [18, с. 268, рис. 110].

У знойдзенага на Беларускім Пабужжы наканечніка доўгае лісцепадобнае пяро спалучаецца з кароткай утулкай, якая ўмацоўвалася валікам. Неабходна звярнуць увагу на такі марфалагічны элемент брэсцкага вырабу, як прысутнасць прарэзаў невялікіх памераў. Пры параўнанні палескай знаходкі з вырабамі лабойкаўскай групы, прынамсі з наканечнікамі тыпу «Златаполь», назіраецца толькі агульнае падабенства іх форм, што абумоўлена, відаць, ідэяй вытворчасці праразных наканечнікаў. Іх зблiжае таксама такая азнака, як умацаванне ўтулкі валікам. У наканечнікаў златапольскага тыпу, як правіла, доўгая ўтулка, шырокае і параўнальна кароткае пяро, вялікія прарэзы. Большасць наканечнікаў белаазёрскага этапу адрозніваецца ад брэсцкага вырабу формай пяра і ўтулкі, а таксама адсутнасцю валікаў.

Зрэшты, формы наканечнікаў без прарэзаў, з параўнальна доўгім пяром і кароткай утулкай можна сустрэць у комплексах сабацінаўскай (дрэмайліўскі тып), познетшцінецка-раннебелагрудаўскай груп узбраення позняга бронзавага веку [параўн., напрыклад: 18, рис. 75: 8, 10; 84: 5, 6]. Кароткая ўтулка (зрэдку з адтулінамі) і пяро востралістай формы – характэрныя рысы наканечнікаў без прарэзаў тыпу «Птахіўка», якія В. І. Клочка ўключае ў белазёрска-белагрудаўскую групу ўзбраення і адносіць да белаазёрскага этапу

[18, с. 206, рис. 96: 11–13; фото 17). На яго думку, яны нагадваюць некаторыя тыпы еўрапейскіх наканечнікаў перыядаў НаА1–А2 [18, с. 206]. Арэал наканечнікаў коп'яў з кароткай утулкай і лісцепадобным пяром, паводле Я. М. Чарных, не выходзіў за межы Сярэдняга Падняпроўя [16, с. 102–103, табл. XXVIII: 7, 8].

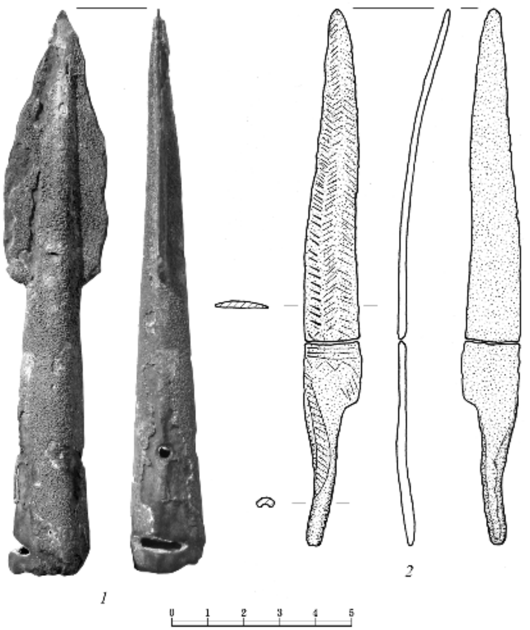
Спалучэнне адпаведных марфалагічных элементаў дазваляе адносіць наканечнік з Беларускага Пабужжа да белазёрска-белагрудаўскага часу. Найбольш верагодны перыяд яго вытворчасці – канец II тыс. да н. э. Неабходна таксама адзначыць, што некаторымі асаблівасцямі сваёй формы брэсцкая знаходка нагадвае наканечнікі з прарэзанымі крыламі, якія знойдзены на Кіеўшчыне ў Гогаліве [18, рис. 88: 10] і Козінцах [18, рис. 101: 21]. Наканечнік з Гогаліва В. І. Клочко ўмоўна аднёс да златапольскага тыпу, але пры гэтым не выключаў верагоднасць узнікнення такіх вырабаў у выніку развіцця мясцовай усходнеўкраінскай «постзлатапольскай» традыцыі [18, с. 194]. Ён таксама ўмоўна ўключаў у групу наканечнікаў белаазёрскага часу выраб, які знайшлі ў Козінцах, таму што знаходка толькі па некаторых азнаках адпавядала марфалогіі наканечнікаў з прарэзанымі крыламі завадоўскага тыпу [18, с. 214].

Элементы падабенства паміж брэсцкай знаходкай і вырабамі з Гогаліва і Козінцаў дазваляюць меркаваць пра іх тыпалагічную залежнасць і пераемнасць. У такім разе дапускаецца, што раён паходжання брэсцкай знаходкі – Сярэдняе Падняпроўе. Мажліва, з'яўленне ў вусці Мухаўца наканечніка з прарэзанымі крыламі адбылося ў выніку існавання сувязяў, хутчэй за ўсё апасродкаваных, паміж групамі насельніцтва Сярэдняга Падняпроўя і Беларускага Пабужжа.

Знойдзены ў Брэсце наканечнік кап'я з прарэзанымі крыламі, калі мець на ўвазе меркаваны перыяд яго вырабу (канец II тыс. да н. э.), з'явіўся ў Беларускім Пабужжы сярод позніх груп насельніцтва тшцінецкага культурнага кола. Ва ўсходніх групах тшцінецкіх помнікаў, у тым ліку на тэрыторыі Палесся, прасочваюцца асобныя элементы суседніх паўночна-прычарнаморскіх культур. Вядома таксама, што тшцінецкае насельніцтва выкарыстоўвала некаторыя тыпы металічных вырабаў, для якіх характэрны азнакі стэпавых і лесастэпавых вытворчых цэнтраў [гл., напрыклад: 6, с. 92; 19, s. 173, 177–178, 344–348]. На помніках тшцінецкага культурнага кола неаднаразова знаходзілі металічныя і іншыя рэчы, якія траплялі па камунікацыйных шляхах з Цэнтральнай Еўропы і Паўночнага Прычарнамор'я [гл., напрыклад: 20, p. 302–337; 21, p. 338–367]. Многія імпартаваныя вырабы варта разглядаць у якасці прэстыжных прывазных тавараў, якія канцэнтраваліся ў прадстаўнікоў асобных абшчын. Працэс накаплення каштоўных рэчаў у меншай ступені закрануў палескія анклавы тшцінецкага насельніцтва, пра што сведчыць параўнальна невялікая колькасць прывазных металічных і іншых прэстыжных

рэчаў, знойдзеных на паўночных тшцінецкіх тэрыторыях [22; 8, с. 46–50; 11]. Амаль усе медна-бронзавыя артэфакты Палесся адносяцца да катэгорый упрыгожанняў і зброі. Яны пранікалі з суседніх рэгіёнаў Цэнтральнай Еўропы і Правабярэжнай Украіны [23, с. 246–259; 24, с. 92–93; 25, с. 46–50 і інш.].

У такім разе, знойдзены ў Брэсце наканечнік кап'я з прарэзанымі крыламі – рэдкі ўзор імпартаванай зброі, месца вытворчасці якога, найбольш верагодна, Сярэдняе Падняпроўе, адкуль ён мог трапіць у Беларускае Пабужжа. Для II тыс. да н. э. даследчыкі вызначаюць некалькі найбольш верагодных сухапутных і водных камунікацыйных шляхоў, па якіх адбывалася перамяшчэнне прэстыжных рэчаў, у тым ліку металічных. У тшцінецкі перыяд на прасторах паміж Сярэднім Падняпроўем і Заходнім Бугам адна з самых кароткіх камунікацыйных дарог магла цягнуцца па паўночных ускраінах Валыні ўздоўж Палесся [20, p. 322–327, fig. 22; 21, p. 360, fig. 42]. Некаторыя водныя і сухапутныя камунікацыйныя дарогі, якія ўзніклі ў II тыс. да н. э. паміж рэгіёнамі Паўночнага Прычарнамор'я і Балтыі, і па якіх перамяш-



Рыс. 7. Вырабы з бронзы:

1 – востралісты наканечнік кап'я з доўгай ўтулкай, в. Рудкаўка, Іванаўскі раён Брэсцкай вобласці (фота М. М. Крывальцэвіча); *2* – бронзавы арнаментаваны нож, в. Чабатыры Лагойскага раёна Мінскай вобласці (малюнак А. Ю. Ткачова)

чаліся асобныя каштоўныя рэчы, ідэі, цягнуліся ў заходнім і паўночна-заходнім накірунках ад Сярэдняга і Ніжняга Падняпроўя. Час ад часу шляхі маглі адгаліноўвацца на Заходні Буг [20, fig. 22]. Напэўна, знойдзены ў вусці Мухаўца наканечнік з прарэзаным пяром быў каштоўнасцю для мясцовага тшцінецкага насельніцтва. Ён, мабыць, пранік па аднаму з меркаваных маршрутаў, канечным этапам якога было сярэдняе Пабужжа.

Востралісты наканечнік кап'я з доўгай утулкай (в. Рудкаўка, Іванаўскі раён Брэсцкай вобласці) (рыс. 7, *1*). Наканечнік знаходзіцца ў прыватнай калекцыі В. Еўтуховіча (г. Пінск), які ён выпадкова знайшоў разам са сваім сябрам (у 2012 г. ?). Наканечнік знойдзены на полі, якое пачынаецца за лесам, прыблізна праз 0,5 км на поўнач ад паўночна-ўсходняй ускраіны в. Рудкаўка. Згаданае поле прасціраецца ў правабярэжжы ракі Неслуха. Прыблізна праз 1,5 км на ўсход ад месца выяўлення наканечніка р. Неслуха ўпадае ў Піну (рыс. 1, *6*). Месцазнаходжанне абазначана на карце знаходчыкам. Археалагічнае абследаванне тэрыторыі, дзе быў знойдзены наканечнік, не праводзілася.

Пяро наканечніка пашкоджанае па краях, што не дазваляе ўпэўнена рэканструяваць яго першапачатковую форму (рыс. 7, *1*). У прылады параўнальна доўгая ўтулка, на якую прыходзіцца амаль палова даўжыні вырабу. Агульная даўжыня наканечніка 160 мм, пяра – каля 80 мм. Дыяметр утулкі амаль 23 мм. На ёй, каля ніжняга краю і паралельна яму, прарэзана доўгая гарызантальная шчыліна, а вышэй па баках – дзве скразныя круглыя дзіркі. Бронзавы выраб пакрыты ярка-зялёнай пацінай, якая месцамі скрышылася, агаліўшы рудавата-шэрую металічную паверхню.

Адна з асноўных марфалагічных адметнасцей наканечніка – доўгая ўтулка і высока размешчанае пяро. Апошняе займае амаль палову ўсёй даўжыні вырабу. Адзінкавыя прылады блізкага тыпу знойдзены на Сярэднім Падняпроўі і аднесены В. І. Клочкам да познатшцінецкай-раннебелагрудаўскай групы. Ён параўноўвае іх з шматлікімі аналагічнымі бронзавымі вырабамі Цэнтральнай Еўропы, дзе яны сустракаліся ў комплексах перыядаў BrD – HaA эпохі бронзы [18, с. 188–189, рис. 84: 1, 3]. Некаторае марфалагічнае падабенства знаходцы з Рудкаўкі можна ўбачыць у наканечніку са скарбу *Jelenie* (IV перыяд) на тэрыторыі Польшчы [2, tabl. 23: 3]. Такім чынам, ёсць падставы знойдзены каля Рудкаўкі металічны наканечнік датаваць і параўноўваць з блізкімі па форме вырабамі перыядаў BrD – HaA (III–IV) эпохі бронзы ў Цэнтральнай Еўропе.

Арнаментаваны нож (в. Чабатыры Лагойскага раёна Мінскай вобласці) (рыс. 1, *7*; 7, *2*). Выраб выпадкова знойдзены летам 2014 г. Месца выяўлення артэфакта на сённяшні дзень не было праверана на наяўнасць іншых археалагічных матэрыялаў прафесійнымі археолагамі. Нож захоўваецца ў вучэбнай лабараторыі музейнай справы гістарычнага факультэта БДУ.

Артэфакт быў знойдзены ў разламаным выглядзе. Ён прадстаўляе сабой дзве няроўныя ацалелыя часткі – большую частку клінка, якая складае 93 мм у даўжыню, і пяткавую яго частку з рукаяццю, даўжынёй 57 мм (рыс. 7, *2*). Аблом на вырабе амаль вертыкальны, злёгку дугападобны, прыпадае, верагодна, на адну з вертыкальных наразных ліній арнаменту. Агульная даўжыня прылады, такім чынам, да пашкоджання складала не менш за 150 мм. У прадоўжным сячэнні выраб плаўна выгнуты. Вага яго – каля 16,51 г. Прадмет быў выраблены шляхам адліўкі ў плоскай аднабаковай форме, сячэнне клінка – выцягнуты сегмент. Паверхня добрыцы – выгнутая.

Даўжыня цэлага клінка складала не менш 110 мм (?), даўжыня рукаяткі – каля 40 мм. Хваліста-асіметрычны клінок нажа звужаецца да вастрыя. Прыблізна на сярэдзіне даўжыні ад пяткі ён змяшчаецца ад падоўжнай восі ў кірунку рэзальнай кромкі, бліжэй да самага вастрыя вяртаецца да яе, утвараючы лёгкую выпукласць ляза. Пры гэтым пяткавая частка ляза, выглядае, была пашыраная да ўзроўню прылёзавай выпукласці. Выніковая хвалістасць рэзальнай кромкі, верагодна, павінна была павялічваць эфектыўнасць прылады і не дазваляць клінку «запячатваць» сабой рану. Кромка абуха клінка паўтарае выгіны ляза, тую ж «хвалю» працягвае і рукаяць.

Рукаяць паступова звужаецца ад пяткі клінка – з 11 да 4 мм. Сячэнне яе С-падобнае, са знайніцы (з тыльнага боку) закраіны няроўна заплясканыя нерэгулярным фізічным уздзеяннем. Адтуліны для фіксавання накладных пласцін з косткі ці дрэва адсутнічаюць. На карысць выкарыстання рукаяці ў выяўленым непакрытым выглядзе кажа і загнутасць закраін, якая дазваляе пазбегнуць пашкоджання рукі пры моцным намаганні, і наяўнасць на ёй арнаментацыі.

Нож аздоблены наразнымі лініямі амаль па ўсёй паверхні з добрыцы. Вылучаюцца тры зоны арнаментацыі: лёзавая, пераходу да рукаяці і рукаяць. Лёзавая аформлена трыма шэрагамі пахіленых кароткіх нарэзак/насечак. Кожны шэраг пахілены ў іншы бок, разам яны ўтвараюць шырока вядомы на керамічным посудзе позняга неаліту – бронзавага веку матыў «гарызантальнай ялінкі». Пераход да рукаяці аформлены двума шэрагамі вертыкальнага зігзагу, паміж якімі размешчаны чатыры вертыкальныя лініі, якія крыху не даходзяць да краёў прылады. Па крайняй ад вастрыя з іх выраб і быў зламаны. Арнамент на рукаяці прадстаўлены злёгку выгнутай выцягнутай кампазіцыяй з дзвюх падоўжных ліній, прастора паміж якімі запоўнена шэрагам пахіленых нарэзак/насечак. Кампазіцыя пачынаецца яшчэ на пяткавай частцы ляза, каля абуховай яе часткі і завяршаецца, не дайшоўшы 14 мм да канца рукаяці. У прылёзавай частцы пяткі ляза таксама фіксуецца кароткі і не вельмі ахайны шэраг з чатырох насечак, які дапаўняе арнаментальную кампазіцыю рукаяці.

Прамыя аналогіі нажу з-пад в. Чабатыры адсутнічаюць. Паводле тэхналогіі адліўкі вырабу ў плоскай форме яго можна датаваць познім бронзавым – раннім жалезным векам. Бліжэйшыя аналогіі па форме клінка сустракаюцца ў культурах Цэнтральнай і Усходняй Еўропы гэтага перыяду, у тым ліку і ў жалезных вырабах [26, taf. 130; 27, рис. 1: 1; 28, tabl. XXIV: 1], аднак выяўлены выраб адрозніваецца цэльнай арнаментаванай рукаяткай, якая не ўстаўлялася ў драўляную ці касцяную рукаяць. Ёсць верагоднасць, што нож з-пад Чабатыроў з'яўляецца лакальнай пераробкай імпартаванага вырабу.

Тронкавы наканечнік стралы (в. Страдзеч, Брэсцкі раён, Брэсцкая вобласць) (рыс. 4, *2*). Тронкавы наканечнік стралы выпадкова знойдзены ў ваколіцах в. Страдзеч (рыс. 1, *8*) і перададзены ў Брэсцкі абласны краязнаўчы музей. Абставіны выяўлення невядомы. У наканечніка адламана вастрыё. На адным баку ёсць патаўшчэнне ўздоўж восі пяра, другі бок пляскаты (рыс. 4, *2*). Асіметрычнасць пяра ў разрэзе дазваляе меркаваць, што наканечнік быў выраблены шляхам адліўкі ў плоскай аднабаковай форме. Даўжыня часткі, якая захавалася, 53 мм, шырыня 16 мм, таўшчыня 4 мм. Даўжыня тронка 28 мм, шырыня 7 мм, максімальная таўшчыня 3 мм.

Блізкія і аналагічныя па форме вырабы сустракаліся на тэрыторыі ўсходняй і паўднёвай Польшчы. Адносяцца яны да тронкавых наканечнікаў з лапаткападобным афармленнем пяра – *«łopatkowato uformowanym liściem»* [29, s. 66, ryc. 1, 2]. Аналагічныя тронкавыя наканечнікі знойдзены на помніках тшцінецкага культурнага кола, прынамсі, у курганах (Дубечно, Стругі, Тышовце), а адзін – сярод матэрыялаў паселішча ў Льгуве [29, s. 66].

Фрагмент вырабу са спіралепадобным шчытком (Камянюкі-13, Камянецкі раён, Брэсцкая вобласць) (рыс. 4, *1*). Фрагмент вырабу са спіралепадобным шчытком выяўлены падчас выратавальных даследаванняў на поўдні Белавежскай пушчы на помніку Камянюкі-13 (раскопкі А. Ю. Ткачова 2016 г.). Помнік размяшчаецца на пагорку, які знаходзіцца праз 0,7 км на паўночны ўсход ад маста праз раку Лясная Правая. Пагорак узвышаецца між старым і новым рэчышчамі ручая – прытока Лясной Правай (рыс. 1, *9*). Асноўная частка археалагічнага матэрыялу, знойдзенага ў Камянюках-13, адносіцца да канца неаліту і звязваеццца з дабраборскім этапам нёманскай культуры. Акрамя таго, у калекцыі маюцца матэрыялы позняга мезаліту (яніславіцкая культура), ранняга неаліту (прыпяцка-нёманская культура). Матэрыялы больш пазнейшых эпох прадстаўлены фрагментам бронзавага вырабу і венчыкам ляпнога начыння.

Ад металічнага вырабу захаваўся спіралепадобны шчыток з адыходзячым плоскім драцяным працягам (рыс. 4, *1*). Дыяметр шчытка 20 мм, шырыня дроту 2 мм, таўшчыня 1 мм. Частка знешняга вітка пашкоджаная. Драцяная аснова шчытка сплюшчаная. Дрот плюшчылі прыладай са сферычнай паверхняй. Сведчанне таму – след ад нанесенага ўдару на знешнім

вітку ў месцы адыходу дроту ад спіралі. Выраб пакрыты цёмна-зялёнай пацінай, якая ў месцах пашкоджання набывае светла-зялёны колер. На жаль, фрагментарнасць металічнай аздобы не дазваляе рэканструяваць поўны яе выгляд, а значыць, дакладна ідэнтыфікаваць яе тып.

Самыя раннія ўпрыгажэнні са спіралепадобнымі шчыткамі знойдзены на тэрыторыі Беларусі ў сярэднедняпроўскай культуры (могільнік Ходасавічы-Мошка, курган 11, пахаванне 1). Спіралепадобныя шчыткі ходасавіцкіх падвесак таксама зроблены з прамавугольнага ў сячэнні меднага дроту [30, с. 35, рис. 22: 1, 2; 47: 28, 29]. Вырабы са спіралепадобнымі шчыткамі (падвескі, шпількі, фібулы, бранзалеты і інш.) сустракаліся ў многіх культурах наступных перыядаў бронзавага і жалезнага вякоў [гл., напрыклад, 31, с. 61, 138, 192, 254, мал. 31: 12–14, 49: 9–12, 31, 32, 61: 6, 84: 1, 4, 19].

На помніку Камянюкі-13 побач з спіралепадобным шчытком знаходзіліся фрагменты слабапрафіляванай керамічнай пасудзіны з маларэльефным храпаватым пакрыццём паверхні. Форму пасудзіны аднавіць не ўдалося. Кераміка падобнага тыпу, калі прыняць да ўвагі спосаб аздаблення знешняй паверхні, распаўсюджвалася ў канцы эпохі бронзы і ў пачатку жалезнага веку. Бадай, згаданая кераміка можа быць адзіным кампанентам, які, напэўна, быў адначасовы з упрыгажэннем са спіралепадобным шчытком.

Такім чынам, прааналізаваныя металічныя вырабы датуюцца ў межах II – першай паловы I тыс. да н. э. Дапускаецца, што ўсе яны адносяцца да катэгорыі імпарту і траплялі на нашы землі з цэнтральнаеўрапейскіх, прыбалтыйскіх і паўднёва-ўсходнееўрапейскіх рэгіёнаў. Непасрэдна на тэрыторыю Беларусі многія разгледжаныя артэфакты пранікалі праз Пабужжа, Заходняе і Усходняе Палессе і былі запатрабаваныя ў тшцінецкі і посттшцінецкі перыяды эпохі бронзы. Знойдзеныя артэфакты, паводле свайго найбольш верагоднага функцыянальнага прызначэння, як правіла, залічваюцца ў катэгорыю зброі (сякеры, наканечнікі коп’яў, наканечнік стралы, нож) і ўпрыгожанняў (фрагмент вырабу са спіралепадобным шчытком). Рэдкія на нашых землях металічныя вырабы, якія імпартаваліся з аддаленых тэрыторый, павінны былі шанавацца і разглядацца ў якасці прэстыжных і экзатычных рэчаў, набываючы значэнне сацыяльных маркераў.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. *Blajer W.* Skarby z wczesnej epoki brązu na ziemiach polskich. Wrocław–Warszawa–Kraków–Gdańsk–Łódź: Ossolineum, 1990. 300 s.

2. *Blajer W.* Młodsza epoka brązu na ziemiach Polskich w świetle badań nad skarbami. Kraków: Historia Iagellonica, 2013. 290 s.

3. *Dąbrowski J.* Epoka brązu w Północno-Wschodniej Polsce. Białystok: Białostockie Towarzystwo Naukowe, 1997. 188 s.

4. *Čivilytė A.* Žmogus ir metalas priešistorėje: žvilgančios bronzos trauka. Vilnius: Diemedžio, 2014. 272 p.

5. *Szpunar A.* Die Beile in Polen I (Flachbeile, Randleistenbeile, Randleistenmeißel) // Prähistorische Bronzefunde. 1987. Abt. IX, Bd. 16. 164 s.

6. *Березанская С. С.* Средний период бронзового века в Северной Украине. Киев: Наукова думка, 1972. 268 с.

7. *Dąbrowski J.* Powiązania ziem Polskich z terenami wschodnimi w epoce brązu. Wrocław–Warszawa–Kraków–Gdańsk: PAN, Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1972. 319 s.

8. *Маркус І., Охріменко Г.* Озброєння та знаряддя праці населення Західної Волині IV–II тис до Р. Х. Луцьк: Волинська обласна друкарня, 2010. 492 с.

9. *Клочко В. І.* «Гордіївський феномен» // Peregrinationes archaeologikae in Asia et Europa Joanni Chochorowski dedikatae. Kraków, 2012. S. 395–404.

10. *Григалавичене Э., Мяркявичюс А.* Древнейшие металические изделия в Литве. Вильнюс: Мокслас, 1980. 115 с.

11. *Merkevičius A.* Ankstyvieji metaliniai dirbiniai Lietuvoje. Vilnius: Versus aureus, 2011. 176 p.

12. *Клочко В. И., Козыменко А. В.* Древний металл Украины. Киев: б. и., 2017. 367 с.

13. Археалогія Беларусі. У 4 т. Т. 1. Каменны і бронзавы вякі. Мінск: Беларуская навука, 1997. 424 с.

14. *Kryvaltsevich M.* Babino-type ceramics in the Eastern Palessiye // Baltic-Pontic Studies. 2013. Vol. 18. The Ingul-Donets Early Bronze civilization as springboard for transmission of Pontic cultural patterns to the Baltic Drainage Basin: 3200–1750 BC. P. 139–161.

15. *Кривальцевич Н. Н.* Бронзовый прорезной наконечник копья из Брестского Побужья // Донецький археологічний збірник. 2012. № 16. С. 152–157.

16. *Черных Е. Н.* Древняя металлообработка на Юго-Западе. Москва: Наука, 1976. 302 с.

17. *Klochko V. I.* Weaponry of Societies of the Northern Pontic Culture Circle: 5000–700 BC. Poznań: UAM, 2001. 376 p. (Baltic-Pontic Studies. Vol. 10).

18. *Клочко В. І.* Озброєння та військова справа давнього населення України (5000–900 рр. до Р. Х.). Київ: АртЕк, 2006. 337 с.

19. *Makarowicz P.* Trzciniecki krąg kulturowy – wspólnota pogragicza Wschodu i Zachodu Europy. Poznań: Wydawnictwo Poznańskie, 2010. 446 s.

20. *Makarowicz P.* Baltic-Pontic interregional routes at the start of the Bronze Age // Baltic-Pontic Studies. 2009. Vol. 14. Routes Between the Seas: Baltic-Bug-Boh-Pont from the 3rd to the Middle of the 1st millennium BC. P. 302–337.

21. *Lysenko S. D., Lysenko S. S.* Ground communications of the Eastern Area of the Trzciniec Culture Circle // Baltic-Pontic Studies. 2009. Vol. 14. Routes Between the Seas: Baltic-Bug-Boh-Pont from the 3rd to the Middle of the 1st millennium BC. P. 338–367.

22. *Kryval'cevič M.* Z badań nad kultura trzciniecka na Polesiu Białoruskim w dorzeczu Prypeci // Folia Praehistorica Posnaniensia. 1997. T. VIII. S. 69–97.

23. *Крывальцэвіч М. М., Лебедзь В. А.* Бронзавая сякера з сярэдзіннымі крылкамі з Пінска // МАБ. 2001. № 3. С. 246–250.

24. *Лебедзь В. А.* Абручовыя аздобы з Горбава-Здзітава Бярозаўскага раёна // ГАЗ. 2003. № 18. С. 92–93.

25. *Крывальцэвіч М. М.* Праблемы перыядызацыі і храналогіі эпохі бронзы на тэрыторыі Паўднёвай Беларусі // ГАЗ. 2006. № 22. С. 39–52.

26. *Dergačev V.* Die äneolithischen und bronzezeitlichen Metallfunde aus Moldavien. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2002. 387 s.

27. *Шрамко И. Б., Буйнов Ю. В.* Переход от бронзы к железу в Днепро-Донецкой лесостепи // Российский Археологический ежегодник. 2012. № 2. С. 309–332.

28. Maciejewski M. Metal – granica – rytuał. Badania nad depozytami przedmiotów metalowych w kontekście sieci osadniczej (tablice zabytków metalowych / figures presenting bronze and iron artefacts). Poznań: Wydawnictwo Nauka i Innowacje, 2016. 198 s.

29. *Gedl M.* Brązowe grociki strzał z trzonkiem z terenu Polski // Rocznik Przemyski. 2003. T. XXXIX, Z. 2. S. 65–72.

30. *Артеменко И. И.* Племена Верхнего и Среднего Поднепровья в эпоху бронзы. Москва: Наука, 1967. 137 с. (МИА. № 148).

31. Археалогія Беларусі: У 4 т. Т. 2. Жалезны век і ранняе сярэднявечча. Мінск: Беларуская навука, 1999. 502 с.

МАТЭРЫЯЛЫ ДРУГОЙ ПАЛОВЫ І ТЫС. Н. Э. З ТЭРЫТОРЫІ ПАЎНОЧНА-ЗАХОДНЯЙ БЕЛАРУСІ Ў НАВУКОВЫХ ПУБЛІКАЦЫЯХ А. А. ЕГАРЭЙЧАНКІ

П. С. Курловіч

Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Рэспубліка Беларусь, kurlovichp@bsu.by

У артыкуле аналізуюцца апублікаваныя матэрыялы другой паловы І тыс. н. э. з паселішчаў, даследаваных А. А. Егарэйчанкам на тэрыторыі Браслаўскага Паазер’я. Па меркаванні навукоўца, разглядаемыя помнікі ўтрымліваюць матэрыялы чатырох этапаў засялення. Першы звязаны з днепра-дзвінскай культурай і культурай ранняй штрыхаванай керамікі. Другі – з культурай позняй штрыхаванай керамікі (да ІІІ ст. н. э.). Затым, паводле А. А. Егарэйчанкі, у рэгіёне з’яўляюцца балцкія старажытнасці, для якіх была характэрная гладкасценная, а таксама з шурпатай і аблітай паверхняй кераміка слоікавых формаў. У канцы І тыс. на тэрыторыі Браслаўскага Паазер’я распаўсюджваюцца матэрыялы культуры смаленска-полацкіх доўгіх курганоў, якія, у сваю чаргу, змяняюцца старажытнасцямі, звязанымі з уключэннем рэгіёна ў склад Полацкай зямлі. Каб скласці больш поўнае ўяўленне пра культурна-храналагічную сітуацыю ў рэгіёне, неабходна ў першую чаргу правесці аналіз керамічнага комплексу, а таксама ўсталяваць кантэкст знаходак на даследаваных помніках.

Ключавыя словы: Браслаўскае Паазер’е; старажытнасці трэцяй чвэрці І тыс. н. э.; культура смаленска-полацкіх доўгіх курганоў; гістарыяграфія.

МАТЕРИАЛЫ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ І ТЫС. Н. Э. С ТЕРРИТОРИИ СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ БЕЛАРУСИ В НАУЧНЫХ ПУБЛИКАЦИЯХ А. А. ЕГОРЕЙЧЕНКО

П. С. Курлович

Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Республика Беларусь, kurlovichp@bsu.by

В статье анализируются опубликованные материалы второй половины І тыс. н. э. с поселений, изученных А. А. Егорейченко в Браславском Поозерье. По мнению учёного, рассматриваемые памятники содержат материалы четырёх этапов заселения. Первый связан с днепро-двинской культурой и культурой ранней штрихованной керамики. Второй – с культурой поздней штрихованной керамики (до ІІІ в. н. э.). Затем, по мнению А. А. Егорейченко, в регионе появляются балтские древности, для которых характерна гладкостенная, а также с шероховатой и облитой поверхностью керамика баночных форм. В конце І тыс. н. э. в Браславском Поозерье распространяются материалы культуры смоленско-полоцких длинных курганов, которые, в свою очередь, сменяются древностями, связанными с включением региона в состав Полоцкой земли. Для формирования более полной картины культурно-

хронологической ситуации в регионе необходимо, прежде всего, проанализировать керамический комплекс, а также установить контекст находок на исследованных памятниках.

***Ключевые слова**:* Браславское Поозерье; древности третьей четверти I тыс. н. э.; культура смоленско-полоцких длинных курганов; историография.

THE SECOND HALF OF THE 1ST MILLENNIUM AD MATERIALS FROM THE TERRITORY OF NORTHWESTERN BELARUS IN SCIENTIFIC PUBLICATIONS OF A. A. EGOREJCHENKO

P. S. Kurlovich

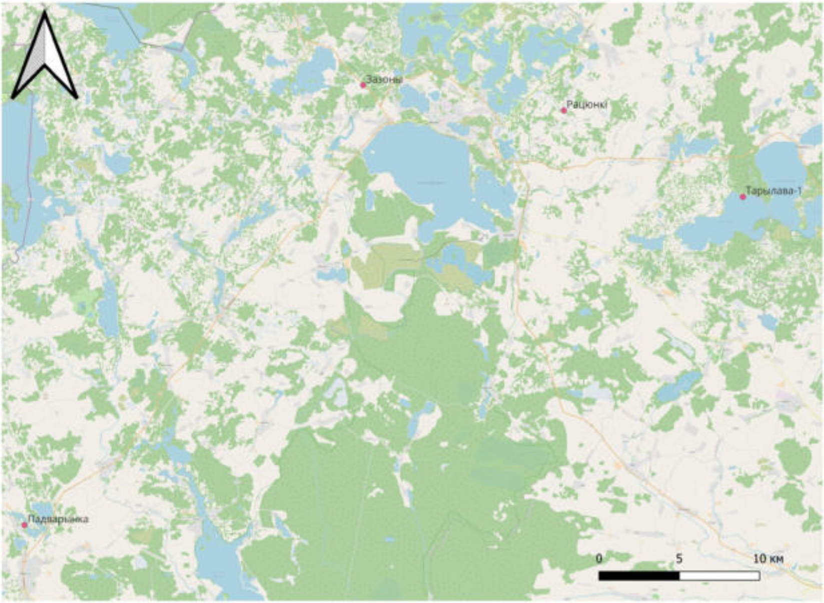
Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4,
220030, Minsk, Republic of Belarus, kurlovichp@bsu.by

The article analyzes published materials from the second half of the 1st millennium AD from the settlements studied by A. A. Egorejchenko in the Braslav Poozerye. According to the scientist, the sites contain materials from four stages of settlement. The first is associated with the Dnieper-Dvina culture and the Early hatched pottery culture. The second is associated with the Late hatched pottery culture (before the 3rd century AD). Then, according to A. A. Egoreychenko, Baltic antiquities appeared in the region, which were characterized by smooth-walled, as well as plastered and rough surface ceramics of jar forms. At the end of the 1st millennium AD, materials from the Smolensk-Polotsk long barrows culture spread in the Braslav Poozerye, which, in turn, were replaced by antiquities associated with the region inclusion in the Polotsk land. To form a more complete picture of the cultural and chronological situation in the region, it is necessary, first of all, to analyze the ceramic complex, as well as to establish the context of the finds at the studied sites.

Keywords: Braslav Poozerye; antiquities of the third quarter of the 1st millennium AD; the Smolensk-Polotsk long barrows culture; historiography.

Аляксандр Андрэевіч Егарэйчанка ўвайшоў у гісторыю айчыннай археалогіі ў першую чаргу як даследчык старажытнасцей жалезнага веку. У фокусе яго вывучэння знаходзіліся супольнасці, якія былі аднесеныя навукоўцам да культур ранняй і позняй штрыхаванай керамікі [гл, напр., 1–3]. Палявыя даследаванні А. А. Егарэйчанкі, пачынаючы з 1990-х гг., былі засяроджаны на вывучэнні паселішчаў жалезнага веку на тэрыторыі Браслаўскага Паазер’я, а менавіта гарадзішчаў Тарылава, Зазоны і Рацюнкі, а таксама паселішча Падварынка[1] (рысунак). Аднак гэтыя помнікі ўтрымліваюць

[1]Помнік размешчаны на паўднёвым ускрайку озавай грады і візуальна не ўтрымлівае слядоў умацаванняў. Аднак мясцовасць у рэгёне пашкоджана нямецкімі дотамі і траншэямі часоў Першай сусветнай вайны. Частка пляцоўкі па інфармацыі мясцовых жыхароў была зрыта ў бок Відзаў для забеспячэння праходу праз граду. А. А. Егарэйчанка зафіксаваў тут тры паглыбленні шырынёй каля 3 м і глыбінёй каля 1,15 м, выцягнутыя з захаду на ўсход [4, с. 42]. Такім чынам, магчыма, Падварынка з’яўляецца гарадзішчам, але на сённяшні дзень аднясенне яе да ўмацаваных паселішчаў дыскусійнае. Гэта адлюстроўваецца і ў публікацыях аўтара раскопак, якія ў частцы артыкулаў адносіць помнік да гарадзішчаў, а ў іншай частцы – да паселішчаў.



Лакалізацыя паселішчаў, даследаваных А. А. Егарэйчанкам на тэрыторыі Браслаўскага Паазер’я.

Падложка – Open Street Map

і матэрыялы пазнейшага часу, у тым ліку другой паловы I тыс. н. э., якія часткова ўведзеныя ў навуковы зварот аўтарам раскопак. Прасачыць перспектывы далейшага вывучэння дадзеных матэрыялаў, а таксама вызначыць погляды А. А. Егарэйчанкі адносна культурнай сітуацыі ў рэгіёне пасля знікнення носьбітаў культуры позняй штрыхаванай керамікі і з’яўляецца мэтай дадзенага артыкула.

Тарылава. Даследаванні на гарадзішчы Тарылава (Укля) праводзіліся А. А. Егарэйчанкам у 1992–1994 гг. Тут была ўскрытая плошча ў 180 м^2 [5, рис. 2]. Помнік змяшчаецца на пагорку, які знаходзіцца на паўночным беразе воз. Укля. Яго вышыня над навакольнай мясцовасцю – каля 14 м. Іншых слядоў абарончых умацаванняў акрамя падрэзкі схілаў не прасочваецца.

Найбольш грунтоўны артыкул, прысвечаны раскопкам дадзенага помніка, дзе апублікаваныя і матэрыялы, якія можна аднесці да трэцяй чвэрці I тыс. н. э., выйшаў у 2017 г. У ім прыводзіцца выява сямі венцаў ад гладкасценных слоікападобных пасудзін, якія, паводле А. А. Егарэйчанкі, адносяцца да разглядаемага часу (сярэдзіны – трэцяй чвэрці I тыс. н. э.) [5, рис. 8]. Адзначаецца, што слоікавая форма сярод такой керамікі дамінуе, зрэдку сустракаецца слабапрафіляваны посуд, арнаментацыя адсутнічае

[5, с. 271]. Даследчык звязвае наяўнасць матэрыялаў гэтага перыяду з выкарыстаннем гарадзішча ў якасці сховішча жыхарамі прымыкаючага да яго селішча [5, с. 269]. Згодна з табліцай размеркавання керамікі з рознымі спасабамі апрацоўкі паверхні з помніка [5, табл. 1; 6, табл. 1], такі посуд дамінуе ў верхніх трох пластах гарадзішча, дзе сустракаецца таксама большая частка пасудзін з аблітай і шурпатай паверхняй[1]. У адпаведнасці з прафіліроўкаў венцаў, вырабы з аблітай і шурпатай паверхняй маюць слоікавую форму, а гладкасценны посуд з верхніх пластоў пераважна таксама, слабапрафіляваныя венцы адзінкавыя [6, табл. 2]. У наступных чацвёртым і пятым пластах дамінуе штрыхаваная кераміка, а колькасць посуду з аблітай і шурпатай паверхняй памяншаецца. З шостага пласта іх колькасць становіцца яшчэ меншай, затым посуд з такой апрацоўкай паверхні знікае. Пачынае змяншацца і колькасць штрыхаванай керамікі, і ў ніжніх пластах дамінуе гладкасценны посуд.

Да індывідуальных знаходак, якія А. А. Егарэйчанка звязвае з заключнай стадыяй жыцця на гарадзішчы [5, с. 274], адносяцца вырабы з жалеза: нож з прамой спінкай [5, рис. 12: 1], шпора з загнутымі кручкамі [5, рис. 12: 4] і крэсіва [5, рис. 12: 8], а таксама гліняныя праселкі [5, с. 279].

Апублікаваныя А. А. Егарэйчанкам матэрыялы з верхніх пластоў гарадзішча Тарылава не дазваляюць вызначыць іх храналогію больш вузка, чым у межах другой – трэцяй чвэрці I тыс. н. э. Аднак яны дакладна сінхронныя прымыкаючаму селішчу, якое вывучалася В. І. Шадырам [8, табл. 16/II; 9, с. 194–196]. На селішчы на працягу ўсіх пластоў пераважае гладкасценная кераміка, маецца дастаткова значная колькасць фрагментаў вырабаў з аблітай і шурпатай паверхняй, а таксама нязначная колькасць асобнікаў са штрыхоўкай і некалькі фрагментаў вырабаў з зашчыпамі [9, рис. 1: 2, рис. 4].

Зазоны. Тут даследавалася не толькі гарадзішча, але і прымыкаючае да яго селішча. У 1995–2000 гг. на гарадзішчы была ўскрытая плошча ў 434 м^2 [4, с. 39], а на селішчы – 315 м^2 [10, с. 27–28]. Помнік знаходзіцца на тэрыторыі вёскі. Гарадзішча размешчана на пагорку вышынёй каля 12 м з эскарпаванымі схіламі. Селішча прымыкае да гарадзішча з усходняга, паўднёвага і паўднёва-заходняга боку. На значнай яго частцы размешчаны сядзібныя ўчасткі. Матэрыялы другой паловы I – пачатку II тыс. н. э. былі выяўлены не толькі на селішчы, але і на гарадзішчы [10, с. 27]. Паводле А.А. Егарэйчанкі, яно выкарыстоўвалася ў якасці сховішча ці ў трэцяй чвэрці I тыс. [11, с. 25], ці да X ст. [4, с. 41].

[1]Паводле А. А. Егарэйчанкі, кераміка з шурпатай паверхняй мае вялікую колькасць зерняў дробнай жарствы, якія засталіся пасля абмазвання пасудзін растворам вадкай гліны. Кераміка ж з аблітай паверхняй абмазана глінай больш груба, пасля чаго жарства выбівалася [5, с. 269]. У іншай публікацыі аўтара адзначаецца, што частка фрагментаў была арнаментаваная пад венцам скразнымі адтулінамі [7, с. 21].

Адзначаецца, што культурны слой на селішчы прадстаўлены супессю чорнага колеру. Яго магутнасць склала ад 0,3 да 1 м. Ён моцна насычаны ляпной керамікай. Да выяўленых аб’ектаў адносяцца рэшткі глінабітнай печы памерам 1,6х1,9 м [10, с. 28]. Жыццё на селішчы распачалося не пазней за канец IV ст. [12, с. 4].

Пра стратыграфію гарадзішча адносна размяшчэння там матэрыялаў разглядаемага перыяду А. А. Егарэйчанка адзначае, што ў верхніх гарызонтах культурнага слоя пераважае гладкасценная, аблітая і шурпатая кераміка, а на помніку ў цэлым дамінуюць штрыхаваныя і гладкасценныя пасудзіны, у той час як доля фрагментаў вырабаў з іншымі спосабамі апрацоўкі паверхні нязначная [11, с. 23]. У цэлым, гэтая тэндэнцыя адлюстроўваецца і на графіку размеркавання працэнтных суадносін керамікі па пластах, апублікаваным В. І. Шадырам [9, рис. 1: 3].

У артыкуле 1997 г. А. А. Егарэйчанка падзяляе ляпны посуд з селішча на слоікавы (з дыяметрам вусця ад 19 да 26 см) і прафіляваны. Пасудзіны першай групы складаюцца з двух варыянтаў: са сплошчаным ці акруглым краем венца; са скошаным унутр краем венца. Прафіляваныя асобнікі ж характарызуюцца як вырабы з кароткім адагнутым вонкі венцам і выпуклым тулавам. Заўважаецца падабенства аналізуемай керамікі посуду банцараўскай культуры [11, с. 25–26].

У артыкуле 2011 г. адзначаецца прысутнасць на селішчы двух этнакультурных гарызонтаў. Ніжні, паводле А. А. Егарэйчанкі, прадстаўлены знаходкамі ў культурным пласце пераважна гладкасценнай, а таксама часткова з аблітай і шурпатай паверхняй керамікі слоікавай формы і звязаны са старажытнасцямі балтаў [10, с. 28]. Верхні гарызонт, які атаясамляецца даследчыкам са з’яўленнем у рэгіёне славян і звязваецца са старажытнасцямі доўгіх курганоў, прадстаўлены ляпным прафіляваным посудам з кароткім адагнутым вонкі венцам і выразным плечыкам [10, с. 28]. На жаль, выявы і колькасныя паказчыкі керамічнага посуду ў публікацыях не прыводзяцца.

На графіку працэнтнага размеркавання керамікі з рознымі спосабамі апрацоўкі паверхні па пластах на селішчы Зазоны, апублікаваным В. І. Шадырам, бачна, што гладкасценныя вырабы тут абсалютна дамінуюць, але вылучаюцца два пікі, калі крыху павялічваецца працэнт аблітай і шурпатай керамікі (у сярэдніх пластах) і штрыхаванай керамікі (у ніжніх пластах) [9, рис. 1: 4]. Аднак рабіць высновы тут патрэбна з улікам таго, што, як вынікае з апублікаваных матэрыялаў, магутнасць слоя на селішчы нераўнамерная.

Асобныя апублікаваныя індывідуальныя знаходкі з гарадзішча і селішча Зазоны датуюцца трэцяй чвэрцю І тыс. н. э. (авальная жалезная спражка [10, рис. 1: 3] і бранзалет з патоўшчанымі канцамі [10, рис. 1: 12]). Да гэтага ж часу даследчыкам адносіцца знаходка жалезнай пласцінкавай шпоры з загнутымі канцамі [11, с. 26]. Жалезная спражка з прагібам у цэнтраль-

най частцы [10, рис. 1: 2], аднесеная А. А. Егарэйчанкам таксама да трэцяй чвэрці, магчыма, можа датавацца і больш познім часам. Таксама ў Зазонах выяўлены матэрыялы апошняй чвэрці I – пачатку II тыс. н. э. – буйныя трапецападобныя падвескі [10, рис. 1: 5, 6, 10] і больш дробныя, змешчаныя на біэсападобным ланцугатрымальніку [10, рис. 1: 1], умбонападобная бляха з загнутым краем [10, рис. 1: 7], падковападобная фібула [10, рис. 1: 8], спражка амегападобнай формы з прамакутнай абоймай [10, рис. 1: 4], 14-гранная гірка [10, с. 28]. Таксама да другой паловы I тыс. адносяцца знаходкі нажоў з валютападобным навершам. Яны захоўваюцца ў фондах вучэбнай лабараторыі музейнай справы гістарычнага факультэта БДУ, аб іх знаходках піша В. І. Шадыра, аднак у публікацыях самога аўтара раскопак гэтыя вырабы не прыведзены [9, с. 194].

У сваім першым артыкуле, прысвечаным матэрыялам з Зазонаў, А. А. Егарэйчанка прадатаваў знаходкі з селішча ў межах V–VIII стст. і адзначыў, што яно ўяўляе сабой адно з самых паўночных паселішчаў банцараўскай культуры [11, с. 26]. Дадзеная пазіцыя атрымала крытыку В. І. Шадыры, які заўважыў, што, мяркуючы па абліччы керамічнага посуду, разглядаемы помнік адносіцца да кола паселішчаў з аблітай і гладкасценнай керамікай, а матэрыялы, якія сустракаюцца ў банцараўскай культуры, патрапілі сюды ці на заключным этапе існавання паселішча, ці ў выніку ўзаемаўплываў, звязаных з культурным абменам ці цераспалосным рассяленнем насельніцтва. Паводле даследчыка, падобная сітуацыя характэрная і для матэрыялаў гарадзішча «Замкавая Гара» ў Браславе [9, с. 194]. У пазнейшых публікацыях А. А. Егарэйчанка быў больш асцярожны адносна культурнага вызначэння разглядаемых старажытнасцей [10, с. 28; 13, с. 295].

На жаль, керамічны комплекс з селішча Зазоны дагэтуль не апублікаваны, што ўскладняе культурна-храналагічную характарыстыку дадзенага паселішча. Можна адзначыць толькі шырокае датаванне помніка ў межах сярэдзіны – другой паловы I тыс., магчыма, да пачатку II тыс.

Рацюнкі. Дадзенае гарадзішча даследавана практычна цалкам. Яно знаходзіцца ў паўднёвай частцы вёскі, на ўзорку вышынёй каля 10 м, схілы якога эскарпаваныя. У 1978, 1979 і 1981 гг. пад кіраўніцтвам Л. У. Дучыц і ў 1999–2008 гг. пад кіраўніцтвам А. А. Егарэйчанкі тут было ўскрыта 1008 м^2 [4, с. 41]. У 2000 г. раскопкі на гарадзішчы праводзіліся пад кіраўніцтвам А. М. Мядзведзева [12, с. 4].

Адносна матэрыялаў другой паловы I тыс. н. э. А. А. Егарэйчанка ў сваіх публікацыях адзначаў наяўнасць тут слоікавага посуду сярэдзіны – трэцяй чвэрці I тыс. н. э., а таксама кружальных пасудзін [4, с. 41]. З індывідуальных знаходак гэтага часу прыводзіцца спражка авальнай формы з патоўшчанай пярэдняй часткай, аналагічная выяўленай на селішчы ў Зазонах [13, рис. 2: 7]. Даследчык датуе яе фазай D эпохі Вялікага перасялення народаў

і звязвае з матэрыяламі балцкай культуры канца IV – пачатку VII ст. [13, с. 295] У артыкуле Л. У. Дучыц і А. Р. Мітрафанава адзначаецца прысутнасць на гарадзішчы з VI ст. жыхароў прымыкаючага селішча, якія выкарыстоўвалі яго ў якасці сховішча [14, с. 180]. Аднак само селішча, на жаль, захавалася кепска, так як разарана цалкам. Пры гэтым у ходзе шурфоўкі і збораў тут была выяўлена ляпная слабапрафіляваная і слоікавая кераміка, біканічныя праселкі з дастаткова шырокай адтулінай, што прымушае даследчыкаў шукаць аналогіі ў банцараўскай культуры, а таксама кружальны посуд і дужка ад вядра.

Больш выразна прадстаўлены ў Рацюнках гарызонт часоў Полацкай зямлі. Паводле Л. У. Дучыц і А. Р. Мітрафанава, тут не пазней за канец XI ст. узнікае сядзіба феадала на гарадзішчы і феадальная вёска на селішчы побач [14, с. 180]. У цэлым выяўленыя тут матэрыялы дадзенага перыяду датуюцца ў шырокіх межах з X па пачатак XV ст. [14, с. 165–167]. Таксама адзначаецца, што па звестках мясцовых жыхароў культурны слой зверху пляцоўкі быў перанесены на агароды, таму патэнцыйна комплекс рэчаў гэтага часу мог бы быць прадстаўлены значна лепш [14, с. 165].

А. А. Егарэйчанка зафіксаваў сярэдневяковыя знаходкі ўва ўсёй тоўшчы культурнага пласта на гарадзішчы ў Рацюнках, аднак заўважыў, што стратыграфічна яны не вылучаюцца [15, с. 209]. Матэрыялы, якія сведчаць аб розных баках жыцця на паселішчы ў часы Полацкай зямлі, прыводзяцца ў адпаведных публікацыях, а іх храналогія прапануецца ў межах канца IX – пачатку X – XIII стст. [15; 16].

Такім чынам, на гарадзішчы Рацюнкі прасочваецца выразны гарызонт часоў Полацкай зямлі, а звесткі пра матэрыялы больш ранняга часу фрагментарныя. Тым не менш можна са значнай доляй ўпэўненасці сцвярджаць аб прысутнасці тут насельніцтва ў трэцяй чвэрці I тыс. н. э.

Падварынка. Палявыя працы пад кіраўніцтвам А. А. Егарэйчанкі праводзіліся тут у 2009–2011, 2013 гг. Ускрытая плошча – 400 м^2. Паводле аўтара, да другой паловы I тыс. на помніку адносіцца нязначная колькасць керамікі з аблітай і шурпатай паверхняй [4, с. 42], а таксама біканічныя прасліцы і грубаляпны таўстасценны слоікавы посуд ў невялікай колькасці [12, с. 5; 17, с. 3, 7], характэрныя для трэцяй чвэрці I тыс. н. э. Сярод апублікаваных індывідуальных знаходак сярэдзіны – трэцяй чвэрці I тыс. прыводзяцца жалезныя крэсівы: з лапаткападобнай галоўкай і пласцінкавае з колцападобным навершам [4, с. 43]. Да канца I тыс. адносіцца фрагмент буйной трапецападобнай падвескі [4, рыс. 9: 8], а таксама пацеркі і наканечнік паса, якія могуць датавацца ў межах IX – першай паловы XI ст. [12, с. 5].

Такім чынам, паводле А. А. Егарэйчанкі, даследаваныя на тэрыторыі Браслаўскага Паазер’я ўмацаваныя паселішчы ўтрымліваюць матэрыялы чатырох культурна-храналагічных гарызонтаў:

1. З канца II тыс. да н. э. – у I тыс. да н. э. тут з’яўляюцца носьбіты днепра-дзвінскай культуры, культуры ранняй штрыхаванай керамікі.

2. У I–III стст. н. э. у рэгіёне распаўсюджваецца культура позняй штрыхаванай керамікі.

3. Да канца IV–VII стст. (ці сярэдзіны – трэцяй чвэрці I тыс. н. э.) адносяцца помнікі балтаў з гладкасценнай керамікай слоікавай формы, а таксама з аблітай і шурпатай паверхняй. Дадзеныя матэрыялы знаходзяць пэўнае падабенства ў банцараўскай археалагічнай культуры. Але іх культурная прыналежнасць на дадзены момант дыскусійная.

4. У канцы перыяду ў рэгіёне з’яўляюцца старажытнасці культуры смаленска-полацкіх доўгіх курганоў.

Наяўнасць на помніках матэрыялаў розных культурна-храналагічных гарызонтаў дае надзею на магчымасць рэканструкцыі працэсаў змены насельніцтва ў рэгіёне. Пакуль найменш вывучаным з’яўляецца пераход ад старажытнасцей культуры позняй штрыхаванай керамікі да трэцяй чвэрці I тыс., а таксама больш дакладная храналогія і культурная прыналежнасць насельніцтва з гладкасценнай, шурпатай і аблітай керамікай слоікавых формаў. Другое актуальнае пытанне – пераход ад старажытнасцей трэцяй чвэрці I тыс. да матэрыялаў культуры смаленска-полацкіх доўгіх курганоў. Мяркуючы па даных з курганных могільнікаў, насельніцтва дадзенай культуры з’яўляеца тут не раней за IX–X стст., магчыма, бліжэй да канца IX ст. [18, с. 17; 19, с. 283; 20, с. 112].

А. А. Егарэйчанка распачаў справу ўвядзення ў навуковы зварот матэрыялаў другой паловы I тыс. н. э. з даследаваных ім паселішчаў на тэрыторыі Браслаўскага Паазер’я. Аднак наяўных публікацый не дастаткова, каб скласці ўяўленне пра культурна-храналагічную сітуацыю на разглядаемых помніках, наколькі дазваляе крыніцавая база. Апрацоўка матэрыялаў павінна ўключаць, у першую чаргу, аналіз керамічнага комплексу, а для разумення кантэксту знаходак варта правесці аналіз палявой дакументацыі.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. *Егорейченко А. А.* Культуры штрихованной керамики. Минск: БГУ, 2008. 207 с.

2. *Yegoreichenko A.* Regarding about the Cultural Attribution of Hill Forts in Braslav Poozerye // Global Journal of Human-Social Science: D History, Archaeology & Anthropology. 2014. Vol. 14. Is. 5. S. 25–41.

3. *Егорейченко А. А.* Памятники культур штрихованной керамики на Северо-Западе и в Центральной Беларуси // Славяне на территории Беларуси в догосударственный период: к 90-летию со дня рождения Л. Д. Поболя. В 2 кн. Кн. 2. Минск, 2016. С. 99–160.

4. *Егорейченко А. А.* Древнейшие городища Браславского Поозерья // МАБ. 2020. Вып. 31. С. 36–47.

5. *Егорейченко А. А.* Городище Тарилово (Укля) // Археология и история Пскова и Псковской земли. Вып. 32. Москва–Псков, 2017. С. 264–279.

6. *Егорейченко А. А.* Этнокультурная ситуация в Белорусском Подвинье в железном веке // ГАЗ. 1996. № 10. С. 8–11.

7. *Егорейченко А.* Железный век Браславского Поозерья // Браслаўскія чытанні: матэрыялы III-й навукова-краязнаўчай канферэнцыі, 21–22 красавіка 1994 г. Браслаў, 1994. С. 20–22.

8. *Шадыра В. І.* Беларускае Падзвінне (І тысячагоддзе н. э.) Мінск: ДНУ «Інстытут гісторіі НАН Беларусі», 2006. 150 с.

9. *Шадыро В. И.* Белорусско-литовско-латышское порубежье в эпоху железа и раннего средневековья (этнокультурные аспекты) // Iš baltų kulturōs istorijos. Vilnius, 2000. С. 189–204.

10. *Егорейченко А. А.* Северо-Западная Беларусь во второй половине I – начале II тыс. н. э. (по материалам городища и селища Зазоны) // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Санкт-Петербург–Москва–Великий Новгород, 2011. С. 26–28.

11.Егорейченко А. А. Городище и селище Зазоны // Браслаўскія чытанні: матэрыялы IV-й навукова-краязнаўчай канферэнцыі 24–25 красавіка 1997 г. Браслаў, 1997. С. 22–26.

12. *Егорейченко А. А.* История археологического изучения древнейших городищ в Браславском Поозерье // Веснік БДУ: навуковы часопіс Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. 2012. № 1. С. 3–6.

13. *Егорейченко А. А.* Хронология ранних городищ Браславского Поозерья // Археология и история Пскова и Псковской земли. Семинар имени академика В. В. Седова: Материалы 59-го заседания. Вып. 29. Санкт-Петербург–Москва, 2014. С. 289–297.

14. *Дучиц Л. В., Митрофанов А. Г.* Городище Ратюнки // ГАЗ. 1994. № 5. С. 163–182.

15. *Егорейченко А. А.* Средневековые находки из городища Ратюнки // МАБ. 2017. Вып. 28. С. 209–213.

16. *Егорейченко А. А.* Средневековые находки из городищ Браславского Поозерья // Археология и история Пскова и Псковской земли. Семинар имени академика В. В. Седова: Материалы 61-го заседания. Вып. 31. Москва, 2016. С. 340–348.

17. *Егорейченко А. А.* Поселение Подваринка // Веснік БДУ: навуковы часопіс Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. 2012. № 3. С. 3–7.

18. *Плавінскі М. А.* Гісторыя археалагічнага вывучэння курганных могільнікаў захаду Браслаўскага Паазер'я // Віцебскія старажытнасці: матэрыялы навук. канф. Мінск, 2013. С. 14–18.

19. *Плавинский Н. А.* Население культуры смоленско-полоцких длинных курганов в Браславском Поозерье // Археология и история Пскова и Псковской земли. Семинар имени академика В. В. Седова: Материалы 60-го заседания. Вып. 30. Москва, 2015. С. 270–285.

20. *Плавинский Н.* На западных рубежах кривичского мира // Край Смоленский. 2019. № 2. С. 111–114.

ГАРАДЗІШЧЫ БРАСЛАЎСКАГА РАЁНА ПА ДАНЫХ ПАВЕТРАНАГА ЛАЗЕРНАГА СКАНАВАННЯ

П. С. Курловіч[1], А. А. Сазонаў[2], Я. А. Кухлеўскі[3]

[1] Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Рэспубліка Беларусь, kurlovichp@bsu.by
[2] Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Рэспубліка Беларусь, sazonauaa@bsu.by
[3] Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Рэспубліка Беларусь, kyhlevskiea@bsu.by

Мэта артыкула – увядзенне ў навуковы зварот лічбавых мадэлей рэльефу (ЛММ) гарадзішчаў на тэрыторыі Браслаўскага раёна, атрыманых у выніку паветранага лазернага сканавання (ПЛС). Большая частка аб’ектаў утрымлівае напластаванні ранняга жалезнага веку, аднак сустракаюцца і помнікі без культурнага слою ці з матэрыяламі Сярэднявечча – Новага часу. Мяркуючы па атрыманых мадэлях, фартыфікацыя гарадзішчаў, як правіла, прадстаўлена эскарпаванымі схіламі. На асобных помніках маюцца адзінкавыя валы ці рэшткі больш складанай сістэмы ўмацаванняў. ПЛС паказала высокую эфектыўнасць у лакалізацыі гарадзішчаў з геадэзічнай дакладнасцю і фіксаванні іх стану на момант абследавання, а таксама патэнцыял у выяўленні невядомых раней археалагічных аб’ектаў і перспектыўных для вывучэння ўчасткаў.

Ключавыя словы: паветранае лазернае сканаванне (ПЛС); лічбавая мадэль мясцовасці (ЛММ); лічбавая мадэль рэльефу (ЛМР); гарадзішча; Браслаўскае Паазер’е.

ГОРОДИЩА БРАСЛАВСКОГО РАЙОНА ПО ДАННЫМ ВОЗДУШНОГО ЛАЗЕРНОГО СКАНИРОВАНИЯ

П. С. Курлович[1], А. А. Сазонов[2], Е. А. Кухлевский[3]

[1] Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Республика Беларусь, kurlovichp@bsu.by
[2] Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Республика Беларусь, sazonauaa@bsu.by
[3] Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Республика Беларусь, kyhlevskiea@bsu.by

Целью статьи является введение в научный оборот цифровых моделей рельефа (ЦМР) городищ Браславского района, полученных в результате воздушного лазерного сканирования (ВЛС). Большинство объектов содержат напластования раннего железного века, однако встречаются и памятники без культурного слоя или с материалами Средневековья и Нового времени. Судя по полученным моделям, фортификация городищ, как правило, представлена эскарпированными склонами. На некоторых памятниках встречаются единичные валы или остатки более сложной системы укреплений. ВЛС показало высокую эффективность в локализации городищ

с геодезической точностью и фиксации их состояния на момент обследования, а также потенциал в выявлении ранее неизвестных археологических объектов и перспективных участков для изучения.

Ключевые слова: воздушное лазерное сканирование (ВЛС); цифровая модель местности (ЦММ); цифровая модель рельефа (ЦМР); городище; Браславское Поозерье.

BRASLAV DISTRICT HILLFORTS ACCORDING TO AIRBORNE LASER SCANNING

P. S. Kurlovich[1)], A. A. Sazonau[2)], E. A. Kuhleuski[3)]

[1)] Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus, kurlovichp@bsu.by
[2)] Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus, sazonauaa@bsu.by
[3)] Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus, kyhlevskiea@bsu.by

The purpose of the article is the introduction into scientific circulation of hillforts of the Braslav district digital terrain models (DTM), obtained as a result of airborne laser scanning (ALS). Most of the objects contain layers of the early Iron Age, but there are also monuments without a cultural layer or with materials from the Middle Ages and the New Age. According to the obtained models, the fortification of hillforts, as a rule, is represented by escarpment slopes. On some monuments, single ramparts or the remains of a more complex system of fortifications are found. ALS showed high efficiency in localization of settlements with geodetic accuracy and fixation of their condition at the time of survey, as well as potential in identifying previously unknown archaeological objects and promising areas for study.

Keywords: airborne laser scanning (ALS); digital terrain model (DTM); digital evaluation model (DEM); hillfort; Braslav Poozerye.

Паветранае лазернае сканаванне (ПЛС) заснаванае на выкарыстанні тэхналогіі лідар (LiDAR – Light Detection And Ranging) – вызначэнне дальнасці пры дапамозе святла, якая на сённяшні дзень трывала ўвайшла ў розныя сферы чалавечага жыцця. Актыўна выкарыстоўваецца лідарная здымка і ў археалогіі, як для лакалізацыі, так і для вывучэння аб’ектаў розных перыядаў часу. У беларускай археалогіі для пошуку і атрымання лічбавых мадэлей археалагічных помнікаў ПЛС пачало сістэмна выкарыстоўвацца з 2022 г. аўтарамі артыкула ў супрацоўніцтве з іншымі даследчыкамі – спецыялістамі ў галіне археалогіі каменнага веку і сярэдніх вякоў [1–4]. На сённяшні дзень у распараджэнні калектыву знаходзіцца беспілотны лятальны апарат (БЛА) DJI Matrice 300 RTK, лазерны сканер DJI Zenmuse L1, мабільная базавая станцыя DJI D-RTK 2. Выкарыстанне D-RTK 2 дазваляе атрымліваць высокадакладныя каардынаты ў рэальным часе ў палявых умовах.

Падрыхтоўка да палявых даследаванняў падугледжвае некалькі этапаў:

1) складанне маршруту абследаванняў на падставе вывучэння навуковай і даведачнай літаратуры і архіўных даных (Дзяржаўны спіс гісторыка-культурных каштоўнасцей, «Зборы помнікаў гісторыі і культуры», навуковыя археалагічныя справаздачы і інш.);

2) вызначэнне ўчастка работ, нанясенне яго на карту, абазначэнне геаграфічных каардынат;

3) атрыманне дазволу на аэрафотаздымку (АФЗ) у Генеральнага штаба Узброеных сіл Рэспублікі Беларусь;

4) узгадненне выкарыстання паветранай прасторы ўстаноўленым парадкам (мясцовы выканкам, РАУС);

5) атрыманне дазволу на выкарыстанне паветранай прасторы ў цэнтры Адзінай сістэмы арганізацыі паветранага руху РУП па аэранавігацыйным абслугоўванні паветранага руху «Белаэранавігацыя».

Неабходна адзначыць, што ў Рэспубліцы Беларусь выкарыстанне БЛА рэгламентуецца Паветраным кодэксам, Указамі Прэзідэнта Рэспублікі Беларусь № 297 ад 25.09.2023, № 81 ад 25.02.2016; пастановамі Савета Міністраў Рэспублікі Беларусь № 1471 ад 04.11.2006, № 636 ад 16.08.2016, № 970 ад 28.12.2023, № 971 ад 28.12.2023, № 972 ад 28.12.2023, № 972, № 980 ад 29.12.2023; пастановамі Міністэрства абароны Рэспублікі Беларусь № 26 ад 09.11.2020, № 21 ад 13.11.2017; пастановай Міністэрства транспарту і камунікацый Рэспублікі Беларусь і Міністэрства абароны Рэспублікі Беларусі № 86/24ОВ ад 30.09.2024.

Непасрэдна праца па ПЛС на базе БЛА, першаснай у палявых умовах і камеральнай апрацоўцы атрыманых у ходзе здымкі даных складаецца з чатырох этапаў.

Першы этап – перадпалётная падрыхтоўка. Ён уключае ў сябе праверку сістэм БЛА, вызначэнне ўчастка здымкі і ўстаноўку асноўных параметраў, такіх як працэнт перакрыцця, вышыня і хуткасць палёту, колькасць адлюстраванняў лазера.

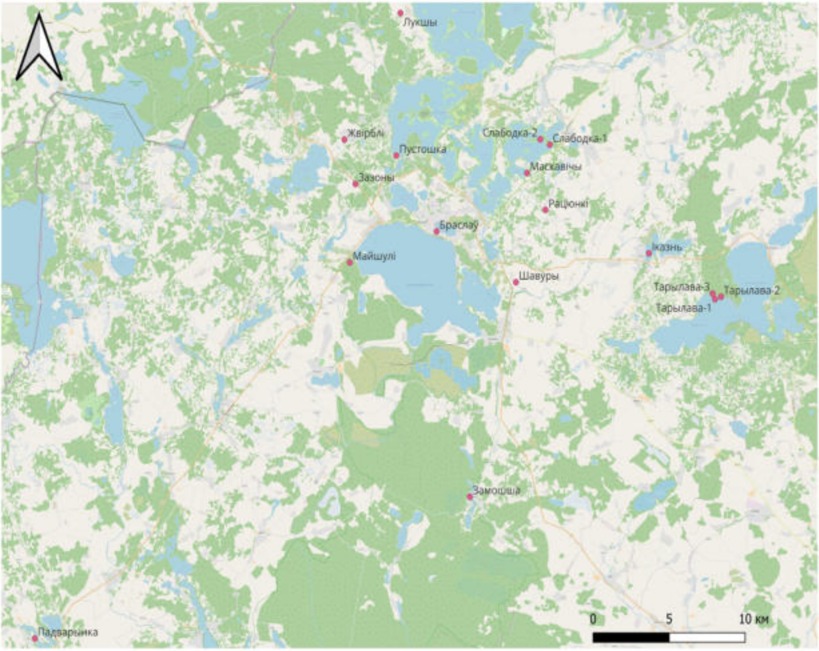
Другі этап – непасрэдна правядзенне ПЛС ўчастка мясцовасці. На гэтым этапе важна праводзіць пастаянны кантроль за ходам працэсу, сачыць за ўзроўнем зараду батарэй, улічваць умовы надвор’я, гарантаваць бяспеку палёту.

Трэці этап – постапрацоўка сырых даных. На гэтым этапе даныя, атрыманыя з лазернага сканара, апрацоўваюцца ў праграмным забеспячэнні DJI Terra, толькі пасля гэтага можна атрымаць воблакі кропак у фармаце LAS/LAZ для далейшага аналізу і пабудовы ЛМР. У працэсе постапрацоўкі ўсталёўваецца сістэма каардынат выхадных даных, ураўноўваюцца воблакі кропак, адбываецца іх каларызацыя на аснове атрыманых падчас АФЗ фотаздымкаў.

Чацвёрты этап – пабудова ЛМР. Атрыманыя воблакі кропак загружаюцца ў спецыялізаванае праграмнае забеспячэнне – QuickTerrainModeler, ArcGIS – для класіфікацыі. Класіфікацыя дазваляе аднесці кропкі да наступных класаў: зямля (ground), некласіфікаваныя кропкі (default), нізкая раслiннасць (low vegetation), сярэдняя раслiннасць (medium vegetation), высокая раслiннасць (high vegetation), будынкі (building) і г. д. На аснове класіфікаваных воблакаў кропак можна пабудаваць лічбавую мадэль рэльефу (ЛМР) з прасторавай разрознасцю ад 0,3 м.

Палявыя абследаванні гарадзішчаў у Браслаўскім раёне праводзіліся ў жніўні 2024 г. Сканаванне ажыццяўлялася на вышыні 100 м з хуткасцю 5…10 м/с у залежнасці ад шчыльнасці расліннага покрыва. Колькасць вымераных кропак з'яўляецца найбольшай пры частаце дыскрэтызацыі 240 кГц у рэжыме падвойнага рэха, прыкладная шчысльнасць складае 90…110 кропак/м^2, рэжым сканавання – паўтаральны.

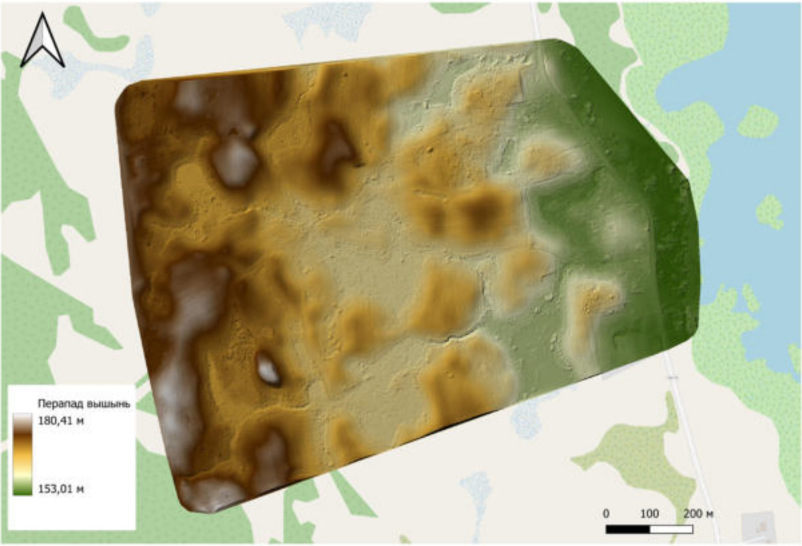
А. А. Егарэйчанка – адзін з асноўных даследчыкаў старажытнасцей Браслаўскага Паазер'я – адзначыў наяўнасць у рэгіёне 17 гарадзішчаў: Лукшы, Слабодка, Пустошка, Маскавічы, Зазоны, Шавуры, Рацюнкі, Тата-



Рыс. 1. Лакалізацыя абследаваных аб'ектаў

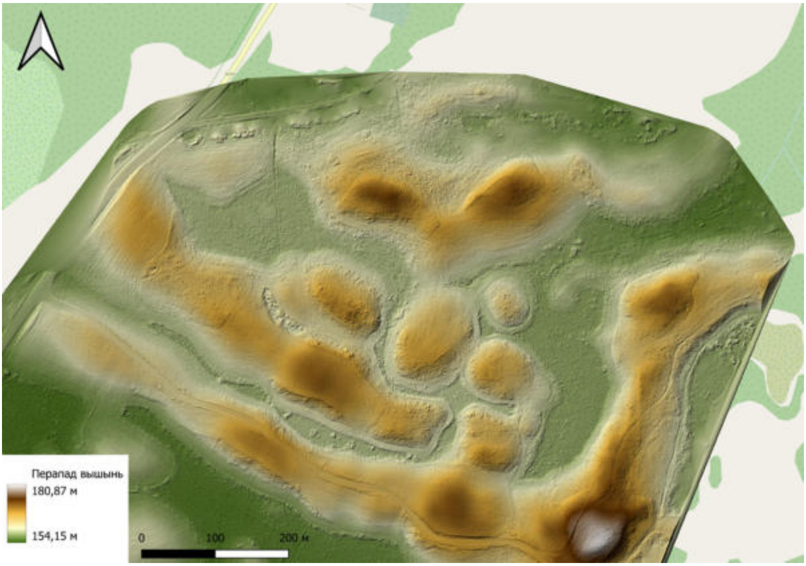
раўшчына, Майшулі, Тарылава (Укля), Едагалі, Жвірблі, Ахрэмаўцы (Гурка), Нурвяны, Замошша, Падварынка, Богіна [5, рис. 1]. Аднак ступень даследаванасці іх нераўнамерная. ПЛС ажыццяўлялася на 13 аб'ектах: Лукшы, Жвірблі, Пустошка, Майшулі, Браслаў, Шавуры, Рацюнкі, Маскавічы, Слабодка, Іказнь, Тарылава, Падварынка, Замошша (рыс. 1). У першую чаргу фіксаваліся даследаваныя помнікі і аб'екты, уключаныя ў Дзяржаўны спіс гісторыка-культурных каштоўнасцей Рэспублікі Беларусь. Так як культурна-храналагічная інтэрпрэтацыя абследаваных гарадзішчаў на сённяшні дзень магчымая не для ўсіх аб'ектаў, то для іх першаснай класіфікацыі была выкарыстана фармальная прыкмета – асаблівасці фартыфікацыі, зафіксаваныя па атрыманых мадэлях.

Для верыфікацыі атрыманых даных, інтэрпрэтацыі і культурна-храналагічнай характарыстыкі выяўленых аб'ектаў працы па ПЛС павінны суправаджацца палявымі археалагічнымі абследаваннямі помнікаў. У ходзе даследавання, як правіла, ажыццяўляўся візуальны агляд мясцовасці без земляных прац. Аднак ва ўмовах абмежаванага на працы часу прыходзілася абыходзіцца без яго, калі здымка вялася з дастаткова аддаленай мясцовасці, альбо месца, прыдатнае для кіравання БЛА, размяшчалася за натуральнымі перашкодамі ад помніка, пераадолець якія не ўяўлялася магчымым. Таму атрыманыя вынікі яшчэ будуць дапоўнены ў ходзе далейшых даследаванняў.



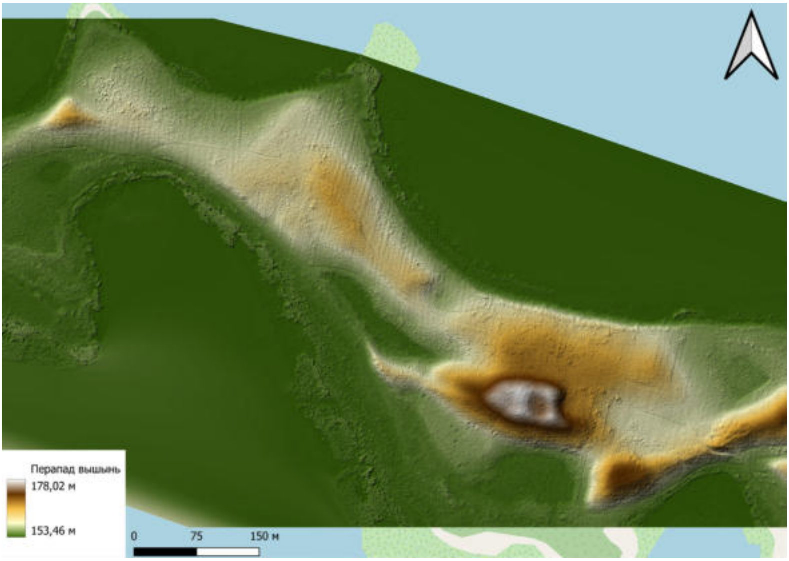
Рыс. 2. Гарадзішча Лукшы ў навакольным ландшафце.

ЛМР, аснова – Open Street Map



Рыс. 3. Гарадзішча Шавуры ў навакольным ландшафце.

ЛМР, аснова – Open Street Map



Рыс. 4. Гарадзішчы Слабодка-1, Слабодка-2 у навакольным ландшафце.

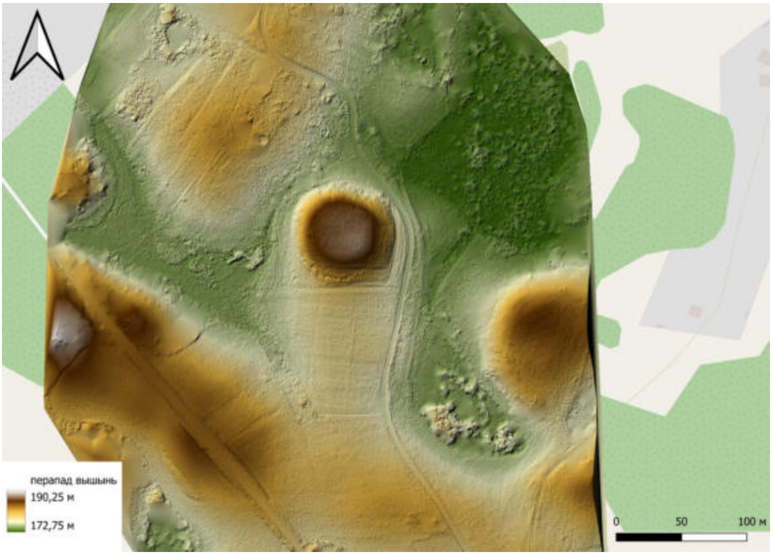
ЛМР, аснова – Open Street Map

Рыс. 5. Паселішча Падварынка ў навакольным ландшафце.

ЛМР, аснова – Open Street Map

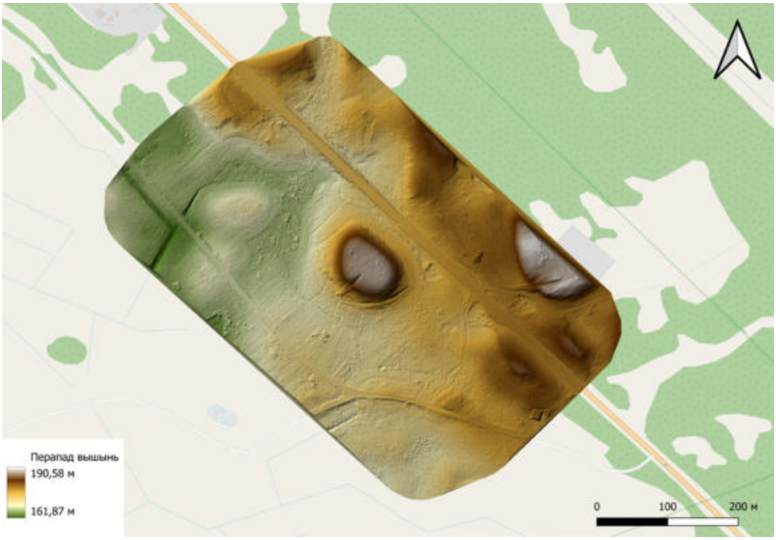
Большая частка гарадзішчаў не мае візуальных слядоў дадатковых умацаванняў акрамя падрэзкі схілаў. Складана зафіксаваць па існуючых прывязках гарадзішчы Лукшы (рыс. 2) і Шавуры (рыс. 3). Паводле іх, першае змяшчаецца на высокім пагорку без слядоў умацаванняў, а другое – на высокім і доўгім пагорку, на якім з напольнага боку захаваліся рэшткі вала [6, с. 152, 156]. З улікам гэтага, для атрымання мадэлі ахопліваўся максімальна магчымы участак, папярэдняя лакалізацыя можа быць здзейснена, абапіраючыся на існуючыя апісанні, а дакладная – толькі ў выніку візуальнага агляду ці шурфоўкі. Слаба прасочваюцца сляды ўмацаванняў на паселішчах каля в. Слабодка (рыс. 4) і каля в. Падварынка (рыс. 5). Спецыфіка дадзеных аб'ектаў у тым, што яны размешчаны на озавых градах.

Эскарпаваныя схілы маюць гарадзішчы Рацюнкі (рыс. 6), Зазоны (рыс. 7) і Тарылава (рыс. 8, *1*) – найбольш даследаваныя помнікі жалезнага веку ў Браслаўскім раёне [гл. 7–10 і інш.]. Канструкцыю іх умацаванняў, такім чынам, магчыма прасачыць толькі ў ходзе раскопак [8, с. 41; 9, с. 163]. Верагодна, падобную сістэму фартыфікацыі мела і гарадзішча Замошша (рыс. 9). Аднак яно вельмі моцна пашкоджана, у тым ліку з-за таго, што на яго пляцоўцы быў размешчаны храм, спалены ў гады Вялікай Айчыннай вайны, а зараз помнік, да якога вядуць прыступкі. Не прасочваюцца візуальна дадатковыя ўмацаванні на гарадзішчы Пустошка, пляцоўка якога пашкоджа-



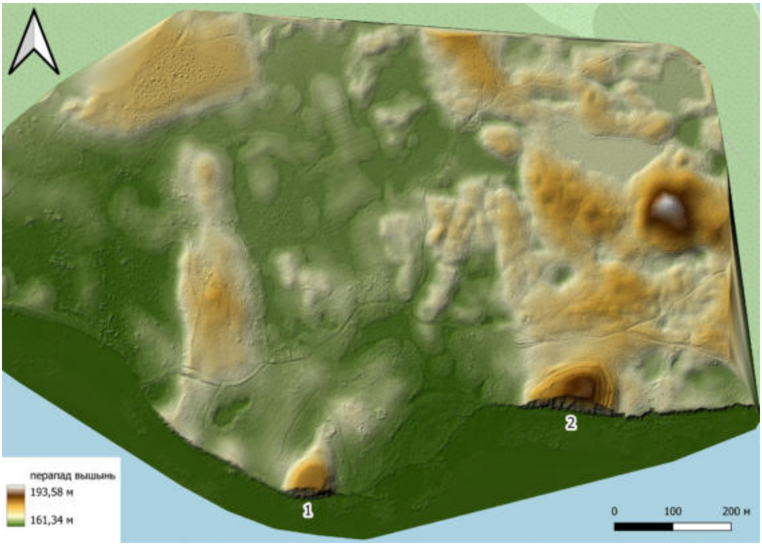
Рыс. 6. Гарадзішча Рацюнкі ў навакольным ландшафце.

ЛМР, аснова – Open Street Map



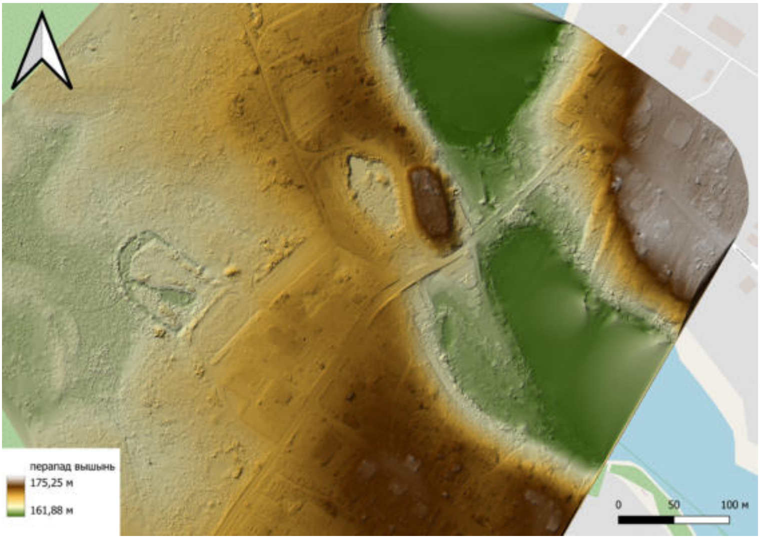
Рыс. 7. Гарадзішча Зазоны ў навакольным ландшафце.

ЛМР, аснова – Open Street Map



Рыс. 8. Гарадзішчы каля в. Укля (Тарылава) у навакольным ландшафце.

ЛМР, аснова – Open Street Map; на паўночны захад ад гарадзішчаў знаходзіцца курганны могільнік

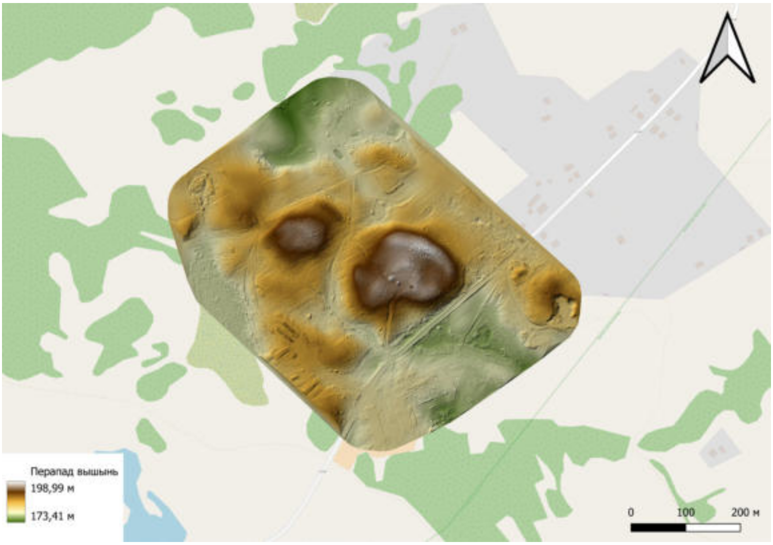


Рыс. 9. Гарадзішча Замошша ў навакольным ландшафце.

ЛМР, аснова – Open Street Map

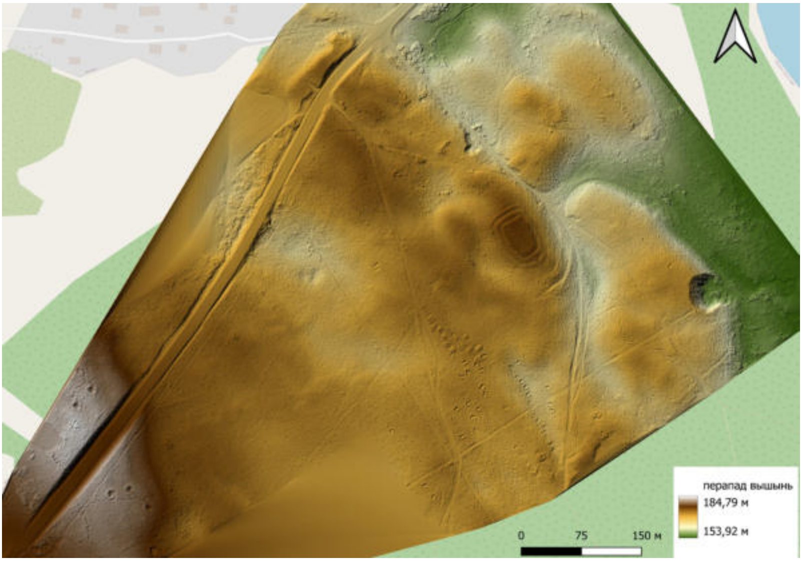
Рыс. 10. Гарадзішча Пустошка ў навакольным ландшафце.

ЛМР, аснова – Open Street Map



Рыс. 11. Гарадзішча Жвірблі ў навакольным ландшафце.

ЛМР, аснова – Open Street Map



Рыс. 12. Гарадзішча Майшулі (Рацкі Бор) ў навакольным ландшафце.

ЛМР, аснова – Open Street Map; па паўднёвы захад і поўдзень ад гарадзішча знаходзіцца курганны могільнік

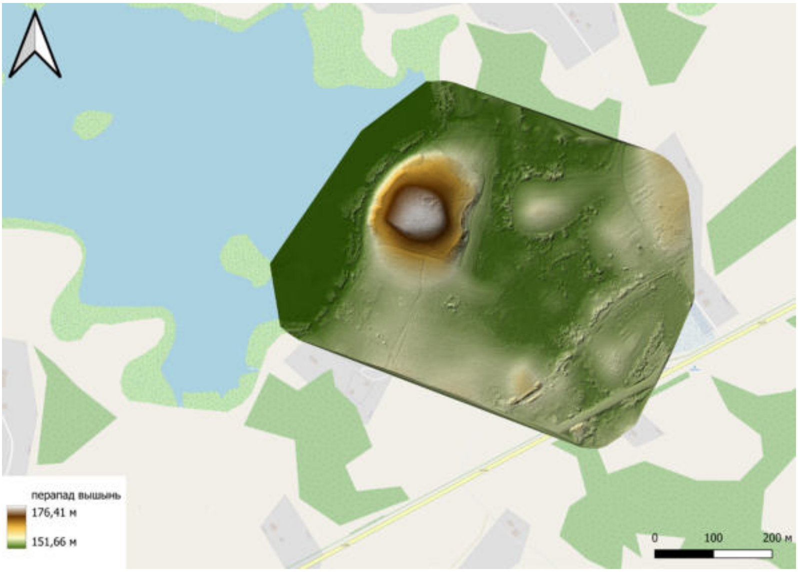
на траншэяй (рыс. 10). Пры гэтым і прыкметаў культурнага слоя ў выніку візуальнага агляду і прагляду кратавін на ім не назіралася. На пагорку, на якім размяшчаецца ваданапорная вежа, знаходзіцца гарадзішча Жвірблі (рыс. 11). З дадатковых умацаванняў тут можна адзначыць вал з паўночна-ўсходняга боку. Агляд гарадзішча не дазволіў зрабіць высновы аб наяўнасці тут культурнага слою. А вось валунныя камяні, змешчаныя на ім, верагодна, усё ж не маюць дачынення да фартыфікацыі [6, с. 148], а прыроднага паходжання.

Досыць распаўсюджанымі сярод старажытнасцей жалезным веку з'яўляюцца гарадзішчы з кальцавымі валамі. Сярод даследаваных аб'ектаў атрымалася зафіксаваць толькі адзін такі помнік – Майшулі (урочышча Рацкі Бор) (рыс. 12). Мяркуючы па публікацыях, тут былі выяўлены матэрыялы культуры позняй штрыхаванай керамікі [11]. Побач з гарадзішчам знаходзіцца курганны могільнік, у якім на сённяшні дзень даследаваны 26 курганоў [12, табл. 1].

Больш познія гарадзішчы адрозніваюцца геаметрычнасцю формаў. Дзядзінец летапіснага Браслава (рыс. 13) мае вал вышынёй да 6 м з паўночнага і заходняга боку і да 2 м – з усходняга і паўднёвага. Гарадзішча Маскавічы (рыс. 14) мае двухузроўневую структуру і тонкі вал (?) па перыметры ніжняй пляцоўкі. Складаную структуру, якая ўключае ў сябе археалагізаваную асно-

Рыс. 13. Гарадзішча летапіснага Браслава ў навакольным ландшафце.

ЛМР, аснова – Open Street Map



Рыс. 14. Гарадзішча Маскавічы ў навакольным ландшафце.

ЛМР, аснова – Open Street Map

Рыс. 15. Гарадзішча (замчышча) Іказнь у навакольным ландшафце.

ЛМР, аснова – Open Street Map

ву сцен і абарончых вежаў, маюць рэшткі замчышча Позняга сярэднявечча – ранняга Новага часу, размешчаныя на востраве Замак воз. Іказнь (рыс. 15). Варта адзначыць, што сярэднявечныя знаходкі былі выяўлены ў рэгіёне ў Рацюнках і Падварынцы [13; 14], аднак гэтая акалічнасць ніяк не паўплывала на іх візуальны выгляд на сённяшні дзень.

Цікавыя вынікі дало ПЛС гарадзішча Тарылава (Укля). На адлегласці каля 300 м на паўночны-ўсход ад помніка, які даследаваўся ў 1990-я гг., быў зафіксаваны яшчэ адзін аб’ект са слядамі антрапагеннага ўздзеяння ў выглядзе невысокіх (каля 50 см) трох ліній кальцавых валоў (?) (рыс. 8, *2*). Дадзены аб’ект быў папярэдне пазначаны намі як гарадзішча Тарылава-2. Яго візуальнае абследаванне не паказала прыкметаў наяўнасці тут культурнага слою. У падножжа з заходняга боку ён прысутнічае, але яго храналогія не можа быць вызначана без шурфоўкі, так як дадзеная пляцоўка актыўна выкарыстоўваецца на сённяшні дзень пад кэмпінг і, верагодна, утрымлівае матэрыялы, звязаныя з існаваннем тут хутара Тарылава. У сучаснай навуковай літаратуры звесткі пра наяўнасць у ваколіцах больш за адно гарадзішча адсутнічаюць, але Ф. В. Пакроўскі ў канцы XIX ст. адзначае наяўнасць у Тарылаве трох гарадзішчаў [15, с. 5]. Магчыма, разглядаемы аб’ект з’яўляецца адным з іх.

Такім чынам, выкарыстанне ПЛС падчас абследавання гарадзішчаў на тэрыторыі Браслаўскага раёна пацвердзіла высокую эфектыўнасць дадзенай тэхналогіі ў атрыманні лічбавых мадэлей археалагічных аб'ектаў, якія фіксуюць іх стан на момант абследавання і лакалізаваныя з геадэзічнай дакладнасцю (хібнасць да 10 см). Палявыя працы без уліку візуальнага агляду ці шурфоўкі пры гэтым займаюць ад 30–40 хвілін (гарадзішча з вядомымі каардынатамі і лёгкім доступам) да некалькіх гадзін (складаны археалагічны комплекс у цяжкадаступнай мясцовасці). Атрыманыя мадэлі могуць выкарыстоўвацца для мерапрыемстваў у сферы аховы археалагічнай спадчыны і навуковага вывучэння аб'ектаў. Суцэльнае ПЛС пэўнага мікрарэгіёну дазваляе выяўляць невядомыя раней археалагічныя аб'екты і перспектыўныя для вывучэння ўчасткі.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. *Сазонов А. А., Киндеев А. Л., Князев И. С., Курлович П. С., Маковская В. А.* Применение воздушного лазерного сканирования в археологических исследованиях на территории Беларуси // ГИС-технологии в науках о Земле: материалы респ. науч. -практ. семинара студентов и молодых ученых, Минск, 16 нояб. 2022 г. Минск, 2022. С. 283–287.

2. *Сазонов А. А., Курлович П. С., Князев И. С., Вашанов А. Н.* Моделирование рельефа по данным воздушного лазерного сканирования на примере острова Выспа // ГИС-технологии в науках о Земле: материалы респ. науч. -практ. семинара студентов и молодых ученых, Минск, 15 нояб. 2023 г. Минск, 2023. С. 145–154.

3. *Сазонов А. А., Курлович П. С.* Опыт применения воздушного лазерного сканирования для археологической разведки на территории Беларуси // Беспилотные аппараты «БПЛА-2024»: сб. ст. Междунар. молодежного форума 22 апреля 2024 г. Минск, 2024. С. 7–11.

4. *Курлович П. С., Сазонов А. А.* Гарадзішчы Харытанцы-Забарочча, Радзіца, Грыцковічы Крупскага раёна Мінскай вобласці: вынікі абследаванняў 2023 года // МАБ. 2025. Вып. 35. С. 188–193. (у друку)

5. *Егорейченко А. А.* Браславское Поозерье в первых веках н. э. // Stratum plus. 2014. № 14. С. 149–158.

6. Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі. Віцебская вобласць. Мінск: БелСЭ, 1985. 496 с.

7. *Егорейченко А. А.* Культуры штрихованной керамики. Минск: БГУ, 2008. 207 с.

8. *Егорейченко А. А.* Древнейшие городища Браславского Поозерья // МАБ. 2020. Вып. 31. С. 36–47.

9. *Дучиц Л. В., Митрофанов А. Г.* Городище Ратюнки // ГАЗ. 1994. № 5. С. 163–182.

10. *Егорейченко А. А.* История археологического изучения древнейших городищ в Браславском Поозерье // Веснік БДУ: навуковы часопіс Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. 2012. № 1. С. 3–6.

11. *Плавінскі М., Харытановіч З., Дзярновіч С.* Новыя археалагічныя помнікі жалезнага веку ў Браслаўскім Паазер'і (па выніках даследаванняў 2003–2005 гг.) // МАБ. 2008. Вып. 15. С. 205–211.

12. *Плавінскі М. А.* Гісторыя археалагічнага вывучэння курганных могільнікаў захаду Браслаўскага Паазер'я // Віцебскія старажытнасці: матэрыялы навук. канф. Мінск, 2013. С. 14–18.

13. *Егорейченко А. А.* Средневековые находки из городища Ратюнки // МАБ. 2017. Вып. 28. С. 209–213.

14. *Егорейченко А. А.* Поселение Подваринка // Веснік БДУ: навуковы часопіс Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. 2012. № 3. С. 3–7.

15. *Покровскій Ф. В.* Археологическая карта Виленской губерніи. Вильна: Типографія А. Г. Сыркина, 1893. 164 с.

КАМЕННЫЕ СВЕРЛЕНЫЕ ИЗДЕЛИЯ, НАЙДЕННЫЕ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ. ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АППАРАТ

С. Б. Линевич

*Институт истории НАН Беларуси, ул. Академическая, 1,
220072, г. Минск, Республика Беларусь, lsb1986@mail.ru*

Статья посвящена представлению авторского терминологического аппарата, применяемого при атрибуции и описании каменных сверленых изделий, найденных на территории Беларуси. Исходя из условно функционального признака, весь массив находок разделяется на пять групп (топор, булава, мотыга, кирка, киркомотыга) с последующим делением по характеру конструктивных элементов. На основе разработанного терминологического аппарата автором статьи предлагается алгоритм первичной атрибуции находок.

Ключевые слова: каменные сверленые изделия; каменный сверленый топор; каменная сверленая булава; каменная сверленая мотыга; каменная сверленая кирка; каменная сверленая киркомотыга.

КАМЕННЫЯ СВІДРАВАНЫЯ ВЫРАБЫ, ЗНОЙДЗЕНЫЯ НА ТЭРЫТОРЫІ БЕЛАРУСІ. ТЭРМІНАЛАГІЧНЫ АПАРАТ

С. Б. Ліневіч

*Інстытут гісторыі НАН Беларусі, вул. Акадэмічная, 1,
220072, г. Мінск, Рэспубліка Беларусь, lsb1986@mail.ru*

Артыкул прысвечаны прадстаўленню аўтарскага тэрміналагічнага апарата, які прымяняецца пры атрыбуцыі і апісанні каменных свідраваных вырабаў, знойдзеных на тэрыторыі Беларусі. Зыходзячы з умоўна функцыянальнай прыкметы, увесь масіў знаходак падзяляецца на пяць груп (сякера, булава, матыка, кірка, кіркаматыка) з наступным дзяленнем па характары канструктыўных элементаў. На аснове распрацаванага тэрміналагічнага апарата аўтарам артыкула прапануецца алгарытм першаснай атрыбуцыі знаходак.

Ключавыя словы: каменныя свідраваныя вырабы; каменная свідраваная сякера; каменная свідраваная булава; каменная свідраваная матыка; каменная свідраваная кірка; каменная свідраваная кіркаматыка.

STONE SCHAFT HOLE ARTEFACTS FROM BELARUS. TERMINOLOGY

S. B. Linevich

*Institute of History of the NAS of Belarus, Academic str., 1,
220072, Minsk, Republic of Belarus,sb1986@mail.ru*

The article devotes the presentation of the author’s terminology used in the attribution and description of stone schaft hole artefacts. Based on a conditionally functional attribute, all the finds are divided into five groups (axe, mace, hoe, pick, pickaxe), with subsequent

division according to the features of the structural elements. Based on the developed terminological apparatus, an algorithm for the primary attribution of finds is proposed by the author of the article.

Keywords: stone schaft hole artefacts; stone schaft hole axe; stone schaft hole mace; stone schaft hole hoe; stone drilled pick, stone drilled pickaxe.

На сегодняшний день в археологической науке отсутствует единое мнение относительно функционального назначения каменных сверленых изделий (далее – КСИ). В результате подобной ситуации подходы и терминология, применяемые исследователями при описании данной категории артефактов, имеют значительные отличия. Исходя из субъективного восприятия назначения предмета, авторы используют различную не унифицированную терминологию. Как правило, расшифровка используемых терминов не приводится. В результате возникает путаница в базовых понятиях, что значительно затрудняет описание и введение в научный оборот данной категории артефактов. Характерный пример существующей путаницы привел в своей статье М. В. Ступка [1, с. 17] на примере введенного Д. А. Крайновым типа «обушковых каменных сверленых топоров-молотков»[1] [2, с. 41]. Как отмечает М. В. Ступка, в отношении топоров, изготовленных из камня, термины «проушной», «сверленый», «топор-молоток» являются синонимами и подразумевают изделия одной конструктивной схемы, в которой присутствует лезвие и противолежащая ему часть. Соответственно, словосочетание «обушковый сверленый топор-молоток» будет выступать тавтологией. Поскольку к теме изучения КСИ ученые-археологи неоднократно обращались в прошлом и продолжают обращаться сегодня, а процесс изготовления КСИ в древности весьма сложно назвать стандартизированным, на данный момент терминологический аппарат характеризуется запутанностью и противоречивостью и нуждается хотя бы в предварительной унификации. По этой причине основной целью данного текста выступает представление и разъяснение терминов и понятий, которые применяются автором для обозначения и описания основных типов КСИ, найденных на территории Беларуси.

Прежде всего, следует обратить внимание на тот факт, что КСИ изначально являлись частью составного орудия, которое состояло из каменного навершия, закрепленного на деревянной рукоятке при помощи искусственно сформированного отверстия (проушины). Поскольку в подавляющем большинстве случаев рукоятки не сохраняются, то под общим термином «КСИ» следует понимать исключительно навершия. Таким образом, под каменными сверлеными изделиями (бел. «каменныя свідраваныя вырабы») подразумеваются приспособления или заготовки приспособлений, изготовленные из камня, в конструкции которых присутствует либо должно присутствовать

[1]Ради справедливости необходимо отметить, что тип «обушковый» для каменных сверленых топоров был введен еще В. А. Городцовым в 1916 году [3].

технологически сформированное отверстие для закрепления на рукоятке[1]. При отсутствии отверстия либо его незавершенности изделие называется «заготовкой» (бел. «нарыхтоўка»). Если изделие имеет следы присутствия двух отверстий – одного начатого или завершенного, а второго обломанного, – то в таком случае оно называется «изделием со вторичным сверлением» (бел. «выраб з другасным свідраваннем»). При наличии только одного обломанного отверстия изделие называется «обломком КСИ» (бел. «абломак каменнага свідраванага вырабу»).

Фиксация формы КСИ и описание элементов их конструкции проводится исходя из изображений артефакта в фас, профиль, тыльной стороны и поперечного сечения. Под изображением в фас (бел. «фас») подразумевается вид на поверхность артефакта, противоположную направлению рукоятки. Профиль (бел. «профіль») – вид на поверхность артефакта, в которой отсутствует отверстие-сверлина. Тыльная сторона (бел. «тыльны бок») – вид на поверхность артефакта в месте соединения с рукояткой (рис. 1, *1*; 2, *1*). Фас и тыльная сторона изделия определяются исходя из направления конструктивных элементов (как правило, обушковая часть и острие изогнуты в тыльную сторону), площади поверхности (площадь поверхности в фас больше), диаметра отверстия (тыльной стороне очень часто соответствует больший диаметр отверстия). Хотелось бы заметить, что при определении фаса и тыльной стороны изделия нельзя полагаться исключительно только на один критерий. К примеру, отверстие далеко не всегда имеет больший диаметр с тыльной стороны, также существуют различные типы отверстий (об этом ниже). По этой причине для определения фаса и тыльной стороны необходимо учитывать комплекс, состоящий минимум из двух критериев. При этом для отдельных категорий артефактов (к примеру, для шаровидных наверший) определение фаса и тыльной стороны не всегда представляется возможным и может являться условным (рис. 2, *1*).

В археологической литературе общий массив находок КСИ принято рассматривать в качестве оружия, орудий труда, символов власти, статусных предметов и сакральных символов [5, с. 4]. При этом отсутствуют убедительные доказательства возможности или невозможности комбинирования обозначеных сфер. Следовательно, рассматривая назначение КСИ, исследователь может говорить только об условных функциях, которые определяются

---

[1]Необходимо сделать уточнение: часть определения КСИ «должно присутствовать технологически сформированное отверстие для закрепления на рукоятке» следует воспринимать следующим образом. Существует два признака, позволяющие говорить о присутствии отверстия. Первый признак объективный и заключается в наличии искусственно сформированного полусферического углубления (не отверстия) на поверхности КСИ. Как правило, такого рода углубления предваряли начало сверления и имели своей целью фиксацию сверла на начальном этапе формирования отверстия [4, с. 289]. Второй признак носит субъективный характер и связан с наличием конструктивных элементов и соответствием формы заготовки с основными типами КСИ, описанными далее в тексте.

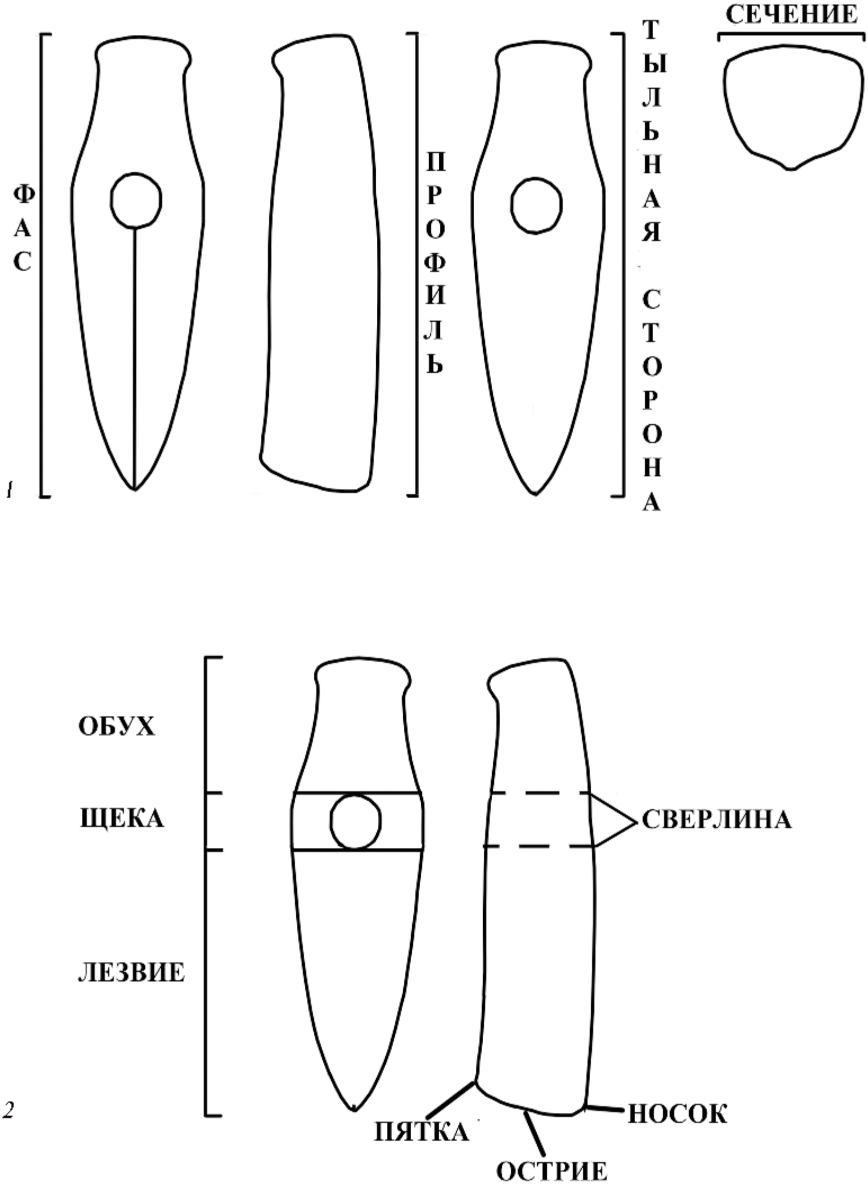


Рис. 1. Каменные сверленые изделия:

1 – проекции фиксации; *2* – основные конструктивные элементы.

Рисунки автора

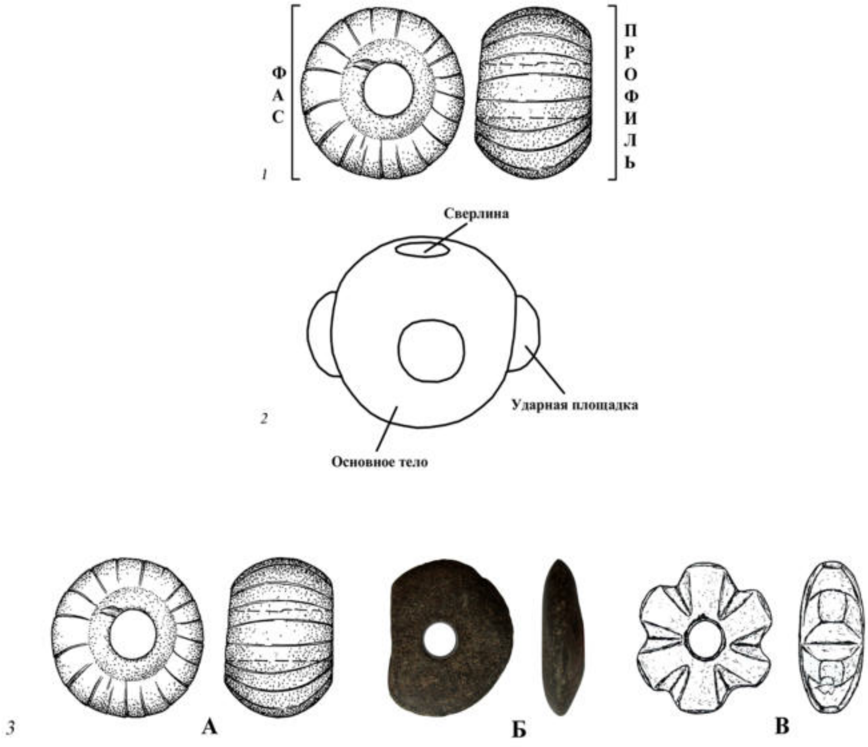


Рис. 2. Каменные сверленые булавы:

1 – проекции фиксации [6]; *2* – основные конструктивные элементы (рисунок автора); *3* – основные типы: А [6]; Б (рисунок автора); В [7]

субъективно, исходя из конструктивных особенностей артефакта. Например, если в конструкции у КСИ присутствуют элементы, которые способны оказывать рубящее воздействие, предмет относят к топорам. На данный момент общепринятым выступает деление КСИ по условно функциональному признаку на топоры, булавы или навершия, мотыги.

Каменный сверленый топор (далее КСТ). В терминологии западноевропейской археологии существует четко выраженное разделение между понятиями «топор», «боевой топор», «топор-молоток». Под общим термином «топор» (англ. «axe», нем. «axt») понимается плоский тяжелый рубящий инструмент из камня или металла, в котором рабочее лезвие располагается

параллельно оси топорища [8, с. 248]. Основным назначением артефакта является деревообработка, хотя он может использоваться и в качестве боевого оружия.

«Боевой топор» (бел. «баявая сякера», анг. «battleaxe», нем. «streitaxt») – топор, предназначавшийся для военных целей, всегда имеет отверстие для насадки на рукоять, противоположный от лезвия конец часто выполнен в виде молота, выпуклости или острия. К категории «топор-молоток» (англ. «axe-hummer», нем. «hammeraxt») относятся сверленые топоры, имеющие молотковидный обух. Такие изделие являются оружием, совмещающим роль булавы и топора [8, с. 248].

Исходя из приведенных выше определений, можно сделать вывод, что в западной археологической школе понятие КСТ, прежде всего, ассоциируется с предметом вооружения, в то время как за топором-клином, в большинстве случаев, закрепляются хозяйственные функции. При этом грань различия между «боевыми топорами» и «топорами-молотками» очень тонкая. Для КСТ, выявленных на территории Британии, в качестве критерия различения выступает не форма, а длина и ширина артефакта [9, с. 199–200].

В советской и постсоветской археологических школах параллельно существует две точки зрения на сферу использования КСТ. Первый подход совпадает с европейской традицией и рассматривает топор в качестве предмета вооружения [2; 10; 11, с. 164–165; 12, с. 87–91]. Второй подход представляет КСТ в качестве, в том числе, и орудий труда [13, с. 194]. Наиболее подробно вопрос о необходимости отнесения КСТ к предметам вооружения был рассмотрен М. Запотоцки (M. Zapotocky) [14, с. 95–103], а невозможность применения отдельных типов в бытовой сфере обоснована С. А. Семеновым [11, с. 164].

До недавнего времени дискуссии о функциональном назначении КСТ носили теоретический характер. Отнесение КСТ к сфере вооружения или к хозяйственно-бытовой сфере базировалось на условно экспериментальном моменте. Исследователи исходили из утверждения, что если при помощи КСТ можно произвести рубку древесины, то артефакт следует рассматривать как предмет хозяйственно-бытового назначения [15], а если нет – то боевого. Казалось бы, точку в данном обсуждении должны поставить трасологические исследования, но на момент написания данного текста их выводы не введены в научный оборот. По этой причине автором принимается следующее обозначение КСТ.

Каменный сверленый топор (бел. «каменная свідраваная сякера») – орудие рубящего, дробящего или комбинированного воздействия, в конструкции которого присутствует либо должно присутствовать технологически сформированное отверстие для закрепления на рукоятке, а основная рабочая

часть расположена параллельно оси рукоятки. В КСТ выделяются следующие конструктивные элементы: основная рабочая часть (лезвие), дополнительная рабочая часть (обух)[1], отверстие (сверлина или проушина) (рис. 1, *2*).

Лезвие (бел. «лязо») – конструктивный элемент топора, который предназначен для оказания рубящего воздействия. Оно располагается на одной оси с рукояткой, начинается от ближайшего к нему края отверстия. Окончание лезвия носит название «острие» (бел. «вастрыё»). Острие – часть лезвия, фиксируемая в профиль, непосредственно оказывающая рубящее воздействие. Острие состоит из носка (верхняя точка) и пятки (нижняя точка) (рис. 1, *2*).

Для находок КСТ, обнаруженных на территории Беларуси, характерными выступают четыре вида лезвий:

1. Прямоугольное лезвие (бел. «прамавугольнае»). В профиль грани лезвия практически параллельные, носок и пятка не формируют выступов, высота изделия схожа по всей длине. У КСТ с прямоугольным лезвием острие в большинстве случаев прямое, изредка слегка выгнутое (рис. 3, *1А*).

2. Трапециевидное лезвие (бел. «трапецыяпадобнае»). В профиль грани лезвия имеют наклонный характер и взаимоудаляются от обушка изделия. Наибольшее расстояние приходится на острие, имеющее дугообразную форму (рис. 3, *1Б*).

3. Лопастное лезвие (бел. «лапасное»). При рассмотрении в профиль носок острия вынесен вперед относительно пятки, а пятка смещена ближе к отверстию, острие имеет форму своеобразного выступа – лопасти (бел. «лопасць») (рис. 3, *1В*).

4. Дисковидное лезвие (бел. «дыскападобныя»). В профиль острие имеет форму полукруга и значительно выступает за условную линию носка и пятки (рис. 3, *1Г*).

Необходимо отметить, что из общей массы находок КСТ выделяется отдельная категория, для которой характерно наличие двух лезвийных частей. Артефакты данной конструкции могут оказывать только рубящее воздействие. Исходя из основной отличительной черты, за ними закреплено название – двухлезвийные (бел. «двухлязовыя»). В зависимости от формы артефакта в фас их целесообразно разделить на ромбические (бел. «рамбічныя») и овальные (бел. «авальныя») (рис. 3, *3А, Б*).

Обух (бел. «абух, абушок») – конструктивный элемент топора, противолежащий лезвию и предназначенный для оказания дробящего воздействия. Для находок КСТ, обнаруженных на территории Беларуси, характерными выступают пять типов обухов:

[1]Существуют вариации, при которых КСТ может иметь два лезвия (тогда он носит название двухлезвийный), либо две обушные часть (что характерно для молотов).

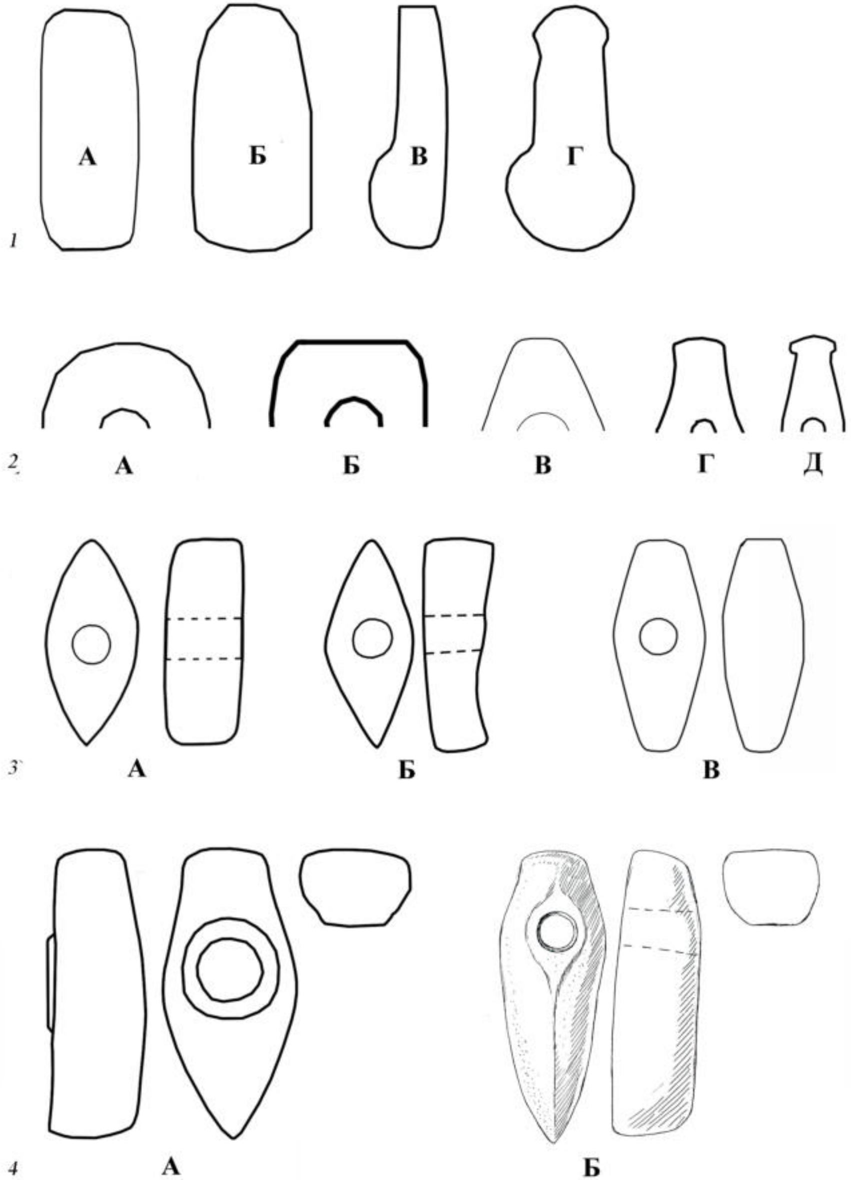


Рис. 3. Каменные сверленые топоры:

1 – типы лезвий; *2* – типы обушков; *3* – двухлезвийные топоры (А–Б), молот (В); *4* – типы втулок (1, 3, 4А – рисунки автора; 2, 4Б – по: [16])

1. Округлый обух (бел. «акруглы»). В фас имеет округлую (дугообразную) форму (рис. 3, *2А*).

2. Прямоугольный обух (бел. «прамавугольны»). Два края обуха в фас параллельны и соединяются близким к перпендикуляру третьим краем (рис. 3, *2Б*).

3. Трапециевидный обух (бел. «трапецыяпадобны»). В фас форма обуха близка к трапеции (рис. 3, *2В*).

4. Цилиндрический обух (бел. «цыліндрычны»). В фас и профиль края обуха имеют форму, приближающуюся к цилиндру (рис. 3, *2Г*). Поперечное сечение обухов данного типа имеет круглую форму.

5. Сложный обух (бел. «складаны»). В фас края обуха имеют сложную форму с фигурно выделенным завершением (рис. 3, *2Д*).

Выделяется отдельная категория КСТ, имеющих следующие особенности: отсутствует лезвие, рабочие части представлены двумя обушками. Такого рода артефакты способны осуществлять только дробящее воздействие. Подобные изделия именуются «каменными сверлеными молотами» (бел. «каменныя свідраваныя молаты») (рис. 3, *3В*).

Отверстие (бел. «свідравіна, адтуліна») – конструктивный элемент, функционально предназначенный для закрепления рукоятки. Ограничивается лезвием и обухом. Поверхность топора вокруг отверстия (подразумевается вид в фас, профиль, тыльной стороны) носит название щеки (бел. «шчака»).

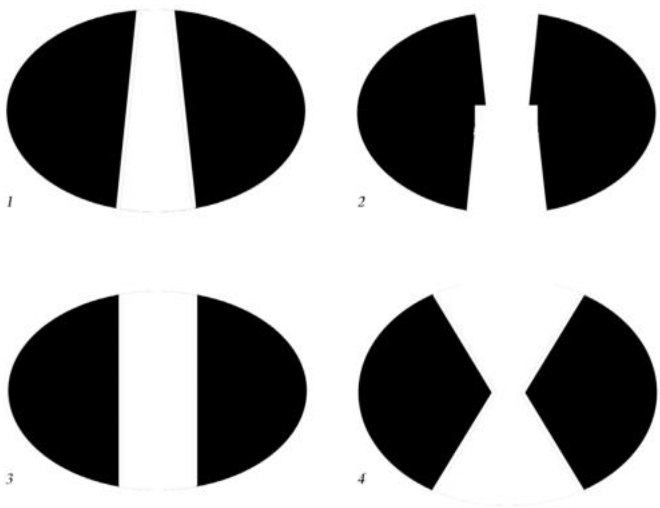


Рис. 4. Основные типы отверстий:

1 – коническое; *2* – биконическое; *3* – цилиндрическое; *4* – песочные часы.

Рисунки автора

Тип отверстия зависит от формы в сечении, которая создается при его формировании. Для КСТ, обнаруженных на территории Беларуси, характерными являются три типа отверстий:

1. Коническое отвестие (бел. «канічная свідравіна») – отверстие, которое в сечении имеет форму усеченного конуса (размер верхнего края больше нижнего, или наоборот) (рис. 4, *1*).

2. Биконическое отверстие (бел. «біканічная свідравіна») – отверстие, которое в продольном сечении имеет форму двух совмещенных узкими вершинами усеченных конусов (рис. 4, *2*).

3. Цилиндрическое отверстие (бел. «цыліндрычная свідравіна») – отверстие, которое в продольном сечении имеет форму цилиндра; верхний и нижний края практически равны (рис. 4, *3*).

Кроме основных конструктивных элементов, на КСТ иногда присутствуют дополнительные элементы, которые не оказывают влияние на прямое функциональное назначение изделия, но при этом могут подчеркивать его специфические функции. К подобным элементам относятся втулка, литейный шов, хорда, прорезанные линии.

Втулка (бел. «утулка») – кольцеобразное утолщение поверхности изделия по периметру отверстия, располагается с тыльной стороны. По способу оформления выделяются втулки выделенные и обозначенные.

1. Выделенные (бел. «вылучаныя») втулки выглядят как расположенное вокруг отверстия каменное кольцо. При рассмотрении КСТ в профиль хорошо заметны, по форме близки к цилиндру (рис. 3, *4А*).

2. Обозначенные (бел. «абазначаныя») втулки выглядят как зашлифованный рельефно не выделяющийся круг, расположенный вокруг отверстия. Они заметны только при рассмотрении с тыльной стороны. (рис. 3, *4Б*).

Литейный шов (бел. «ліцейнае шво»), иногда применяется термин «валик», – узкий выступ на поверхности артефакта, имеющий четко выраженные границы. Литейный шов может располагаться как вдоль всего изделия с фаса или тыльной стороны, так и только на обушке или лезвии. Также зафиксировано расположение литейных швов со стороны фаса и профиля на щеках КСТ, параллельно либо под наклоном к отверстию.

Хорда (бел. «хорда») – выступ на поверхности артефакта, который по форме исполнения близкий к литейному шву, однако не имеет четко выделенных границ и плавно соединяется с поверхностью изделия. Хорда может размещаться со стороны фаса и/или профиля артефакта.

Прорезанные линии (бел. «прарэзаныя лініі») – декоративный элемент, который представляет собой углубленные в тело артефакта линии или геометрические узоры. Основным отличием от валика и хорды является способ исполнения. Валик и хорда – выпуклые, прорезанные линии – углублены в поверхность артефакта.

Каменная сверленая булава и навершие (далее КСБ). Определение данной категории КСИ весьма близкое во всех археологических школах. Каменная сверленная булава (бел. «булава», англ. «mace», нем. «keule») – произведенное из камня оружие ближнего боя дробящего воздействия, в конструкции которого присутствует или должно присутствовать технологически сформированное отверстие для закрепления на рукоятке. В конструкции булав выделяется: основное тело (бел. «асноўнае цела») – поверхность КСБ, расположенная вокруг отверстия; дополнительно сформированные ударные площадки (бел. «дадатковыя ўдарныя пляцоўкі») – искусственно сформированные выступы на основном теле КСБ; отверстие (бел. «свідравіна», «адтуліна») (рис. 2, *2*).

Исходя из наличия конструктивных элементов, КСБ можно поделить на простейшие, сложные, имитационные.

1. Простейшие КСБ (бел. «прасцейшыя») – артефакты, в конструкции которых присутствуют только два конструктивных элемента – тело и отверстие. По форме основного тела в профиль простейшие КСБ делятся на шаровидные и дисковидные. Шаровидные КСБ (бел. «шарападобныя») в профиль имеют форму, близкую к шару со слегка сплощенными вершинами (рис. 2, *3А*). Дисковидные КСБ (бел. «дыскападобныя») в профиль имеют форму, приближающуюся к овалу (рис. 2, *3Б*). Ключевым отличием между шаровидными и дисковидными КСБ является разница между высотой и шириной (диаметром). В первом случае они схожи, во втором – значительно различаются.

2. Сложные КСБ или КСБ с дополнительными ударными площадками (бел. «булавы з дадатковымі ўдарнымі пляцоўкамі») – орудия, имеющие три конструктивных элемента: основное тело, отверстие и дополнительные ударные площадки (рис. 2, *3В*). Находки изделий подобной морфологии достаточно редки для территории Беларуси. На данный момент известно о находках двух артефактов. Одна КСБ имеет шаровидную форму тела и шаровидные ударные площадки, вторая – дисковидную форму тела и ударные площадки, представленные трапециевидными выступами по периметру изделия.

3. Имитационные КСБ. Как правило, это КСБ произвольных форм (бел. «адвольнай формы»), они определяются не строго заданной формой, а мотивом имитации.

Отверстия. В большинстве случаев отверстия КСБ имеют формы сечения, схожие с КСТ – цилиндрическую, коническую, биконическую (рис. 4, *1–3*). При этом среди отверстий, сформированных в КСБ, фиксируется тип, характерный для КСТ. Его ключевым отличием является способ формирования – с использованием пикетажной техники. Такой тип отверстий более правильно будет называть «пробитым», а не «просверленным»

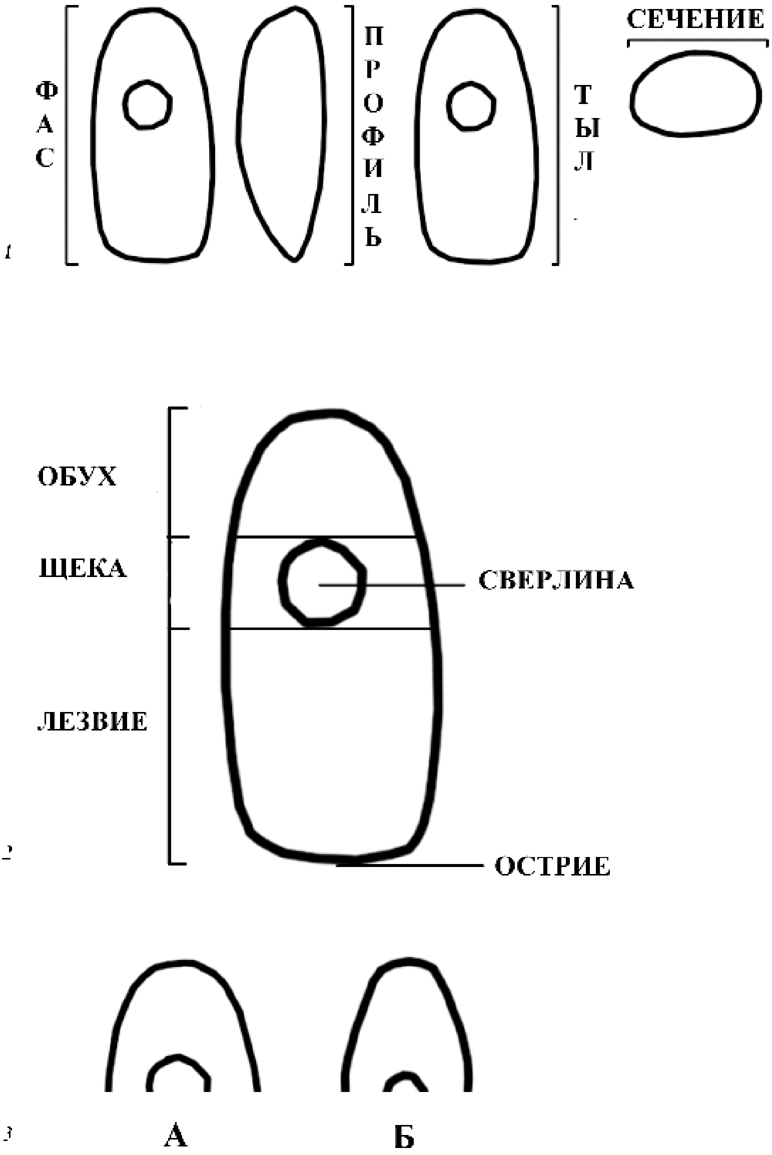


Рис. 5. Каменные сверленые мотыги:

1 – проекции фиксации; *2* – основные конструктивные элементы; *3* – основные типы обушков.

Рисунки автора

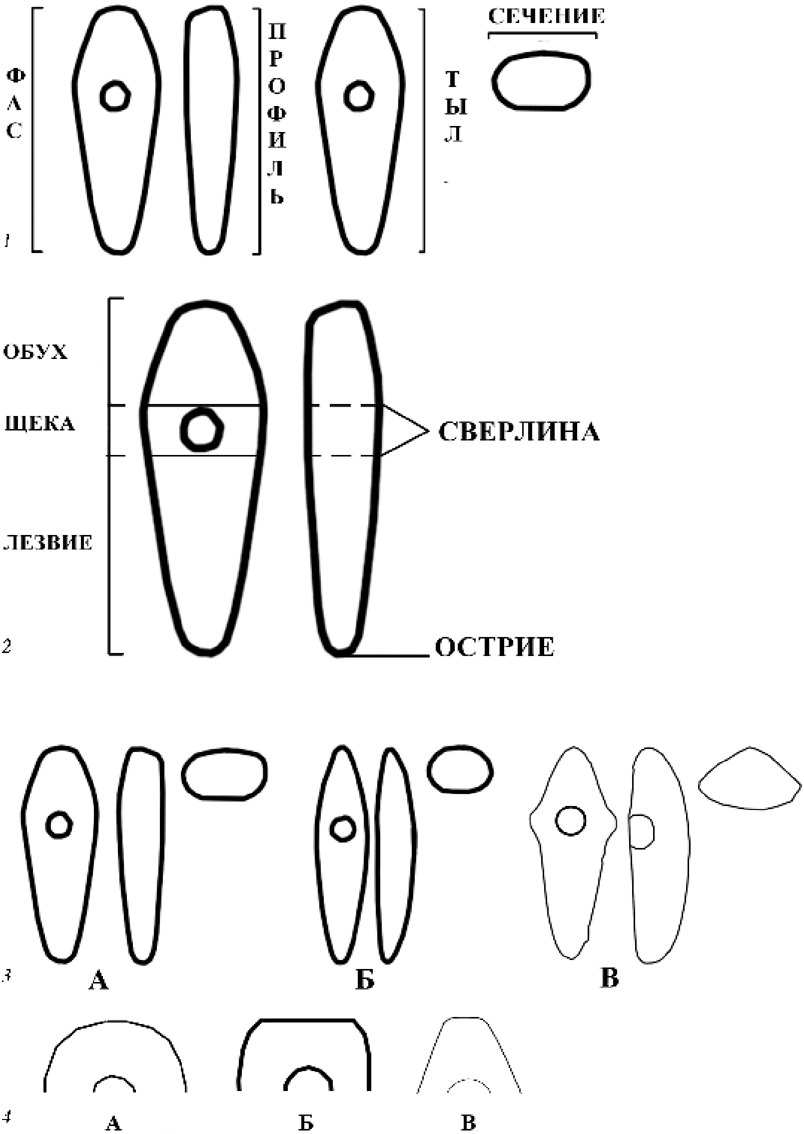


Рис. 6. Каменные сверленые кирки:

1 – проекции фиксации; *2* – основные конструктивные элементы; *3* – основные типы кирок (А–Б), кирка с цапфами (В); *4* – основные типы обушков.

Рисунки автора

[4, с. 288]. В европейской археологической литературе он носит название «песочные часы» [17, с. 12]. Отличительными чертами пробитых отверстий выступает биконическая форма сечения (рис. 4, *4*). Диаметр верхней и нижней части отверстий превышает 2,7 см.

Как и на КСТ, на КСБ встречаются дополнительные элементы, не несущие функционального назначения. Как правило, они представляют собой прорезанные в теле артефакта линии или геометрические фигуры (рис. 2, *3А*).

Каменная сверленая мотыга (далее КСМ) (бел. «матыка», англ. «hoe/mattock», ням. «hacke») – приспособления, изготовленные из камня, в конструкции которых присутствует либо должно присутствовать технологически сформированное отверстие для закрепления на рукоятке, а основная рабочая часть (лезвие) расположена перпендикулярно оси рукоятки (рис. 5, *1*). В конструкции мотыг, по аналогии с КСТ, выделяются лезвие, отверстие, обух, щека (рис. 5, *2*).

Лезвие также имеет острие, однако выделение в нем носка и пятки не представляется целесообразным, так как из-за горизонтального расположения острия конструктивные элементы, формируемые носком или пяткой острия, отсутствуют.

Обухи имеют округлую (бел. «акруглая») (рис. 5, *3А*), или трапециевидную (бел. «трапецыяпадобная») (рис. 5, *3Б*) форму в фас. Для мотыг, выявленных на территории Беларуси, характерна овальная форма в фас с округлыми или слегка уплощенными вершинами. Профиль близкий к овалу, где одна вершина шире второй. Место сверления смещено в противоположную от острия сторону. Отверстия в сечении имеют коническую или цилиндрическую форму.

Каменная сверленая кирка (далее КСК) (бел. «кірка») – приспособления, изготовленные из камня, в конструкции которых присутствует либо должно присутствовать технологически сформированное отверстие для закрепления на рукоятке, основная рабочая часть (лезвие) расположена перпендикулярно оси рукоятки, при этом острие сведено в одну точку (зуб) (рис. 6, *1–2*).

Использование термина «кирка» требует уточнения. Под общим термином «мотыга» подразумевается орудие, предназначенное для копания земли [18]. В свою очередь, орудие с аналогично расположенной основной рабочей частью, но со сведенным в точку острием, предназначенное для рыхления земли, носит название кирка [19]. Исходя из существующих определений, ключевым конструктивным отличием между мотыгой и киркой выступает форма острия. У мотыги оно хорошо выражено, и его ширина совпадает с шириной лезвия, у кирки – сводится в одну округлую точку. В настоящее время термины «мотыга» и «кирка» используются прежде всего для описа-

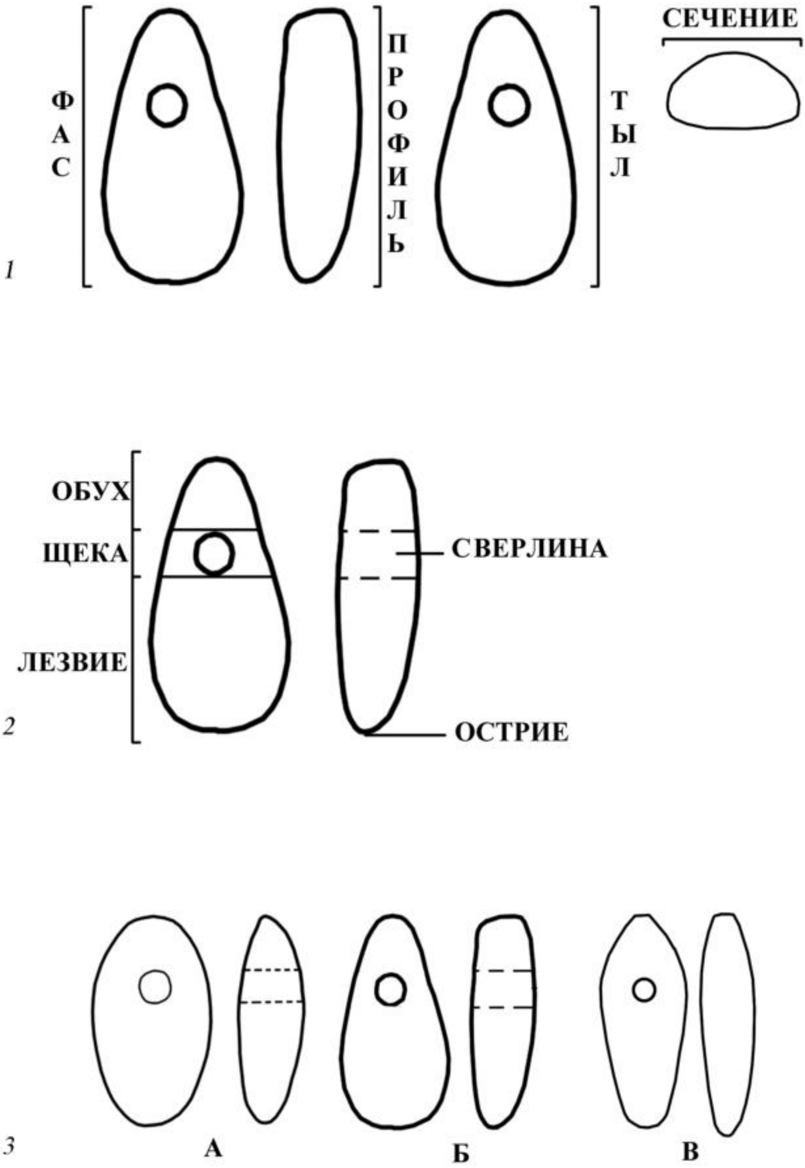


Рис. 7. Каменные сверленые киркомотыги:

1 – проекции фиксации; *2* – основные конструктивные элементы;

3 – основные типы киркомотыг.

Рисунки автора

ния орудий, выполненных из металла. Применение этих терминов для обозначения некоторых типов КСИ требует обоснования, основанного на результатах трасологических исследований.

Исходя из количества основных рабочих частей КСК, выделяются артефакты однолезвийные (у которых одновременно присутствует лезвие и обушковая часть) (бел. «аднализовыя») (рис. 6, *3А*) и двухлезвийные (присутствуют два лезвия) (бел. «двухлязовыя») (рис. 6, *3Б*). Для однолезвийных КСК характерны обушковые части округлой (бел. «акруглыя») (рис. 6, *4А*), прямоугольной (бел. «прамавугольныя») (рис. 6, *4Б*) и трапециевидной (бел. «трапецыяпадобныя») (рис. 6, *4В*) формы в фас. Отверстия смещены ближе к обушковой части и имеют коническое или цилиндрическое сечение. У двухлезвийных кирок обушковая часть заменена вторым лезвием. Расположение отверстия для осаживания на рукоятку может быть смещено в сторону острия одного из лезвий или находиться в центральной части изделия. Сечение отверстий двухлезвийных кирок аналогично однолезвийным.

Среди двухлезвийных кирок встречается отдельная разновидность артефактов – кирки с цапфами (бел. «кіркі з цапфамі»). Их основной характеристикой является наличие двух конических выступов (цапф), расположенных на щеках изделия на уровне отверстия (рис. 6, *3В*). Функциональное назначение цапф на данный момент не установлено.

Каменная сверленая киркомотыга (далее КСКМ). Киркомотыга (бел. «кіркаматыка») – каменное сверленое изделие, одновременно сочетающее в себе конструктивные элементы кирки (узкое сведенное в одну точку острие) и мотыги (широкое лезвие и острие расположенное перпендикулярно оси рукоятки), предназначенное для оказания разнопланового воздействия (рис. 7, *1–2*). Исходя из формы в фас, КСКМ разделяются на три типа. Для первого характерна овальная форма в фас (рис. 7, *3А*). Второй тип имеет каплевидную форму в фас. Его рабочая часть оформлена «в зуб». Лезвие в фас широкое с дугоподобным, горизонтально расположенным острием. (рис. 7, *3Б*). Третий тип характеризуется удлиненной лезвийной частью с узким острием (рис. 7, *3В*).

Декоративные элементы на поверхностях мотыг, кирок, киркомотыг встречаются весьма редко. Из общего количества находок выделяются единичные артефакты, украшенные прорезанными штрихами или хордами. Прорезанные штрихи размещаются на гранях и выступах изделий. Хорды, как правило, представлены на поверхности в фас и с тыльной стороны. Выглядят, как две выпуклые выделенные линии, которые проходят через всю поверхность от одной рабочей части ко второй.

Таким образом, общий массив находок КСИ, выявленных на территории Беларуси, исходя из условно функционального признака, разделяется на три основных группы: топоры (артефакты с рабочей частью, параллельной ру-

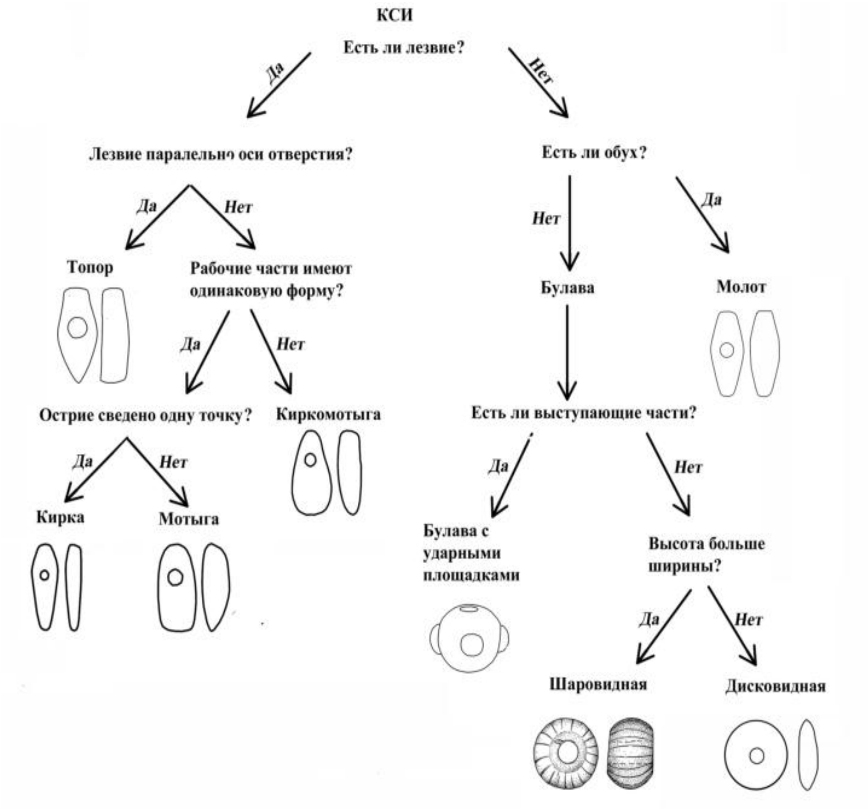


Рис. 8. Алгоритм определения КСИ.

Схема составлена автором

коятке); мотыги (рабочая часть перпендикулярна рукоятке); булавы (рабочая часть расположена по всей поверхности артефакта). С учетом особенностей конструктивных элементов артефактов в рамках данных групп производится более дробное деление. Для описания артефактов разработан соответствующий терминологический аппарат. Он является ключом к использованию алгоритма действий (рис. 8), предложенного нами для облегчения задачи первичной атрибуции КСИ археологами и музейными сотрудниками.

Библиографические ссылки

1. *Ступка М. В.* Каменные сверленные топоры-молотки в системе ямно-катакомбных древностей // История оружия. Альманах. 2008. № 1. С. 11–34.

2. *Крайнов Д. А.* Древнейшая История Волго-Окского междуречья. Москва: Наука. 1972. 276 с.

3. *Городцов В. А.* Описание холодного оружия // Отчет Российского Исторического Музея за 1906 год. Б. м., 1907. 75 с.

4. *Лiневiч С. Б.* Вытворчасць каменных свiдраваных вырабаў эпохi неалiта – жалезнага веку // ГАЗ. 2014. № 29. С. 286–293.

5. *Roy A.* Scandinavian Battle-Axe: An Assessment // PONS AELIUS: Newcastle University Postgraduate Forum E-Journal. 2016. № 13. С. 1–4.

6. *Калечыц А. Г., Ткачоў А. Ю.* Каменныя свiдраваным сякеры са збораў археалагiчнага музея «Нашы каранi» ў вёсцы Моталь Iванаўскага раёна Брэсцкай вобласцi // МАБ. 2016. Вып. 27. С. 152–156.

7. *Лакiза В. Л.* Справаздача аб археалагiчных даследаваннях на тэрыторыi заходняй Беларусi ў 2006 г. // ЦНА НАН Беларуси. ФАНД. Воп. 1. Спр. 2352.

8. *Брей У., Трамп Д.* Археологический словарь. Москва: Прогресс. 1990. 368 с.

9. *Roy F. E. S.* The Battle-Axe Series in Britain // Proceedings of the Prehistoric Society. 1966. № 32. С. 199–245.

10. *Брюсов А. Я., Зимина М. П.* Каменные сверленые боевые топоры на территории европейской части СССР. Москва: Наука, 1966. 98 с. (САИ. Вып. В4-4).

11. *Семенов С. А.* Первобытная техника (опыт изучения древнейших орудий и изделий по следам работы). Москва–Ленинград: Изд-во АН СССР, 1957. 240 с. (МИА. № 54).

12. *Семенов С. А.* Развитие техники в каменном веке. Ленинград: Наука, 1968. 376 с.

13. *Березанская С. С.* Северная Украина в эпоху бронзы. Киев: Наук. думка. 1982. 211 с.

14. *Zapotocky M.* Streitaxte der Trichterbecherkultur: ihre Typologie, Chronologie und Function // Prachistorica. 1989. № XV–XIV. С. 95–103.

15. *Malinova R., Malina J.* Vzpominky na minulost. Experimenty odhaluj taemstvi praveku. Ostrava: PROFIL. 1982. 277 s.

16. *Чарняўскi М. М.* Справаздача аб археалагiчных даследаваннях у 1997 г. // ЦНА НАН Беларуси. ФАНД. Воп. 1. Спр. 1697.

17. *Bierman E.* Steinerne Keulenköpfe – Die Mesolithische Revolution und die Bandkeramik // Varia neolithica. 2011. № VII. С. 9–27.

18. *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка. 4-е изд. Москва: Азбуковник. 1997. 939 с.

19. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 1–4. Санкт-Петербург –Москва: т-во М. О. Вольф, 1903–1911.

О ГОРИЗОНТЕ КУЛЬТУРЫ ШТРИХОВАННОЙ КЕРАМИКИ НА БАНЦЕРОВСКОМ ГОРОДИЩЕ[1]

М. И. Лошенков

*Институт истории НАН Беларуси, ул. Академическая 1,
220072, г. Минск, Республика Беларусь, loshenkov_mihail@mail.ru*

Статья посвящена описанию предметов из раскопок С. А. Дубинского довоенного времени на городище Банцеровщина. Они выявлены в нижнем слое, соотносящемся с населением культуры штрихованной керамики. Коллекция индивидуальных находок важна для уточнения начала функционирования поселения и финального времени его обитателей в раннем железном веке. Автор установил, что, основав данное городище, «штриховики» проживали на нём с I в. до н. э. по II в. н. э.

Ключевые слова: Городище Банцеровщина; вещевой комплекс; хронология; культура штрихованной керамики.

АБ ГАРЫЗОНЦЕ КУЛЬТУРЫ ШТРЫХАВАНАЙ КЕРАМІКІ НА БАНЦАРАЎСКІМ ГАРАДЗІШЧЫ

М. І. Лашанкоў

*Інстытут гісторыі НАН Беларусі, вул. Акадэмічная, 1,
220072, г. Мінск, Рэспубліка Беларусь, loshenkov_mihail@mail.ru*

Артыкул прысвечаны апісанню прадметаў з раскопак С. А. Дубінскага даваеннага часу на гарадзішчы Банцараўшчына. Яны выяўлены ў ніжнім пласце, які суадносіцца з насельніцтвам культуры штрыхаванай керамікі. Калекцыя індывідуальных знаходак важная для ўдакладнення пачатку функцыянавання паселішча і фінальнага часу яго насельнікаў у раннім жалезным веку. Аўтар вызначыў, што, заснаваўшы дадзенае гарадзішча, «штрыхавікі» пражывалі на ім з I ст. да н. э. па II ст. н. э.

Ключавыя словы: Гарадзішча Банцараўшчына; рэчавы комплекс; храналогія; культура штрыхаванай керамікі.

ABOUT THE HORISON OF THE HATCHED POTTERY CULTURE ON THE BANTSEROVSHCHINA HILLFORT

M. I. Loshenkov

*The Institute of History of the NAS of Belarus, Academic str., 1,
220072, Minsk, Republic of Belarus, loshenkov_mihail@mail.ru*

The article is devoted to the description of objects from the excavations by S. A. Dubinsky of the pre-war period at the settlement of Bantserovshchina. They are revealed in the lower layer related to the population of the hatched pottery culture.

[1] Посвящается столетию открытия и изучения памятника.

The collection of individual finds is important for clarifying the beginning of the functioning of the settlement and the final time of its inhabitants in the early Iron Age. The author has established that «hatchers» having found this settlement lived there from the I century BC to the II century AD.

Keywords: Bantserovshchina hillfort; complex of artifacts; chronology; the hatched pottery culture.

Банцеровское городище – памятник-пионер, на котором выявлены древности общинников культуры штрихованной керамики на территории Беларуси. Изучение его во второй половине 20-х годов прошлого века положило начало накоплению археологических материалов эпохи железа. В то время дефиниция «археологической культуры» в современном понимании ещё не существовала.

В 1925 г. студенты БГУ обнаружили древнее поселение около Минска, на левом берегу в верхнем течении р. Свислочь. В шурфе они выявили глиняное пряслице, куски ржавого железа, кости, зерно, обломки лепной посуды [1, с. 42; 2, с. 21]. В 1926–1928 гг. это поселение раскапывала группа исследователей [1, с. 43, фото] под руководством С. А. Дубинского. За три полевых сезона изучено 220 м^2 на площадке городища и траншеей (2x13 м) прорезаны вал и ров в северо-западном направлении (рис. 1) [3, с. 192, 193, рис. 4–6]. Установлено, что толщина древних наслоений составляла в центральной части до 0,3 м, а около оборонительных сооружений – 1,8–2,2 м. В толще культурных отложений неоднократно встречались каменные площадки (8 за 1927 и 1928 гг.), выявлено 27 горшков полных форм, различные предметы из камня, глины, бронзы, железа, кости животных, металлургические шлаки, обломки лепной посуды и сожжённые зёрна.

Документация о полевых работах и выявленных коллекциях после войны не сохранилась. Краткие информационные заметки опубликованы С. А. Дубинским и А. Н. Лявданским [4, с. 360–363; 5, с. 278, 279, 281–282; 6, с. 57, табл. I: 3, 6, 9, 12, 14, 16, 19, 22, 24–26, с. 59, табл. II: 4–6, 8–11, 13, 15; 7, с. 80–81, табл. II: 5, III: 4, 6, 9, 10, 12]. Некоторые сведения о находках содержатся в архивах А. А. Спицына, А. Г. Митрофанова и в отчёте последнего за 1958 г. [8, д. 12]. А. Г. Митрофанов, ознакомившись с состоянием довоенных коллекций, отметил, что *«материалы в своём подавляющем большинстве депаспортизированы»* [9, с. 243]. Обратившись к публикациям исследователей (довоенных и послевоенных), мы составили таблицу (табл. 1) индивидуальных находок изучаемого посёлка. Данных по объектам – остаткам жилищ, очагов, сыродутных горнов – нет. Не учтённым оказался и массовый материал: фрагменты лепной посуды, кости животных, металлургические шлаки. Коллекция же индивидуальных предметов на изученной площади (245 м^2) городища насчитывает около двухсот единиц.

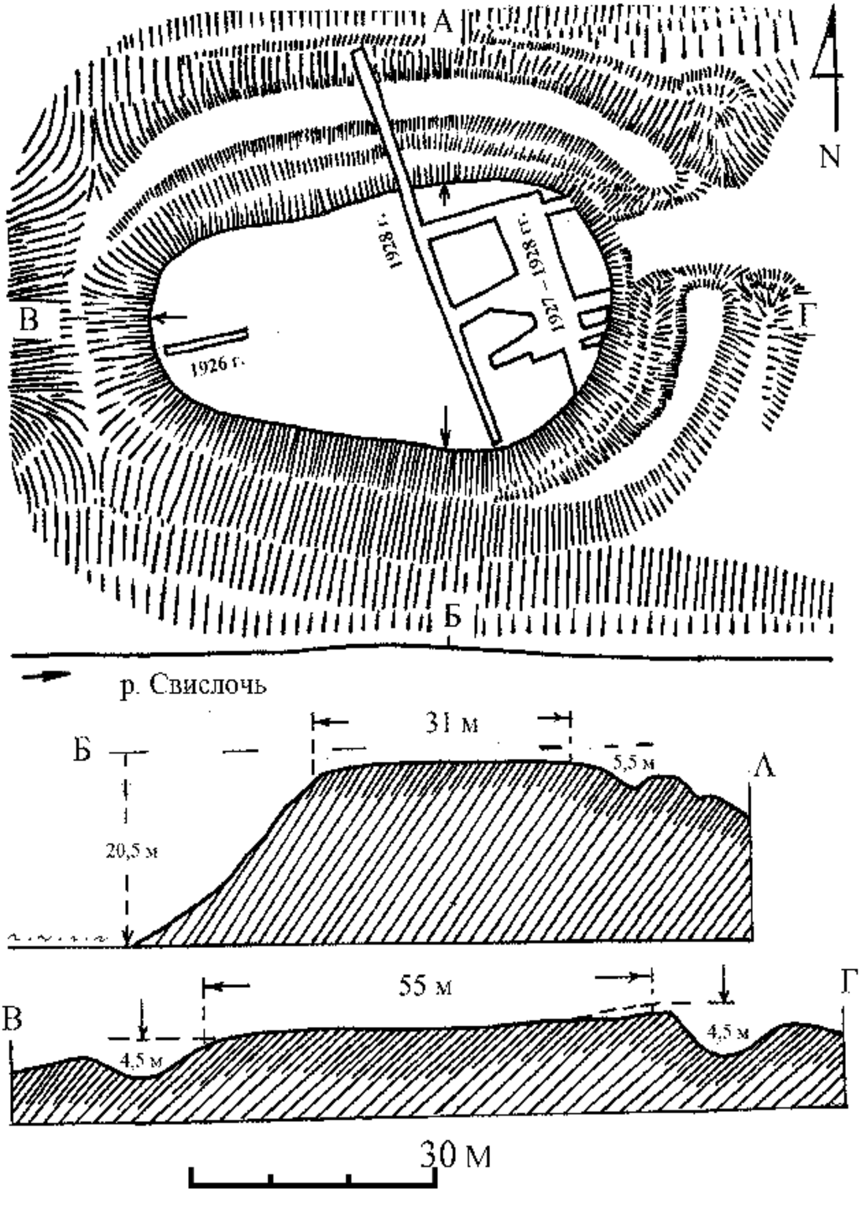


Рис. 1. План городища Банцеровщина с раскопами 1926–1928 годов;

По типографскому клише к изданию «Працы секцыі археолёгіі», Т. IV

Таблица 1

Вещи из слоя Банцеровского городища

Наименование предмета	1925 г.[1] шурф	1926 г. 20 м²	1927 г. 56 м²	1928 г. 144 м²	1935 г.[2] ?	1949 г.[3] 5 м²	1982 г.[4] 20 м²	**Всего 245 м²**
Железные – 29								
Серпы	-	7	-	3	1	-	-	**11**
Ножи	-	4	-	1+	-	-	1	**6+**
Шилья	-	2	-	1+	-	-	-	**3+**
Дротики	-	-	-	1	-	1	-	**2**
Фибула	-	-	-	1	-	-	-	**1**
Булавка	-	1	-	-	-	-	-	**1**
Бритва	-	-	-	1	-	-	-	**1**
Звено удил	-	-	-	1	-	-	-	**1**
Заготовки	-	2	-	1	-	-	-	**3**
Глиняные – 106								
Грузики	-	2	-	-	-	1	-	**3**
Пряслица	1	27	-	53	-	6	10	**97**
Льячки	-	1	1	-	-	-	-	**2**
Тигли	-	-	-	2	-	-	-	**2**
Грузила рыболовные	-	2	-	-	-	-	-	**2**
Костяные – 4								
Иглы	-	-	-	2	-	-	-	**2**
Проколки	-	1	-	-	-	-	-	**1**
Стрела треугольная	-	1	-	-	-	-	-	**1**
Каменные – 46								
Грузи́ла (булавы)	-	-	-	2	-	-	-	**2**
Топоры	-	1	-	-	-	-	1	**2**
Наконечник стрелы (кремень)	-	1	-	-	-	-	-	**1**
Кремнёвые орудия (?)	-	-	29	-	-	-	-	**29**
Отщепы	-	1+	11	-	-	-	-	**12+**

[1] Н. Н. Улащик, С. С. Шутов.
[2] А. Д. Коваленя.
[3] А. Г. Митрофанов.
[4] Г. В. Штыхов.

Окончание табл. 1

Наименование предмета	1925 г.[1] шурф	1926 г. 20 $м^2$	1927 г. 56 $м^2$	1928 г. 144 $м^2$	1935 г.[2] ?	1949 г.[3] 5 $м^2$	1982 г.[4] 20 $м^2$	**Всего 245 $м^2$**
Бронзовые – 17								
Спиралька	-	1	-	1	-	-	-	**2**
Кольца на пальцы	-	-	-	10	-	-	-	**10**
Соединитель-ные кольца	-	-	-	3	-	-	-	**3**
Браслет	-	-	-	1	-	-	-	**1**
Подвеска-лунница	-	1	-	-	-	-	-	**1**
Стекло – 1								
Бусина глазчатая	-	-	-	1	-	-	-	**1**
Всего	**1**	**55+**	**40**	**86+**	**1**	**8**	**12**	**203+**
	183+					**20**		

Ниже рассмотрим предметы поселения, поскольку они большинству читателей неизвестны. Первый исследователь установил два горизонта отложений: нижний, под каменными площадками, и верхний, над ними. Эти два слоя подтверждены шурфами (№ 1, 2) А. Г. Митрофанова в 1948 и 1949 гг. и (№ 3, 4) Г. В. Штыхова в 1982 г. [9, 243, 244, 246; 10, с. 65–67]. По мнению А. Г. Митрофанова, ранний слой оставлен общинниками культуры штрихованной керамики, а верхний – населением банцеровской культуры [9, с. 249-259]. Мы включили в таблицу предметы с двух горизонтов, а рассматривать будем только с раннего. По исходному сырью в коллекции есть изделия с камня, кости, глины, железа, бронзы и стекла.

Предметы из камня. На памятнике их обнаружено немного (табл. 1). Они встречались в нижнем слое. Это грузила (булавы), топоры и кремнёвые орудия с отщепами. Два грузила изготовлены из разных пород камней: сланца и песчаника, как отметил А. Г. Митрофанов. Топоры – аналогично: обломок из кремня и целый из другого минерала. Об этих предметах А. Г. Митрофанов даже не упомянул в статье. Сведения о кремнёвых находках имеются у С. А. Дубинского, А. А. Спицына и А. Г. Митрофанова. Из изделий отмечен шестигранный наконечник стрелы со срезом. Нуклеусы, орудия, пластины и отщепы явно указывают на стоянку. Кремнёвый инвентарь из среднего и нижнего слоёв поселения позволил С. А. Дубинскому прийти к мнению, что *«...гарадзішча мае культурны слой бронзавага перыяду з нязначнай керамікай і крамянёвымі прыладамі»* [5, с. 282]. А. Г. Митрофанов высказался так *«...на материке обнаружен комплекс, относящийся к эпохе бронзы и не имеющий непосредственного отношения к городищу»* [9, с. 246–247]. Иное

мнение на кремнёвую коллекцию имел К. М. Поликарпович – единственный специалист межвоенного периода по каменному веку. Он отнёс все находки к позднему мезолиту (терденуазской эпохе). По его данным, рядом с городищем, юго-восточнее и ниже к пойме, были зафиксированы обработанные кремни и керамика [11, с. 268].

Отметим, что в коллекциях керамики 1926–1928 гг. (более 13000 ед. по А. А. Спицыну) никто из археологов кроме С. А. Дубинского ни разу не отметил обломков посуды бронзового века либо неолита. Работы, выполненные позднее А. Д. Коваленей, А. Г. Митрофановым и Г. В. Штыховым, не дали фрагментов керамики, сопутствующей изделиям из кремня. Из этого следует, что между стоянкой позднего мезолита по К. М. Поликарповичу и первопоселенцами общинников штрихованной керамики в I в. до н. э. был продолжительный хиатус.

Если обломок кремнёвого шлифованного топора был изготовлен в каменном или бронзовом веке, то нельзя исключать возможности использования его жителями городища во вторичном употреблении в начале эпохи железа. Второй каменный топор-клин (рис. 2, *1*) найден Г. В. Штыховым в шурфе № 4 на глубине 0,4–0,6 м. Это шлифованное орудие, несомненно, являлось принадлежностью «штриховиков». Высота его 7,2 см. Длина лезвия 4,6 см. Оно выгнуто на 0,4 см. Толщина тулова в средней части орудия 1,8 см. Обушок слегка выгнутый, размером 1,4х3,2 см. В процессе раскопок А. Г. Митрофановым городищ в бассейне верхнего и среднего течения Березины – Августово, Васильковка, Дедиловичи, Збаровичи, Кимия, Лабенщина, Новосёлки – каменные шлифованные топоры-клинья не обнаружены [12, с. 8–83]. В то же время такие орудия выявлены на городищах северо-западной Беларуси – Зазоны, Ратюнки, Горани, Кащеличи, Малышки, Ревячка и селищах Засвирь, Никольцы [13, с. 28–29, рис. 5; 14, с. 24, рис. 33, *4*, 34; 15, с. 34–35, рис. 2. 12: 3–6].

Сведения о каменном грузиле есть не у автора раскопок, а в отчёте и архиве А. Г. Митрофанова [8, д. 12: л12]. В архиве – рисунок предмета с шифром 41/133 и подписью карандашом, что оно из сланца. Грузило в плане круглое, в вертикальном сечении эллипсоподобное с закруглённой торцевой стороной (рис. 2, *2*). Диаметр его 8 см, толщина 4 см, отверстие 1,2 см в средней части толщины. Канал отверстия от центра к боковым сторонам расширяется воронкообразно: от 1,2 до 3,2 см. Данный предмет назван условно «булавой». Его использование в качестве булавы маловероятно. Канал отверстия указывает на применение его в висячем положении. Это – грузило для приспособлений в ткачестве либо в рыболовных сетях. В статье, посвящённой находкам с этого памятника, авторы указали на вторую булаву из песча-

ника [3, с. 217]. В происхождении этих предметов нет ясности. С. А. Дубинский и А. Н. Лявданский ни разу не упомянули о них, а по отчёту и архиву А. Г. Митрофанова выходит, что они найдены предшественником?

Костяных изделий в слое выявлено мало (табл. 1). В материалах 1926 г. С. А. Дубинский указал на стрелу треугольной формы и острую проколку. А. Г. Митрофанов зарисовал эти вещи и опубликовал их. Стержень проколки сохранился на 6,3 см. Верхняя часть её обломана (рис. 2, *3*). Диаметр в середине около 0,4 см. В отчёте исследователя записано, что в Институте истории АН БССР хранятся *«…две иглы с ушками, наконечник стрелы, две фрагментированные проколки…»* [8, д. 12: л12]. В публикациях он отметил, что стрела листовидной формы [9, с. 256, рис. 2, *5*; 16, с. 194]. По рисунку видно, что это не готовое изделие, а заготовка наконечника, работа над которым не завершена (рис. 2, *4*). Остриё пера и окончание черешка обломаны.

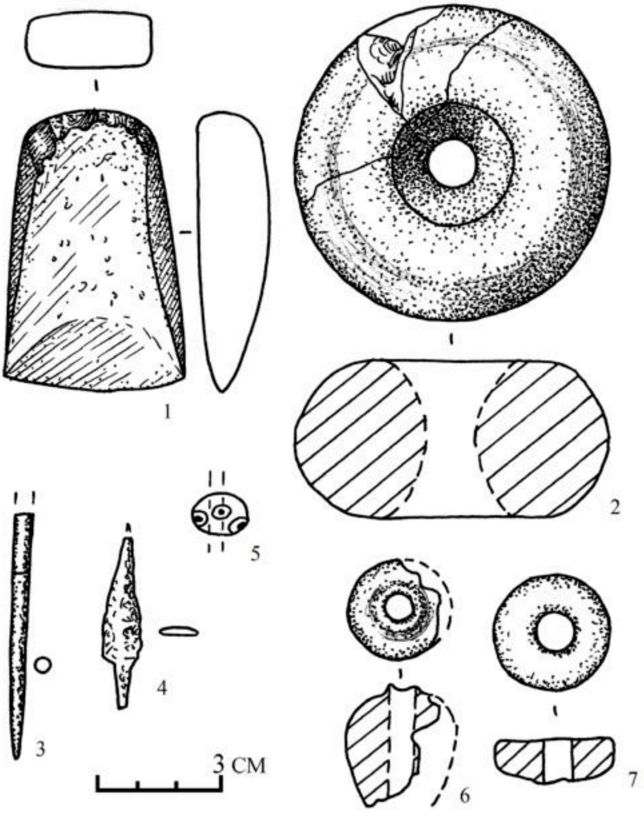


Рис. 2. Артефакты с нижнего культурного слоя:

1, 2 – камень; *3, 4* – кость; *5* – стекло; *6, 7* – глина

Длина стрелы достигала более 4,5 см. Перо вытянутой треугольной формы, шириной у основания 1 см и толщиной 0,3 см. Боковые стороны у него не острые, а длина 3,5 см. Основание пера наклонным уступом переходит в черешок для насада в древко. Сечение его прямоугольное. Он сужается к окончанию, но не заострён.

Предметы из глины составляют самую большую группу – 106 единиц (53,5 %). В жизни обитателей городища они имели разное применение. Одни связаны с прядением и ткачеством (грузики, пряслица), другие являются атрибутами бронзолитейного ремесла (льячки, тигли), третьи указывают на занятия рыболовством (грузила для сетей). Два грузила для рыболовных снастей найдены в 1926 г. Так же мало изделий для выплавки бронзы – тиглей и льячек. Рисунок одной льячки опубликовал А. Н. Лявданский, а другой – он совместно с К. М. Поликарповичем (рис. 3, *2*) [6, табл. I:16]. Один тигелёк

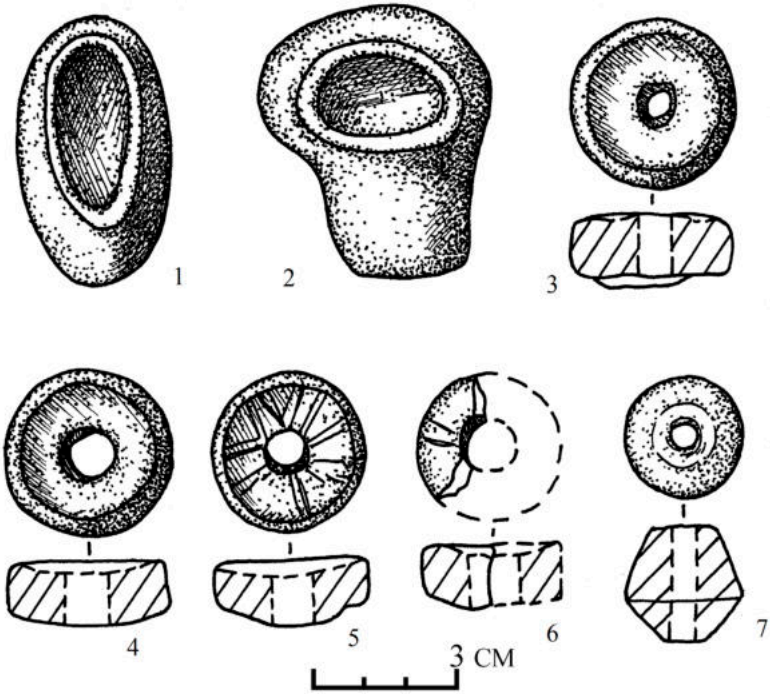


Рис. 3. Глиняные предметы:

1 – тигель; *2* – льячка; *3–7* – пряслица

опубликован в 1932 г. (рис. 3, *1*), а второй – в 1967 г. [9, с. 255, рис. 2, *13*]. Автор раскопок упомянул об одной льячке в 1926 г., а о других изделиях умолчал.

Бóльшая часть находок (100 ед.) приходится на предметы прядения и ткачества. Они двух разновидностей: пряслица и грузики. Последних очень мало, и они отличаются формами от пряслиц. Грузик с пятью рожками на одной из плоских сторон и пряслице с орнаментом на вогнутой стороне опубликованы А. Н. Лявданским [6, табл. I: 14, 19]. Такие предметы опубликовал и А. Г. Митрофанов из собственных раскопок: грузик в форме сосуда и пряслице неорнаментированное (рис. 2, *6, 7*) [9, с. 256]. По рисункам видно, что грузики рожковые и сосудовидные.

Сведения по количеству пряслиц в источниках разные. По данным С. А Дубинского за 1926 и 1928 гг. – их 80. Среди 27 единиц (1926 г.) они различались размерами: малых 8, средней величины 4, больших 15 ед. [4, с. 362]. Критерии размеров не указаны. По форме больше всего ровных *(плоских – М. Л.)*. По данным А. Г. Митрофанова, этих изделий обнаружено 56 ед. [9, с. 256]. Больше всего их с вогнуто-выгнутыми боковыми сторонами, с плоскими и плоско-вогнутыми. Реже встречались биконические, шаровидные, грушевидные и в виде усечённого конуса [9, с. 256]. Исследователь в 1949 г. нашёл 6 пряслиц и сосудовидный грузик [9, рис. 2, *21*]. Г. В. Штыхов в 1982 году – 10 таких находок (табл. 1). В их числе, судя по формам и размерам, 5 с раннего слоя (рис. 3, *3–7*) и столько же с верхнего банцеровской культуры [10, с. 67, мал. 4–8]. Обратим внимание на примечание № 1 в отчёте А. Г. Митрофанова. Он сообщает, что в фондах Института истории АН БССР после войны было 9 пряслиц. В архиве А. А. Спицына, в Институте истории материальной культуры, он видел фотоснимок, на котором было 35 пряслиц (архив ИИМК, АН СССР, фонд 5, № 378) [8, д. 12: л10]. По сведениям Э. А. Ляшкевич и Е. Ф. Касюк, таких предметов *«…более 80 экз. »*, а по моим подсчётам их – 97 единиц (табл. 1) [3, с. 217].

Железные изделия. На поселении металлурги-кузнецы изготавливали серпы, ножи, шилья, дротики, бритву. В слое выявлены ещё прокованные крицы железа и заготовка. Все обнаруженные предметы составляют 14,2 %. Металлургический процесс осуществлялся на площадке укреплённого посёлка, на что указывают многочисленные куски шлаков и домниц.

Болванки. Находки болванок кричного железа – полуфабрикатов – редкость на памятниках раннего периода освоения металлургии на территории Беларуси. Слиток непрокованной крицы обнаружил М. И. Лошенков на городище Петровичи [17, д. 1017: л9–10, рис. 27; 18, мал. 3: 3]. У «штриховиков» городища Мысли заготовку железа из прокованной крицы отметил М. Ф. Гурин [18, с. 14]. Эти два куска железа выявлены в конце XX в., а ранее – на Банцеровском городище. Две заготовки кричного железа опубликовал

А. Н. Лявданский [6, с. 56, табл. II: 13; 7, с. 73, табл. II: 5]. Два фотоснимка показывают сходство и расхождения полуфабрикатов. Поверхность у одного из них ровная, гладкая, а у другого – бугристая с вмятинами (рис. 4, *1*). Вес у заготовок, несомненно, разный: 285,97 г и 222,12 г [7, с. 73]. Лаборатор-

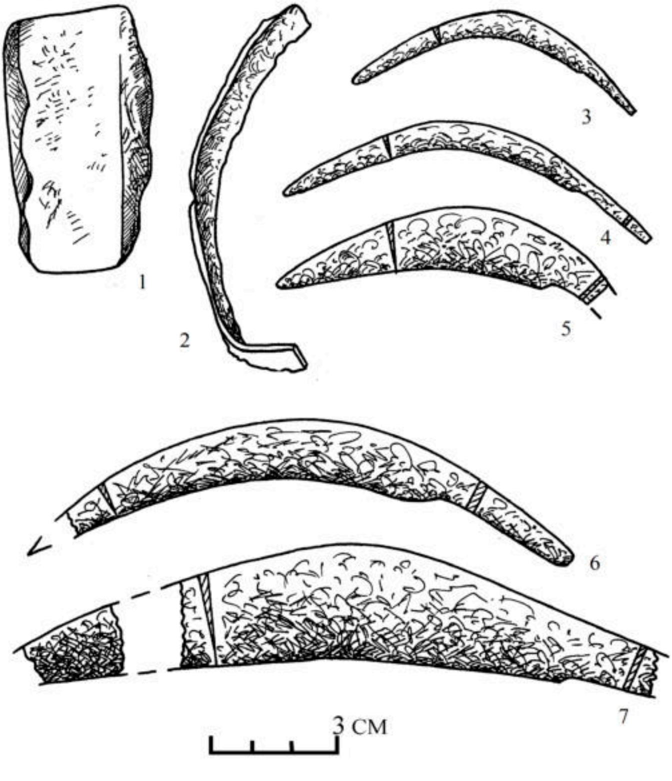


Рис. 4. Находки из железа:

1 – болванка крицы; *2* – заготовка пластины; *3*–*7* – жатвенные орудия

ным исследованием в Институте химии БАН установлено, что в них 97,64 % чистого железа [7, с. 73, 84]. А. Г. Митрофанов опубликовал рисунки двух прокованных криц [9, рис. 2, *7, 8*].

В Беларуси заготовки кричного железа металлографическому изучению подвергнуты только с селища Тайманово (II–IX вв. н. э.), что в Могилёвском Приднепровье [19, с. 41, 44, табл. 6, 8, рис. 15, *1, 17, 18*]. М. Ф. Гурин, рассмотрев 9 полуфабрикатов, отметил их малый вес – от 15 до 33 г – и формы близкие прямоугольнику [19, с. 44, табл. 8, рис. 17]. Он установил, что среди

них четыре железные (лаб. № 72, 79, 89, 215), одна – стальная (лаб. № 22), а остальные – из малоуглеродистой стали (лаб. № 21, 105, 174, 225) [19, с. 44–46, табл. 8, рис. 17, 18].

Заготовка. В архиве А. Г. Митрофанова есть рисунок железной пластины [3, с. 219]. Она длиной 11 см и шириной от 0,5 до 0,8 см. В вертикальном сечении – прямоугольная, толщиной 0,15–0,2 см. Поверхности её неровные и она согнута по ширине дуговидно (рис. 4, *2*). Один конец, в 2,5 см от края, плавно загнут, образуя как бы прямой угол. Из неё мог получиться нож или жатвенное орудие (?). Коллекционный номер находки 41/155.

Ножи. По моим подсчётам на памятнике выявлено 6 ножей, из которых четыре в виде обломков (табл. 1). У двух целых – спинки почти прямые: с выгнутостью 1,5–2 мм (их размеры см. табл. 2). Первый нож с нижнего слоя, опубликован А. Г. Митрофановым. Исследователь, характеризуя ножи населения штрихованной керамики с раскопанных им памятников, привёл данные по максимальным и минимальным размерам. Первые длиной 13 см, а вторые – 7,5 см; длина черенков, соответственно, 4,5 и 3 см, а ширина лезвий 1,7–0,9 см [12, с. 35]. В категории ножей он выделил два типа по формам: с изогнутой спинкой и с прямой [9, с. 253, рис. 2, *2*; 12, с. 34]. Второй нож происходит со второго пласта и Г. В. Штыхов отнёс его к банцеровским древностям. Всего в начале XXI в. имеется два целых ножа: общинников штрихованной керамики и банцеровской культуры.

Таблица 2

Размеры ножей Банцеровского городища

№ п/п	Длина			Ширина лезвия	Годы раскопок
	общая	лезвия	черенка		
1	16,5 см	12 см	4,5 см	1,7–2 см	1926
2	9 см	4,5 см	4,5 см	1–1,2 см	1982

Серпы. В ходе изучения памятника С. А. Дубинский фиксировал находки серпов два раза: в 1926 и 1928 гг. В первый раз – одно целое орудие и шесть обломков, а затем без указания количества записал *«...серпы,»* [5, с. 282]. В публикации А. Н. Лявданского есть целый экземпляр (рис. 4, *3*). В статье вместе с К. М. Поликарповичем они вводят в научный оборот ещё два серпа (рис. 4, *4*; 5, *1*). Позднее, в 1935 г., один серп обнаружил А. Д. Коваленя (рис. 5, *2*). А. Г. Митрофанов отметил, что таких орудий было *«... найдено не менее 7 штук»* [9, с. 251–252]. В очерках по археологии Беларуси есть рисунок серпа с остатками дерева на черенке. Он подписан, что с городища Банцеровщина, а в действительности таковым не является [16, с. 193, рис. 71, *9*]. В обзоре коллекций Э. А. Ляшкевич и Е. Ф. Касюк приводят сведения по шести орудиям, которые они зарисовали в Национальном истори-

ческом музее Республики Беларусь [3, с. 218, рис. 27, *1–3, 5–7*]. 26.IX.2022 я поработал в фондах данного музея с сохранившимися серпами. Удалось описать семь изделий. Большая часть из них опубликована в 2019 г. Изложенные факты позволили зафиксировать 11 жатвенных орудий (табл. 1). В коллекции три серпа малых размеров (рис. 4, *3–5*). Один из них (рис. 4, *5*) – жатвенный нож – опубликован как бритва [3, с. 217, рис. 27, *5*]. Длина лезвий у трёх экземпляров – 5,6 см, 6,5 см и 7,2 см. Два целых – имеют общую длину 7 и 9,2 см. Остальные серпы бóльших размеров. Целый среди них длиной 17,3 см (рис. 5, *3*). Почти все орудия в коллекции черенковые. У пяти обломаны начала клинков лезвий (рис. 4, *6, 7*; 5, *1, 2, 4*) а у трёх окончания лезвий

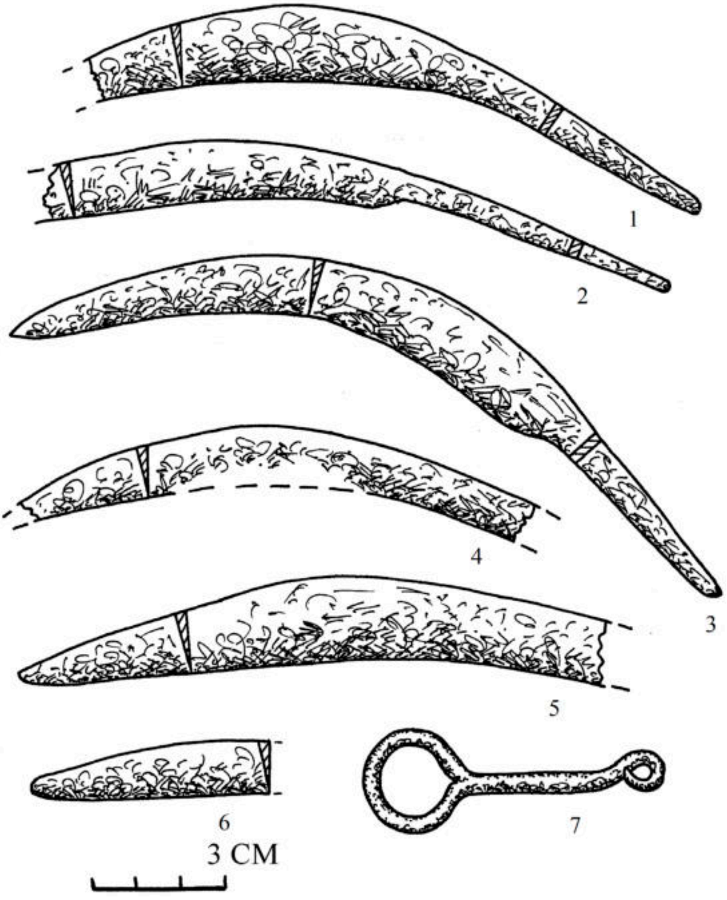


Рис. 5. Серпы (1–6) звено удил (7)

с черенками (рис. 5, *4–6*). В группе из 29 железных предметов более трети их – серпы (39,2 %). Такие орудия земледельцев составляют особенность данного посёлка у племён штрихованной керамики.

Удила – важный элемент узды. В большинстве своём они двухчастные и редко встречаются трёхчастные. На изучаемом посёлке С. А. Дубинский обнаружил звено двусоставных удил. Предмет не описан. Звено железное из стержня диаметром 0,5 см. На концах его два кольца (рис. 5, *7*). Наружное большее, диаметрами 2,4 см наружным и 1,6 см внутренним. Внутреннее – меньшее: 0,3 см внутри и 0,9 см снаружи. Вся длина находки 7 см. Именно малыми кольцами два звена соединялись в цепь подвижно, а наружные – крепились с уздечкой. Данную вещь А. Н. Лявданский публиковал два раза: рисунок и упоминание [6, табл. I: 9; 7, с. 81]. Попутно заметим, что этот исследователь выявил ещё одно звено удил в 1931 г. на городище Новосёлки в Борисовском районе [20, с. 234]. Третий экземпляр найден А. А. Егорейченко в 1982 г. на городище Ивань [21. д. 807: л8, рис. 32, *18*, 33, *7*]. Изложенные сведения не позволяют нам согласиться с автором раскопок в том, что в Ивани обнаружена *«…единственная в ареале культуры находка двучленных удил, …»* [13, с. 84]. Он впервые упомянул об этом предмете в 1996 г., как изделии, подвергнутом металлографическому анализу [22, с. 56].

Наличие удил на трёх городищах «штриховиков» нуждается в объяснении. Стратиграфических данных о них с Банцеровщины и Новосёлок нет, а по Ивани есть. На третьем памятнике звено удил находилось во втором пласте (0,2–0,4 м) при толщине слоя в раскопе до 0,5–0,95 м. Городища Новосёлки и Ивань – однослойные поселения в отличие от Банцеровщины. Городище Ивань автор раскопок датировал II в. до н. э. – I в. н. э. [13, с. 109]. По результатам раскопок в Новосёлках А. Г. Митрофанов выделил два горизонта: ранний – VI–I вв. до н. э. и поздний – I–V вв. н. э. [12, с. 11–12, 15, 42; 23, с. 78].

А. М. Медведев, рассмотрев древности населения культуры штрихованной керамики в Понёманье, ограничил позднее время памятника IV в. н. э. [14, с. 82]. А. А. Егорейченко, касаясь этого городища, в значительной мере сузил его хронологию: I в. до н. э. – I в. н. э. [24, с. 154; 13, с. 109; 25, с. 56]. Позднее время данного поселения А. М. Медведевым основано в целом на финальном этапе «штриховиков» в северо-западном и Центральном регионах ареала культуры [26, с. 58–65]. А. А. Егорейченко, по сути, мало касался всей коллекции памятника, а время определил по датировке подвязной фибулы [24, с. 154; 13, с. 85, табл. 58: 4]. Таким же образом он датировал ранний горизонт Банцеровского городища, а фибулу считал зарубинецким импортом [27, с. 37, рис. 1, *6*, 3, *2*, 4, *3*].

Удила – атрибуты верховой езды кочевников – в древностях изучаемого населения представлены новыми предметами от уздечек на трёх памятниках, удалённых на значительные расстояния. Ивань – на юге Предполесья,

под Слуцком, Новосёлки на правом берегу Березины, под Борисовым, а Банцеровщина в верховье р. Свислочь, около Минска. Уздечки могли появиться в результате проникновения кочевников в ранний период функционирования городищ. Набеги не были синхронными. Высока вероятность того, что это импорт I в. н. э. – как факты проникновения сарматских племён во время движения их на запад где-то в 20-х – 80-х гг. н. э.

Булавка посоховидная найдена в 1926 г., а опубликована А. Н. Лявданским в 1932 г. два раза [6, табл. I: 7; 7, табл. III: 9]. Длина предмета 8,8 см. Нижняя часть стержня (4,1 см) гладкая. Толщина его в средней части 0,35 см. Выше середины, включая навершие овальной формы, стержень её кручёный, а эсовидное окончание гладкое (рис. 6, *5*). Навершие вытянуто по вертикали на 2,5 см, при ширине 1,9 см. Кручёный стержень выделяет её среди аналогичных предметов на других памятниках (Васильковка, Новосёлки, Кимия, Лабенщина, Збаровичи, Малышки) в центральной части Беларуси [12, рис. 13, *1*, 19, *10, 26*, 21, *20–29*, 22, *15*, 23, *4*]. Если форма головки обычная, то участок кручёного стержня – факт редкий. У обитателей Банцеровского городища – это первый случай. Отметим, что в очерках по археологии Беларуси А. Г. Митрофанов опубликовал эту же булавку, а в подписи рисунка неверно указан памятник – городище Лабенщина [16, с. 196, рис. 71, *14*]. Второй случай выявлен у жителей городища Жужлянка [28, с. 195]. Подобный предмет есть у племён милоградской культуры на городище Борхов [29, с. 89–90, рис. 37, *13*; 28, с. 195, рис. 61, *12*]. На милоградском поселении О. Н. Мельниковская датировала её III в. до н. э. Булавки с участками кручёных стержней есть ещё у населения днепро-двинской культуры. Е. А. Шмидтом они выявлены на городищах Самсонцы и Наквасино на Смоленщине. На первом – железная, а на втором – бронзовый стержень без навершия [30, с. 92, 171, 190, табл. 13: 24, 32: 21]. В. И. Шадыро отметил их в Беларуси: Клишино (3 экз.) и Кострица [31, с. 64, рис. 38, *7*; 32, с. 22, табл. 3 / III: 9, 11, 15]. Заметим, что такие булавки у «днепро-двинцев» обнаружены на позднем этапе их развития – I–IV вв. н. э.

Шилья. Автором раскопок в 1926 г. в слое поселения найдены два шила. Затем такие предметы встречались ещё в 1928 г. (табл. 1) [4, с. 362; 5, с. 282]. Мы располагаем данными об одном экземпляре, опубликованном в 1932 г. [6, табл. I: 8]. Длина изделия 12,6 см (рис. 6, *6*). Черенок рукояти около 5 см. На рисунке не указано его сечение. Полагаем, что рабочая часть шила имела круглое сечение, а черенок – квадратное или прямоугольное. По мнению А. Г. Митрофанова, таких изделий на поселениях «штриховиков» *«довольно много…»* [12, с. 38]. Шилья являлись частыми находками на городищах в южном ареале культуры (Ивань, Мысли) и в Верхнем Понёманье (Горани, Городище, Кащеличи) на северо-западе республики.

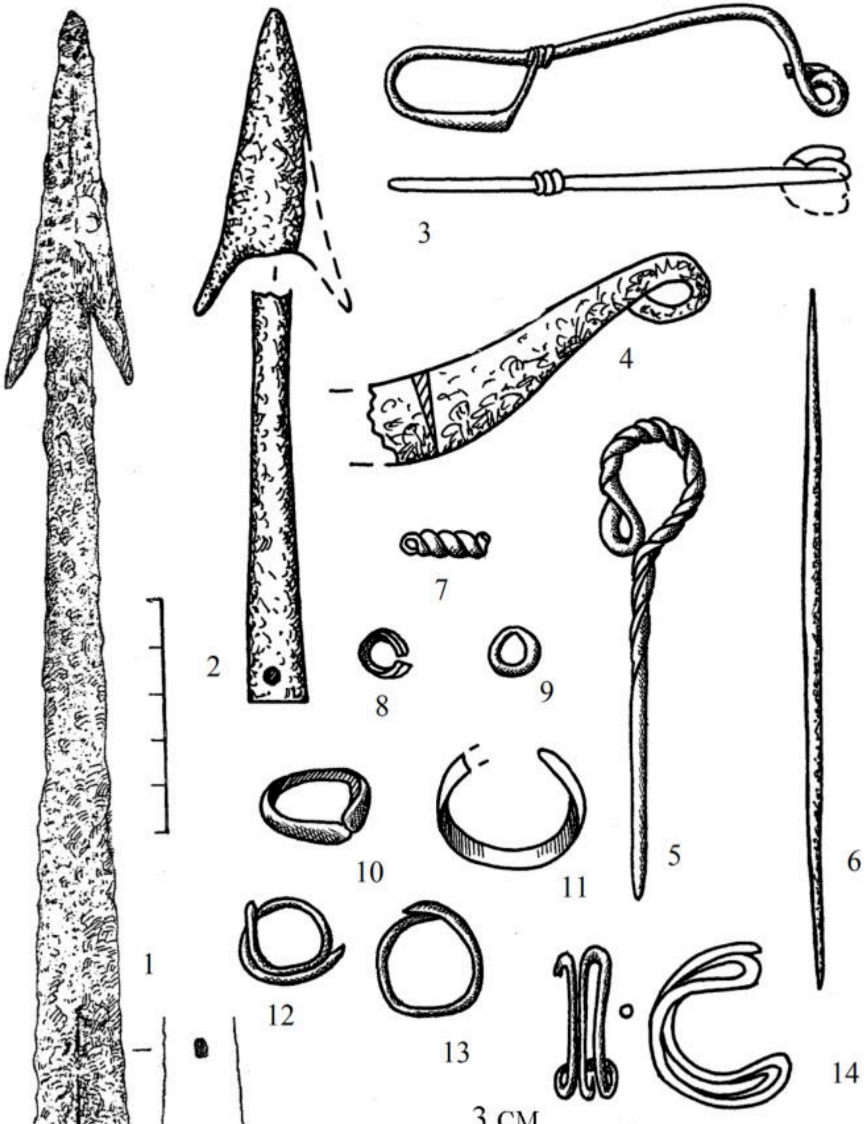


Рис. 6. Предметы вооружения, быта и украшений:

1–6 – железо; *7–14* – бронза

Бритва. Её находки – редкие в древностях железного века не только на территории Беларуси. Ни С. А. Дубинский, ни А. Н. Лявданский не упомянули в печати о железной бритве. В отчёте А. Г. Митрофанова информация о ней присутсвует [8, д. 12: л11]. В своей статье 1967 г., посвященной Банцеровскрму городищу, он написал *«В коллекции сохранился лишь изогнутый нож с кольцевидной ручкой и выпуклым лезвием – бритва латенского времени (рис.* 2*,* 3*). »* [9, с. 253, рис. 2, *3*].

Второй рисунок изделия размещён в первой части «Очерки по археологии Белоруссии», где в подписи допущена ошибка *(рис.* 71*, 9 – М. Л.)* [16, рис. 71, *19*]. Исследователь касался этой бритвы как аналогии обнаруженной на городище Лабенщина в верхнем слое (II–IV вв. н. э.) около очага № 3 [12, с. 17, 35, рис. 20, *24*; 16, рис. 71, *19, 20*]. Экземпляр с Банцеровщины был в нижнем слое, где она сохранилась не целая: часть лезвия с черенком в форме колечка (рис. 6, *4*). Неполная длина 6,5 см. Ширина лезвия 1,3 см, а толщина спинки 0,25 см. У бритвы лезвие выгнуто, а спинка вогнута. Черенок плавно отогнут вверх. Длина его около 4,5 см. Третья публикация рисунка бритвы вызывает сомнения [3, рис. 27, *5*]. Она существенно отличается от двух идентичных рисунков А. Г. Митрофанова [9, рис. 2, *3*; 16, рис. 71, *19*]. В этой публикации есть всё лезвие, но нет черенка (?). Если это бритва, то изображена лезвием вверх и не указано сечение? По рисунку это серп малого размера. О коротких серпах упоминали А. Н. Лявданский, С. А. Дубинский и А. Г. Митрофанов не раз.

Бритвы в пределах Беларуси известны на восьми памятниках железного века. Они отмечены у населения милоградской культуры на могильнике Асаревичи, селище Лемешевичи и городище Подгорье [29, с. 61–62, рис. 23, *3*; 33, с. 140; 28, с. 153, 155, рис. 51, *9, 10*]. У племён днепро-двинской культуры – на двух городищах (Барсуки, Бураково) и на четырёх в Смоленской области России (Демидовка, Заозерье, Самсонцы, Холмец) [34, с. 171, 176, рис. 6, *12*; 32, с. 61, 62, рис. 40, *8, 9*; 31, с. 85, табл. 29: 7–12; 35, с. 71–72, табл. 20: 18, 26: 1]. У племён культуры штрихованной керамики такие предметы выявлены на трёх поселениях (Банцеровщина, Лабенщина и Петровичи) [9, с. 253, рис. 2, *3*; 12, с. 17, 35, рис. 20, *24*]. Если у «милоградцев» они были в употреблении в IV–III вв. до н. э., то у «штриховиков» и «днепро-двинцев» – в пределах I – IV вв. н. э.

Дротики. В древностях населения штрихованной керамики метательного оружия – дротиков – известно немного. Первый из двух на изучаемом памятнике обнаружен С. А. Дубинским в 1928 г. Он не целый (рис. 6, *2*). Стержень со втулкой длиной 7,5 см. Перо головки треугольной формы [6, табл. I: 3]. Стержень у излома, в основании головки, диаметром 0,6 см, а у окончания втулки 1,2 см. По рисунку нельзя установить общую длину предмета. Перо длиной 5,5 см и шириной у основания 3 см. Соотношение шири-

ны к длине составляет 1:1,8. Глубина шипов 1 см. Они отстоят от стержня на 1,1 см. У этого дротика остриё головки массивное, а стержень тонкий и короткий (рис. 6, *2*). В 0,5 см от края втулки имеется отверстие 0,34 см для дополнительного крепления наконечника к древку.

Второй наконечник найден в 1949 г. А. Г. Митрофановым (рис. 6, *1*). Он целый и находится в Национальном историческом музее Республики Беларусь [36, с. 37]. Длина его 24,4 см. Диаметр стержня у головки 1 см, внизу по втулке 2,2 см. На втулке в 2 см от края есть с одной стороны отверстие 0,3 см, а с другой – соединительный шов 3,2 см. Длина стержня до головки 18 см. Перо вытянутой треугольной формы: длина 8 см, ширина 2,9 см. Соотношение ширины к длине у неё составляет 1:2,7. Глубина шипов 1,2–1,3 см. Они отстоят от стержня на 0,9 см. В послевоенное время А. Г. Митрофановым найдены такие предметы на поселениях Августово (1 экз.), Лабенщина (1 экз.), Малышки (2 экз.) [37, с. 79, рис. 2, *2*; 16, рис. 71, *5*; 12, с. 37, рис. 20, *1*, 22, *2, 10*].

Фибула. Её детальное описание никто не приводил. Она проволочная. Диаметр проволоки на спинке около головки 0,35 см, а у края подвязанной ножки 0,15 см. Найдена она не целая. Нет основной её части – иглы, не сохранилась левая часть пружины с тетивой (рис. 6, *3*). Пружина простая, короткая в два оборота только с правой стороны спинки. А. Г. Митрофанов относил её к слабопрофилированным с подвязанной ножкой [12, с. 36]. Размеры изделия по головке и корпусу: общая длина 8,5 см, ширина пружины около 1,3 см, Длина иглы, судя по корпусу, около 5,5–6 см, головка 1,2х1,2 см. Тетива нижняя, обломана в месте загиба под спинкой (рис. 6, *3*). Иглоприёмник расклёпан желобчато. Окончание его завязано в три оборота в 2,5–3 см от конца спинки.

Изложенные данные не позволяют согласиться с высказыванием А. А. Егорейченко в том, что она одночленная [13, с. 85]. Для этого утверждения нет оснований, поскольку отсутствуют тетива, левая часть пружины и игла. Сказанное исключает возможность такого мнения. Фибула опубликована многократно [38, с. 58, табл. 11: 2; 39, с. 135, рис. 7, *7*; 40, с. 113; 41, с. 154, мал. 2: 5]. В большинстве случаев она упоминается в значении хронологического индикатора. Её рисунки у трёх авторов разные. Два идентичных изображения по оригиналу есть у А. Н. Лявданского, одно – в ином варианте даже с иглой у П. Н. Третьякова и три одинаковых у А. Г. Митрофанова [6, табл. I: 12; 7, табл. III: 10; 42, с. 12, 16, рис. 4, *4*; 39, с. 135, рис. 7, *7*; 9, с. 253, рис. *2*, 4; 16, рис. 71, *21*; 13, с. 85, табл. 58: 3; 3, с. 215, рис. 26, *13*].

Бронзовые изделия. Они представлены исключительно украшениями. А. Н. Лявданский отметил одно проволочное кольцо-перстень, а А. Г. Митрофанов – два [6, табл. 1:25; 9, с. 255, рис. 2, *11, 12*]. Больше всего колец опубликовано в очерках [16, с. 197, рис. 72, *16–18, 20, 22, 25*]. А. Г. Митро-

фанов разделил их по назначению на три вида: 1) для ношения на пальцах, 2) височные и 3) соединительные для подвесок [9, с. 255–256; 16, с. 197]. Соединительные за малые размеры (около 1 см) он назвал миниатюрными (рис. 6, *8, 9*). Они выполнены из проволоки и их обнаружено три [9, с. 255–256, рис. 2, *18–20*]. Все остальные – кольца на пальцы. Их десять, и они разные: пластинчатые и проволочные. Из тонких нешироких пластинок найдено два колечка (рис. 6, *10, 11*). Проволочные по исполнению есть простые (рис. 6, *12, 13*) (в один оборот с заходящими либо разомкнутыми концами) и ажурные (рис. 6, *14*) (витиевато загнутые) [39, с. 135, рис. 7, *12*]. Именно ажурные кольца составляют отличительную особенность у населения племён штрихованной керамики [41, с. 152, мал. 1: 14–17]. В раннем железном веке ажурных колечек-перстней нет на территории Беларуси ни у милоградских, ни у зарубинецких, ни у днепро-двинских племён. Есть в коллекции ещё две спиральки из проволоки толщиной 2,3 мм (рис. 6, *7*) [6, табл. I: 26].

Стеклянная бусина. В отчёте А. Г. Митрофанова есть информация о наличии на памятнике глазчатой бусины [8, д. 12: л10, 12], о чём С. А. Дубинский и А. Н. Лявданский ни разу не упоминали. Впервые об этом сказано в статье. *«Она имеет шаровидную форму, изготовлена из синевато-сиреневого стекла. Глазки синие, ободок белый.»* [9, с. 256]. Её рисунок опубликовал Г. В. Штыхов в 1989 г. в журнале «Мастацтва Беларусі» [10, с. 66, мал.; 3, с. 215, рис. 26, *1*]. В вертикальном положении она овальной формы (рис. 2, *5*), размерами 1,4х1,1 см. Канал отверстия 0,4 см. На видимой стороне у неё три глазка. Это украшение выявлено в нижнем слое и, несомненно, является импортным изделием.

Как видим, вещевой комплекс с нижнего слоя Банцеровского городища разнообразный. В нём значительно преобладают орудия труда, мало украшений и оружия. Каменных и костяных предметов единицы. В числе находок есть импортные изделия – стеклянная глазчатая бусина, звено железных удил и, вероятно, фибула. Их появление не однозначно. Среди рассмотренных вещей нет изделий старше I в. до н. э. Время появления укреплённого посёлка относится к I в. до н. э., но не ранее рубежа II–I вв. до н. э. Отличительными чертами посёлка являются большое количество жатвенных орудий, бронзовые ажурные кольца и наличие импортных предметов.

В лесной полосе освоение территории на широте Минска (53°54’ с. ш.) стало возможным только благодаря металлургии железа. Ключевым звеном металлургического процесса являлось сырьё – окислы бурых железняков. Металлурги-кузнецы находили конкреции руды в пойме левого берега р. Свислочь, а печи-домницы сооружали на городище. А. Г. Митрофанов датировал нижний горизонт III–II вв. до н. э. – II–III вв. н. э. [9, с. 261]. В отчёте он отметил, что городище возникло в конце I тыс. до н. э.: предположительно во II–I вв. до н. э. [8, д. 12: л14, 15]. В середине 1990-х годов М. Б. Щу-

кин конкретизировал ранний горизонт «штриховиков» на памятниках Центральной Беларуси. По датирующим предметам он установил, что начало отложений нижних слоёв приходится на I в. до н. э. [40, с. 110–112, рис. 1, 2]. Выделенный А. Г. Митрофановым ранний этап у племён штрихованной керамики – VI–I вв. до н. э., как выяснилось на рубеже XX–XXI вв., соответствует только I в. до н. э. Это подтверждают коллекции ранних горизонтов исследованных памятников [41, с. 147–155]. К такому заключению пришёл и А. А. Егорейченко, изучив материалы городищ Ивань и Мысли на южной окраине культуры [13, с. 109]. Но точка зрения последнего принципиально отличается от мнений остальных исследователей. У всех сложилось твёрдое мнение, что выделенные этапы имели место быть в развитии населения одной культуры. По версии А. А. Егорейченко, культура «штриховиков» состоит из двух культур: ранней штрихованной керамики позднего бронзового века (конца II тыс. до н. э. до середины I в. до н. э.) и поздней (со второй половины I в. до н. э. по V в. н. э.) [24, с. 151–156; 43, с. 168–171; 44, с. 36–41; 45, с. 67–70; 46, с. 70–76; 47, с. 333–341]. Культура поздней штрихованной керамики, как он полагал, *«...является отражением классического железного века»* [13, с. 9]. Такой взгляд исследователя порождает полемику у не согласных с его мнением.

Библиографические ссылки

1. *Улашчык М. М.* С. С. Шутаў – археолаг і доктар // Помнікі гісторыі і культуры Беларусі. 1973. № 3. С. 41–43.

2. *Улашчык М.* Краязнаўства: нататкі пра бадзянні ў 1924–1929 гг.: з рукапіснай спадчыны. Мінск: Пейто БелНДІДАС, 1999. 158 с.

3. *Ляшкевич Э. А., Касюк Е. Ф.* Городище Банцеровщина: история исследования и предварительные итоги // Славяне на территории Беларуси в догосударственный период. Минск, 2019. Кн. 2. С. 189–220.

4. *Дубінскі С.* Раскопкі Банцараўскага гарадзішча каля Менску ў 1926 г. // Гістарычна-археалагічны зборнік (Працы і матэрыялы да гісторыі і археалогіі Беларусі; аддзел 2, серыя 1, кн. 3). Менск, 1927. С. 360–363.

5. *Дубінскі С. А.* Досьледы культур жалезнага пэрыяду па Віцебшчыне, Магілёўшчыне і Меншчыне // Запіскі аддзелу гуманітарных навук. Кн. 5. Працы катэдры археолёгіі. Менск, 1928. Т. I. С. 275–284.

6. *Лявданский А. Н.* Археологические исследования в БССР после Октябрьской революции // Сообщения ГАИМК. 1932. № 7–8. С. 54–61.

7. *Ляўданскі А. Н., Палікарповіч К. М.* Да гісторыі жалезнай прамысловасці на Беларусі па даных археолёгіі // Савецкая краіна. 1932. № 5. С. 55–84, карта.

8. *Митрофанов А. Г.* Отчёт о раскопках городищ средней и северной Белоруссии за время с 1948 по 1955 гг. (10.V.1958 г.) // ЦНА НАН Беларуси. ФАНД. Дело № 12.

9. *Митрофанов А. Г.* Банцеровское городище // Белорусские древности (докл. к конф.) Минск, 1967. С. 243–261.

10. *Штыхаў Г. В.* Спецпатрыятызм наменклатуры // Мастацтва Беларусі. 1989. № 12. С. 65–67.

11. *Палікарповіч К. М.* Досьледы культур каменнага і бронзавага пэрыядаў у ўсходняй Беларусі // Запіскі аддзелу гуманітарных навук. Кн. 5. Працы катэдры археолёгіі. Менск, 1928. Т. 1. С. 263–274.

12. *Митрофанов А. Г.* Железный век средней Белоруссии (VII–VI вв. до н. э. – VIII в. н. э.). Минск: Наука и техника, 1978. 160 с.

13. *Егорейченко А. А.* Культуры штрихованной керамики. Минск: БГУ, 2006. 207 с.

14. *Медведев А. М.* Беларуское Понёманье в раннем железном веке. Минск: Ин-т истории АНБ, 1996. 200 с.

15. *Медведев А. М.* Верхнее Понёманье в железном веке и раннем средневековье. Минск: Беларуская навука, 2011. 349 с.

16. *Митрофанов А. Г.* Культура штрихованной керамики // Очерки по археологии Белоруссии: в 2-х ч. Ч. 1. Каменный, бронзовый и железный века. Минск, 1970. С. 184–212.

17. *Лошенков М. И.* Отчёт о полевых работах в Глусском, Бобруйском и Речицком районах в 1987 г. // ЦНА НАН Беларуси. ФАНД. Дело № 1017.

18. *Гурын М. Ф.* Узнікненне, развіццё металургіі і апрацоўка жалеза // Археалогія Беларусі: У 4т. Т. 2. Жалезны век і ранняе сярэднявечча. Мінск, 1999. С. 10–28.

19. *Гурин М. Ф.* Древнее железо Белорусского Поднепровья: (I тысячелетие н. э.). Минск: Беларуская навука, 1982. 126 с.

20. *Ляўданскі А.* Кароткае паведамленне аб досьледах культур эпохі жалеза ў БССР у 1930–1931 гг. // Працы секцыі археолёгіі. Менск, 1932. Т. III. С. 230–235.

21. *Егорейченко А. А.* Отчёт о полевых исследованиях в 1982 году // ЦНА НАН Беларуси. ФАНД. Дело № 807.

22. *Егорейченко А. А.* Древнейшие городища Белорусского Полесья (VII–VI вв. до н. э. – II в. н. э.). Минск, 1996. 149 с.

23. *Мітрафанаў А. Р.* Навасёлкі, гарадзішча // Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі. Мінская вобласць. Мінск, 1987. Кн. 1. С. 77–78.

24. *Егарэйчанка А. А.* Культура штрыхаванай керамікі // Археалогія Беларусі: У 4 т. Т. 2. Жалезны век і ранняе сярэднявечча. Мінск, 1999. С. 113–173.

25. *Егорейченко А. А.* Памятники культуры штрихованной керамики на северо-западе и в Центральной Беларуси // Славяне на территории Беларуси в догосударственный период. Минск, 2019. Кн. 2. С. 5–66.

26. *Мядзведзеў А.* Аб храналогіі помнікаў культуры штрыхаванай керамікі ў I–V стст. н. э. (па матэрыялах Панямоння) // З глыбі вякоў. Наш край: гіст.-культуралагічны зборнік. Мінск, 1996. Вып. 1. С. 50–67.

27. *Егорейченко А. А.* Центральная и северная Беларусь в первой половине I тыс. н. э. // Славяне и их соседи: Археология, нумизматика, этнология. Минск, 1998. С. 36–45.

28. *Лошенков М. И.* Городища милоградской культуры на территории Беларуси. Минск: Минская фабрика цветной печати, 2011. 408 с.

29. *Мельниковская О. Н.* Племена Южной Белоруссии в раннем железном веке. Москва: Наука, 1967. 196 с.

30. *Шмидт Е. А.* Племена верховьев Днепра до образования Древнерусского государства. Днепро-двинские племена (VIII в. до н. э. – III в. н. э.). Москва: Прометей, 1992. 207 с.

31. *Шадыро В. И.* Ранний железный век северной Белоруссии. Минск: Наука и техника, 1985. 126 с.

32. *Шадыра В. І.* Беларускае Падзвінне (І тысячагоддзе н. э.). Мінск: ДНУ «Інстытут гісторіі НАН Беларусі», 2006. 150 с.

33. *Вергей В. С.* Селище у дер. Лемешевичи на Припяти // ГАЗ. 1994. № 5. С. 133–151.

34. *Шут К. П.* Памятники раннего железного века на севере Белоруссии // Древности Белоруссии: матер. конф. Минск, 1966. С. 166–182.

35. *Шмидт Е. А.* Верхнее Подвинье и Поднепровье в III–VII вв. н. э. Тушемлинская культура. Смоленск, 2003. 295 с.

36. Археалагічныя калекцыі. Жалезны век: Музейны каталог. Мінск: Анікеенка, 1999. 45 с.

37. *Митрофанов А. Г.* Августовское городище // Тезисы докл. к конф. по археологии Белоруссии. Минск,1969. С. 77–81.

38. *Амброз А. К.* Фибулы юга европейской части СССР (II в. до н. э. – IV в. н. э.). Москва, 1966. 111 с. (САИ. Вып. Д1-30).

39. *Будько В. Д., Митрофанов А. Г.* Археология Белоруссии за Советский период // СА. 1967. № 4. С. 123–145.

40. *Щукин М. Б.* Некоторые замечания о хронологии городищ культуры штрихованной керамики // ПАВ. 1995. № 9. С. 109–119.

41. *Лашанкоў М. І.* Аб часе з'яўлення «штрыхавікоў» у паўднёва-ўсходняй Беларусі // Труды VI МКСА. Т. 3. Этногенез и этнокультурные контакты славян. Москва, 1997. С. 147–155.

42. *Третьяков П. Н.* Северные восточнославянские племена // МИА. № 6. Т. 1. Этногенез восточных славян. Москва–Ленинград, 1941. С. 9–55.

43. *Егорейченко А. А.* Культура или культуры штрихованной керамики // Гістарычная навука ў Белдзяржуніверсітэце на рубяжы тысячагоддзяў. Матэрыялы Рэспубліканскай навук.-практ. канф. (26 лістапада 1999 г.). Мінск, 1999. С. 168–171.

44. *Егорейченко А. А.* Культура ранней штрихованной керамики: характеристика и ареал // Выбраныя навуковыя працы Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта: У 7 т. Т. 2. Гісторыя. Філалогія. Журналістыка. Мінск, 2001. С. 36–41.

45. *Егарэйчанка А. А.* Культура ранняй штрыхаванай керамікі: асноўныя прыкметы і арэал // Весці НАН Беларусі. Серыя гуманітарных навук. 2002. № 1. С. 67–70.

46. *Егорейченко А. А.* Об ареале культуры поздней штрихованной керамики // Восточная Европа в Средневековье: К 80-летию Валентина Васильевича Седова. Москва, 2004. С. 70–76.

47. *Егорейченко А. А.* О финале эпохи бронзы и начале железного века в лесной полосе Восточной Европы // Российский археологический ежегодник. 2012. № 2. С. 333–341.

К ВОПРОСУ О ТИПОЛОГИИ ПОДКОВООБРАЗНЫХ ФИБУЛ ЗАРУБИНЕЦКОЙ КУЛЬТУРЫ

А. М. Медведев

*Институт истории НАН Беларуси, ул. Академическая, 1,
220072, г. Минск, Республика Беларусь, amedved60702@gmail.com*

Данный доклад может быть использован для демонстрации того, как недостаточный анализ имеющихся материалов приводит к ошибочным выводам по историко-культурной реконструкции истории населения первых веков нашей эры в Европе. Одной из самых важных для изучения истории населения железного века является зарубинецкая культура. Историография по этой проблеме насчитывает десятки авторов и сотни наименований. Древности этой культуры рассматриваются как основные в процессе этногенеза славян. При анализе хронологии авторы не использовали железные подковообразные фибулы, найденные на могильнике Чаплине, где они относятся к поздней фазе, к I в. н. э. (найдены в комплексах с оружием – наконечники копий и дротиков, топоры-кельты, коих нет в Полесье). Простая форма железных фибул – круглая форма, круглое сечение стержня, расклёпанные и свитые в ушко окончания (размещены перпендикулярно плоскости фибулы), казалось, не дает возможности сделать типологию. Однако существует типология этих фибул E. Fowler. Наш тип относится к типу С и бытует от I в. до н. э., но чаще в I–V вв. н. э. Кроме Англии, они есть в Северной Франции, Северо-Западной Германии, Центральной Европе и даже Испании. Они насчитывают тысячи экз. Вероятно, они принадлежали кельтским (гальским) воинам и через Австрию и Панонию попали на Днестр и в I в. н. э. на верхний Днепр, в зарубинецкую культуру.

Ключевые слова: подкововидные фибулы; зарубинецкая культура; пшеворская культура.

ДА ПЫТАННЯ АБ ТЫПАЛОГІІ ПАДКОВАПАДОБНЫХ ФІБУЛ ЗАРУБІНЕЦКАЙ КУЛЬТУРЫ

А. М. Мядзведзеў

*Інстытут гісторыі НАН Беларусі, вул. Акадэмічная, 1,
220072, г. Мінск, Рэспубліка Беларусь, amedved60702@gmail.com*

Гэты даклад можна было б выкарыстаць для паказу таго, як недастатковы аналіз даступных матэрыялаў прыводзіць да памылковых высноў аб гісторыка-культурнай рэканструкцыі ў гісторыі насельніцтва першых стагоддзяў нашай эры ў Еўропе. Адной з найважнейшых для вывучэння гісторыі насельніцтва жалезнага веку з'яўляецца зарубінецкая культура. Гістарыяграфія па гэтай праблеме налічвае дзясяткі аўтараў і сотні найменняў. Старажытнасці гэтай культуры разглядаюцца як асноўныя ў працэсе этнагенезу славян. Пры аналізе храналогіі аўтары не выкарыстоўвалі жалезныя падковападобныя фібулы, знойдзеныя на могільніку Чапліне, дзе яны адносяцца да позняй фазы, да I ст. н. э. (знойдзены ў комплексах са зброяй – наканечнікі дзідаў і дроцікаў, сякеры-кельты, якіх няма на Палессі). Простая форма жалезных фібул –

круглая форма, круглае сячэнне стрыжня, раскляпаныя і звітыя ў вушка заканчэнні (размешчаны перпендыкулярна плоскасці фібулы), здавалася, не дае магчымасці зрабіць тыпалогію. Аднак існуе тыпалогія гэтых фібул E. Fowler. Наш тып адносіцца да тыпу C і існуе ад I ст. да н. э., але часцей у I–V стст. н. э. Акрамя Англіі, яны ёсць у Паўночнай Францыі, Паўночна-Заходняй Германіі, Цэнтральнай Еўропе і нават Іспаніі. Яны налічваюць тысячы экземпляраў. Верагодна, яны належалі кельцкім (гальскім) воінам, праз Аўстрыю і Панонію трапілі на Днестр і ў I ст. н. э. на верхні Днепр, у зарубінецкую культуру.

Ключавыя словы: падковападобныя фібулы; зарубінецкая культура; пшэворская культура.

ON THE QUESTION OF THE TYPOLOGY OF PENANNULAR BROOCHES OF THE ZARUBINETS CULTURE

A. M. Medvedev

Institute of History of the NAS of Belarus, Academic str., 1,
220072, Minsk, Republic of Belarus, amedved60702@gmail.com

This report could be used as showing how an insufficient analysis of the available materials leads to erroneous conclusions of historical and cultural reconstruction in the history of the population of the first centuries AD in Europe. One of the most important for studying the history of the Iron Age population is the Zarubintzy culture. Its historiography has dozens of scholars and hundreds of titles. Some artefacts that are attributed to this culture considered as the key ones in the process of Slavic ethnogenesis. But, as previously, the processes of origin and historical developing of the population are the most poorly studied, especially antiquities dated back to the 1st century AD including a set of iron penannular brooches which were discovered in the graveyard of Chaplin of its late phase. Unfortunately the revealed morphological features seemed to make it impossible to present any typological schemes. But it turns out that there is a typology of these artefacts by E. Fowler. Our items belong to type C and could be existed from the 1st century BC but more possible – the 1st – 5th centuries AD. In addition to England, they were found in Northern France, North-West Germany, Central Europe and even Spain. These jewelry number is in the thousands and might be belonged to the Celtic (the Gallic) warriors and through Austria and Panonia they got to the Dniester and to the upper Dnieper, to the Zarubintzy culture in the 1st century AD.

Keywords: penannular brooches; the Zarubintzy culture; the Przeworsk culture.

Одной из самых важных для изучения истории населения железного века является зарубинецкая культура. Она была открыта В. В. Хвойко еще в конце XIX в. Пик ее изучения приходится на 50–60-е годы XX в. (работы Верхнеднепровской археологической экспедиции под руководством П. Н. Третьякова). Историография по этой проблеме насчитывает десятки авторов и сотни наименований. Работы проводили Ю. В. Кухаренко [1; 2] и К. В. Каспарова [3; 4; 5] – полесский вариант; Ю. В. Кухаренко, Л. Д. Поболь [6; 7; 8], А. М. Обломский [9], А. И. Дробушевский [10] – верхнеднепров-

ский вариант, на территории Беларуси – В. В. Пилипцевич [11]; среднеднепровский вариант в Украине – Е. М. Максимов [12; 13], С. П. Пачкова [14; 15; 16], Л. Е. Скиба [17]. А. К. Амброз и С. В. Воронятов [18] являются исследователями почепской культуры в Подесенье, население которой связано с потомками зарубинецкого. Древности зарубинецкой культуры рассматриваются как основные в процессе этногенеза славян. Но как ранее самыми плохо изученными являются процессы происхождения и исторических судеб рассматриваемого населения (спор идет о том, как называется культура, что сменяет зарубинецкую – пост/позднезарубинецкая, что показывает разные подходы).

Для изучения исторических судеб населения зарубинецкой культуры важными являются древности I в. н. э. На территории Полесья культура прекращает свое существование в 40-е–50-е гг. н. э. [5, с. 18], финал же верхнеднепровского варианта относится к концу I – началу II в. н. э. [9, с. 19]; для среднего Днепра верхняя дата в литературе предмета обозначается концом I в. н. э. [12, с. 115]. Среди причин распада зарубинецкой культуры в литературе называют нападение сарматов, но почему раньше исчезает культура в Полесье [18]?

При анализе хронологии зарубинецкой культуры авторы прежде всего опирались на датировки латенских и раннеримских фибул, керамику и импорты. При этом для хронологических построений практически не использовались железные подковообразные фибулы. На могильнике Чаплине они относятся к поздней фазе, а именно к I в. н. э. (найдены в комплексах с оружием – наконечники копий и дротиков, топоры-кельты, коих нет в Полесье). Фибулы были известны Ю. В. Кухренко [2, табл. 15, 6, 7, 10] из могильника Чаплин, Е. В. Максимову [13, с. 93, табл. XVII, 23]. Подковообразные фибулы пришлось использовать в хронологических построениях Л. Д. Поболю [7] (37 экз.), но это вызвало резкую критику К. В. Каспаровой [19, с. 246]. Но в обобщающем труде по археологии СССР точка зрения Л. Д. Поболя была принята [20, с. 221, рис. 40]. Эти застежки встречены на всех III фазах зарубинецкой культуры. Хотя они известны как сюльгамы на памятниках дьяковской культуры в I в. н. э. [21] и на Андреевских курганах Мордовии этого же времени [22]. Есть они на памятниках культуры штрихованной керамики [23], а также в Почепе [20, с. 236, рис. 55, *20*].

Никак не отражены подковообразные фибулы в сводах находок А. К. Амброза [24] и В. В. Кропотова [25]. У последнего отмечено, что фибулы зарубинецкой культуры не связаны по типам с сарматскими (что маловероятно при тесных контактах культур на позднем этапе, в I в. н. э.). Но в последней работе [26] по фибулам сарматской эпохи подковообразные фибулы отнесены к VIII группе, являются импортными [27, с. 461] и встречается в южной части Восточной Европы вплоть до Дагестана [28].

Простая форма железных подковообразных фибул – круглая форма, круглое сечение стержня, расклёпанные и свитые в ушко окончания (размещены перпендикулярно плоскости фибулы), на стержне иглы – казалось бы, не дают возможностей создавать типологии и точно дотировать находки. Но оказывается, давно существует типология этих фибул Е. Фаулер [29], где разные типы датируются от III в. до н. э. – до VIII–IX вв. н. э. (рис. 1). Наш тип относится к типу С и бытует от I в. до н. э., но чаще в I–V вв. н. э. Кроме Англии, такие фибулы есть в Северной Франции, Северо-Западной Германии, Центральной Европе и даже Испании. Они включены в ряд типологий фибул и используются для разработки хронологий многих стран. Типология Е. Фаулер за последнее время неоднократно уточнялась и дополнялась [30]. Данные фибулы насчитывают тысячи экз. [30, с. 54, fig. 2. 1]. Они принадлежали кельтским (гальским) воинам (рис. 2). Интересно их распространение в юго-восточной Англии (рис. 3). Отсюда вместе с воинскими контингентами союзников и наемников они попадают в Европу (рис. 4) [31] и через Австрию

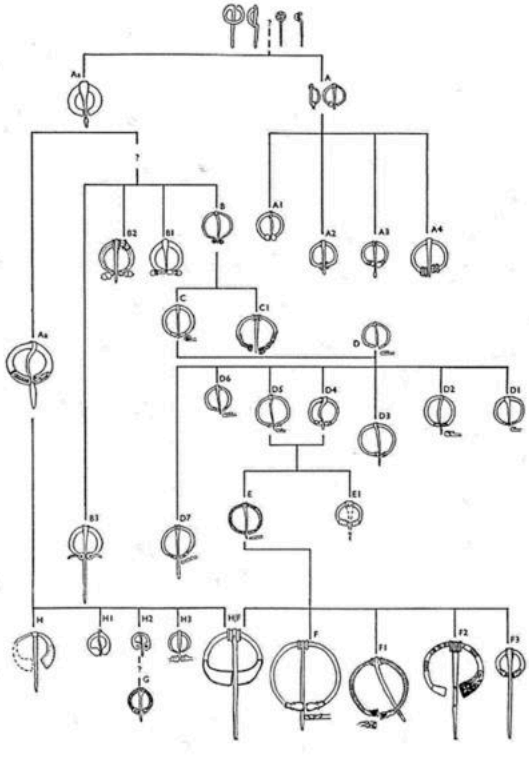


Рис. 1. Типология подковообразных фибул согласно E. Fowler [29]

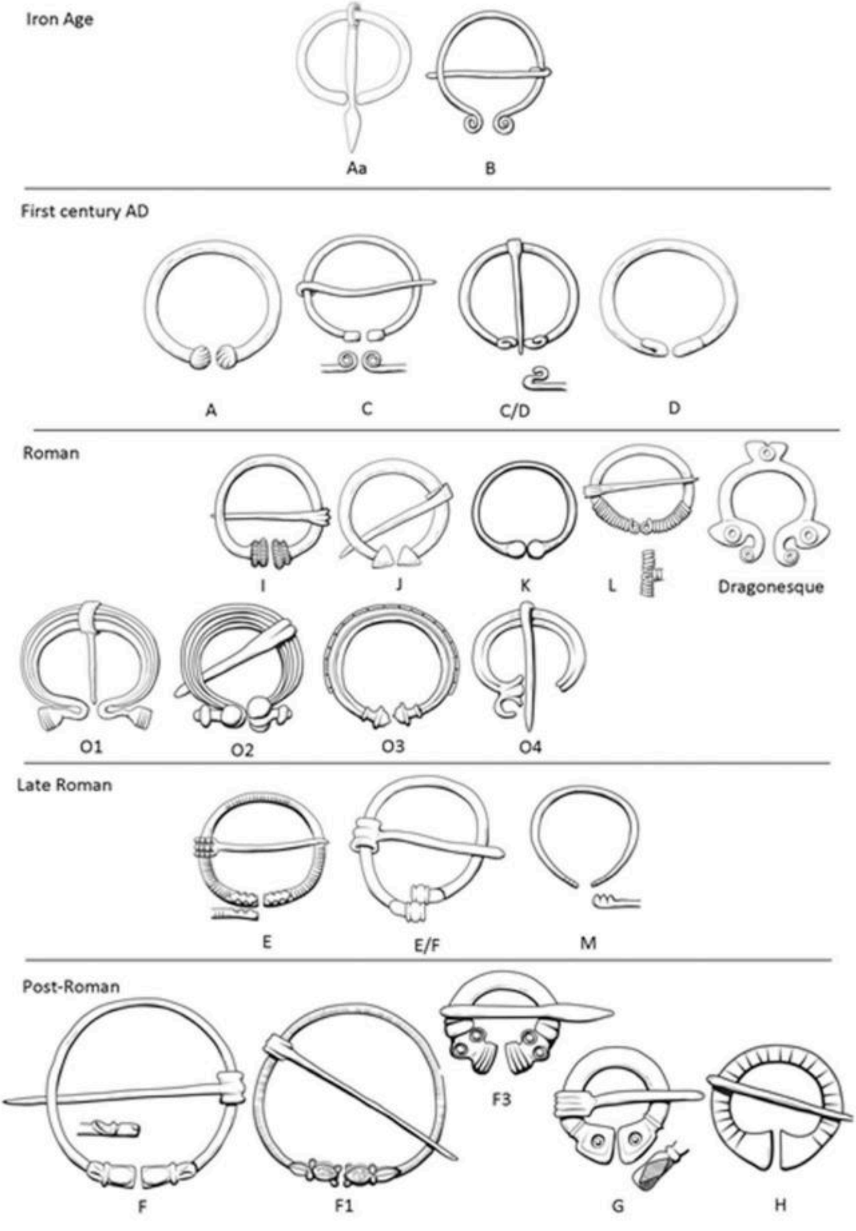


Рис. 2. Типология фибул согласно Booth A. L. [30]

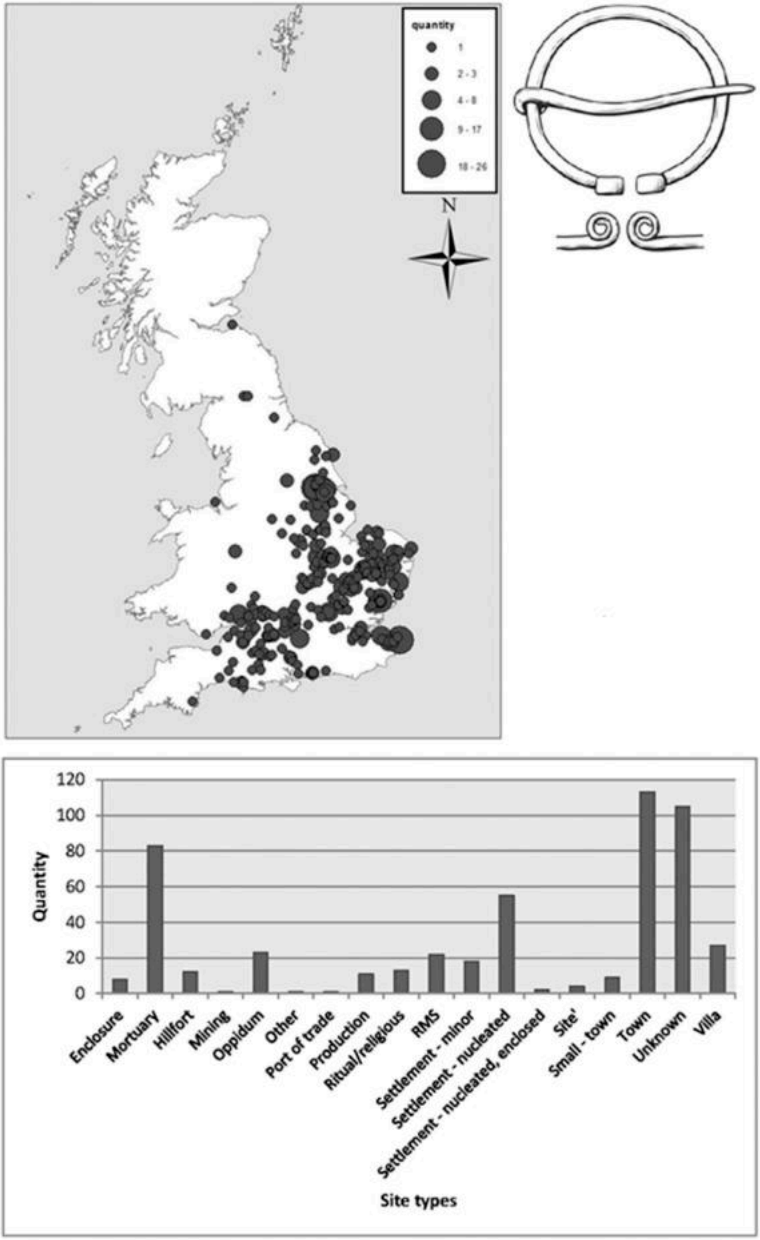


Рис. 3. Распространение фибул типа C в Англии согласно A. L. Booth [30]

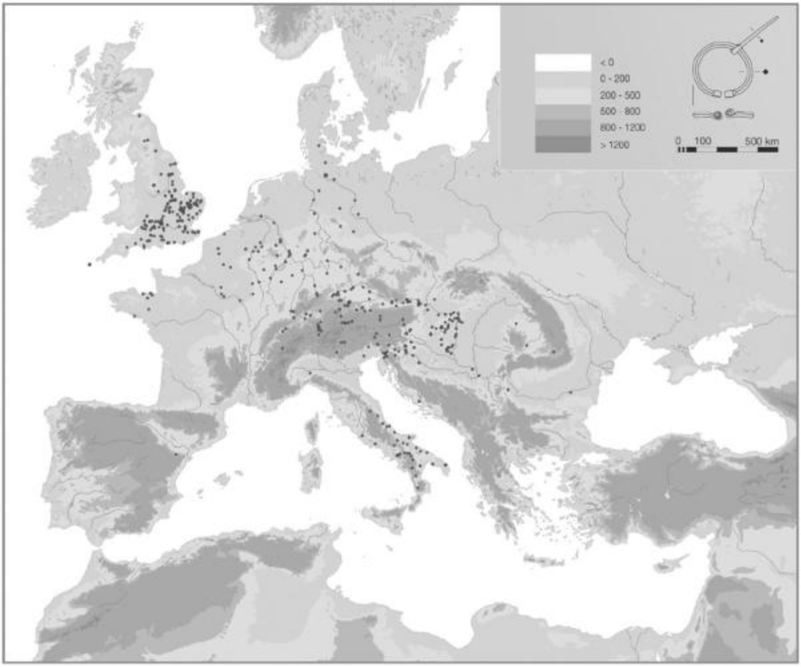


Рис. 4. Распространение подковообразных фибул в Европе согласно A. Höck [31]

и Панонию попадают на Днестр в I в. н. э. [32] и затем на верхний Днепр, в зарубинецкую культуру (Чаплин). Т. е. налицо приход нового населения с запада. С учетом находок железных двушипных дротиков и топоров-кельтов с прямоугольной втулкой его можно отнести к носителям пшеворской культуры.

Подводя итог нашему обзору, можно констатировать перспективность использования подковообразных фибул в археологических исследованиях железного века. Долгое время подобные предметы находились вне фокуса восточноевропейских исследователей. В качестве перспективных направлений можно отметить разработки в области хронологии могильников зарубинецкой культуры. Не менее интересными и плодотворными будут дальнейшие кросс-культурные исследования.

Библиографические ссылки

1. *Кухаренко Ю. В.* Памятники железного века на территории Полесья. Москва: АН СССР, 1961. 70 с. (САИ. Вып. Д1-29).

2. *Кухаренко Ю. В.* Зарубинецкая культура. Москва: Наука, 1964. 66 с. (САИ. Вып. Д1-19).

3. *Каспарова К. В.* Могильник и поселение у д. Отвержичи // МИА. Москва, 1969. № 160. С. 131–168.

4. *Каспарова К. В.* Зарубинецкий могильник Велемичи II // АСГЭ. 1972. Вып. 14. С. 53–111.

5. *Каспарова К. В.* Хронология зарубинецкой культуры Припятского Полесья (по материалам могильников). Автореф. дисс. … канд. ист. наук.: 07.00.06. Ленинград, 1981. 21 с.

6. *Поболь Л. Д.* Славянские древности Белоруссии (ранний этап зарубинецкой культуры). Минск: Наука и техника, 1971. 232 с.

7. *Поболь Л. Д.* Славянские древности Белоруссии (могильники раннего этапа зарубинецкой культуры). Минск: Наука и техника, 1973. 280 с.

8. *Поболь Л. Д.* Славянские древности Белоруссии: свод археологических памятников раннего этапа зарубинецкой культуры – с середины III в. до н. э. по начало II в. н. э. Минск: Наука и техника, 1974. 424 с.

9. *Обломский А. М.* Верхнеднепровский вариант зарубинецкой культуры: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.06. Москва, 1983. 20 с.

10. *Дробушевский А. И.* Зарубинецкая культура Белорусского Поднепровья // Славяне на территории Беларуси в догосударственный период. Минск, 2016. Кн. 1. С. 38−136.

11. *Пилипцевич В. В.* Погребальный обряд населения зарубинецкой культуры на территории Беларуси: Дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.06. Минск, 2006. 137 с.

12. *Максимов Е. В.* Среднее Поднепровье на рубеже нашей эры. Киев: Наукова думка, 1972. 184 с.

13. *Максимов Е. В.* Зарубинецкая культура на территории УССР. Киев: Наукова думка, 1982. 183 с.

14. *Пачкова С. П.* Господарство східнослов'янських племен на рубежі нашої ери. Київ: Наукова думка, 1974. 135 с.

15. *Пачкова С. П.* Зарубинецкая культура и латенизированные культуры Европы. Киев: КОРВІН ПРЕСС, 2006. 372 с.

16. *Пачкова С. П.* Могильник зарубинецької культури Вишеньки біля Києва. Киев: Інститут археології НАН України, 2008. 166 с.

17. *Скиба Л. Є.* Пирогівський могильник зарубинецької культури. Киев: Інститут археології НАН України, 2001. 176 с.

18. *Воронятов С. В.* Сарматский и южно-балтийский культурные импульсы постзарубинецких древностях горизонта Рахны–Почеп (втор. пол. I – нач. II вв.): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06. Санкт-Петербург, 2018. 309 с.

19. *Каспарова К. В., Мачинский Д. А., Щукин М. Б.* Рец. на: Поболь Л. Д. Славянские древности Белоруссии (Ранний этап зарубинецкой культуры). Мн., 1971. Могильник раннего этапа зарубинецкой культуры. Мн., 1973. Свод археол. памятников раннего этапа зарубинецкой культуры с сер. 3 в. до н. э. до нач. 2 в. н. э. // СА. 1976. № 4. С. 241–253.

20. Славяне и их соседи в конце I тыс. до н. э. – первой половине I тыс. н. э. / Отв. ред. И. П. Русанова, Э. А. Сымонович. Москва: Наука, 1993. 328 с.

21. *Кренке Н. А.* Дьяково городище: культура населения бассейна Москвы-реки в I тыс. до н. э. – I тыс. н. э. Москва: ИА РАН, 2011. 548 с.

22. *Степанов П. Д.* Андреевский курган. К истории мордовских племен на рубеже нашей эры. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1980. 108 с.

23. *Медведев А. М.* Верхнее Понеманье в железном веке и раннем средневековье. Минск: Беларуская навука, 2011. 350 с.

24. *Амброз А. К.* Фибулы юга Европейской части СССР. II в. до н. э. – IV в. н. э. Москва: Наука, 1966. 142 с. (САИ. Вып. Д1-30).

25. *Кропотов В. В.* Фибулы сарматской эпохи. Киев: «АДЕФ-Украина», 2010. 384 с.

26. *Hellstrom K.* Fibeln und Fibeltracht der Sarmatischen Zeit im Nordschwarzmeergebiet (2. Jh. v. Chr. – 3. Jh. n. Chr.). Bonn: Habelt Verlag. 2018. 382 s. (Archäologie in Eurasien. Band 39).

27. *Мордвинцева В. И.* Рец. На: Hellstrom K., 2018. Fibeln und Fibeltracht der Sarmatischen Zeit im Nordschwarzmeergebiet (2. Jh. v. Chr. – 3. Jh. n. Chr.). // Вестник древней истории. 2019. Вып. 79/2. С. 458–464.

28. *Абрамова М. П., Красильников К. И., Пятых Г. Г.* Курганы нижнего Сулака. Москва: Наука, 2004. 143 с.

29. *Fowler E.* The Origin and Development of the Penannular Brooch in Europe // Proceedings of the Prehistoric Society. 1960. Vol. 26. S. 149–177.

30. *Booth A. L.* Reassessing the long chronology of the penannular brooch in Britain: exploring changing styles, use and meaning across a millennium. Thesis submitted for the degree of Doctor of Philosophy at The University of Leicester. Leicester, 2014. 385 s.

31. *Höck A.* Zu den Ringfibeln mit seitlich aufgerollten Enden (Typ Fowler C, Böhme 51b, Jobst 36A, Riha 8. 2. 4, Bojović 31, Feugère 30g2, Erice Lacabe 35. 2. a. 1, Merczi 2. 1, Cociş 28a4, Genčeva 35, Steinklauber F. 9−F. 11, Hull P3, Mackreth PEN c. 2a−c) // Relations Abroad. Brooches and other elements of dress as sources for reconstructing interregional movement and group boundaries from the Punic Wars to the declineof the Western Roman Empire. Innsbruck, 2013. S. 334−399.

32. *Iarmulschi V., Bat M., Zanoci A., Munteanu O.* Zur latènezeitlichen Ringfibeln mit aufgerollten. Enden aus dem Prut-Dnister Gebiet // Ze świata dawnych Barbarzyńców: studia pradziejowe i wczesnodziejowe: księga dedykowana Profesorowi Henrykowi Machajewskiemu z okazji 70. urodzin i 50 lat pracy archeologicznej. Poznań, 2021. S. 51−71.

АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ШКОЛА А. А. СПИЦЫНА: С. А. ДУБИНСКИЙ И ЕГО ПЕРВЫЕ ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

М. В. Медведева[1], В. Ю. Соболев[2]

[1] Институт истории материальной культуры РАН, Дворцовая наб., 18, 191186, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, marriyam@gmail.com
[2] Санкт-Петербургский государственный университет, Университетская наб., 7/9, 199034, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, vlad.sobolev@gmail.com

Сергей Антонович Дубинский (1884–1937) получил разностороннее образование. После перевода на историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета, он посещал занятия исторического семинария Археологического кабинета под началом А. А. Спицына. После окончания учебного курса 1910 г. группа студентов под руководством А. А. Спицына провела археологическую экскурсию в Лужском уезде Санкт-Петербургской губернии, к ходе которой каждый из студентов руководил раскопками нескольких объектов и составлял отчет о работах. После завершения учебных работ многие из студентов получили открытые листы и провели свои первые самостоятельные исследования. В качестве приложения вводится в научный оборот отчет о работах С. А. Дубинского в Гродненской губернии в 1910 г.

Ключевые слова: С. А. Дубинский; А. А. Спицын; археологический семинарий СПбГУ; учебные раскопки; архивные документы; археология Беларуси.

АРХЕАЛАГІЧНАЯ ШКОЛА А. А. СПІЦЫНА: С. А. ДУБІНСКІ І ЯГО ПЕРШЫЯ ПАЛЯВЫЯ ДАСЛЕДАВАННІ

М. У. Мядзведзева[1], У. Ю. Собалеў[2]

[1] Інстытут гісторыі матэрыяльнай культуры РАН, Палацавая наб., 18, 191186, г. Санкт-Пецярбург, Расійская Федэрацыя, marriyam@gmail.com
[2] Санкт-Пецярбургскі дзяржаўны ўніверсітэт, Універсітэцкая наб., 7/9, 199034, г. Санкт-Пецярбург, Расійская Федэрацыя, vlad.sobolev@gmail.com

Сяргей Антонавіч Дубінскі (1884–1937) атрымаў featured рознабаковую адукацыю. Пасля пераводу на гісторыка-філалагічны факультэт Санкт-Пецярбургскага ўніверсітэта, ён наведваў заняткі гістарычнага семінарыя Археалагічнага кабінета пад кіраўніцтвам А. А. Спіцына. Пасля заканчэння навучальнага курса 1910 г. група студэнтаў пад кіраўніцтвам А. А. Спіцына правяла археалагічную экскурсію ў Лужскім павеце Санкт-Пецярбургскай губерні, у ходзе якой кожны са студэнтаў кіраваў раскопкамі некалькіх аб’ектаў і складаў справаздачу аб працах. Пасля завяршэння навучальных работ многія са студэнтаў атрымалі адкрытыя лісты і правялі свае першыя самастойныя даследаванні. У якасці дадатку ўводзіцца ў навуковы зварот справаздача аб працах С. А. Дубінскага ў Гродзенскай губерні ў 1910 г.

Ключавыя словы: С. А. Дубінскі; А. А. Спіцын; археалагічны семінарый СПбДУ; навучальныя раскопкі; архіўныя дакументы; археалогія Беларусі.

THE ARCHAEOLOGICAL SCHOOL OF ALEXANDER A. SPITSYN: SERGEI A. DUBINSKY AND HIS FIRST FIELD STUDIES

M. V. Medvedeva[1], V. Ju. Sobolev[2]

[1] Insitute for the History of Material Culture, Dvortsovaya emb., 18, 191186, St. Petersburg, Russian Federation, marriyam@gmail.com
[2] St. Peterburg State University, Universitetskaia emb., 7/9, 199034, St. Petersburg, Russian Federation, vlad.sobolev@gmail.com

Sergei Antonovich Dubinsky (1884–1937) received a versatile education. After transferring to the Faculty of History and Philology of St. Petersburg University, he attended classes of the historical seminary of the Archaeological Cabinet under the supervision of Alexander A. Spitsyn. After graduation in 1910 Alexander A. Spitsyn organized archaeological field practice for a group of students in Luga district of St. Petersburg province. During the practice each student managed the excavation of several objects and made a report on the work. After the completion of the training work, many of the students received official licenses and conducted their first independent excavations. As an appendix to the paper the report on the works of Sergei A. Dubinsky in Grodno province in 1910 is introduced into scientific circulation.

Keywords: Sergei A. Dubinsky; Alexander A. Spitsyn; St. Petersburg State University Archaeological Seminary; educational excavations; archival documents; archaeology of Belarus.

Основные вехи жизни и трагическая судьба С. А. Дубинского (1884–1937) довольно хорошо известны. Помимо автобиографий, составленных в разные годы самим Сергеем Антоновичем, его жизненный путь и научные свершения проанализированы в работах, посвященных лично ему [1; 2; 3], и в общих исследованиях по истории белорусской археологии [4; 5]. Однако еще остаются нераскрытыми некоторые аспекты становления С. А. Дубинского как ученого, и с этой точки зрения небезынтересно обратиться ко времени его обучения в Императорском Санкт-Петербургском университете и попытаться проследить формирование круга его интересов и развитие профессионального мастерства.

Итак, после перевода из Юрьевского университета в 1908 г. С. А. Дубинский стал студентом историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета и с осени 1909 г. – слушателем «археологического семинария» [6, л. 15–17, 22–22об.]. Лекции по археологии («Введение в археологию», «Общий курс русской археологии», «Древнейшие культуры в русских древностях», «Общее обозрение русских древностей по культурам») и практические занятия по этим дисциплинам вел приват-доцент А. А. Спицын, руководивший и работой учрежденного на факультете археологического кабинета [7, с. 74–75]. Следует отметить, что в это время А. А. Спицын являлся одновременно сотрудником Императорской археологической комиссии (ИАК), преподавателем Университета и одним из руководителей отделения

славяно-русской археологии Русского археологического общества (РАО), что давало ему широкие возможности по интеграции сил и средств для изучения различных археологических памятников. По окончании лекционного курса А. А. Спицыным была запланирована «археологическая экскурсия» – учебные раскопки, в которых приняло участие большинство слушателей «семинария». К изучению были намечены два курганных кладбища древнерусского времени в Лужском уезде Санкт-Петербургской губернии. Раскопкам, проведенным в конце июня 1910 г., предшествовала рекогносцировочная поездка в апреле одного из студентов – А. В. Тищенко, во время которой он осмотрел намеченные памятники и пробно раскопал один из курганов [8; 9].

Перед началом работ группой студентов, в числе которых был и С. А. Дубинский [10, л. 74], были сняты глазомерные, но весьма точные[1] полный план всей курганной группы Замошье и запланированной к раскопкам части курганной группы Удрай. Каждому из студентов А. А. Спицын, осуществлявший общее руководство «раскопкой», «назначил» по 1–2 разнотипных кургана, студенты самостоятельно руководили нанятыми крестьянами-землекопами, расчищали скелеты и составляли отчетную документацию. Отчеты С. А. Дубинского подробны, снабжены чертежами: стратиграфии насыпи, ее планом в уровне материка и планом открытого под ней погребения.

Студенческие отчеты А. А. Спицын отредактировал и опубликовал в Известиях ИАК, указав под описанием каждого кургана имя производившего раскопки студента [11]. Можно отметить, что наиболее профессионально выполнены отчеты К. В. Кудряшова, С. А. Дубинского, В. А. Острогского, П. А. Садикова[2].

При этом еще до студенческой раскопки, в начале мая 1910 г., С. А. Дубинский подал в ИАК заявление с просьбой о выдаче ему Открытого листа на раскопки в Бельском уезде Гродненской губернии[3] [12, л. 47] и в середине месяца получил его. Очевидно, что А. А. Спицын, курировавший в ИАК археологические исследования средневековых памятников, был уверен в «квалификации» своего студента. Сохранившийся в архиве ИИМК РАН в собрании ИАК отчет С. А. Дубинского об этих работах полностью подтверждает владение автором методикой полевых исследований на весьма хорошем для своего времени уровне и доказывает, что начинающий археолог прекрасно усвоил «уроки» учителя (рис. 1–5 и приложение 1–2).

С. А. Дубинский в обязательном порядке фиксировал планы и разрезы раскапываемых объектов, а также использовал довольно прогрессивный метод просеивания грунта, применяя сита с разными размерами ячеек. В отчете содержатся сведения об исследовании 13 каменных могил на церковной горе

[1] Для этого участок съемки был разбит на квадраты со стороной 3 аршина (около 2 м) и все промеры отдельных объектов делались по этой сетке.

[2] Подробнее об этих работах см. : 8; 9.

[3] Стоит отметить, что С. А. Дубинский планировал проводить раскопки на собственные средства.

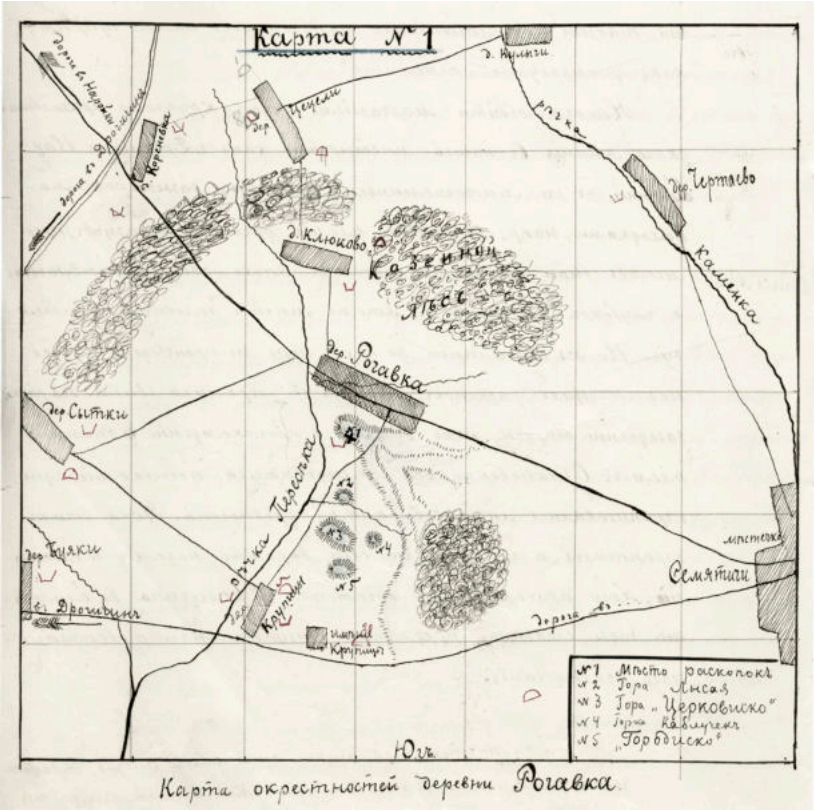


Рис. 1. Ф. 1 Оп. 1. 1910. Д. 79. Л. 115 об.

к югу от дер. Рогавка, двух курганов у дер. Бацики Ближние и о находках, полученных в г. Дрогичин. Кроме подробного описания процесса раскопок, отчет снабжен археологической картой окрестностей м. Семятичи с указанием места проведения раскопок и обозначением археологических памятников микрорегиона (рис. 1), планом церковной горы (рис. 2), планом самого каменного могильника (рис. 3), а также планами и разрезами отдельных погребений (рис. 4–5). Опись находок (Приложение 2) включает 45 номеров, под многими из которых перечислено по несколько предметов. Археологическая коллекция поступила в ИАК с просьбой С. А. Дубинского передать все найденные вещи «в новообразовавшийся археологический кабинет при С.-Петербургском Университете для увеличения его коллекций» [12, л. 115об.], что и было исполнено. Сопроводительное письмо о передаче находок составил сам А. А. Спицын [12, л. 105].

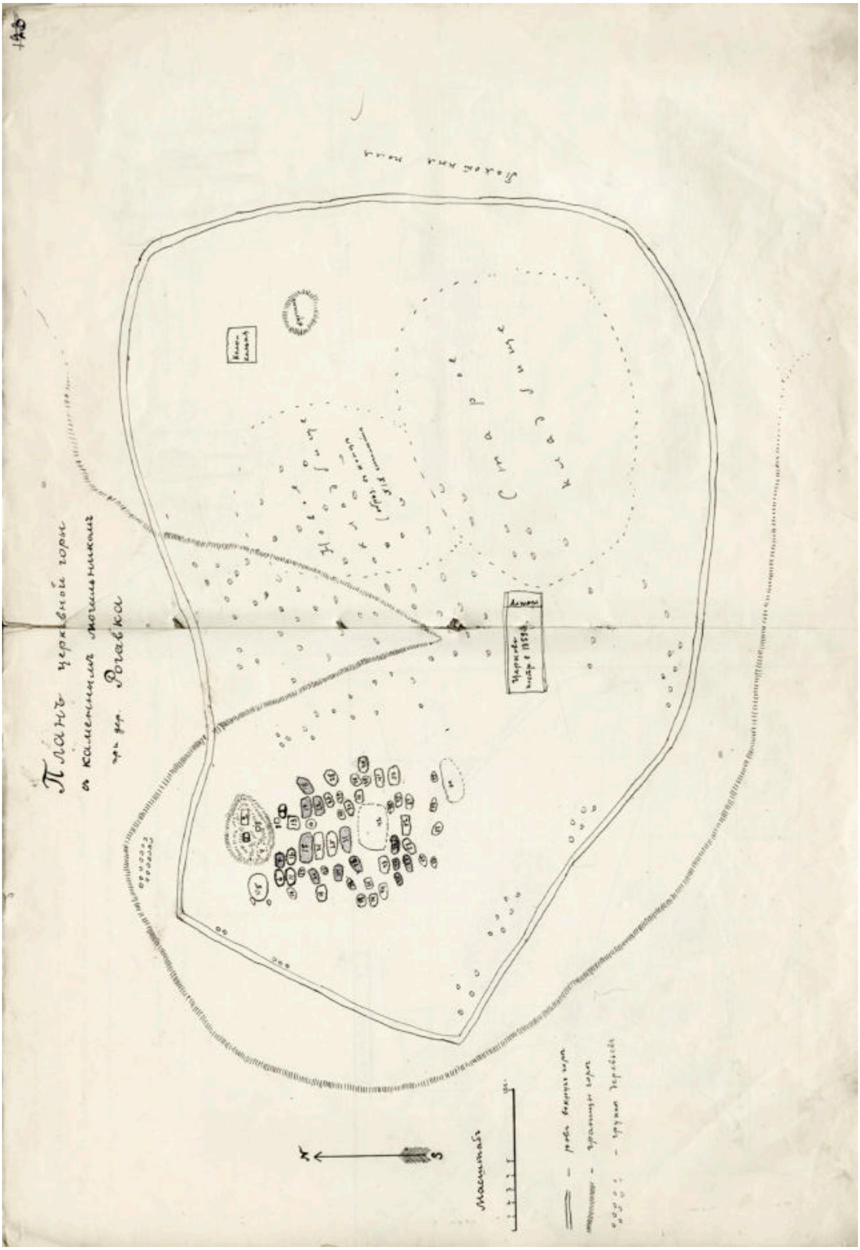


Рис. 2. Ф. 1 Оп. 1. 1910. Д. 79. Л. 116 об.

Уже первые самостоятельные работы С. А. Дубинского определили дальнейшую программу его археологических исследований на ближайшие годы, когда он целенаправленно продолжал изучение памятников, начатых раскопками или только осмотренных в 1910 г. Весь дореволюционный период деятельности С. А. Дубинского работы молодого специалиста неизменно поддерживались А. А. Спицыным. Надо сказать, что исследователь курировал раскопки всех своих студентов и всегда помогал им в организационных и научных вопросах. Полевые отчеты его учеников на первом этапе их самостоятельных археологических исследований собраны в архиве ИАК вместе в специальные дела за каждый год и объединены названием «О раскопках члена ИАК А. А. Спицына», что позволяет предположить особое отношение к ним не только самого А. А. Спицына, но и Археологической комиссии.

Весной следующего, 1911 г., А. А. Спицын сам написал несколько ходатайств о выдаче Открытых листов своим студентам – участникам «экскурсии» 1910 года. В одном из них он рекомендовал выдать и С. А. Дубинскому разрешение на раскопки в различных уездах империи «для Императорской Археологической комиссии» [13, л. 9]. 27 мая 1911 г. все Открытые листы ученикам А. А. Спицына были выписаны. С. А. Дубинский получил право на раскопки в Бельском и Брестском уездах Гродненской губернии [13, л. 13, 112], более того, ИАК профинансировала его исследования, выделив на проведение раскопок 100 рублей.

Рукопись, планы памятников, опись находок и фотографии из отчета С. А. Дубинского 1911 г. не так давно были опубликованы [1, с. 261–273, 315, 318, 320, 322, 325, 327, 301–314]. Вошедшие в авторский текст планы насыпей и схемы стратиграфических разрезов отдельных курганов сведены в таблицы [1, с. 316, 319, 321, 323, 326, 328], но, к сожалению, по непонятной причине в публикацию оказались включены не все фотографии этих работ[1].

В дополнение к изданному отчету, хотелось бы добавить несколько интересных фактов из материалов архивного дела, посвященного раскопкам С. А. Дубинского в 1911 г., оставшихся вне публикации. Документы отражают характерные особенности организации и методики работ того времени. Сохранился финансовый отчет С. А. Дубинского, представленный ИАК в контроль Министерства Императорского двора. Отпущенных ему 100 р. не хватило, С. А. Дубинский израсходовал 131 р. 27 коп. [13, л. 47]. Основная часть суммы была потрачена на наем рабочих, дневная «такса» которых составляла 75–80 коп. на человека. Много денег ушло на переезды и аренду жилья («ночлег и продовольствие»), почтовые расходы, а также на премии рабочим за находки (по 20 коп.) и покупку древностей в Дрогичине. Там у Ф. Коханского было приобретено 440 свинцовых пломб «по цене 2 до 5 коп. за штуку», которые С. А. Дубинский передал в ИАК [13, л. 43, 133 об.].

---

[1]Из 33 фотоснимков, вклеенных в отчет С. А. Дубинского, представлены только 23.

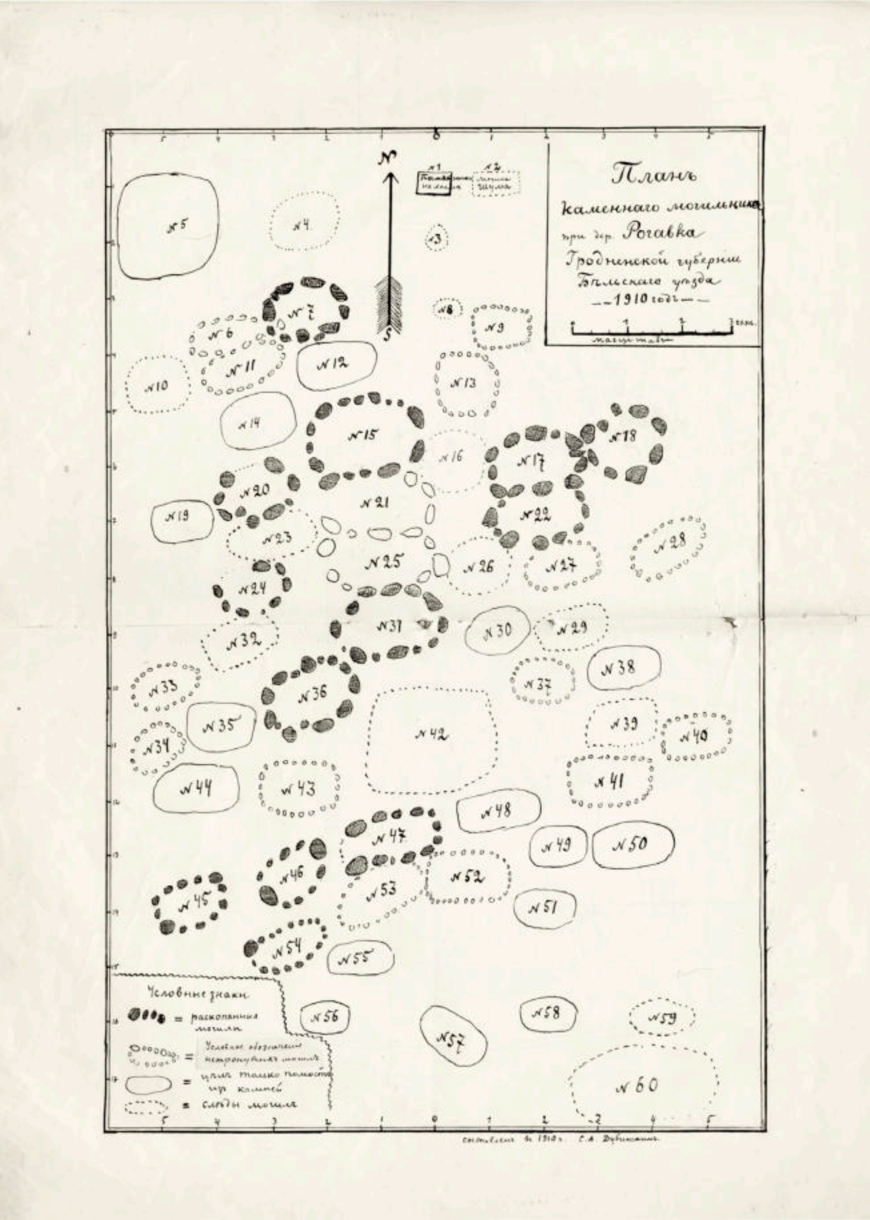


Рис. 3. Ф. 1 Оп. 1. 1910. Д. 79. Л. 117 об.

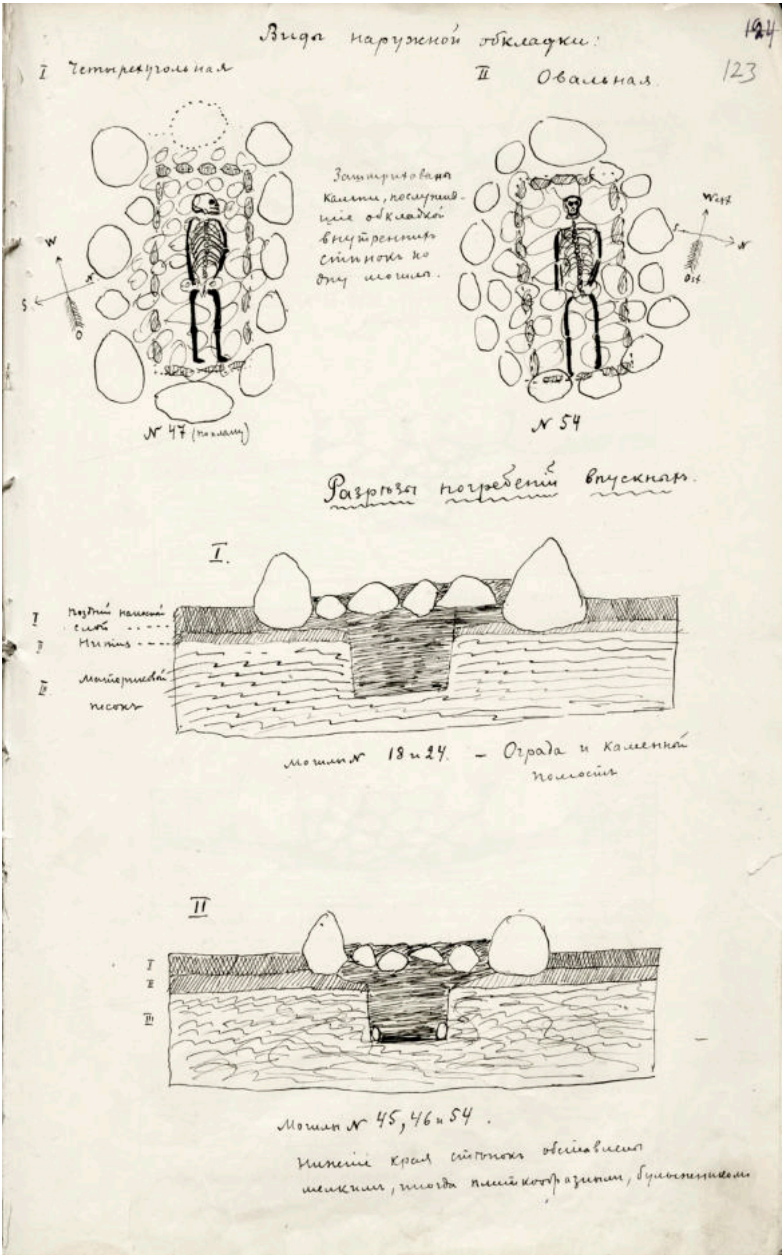


Рис. 4. Ф. 1 Оп. 1. 1910. Д. 79. Л. 123

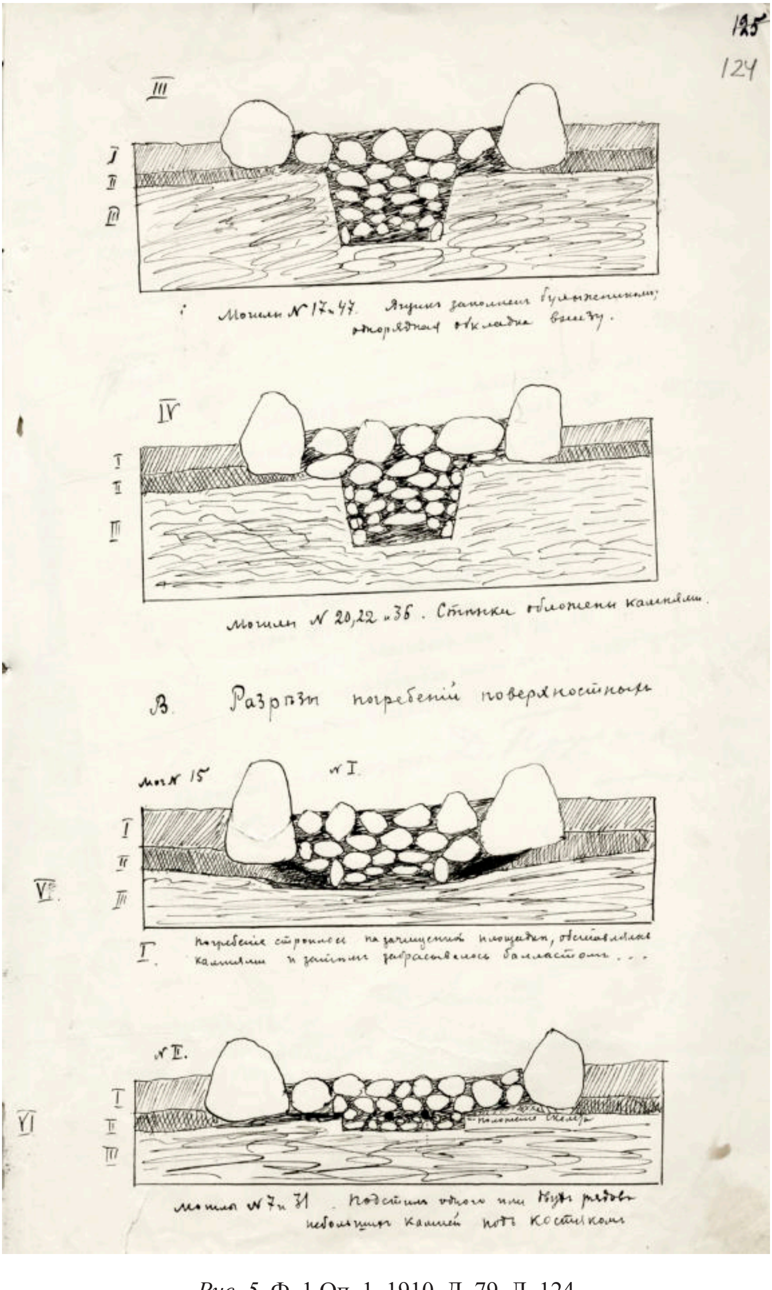


Рис. 5. Ф. 1 Оп. 1. 1910. Д. 79. Л. 124

В деле имеются сведения о том, какое оборудование использовал в работе исследователь. Перед отъездом из Петербурга, 27 мая, в одном из магазинов П. К. Гладцына С. А. Дубинский приобрел двадцатисаженную рулетку и в «разных фотографических магазинах» 3 дюжины фотопластинок размером 9х12, 2 дюжины – 6х9[1], 4 пакета фотобумаги и реактивы [13, л. 47об–48]. В процессе раскопок он выполнил качественные фотографии, которыми сопроводил отчет. Кроме того, уже в Семятичах, в лавке г. Меера Аша С. А. Дубинский купил 4 проволочных сита с ячеёй разного размера, проволоку и гвозди [13, л. 37, 47об–48]. Как и ранее, он просеивал грунт из заполнения могил для более тщательного поиска мелких находок, что делали далеко не все археологи в тот момент. Отчет был принят Контролем Министерства Императорского двора 25.X.1911 г., а перерасход в 31 руб., 27 коп. возвращен С. А. Дубинскому 10.XI.1911 г. [13, л. 47, 105].

В мае 1912 г. С. А. Дубинский вновь просит выдать ему Открытый лист на раскопки в том же Бельском уезде, и вновь ему содействует его университетский наставник: на документе имеется резолюция А. А. Спицына – «Прошу не отказать» [14, л. 1]. Разрешение С. А. Дубинскому выдали [14, л. 3, 4], но запланированные работы не состоялись, он только собрал подъемный материал на городище («пепелище») при дер. Огородники. Все свои находки исследователь опять передал в коллекцию Археологического кабинета Санкт-Петербургского университета [14, л. 3].

Возвращая Открытый лист в ИАК, С. А. Дубинский сообщил, «что раскопок в 1912 г. в Бельском уезде Гродненской губернии по нездоровью не производил». Однако в фонде А. А. Спицына обнаружились две фотографии одного и того же разреза кургана, подписанные на обороте рукой С. А. Дубинского «Август 1912 г. Раскопки погребения близ м. Семятичи». За ними следует карточка, составленная А. А. Спицыным и озаглавленная «1912 г. С. А. Дубинский». На ней вычерчен схематичный план окрестностей Семятичей и приведены краткие характеристики исследованного объекта [15, л. 387–389].

Следующий свой Открытый лист С. А. Дубинский получил в 1914 г., когда по заданию ИАК, вновь ассигновавшей на работы 100 рублей, он провел раскопки у д. Пилипки Пасынковской волости Бельского уезда Гродненской губернии [16, л. 1–3]. Думается, что и здесь тоже не обошлось без участия А. А. Спицына. Отчет о раскопках запланированного к исследованию «поля урн» и опись найденных вещей в архивном деле отсутствуют, но сохранился «Счет в употребление аванса, отпущенного С. А. Дубинскому на производство археологических раскопок в Бельском уезде, Гродненской губернии».

---

[1] Два разных типоразмера пластинок позволяют предполагать наличие у С. А. Дубинского двух фотокамер.

Финансовый документ дает общее представление о хронологии экспедиции и проделанных работах [16, л. 7–8об.]. В конце мая, закупив в «Невском депо фотографических принадлежностей» в Петербурге «потребные» материалы [16, л. 10–10об.], через Вильно и Семятичи С. А. Дубинский 19 июня приезжает в дер. Пилипки и в течение шести дней, с 20 по 27 июня 1914 г., проводит археологические исследования поля урн в урочище Золотницкий песчаник. В разные дни у него на раскопках работали от шести до десяти крестьян. Кроме того, в Пилипках С. А. Дубинский приобрел у крестьян 4 каменных молотка (фотография одного из них, переданного затем из ИАК в РАО, сохранилась в материалах архивного дела [16, л. 1, 18, 20, 21]) и обломок золотого браслета «весом менее золотника» [16, л. 7 об., 17]. Из отпущенной суммы было потрачено 68 руб. 02 коп, финансовый отчет был принят контролем Министерства Императорского двора (МИД), а неизрасходованная часть средств возвратилась в кассу МИД 5 февраля 1915 г. [16, л. 5, 6].

В том же архивном деле сохранился «Перечень предметов древности», в который внесено 6 номеров [16, л. 22]. Список содержит, по всей видимости, только вещи, купленные в Пилипках у крестьян, – медное ушко и обломки дужки, три обломка медной крышки турки, обломок известнякового кольца, сплавы стекла и обломки урны, два гладких черных черепка и орнаментированный черный черепок из тр[аншеи].

В 1914 г. С. А. Дубинский покинул Петербург, получив место преподавателя истории в женской гимназии Виноградовой в Вильно. Оттуда исследователь был вынужден вскоре уехать в эвакуацию в г. Белебей Уфимской губернии, где служил преподавателем в гимназии, а позднее школы I и II ступени, а кроме того членом и позднее председателем комиссии по ликвидации неграмотности до конца 1921 г. О дальнейших своих переездах С. А. Дубинский сообщает в автобиографии: *«Голод в Поволжье, вызов меня, как белорусса по происхождению, на работу в Белорусскую ССР в конце 1921 года перекинули меня в Минск»*, где после недолгой работы в *«Центр. Ком. по ликбезу и главным инструктором школ ликбеза по Минску»* вернулся к преподавательской деятельности [6, л. 17–18]. *«Возникновение Археол. Комиссии при Институте Белорусской культуры в 1925 г. повлекло за собой мой переход на чисто научную работу в «Инбелкульт», позднее белор. Академия Наук»* [6, л. 18].

Через двадцать лет, весной 1934 г., С. А. Дубинский, спасаясь от репрессий, вернулся в Ленинград – город, где он учился и начинал свою профессиональную карьеру под руководством А. А. Спицына. Ведь именно здесь он приобрел первые навыки археологического исследования и получил решающий импульс к выбору главного дела свой жизни. Зная о большом опыте С. А. Дубинского в области археологии, его приняли на работу в ведущее

археологическое учреждение – Государственную академию истории материальной культуры, где он еще несколько лет плодотворно проработал на различных должностях вплоть до ставшего для него роковым последнего ареста 19 августа 1937 г.

Приложение 1

Отчёт о раскопках в Бельском уезде Гродненской губернии летом 1910 года[1, 2]

Главное внимание было обращено на каменные могилы – предмет в русской археологии сравнительно мало и неточно обследованный, очень загадочный по происхождению и в отношение своём к другим памятникам древности.

По сообщенным сведениям в 5 верстах от промышленного м. Семятичи и в 12 верст. от г. Дрогичина лежит при р. Рогавка, Семятической волости, древнее кладбище незарегистрированное в археологической литературе и доселе неисследованное. Осмотр на месте и ощущаемая связь этого кладбища с другими археологическими памятниками этого района укрепила меня в намерении раскопать его. Как видно из прилагаемой карты № 1 Рогавский могильник является одним звеном в ряду памятников разного типа расположенных кольцом вокруг «церковиска» высокой горы с признаками рвов, валов, которую, по-видимому, можно считать или главным пунктом для первоначального поселения, или местом для целей культа христианского, а может быть даже и языческого. До раскопок составлен приблизительный план местности (карты № 1) и довольно точные планы могильника позднее (карта № 2, 3 и 4). Репером послужил памятник поставленный на холмистой возвышение горы; от него была проведена магистраль к югу.

К югу от дер. Рогавки возвышается гора с крутыми спусками к луговине, по которой протекает р. Пересека к Западному Бугу; до речки от неё около 150 саж., до деревни около 100 саж., гора лежит на левом берегу речки, возвышаясь над ней на 10 саженей; она представляет собой выдвинувшийся мыс, к востоку сливаясь с горизонтом пахотных полей. Уклон горы к югу незначителен, к западу 15–20°, к северу 30–35°, где гора обрывиста и посредине, на скате к северу, имеет ложбину, как бы отделяющую археологическую часть горы от её восточной части. Узкая в виде перешейка часть горы занята приписной к Семятичскому приходу церковью (построена в 1858 г.). Гора вся окопана в 1895 году рвом в сажень шириною, благодаря чему площадь её представляет неправильной формы пятиугольник. Могилы лежат на западной половине горы, а на восточной постепенно растет и ширится современное сравнительно недавнего происхождения кладбище. Зданий на горе три: деревянная церковь такая же колокольня и кирпичный памятник. В длину пятиугольник до 50 саж., в ширину по наибольшему радиусу 40–45 саженей. Помимо зданий два кургана, на западном стоит памятник, восточный – рядом с колокольней. Могильника чист от деревьев; они растут на склонах горы, в ложбине и местами на восточной половине. Грунт земли песчаный, в верхних слоях песок коричневатого цвета с крупными камешками, туго поддающийся удару лопаты; местное его называние – «жвир»; нижние слои песку светлеют и мельчают, переходя в подошвенных слоях горы в водоносный обыкновенный речной песок. Высшая точка горы – холм под памятником, от него идёт горбовидный уклон к югу; по этому то пространству рассеяны могилы. На плане их зарегистрировано 60 №№, но это число не исчерпывает всех погребений уже потому, что со многих могил камни забраны под церковь, часть их заплыла землёй и лишь щуп на глубине пол-аршина отыскивает их. Могилы под № 2, 3 и 8 принадлежат недавнему времени, скрывая

---

[1]НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1. 1910. Д. 79. Л. 108-115 об. Текст написан чернилами на листах серовато-желтой бумаги формата А3+, сложенных пополам. Поле с правой стороны каждого листа. Орфография документа приведена к современной, авторская пунктуация сохранена.

[2]В правом верхнем углу листа штамп красными чернилами в 3 строки «Заслушано Императорской / Археологической комиссией в / заседании», сверху и снизу чернилами от руки: 22...911 / Вещи переданы в Университет Б. [подпись Председателя ИАК графа А.А.Бобринского].

собою остатки праха семьи крестьянина Шума. Сохранили свою обкладку в приблизительно первоначальном виде только около 30 могил; остальные поддаются лишь приблизительному измерению. Наименьший размер могил по двум направлениям в длину и в ширину 2 1/2х1 1/2 арш.; наибольший 6 на 3 3/4 арш. % средней величины 4 1/2х2 4/5 аршина. Могил без «защитной обкладки» внутри каменных оград нет; камни на этом кладбище очень крупной величины, без всяких знаков на себе вроде крестов или надписей; число их (в ограде) колеблется от 10 до 15–20. Местами камни, благодаря наклонам горы, а может быть раздвигающей силе деревьев, некогда покрывавших могильник, разъехались в стороны и несколько нарушили первоначальную форму обкладки, но всё-таки можно различать формы овоидной обкладки от четырёхугольной. Преобладание первой формы над вторoю резко бросается в глаза в четырех центральных могилах, имеющих общее стенки очевидно родственных; они принадлежат к самым древним могилам, положившим начало этому кладбищу. Вокруг них концентрируются все остальные, то одиночно, то группами.

Легко подметить какой порядок был преследуем мною при раскопках. Ознакомительную раскопку я начал с могилы номер 36, а затем постепенно шли №№ 46, 31, 15, 54, 45, 47, 24, 17, 22, 18, 7, 20. Нарастание могильника преимущественно шло к югу, поэтому от раскапывания более новых могил постепенно приходил к предполагаемым более древним. Всего раскопано 13 могил 10 летом и 3 в декабре месяце, когда настали необычно тёплые и сухие дни в нашем крае.

Раскопка каждой могилы производилась сначала внутри обкладки послойным сниманием земли. В большинстве случаев земля перемешана с камнем. Камень, если он бывал очень тяжеловесен, расшатывался в своих гнёздах ломом и выбрасывался руками; когда один пласт камня был удалён, тогда пускались в ход заступы для очистки следующего пласта земля, земля пересматривалась, как на месте раскопки, так и потребных случаях просеивалась на стороне при помощи двух разных сит, затем очередь следующего пласта и т. д. Разборка, зарисовка и изучение положения костяка, вещей возле него, сопровождалась тщательным просеиванием. Во многих случая приходилось удалять часть ограды во избежание падения ее в раскоп, а затем, главным образом, в целях более точного обмера впускной могилы. Хотя г. Авенариус в своих раскопках каменных могил не считал возможным определить более или менее точно глубину могильных выемок, но эту задачу я пытался разрешить следующим способом: делалась выемка во всех боковых стенках в аршин (приблизительно) ширины и прослеживалась предполагаемая лента (какой уровень земли в момент погребения) в глубь за пределы ящика, где получаемые обрезы давали искомую истинную ленту на humus-е, затем измерялся перпендикуляр опущенный до зачищенного дна могилы. В сомнительных случаях от противоположных разведочных выемок протягивал верёвка и от неё опускалась на дно лента рулетки. Вопрос, когда ставилась оградка из камней – до или после погребения, остается ещё не вполне выясним, хотя мои наблюдения склоняются в пользу второго предположения.

Дать общую характеристику каменных могил, раскопанных в Рогавке, можно лишь в следующих чертах. Во всех могилах существует типичная ограда из стоймя поставленных камней, овальная форма преобладает над четырехугольной (9 из 13 м.); защитный верхний помост в большинстве случаев состоит из крупных булыжников, положенных иногда не бесцельно, то в линию, то над черепом, то над поясницей, то над ногами костяка; замащивание мелким булыжником имеет вид разъезженной мостовой.

В способе погребения два основных различия – поверхностное (3 м.) и грунтовое (10). Последнее обычный неглубоко – от 8 в. до 1 арш.; стенки, вероятно в силу непрочности материала (песок), слегка скошены. Кроме того они во всех погребениях, кроме детских (2) обложенный камнями или в один ряд по дну могилы, или, что редко, облицовка стенок булыжником до верху могилы; иногда на камнях следы обливки какой-то массой (пожалуй, известковой).

Засыпка ямы сплошь булыжником преобладает над однорядной верхней кладкой, причём подмечено, что первый вид засыпки употреблен в центре могильника, где могилы древнее. Поверхностные погребения, однообразно конструктивные, как по месту положения,

так и по технике устройства являются родоначальниками данного кладбища. Костяки все лежат на спинах, головой на З., большой частью с нормальным положением частей тела. При мужских погребениях ничего не попадается, женские очень бедны украшениями, кроме серёг, височных колец и бус, других вещей почти не было находимо. Из металлов бронза преобладает над серебром, хотя вещи из последнего довольно изящны по выделке. Вообще находки не представляют собой чего-либо нового по сравнению с данными раскопок и исследований прежних лет. Серьги – эсовидного характера, что роднит их с[1] богемскими; височные кольца напускными шариками сходны с дреговичскими височными кольцами. Бусы, черепки по орнаменту носят общеславянские характер.

Могила № 1 (36 по плану) расположена на западной стороне могильника по скату горы. Обкладка состоит из 12 камней уложенных овально; некоторые камни в настоящее время раздались в стороны; поверхность могильной площадки заложена булыжниками разной величины. Внешние размеры могилы: длина ее, включая обкладку, 4 арш. 3 в., ширина 3 арш. 8 в. Стенки могильного ящика оказались слегка скошенными, размерами 3 1/2х1 1/2 арш. по верхней части выемки и 3 1/4х1 1/4 арш. по низу ящика; глубина впускной ямы равна 1 аршину. При раскопках попадались плитообразные камни плоской стороной обращенные книзу, они чередуются с мелким булыжником, роль которого, вероятно, вспомогательная – заполнять пустые пространства между крупным камнем. Последние положены не без симметрии, можно думать, что они уложены были рядами; каменная засыпка идет до самого костяка; стенки могильного ящика обложены камнями в один ряд и эту кладку можно проследить от дна до уровня ленты. Костяк средней сохранности, почти в нормальном положении; череп повернут землею к С. и совершенно раздавлен камнями, зубы в сохранности. Находки дают право признать погребение женским. По сторонам[2] черепа найдены два височных кольца: одно с правой стороны, среди [3] камней, хорошей сохранности, другое, левое, несколько сплющенное, под черепом, на нем остатки нити, по-видимому, льняной. Оба – серебряные, одинакового типа, на толстом ободке по три напускных серебряных бусы прорезных с точечными выпуклостями [4] (рис. №[5]). Около шеи до 50 мелких желтой глины бусинок, крайне хрупких, удалось при помощи мелкого сита собрать в неповрежденном виде более 40 экземпляров (рис. №). При [6] левом бедре найден в косом положении ножик, черенок сгнил, очевидно, он был в кожаном чехле и находился в кармане платья (рис. №). При правом бедре лежало с несомкнутыми [7] концами серебряное височное кольцо эсовидного типа. Крайне редко попадались черепки и уголь и то в незначительно количестве. Уклон могилы к Ю.-З. 30–35°, а уклон костяка 25°; костяк длиною 2 арш. 5 вершков.

Могила № 2 (46 по плану) расположена по западному склону горы, ее обкладка сильно вросла в землю, частью же сползла по уклону. В обкладке овальной формы резко выделяются два крупных камня поставленных один в головах, другой в ногах. В пласту камней резко выделяются пять крупных камней, образующих линию от В. к З.; они сначала приняты были за северную стенку ограды, но раскопкой выяснилось что они положены над костяком, как камни обозначающие, а действительная часть ограды на пол-аршина севернее. Наружные размеры могилы: 3 1/2х2 1/4 аршина. Внутренние размеры могилы 3 арш. х 1 арш. 6 вершк., глубина 9 в. в головах и 1 арш. 3 в. в ногах, а до теперешнего уровня земли от дна 1 арш. 12 в. Обычная защитного характера каменная засыпка поверху; под нею до костяка шел уже мешаный грунт; камень попался только на дне могилы, где он положен в один ряд у стенок вокруг всего костяка. Последний – отличной сохранности, с некоторыми особенностями – левая рука согнута в локте и

[1] Вписано над строкой рукой А. А. Спицына «польскими и».
[2] На поле вписано «Опись № 1».
[3] На поле вписано «Опись № 2».
[4] На поле вписано «Опись № 3»
[5] Здесь и далее – оставлено место, но номер рисунка не вписан.
[6] На поле вписано «Опись № 4».
[7] На поле вписано «Опись № 5».

положена на живот, правая рука согнута под тазовую кость; череп слега наклонен к югу, нижняя челюсть сдвинута на ключицу; малая берцовая кость левой ноги образовывает угол (см. фотогр. снимок); весь костяк напором земли с С. сдвинут к Ю. почти на 1/4 арш., что подтверждают измеренные расстояния до стенок – южной 4 1/2 вершка и северной – 11 вершк.; длина костяка 2 арш. 5 1/4 в., уклон костяка к Ю.-З. –[1] 45°. Найдены по сторонам черепа – два проволочных кольца [2] и около височных бугров несколько оловянных рассыпавшихся [3] и растрескавшихся остатков набора височных колец. Найдены [4] 3 черепка грубой работы, без орнаментации, разбросанных перво[5]начально в засыпи, в ногах найдено несколько[6] любопытных кремневых остатков со следами пользования, а равно как и несколько белемнитов – назначение коих в могиле загадочно…

Могила № 3 (31 по плану) является самой южной из четырех центральных и имеет общую стенку (северную) с могилой № 25; обкладка овальной формы из очень крупных до 1 арш. в диаметре камней; размеры могилы 5 3/4х3 3/4 арш. В верхней защитной кладке камней явственно выделялся правильный четырехугольный ряд камней, который при раскопке оказался остатками боковой обкладки по стенке впускного ящика. В этом четырехугольнике шла первоначальная раскопка, выяснившая следующее: заброска камнем в два-три ряда, упомянутые стенки из камней, местами стоймя плитки. При разборке камня на глубине пол-аршина стали попадаться вещи, костяк бесследно сгнил благодаря близости его к поверхности земли и потому обстоятельству, что выемчатая поверхность земли скопляла в себе влагу, при отсутствии стока воды. В восточной [7] половине могилы, в стороне ног, найдено серебряное эсовидное [8] височное кольцо; в головах одна серьга из двух проволок согнутых кольцами и надетых одно на другое (рис. №). По зачистке дна и стенок могилы выяснилось, что настоящей впускной ямы не было. Способ погребения был повидимому такой: на очищенном от дерна пространстве до укладки покойника, или же позднее был уложен внутренний четырехугольник из камней, а затем шла засыпка камнями и землею и установка ограды наружной. Измерения ящика приблизительны: длина 3 1/4 арш. ширина 1 арш. 2 в. – 1 арш. 6 в., глубину пришлось определять по неверным признакам и принять ее в 6–8 в.; высота же от дна до теперешнего уровня 12 вершков.

Могила № 4 (15 по плану) – как самая крупная и наиболее внушительная из всех могил она относится к числу очень древних, являясь северной из числа четырех центральных родственных, имеет общую стенку с № 21 и очевидно к ней пристроена; ее наружная обкладка имеет вид четырехугольника сильно закругленного по краям; размеры 6х3 3/4 арш. Под защитною каменною закладкой обнаружены покрытые легким слоем земли полусгнившие кости. Замечено, что западная часть могилы обильно проникнута черепками, [9] крупных черепков от одного только горшка собрано до 30; уголь, попадаясь повсюду, более обильно встречен в восточной половине могила, по-видимому, заменяя здесь черепки. Значения этих двух явлений из условий самих раскопок выяснить нельзя. Положение костяка правильное, череп сдвинут и повернут к Ю. и раздавлен; кости довольно толстые и длинные, его длина 2 арш. 7 в.; погребение очевидно мужское. Подстилом для костяка послужили мелкие камни, уложенные в два ряда, под черепом ряд известняков; бока обставлены плиткообразными камнями; размеры ящика – длина 3–3 1/4 арш., ширина 1 арш 3 в. внутри плиток и 1 арш. 7 в. включая их; глубина до 14 в. Зачистка площадки выяснила следующие подробности: на

---

[1] На поле вписано «Опись № 6»
[2] На поле вписано «Опись № 7».
[3] На поле вписано «и пробирка № 10 по описи».
[4] На поле вписано «Опись № 10».
[5] На поле вписано «Опись № 8».
[6] Над «несколько» вписано «6 экз. ».
[7] На поле вписано «Опись № 11».
[8] На поле вписано «Опись № 12»
[9] На поле вписано «Опись № 13».

очищенном от дерна пространстве был вырыт четырехугольник (3х1 1/4 арш.) глубиной в 1/4 арш. и заполнен упомянутым в два ряда каменным подстилом, затем обставлен плитками и после обряда погребения все пространство могилы было замощено. Этой особенностью могила № 15[1] совершенно выделяется из ряда других.

Могила № 5 (54 по плану). Обкладка овальной формы; крупный камень в головах, обкладка лучше всего сохранилась с Ю., с С. же благодаря уклону сплозла внутрь; наружные размеры 4 1/2х2 1/2 арш. Обмер могильной выемки по обрезам 3х1х3/4 аршина. Обычная кладка по верху, крайне незначительное количество булыжника в засыпке ямы. У стенок по дну могилы кладка камней в один ряд. Замечена особенность – некоторые камни как-будто покрыты известью. Костяк хорошей сохранности, длиною 2 арш. 5 1/2 в.; голова сдвинута к позвоночнику и обращена на С.; левая рука подогнута под бедро, левая бедренная кость сдвинута внутрь на 2 в.; уклон костяка Ю.-З. 25°; взят один черепок.

Могила № 6 (45 по плану) квадратной формы, обкладка значительна сдвинулась внутрь; размеры – 3 1/4х2 арш.; размеры впускной ямы 2 3/4 арш. х 1 арш. 2 в., глубина 15 в. Обычная защитная кладка сверху, затем мешаный жвир до костяка. Костяк средней сохранности с некоторыми уклонениями от нормального строения – правой ноги бедренная кость значительно толще левой и имеет кольцеобразный костяной нарост. Голова придвинута к позвоночнику, обращена вверх; около висков найдено несколько обломков [2] рассыпавшихся свинцовых височных колец настолько ничтожных, что делать по ним какие-либо заключения о форме и количестве колец нельзя. Уклон костяка и могилы к Ю.-З. 30°, длина его 2 арш. 2 в. Обычная внутренняя обкладка скошенных стенок внизу камнями в один ряд. [3] Найден один довольно крупный черепок слева от головы; слегка уголь.

Могила № 7 (47 по плану) четырехугольной продолговатой формы, западной части ограды совсем нет (вероятно, взята), часть южной обкладки является общею стенкой и для могилы № 53; размеры 4 1/2х2 1/2 арш.; длина могильной ямы без обкладки внутренней – 2 арш. 12 в. с обкладкой – 3 арш.; ширина, всключая обкладку, 1 арш. 4 в., а без ее 13–14 в.; глубина могилы до ленты 15 в., а от дна до нынешнего уровня 1 арш. 9 в. Раскопка обнаружила четыре ряда основательной каменной кладки, при чем по положению некоторых камней удалось определить, что боковая по стенам обкладка шла до верху ямы, камни внизу были уложены равномерно и тщательно. Костяк сохранился, череп обращен к С., левая рука полусогнута под таз, а правая лежит над тазовой костью; позвонки и ребра сильно разбросаны – может быть здесь сказывается работа корней деревьев. Около костяка [4] и среди камней попадались черепки из которых некоторые орнаментированы, обычный процент угольков. Длина костяка – 2 арш. 6 1/2 вершков.

Могила № 8 (24 по плану). К западу от четырех центральных могил находится одна небольшая, размером 3 1/2х2 3/4 арш., могила, овальной формы, западная часть ограды ее уже не существует. Предполагая в ней какую-то связь с упомянутыми, я предпринял раскопку ее. По удалении защитной кладки – обычный мешаный грунт с тою особенностью, что на всем пространстве раскопа в обильном количестве стал [5] попадаться уголь от недогоревшего дерева и следы золы и слой его шел в глубину почти до самого костяка. Нельзя видеть здесь кострища, расположенного над покойником, так как нет на лицо характерных зольных и угольных скоплений в виде пятен, уголь и зола попали в холодном виде. Может быть здесь следы какого-нибудь обряда или обычая применявшегося при погребении детей, ибо костяк оказался детским в 1 арш. 9 в. длиною; хотя кости и полусгнили (позвонки, ребра и пальцы не сохранились), но

[1] Так в тексте.
[2] На поле вписано «Опись № 14».
[3] На поле вписано «Опись № 16».
[4] На поле вписано «Опись № 17».
[5] На поле вписано «Пробирка № 38 по описи».

не носят на себе следов обжога; череп обращен к югу. Как особенность отметим отсутствие однорядной каменной кладки внутри по дну могильной ямы, размеры которой – 2 арш. 3 в. х 15–16 в. х 13 в.; челюсть и [1] три черепка взяты.

Могила № 9 (17 по плану) пристроена к соседней (№ 22); обкладка овальной формы из мощных камней; размеры могилы 4 1/2х3 3/4 арш.; размеры ямы: длина – 3 арш. 3 в., ширина – 1 арш., глубина – 7–8 в. до ленты и от дна до нынешнего уровня 1 арш. 12 в. Верхняя кладка поражает своею массивность, она частью из плитообразных камней, поставленных иногда стоймя. Весь могильный ящик заполнен чересчур крупными камнями, среди которых две плоские плиты покрывают одна ноги, другая таз и часть груди. В земле покрывающей костяк, попадаются незначительные зольные и угольные пятна и орнаментированные черепки. Вокруг костяка однорядная обкладка полукругом, несмотря на то, что стенки ямы имеют острые углы. Костяк полусгнил, косточек рук и ног нет, череп совершенно раздавлен, сдвинут как и весь костяк на 2–3 в. к югу, нижняя челюсть на месте, бедренная кость левой ноги сильно сдвинута внутрь; длина костяка 2 арш. 5-6 в., уклон к югу 10°. Из находок, кроме череп[2]ков, у коленной чашечки левой ноги найдена железная пряжка (рисунок №). Способ погребения обычный. Из наружной ограды обращает отчасти внимание обтесанный [3] камень, поставленный на плоское ребро.

Могила № 10 (22 по плану). Наружная обкладка изящной овальной формы, размерами 4 3/4х3 3/4 арш.; размеры ямы 3 арш. 5 в. х 1 арш. 3 в. х 9 в. Площадка вымощена небольшими камнями, раскопки по сравнению с предыдущей значительно легче. Поверхность могилы, можно думать, выдавалась над поверхностью земли и доходила до верхушек ограды, слегка напоминая своим видом современные могилы. Ряды каменной кладки – внутри ящика, попадается легкая зольная прослойка пятнами над костяком; стенки ящика слегка наклонные и обложены камнями от низу до верху. При зачистке костяка стали попадаться вещи: [4] в ногах между плюснями кольцо плоское неспаянное, согнутое из полоски меди и суживающееся к концам; 4 ноги сильно сдвинуты внутри; на правой тазовой кости у правой руки [5] сильно проржавленный ножик с уцелевшей частью деревянного черенка (рис. №); левая рука подогнута под бедро; [6] у верхних позвонков спины найдена серебряная прорезная буса с точечными выпуклостями (рис. №); возле шейных позвонков – несколько бус от ожерелья; бусы небольшой формы, [7] две янтарных (рис. №), две глиняных коричневого цвета, орнамент в виде белых полосок (рис. №), одна стеклянная синяя (рис. №) две зеленых и две серебряных витых. Нижняя челюсть лежит на левой ключице вниз зубами; тут же слева эсовидное серебряное кольцо (рис. №), [8] под черепом, обращенным к Ю., особая проволочная серьга, напоминающая букву Ω с завитушками (рис. №); среди позвонков найден круглый камешек, который можно считать [9] пуговицею, обтянутою материей, и особый орнаментированный поперечными полосами не то черепок не то камешек. Из [10] отобранных 38 черепков – 25 принадлежат одному горшку, а 13 другому; разбросаны они были по всему пространству могилы. Длина костяка 2 ар. 5 в.

Могила № 11 (18 по плану) с сильно вросшей в землю овальною обкладкой размерами 3 х 2 3/4 арш., по верху заложена крупными булыжниками, под ними мешаный грунт уже без камней, кои беспорядочно попались у стенки могилки, погребение оказалось неглубоким, кости

---

[1] На поле вписано «Опись № 18».
[2] На поле вписано «Опись № 19 и 20».
[3] На поле рисунок камня.
[4] На поле вписано «Опись № 21».
[5] На поле вписано «Опись № 22».
[6] На поле вписано «Опись № 23».
[7] На поле вписано «Опись № 24».
[8] На поле вписано «Опись № 25».
[9] На поле вписано «Опись № 27».
[10] На поле вписано «Опись № 28».

совсем сгнили и лишь по остаткам черепа возможно отнесть костяк к детским, вещей никаких не найдено, направление черепа на З., размеры ямки для костяка: длина – 1 арш. 6 в., ширина – 10 в., глубина – 6–7 в. до ленты, а от дна до современного уровня – 1 арш. 7 в.

Могила № 12 (7 по плану) размерами 3 3/4х2 1/2 арш, строение ее и засыпка камнем тождественна с могилой № 31; внутренние размеры могильной ямы 2 3/4х1 арш., глубина в головах 6 в., в ногах – 1 арш. Костяк средней сохранности длиною 2 арш. 5 в., лицом вверх, головою на З, [1] из вещей найдены 3 разных бусы, одна светло-желтая стеклянная, другая глиняная с спиральным орнаментом из эмали, третья [2] серебряная прорезная; серебряное височное кольцо с 3 напускными [3] бусами, медная серьга с усеченным толстым и утончающимся другим концом без завитков; у ног попалось 5 крем[4]невых осколков (см. мог. №); черепки, уголь.

Могила № 13 (20 по плану) овальной обкладки, крупные булыжники в ограде и в наружной засыпи, внешние размеры 4 1/2х3 1/2 арш., внутренние размеры – 2 3/4х1х1/2 арш. (от дна до поверхности 1 арш.). Засыпка камнем до дна рядами, по стенкам, слегка скошеным, камни небольшие под головой; плитки по бокам костяка. Костяк средней сохранности длиною 2 арш. 2 в., лицом на Ю., ноги сильно сдвинуты наискось. На груди квадратная[5] серебряная прорезная [6] буса (см. Зап. И. Р. А. О. т. 10, 1–2 Раск. Завитневича в Минск. Губ. [7] в 1892 г. табл. II № 20); медное височное кольцо с загнутыми [8] краями, обломки толстых свинцовых височных колец.

Ради опыта раскопано два кургана возле д. Бацики Дол. Семятичской волости. Лежат они в 1 версте от деревни, на возвышенности, в лесу, при почтовом тракте. Всего курганов в том могильнике около 20, они сходны между собою по наружному виду. Размеры раскопанных курганов – первого – 8 1/2х7 1/2х1 1/2 арш., второго 10х9х1 3/4 арш. По внутреннему строению и содержанию совершенно сходны – в верхнем насыпном слое нет никаких находок, только во втором зольном слое на глубине 1 арш. от верху попались пережженные косточки, угольные пятна, зольные прослойки и среди них битые черепки грубой работы. Здесь очевидно погребение с сожжением на стороне, знакомое по раскопкам Авенариуса. Раскопка произведена послойно по всей поверхности курганов до материка; просеивание применено к зольным слоям, толщина коих была от 3 до 5 в.; вещей не найдено вовсе. При посещении «пепелища» плоской горы со следами древних поселений возле д. Огородники при Буге собрано до 30 кремне[9]вых поделок, в виде скребков, различных обломков со следами употребления, быть может, эпохи неолитической, за[10]тем несколько десятков разнообразной орнаментацией черепков более позднего времени. Кроме того попадаются там человеческие кости из размытых рекой З. Бугом во [11] время разливов погребений, при них остатки волос, тканей бусинок, железных обломков, монеток. Только систематическая раскопка могла бы дать какие-нибудь результаты, собранные вещи представляются лишь для некоторой иллюстрации таких археологических памятников нашей губернии как упомянутое «пепелище».

Нельзя обойти молчанием столь крупного археологического явления в нашей местности как г. Дрогичин Надбужный с его многочисленными и крайне разнообразными находками, напр., свинцовых сломб, древних изразцов, пред[12]метов быта домашнего разных эпох, свидетельствующих о глубокой древности в этом месте человеческого поселения. Но к

---

[1] На поле вписано «Опись № 28, 29, 30».

[2] На поле вписано «Опись № 31».

[3] На поле вписано «Опись № 32».

[4] На поле вписано «Опись № 36 и 37».

[5] «квадратная» зачеркнуто, над строкой другим почерком вписано «боченковидная».

[6] На поле вписано «Опись № 33».

[7] На поле вписано «Опись № 34».

[8] На поле вписано «и 35».

[9] На поле вписано «Опись № 41».

[10] На поле вписано «Опись № 42».

[11] На поле вписано «Опись № 43».

[12] На поле вписано «Опись № 45».

сожалению до сих пор не произведено здесь надлежащих раскопок, которые бы пролили свет на такие загадочные вопросы как вопрос о происхождении и значении пломб. Обыкновенно все исследователи, побывавшие здесь, ограничиваются лишь собиранием древностей. Пока этим ограничился и я; позволю себе выразить надежду и пожелание, что археологические богатства Дрогичина в ближайшие годы станут предметом тщательного и обстоятельного исследования.

При отчете возвращаю открытый лист, выданный Императорской Археологической Комиссией для упомянутых раскопок, произведенных исключительно на собственные средства. Все добытые вещи, представляемые в Комиссию по первичной описи, прошу направить в новообразовавшийся археологический кабинет при С-Петербургском Университете для увеличения его коллекций.

Студент С-Петербургского Университета по историческому отделению ист.-фил. факультета
Сергей Дубинский

Приложение 2[1]

ИМПЕРАТОРСКАЯ
АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ
КОМИССИЯ
№

Перечневая опись предметам древности, доставленных Сергеем Антоновичем Дубинским *из раскопок, произведенных в 19*10 г. каменных могил около дер. Рогавка Семятичской волости, Бельского уезда, Гродненской губернии

Дело 1910 г. № 79

№	ПЕРЕЧЕНЬ ПРЕДМЕТОВ	№	ПРИМЕЧАНИЯ
1	Серебр. серьга с 3 напускными филигр. бусами	36	~~№ погребения по плану~~
2	Такой же экземпляр худшей сохран.	″	-
3	42 мелких желтой глины бусинок	″	-
4	Железный ножик со следами ножен	″	-
5	Сер. эсовидное височное кольцо	″	-
6	Две проволочных медных серьги	46	(~~по плану~~)
7	7 обломков от металл. височ. колец	″	-
8	6 экз. битых кремней и беллемнитов	″	-
9	Пробирка с обломками вис. колец	″	-
10	3 черепка из погребения №	46	-
11	Эсовидное серебр. височное кольцо	31	(~~по плану~~)
12	Два нанизанных одно на другое медных проволоч. кольца с загнутыми концами	″	-
13	30 черепков из погребения №	15	~~по плану~~
14	Несколько (5) обломков височных колец	45	~~по плану~~
15	1 черепок из погребения №	54	~~по плану~~
16	1 черепок из погребения №	45	- - -
17	11 черепков из погребения №	47	. . . . .

[1] НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1. 1910. Д. 79. Л. 107–107 об.

№	ПЕРЕЧЕНЬ ПРЕДМЕТОВ	№	ПРИМЕЧАНИЯ
18	Челюсть и 3 черепка из детского погреб. №	24	. . . . . .
19	Железная прядка	17	. . .
20	8 черепков из погребения №	″	-
21	Медное пластинчатое кольцо несомкн. концами	22	~~по плану~~
22	Железн. ножик с остатками дер. черенка	″	-
23	Серебр. филигранная буса	″	-
24	Связка из 8 различных бус	″	-
25	Медное вис. кольцо с заходящими концами	″	-
26	38 черепков из этого погребения	″	-
27	Круглый камешек и обломок с решетчатым орнаментом	″	-
28	Стеклянная светло-желтая буса	7	-
29	Глиняная буса с спиральным орнаментом	″	-
30	Буса серебряная прорезная	″	-
31	Сер. височное кольцо с 3 шариками	″	-
32	Медное вис. кольцо с утончающееся к одному концу	″	-
33	Серебр. прорезная квадратной формы буса	20	-
34	Мед. вис. кольцо с загнутыми концами	″	-
35	Обломки свинцов. вис. колец	″	-
36	5 кремневых осколков из могил	7	-
37	3 черепка оттуда же	″	-
38	Образцы угля из могил (взято из №	24)	-
39	Образцы различных слоев земли в могилах		в пробирках
40	5 черепков и пробирка с жжеными костями		Из кургана близ д. Бацики Б.
41	Кремневые осколки около 20 экз.	}	Все это собрано при посещении кремневой стоянки возде д. Огородники Сем. вол. Бельск. у.
42	19 различных черепков		
43	Железо, остатки тканей, волос		
44	Несколько (3 экз) черепков из зашт. гор. Мельника		(собрана на Замковой горе)
45	30 черепков, обломки изразцов и др. предметы собранные	в	г. Дрогичин

Библиографичесие ссылки

1. *Семянчук Г. Н.* Пасьляслоуе // Дубінскі С. А. Бібліографія па археолёгіі Беларусі і сумежных краін. Беласток, 2010. (Спадчына археолага).

2. *Семенов С. А.* Из Петербурга в Ленинград. Вехи профессионального пути археолога С. А. Дубинского // Бюллетень ИИМК РАН. 2018. Вып. 8. С. 241–247.

3. *Каробушкіна Т. М.* Археолаг С. А. Дубінскі // Помнікі гісторыі і культуры Беларусі. 1986. № 4. С. 23–25.

4. Асоба і помнік. Беларуская археалогія у фотаздымках 1920-1930-х гг. / склад. В. Тарасевіч, Д. Грынь. Мінск: Нацыянальны гістарычны музей Рэспублікі Беларусь, 2021. 119 с.

5. *Мусин А. Е., Длужневская Г. В., Медведева М. В., Платонова Н. И.* Славяно-русские и средневековые древности в исследованиях Императорской археологической комиссии // Императорская археологическая комиссия (1859–1917): история первого государственного учреждения российской археологии от основания до реформы. Т. 2. Санкт-Петербург, 2019. С. 1092–1202.

6. *Дубинский С. А.* Личное дело // РО НА ИИМК РАН. Ф. 3. Оп. 2. Д. 192. Личное дело С. А. Дубинского. 15 л.

7. *Тихонов И. Л.* Археология в Санкт-Петербургском университете. Историографические очерки. Санкт-Петербург: Изд. СПбГУ, 2003. 332 с.

8. *Медведева М. В., Соболев В. Ю.* Раскопки у дер. М. Удрай в 1910 году: архивные материалы и музейные коллекции. Дополнение к публикации А. А. Спицына // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Материалы научной конференции, посвященной 1150-летию российской государственности. Вып. 26. Новгород, 2012. С. 396–414.

9. *Медведева М. В., Соболев В. Ю.* Раскопки уд. Замошье в 1910 г.: архивные материалы и музейные коллекции. Дополнение к публикации А. А. Спицына // Археология и история Пскова и Псковской земли. Семинар имени академика В. В. Седова. Материалы 58-го заседания. Москва–Псков, 2013. С. 346–358.

10. Отчет о раскопках в Удрай-Замошье Лужского у. Ленинградской губ.: Александрова, С. Дубинского, К. Кудряшова, Н. Лаврова, Любомирова, Вл. Острогского, Покровского, Садикова, Саханева, Тищенко, Чернова и Балицкого. Май 1910 г. // РО НА ИИМК РАН. Ф. 5. Д. 214. 83 л.

11. *Спицын А. А.* Раскопки 1910 г. в Лужском уезде Петроградской губернии// Известия ИАК. Вып. 53. Санкт-Петербург, 1914. С. 81–94.

12. О раскопках члена Комиссии А. А. Спицына в С. Петербургской, Новгородской, Тверской губерниях // РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. 1910. Д. 79. 149 л.

13. О раскопках… 1911 // О раскопках члена комиссии А. А. Спицына в 1911 г. // РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. 1911. Д. 89. 217 л.

14. О раскопках С. А. Дубинского в Гродненской губ. в 1912 г. // РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. 1912. Д. 164. 5 л.

15. Губернии В-Д // РО НА ИИМК РАН. Ф. 5. Д. 396. 554 л.

16. О раскопках С. А. Дубинского в Гродненской губ. // РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. 1914. Д. 295. 22 л.

КУЛЬТУРА ПСКОВСКИХ ДЛИННЫХ КУРГАНОВ И СИСТЕМА ПУТЕЙ ЧЕРЕЗ ЛЕСНУЮ ЗОНУ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Е. Р. Михайлова

Санкт-Петербургский государственный университет, Университетская наб., 7–9, 199034, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация; e.mikhailova@spbu.ru

Реконструкция системы путей через лесную зону Восточной Европы важна для изучения культуры псковских длинных курганов (КПДК), так как вся хронология культуры выстроена на основании импортов и дериватов. Наиболее важен путь, с римского времени связывавший Южную Прибалтику и Поочье, в основном проходивший южнее территории КПДК. Результатом его существования стало поступление в КПДК центральноевропейских и прибалтийских предметов, возможно, через целый ряд посредников. Часть соответствуюших находок концентрируется вокруг Псковского озера, а остальные, по всей вероятности, отмечают сухопутный путь, протянувшийся от Двинско-Ловатского междуречья через среднее течение Полы к Верхневолжью и далее, через бассейн Мсты к Чагодоще, крупнейшему притоку Мологи. Второй путь, соединявший Балтику через Приладожье и Белозерье с бассейном Камы, реконструируется обычно по распространению так наз. неволинской гарнитуры, однако возник гораздо раньше. Об этом свидетельствуют находки в бассейне Суды предметов андреевского круга, а также позднесарматских. Памятники КПДК не содержат непосредственных свидетельств связи с камско-балтийским путем. Однако заметим, что, если мы продолжим намеченную общую линию от Двины к Мологе, она направится как раз на Суду, где в первой пол. I тыс. сформировалась своеобразная культурная группа с курганным погребальным обрядом. Два описанных выше крупных пути служили основными источниками поступления в лесную зону предметов из цветного металла и стекла и, вероятно, были связаны друг с другом.

Ключевые слова: культура псковских длинных курганов; раннее средневековье; Восточная Европа; трансконтинентальные пути.

КУЛЬТУРА ПСКОЎСКІХ ДОЎГІХ КУРГАНОЎ І СІСТЭМА ШЛЯХОЎ ПРАЗ ЛЯСНУЮ ЗОНУ УСХОДНЯЙ ЕЎРОПЫ

А. Р. Міхайлава

Санкт-Пецярбургскі дзяржаўны універсітэт, Універсітэцкая наб., 7–9, 199034, г. Санкт-Пецярбург, Расійская Федэрацыя; e.mikhailova@spbu.ru

Рэканструкцыя сістэмы шляхоў праз лясную зону Усходняй Еўропы важная для вывучэння культуры пскоўскіх доўгіх курганоў (КПДК), бо ўся храналогія культуры выбудаваная на падставе імпартаў і дэрыватаў. Найбольш важны шлях, які з рымскага часу злучае Паўднёвую Прыбалтыку і Паочча, у асноўным праходзіў на поўдзень ад тэрыторыі КПДК. Вынікам яго існавання стала паступленне ў КПДК цэнтральнаеўрапейскіх і прыбалтыйскіх прадметаў, магчыма, праз цэлы шэраг пасярэднікаў. Частка адпаведных знаходак канцэнтруецца вакол Пскоўскага возера,

а астатнія, па ўсёй верагоднасці, адзначаюць сухапутны шлях, які працягнуўся ад Дзвінска-Ловатского Міжрэчча праз сярэднюю плынь Полы да Верхняволжа і далей, праз басейн Мсты да Чагадошчы, найбуйнейшага прытоку Молагі. Другі шлях, які злучаў Балтыку праз Прыладажжа і Белазер'е з басейнам Камы, рэканструюецца звычайна па распаўсюджванню так зв. неволінскай гарнітуры, аднак паўстаў значна раней. Пра гэта сведчаць знаходкі ў басейне прадметаў андрэеўскага кола, а таксама познесармацкіх. Помнікі КПДК не ўтрымліваюць непасрэдных сведчанняў сувязі з камска-балтыйскім шляхам. Аднак заўважым, што, калі мы працягнем намечаную агульную лінію ад Дзвіны да Молагі, яна накіруецца як раз на Суду, дзе ў першай пал. I тыс. сфарміравалася своеасаблівая культурная група з курганным пахавальным абрадам. Два апісаныя вышэй буйныя шляхі служылі асноўнымі крыніцамі паступлення ў лясную зону прадметаў з каляровага металу і шкла і, верагодна, былі звязаныя адзін з адным.

Ключавыя словы: культура пскоўскіх доўгіх курганоў; ранняе сярэднявечча; Усходняя Еўропа; транскантынентальныя шляхі.

CULTURE OF THE PSKOV LONG BARROWS AND THE SYSTEM OF ROUTES THROUGH THE FOREST ZONE OF EASTERN EUROPE

E. R. Mikhaylova

St. Petersburg University, 7–9 Universitetskaya Embankment,
199034, St. Petersburg, Russian Federation, e.mikhailova@spbu.ru

The reconstruction of the routes system through the forest zone of Eastern Europe is important for the study of the Pskov long barrows culture (PLBC), as the entire chronology of the culture is built on the basis of imports and derivatives. The most important is the route that from Roman times connected the Southern Baltic and the Oka river basin, mainly passing to the south of the PLBC territory. It resulted in the arrival of Central European and Baltic objects to the PLBC, probably through a number of intermediaries. Some of the relevant finds are concentrated around Lake Pskov, while the rest probably mark an overland route that stretched from the interfluve of the Dvina and Lovat' rivers through the middle reaches of the Pola river to the Upper Volga and onwards through the Msta basin to Chagodoscha river, the largest tributary of the Mologa. The second route, connecting the Baltic via Ladoga and Lake Beloye neighbourhood to the Kama basin, is usually reconstructed on the basis of the spread of the so-called Nevolino garniture, but it appeared much earlier. The PLBC sites do not contain direct evidence of connection with the Kama-Baltic route. However, it should be noted that if we continue the outlined general line from the Dvina to the Mologa, it will be directed just to Suda river, where in the first half of the 1st millennium a peculiar cultural group with barrow burial rites was formed. The two major routes described above were the main sources of non-ferrous metal and glass objects entering the forest zone and were probably linked to each other.

Keywords: Pskov long barrows culture; Early Middle Ages; Eastern Europe; transcontinental routes.

Реконструкция древних путей по археологическим данным – тема, давно разрабатываемая, но по-прежнему дискуссионная. Одной из наиболее сложных проблем является определение характера путей, отмеченных находками импортов. Часто распространение вещей рассматривается как непосредственное отражение миграций более или менее значительных коллективов, однако возможны и иные интерпретации археологических данных: передача предметов на далекие расстояния через многих посредников, воспроизведение определенных вещей мастерами других культурных традиций (с постепенным изменением вида предметов) и т. п. Для изучения культуры псковских длинных курганов (КПДК) (рис. 1) проблема изучения путей через лесную зону Восточной Европы имеет отдельное важное значение, так как при существующей источниковой базе хронология КПДК, а значит, и базирующиеся на ней культурно-исторические выводы, построена в первую очередь на основании импортных предметов (украшений и, в меньшей степени, оружия) и их дериватов. Уже картирование привозных украшений позволяет судить об основных направлениях культурных связей культуры длинных курганов и источниках ее формирования.

В настоящей работе мы рассмотрим не столько конкретные трассы древних путей (их реконструкция – тема отдельного углубленного исследования), сколько общие направления движения вещей в лесной зоне.

Наиболее важен для нашей темы путь, или, скорее, целая сеть сухопутных путей вдоль южной кромки лесной зоны, связывавших Южную Прибалтику и бассейн Оки не позднее, чем с римского времени. Сходство многих металлических изделий Волжского бассейна и Прибалтики (и шире – Центральной Европы), начиная с позднеримского периода, неоднократно отмечалось исследователями [см., напр., 1, с. 76–89; 2, p. 88–92; 3, с. 89; 4; и др. работы]. Параллели в морфологии и стилистике предметов столь очевидны, что позволяют предположить их генетическое родство (в большинстве случаев – отдаленное или опосредованное). По-видимому, между балтийскими и восточнофинскими территориями с древности существовали устойчивые взаимосвязи, происходившие в широтном направлении вдоль южной кромки лесной зоны и на ранних этапах не затрагивавшие напрямую более северные территории [5, с. 207–208; 6, с. 73–74]. Одним из наиболее ярких маркеров раннего движения вещей (или мастеров) в этой полосе в эпоху римского времени является распространение вещей с выемчатыми эмалями [7, с. 13–20; 8, с. 157–158; 9, с. 237–242; 10, passim; там же литература].

Для середины – третьей четверти I тыс. можно отметить сходство или параллельное распространение в обоих регионах большого количества самых разных предметов. Значительное их число относится к широко распространенным типам, но можно указать и параллели, сближающие именно Юго-Восточную Прибалтику и Окско-Волжский бассейн. В частности, для

Рис. 1. Территория Культуры псковских длинных курганов на карте Европы

обеих территорий характерно длительное использование железных топоров-кельтов [см., напр.: 11, 36: 17. tab.; 12, p. 112–113, žemėl. 63; 13, p. 137; 14, p. 123–125; 15, p. 59; 16, с. 98–99; 17, с. 52–54; 18, с. 358–360] и узколезвийных топоров с двумя парами щекавиц [12, p. 110, žemėl. 62: 2; 19, с. 78–81; 20, s. 170; 14, p. 125; 21, 111, 113 lp.; 16, с. 122; 22, с. 14, 17, рис. 10, *3*; 18, с. 365–367], некоторых типов браслетов и гривен. Очень показательно широкое распространение в обоих регионах разнообразных пластинчатых обойм и накладок, использовавшихся в различных предметах убора: наборных головных венчиках, накосниках, наборных поясах и др., а также в наборной конской узде. Набор металлических пластинчатых деталей в обоих регионах очень разнообразен – показательно, что он гораздо богаче, чем в расположенных севернее лесных районах, в том числе в КПДК, для которой металлические пластинчатые украшения стали важной частью погребального убора и этнографическим признаком [подробнее см.: 23, с. 55–74]. Отчет-

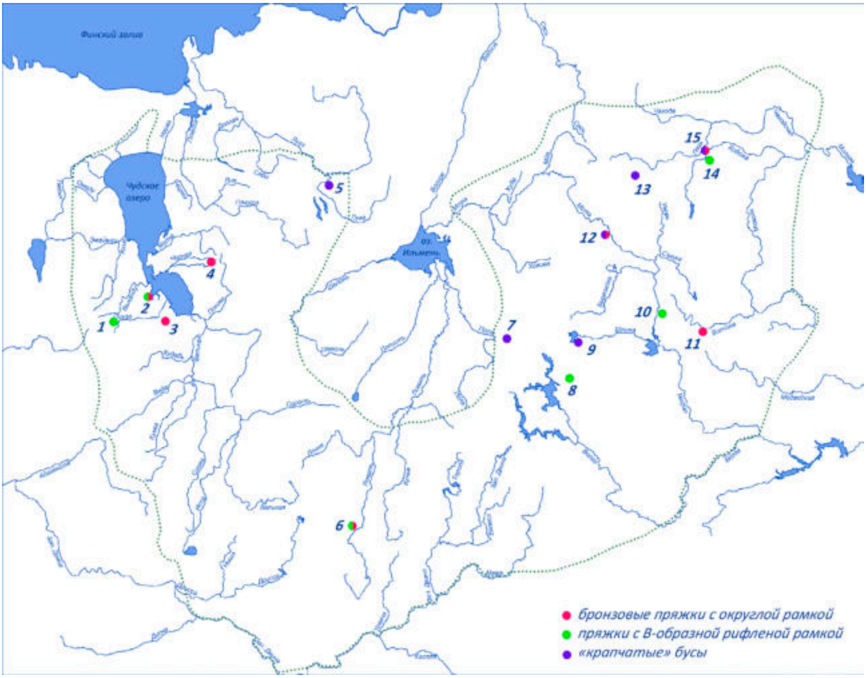


Рис. 2. Распространение ранних серийных находок в памятниках культуры псковских длинных курганов:

1 – Линдора; 2 – Рысна–Сааре II; 3 – Лезги; 4 – Городня; 5 – Мерево III; 6 – Полибино; 7 – Липицы; 8 – Гринино I; 9 – Яблонька III; 10 – Млевский Бор, Пуйга I; 11 – Шихино; 12 – Плесо, Потерпелицы I; 13 – Съезжее; 14 – Усть-Белая IV; 15 – Любахин I (таблица)

ливый параллелизм в уборе западных и восточных регионов продолжался и в более позднее время [см., напр., 24; 25], но этот сюжет уже выходит за рамки настоящего сообщения.

Территория культуры псковских длинных курганов расположена севернее предполагаемой системы широтных путей, но почти сразу оказалась связана с ними. Наиболее ранние узко датируемые находки из памятников культуры псковских длинных курганов (кон. V – пер. пол. VI в.), казалось бы, известны на всей территории формирующейся культуры [23, с. 222–225] (рис. 2). Однако при более детальном рассмотрении можно выделить вполне определенные закономерности.

Наиболее показательно распределение пряжек с В-образной рифленой рамкой и пряжек с округлой бронзовой рамкой и с хоботковидным язычком, а также крупных так наз. крапчатых бус. Эти предметы в бедной находками культуре псковских длинных курганов составляют достаточно предста-

вительные, на фоне других находок, серии, а также надежно датируются по внешним аналогиям. Пряжки с В-образной рифленой рамкой и пряжки с округлой бронзовой рамкой и с хоботковидным язычком с поперечным рифлением восходят к центральноевропейским прототипам, а так наз. крапчатые стеклянные бусины известны преимущественно в памятниках Центральной и Юго-Восточной Европы и Кавказа [26, с. 340–344].

Комплексы находок, нанесенные на карте (рис. 2)
[по: 23, с. 279 сл., там же указание на источники]

№ на карте	Комплекс	Состав находок
1	Линдора, курган 9, погр.	Железная пряжка с рифленой В-образной рамкой.
2/1	Рысна-Сааре II, курган 6, погр. 7	Две бронзовые пряжки с округлыми рамками (одна со щитком-обоймой), бронзовые бляшки-скорлупки, бронзовая умбоновидная бляшка, бронзовые орнаментированные обоймы и накладки.
2/2	Рысна-Сааре II, курган 9, погр. 1.	Бронзовая В-образная рифленая пряжка со щитком-обоймой.
3	Лезги, курган 6, грунт. погр.	Бронзовая пряжка с округлой орнаментированной рамкой и длинной трапециевидной обоймой, бронзовая бляшка-скорлупка, 3 разнотипные обоймы, обломок кольца из бронзовой проволоки, бронзовая спиралька.
4	Городня, курган 2, погр. 2	Бронзовая пряжка с округлой орнаментированной рамкой и щитком-обоймой, развалы двух лепных сосудов и миниатюрный сосудик.
5	Мерево III, курган 4, погр.	Парные бронзовые пластинчатые браслеты с продольным ребром, биконическое пряслице, стеклянные бусы (в т. ч. синие «крапчатые»), фрагмент бронзовой проволоки, орнаментированный костяной предмет.
6/1	Полибино, курган 2, погр. 1	Бронзовая пряжка с округлой орнаментированной рамкой и хоботковидным язычком.
6/2	Полибино, курган 21, погр. 1	Железная пряжка с В-образной рифленой рамкой, железные заклепки.
7	Липицы, курган 7, погр. 1	Фрагмент «крапчатой» бусины, три медные пряжки, 13 бляшек-скорлупок, трубочка-обоймица, спиралька.

№ на карте	Комплекс	Состав находок
8	Гринино I, курган 3, погр. 1	Железная пряжка с рифленой В-образной рамкой.
9	Яблонька III, курган 2, погр.	Синие «крапчатые» бусы, бронзовые бляшки-скорлупки, бронзовая полусферическая бляшка на заклепке.
10/1	Млевский Бор, курган 1, погр.	Бронзовая пряжка с В-образной рифленой рамкой, оплавленные синие бусы, фрагменты неопределимых бронзовых предметов.
10/2	Пуйга I, курган 20, погр. 2	Железная пряжка с почти В-образной рифленой рамкой, лепной сосуд.
11	Шихино, курган 25, погр. 1	Бронзовая пряжка с круглой рамкой и щитком-обоймой, бронзовые крестовидные бляшки, бронзовые обоймы и трубочка с продольной прорезью, железный долотовидный предмет, железный нож, железный скобель или скребница.
12/1	Плесо, селище VI	Находки «крапчатых» бус.
12/2	Потерпелицы I, курган 2, погр. 2	Находки: оплавленные бусы, в т.ч. «крапчатая».
12/3	Потерпелицы I, курган 5, погр.	Бронзовые пряжки с округлой рамкой (2 экз.), бронзовые бляшки-скорлупки, бронзовая умбоновидная бляшка, бронзовые бляшки и обоймица, бронзовые трубочки-обоймицы, кольцо из бронзовой проволоки.
12/4	Потерпелицы I, курган 6, погр. 4	Бронзовая пряжка с округлой рамкой и щитком-обоймой.
12/5	Потерпелицы I, курган 10, погр. 13	2 бронзовые пряжки с хоботковидными язычками (в т. ч. со щитком-обоймой), серебряные и бронзовые бляшки-скорлупки, железный нож, бронзовые обоймицы от ножен и рукояти ножа, бронзовая спиралька, оплавленные фрагменты бронзовых предметов.
13/1	Съезжее, «погребальная площадка», погр. 7.	Оплавленные бусы (в т. ч. «крапчатые»), оплавленный кусочек серебра, два баночных сосуда (урны).

№ на карте	Комплекс	Состав находок
13/2	Съезжее, «погребальная площадка», погр. 8.	Фрагмент бронзового браслета с расширяющимися концами, оплавленные бусы (в т.ч. «крапчатые»), тонкий железный стержень.
14	Усть-Белая IV, курган 6, погр.	Бронзовая пряжка с рифленой В-образной рамкой, каменный оселок, железная трубочка с продольной прорезью.
15/1	Любахин I, курган 1, погр. 2.	2 бронзовые прямоугольные бляшки-обоймицы, оплавленные стеклянные бусы, в т.ч. синяя «крапчатая».
15/2	Любахин I, курган 2, погр. 5.	Фрагмент бронзового браслета с расширяющимися концами, синие стеклянные бусы, железное шило, бронзовая пряжка с округлой рамкой и орнаментированным язычком, оплавленные обломки бронзовых предметов.

Распределение выбранных нами индикаторов на западе и востоке ареала территории КПДК, подчиняется, как кажется, разным закономерностям: в западной части ранние находки концентрируются вокруг Псковско-Чудского озера и в бассейне р. Луги – т. е. на территории, связанной с Юго-Восточной Прибалтикой непосредственно (об этом подробнее ниже).

Более восточные находки распределяются от Двинско-Ловатского междуречья на северо-восток через среднее течение Полы к Верхневолжью и далее, через бассейн Мсты к другой реке Волжского бассейна – Чагодоще, крупнейшему притоку Мологи (рис. 2). Намеченная линия от Ловати на северо-восток, с одной стороны, представляет собой ось всего восточного региона КПДК, с другой – может рассматриваться как северная окраина полосы сухопутных путей из Южной Прибалтики на Оку, проходящая по лесной глуши.

Двинско-Ловатское междуречье, от которого начинается намеченная линия, – очень важный для культуры псковских длинных курганов регион. Здесь территория культуры длинных курганов соприкасается с территорией распространения курганного обряда балтских культур, с которыми имеет много общих черт [подробнее см.: 27; 28]. Вдоль той же линии прослеживаются явственные изменения в погребальной обрядности псковских длинных курганов – от сложных по своей структуре насыпей со многими захоронениями на западе к более простым, но с большим количеством вещей в погребениях на востоке и северо-востоке территории КПДК [29].

Тот же путь освоения обширного лесного пространства от верховьев Западной Двины к Верхневолжью и Помостью недавно реконструировал Н. В. Лопатин, изучая наборы поздней лепной керамики Северо-Запада России [30, с. 60–61]. Отдельные отрезки предполагаемого пути совпадают с путями позднейших эпох (например, на участке от р. Полы до Селигерского озера – с летописным Селигерским путем), но это объясняется скорее географическими обстоятельствами.

Важно отметить также, что в Двинско-Ловатском междуречье сосредоточены памятники круга Заозерье – Узмень. Выделившие их как западнодвинский вариант киевской культурной общности Н. В. Лопатин и А. Г. Фурасьев предложили рассматривать Двинско-Ловатский регион как «связующий для всей территории Северо-Запада», откуда и произошло распространение культуры псковских длинных курганов на север и на восток. Исследователи выводят из керамических традиций круга Заозерье – Узмень все керамические наборы культуры длинных курганов [31, с. 92].

Далеко не все исследователи приняли выделение круга Заозерье – Узмень и его интерпертацию как варианта киевской культуры (культурно-исторической общности), тем более что и сами авторы концепции признают явную разнородность выделенного ими круга. Это группа довольно широко разбросанных по территории Подвинья и Верхнего Поднепровья памятников, объединенных практически только наличием расчесов на керамике. Они формируются в результате продвижения на север нескольких традиций (вариантов) киевской культуры, не обладают единым набором домостроительных приемов; не удалось выделить и специфичных черт домостроительства, погребального обряда, вещевого комплекса, которые выделяли бы памятники круга Заозерье – Узмень на общем фоне синхронных древностей лесной полосы [31, с. 49–51, 55, 70].

Не ясно, каков был и демографический потенциал носителей традиций Заозерье – Узмень [ср.: 32]. Трудно представить себе, что из сравнительно небольшого региона за короткий промежуток времени было заселено значительное пространство от Эстонии до Белого озера – скорее, определенные культурные черты активно воспринимались местным населением, памятники которого еще предстоит отыскать. Тем не менее, связь памятников круга Заозерье – Узмень с северо-западными древностями третьей четверти I тыс., как и их расположение в районе «южных ворот» территории КПДК, несомненны.

Западную часть территории культуры псковских длинных курганов следует рассматривать отдельно. Вещевой комплекс населения данной культуры в Причудье, Поплюсье и Полужье имеет свои особенности, отличающие его от других регионов. Так, здесь сосредоточены находки литой поясной гарнитуры, булавок, колоколовидных привесок; встречено относительно

большее, чем в других регионах, количество спиральных пронизок и бляшек-скорлупок. Здесь же естественным образом сосредоточены находки предметов, характерные для более западных, уже прибалтийских территорий – овальные каменные огнива, браслеты типа Володи, пельтовидные привески. Из выбранных нами индикаторов раннего этапа КПДК поясные пряжки сосредоточены вокруг Псковского озера, а крапчатые бусы найдены в могильнике Мерево III на берегу р. Луги. В контексте связей с прибалтийскими территориями здесь следует упомянуть и находки крапчатых бус в памятниках Северной Эстонии и на территории Петербурга [33, с. 357, сн. 31; 34, с. 375, рис. 3, *4*].

Анализ хронологии вещевых находок и погребальной обрядности позволяет утверждать, что самый западный микрорегион культуры псковских длинных курганов – Восточная Эстония – не входил в число наиболее ранних микрорегионов КПДК и, судя по всему, был освоен носителями этой культуры с восточной стороны Псковско-Чудского озера [23, с. 192–195; 35]. Заманчиво реконструировать еще один путь распространения культуры длинных курганов от Двинско-Ловатского междуречья на северо-запад вдоль по течению Великой, но недостаточная изученность памятников Повеличья не позволяет подтвердить или отвергнуть это предположение.

Следует подчеркнуть, что западные территории КПДК, хотя и отличались определенным своеобразием, все же не были изолированы или резко отличны от других регионов. Вещи прибалтийского происхождения редко, но поступали на восточные территории – так, пельтовидные привески с рубчатым краем, серийно представленные, пожалуй, только в КПДК и в ольштынских памятниках Северо-Восточной Польши, отдельными экземплярами встречаются и в бассейне Волги: на памятниках типа Подол, некоторых позднедьяковских памятниках и, наконец, в Елшинском кладе в Рязанской области [36; 37].

Сквозь восточную окраину Северо-Запада России проходил путь, соединявший Балтику с Прикамьем. Он реконструируется в первую очередь по находкам деталей так наз. неволинских поясов – разновидности поясных гарнитур геральдического стиля, характерной для Прикамья (более всего – для бассейна р. Сылвы), где бытовала с конца VII в. до рубежа VIII–IX вв. и использовалась в женских поясах. Ее распространение за пределами Прикамья достаточно хорошо изучено, наиболее многочисленны находки неволинских накладок и целых поясов на Оке и в Восточной Балтике [38, с. 178–180, рис. 41, там же литература].

На территории российского Северо-Запада выделяется скопление неволинских находок совместно с некоторыми другими прикамскими и раннеболгарскими вещами в бассейне притока Шексны р. Андоги на территории нынешней Вологодской области [39, с. 300–302, 304, рис. 2]. Примечатель-

но, что на территории Юго-Западного Белозерья, где протекает р. Андога и несколько западнее нее р. Суда известны и более ранние, чем VII–VIII вв. импорты, в том числе с территории Прикамья, а также находки вещей с выемчатыми эмалями [40, с. 9–18]. Судя по тому, что находки неволинской гарнитуры известны в Финляндии, Швеции и в Северо-Восточной Эстонии [41, с. 144, рис. 36, *4*; 42, S. 83, Abb. 583–595; 43, с. 36–37; 44, p. 46], за Белозерьем путь, по которому продвигались неволинские пояса, должен был выходить в Балтику, скорее всего, через Ладожское озеро. К предполагаемому участку перехода из Волжского бассейна в Балтийский и приурочены перечисленные выше находки из Юго-Западного Белозерья.

Памятники КПДК не содержат непосредственных свидетельств связи с камско-балтийским путем, но можно предположить связь этого пути с рассмотренным выше. Если мы продолжим намеченную выше общую линию движения от Двины к верхним притокам Мологи, она направится как раз к Суде и Шексне, где в первой пол. I тыс. сформировалась своеобразная культурная группа с курганным погребальным обрядом и отложились предметы дальнего импорта. Два описанных выше крупных пути – широтный сквозь лесную зону и почти меридиональный вверх по Волге и ее притокам – возникли очень рано, еще в римское время, а в эпоху средневековья служили основными источниками поступления в лесную зону предметов из цветного металла и стекла и, возможно, были увязаны друг с другом.

Библиографические ссылки

1. *Бажан И. А., Васкул И. О.* О связях населения лесной полосы Восточной Европы с Прибалтикой в первой половине I тысячелетия н. э. // Памятники эпохи камня и металла Северного Приуралья (Материалы по археологии Европейского Северо-Востока. Вып. 11). Сыктывкар, 1988. С. 76–89.

2. *Kazanski M.* «Les arctoi gentes» et «l'empire» d'Hermanaric. Commentaire archéologique d'une source écrite // Germania. 1992. № 70 (1). P. 75–121.

3. *Гавритухин И. О., Воронцов А. М.* Фибулы верхнеокско-донского водораздела: двучленные прогнутые подвязные фибулы // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Вып. 1. Тула, 2008. С. 28–89.

4. *Ахмедов И. Р.* Некоторые индикаторы культурных взаимодействий в древностях рязано-окских финнов второй половины V – начала VI в. // Раннеславянский мир. Вып. 15. Проблемы взаимодействия населения Восточной Европы в эпоху Великого переселения народов. Москва, 2014. С. 138–177.

5. *Михайлова Е. Р.* Фибула редкого типа из могильника Никольское XVII на реке Суде // Stratum Plus. 2021. № 4. С. 203–210.

6. *Михайлова Е. Р.* «Смоленские» находки на Северо-Западе Русской равнины: к изучению формирования древнерусской культуры // Археология Владимиро-Суздальской земли. Материалы научного семинара. Вып. 12. Москва, 2022. С. 66–79.

7. *Корзухина Г. Ф.* Предметы убора с выемчатыми эмалями V – первой половины VI в. н. э. в Среднем Поднепровье. Ленинград: Наука, 1978. 123 с. (САИ. Вып. Е1-43).

8. *Ахмедов И. Р.* Находки круга восточноевропейских эмалей на Волге и Оке // Раннеславянский мир. Вып. 18. Брянский клад украшений с выемчатой эмалью восточноевропейского стиля (III в. н. э.). Москва–Вологда, 2018. С. 146–158.

9. *Обломский А. М.* Проблемы изучения кладов украшений с эмалями в Поднепровье и Подонье // Раннеславянский мир. Вып. 18. Брянский клад украшений с выемчатой эмалью восточноевропейского стиля (III в. н. э.). Москва–Вологда, 2018. С. 237–253.

10. *Радюш О.* Новые данные о распространении вещей круга выемчатых эмалей в верхнем течении Днепра, Немана, Западного Буга, Западной Двины, Ловати на территории Беларуси и России (материалы к каталогу) // Экспедыцыя працягласцю ў жыццё: зборнік навуковых артыкулаў памяці Аляксандра Плавінскага. Мінск, 2021. С. 59–106.

11. Latvijas PSR arheoloģija. Rīga: Zinātne, 1974. 368 lpp., tab.

12. Lietuvos TSR archeologijos atlasas. [Kn.] 4. I–XIII a. radiniai. Vilnius: Mokslas, 1978. 160 p.

13. Žiemgaliai. Baltų archeologijos paroda: Katalogas. The Semigallians. Baltic Archaeological Exibition: catalogue. Vilnius: LVM, Lietuvas nacionālais muzejs, 2005. 240 p.

14. *Tvauri A.* The Migration period, Pre-viking age and Viking age in Estonia. Tartu: University of Tartu Press, 2012. 384 p. (Estonian archaeology, 4).

15. *Oras E., Kriiska A.* The Kohtla weapon deposit: preliminary results // Archaeological fieldwork in Estonia. 2013. Tartu, 2014. P. 55–66.

16. *Леонтьев А. Е.* Археология мери: К предыстории Северо-Восточной Руси. Москва: Геоэко, 1994. 340 с. (Археология эпохи великого переселения народов и раннего средневековья. Вып. 4).

17. *Белорыбкин Г. Н.* Западное Поволжье в средние века. Пенза: Издательство Пензенского государственного педагогического университета, 2003. 200 с.

18. *Бейлекчи Вал. В.* Топоры муромы // КСИА. 2017. Вып. 247. С. 355–371.

19. *Казакявичюс В.* Оружие балтских племен II–VIII веков на территории Литвы. Вильнюс: Мокслас, 1988. 160 с.

20. *Malonaitis A.* Schmaläxte mit Nacken in Litauen // Archaeologia Baltica. 2002. 5. S. 163–183.

21. *Atgāzis M.* Tuvcīņas ieroči Latvijā 10. –13. gadsimtā. Rīga: Latvijas vēstures institūta apgāds, 2019. 256 lpp.

22. *Ахмедов И. Р., Воронцов А. М.* Узколезвийные проушные топоры римского времени и эпохи переселения народов с территории Верхнего и Среднего Поочья // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Конфренция 3: Сб. статей. Тула, 2012. С. 9–54.

23. *Михайлова Е. Р.* Вещевой комплекс культуры псковских длинных курганов: типология и хронология. Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishimg, 2014. 427 с.

24. *Рябцева С. С.* «Близнецы» или «двойники»? О сходстве и отличии «волынских» и «прикамских» серег // Stratum plus. 1999. № 5. С. 338–356.

25. *Михайлова Е. Р.* Лунничные височные кольца: восточноевропейский контекст ладожских находок // Ладожские чтения. История, археология, искусство. Вып. 1. Старая Ладога, 2022. С. 76–81.

26. *Мастыкова А. В., Плохов А. В.* Датировка и происхождение стеклянных бус из могильника у оз. Съезжее // Диалог культур и народов средневековой Европы. К 60-летию со дня рождения Е. Н. Носова. Санкт-Петербург, 2010. С. 337–357.

27. *Михайлова Е. Р.* «Балтский след» в культуре псковских длинных курганов? // Этнокультурные процессы на территории Беларуси в I – начале II тысячелетия нашей эры. Минск, 2018. С. 173–184.

28. *Шадыро В. И.* Локальные изменения в материальной культуре населения белорусского Подвинья в эпоху великого переселения народов // Древняя история Восточной Европы. Сборник научных статей, посвященных 80-летию профессора Э. М. Загорульского. Минск, 2009. С. 112–125.

29. *Михайлова Е. Р.* К характеристике погребальной обрядности культуры псковских длинных курганов // Археология и история Пскова и Псковской земли. Вып. 29. Москва–Псков–Санкт-Петербург, 2014. С. 323–328.

30. *Лопатин Н. В.* О происхождении форм поздней лепной керамики Северо-Запада России // Российская археология. 2022. № 3. С. 52–65.

31. *Лопатин Н. В., Фурасьев А. Г.* Северные рубежи раннеславянского мира в III–V вв. н. э. Москва: ИА РАН, 2007. 252 с. (Раннеславянский мир. Вып. 8).

32. *Конецкий В. Я.* К вопросу о формировании культуры длинных курганов // Новгород и Новгородская земля: история и археология. Вып. 11. Новгород, 1997. С. 213–225.

33. *Носов Е. Н., Плохов А. В.* Поселение и могильник на озере Съезжее // Раннеславянский мир. Вып. 17. Раннесредневековые древности лесной зоны Восточной Европы (V–VII вв.). Москва, 2016. С. 349–394.

34. *Сорокин П. Е., Короткевич Б. С., Гукин В. Д.* Находки эпохи бронзы – раннего средневековья на Охтинском мысу // Европейская Сарматия. По материалам конференции, проведенной в рамках XIV чтений памяти Анны Мачинской. Санкт-Петербург, 2011. С. 368–382.

35. *Михайлова Е. Р.* Культура длинных курганов в Юго-Восточной Эстонии: общие черты и региональные особенности // Ajast ja ruumist. Uurimusi Mare Auna auks / Koostanud ja toimetanud Ülle Tamla ja Valter Lang. (Muinasaja teadus, 25). Tallinn, 2014. Lk. 211–229.

36. *Михайлова Е. Р., Стасюк И. В., Хорошилова А. В.* Комплекс случайных находок у д. Орлино // Археологические Вести. 2019. Том 25. С. 137–146.

37. *Михайлова Е. Р.* Пельтовидные привески с рубчатым краем в лесной зоне Восточной Европы (в печати).

38. *Голдина Е. В., Голдина Р. Д.* «Дальний импорт» Прикамья – своеобразное проявление процессов взаимодействия народов Евразии (VIII в. до н. э. – IX в. н. э.) // Голдина Е. В. Бусы могильников неволинской культуры (конец IV – IX в.). Ижевск, 2010. С. 156–247.

39. *Кудряшов А. В.* Белозерская весь: современный взгляд // Русь в IX–XII веках: общество, государство, культура. Москва, 2014. С. 299–311.

40. *Башенькин А. Н.* Культурно-исторические процессы в Молого-Шекснинском междуречье в конце I тыс. до н. э. – I тыс. н. э. // Проблемы истории Северо-Запада Руси (Славяно-русские древности. Вып. 3). Санкт-Петербург, 1995. С. 3–29.

41. *Шмидехельм М. Х.* Археологические памятники периода разложения родового строя на северо-востоке Эстонии (V в. до н. э. – V в. н. э.). Таллин: Эстгосиздат, 1955. 271 с.

42. *Kivikoski E.* Die Eisenzeit Finnlands. Bildwerk und Text. Neuausgabe. Helsinki: SMY, 1973. 250 s.

43. *Мейнандер К. Ф.* Биармы // Финно-угры и славяне. Доклады первого советско-финляндского симпозиума по вопросам археологии 15–17 ноября 1976 г. Ленинград, 1979. С. 35–40.

44. *Ljungkvist J.* Continental imports to Scandinavia. Patterns and changes between AD 400 and 800 // Foreigners in Early Medieval Europe: Thirteen International Studies on Early Medieval Mobility (Monographien des Römisch-Germanischen Zentralmuseums. Band 78). Mainz, 2009. P. 27–50.

БРАСЛЕТ С УТОЛЩЕННЫМИ КОНЦАМИ, ВЫЯВЛЕННЫЙ НА СЕЛИЩЕ РЕЧКИ-2 ВИЛЕЙСКОГО РАЙОНА МИНСКОЙ ОБЛАСТИ В 2020 ГОДУ

А. А. Никитко

Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Республика Беларусь, nikitkoanastasia@mail.ru

В работе рассматривается браслет, который был найден во время раскопок селища Речки-2 Вилейского района Минской области в 2020 году. Данный памятник содержит материалы банцеровской культуры и культуры смоленско-полоцких длинных курганов. Рассматриваемый предмет был выявлен в заполнении жилища. Браслет представляет собой изделие из сплава цветных металлов, на его концах присутствует геометрический орнамент. Браслеты данного типа широко известны на территории Восточной Европы и датируются V–VII вв.

Ключевые слова: браслет с утолщенными концами; эпоха Великого переселения народов; банцеровская культура; Восточная Европа.

БРАНЗАЛЕТ З ПАТОЎШЧАНЫМІ КАНЦАМІ, ВЫЯЎЛЕНЫ НА СЕЛІШЧЫ РЭЧКІ-2 ВІЛЕЙСКАГА РАЁНА МІНСКАЙ ВОБЛАСЦІ Ў 2020 ГОДЗЕ

А. А. Нікітка

Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4,
220030, г. Мінск, Рэспубліка Беларусь, nikitkoanastasia@mail.ru

У працы разглядаецца бранзалет, які быў знойдзены падчас раскопак селішча Рэчкі-2 Вілейскага раёна Мінскай вобласці ў 2020 годзе. Гэты помнік змяшчае матэрыялы банцараўскай культуры і культуры смаленска-полацкіх доўгіх курганоў. Разглядаемы прадмет быў выяўлены ў запаўненні жытла. Бранзалет уяўляе сабой выраб са сплаву каляровых металаў, на яго канцах прысутнічае геаметрычны арнамент. Бранзалеты дадзенага тыпу шырока вядомыя на тэрыторыі Усходняй Еўропы і датуюцца V–VII стст.

Ключавыя словы: бранзалет з патоўшчанымі канцамі; эпоха Вялікага перасялення народаў; банцараўская культура; Усходняя Еўропа.

THE BRACELET WITH THICKENED ENDS FOUND IN THE RECHKI-2 SETTLEMENT, VILEIKA DISTRICT, MINSK REGION IN 2020

A. A. Nikitko

Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4,
220030, Minsk, Republic of Belarus, nikitkoanastasia@mail.ru

The paper considers the bracelet that was found during excavations of the Rechki-2 settlement in the Vileika district of the Minsk region in 2020. This monument contains materials from the Bantserovshchyna culture and the Smolensk-Polotsk long barrow culture. The item in question was found in the filling of the dwelling. The bracelet is a product made of non-ferrous metal alloy, has a geometric ornament at its ends. Bracelets of this type are widely known in Eastern Europe and date back to the 5th–7th centuries.

Keywords: bracelet with thickened ends; the Great Migration Period; Bantserovshchyna culture; Eastern Europe.

Рассматриваемый браслет (рис.) представляет собой изделие из сплава цветных металлов, на его концах присутствует геометрический орнамент. Браслеты данной формы широко известны на территории Восточной Европы. Довольно подробно они рассмотрены в работах Михайловой Е. Р., Корзухиной Г. Ф., Шмидельхельм М. Х. [1, с. 105; 2, с. 34; 3, с. 533–536; 4, с. 134]. Однако, несмотря на уже имеющийся материал, остаётся много вопросов относительно их использования среди культур Восточной Европы в эпоху Великого переселения народов и отличий в изготовлении.

Селище Речки-2, исследованное в 2020 году Курлович П. С.[1], расположено к юго-востоку от городища Замковая гора [5, с. 7]. Размеры площадки сотавляют примерно 60 х 40 м. Край поселения с западной стороны примыкает к городищу, а с восточной стороны к полю. По остальным сторонам селища находятся овраги. Дневная поверхность памятника заросшая лесом, повреждена ямами черных копателей, а также безформенными углублениями, природа которых до конца не выяснена [6, с. 70].

Для проведения исследований на территории селища в 2020 году был заложен раскоп 1 размерами 10 х 6 м. Площадь раскопа была разделена на 15 квадратов размером 2 х 2 м. Дневная поверхность понижается с востока на запад примерно на 70 см. Мощность культурного слоя составляла от 30 до 130 см. Раскопки памятника проводились условными пластами по 10 см, за исключением первого слоя, который снимался на 20 см [5, с. 7].

На уровне материка в культурном слое 8 пласта в квадратах 3–5, 8–10, 15 был выявлен объект, который был интерпретирован как жилище (полуземлянка срубной конструкции). Слой представлен темно-серой супесью, которая ближе к материку переходит в бурую супесь, сильно насыщенную углем. В квадрате 5 на уровне 10 пласта, в котором был найден рассматриваемый браслет, встречаются камни и участки глины, которые были интерпретированы как остатки сильно разрушенной печи-каменки [5, с. 11].

Изделие представляет собой браслет из круглого в сечении бронзового стержня, отлитый с утолщенными овальными концами. Присутствует деформация в виде незначительной приплюснутости в районе верхей

[1] Автор статьи выражает искреннюю благодарность Курлович П. С. за предоставление возможности публикации материалов раскопок.

Браслет с утолщенными концами с селища Речки-2.

Фото и рисунок автора

части стержня с двух сторон. Толщина внешнего диаметра браслета – 68,5 мм, толщина внутреннего диаметра – 61 мм. Толщина дрота – 5 мм. Браслет орнаментирован пересекающимися между собой насечками, представляющими собой геометрический орнамент с внешней стороны утолщенных концов. Концы браслета не соединены: больший имеет сечение 7,4 х 6,2 мм, менший – 6,8 х 6 мм. Присутствуют следы корозии, а также патина, которая местами утрачена.

Подобные по форме браслеты достаточно часто встречаются на территории Беларуси. Некоторые из них были найдены при раскопках на территории Витебской области у д. Зароново, д. Старое Село, д. Мазолово, д. Лукомль [7, с. 17], а также на территории Могилевской области у д. Староселье и на городище Никодимово [8, с. 237].

Браслеты с утолщенными концами широко распространены в Восточной Европе. При этом стоит отметить, что подобные украшения на разных территориях имели определенные особенности. Так, например, на территории современной Украины, браслеты из круглого в сечении серебряного стержня, отлитые с расширяющимися концами с 4–5 поперечными глубокими резными линиями, найдены при раскопках у д. Таврия, д. Скибинцы, д. Зимно [9, с. 103; 7; 10].

У остготов существовали браслеты с насечками по всей окружности утолщенных концов. На территории Крыма у д. Лучистое подобные изделия происходят из погребений конца VI–VII в. Экземпляр с резко расширяющимися почти овальными в сечении концами, украшенными геометрическим орнаментом [11, с. 196], а также браслет с пересекающимися косыми двойными линиями, происходят с поселения V–VII вв. Воробьевка-2 на Днепровском Левобережье [11, с. 196]. Подобные изделия были найдены у д. Великие Будки и д. Шестовщина [12, с. 40].

Широко встречаются находки подобных по форме и близких по орнаменту браслетов и на территории современной России. К примеру, были обнаружены круглые изделия с утолщенными концами, в том числе несколько экземпляров, изготовленных из серебра с золотой плакировкой, во время раскопок погребения № 21 Шатрищенского могильника в Рязани [13, с. 146]. Также известна находка браслетов с утолщенными гладкими концами и округлыми по сечению корпуса и концов из клада у д. Колосково. Такие браслеты датируются VII веком [14, с. 365].

Михайлова Е. Р. выделяет 2 группы браслетов в ареале культуры псковских длинных курганов. Первую составляют всего два фрагментированных изделия, орнаментированные бороздками вокруг круглых в сечении концов [3, с. 534]. Другую, более многочисленную группу составляют браслеты с утолщенными концами, украшенными геометрическим орнаментом. Основные элементы орнамента – двойные врезные линии, вертикальные или наклонные, часто образующие косые кресты [3, с. 534].

Соответствующие по форме и орнаменту рассматриваемому изделию два бронзовых браслета с круглыми в сечении концами, орнаментированными врезными двойными линиями, найдены на дьяковском Успенском городище на территории России. Розенфельдт И. Г. сопоставила эти браслеты с находками из Прибалтики и финских могильников Волго-Окского междуречья и, опираясь на датировки Амброза А. К. и Краснова Ю. А., отнесла их к V–VII вв. [13, с. 152]. Браслеты с литым и гравированным геометрическим орнаментом выделены на памятниках у д. Обрыни Новгородской области [3, с. 535, рис. 3, *2*] и у д. Репьи Ленинградской области [1, с. 105, рис. 2, *20*; 6, с. 535, рис. 3, *3*]. Датируются эти изделия от 450–480 гг. до до 670/680 гг.

Браслет с утолщенными овальными в сечении концами и геометрическим орнаментом найден в краевой насыпи могильника с оградками Кохтла-Ярве I на территории Эстонии [4, с. 134, рис. 32, *8*]. Еще один бронзовый браслет с утолщенными концами, украшенными группами вертикальных и пересекающихся косых линий, происходит из литовского могильника Пашушвис [15, с. 83]. На территории Польши был выявлен браслет с утолщенными концами с городища Шелиги, которое просуществовало до начала VII в. [3, с. 534].

Таким образом, браслет с утолщенными концами, украшеный геометрическим орнаментом и выявленный на селище Речки-2, отнесится к древностям эпохи Великого переселения народов. Наиболее близкими по форме и орнаменту являются несколько экземпляров браслетов: браслет с утолщенными концами, украшенный геометрическим орнаментом из д. Обрыни Новгородской области, который относится по Михайловой Е. Р. ко второму типу и датируется VI–VII вв. [3, с. 534–535, рис. 3, *2*] и браслет с утолщенными концами из памятника Кохтла-Ярве I на территории Эстонии, который относится к V–VI вв. [15, с. 134, рис. 32, *8*]. В настоящее время, на примере аналогий с вышеупомянутых памятников можно отметить, что экземпляр с памятника Речки-2 может датироваться в пределах V–VII вв.

Библиографические ссылки

1. *Михайлова Е. Р.* Два локальных типа раннесредневековых украшений, или о значении неброских находок // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2019. № 2. С. 101–108.

2. Корзухина Г. Ф. Предметы убора с выемчатыми эмалями V – первой половины VI в. н. э. в Среднем Поднепровье // Археология СССР. Свод археологических источников. Ленинград: ИА АН СССР, «Наука», 1978. 125 с. (САИ. Вып. Е1-43).

3. *Михайлова Е. Р.* Хронология и периодизация вещевого комплекса культуры псковских длинных курганов // Петербургский апокриф. Послание от Марка. Санкт-Петербург–Кишенев, 2011. С. 527–554.

4. *Шмидехельм М. Х.* Археологические памятники периода разложения родового строя на северо-востоке Эстонии (V в. до н. э. – V в. н. э.). Таллин: Эстонское государственное издательство, 1955. 289 с.

5. *Курловіч П. С.* Навуковая справаздача аб правядзенні археалагічных раскопак гарадзішча і селішча каля вёскі Рэчкі Вілейскага раёна Мінскай вобласці ў 2020 г. // ЦНА НАН Беларуси. ФАНД. № Б/н.

6. *Курловіч П. С., Зыль А. В.* Першыя вынікі даследаванняў на гарадзішчы I тыс. н. э. «Замкавая гара» каля в. Рэчкі Вілейскага раёна ў 2019–2021 гг. // Беларускае Падзвінне: вопыт, методыка і вынікі палявых даследаванняў. Наваполацк, 2023. С. 70–76.

7. *Бубенько Т. С.* Витебское Подвинье в период провинциальноримских влияний и в эпоху Великого переселения народов // Ученые записки УО «ВГУ имени П. М. Машерова»: сборник научных трудов. Витебск, 2021. С. 10–22.

8. Родинкова В. Е., Седин А. А. Браслеты Никодимовского городища // Восточная Европа с Среденевековье. К 80-летию Валентина Васильевича Седова. Москва, 2004. С. 234–246.

9. *Хайрединова А. Э.* Женский костюм с Южнокрымскими орлиноголовыми пряжками // МАИЭТ. 2000. Вып. VII. С. 91–133.

10. *Березовецъ Д. Т.* Харівський скарб // Археологія. 1952. Т. VI. С. 109–119.

11. *Белоцерковская И. В.* Инвентарь женских погребений // Восточная Европа в середине I тысячелетия н. э. (Раннеславянский мир. Вып. 9). Москва, 2007. С. 186–212.

12. *Горюнов Е. А.* Ранние этапы истории славян Днепровского Левобережья. Ленинград: Наука, 1981. 134 с.

13. *Ахмедов И. Р.* Инвентарь мужских погребений // Восточная Европа в середине I тысячелетия н. э. (Раннеславянский мир. Вып. 9). Москва, 2007. С. 137–185.

14. *Родинкова В. Е.* Система женского раннесредневекового убора Среднего Поднепровья (ретроспективный анализ) // Восточная Европа в середине I тысячелетия н. э. (Раннеславянский мир. Вып. 9). Москва, 2007. С. 358–388.

15. *Шмидт Е. А.* Верхнее Поднепровье и Подвинье в III–VII вв. н. э. Тушемлинская культура. Смоленск: б. и., 2003. 295 с.

МАТЕРИАЛЫ ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА И ЭПОХИ ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ ИЗ РАСКОПОК Ф. В. ПОКРОВСКОГО В ФОНДАХ ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ

И. Ф. Образцов[1], Н. А. Биркина[2]

[1] Институт Археологии Российской академии наук, ул. Дмитрия Ульянова, д. 19, 117292, г. Москва, Российская Федерация, byrnieyma3@gmail.com
[2] Государственный исторический музей,Красная площадь, д. 1, 109012, г. Москва, Российская Федерация, dulebova_natalya@mail.ru

В статье публикуются материалы, происходящие из раскопок Ф. В. Покровского в Виленской губернии и поступившие в фонды Исторического музея. В ходе работы удалось восстановить комплексы предметов и провести атрибуцию на современном уровне. В научный оборот вводятся все вещи, переданные в сектор раннего железного века и эпохи Великого переселения народов Государственного исторического музея (ГИМ), происходящие с двух городищ и одного курганного могильника.

Ключевые слова: культура поздней штрихованной керамики; культура восточнолитовских курганов; могильник; городище; музейная коллекция.

МАТЭРЫЯЛЫ ЖАЛЕЗНАГА ВЕКУ І ЭПОХІ ВЯЛІКАГА ПЕРАСЯЛЕННЯ НАРОДАЎ З РАСКОПАК Ф. В. ПАКРОЎСКАГА Ў ФОНДАХ ДЗЯРЖАЎНАГА ГІСТАРЫЧНАГА МУЗЕЯ

І. Ф. Абразцоў[1], Н. А. Біркіна[2]

[1] Інстытут археалогіі Расійскай акадэміі навук, вул. Дзмітрыя Ульянава, д. 19, 117292, г. Масква, Расійская Федэрацыя, byrnieyma3@gmail.com
[2] Дзяржаўны гістарычны музей, Чырвоная плошча, д. 1, 109012, г. Масква, Расійская Федэрацыя, dulebova_natalya@mail.ru

У артыкуле публікуюцца матэрыялы з раскопак Ф. В. Пакроўскага ў Віленскай губерніі, якія паступілі ў фонды Гістарычнага музея. У выніку працы ўдалося аднавіць комплексы знаходак і правесці іх атрыбуцыю на сучасным узроўні. У навуковы абарот уводзяцца ўсе рэчы, перададзеныя ў сектар ранняга жалезнага веку і эпохі Вялікага перасялення народаў Дзяржаўнага гістарычнага музея (ДГМ), якія паходзяць з двух гарадзішчаў і аднаго курганнага могільніка.

Ключавыя словы: культура позняй штрыхаванай керамікі; культура ўсходнелітоўскіх курганоў; могільнік; гарадзішча; музейная калекцыя.

MATERIALS FROM THE IRON AGE AND THE MIGRATION PERIOD FROM THE EXCAVATIONS OF F. V. POKROVSKY IN THE COLLECTIONS OF THE STATE HISTORICAL MUSEUM

I. F. Obraztsov[1)], N. A. Birkina[2)]

[1)] Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Dmitry Ulyanov, str., 19, 117292, Moscow, Russian Federation, byrnieyma3@gmail.com
[2)] State Historical Museum, Red Square, 1, 109012, Moscow, Russian Federation, dulebova_natalya@mail.ru

The article publishes materials originating from the excavations of F. V. Pokrovsky in the Vilna Governorate, which were transferred to the collections of the Historical Museum. During the research, it was possible to reconstruct artifact complexes and conduct attribution in accordance with modern scholarly standards. All items from two fortified settlements and one barrow cemetery, transferred to the Department of the Early Iron Age and Great Migration Period of the State Historical Museum (SHM), are introduced into academic circulation.

Keywords: Late Hatched Pottery culture; East Lithuanian Barrow culture; cemetery; hillfort; museum collection.

В фондах Государственного исторического музея (ГИМ) в Москве хранится коллекция предметов, переданная Ф. В. Покровским. Всего в состав коллекции входят 896 предметов, внесенных в 16 описей, поступившие материалы были разделены между двумя секторами. Значительная часть была передана в сектор В (средневековой археологии) отдела археологических памятников, остальные предметы поступили в сектор Б (археология раннего железного века и эпохи Великого переселения народов). Именно этой части посвящена данная публикация. Большинство предметов происходят из погребений, а именно из курганных могильников, расположенных преимущественно в Свенцинском уезде. Коллекции неоднородны в хронологическом и культурном отношении, в них присутствуют вещи, относящиеся и к римскому времени, и к развитому средневековью.

Стоит отметить, что коллекция из раскопок Ф. В. Покровского была получена музеем в несколько этапов. Первым была передача из Императорской Археологической комиссии (ИАК). В 1895 и 1896 гг. она передала в Императорский Российский Исторический Музей коллекцию предметов из Виленской губернии из раскопок директора Виленского музея Ф. В. Покровского. Эти вещи получили учетные номера ГИМ 32743–32749, 33104 и в 1895 г. были внесены соответствующие записи в Главную инвентарную книгу музея. В учетных документах ГИМ, а также в письме от ИАК значится, что работы были произведены Ф. В. Покровским в 1894 году. Некоторые из предметов, поступивших в дальнейшем в музей, были представлены автором раскопок на IX Археологическом съезде, проходившем в Вильне в

1893 г., материалы которого были опубликованы в 1897 г. [1, с. 138–197]. В самой статье Ф. В. Покровский описывает, что работы были проведены и в 1893, и в 1894 гг. Возможно, некоторые из материалов были получены автором годом ранее.

Другая часть коллекции была передана из Московского Археологического общества (МАО), эти предметы были записаны в Губернский исполнительный комитет (ГИК) только в 1908 г. и получили учетный номер ГИМ 44722.

В этой работе публикуются материалы, происходящие из одного курганного могильника (Желядь) и двух поселенческих памятников (Богуцишский и Орфянский пилькальнис). Они не связаны между собой и относятся к разным археологическим культурам. Стоит отметить, что материалы из курганного могильника поступили в музей из МАО, а не ИАК.

В археологической карте, опубликованной в 1893 г., Ф. В. Покровский сообщает о могильнике «Желядзь», расположенном в Александровской вол., Свенцянскаго у. Он пишет, что на земле помещика Пашкевича находится до 100 курганов. Однако при их раскопках была найдена только подкова и бутылка, что стало основанием для отнесения их к 1812 г. Еще 20 курганов расположены в том же месте, но близ д. Пильвины [2, с. 46]. Других указаний на могильник в этой публикации нет. В учетной документации ГИМ могильник Желядь также отнесен к Виленской губ., Свенцянскому уезду, именно из этого региона происходит большинство предметов, поступивших в музей. В дальнейших публикациях и упоминаниях этого памятника исследователи локализуют его в Мядельском районе на р. Струна у д. Струня (Strunia). С высокой долей вероятности можно предполагать, что несмотря на разницу в административном адресе это один и тот же памятник.

В публикации 1899 г. Ф. В. Покровский дает полные сведения о раскопках курганного могильника Желядь в 1895 г. В самом начале исследователь указывает координаты памятника [3, с. 132], которые полностью совпадают с координатами, данными в археологической карте 1873 г. [2, с. 46]. Однако он не упоминает про сотни курганов, а указывает, что памятник практически уничтожен, а в ходе работ были исследованы только 12 сохранившихся насыпей [2, с. 132–136]. В публикации дается полное описание состава погребального комплекса и конструкций, именно это позволило соотнести предметы, хранящиеся в фондах музея, с конкретными курганами.

Погребальные сооружения относятся к культуре восточнолитовских курганов [4, с. 58–59]. Все исследованные погребения были совершены по обряду кремации, у некоторых из них сохранились конструктивные элементы из камня.

Характеристика находок.

Фибулы (рис. 1, *1, 2, 5, 6*; 2, *1*).

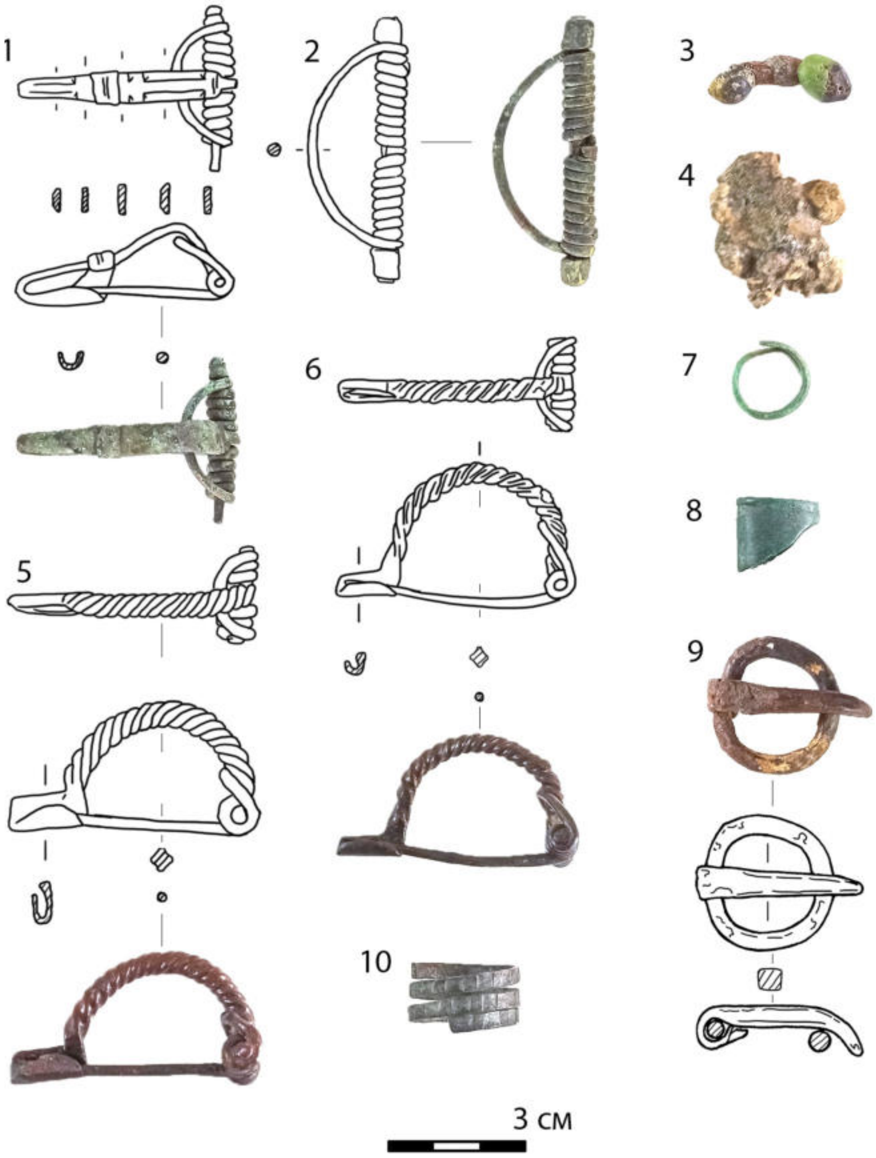


Рис. 1. Предметы из курганного могильника Желядь

Из кургана 1 происходит фибула «римского типа» в двух фрагментах [3, с. 133], в фонд была передана только пружина (Б 1350/1) (рис. 1, *2*) от прогнутой подвязной фибулы. Целая фибула, относящаяся к тому же типу (Б 1350/2) (рис. 1, *1*) происходит из кургана 3, там же был обнаружен «слиточек стеклянных бус» (Б 1350/7) (рис. 1, *3*).

Фибула отличается широкой спинкой и пластинчатым креплением приемника, имитирующим подвязную конструкцию, что исследователи древностей позднеримской эпохи рассматривают как поздние признаки. Фибула близка к варианту БЗ черняховской подгруппы позднеримских прогнутых подвязных фибул по Е. Л. Гороховскому [5, с. 51]. Е. Л. Гороховский датирует такие фибулы второй половиной IV – нач. V в. Пружина от аналогичной фибулы, однако значительно большего размера, вероятно, должна датироваться так же.

Железные двучленные фибулы с тордированными спинками (Б 1350/4, Б 1350/6, Б 1350/11) Происходят из трех курганов 7, 10 и 11 (рис. 1, *1*, 1, *5*, 2, *1*).

Крепление оси пружины осуществляется посредством расплющенной загнутой вперёд кольцом верхней части дужки. Е. Л. Гороховский отнёс аналогичные фибулы к вариантам «Куня-Ходосовка» и «Кодынский» серии раннесредневековых воинских фибул и датирует их поздним отрезком стадии D (сер. V – нач. VI в.) [3, с. 57–58; табл. 24: 190, 197]. И. О. Гавритухин в специальном исследовании, посвящённом фибулам из Кодына, отнёс фибулы из Желяди к типу Пильвины [6, с. 78, 82]. Датировка этого типа, согласно И. О. Гавритухину, укладывается в границы V в. н. э., скорее его второй половины, и связана с дунайским импульсом на территорию Прибалтики и Восточной Европы [6, с. 78–80].

Поясные пряжки.

Железная пряжка (Б 1350/3) происходит из кургана 7 (рис. 1, *9*).

Пряжка состоит из кольцевидной, круглой в сечении дужки и массивного хоботовидного подквадратного в сечении язычка. Дужка на всём протяжении имеет примерно одинаковую толщину. Е. Л. Гороховский отнёс аналогичные пряжки из цветных металлов к днепро-крымской серии [5, с. 88; табл. 38: 81, 83–84, 86], считая возможным относить к ней и *«маловыразительные железные пряжки круглой формы»*. Согласно исследователю, такие пряжки являются характерными формами гуннского времени и датируются концом IV – первой половиной V в. н. э.

Пряжка из медного сплава В-образной формы (Б 1350/10) (рис. 2, *3*) происходит из кургана 11.

Язычок и дужка пряжки фасетированы, дужка «полая». В среднеевропейском регионе такие пряжки относятся к типу 22 по Р. Мадыде-Легутко [7, с. 66; табл. 19], которая датирует их в пределах V в. н. э. Стоит отметить,

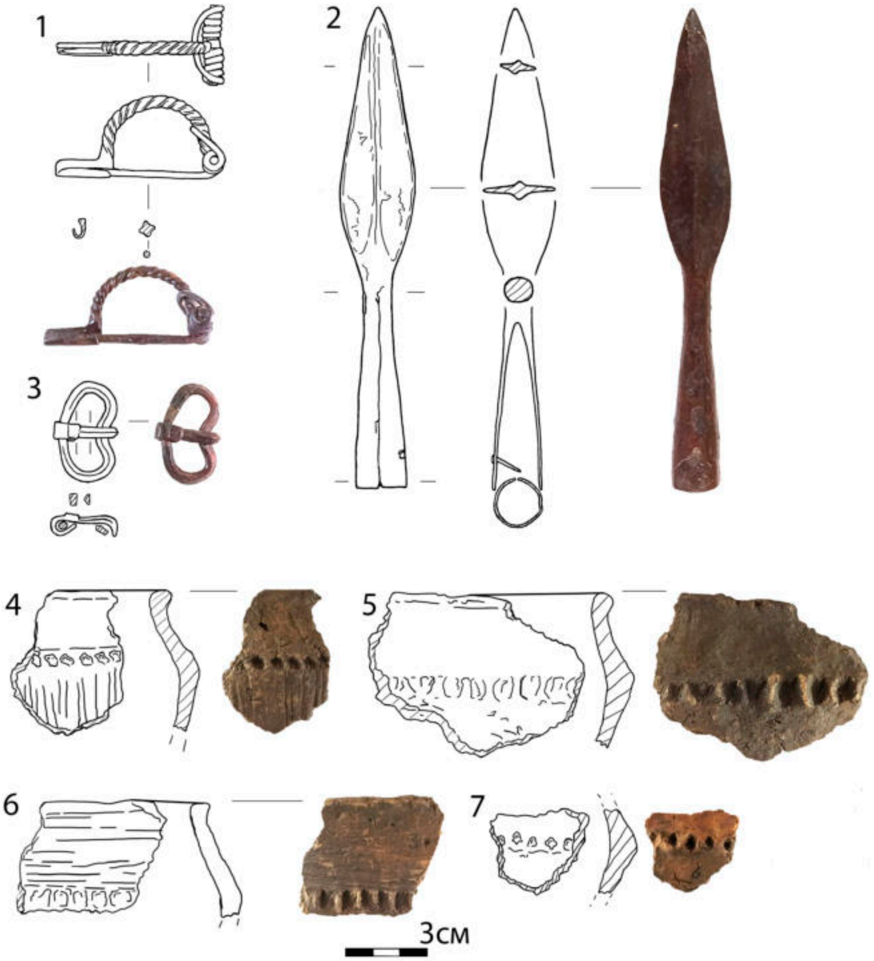


Рис. 2. Предметы из курганного могильника Желядь (1–3), керамика из Офяришского и Богуцишского пилькальнисов (4–7)

что эта пряжка отмечена на карте распространения В-образных рифленых пряжек в публикации В. В. Седова [8, с. 103]. Однако в действительности рифления на ней не было, и ее следует относить к другому типу пряжек.

Наконечник копья (Б 1350/13) из кургана 11 (рис. 2, *2*). Железный, с ланцетовидным пером с продольным ребром. На втулке хорошо виден стык, к древку наконечник крепился небольшим, наискосок вбитым гвоздиком. В. Казакявичус отнёс аналогичные наконечники копий к подтипу IVA (наконечники с лавролистным гранёным пером) [9, с. 42–45; рис. 16]. Он датирует

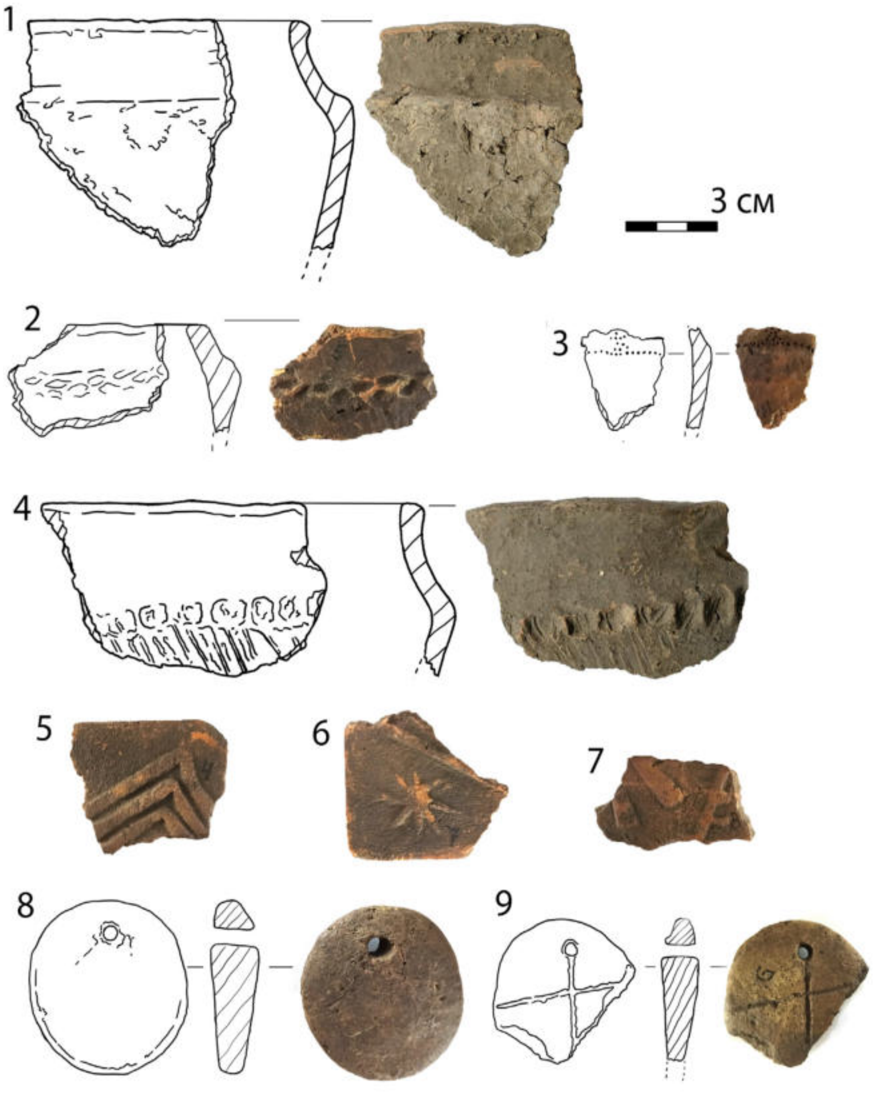


Рис. 3. Предметы из глины Офяришского и Богуцишского пилькальнисов

их в рамках культуры восточнолитовских курганов II–IV вв. н. э., хотя для среднеевропейских и западнобалтийских территорий такие наконечники обладают ещё более широкой датировкой [9, с. 44–45].

Помимо прочего, в кургане 10 были обнаружены спиральное кольцо из пластины, орнаментированной подквадратными чеканными вдавлениями (Б 1350/8) (рис. 1, *10*), кольцо (Б 1350/12) (рис. 1, *7*), фрагменты бронзового предмета (в фонде сохранился 1 фрагмент) (Б 1350/5) (рис. 1, *8*) и фрагмент ошлакованной стеклянной массы, видимо, остатки пережженных бус (Б 1350/9) (рис. 1, *4*).

Подводя итоги, можно отметить, что все предметы, полученные Ф. В. Покровским при раскопках курганного могильника Желядь были переданы в фонды ГИМ. На основании анализа находок и публикации автора раскопок удалось реконструировать комплексы погребений и определить, что инвентарные погребения могут быть определены в рамках IV–V вв. н. э., возможно, до рубежа V–VI вв. н. э.

Другой блок материалов, хранящихся в музее, связан с двумя поселенческими памятниками, расположенными в Свенцянском уезде Виленской губернии (описи Б 1352 и Б 1351). Это два городища, обследованные Ф. В. Покровским в 1874 г. и получившие названия: Офяришский/Орфянский и Богуцишкский пилькальнисы. В настоящее время первое известно под названием городище Акверишке (Akvieriškė), Швенчёнский р-н Литвы, а второе – городище Богутишке (Bogutiškė), Швенчёнский р-н Литвы.

В своей публикации в материалах IX Археологического съезда автор раскопок описывает эти памятники как неукрепленные поселения, расположенные на «горе» правильных очертаний, но без рвов и валов [1, с. 190–196]. Оба памятника были на момаент обследования повреждены распашкой, в которой часто попадались фрагменты керамики, стекла, кости и железные шлаки.

Характеристика находок.

Керамика (рис. 2, *4–7*; 3, *1–4*). Фрагменты сосудов культуры поздней штрихованной керамики (далее КПШК): ребристые сосуды, разделяемые ребром на две части. Верхняя часть, как правило, неорнаментирована (в одном случае орнаментирована горизонтальной штриховкой – Б 1351/3), иногда незначительно подглажена. Нижняя часть грубая или украшенная вертикальной штриховкой, в одном случае хроповатая (1352/7). В тесте сосудов видны фрагменты дресвы и зерна слюды.

Ребро на большей части фрагментов орнаментировано ямочными (1351/2, 3, 6) или пальцевыми вдавлениями (1351/1; 1352/4). На одном из фрагментов ребро не украшено вовсе (1352/7). Фрагмент 1351/5 отличается орнаментацией ребра пальцевыми защипами, нанесёнными под небольшим углом друг к другу, образующими волнистую линию. С точки зрения А. А. Егорейченко, подобная орнаментация является отличительным признаком КПШК Восточной Литвы [10, с. 77].

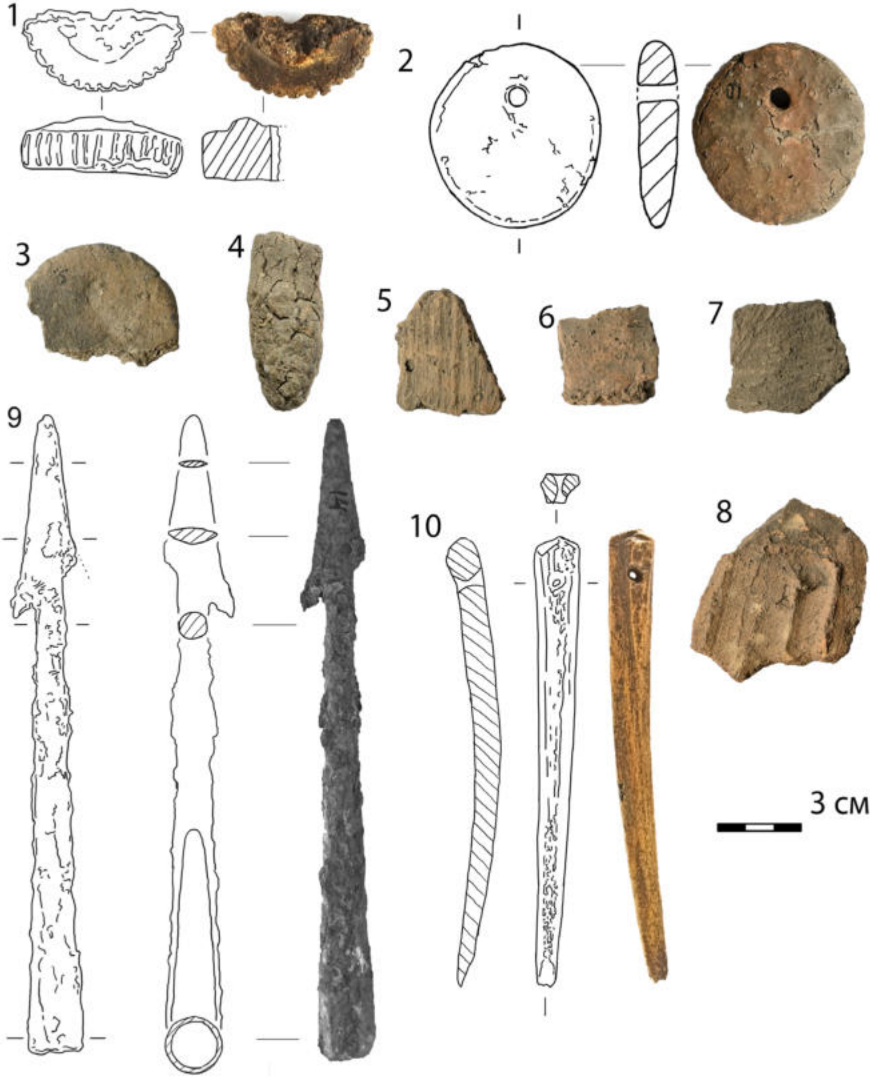


Рис. 4. Находки Офяришского и Богуцишского пилькальнисов

В специализированной литературе предлагалось несколько разных типологий керамики КПШК, в частности система А. А. Егорейченко [10, с. 75–76]. В соответствии с типологией исследователя, большая часть фрагментов венчиков может быть отнесена к типу 2 (сосуды с вертикально поставлен-

ным венчиком – 1351/1, 2, 3; 1352/4, 7; вар. 2б: 1351/1, 1352/4; вар. 2в: 1351/2, 3; 1352/7), лишь один фрагмент – к типу 1 (сосуды с прямым, склонённым внутрь венчиком – 1351/5). Фрагмент 1351/12 – средняя часть тонкостенного ребристого сосуда из хорошо промешанной глины. Поверхность заглажена, по ребру нанесён орнамент из мелких точек, образующих прямую горизонтальную линию и некую фигуру, отходящую от неё. Фрагмент резко отличается от керамики КПШК, но культурную принадлежность установить не удалось.

Изделия из глины (рис. 3, *8–9*; 4, *1–3*).

Дисковидные грузики. Найдено 4 шт. (1351/9, 10; 1352/10), один из них орнаментирован двумя крестообразно скрещенными прочерченными линиями (1351/9). Как аналогию ему можно привести находку с городища Малышки КПШК: один из грузиков, найденных на этом памятнике, был украшен линией из прочерченных косых крестиков [11, рис. 31, *1377*]. Дисковидные грузики являются типичной находкой на городищах КПШК, особенно на территории Восточной Литвы (Няверишке, Няменчине) [10, с. 97]. А. А. Егорейченко интерпретировал их как грузила для рыболовных сетей.

Фрагмент ***грузика дьякова типа*** (1351/11) (рис. 4, *1*). Грузики дьякова типа также являются типичной находкой для городищ КПШК. Для исследования грузиков из ареала КПШК в специализированной литературе применяется типология К. А. Смирнова, разработанная на материалах дьяковской культуры [12; 10, с. 95–96, с. 77]. Рассматриваемый фрагмент обломан сверху, что не позволяет точно определить его форму, однако его отнесение к типу 5 (грузики с цилиндрической боковой поверхностью) выглядит обоснованным. По мнению А. А. Егорейченко, такие грузики должны датироваться I–III вв. н. э.

Наконечник дротика (рис. 4, *9*). Наконечник 1351/14 происходит с городища Акверишке. В оружиеведческой литературе он упоминается [9, с. 55], однако полноценно опубликован до сих пор не был. Дротик имеет треугольное, линзовидное в сечении перо и длинную втульчатую часть, почти половину из которой занимает сплошная тулья.

В. Казакявичус отнёс данный наконечник к типу VII (втульчатые наконечники с шипами), отметив их скопление на востоке Литвы, на территории КПШК. Исследователь пришёл к выводу, что обнаруженные на территории Литвы наконечники этого типа скорее всего не принадлежат культуре восточно-литовских курганов и должны связываться с традициями культуры штрихованной керамики [9, с. 55–57].

А. А. Егорейченко также рассматривал двушипные наконечники дротиков как типичное оружие КПШК. Основываясь на зарубинецких и днепро-двинских аналогиях, исследователь посчитал возможным сузить их датировку до рубежа эр (I в. до н. э. – I в. н. э.) [10, с. 82–83]. Вряд ли мож-

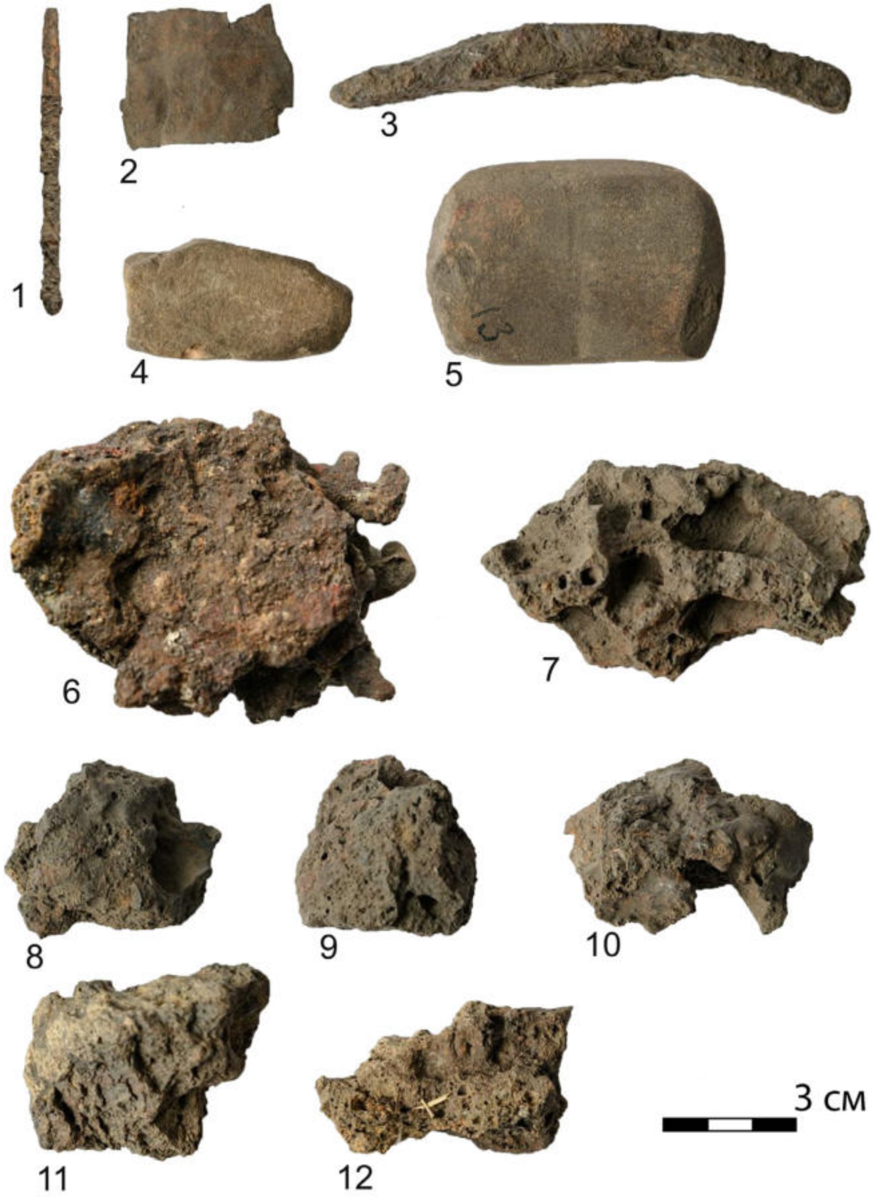


Рис. 5. Предметы Офяришского и Богуцишского пилькальнисов

но согласиться с этим утверждением, учитывая находки таких дротиков в комплексах эпохи Великого переселения народов в Литве (Антзаре-Лаукяй, Паланга) [9, с. 56], многочисленные находки на городищах колочинско-тушемлинского круга (Демидовка: [13, табл. 3: 1, 2, 5; 4: 677]; Колочин: [14, рис. 29, *4*]; Никодимово: [14, рис. 28, *9–12*].

Среди прочего, в коллекциях, происходящих с рассматриваемых памятников, был обнаружен костяной кочедык (рис. 4, *10*), фрагменты неопределимой керамики (рис. 4, *5–8*), часть сильно ошлакованного предмета, возможно, тигля (рис. 4, *4*) точильные бруски (рис. 5, *4, 5*). Некоторые предметы, такие как железное шило (рис. 5, *1*), фрагмент инструмента (рис. 5, *3*), фрагмент железной пластины (рис. 5, *2*) множество железных шлаков (рис. 5, *6–12*), не могут быть уверено соотнесены с периодом КПШК, а могут быть связаны с позднейшими временами. Также стоит указать на несколько фрагментов керамических плиток (рис. 3, *5–7*), происходящих из Богуцишского пиликальниса, которые также не относятся к КПШК.

Таким образом, на основании анализа коллекции оба поселенческих памятника могут быть отнесены к культуре поздней штрихованной керамики, что подтверждается как анализом керамического материала, происходящего с памятников, так и индивидуальными находками. С учетом данного обстоятельства представляется очень важной находка наконечника дротика, так как предметы вооружения являются крайне редкими на памятниках КПШК.

Библиографические ссылки

1. *Покровский Ф. В.* К исследованию курганов и городищ на восточной окраине современной Литвы // Труды IX археол. съезда в Вильне, 1893. Москва, 1897. Т. 2. С. 138–136.
2. *Покровский Ф. В.* Археологическая экскурсия по Виленской губернии. Вильна: Типография А. Г. Сыркина, 1893. 50 с.
3. *Покровский Ф. В.* К исследованию бассейна р. Вилии в археологическом отношении // Труды X археол. съезда в Риге, 1896. Москва, 1899. Т. 1. С. 71–171.
4. *Гуревич Ф. Д.* Древности Белорусского Понеманья. Москва–Ленинград: Издательство АН СССР, 1962. 233 с.
5. *Гороховский Е. Л.* Хронология ювелирных изделий первой половины I тыс. н. э. лесостепного Поднепровья и Южного Побужья: дис. … канд. ист. наук: 07.00.06. Киев, 1988. 525 с.
6. *Гавритухин И. О.* Кодынские фибулы (типы и некоторые проблемы интерпретации) // Vakaru baltu archeologija ir istorija. Klaipėda, 1989. С. 78–85.
7. *Madyda-Legutko R.* Die Gürtelschnallen der Römischen Kaiserzeit und der frühen Völkerwanderungszeit im mitteleuropäischen Barbaricum. Oxford: BAR Publ., 1987. 330 S.
8. *Седов В. В.* Древнерусская народность: историко-археологическое исследование. Москва: Языки русской культуры, 1999. 316 с.

9. *Казакявичус В.* Оружие балтских племён II–VIII веков на территории Литвы. Вильнюс: Мокслас, 1988. 160 с.

10. *Егорейченко А. А.* Культуры штрихованной керамики. Минск: БГУ, 2006. 207 с.

11. *Митрофанов А. Г.* Железный век средней Белоруссии. Минск: Наука и техника, 1978. 160 с.

12. *Смирнов К. А.* К вопросу о систематизации грузиков «дьякова типа» // МИА. 1971. № 184. С. 80–98.

13. *Шмидт Е. А.* Верхнее Поднепровье и Подвинье в III–VII вв. н. э.: Тушемлинская культура. Смоленск: ГУП Смол. обл. тип. им. В. И. Смирнова, 2003. 296 с.

14. *Обломский А. М.* Колочинская культура // Раннеславянский мир. Вып. 17. Раннесредневековые древности лесной зоны Восточной Европы (V–VII вв.). Москва, 2016. С. 10–113.

КЛЕЦК – ПАСЕЛІШЧА КУЛЬТУРЫ ШТРЫХАВАНАЙ КЕРАМІКІ

В. С. Пазднякоў

Беларускі навукова-даследчы інстытут дакументазнаўства і архіўнай справы, вул. Крапоткіна, 55,
220002, г. Мінск, Рэспубліка Беларусь, vpmiensk@gmail.com

Выкладзены матэрыялы археалагічных раскопак у г. Клецку, якія паказваюць на існаванне на тэрыторыі старажытнага дзядзінца (Высокага замка) паселішча культуры штрыхаванай керамікі ў I ст. да Н. Х. – IV ст. па Н. Х.

Ключавыя словы: Клецк; культура штрыхаванай керамікі; пальчатыя фібулы.

КЛЕЦК – ПОСЕЛЕНИЕ КУЛЬТУРЫ ШТРИХОВАННОЙ КЕРАМИКИ

В. С. Поздняков

Белорусский научно-исследовательский институт документоведения и архивного дела, ул. Кропоткина, 55,
220002, г. Минск, Республика Беларусь, vpmiensk@gmail.com

Изложены материалы археологических раскопок в г. Клецке, которые указывают на существование на территории древнего детинца (Высокого замка) поселения культуры штрихованной керамики в I в. до Р. Х. – IV в. по Р. Х.

Ключевые слова: Клецк; культура штрихованной керамики; пальчатые фибулы.

KLECK – A SETTLEMENT OF THE HATCHED POTTERY CULTURE

V. S. Pazdniakou

The Belarusian Research Institute for Archival Science and Records Management, Krapotkin St., 55,
220002, Minsk, Republic of Belarus, vpmiensk@gmail.com

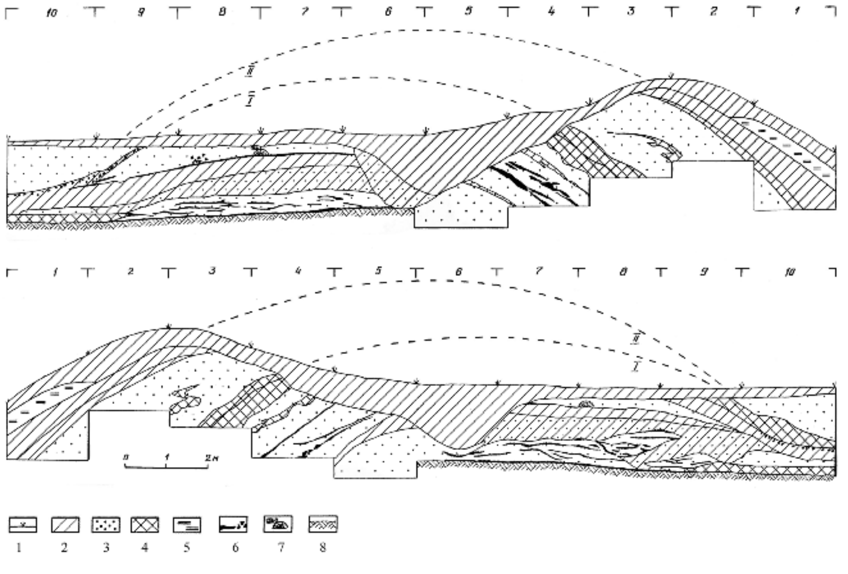
Materials from archaeological excavations in the town of Kletsk are presented, which indicate the existence of a settlement of the Hatched Pottery culture in the 1st century BC – 4th century AD on the territory of the ancient courtyard (High Castle).

Keywords: Kletsk; Hatched Pottery culture; fingered fibulae.

Клецк – вядомы беларускі горад, у XII–XVI стст. цэнтр феадальнага княства. У 1986–1990 г. у Клецку былі праведзены буйныя археалагічныя раскопкі, асноўныя вынікі якіх апублікаваныя [1]. У ходзе раскопак былі атрыманы матэрыялы жалезнага веку, на якія варта звярнуць увагу.

На дзядзінцы (былым Высокім замку) археалагічныя раскопкі вяліся ў асноўным у цэнтральнай частцы, на дне старога катлавана. З мэтай даведацца пра наяўнасць культурнага пласта ў іншых месцах дзядзінца ў 1988 г. у

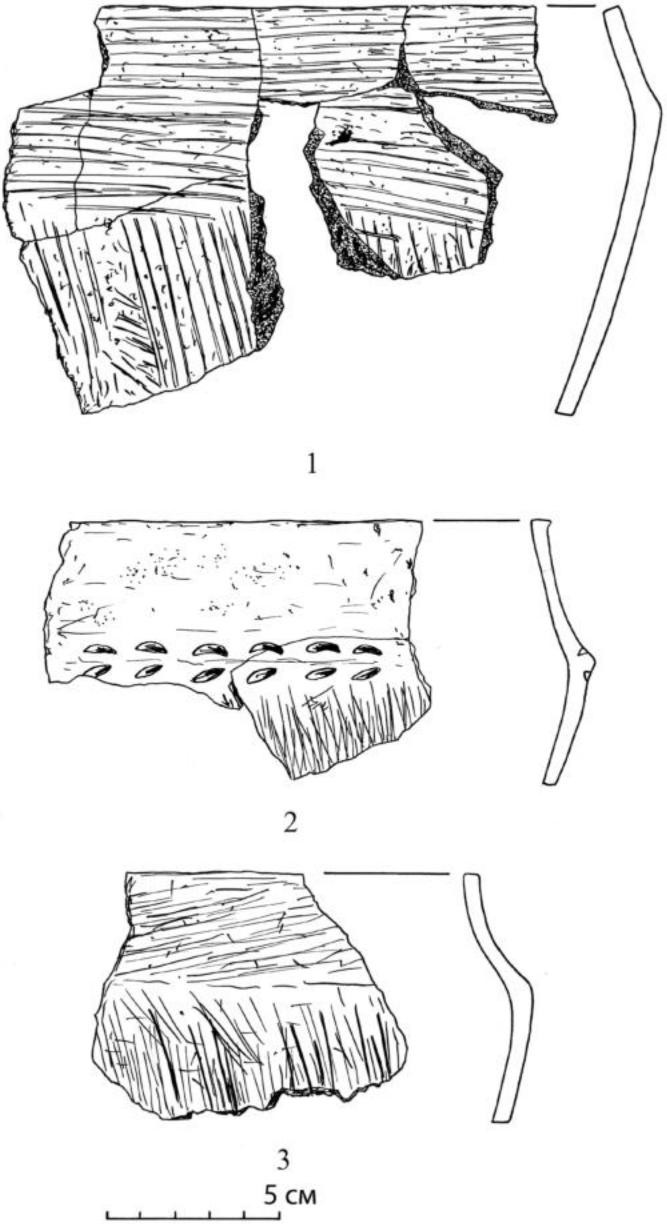
яго розных частках былі закладзены шурфы. Шурф № 5 быў размешчаны ва ўсходняй частцы дзядзінца на адлегласці 18,5 м ад трашэі М. А. Ткачова 1983 г., якой быў прарэзаны вал дзядзінца. Накірунак ад шурфа 5 да траншэі 1983 г. – 15º. Шурф меў памеры 2×2 м, арыентаваны па баках свету. У ходзе раскопак пасля дзярновага чорнага пласта адкрыўся светла-карычневы пясчаністы пласт, які ішоў на глыбіню ад 0,50 м да 1,4 м. Глыбей ляжаў торфападобны чорны пласт магутнасцю 0,20–0,50 м, яшчэ глыбей – пласт шэрага колеру 0,30–0,40 м. Знаходкі ў ім былі зусім нешматлікімі: фрагмент сценкі гаршка X–XIII стст., фрагмент донца XVI–XVII стст., фрагмент сценкі пасудзіны культуры штрыхаванай керамікі. Далей ішла праслойка вільготнай жоўтай гліны да 0,10 м таўшчынёй. Пад ёй адкрыўся пласт са шматлікімі знаходкамі культуры штрыхаванай керамікі. Гэты пласт меў інтэнсіўную чорную афарбоўку, быў вільготным, меў невялікі дамешак дробных вугалькоў. Таўшчыня пласта 0,15–0,20 м, глыбіня ад дзённай паверхні 2,20–2,30 м. Тут была сабрана вялікая колькасць фрагментаў штрыхаваных начынняў, фрагмент гаршка кіеўскай культуры, невялікі гліняны грузік. Мацярык у гэтым месцы быў складзены з жоўтай гліны.



Рыс. 1. Паўночная і паўднёвая сцены траншэі № 4 (1989–1990 гг.) на дзядзінцы (Высокім замку) Клецка.

Пункцірам пазначаны контуры вала XI ст. (I) і XIII ст. (II).

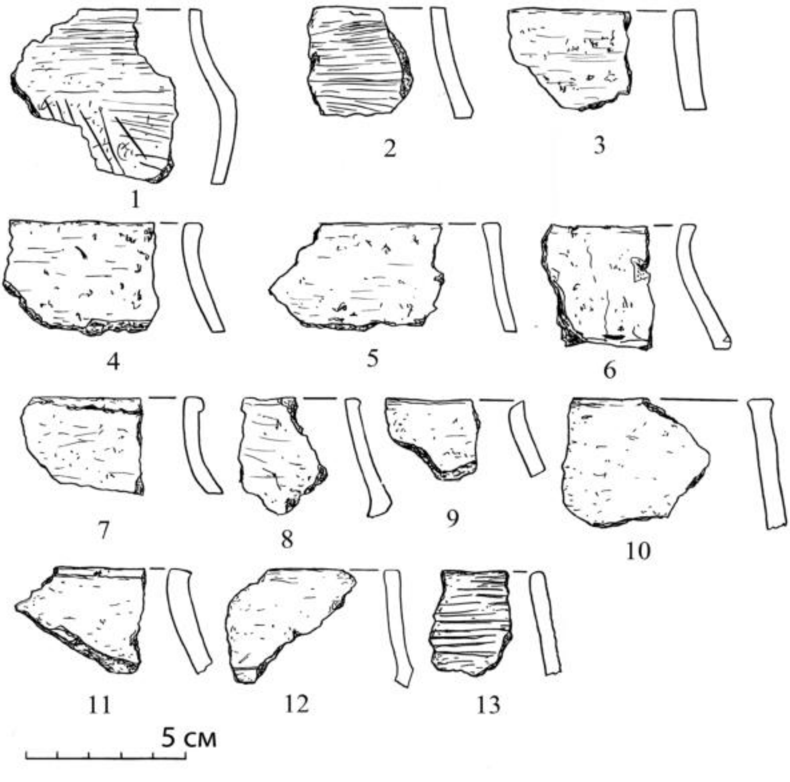
Умоўныя пазнакі: *1* – дзённая паверхня; *2* – светла-шэры грунт; *3* – пясок; *4* – чорны грунт; *5* – жоўтая гліна; *6* – вуглі; *7* – дрэва; *8* – мацярык



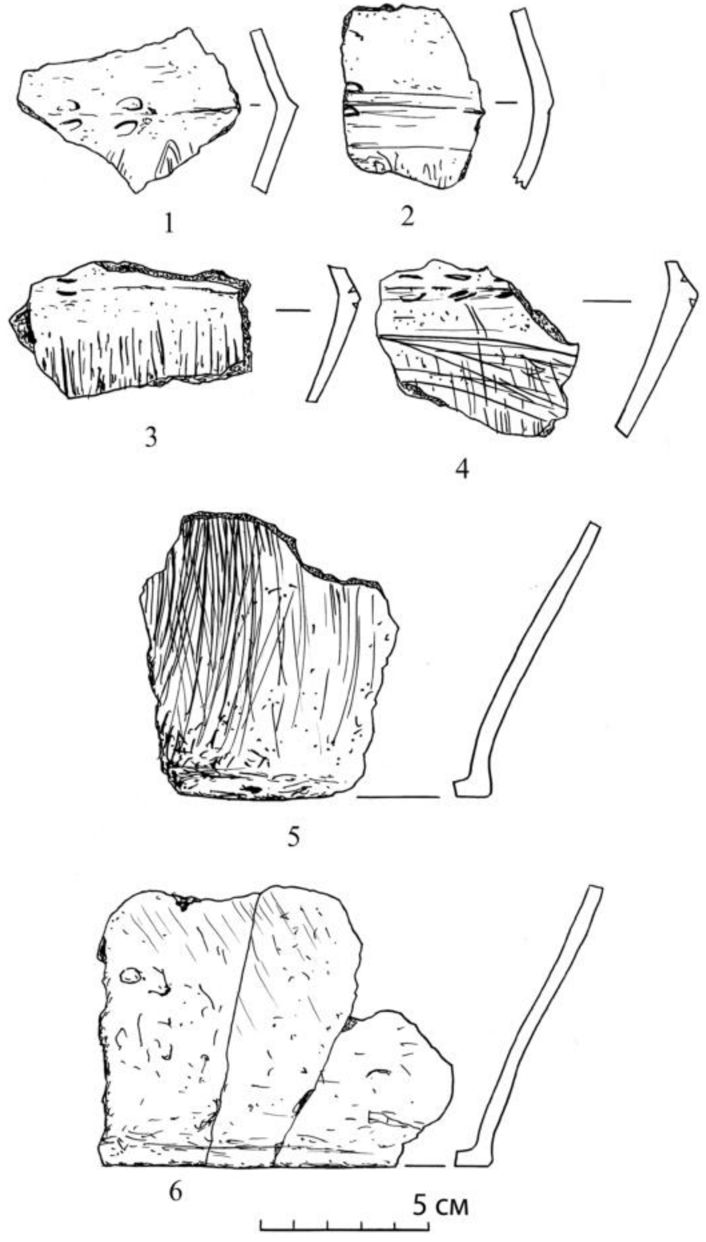
Рыс. 2. Клецк, дзядзінец (Высокі замак). Фрагменты штрыхаванага посуду

У 1989–1990 гг. ва ўсходняй частцы клецкага дзядзінца была закладзена траншэя № 4, якая перарэзала абарончы вал. Трашэя была далучана да шурфа № 5, так што агульная даўжыня траншэі склала 20,30 м пры шырыні 2 м (шурф № 5 атрымаў абазначэнне квадрат 10). Культурны пласт чорнага колеру таўшчынёй да 0,20 м са знаходкамі культуры штрыхаванай керамікі быў прасочаны ў заходняй палове квадрата 9, які прымыкаў да квадрата 10, ва ўсходняй палове квадрата 9 ён выклініваўся (рыс. 1).

Такім чынам, пласт (таўшчыня да 0,20 м) культуры штрыхаванай керамікі быў выяўлены непасрэдна на мацерыку на плошчы каля 6 м^2 ва ўсходняй частцы дзядзіца Клецка (Высокага замка). Ва ўсходнім кірунку ён выклініваўся ў пласт жоўтага пяску з бессістэмна размешчанымі тонкімі праслойкамі вугалю, які залягаў у падэшве вала сярэднявечных умацаванняў. Відавочных слядоў абарончых умацаванняў паселішча культуры штрыхаванай керамікі не выяўлена.



Рыс. 3. Клецк, дзядзінец (Высокі замак). Фрагменты штрыхаванага посуду



Рыс. 4. Клецк, дзядзінец (Высокі замак). Фрагменты штрыхаванага посуду

Ніжні пласт культуры штрыхаванай керамікі, пэўна, не зведаў значных уздзеянняў, бо ўтрымліваў вялікія фрагменты гліняных начынняў. Усяго тут было знойдзена больш за 100 фрагментаў штыхаванай керамікі, некалькі дробных фрагментаў костак жывёл і жалезных шлакаў. У тых пластах, які ляжалі вышэй, штрыхаваная керамікі таксама сустаркалася, але радзей і была малых памераў.

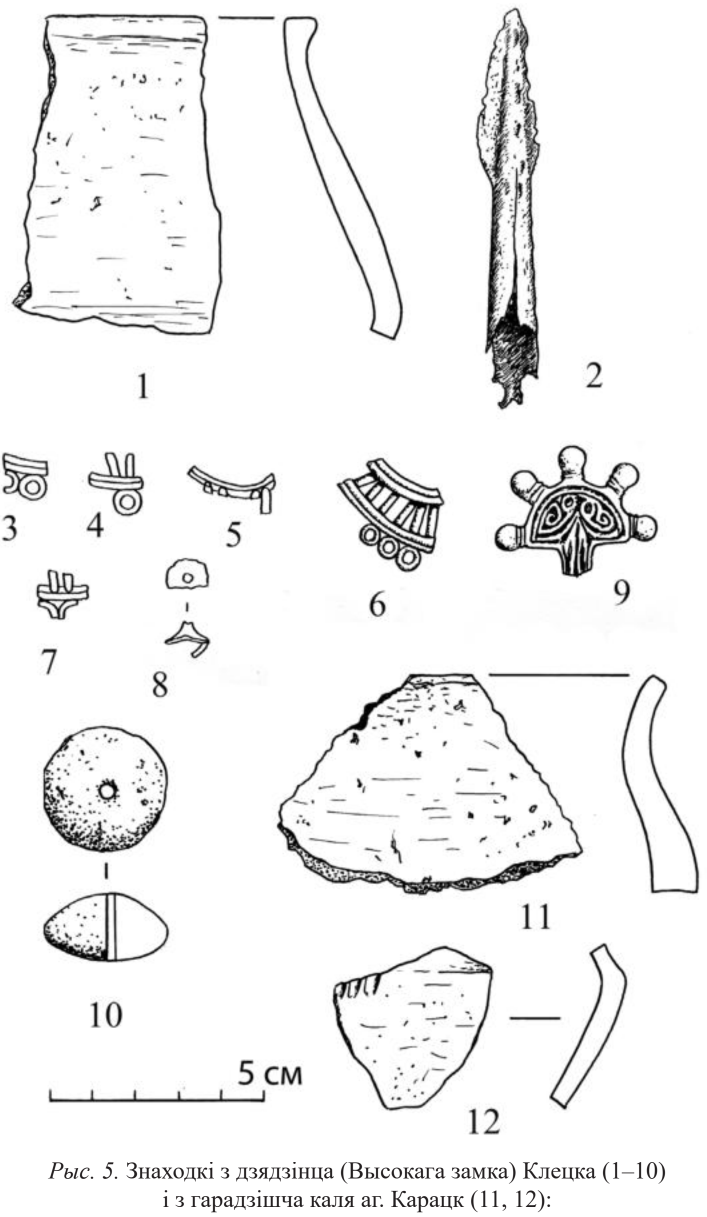
Увогуле было знойдзена больш за 200 фрагментаў штрыхаванай керамікі. Усе яны адносяцца да пасудзін (гаршкоў) позняга тыпу – з добра вылучаным рабром на адлегласці 4–5 см ад зрэзу венчыка. Добра захаваліся 19 фрагментаў верхніх частак пасудзін з венчыкам (рыс. 2, 3). Увогуле начынні танкасценныя, таўшчыня сценак 0,5 см ці крыху больш. Фрагменты керамікі ў асноўным шэрага колеру, плямістыя, што сведчыць аб нераўнамерным абпале на адкрытым вогнішчы. Добра прыкметны дадатак у глінянае цества жарствы. Верхняя частка пасудзін з большага не арментаваная, а асноўная частка – ніжэй рабра – арментаваная глыбокімі бароснамі, зробленымі ці пукам саломы, ці драўлянай (?) зубчатай прыладай. Захаваліся фрагменты начыння, цалкам пакрыта бароснамі. У верхняй частцы пасудзіны (нават у асобных месцах ніжэй рабра) яны гарызантальныя, у ніжняй частцы амаль вертыкальныя. Арнаментацыя зроблена спецыяльнай прыладай (рыс. 2, *1*).

Іншыя фрагменты пасудзін упрыгожаны бароснамі ў асноўным ніжэй рабра. Рабро ў некаторых выпадках дадаткова арнаментавана. Сустракаюцца адбіткі пазногцяў (рыс. 4, *3, 4*) і ямкі (рыс. 4, *1, 2*). У верхняй частцы (вышэй рабра) сценкі гаршкоў загінаюцца ўнутр. У некаторых гаршках венчык (скрайняя частка) загінаецца вонкі (рыс. 2, *2*; 3, *4, 6–8*). У класіфікацыі штрыхаванага посуду, распрацаванай А. А. Егарэйчанкам, такія пасудзіны адносяцца да тыпу 2 – *«сосуды с вертикально поставленым венчиком»* [2, с. 75] (аднак, трэба адзначыць, што нічога вертыкальнага тут няма).

Невялікі гліняны грузік, знойдзены разам са штрыхаванай керамікай, мае вузкі канал (рыс. 5, *10*). Такія вырабы прынята адносіць да ўпрыгожанняў (пацерак) [2, с. 93, табл. 66: 17–23].

У цэлым, разглядаемы корпус керамічных знаходак адносіцца да той культурнай з'явы, якую А. А. Егарэйчанка называў *«культура позняй штрыхаванай керамікі»*. Рэчаў з вузкай датыроўкай у ім няма. А. А. Егарэйчанка абгрунтоўваў агульнае датаванне гэтай культуры ў межах сярэдзіны I ст. да Н. Х. – IV ст. па Н. Х. [2, с. 111].

Нечаканай знаходкай, адкрытай у пласце разам са штрыхаванай керамікай, стаў вялікі фрагмент начыння, які адносіцца да іншай культурнай традыцыі. Гэта верхняя частка гаршка з добра вылучаным рабром і загнутым унутр верхам, пры гэтым самы венчык адагнуты вонкі (рыс. 5, *1*). Падобная кераміка сустракаецца на познезарубінецкіх помніках і паселішчах кіеўскай культуры.



Рыс. 5. Знаходкі з дзядзінца (Высокага замка) Клецка (1–10) і з гарадзішча каля аг. Карацк (11, 12):

1 – фрагмент гаршка; *2* – жалезны наканечнік кап’я; *3–8* – фрагменты ажурнага бронзавага ўпрыгожання; *9* – фрагмент пальчатай фібулы; *10* – гліняная пацерка; *11–12* – фрагменты гаршкоў

Такім чынам, раскопкі на клецкім дзядзінцы (Высокім замку) зафіксавалі культурны пласт паселішча культуры позняй штрыхаванай керамікі. Магчыма, гэта было ўмацаванае паселішча. Помнік адносіцца да самых паўднёвых паселішчаў са штрыхаванай керамікай. Пэўную паралель для Клецка ў гэтых адносінах мае Слуцк. Гэтыя два гарады размешчаны прыблізна на адной паралелі (53º) у блізкіх прыродных умовах, былі шчыльна звязаныя ў гістарычных падзеях XII–XVIII стст. Некрануты культурны пласт культуры штрыхаванай керамікі ў Слуцку не адкрыты, але ў напластаваннях знойдзена некалькі фрагментаў штрыхаванай керамікі, гліняныя праселкі, а ў аснове насыпу абарончага вала – жалезная сякера-кельт [3].

Штрыхаваная кераміка сустракаецца і на поўдзень ад Клецка. На гарадзішчы каля аг. Карацк (Галынкаўскі с/с Клецкага р-на) намі ў ходзе шурфоўкі ў 1988 г. быў знойдзены фрагмент штрыхаванага гаршка з характэрнымі насечкамі па рабру (рыс. 5, *11*). Іншы фрагмент належыць гаршку зарубінецкай культуры (рыс. 5, *12*) [4]. Спецыялістамі Інстытута гісторыі ў ходзе выведачных работ у 2016 і 2018 гг. штрыхаваная кераміка зафіксавана каля в. Капланавічы (Чырвоназоркавы с/с) і Лактышы (Нацкі с/с Ганцавіцкага р-на Брэсцкай вобл.) [5, с. 244, 253–254].

На клецкім дзядзінцы (Высокім замку) у межах раскопаў у цэнтральнай частцы помніка былі знойдзены некаторыя матэрыялы, значна ранейшыя за феадальны горад. У раскопах IX і X (кв. 36, 37, 40, 41) была ўскрыта неглыбокая мацерыковая яма, інтэрпрэтаваная як рэшткі жытла-майстэрні ювеліра XIII ст. Сярод яе запаўнення былі 5 зліткаў медзі няправільнай формы, абломкі ўпрыгожанняў больш ранняга часу – ажурнага вырабу і пальчатай фібулы [1, мал. 101: 12–18]. Відаць, усё гэта было сыравінай для клецкага ювеліра. Ажурнае ўпрыгожанне мела круглую форму, утвораную прынамсі двума вялікімі канцэнтрычнымі коламі, змацаванымі перамычкамі; па краі знешняга кола шоў ланцужок з маленькіх колцаў (рыс. 5, *3–8*). Дэталь у выглядзе конусу з абламанай пецелькай, відаць, знаходзілася ў цэнтры ўпрыгожання. Выраб зроблены з меднага сплаву метадам ліцця па васковай мадэлі. Усё разам можна інтэпрэтаваць як абломкі ажурнай бляшкі, якая мацавалася з дапамогай скуранога рамяня на адзенне ці вупраж. Пальчатая фібула (рыс. 5, *9*) была разгледажана ў адмысловай публікацыі, дзе датавана V–VI стст. [6].

Засталося спыніцца на яшчэ адной рэдкай знаходцы – жалезным наканечніку кап’я (рыс. 5, *2*). Ён знойдзены ў цэнтры Высокага замка (раскопкі 1989 г., раскоп X, пласт 14, кв. 45) разам з масавымі матэрыяламі XII–XIII стст. і дамешкам матэрыялаў XVII ст. Відавочна, у гэты пласт знаходка трапіла з парушанага пласту ранняга жалезнага веку. Наканечнік утульчаты, пяро лаўрападобнай формы. У Беларусі надобныя наканечнікі вядомы толькі ў курганным могільніку Дубай мілаградскай культуры [7, с. 11, 22, 24, табл. 1: 1, 2, 5, 7; 2: 2]. Сярод скіфскіх старажытнасцей такія наканечнікі

датуюцца VII–VI стст. да Н. Х. [8, с. 36, табл. 12: 4–8]. Трэба адзначыць, што жалезныя наканечнікі такой формы відавочна капіруюць бронзавыя, якія былі распаўсюджаны працягам усяго бронзавага веку.

Матэрыялы жалезнага веку з Клецка паказваюць, што тэрыторыя горада была заселена з самых ранніх часоў жалезнага веку і да другой паловы I тыс. па Н. Х.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. *Пазднякоў В. С.* Клецк X–XVIII стст.: Матэрыяльная і духоўная культура беларускага феадальнага горада. Мінск: БелНДІДАС, 2008. 286 с.

2. *Егорейченко А. А.* Культуры штрихованной керамики. Минск: БГУ, 2006. 207 с.

3. *Колединский Л. В.* Городище Слуцк в раннем железном веке // ГАЗ. 1994. № 5. С. 199–206.

4. *Пазднякоў В. С.* Даследаванні ў Клецкім і Нясвіжскім раёнах // Весці Акадэміі Навук Беларусі. Серыя гуманітарных навук. 1994. № 2. С. 120–122.

5. *Касюк А. Ф., Гаршкоў А. Д.* Археалагічныя разведкі ў вярхоўях ракі Лань у 2016 і 2018 годзе // МАБ. 2019. Вып. 30. С. 241–260.

6. *Пазднякоў В. С., Мядзведзеў А. М.* Знаходка пальчатай фібулы ў Клецку // МАБ. 2002. № 5. С. 284–285.

7. *Кухаренко Ю. В.* Памятники железного века на территории Полесья. Москва: Издательство АН СССР, 1961. 70 с.

8. *Мелюкова А. И.* Вооружение скифов. Москва: Наука, 1964. 91 с. (САИ. Вып. Д1-4).

МИКРОМОРФОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПОСЕЛЕНЧЕСКОЙ КЕРАМИКИ В ИЗУЧЕНИИ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ СКИФО-САРМАТСКОЙ ЭПОХИ В ДОНСКОЙ ЛЕСОСТЕПИ[1]

Ю. Д. Разуваев[1)], А. Н. Меркулов[2)]

[1)] Воронежский государственный педагогический университет, ул. Ленина, 86, 394043, г. Воронеж, Российская Федерация, razuvaevyd@mail.ru
[2)] Воронежский государственный педагогический университет, ул. Ленина, 86, 394043, г. Воронеж, Российская Федерация, aleksandrmerkulov@mail.ru

В лесостепном Подонье на протяжении VI в. до н. э. – III в. н. э. пять комплексов лепной кухонной и столовой посуды сменяли друг друга либо сосуществовали. Это «текстильные» и груболепные горшки раннескифского времени, гладкостенные и «рогожные» сосуды скифоидной и городецкой культур, керамика сарматского периода. Экстерьер гончарных изделий (форма и орнаментация) позволяет предполагать этнокультурную взаимосвязь заселявших регион социумов. Более объективное суждение на сей счет можно составить на основе сопоставления технологических показателей (минеральный и химический составы формовочной массы). На сегодня соответствующие данные получены для 248 образцов из вышеназванных групп (100 происходят с городища у с. Верхнее Казачье). Они характеризуют специфику гончарства на разных исторических этапах, не давая основания усматривать преемственность между ними. Вместе с тем, отмечается значительное сходство рецептур формовочных масс керамики скифоидной и городецкой культур, что является свидетельством взаимодействия соседствовавших групп населения в V–III вв. до н. э.

Ключевые слова: Лесостепное Подонье; ранний железный век; этнокультурные процессы; лепная керамика; микроморфология.

МІКРАМАРФАЛАГІЧНЫ АНАЛІЗ ПАСЯЛЕНЧАЙ КЕРАМІКІ Ў ВЫВУЧЭННІ ЭТНАКУЛЬТУРНЫХ ПРАЦЭСАЎ СКІФА-САРМАЦКАЙ ЭПОХІ Ў ДАНСКІМ ЛЕСАСТЭПУ

Ю. Д. Разуваеў[1)], А. М. Меркулаў[2)]

[1)] Варонежскі дзяржаўны педагагічны ўніверсітэт, вул. Леніна, 86, 394043, г. Варонеж, Расійская Федэрацыя, razuvaevyd@mail.ru
[2)] Варонежскі дзяржаўны педагагічны ўніверсітэт, вул. Леніна, 86, 394043, г. Варонеж, Расійская Федэрацыя, aleksandrmerkulov@mail.ru

У лесастэпавым Падонні на працягу VI ст. да н. э. – III ст. н. э. пяць комплексаў ляпнога кухоннага і сталовага посуду змянялі адзін аднаго або суіснавалі. Гэта «тэкстыльныя» і грубаляпныя гаршкі раннескіфскага часу, гладкасценныя і «рагожныя» пасудзіны скіфоіднай і гарадзецкай культур, кераміка сармацкага перыяду. Экстэр’ер ганчарных вырабаў (форма і арнаментацыя) дазваляе меркаваць аб

[1]Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00030, https://rscf. ru/project/23-28-00030/

этнакультурнай узаемасувязі соцыумаў, якія засялялі рэгіён. Найбольш аб'ектыўнае меркаванне на гэты конт можна скласці на аснове супастаўлення тэхналагічных паказчыкаў (мінеральны і хімічны склады фармовачнай масы). На сёння адпаведныя даныя атрыманы для 248 узораў з вышэйназваных груп (100 паходзяць з гарадзішча каля в. Верхняе Казачча). Яны характарызуюць спецыфіку ганчарства на розных гістарычных этапах, не даючы падставы ўгледжваць пераемнасць паміж імі. Разам з тым, адзначаецца значнае падабенства рэцэптур фармовачных мас керамікі скіфоіднай і гарадзецкай культур, што з'яўляецца сведчаннем узаемадзеяння суседніх груп насельніцтва ў V–III стст. да н. э.

Ключавыя словы: Лесастэпавае Падонне; ранні жалезны век; этнакультурныя працэсы; ляпная кераміка; мікрамарфалогія.

MICROMORPHOLOGICAL ANALYSIS OF SETTLEMENT CERAMICS IN THE STUDY OF THE ETHNOCULTURAL PROCESSES OF THE SCYTHIAN-SARMATIAN ERA IN THE DON FORESTRY

Yu. D. Razuvaev[1], A. N. Merkulov[2]

[1] Voronezh State Pedagogical University, Lenina str., 86, 394043, Voronezh, Russian Federation, razuvaevyd@mail.ru
[2] Voronezh State Pedagogical University, Lenina str., 86, 394043, Voronezh, Russian Federation, aleksandrmerkulov@mail.ru

In the Don forest-steppe drill throughout the 6th century BC – 3th century AD five complexes of hand-made kitchen ceramics and tableware replaced each other, or coexisted. These are «textile» and coarse hand-made of the Early Scythian time, smooth-cut and «matting» vessels of the Scythoid and Gorodets cultures, ceramics of the Sarmatian period. The exterior of pottery (form and ornamentation) suggests the ethnocultural relationship of society inhabited by the region. A more objective judgment on this score can be made on the basis of comparison of technological indicators (mineral and chemical compositions of molding mass). Today, the relevant data was obtained for 248 samples from the above groups (100 occur from the hillfort near the village of Verkhneye Kazachye). They characterize the pottery specifics at different historical stages, preventing the reason to see the continuity between them. At the same time, there is a significant similarity of the molding masses recipes of the Scythoid and Gorodets cultures ceramics, which is evidence of the neighboring groups of the population interaction in the 5th–3th centuries BC.

Keywords: Don forest-steppe; Early Iron Age; ethnocultural processes; hand-made ceramics; micromorphology.

Лепная керамика выступает едва ли не единственным источником изучения проблемы этнокультурного своеобразия социумов, обитавших в VI в. до н. э. – III в. н. э. на поселениях Среднего и Верхнего Подонья.

Комплекс кухонной посуды раннескифского времени, первоначально открытый на Пекшеском городище [1, с. 31–39, 67–77], а затем и на городище у с. Верхнее Казачье [2], дал некоторое представление о начальном периоде раннежелезного века. Он включает более-менее профилированные горшки

двух разновидностей, стратиграфически неразделенных. У одних внешняя поверхность покрыта так называемыми «нитчатыми», изредка «рябчатыми» или «бороздчатыми» отпечатками (рис. *1–3*). Эти «текстильные» сосуды обычно были лишены орнамента, но иногда украшались пальцевыми защипами по венчику, проколами или вдавлениями на шейке. Вторая разновидность – груболепные горшки, имеющие заглаженную или бугристую внешнюю поверхность (рис. *4–6*). На них орнамент чаще всего отсутствовал, либо состоял из пальцевых защипов по краю или срезу венчиков. Некоторые сосуды на шейке имели сквозные проколы, вдавления щепки или круглой палочки, нередко вместе с защипами по венчику. Иногда срез венчика покрывали насечки или вдавления палочки.

Историко-культурная атрибуция составных частей этого комплекса предложена А. П. Медведевым. Исследователь «текстильную» керамику соотносит с выходцами из лесной зоны, груболепную же – с переселенцами из лесостепного Посеймья, на Пекшевском городище заместившими предшественников (возможно, неполностью) после военного столкновения [1, с. 36-39, 71-75]. По его мнению, поддержанному другими специалистами [3, с. 61; 4, с. 14, 15], на базе верхнедонских поселений с «текстильной» керамикой произошло формирование городецкой культуры. В свою очередь, пришельцы с запада положили в регионе начало скифоидной культуре.

В V–III вв. до н. э. поселения названных культур в донской лесостепи близко соседствовали [1, с. 39–89]. На скифоидных керамический комплекс составляли преимущественно горшки, в меньшем количестве – миски и кувшины. Кухонные сосуды были хорошо профилированы, обладали довольно тщательно заглаженной поверхностью и в большинстве своем украшались пальцевыми защипами по краю венчика, в раннее время – проколами по шейке (рис. *7–9*). Городецкая посуда – это практически исключительно горшки как неорнаментированные, так и украшенные пальцевыми защипами, насечками по венчику, а также проколами под ним (рис. *10–12*). Значительное количество сосудов на внешней поверхности имело характерные «рогожные» или, гораздо реже, «сетчатые» отпечатки. Были и гладкостенные горшки, причем, на большинстве поселений они преобладали. По профилировке и орнаментации те и другие фактически не отличались от скифоидной керамики.

Схожесть керамических комплексов некоторые исследователи склонны объяснять процессами этнической миксации, приведшими к утрате обитателями донских поселений городецкой культуры своей самобытности [1, с. 45; 5, с. 23].

Для I–III вв. н. э. характерен новый набор кухонной и столовой посуды (рис. *13–15*). Доминировавшие в нем горшки зачастую по форме и орнаментации, состоявшей из пальцевых защипов по венчику, походили на гладко-

Фрагменты лепной керамики скифо-сарматского времени с городища у с. Верхнее Казачье

стенные сосуды предшествующего периода. Вместе с тем, получили широкое распространение горшки с раструбовидной горловиной, с насечками по краю венчика или без таковых.

Наличие в керамическом комплексе начала н. э. форм, имеющих более древние аналогии, дало возможность предполагать демографическую и культурную преемственность между населением скифского и сарматского времени [6, с. 67; 7, с. 88].

Для оценки меры сходства керамики местного производства, разнесенной во времени или пространстве, исследователи учитывали, прежде всего, ее экстерьер. Находя в формах или орнаментах те или иные соответствия, делали вывод об этнической общности производителей и пользователей глиняной посуды. Однако данный вид археологических материалов далеко не всегда пригоден для таких выводов [8]. Для повышения репрезентативности источника совершенно необходимо оперировать и сведениями о способах изготовления керамики, характеризующихся высокой степенью устойчивости [9, с. 48–52].

Ранее о гончарной технологии скифо-сарматского времени судили по визуально определимым проявлениям, таким как наличие и состав примесей в глиняном тесте, фактура поверхности, вид излома черепков. Сейчас же появилась возможность ее углубленного изучения. Произошло это благодаря сотрудничеству с М. А. Кульковой, под руководством которой на лабораторном оборудовании Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена осуществлено петрографическое и геохимическое исследование 248 образцов поселенческой керамики[1]. В результате определены минеральный и химический состав формовочной массы, рецептура теста и режим обжига сосудов, представляющих, хотя и в разных пропорциях, каждую из пяти охарактеризованных выше керамических групп [10–12].

По этим данным было проведено сравнение микроморфологии керамических комплексов, что, как представляется, позволило более объективно судить о степени этнокультурной близости стоявших за ними сообществ.

Отдельно рассматривалась серия из 100 образцов [12], происходящая с уже упомянутого городища у с. Верхнее Казачье (Задонский р-н Липецкой обл.), на котором присутствует керамика всех пяти групп [2; 13; 14]. Общая локализация материалов позволяла надеяться, что результаты их сравнения наглядно засвидетельствуют наличие либо отсутствие этнокультурной связи между жителями городища в разные периоды его функционирования.

Ассортимент глин, использовавшихся для производства посуды, в каждой из групп разнообразен – совпадения фиксируются лишь отчасти (табл. 1). Существенные различия показало и сравнение рецептур формовочных масс (табл. 2). Из девяти разновидностей глин, пошедших на изготовление сосудов раннескифского времени, только три применялись в обеих сериях. «Текстильные» сосуды характеризуются значительной запесоченностью. Песок присутствовал в каждом из них, обычно являясь единствен-

[1] Авторы выражают М. А. Кульковой глубокую благодарность.

Таблица 1

Состав глин сосудов скифо-сарматского времени с городища у с. Верхнее Казачье

Состав глины	Керамические сосуды									
	«текстильные»		груболепные		скифоидной культуры		городецкой культуры		сарматского времени	
	количество	%	количество	%	количество	%	количество	%	количество	%
гидрослюдистый	3	15	2	10	1	5	4	20	2	10
смектитовый	4	20	-	-	5	25	1	5	7	35
хлоритовый	-	-	4	20	5	25	2	10	3	15
каолинитовый	-	-	-	-	-	-	1	5	-	-
гидрослюдисто-смектитовый	2	10	2	10	-	-	10	50	-	-
гидрослюдисто-хлоритовый	-	-	-	-	-	-	1	5	-	-
каолинитово-гидрослюдистый	1	5	-	-	-	-	-	-	-	-
каолинит-смектитовый	-	-	-	-	-	-	1	5	-	-
смектитово-гидрослюдистый	1	5	6	30	-	-	-	-	6	30
смектит-хлоритовый	-	-	6	30	-	-	-	-	-	-
хлорит-гидрослюдистый	6	30	-	-	4	20	-	-	2	10
хлорит-смектитовый	3	15	-	-	5	25	-	-	-	-
ВСЕГО:	***20***	***100***	***20***	***100***	***20***	***100***	***20***	***100***	***20***	***100***

Таблица 2

Искусственные примеси в формовочных массах керамики городища у с. Верхнее Казачье и других поселений скифоидной и городецкой культур

Примесь	Керамические сосуды									
	«текстильные»		грубoлепные		скифоидной культуры		городецкой культуры		сарматского времени	
	количество	%	количество	%	количество	%	количество	%	количество	%
песок	16	80	4	20	1	0,9	2	2,5	1	5
дресва	-	-	3	15	3	2,8	11	13,75	-	-
шамот	-	-	1	5	3	2,8	1	1,25	-	-
песок+дресва	4	20	6	30	12	11,1	25	31,25	2	10
песок+шамот	-	-	1	5	46	42,6	9	11,25	-	-
дресва+шамот	-	-	-	-	6	5,6	2	2,5	1	5
песок+дресва+шамот	-	-	5	25	34	31,5	29	36,25	13	65
песок+дресва+шамот+кость	-	-	-	-	1	0,9	1	1,25	3	15
песок+шамот+кость	-	-	-	-	1	0,9	-	-	-	-
песок+мох	-	-	-	-	1	0,9	-	-	-	-
ВСЕГО:	**20**	**100**	**20**	**100**	**108**	**100**	**80**	**100**	**20**	**100**
Частота встречаемости искусственных примесей										
песок	20	100	16	80	96	88,9	66	82,5	19	95
дресва	4	20	14	70	56	51,9	68	85	19	95
шамот	-	-	7	35	45	41,7	42	52,5	17	85
кость	-	-	-	-	2	1,8	1	1,3	3	15
мох	-	-	-	-	1	0,9	-	-	-	-

ным отощителем, лишь в четырех случаях сочетаясь с дресвой (дробленые магматические породы). В груболепной серии песок встречался тоже часто, но в меньших объемах. Как правило, он использовался вместе с дресвой, с дресвой и шамотом (дробленой керамикой отличного от образца состава). Количество рецептур формовочных масс у этой керамики в три раза больше, чем у «текстильной» Исходя из этих наблюдений, можно говорить о сосуществовании двух гончарных традиций, по-видимому, связанных с неоднородным составом основателей городища. Хронологическое различие исключить пока нельзя, но, как было сказано, стратиграфически оно не прослеживается.

Гончарное производство скифского времени вряд ли напрямую проистекало из предшествующего, хотя некоторые общие черты и просматриваются. Сырьевая база во многом стала иной. Для скифоидной посуды использовалась глина, как правило, не встречавшаяся в груболепной. В свою очередь, «рогожная» и «текстильная» керамика демонстрируют сходство по трем разновидностям глины, различие – по четырем. Даже в случаях совпадения наблюдаются количественные диспропорции. Керамика скифского времени с городища у с. Верхнее Казачье зачастую содержит набор отощителей, присущий и более древней. Это песок+дресва, песок+дресва+шамот, дресва. Но если «текстильные» образцы в подавляющем большинстве содержали песок в качестве единственной искусственной примеси, то среди «рогожных» таких оказалось только два. О технологической преемственности керамики двух периодов, похоже, говорить не приходится.

Судя по значительному несовпадению химических характеристик сырья, производители городецкой и скифоидной посуды проживали на городище в разное время. Вместе с тем, по другим технологическим показателям (выше уже отмечалось, что и по внешнему виду) продукция тех и других демонстрирует значительную степень близости. Об этом свидетельствуют данные не только по городищу у с. Верхнее Казачье, но и по другим поселенческим памятникам – гораздо более многочисленные (табл. 2).

Для скифоидной и городецкой керамики присущи восемь общих рецептур формовочных масс. Сочетание искусственных примесей песок+дресва+шамот встречено в трети образцов той и другой культурной принадлежности. Вместе с тем, дресва и песок+дресва чаще использовались в городецкой среде, а песок+шамот – в скифоидной.

Многокомпонентные рецепты, как известно из исследований А. А. Бобринского, могут свидетельствовать о смешении гончарных традиций и усложнении состава населения [15, с. 92]. Надо полагать, что и в данном случае керамика отражает процессы взаимодействия носителей скифоидной и городецкой культур. Хотя о слиянии двух групп населения донской лесостепи речи быть не может – хозяйственно-бытовой уклад их жизни свидетельствует об обратном [16].

В сарматское время на городище у с. Верхнее Казачье использовались четыре разновидности глин, характерные для скифоидной керамики, и еще две новые. В формовочную массу добавлялись песок с дресвой, к которым, как правило, подмешивался шамот. В то же время, появились такие сочетания примесей, как песок+дресва+шамот+дробленая кость и дресва+шамот.

Взаимосвязь гончарного производства этого времени с предшествующим остается под вопросом. Но инновационный характер некоторых технологических приемов прослеживается.

В заключение следует оговориться, что результативность первого для донской лесостепи опыта сопоставительного изучения микроморфологии керамики скифо-сарматского времени зависит от объема источниковой базы. Тем не менее, перспективность обозначенного исследовательского направления сомнений не вызывает.

Библиографические ссылки

1. *Медведев А. П.* Ранний железный век лесостепного Подонья. Археология и этнокультурная история I тысячелетия до н. э. Москва: Наука, 1999. 160 с.

2. *Разуваев Ю. Д.* Новые поселенческие материалы начала раннего железного века на Верхнем Дону // Российская археология. 2018. № 1. С. 93–104.

3. *Сарапулкина Т. В.* Особенности донского локального варианта городецкой культуры // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия История, Политология, Экономика, Информатика. 2008. № 10 (50). Вып. 8. С. 57–65.

4. *Ставицкий В. В.* Проблема происхождения городецкой культуры // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2010. № 1 (13). С. 7–16.

5. *Сарапулкина Т. В.* Городецкая культура на Верхнем и Среднем Дону. Автореф. дис. … канд. ист. наук. Москва, 2010. 25 с.

6. *Медведев А. П.* Сарматы в верховьях Танаиса. Москва: Таус, 2008. 252 с.

7. *Разуваев Ю. Д.* Ишутинское городище на Красивой Мече // Археологические памятники Верхнего Подонья первой половины I тысячелетия н. э. (Археология восточноевропейской лесостепи. Вып. 12). Воронеж, 1998. С. 85–96.

8. *Шнирельман В. А.* Керамика как этнический показатель: некоторые вопросы теории в свете этноархеологических данных // КСИА. 1990. Вып. 201. С. 49–56.

9. *Бобринский А. А.* Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства (коллективная монография). Самара, 1999. С. 5–109.

10. *Меркулов А. Н., Разуваев Ю. Д., Кулькова М. А.* К изучению технологии изготовления среднедонской керамики скифского времени // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2021. № 1. С. 74–80.

11. *Разуваев Ю. Д.* Результаты микроморфологического исследования керамики донских поселений городецкой культуры // Теория и практика археологических исследований. 2024. Т. 36, № 2. С. 74–91.

12. *Разуваев Ю. Д., Меркулов А. Н.* Керамические комплексы скифо-сарматского времени с верхнедонского городища у с. Верхнее Казачье (опыт микроморфологического сравнения) // КСИА. 2024. Вып. 247. С. 296–131.

13. *Разуваев Ю. Д.* Городище у с. Верхнее Казачье: три среза скифской эпохи на Верхнем Дону // Археологическое наследие. 2020. № 1 (3). С. 209–223.

14. *Разуваев Ю. Д.* Материалы сарматской эпохи на городище у с. Верхнее Казачье близ г. Задонска // Археологическое наследие. 2022. № 1 (5). С. 73–85.

15. *Бобринский А. А.* Гончарство Восточной Европы: источники и методы изучения. Москва: Наука, 1978. 272 с.

16. *Разуваев Ю. Д.* Оседлые этносы скифской эпохи в донской лесостепи: опыт сравнения хозяйственно-бытовых укладов // Уральский исторический вестник. 2019. № 1 (62). С. 63–70. DOI: 10. 30759/1728-9718-2019-1(62)-63-70.

КУРГАННЫ МОГІЛЬНІК КАЛЯ В. ДУБАЙ У КАНТЭКСЦЕ ПАХАВАЛЬНЫХ ПОМНІКАЎ МІЛАГРАДСКАЙ КУЛЬТУРЫ

А. Д. Сахончык

Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4,
220030, г. Мінск, Рэспубліка Беларусь, sahonod@bsu.by

По выніках аналізу пахавальнага абраду курганнага могільніка каля в. Дубай была зроблена шэраг высноў. На помніку вылучаецца некалькі абрадавых груп. У курганных пахаваннях мілаградскай культуры, у цэлым, дамінуе традыцыя палажэння цел галавой на поўнач. Пры гэтым у матэрыялах дубайскага могільніка і грунтовых інгумацыйных пахаваннях мілаградскай культуры такая арыенціроўка адзначаецца рэдка. Гэтую асаблівасць можна звязваць з міграцыямі ды кантактамі як ўнутры арэала мілаградскай культуры, так і з іншакультурным насельніцтвам. Храналагічна могільнік каля вёскі Дубай адносіцца да канца VII – першай паловы VI ст. да н. э.

Ключавыя словы: мілаградская культура; курганны могільнік; ранні жалезны век; пахавальны абрад; культурныя сувязі.

КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК ОКОЛО Д. ДУБОЙ В КОНТЕКСТЕ ПОГРЕБАЛЬНЫХ ПАМЯТНИКОВ МИЛОГРАДСКОЙ КУЛЬТУРЫ

О. Д. Сахончик

Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Республика Беларусь, sahonod@bsu.by

По результатам анализа погребального обряда курганного могильника возле д. Дубой было сделано несколько заключений. На памятнике выделяется несколько обрядовых групп. В курганных погребениях милоградской культуры, в целом, доминирует традиция положения тел головой на север. При этом в материалах дубайских погребений и грунтовых ингумационных могильниках милоградской культуры такая ориентировка отмечается редко. Эту особенность можно связывать с миграциями и контактами как внутри ареала милоградской культуры, так и с инокультурным населением. Хронология могильника возле д. Дубой определяется концом VII – первой половиной VI в. до н. э.

Ключевые слова: милоградская культура; курганный могильник; ранний железный век; погребальный обряд; культурные связи.

THE BURIAL CEMETERY AROUND DUBAJ VILLAGE IN THE CONTEXT OF THE MYLOHRAD CULTURE FUNERAL MONUMENTS

O. D. Sahonchyk

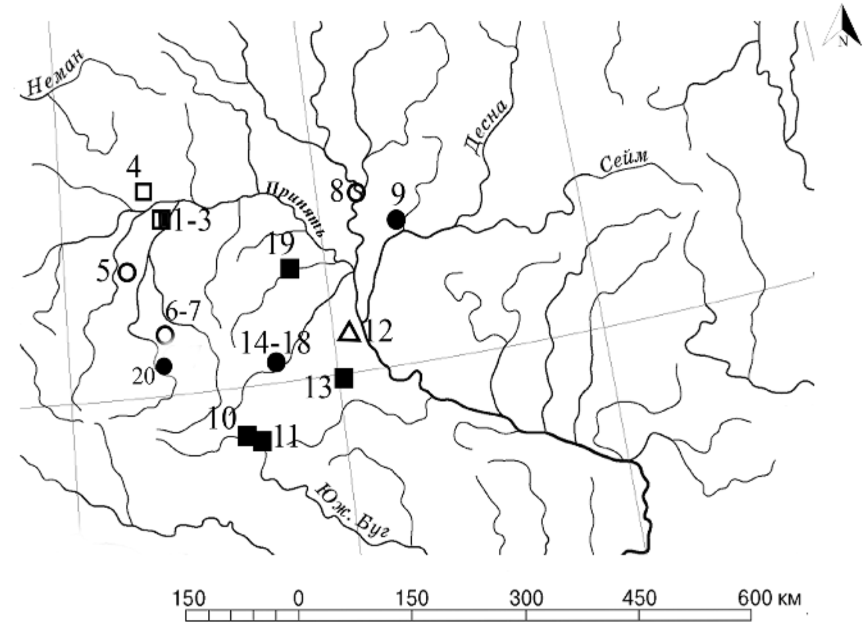
Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4,
220030, Minsk, Republic of Belarus, sahonod@bsu.by

Based on the results of the burial rite analysis of the burial mound near the village of Dubaj, several conclusions were made. Several ritual groups were distinguished at the site. In the burial mounds of the Milograd culture, in general, the tradition of placing the bodies with the head to the north dominates. At the same time, in the materials of the Dubaj burials and the ground inhumation cemeteries of the Milograd culture, such an orientation is rarely noted. This feature can be associated with migrations and contacts both within the area of the Milograd culture and with a foreign cultural population. The chronology of the burial ground near the village of Dubaj was determined by the end of the 7th – first half of the 6th century BC.

Keywords: Milograd culture; burial mound; early Iron Age; burial rite; cultural connections.

Адной з асаблівасцяў пахавальных практык насельніцтва мілаградскай культуры з’яўляецца традыцыя ўзвядзення курганных насыпаў над пахаваннямі. На тэрыторыі Прыпяцкага Палесся найбольш поўна вывучаным некропалем з’яўляецца помнік каля в. Дубай (Столінскі раён, Брэсцкая вобласць) (рыс. 1, *1*). Пэўны час курганныя некропалі лічыліся лакальнай з’явай, характэрнай для тэрыторыі Палесся і Валыні [1, с. 43]. На сённяшні дзень, можна казаць што падобныя могільнікі вядомы ва ўсім арэале бытавання культуры (рыс. 1). Аўтар валодае інфармацыяй аб 20-ці могільніках і адзінкавых курганах, якія атаясамляюцца з мілаградскай культурай. Пры гэтым матэрыялы могільніка Дубай з’яўляюцца найбольш прадстаўнічымі і дыскусійнымі. Неабходна параўнаць пахавальны абрад дадзенага могільніка з сінхроннымі могільнікамі мілаградскай культуры, што дазволіць скарэктаваць некаторыя пытанні.

Лакалізацыя і гісторыя даследавання. Помнік упершыню адкрыў і даследаваў у 1956 г. Ю. У. Кухарэнка. Ужо на той момант частка насыпаў была пашкоджана воркай [2, с. 11–12, 21–24]. Навукоўцам было даследавана 13 курганаў. Матэрыялы былі перададзены ў Музей Беларускага Палесся (г. Пінск), Брэсцкі абласны краязнаўчы музей, Столінскі раённы краязнаўчы музей. Далейшыя раскопкі на помніку праводзілі Г. М. Залашка (1981 г.) і С. Я. Рассадзін (1989 г.), якія агулам вывучылі яшчэ 4 насыпы. Матэрыялы іх даследаванняў захоўваюцца ў Інстытуце гісторыі НАН Беларусі.



а) ■ ; б) ○ ; в) ● ; г) △ ; д) □ ;

Рыс. 1. Курганныя могільнікі насельніцтва мілаградскай культуры:

а – пахаванні па абраду інгумацыі; *б* – пахаванні па абраду крэмацыі; *в* – бірытуальныя могільнікі; *г* – кенатафы; *д* – курганны могільнік, аднесеныя да мілаградскай культуры ўмоўна; *1* – Дубай; *2* – Вулька Арэя; *3* – Бор Дубянецкі; *4* – Вылазы; *5* – Валадымырэць; *6* – Забороль, ур. Бічаль; *7* – Забороль, ур. Глібака; *8* – Прыбар; *9* – Дзяснянка; *10* – Курылаўка; *11* – Мізякава; *12* – Беразоўка-1; *13* – Малапалавецкае-3; *14* – Грэмячае; *15* – Сялец, VI курганая група; *16* – Селец, VIII курганая група; *17* – Псішча; *18* – Крошніна; *19* – Народзічы; *20* – Няцешын

Падчас раскопак курганам надавалася скразная нумарацыя, прапанаваная ў свой час Ю. У. Кухарэнка і выкарыстаная таксама Г. М. Залашкам, С. Я. Рассадзіным [3, с. 58]. Даследаваныя ў 1989 г. курганы размяшчаліся ў розных частках урочышча Задубенне, кожная з якіх мела сваю назву [3, с. 58, мал. 2: б]. Праца з картаграфічнымі матэрыяламі дазволіла аўтару артыкула вызначыць, што урошчы Бішчане і Крывы Рог, якія згадваюцца ў С. Я. Рассадзіна лакалізаваліся побач з Задубеннем.

Матэрыялы раскопак некропаля каля в. Дубай ужо публікаваліся. Спецыяльныя працы былі прысвечаны публікацыі матэрыялаў 1956, 1989 гг. [2, с. 21–24; 3]. Розныя навукоўцы неаднаразова звярталіся да матэрыялаў помніка пры напісанні абагульняючых прац па археалогіі Беларусі і сумежных тэрыторый [4, с. 44–56; 5; 6; 7, с. 147–148; 8 і інш.].

У гістарыяграфіі найбольш дыскусійным з'яўляецца пытанне храналогіі помніка. Ю. У. Кухарэнка першапачаткова аднёс курганы да VI–V стст. да н. э. [2, с. 11–12]. В. М. Мельнікоўская і У. Я. Яроменка цалкам пагадзіліся з храналогіяй, якую прапанаваў навуковец [9, с. 84; 10, с. 49]. Пазней У. Я. Яроменка пераглядзеў храналогію. На яго думку, традыцыя курганных пахаванняў са зброяй у заходнепалескім варыянце мілаградскай культуры з'яўляецца толькі на фазе B1 (650/640–560/550 гг. да н. э.) згодна адноснай храналогіі Скіфіі [10, с. 52–53]. Л. Д. Побаль у «Очерках по археологии Белоруссии» і М. І. Лашанкоў прапанавалі адносіць іх да VII–VI стст. [11, с. 144–145; 12, с. 168]. С. Я. Рассадзін абазначыў храналагічныя рамкі Дубайскіх курганаў у межах VIII–VII ст. да н. э. [4, с. 26]. С. С. Беразанская адносіла курганы каля в. Дубай да эпохі позняй бронзы – ранняга жалеза. Асноўным крытэрыем для даследчыцы было назіранне аб форме насыпаў і іх блізкасці з курганамі позняй бронзы [7, с. 147–148].

Не менш дыскусійным заставалася пытанне культурных уплываў і кантактаў насельніцтва, што пакінула курганны могільнік каля в. Дубай. Упершыню аб гэтым напісаў Ю. У. Кухарэнка, які лічыў, што грушападобныя гаршкі, адкрытыя ім у курганах, сведчаць аб кантактах з іншакультурным насельніцтвам з поўдня і паўднёвага захаду – лужыцкай, высоцкай ці скіфскай археалагічных культур [2, с. 11]. Л. Д. Побаль выказаў думку, што матэрыялы з дубайскіх курганоў адлюстроўваюць кантакты мілаградскага насельнітцтва з носьбітамі іншых культур паміж Заходнім Бугам і Дняпром [13, с. 11–12]. На падставе аналізу керамічнага комплексу курганных пахаванняў У. Я. Яроменка свярджаў аб тым, што на фарманне мілаградскай культуры ў Заходнім Палессі аказала важны ўплыў насельніцтва суседніх позднелужыцкай і высоцкай культур [14, с. 79]. А. І. Цераножкін і В. А. Іллінская разглядалі гаршкі з курганаў як сведчанне пераймання скіфскіх уплываў [15, с. 189–190]. На карысць існавання актыўных сувязяў з насельніцтвам высоцкай культуры на падставе аналізу элементаў пахавальнай абраднасці і ўзбраення (наканечнікаў коп'яў) з Дубайскіх курганаў выказваўся С. Я. Рассадзін, а таксама аўтары «Очерков по археологии Белоруссии» [4, с. 48, 60; 11, с. 144–145].

Неабходна адзначыць, што метады раскопак насыпаў і фіксацыя працэсу іх даследавання на кожным этапе вывучэння некропаля ў Дубаі адрозніваліся, што не заўсёды дазваляе суаднесці вынікі, атрыманыя рознымі аўтарамі, і параўнаць іх назіранні. Гэта, у сваю чаргу, пэўным чынам уплывае на магчымасці аналізу ў працэсе вывучэння пахавальнага абраду некропаля і рэканструкцыі працэсу будаўніцтва курганоў. Асноўным для аналізу застаецца сітуацыйны план, які быў зроблены ў 1956 г. Ю. У. Кухарэнка [2, с. 11]. Гэты ж план выкарыстоўваўся С. Я. Рассадзіным для абазначэння даследаваных ім насыпаў [3, с. 58].

Характарыстыка курганнага абраду могільніка каля в. Дубай

№ кур-гана	Кас-цякі заха-валіся:	Цела нябожчыка выцягнута па асі	Пясчаная пля-цоўка на ўзроўні старажытнай дзённай паверхні	Пахаванне здзяйснялася	Рэшткі драўляных канструкцый	Прад-меты зброі	Рэшткі трызны	Насып складаўся з дзвюх частак	Дыяметр насыпу, м	Вышыня насыпу, м
№ 1	-	ПдУ – ПнЗ	-	у яме	Зруб; Абпаленая	-	+	+	19	1,7
№ 2	+	ПдУ – ПнЗ	-	на ўзроўні старажытнай паверхні	-	+	-	+	12	0,6
№ 3	-	-	-	на ўзроўні старажытнай паверхні	-	-	+	-	13	0,5
№ 4	-	ПдУ – ПнЗ	-	у яме	-	+	+	-	14	0,85
№ 5	+	ПдУ – ПнЗ	+	на ўзроўні старажытнай паверхні	Зруб; Спарахнелая	+	-	+	22	1,5
№ 6	-	ПдУ – ПнЗ	+	на ўзроўні старажытнай паверхні	-	+	-	-	10	0,5
№ 7	+	ПдУ – ПнЗ	-	у яме	Зруб; Спарахнелая	+	+	+	18	1
№ 8	-	-	-	на ўзроўні старажытнай паверхні	-	-	-	-	8	0,25
№ 9	-	-	-	на ўзроўні старажытнай паверхні	-	-	-	-	6	0,2
№ 10	+	ПдУ – ПнЗ	+	у яме	-	-	+	+	2	1

Сканчэнне табліцы

№ кур-гана	Кас-цякі заха-валіся:	Цела нябожчыка выцягнута па асі	Пясчаная пля-цоўка на ўзроўні старажытнай дзённай паверхні	Пахаванне здзяйснялася	Рэшткі драўляных канструкцый	Прад-меты зброі	Рэшткі трызны	Насып складаўся з дзвюх частак	Дыяметр насыпу, м	Вышыня насыпу, м
№ 11	+	ПдУ – ПнЗ	+	на ўзроўні старажытнай паверхні	Зруб; Абпаленая	-	+	+	16	1,1
№ 12	-	-	+	на ўзроўні старажытнай паверхні	-	-	-	+	12	0,5
№ 13	+	ПдУ – ПнЗ	+	на ўзроўні старажытнай паверхні	Слупавая; Абпаленая	+	-	+	15	1
№ 14	-	-	-	на ўзроўні старажытнай паверхні	-	-	+	-	5	0,5
№ 15	-	Пн – У (?)	-	у яме	-	-	+	-	12	1,5
№ 16	-	-	-	на ўзроўні старажытнай паверхні	-	-	-	-	8-10	0,5
№ 17	+ (?)	?	-	на ўзроўні старажытнай паверхні	-	-	-	-	10	0,5
№ 18	+	?	-	на ўзроўні старажытнай паверхні	-	-	+	-	12	1
№ 19	+	ПнЗ – ПдУ	-	на ўзроўні старажытнай паверхні	-	-	-	-	11	1

Асноўныя вынікі даследавання курганнага могільніка каля вёскі Дубай. Той факт, што за гады раскопак каля в. Дубай было даследавана 19 са 100 насыпаў (калі улічваць дзве групы, што лакалізаваліся на усход і паўднёвы-захад ад урочышча Задубення), дазваляе адносна падрабязна і дастаткова надзейна ахарактарызаваць яго пахавальны абрад.

Можна атрымаць наступную карціну пахавальнага абраду. Насыпы Дубайскіх курганаў былі акруглыя ў плане, у большай альбо меншай ступені пашкоджаныя воркай і аплыўшыя. Іх вышыня складала да 2 м, а дыяметр вагаўся ад 5 да 20 м (табл.). Вылучаецца курган № 10, які быў пашкоджаны воркай і меў вышыню 1 м пры дыяметры ўсяго 2 м [4, с. 24]. Насыпы ўзводзіліся з грунту рознай шчыльнасці: у аснове залягала гліністая ці сугліністая глеба, а верхняя дасыпалася, як правіла, з пяску. На думку Ю. У. Кухарэнка, курган № 5 насыпаўся ў два прыёмы. Першапачатковы насып меў дыяметр каля 11 м і вышыню 1 м, і толькі пасля пэўнага часу, калі паспеў сфармавацца дзярновы слой, курган падсыпалі і ён набыў канчатковыя памеры – да 22 м у дыяметры [4, с. 12].

Можна меркаваць, што ва ўсіх даследаваных курганах пахаванні здзяйсняліся па абраду інгумацыі. Пры гэтым варта адзначыць, што ў 9-ці курганах косткі нябожчыка не захаваліся. Ю. У. Кухарэнка, а пазней С. Я. Рассадзін звязвалі адсутнасць рэштказ цел у курганах з уласцівасцямі глебы [4, с. 16]. Адносна кургана № 17 можна прапанаваць два варыянты інтэрпрэтацыі. Па-першае, абпал цела нябожчыка адбываўся па-за прасторай кургана, і тут мы сутыкаемся з імітацыяй абраду крэмацыі. Па-другое, абпал адбываўся падчас узвядзення кургану і сведчыць на карысць здзяйснення складаных рытуальных практык падчас пахавальнай цырымоніі [3, с. 63].

З-за таго, што косткі ў Дубаі захаваліся дрэнна, не зразумелай застаецца поза нябожчыкаў ў пахаваннях. На падставе размеркавання тлену ад костак, Ю. У. Кухарэнка выказаў меркаванне, што касцякі ляжалі на спіне ў выцягнутым стане [2, с. 11]. Ускосна гэты тэзіс можна пацвердзіць назіраннямі за інгумацыйнымі пахаваннямі мілаградскай культуры, дзе стан захаванасці шкілетаў дазваляў зрабіць падобныя назіранні. Так, выцягнутыя на спіне касцякі вядомы па наступных курганных могільніках: Мізякава (Калінаўскі р-н, Вінніцкая вобл.) (рыс. 1, *11*) (кург. № 2, 3, 4, 5, 6), Курылаўка (рыс. 1, *10*) (Хмельніцкі р-н, Вінніцкая вобл.) (кург. № 1, 2, 9), Малапалавецкае-3 (рыс. 1, *13*) (Фастаўскі р-н, Кіеўская вобл.) (пах. 48) [16; 17; 18, с. 28]. Добра вядомы і грунтовыя могільнікі з пахаваннямі па абраду інгумацыі, якія таксама ілюструюць традыцыю класці нябожчыка на спіне у выцягнутым стане. Сярод іх адзначым пахаванні з могільнікаў Гарадок (Ровенскі р-н, Ровенская вобл.) (пах. № 1, 2, 4, 5), Рудзякі (Барыспольскі р-н, Кіеўская вобл.) (пах. № 1), Казаровічы (Вышгарадскі р-н, Кіўеская вобл.) (пах. № 2–4), Малапалавецкае-3 (пах. № 32, 41, 48, 55, 62, 69 і інш.) і інш. [8, с. 71–73; 19; 20, с. 14–16; 18].

Вядомы таксама пахаванні, у якіх касцякі былі пакладзеныя на баку, у позе эмбрыёну: Мітрапаліччы Сад (г. Кіеў) (пах. № 1), Малапалавецкае-3 (пах. № 188), дзе дземембрацыя[1] імітавала скурчаную позу [21, с. 152–153; 23]. Праўда аб'ект з Малапалавецкага-3, магчыма, адносіцца да эпохі бронзы [22]. Улічваючы тое, што ў цэлым у мілаградскай культуры скурчаныя на баку пахаванні рэдкія, можна меркаваць, што нябожчыкі ў Дубаі сапраўды, верагодней за ўсё, ляжалі выцягнута на спіне.

Грунтуючыся на вызначэнні М. М. Памазанава і У. С. Крумплеўскага, а таксама Ю. У. Кухарэнкі, на помніку каля в. Дубай варта вылучаць калектыўныя пахаванні. Пад адным насыпам змяшчалася некалькі нябожчыкаў у курганах № 5 і 13, 17, 18 (?) [2, с. 22, 24, рис. 11: III, 12: III; 3, с. 59, 62]. Адсутнасць слядоў укопаў у насыпы сведчыць, што калектыўныя пахаванні здзяйсняліся адначасова. Яны здзяйсняліся толькі на старажытнай дзённай паверхні. У арэале мілаградскай культуры калектыўныя пахаванні выяўлены таксама каля в. Сялец, Мізякава (рыс. 1, *11, 15, 16*) (кург. № 5, 6) і Дзяснянкі (рыс. 1, *9*) (кург. № 4). Калі ў Дубае ў калектыўных пахаваннях усе нябожчыкі былі арыентаваны ў адным напрамку, то ў Мізякава (кург. № 5) целы былі арыентаваныя ў супрацьлеглыя бакі [16, с. 82–83; 4, с. 22–24]. У VIII курганнай групе каля в. Сялец было выяўлена два пахаванні, кожнае з якіх знаходзілася ў асобнай пахавальнай яме [9, с. 50]. На тэрыторыі Беларусі ў Верхнім Падняпроўі падобная сітуацыя адзначаецца ў Прыбары, у кургане № 2 (рыс. 1, *2*) [23, с. 62]. На падставе аналогій з курганнага могільніка Мізякава нельга выключыць, што ў кургане № 18 таксама было змешчана калектыўнае пахаванне.

Для курганнага могільніка Дубай можна вызначыць арыентыроўку нябожчыкаў у 12-ці пахаваннях. У 9-ці выпадках целы былі арыентаваныя галавой на паўднёвы-ўсход (табл.). Разам з тым на помніку сустракаецца і паўночная арыентыроўка. Падобная сітуацыя фіксавалася ў Курылаўцы (кург. № 1, 2, 9), Мізякава (кург. № 2–6) [16, с. 83; 17, с. 18–19]. Галавой на паўночны захад былі арыентаваныя пахаванні ў Дзяснянцы [24, с. 155]. У курганнай групе № VIII каля в. Сялец нябожчык быў арыентаваны галавой на паўночны ўсход – усход (кург. № 1, пах. 1 і 2) [9, с. 50]. С. С. Бяссонава, аналізуючы матэрыялы Усходняга Падолля, выказвала меркаванне, што пахаванні з арыентацыяй нябожчыка галавой на поўнач – у цэлым тыповая для мілаградскай культуры пахавальнай практыкі [25, с. 30].

Адзначым, што паўночная і паўночная з адхіленнямі арыенціроўка не характэрная для грунтовых пахаванняў мілаградскай культуры. Не з'яўляецца яна дамінуючай і для насельніцтва лесастэпавай скіфойднай культуры [26,

[1] Паводле Ю. А. Смірнова дземембрацыя – адзін з этапаў (варыянтаў) птоматалагічнай стадыі некралагічнага цыклу, на якім адбываюцца дзеянні, якія прыводзяць да парушэння агульнай («анатамічнай») цэласнасці цела памерлага, г. зн. да яго частковага ці поўнага расчлянення.

с. 111–112]. На тэрыторыі Кіева-Чаркаскай групы паўночная арыенціроўка займае трэцяе месца па распаўсюджанасці [27, с. 27–28; 28, с. 111]. У сінхроннай мілаградскай, валынскай (паводле А. І. Цераножкіна і В. А. Ільінскай) ці магілянскай (паводле Л. І. Крушальніцкай) групе ўвогуле быў характэрны абрад крэмацыі [28, с. 34–36]. Помнікі гэтай групы размяшчаліся цераспалосна з мілаградскімі [29, рис. 50]. Тут вядомы толькі адзінкавыя інгумацыі, але іх культурна-храналагічнае вызначэнне дыскутуецца [28, с. 36–37]. Такім чынам, на дадзены момант не магчыма пераканаўча патлумачыць крыніцу і шляхі распаўсюджання традыцыі паўночнай арыенціроўкі нябожчыкаў у курганных некропалях мілаградскай культуры.

У прасторы кургана пахаванні лакалізаваліся ў цэнтральнай частцы ці з невялікім змяшчэннем ад яго. Той жа прынцып характарызуе інгумацыі, даследаваныя ў арэале культуры ў цэлым [24, с. 155; 31, ріс 1, с. 343–350; 9, с. 50; 18, с. 73, 74; 24]. Большая частка пахаванняў была здзейснена на ўзроўні старажытнай дзённай паверхні (табл.). Сустракалася таксама дадатковая перакрываючая паверхня ў выглядзе пясчанай пляцоўкі (табл.). Можна вылучыць пляцоўкі дзвюх формаў: акруглай і авальнай. Пераважалі пляцоўкі першай формы. Яны выяўленыя ў курганах: 6 (дыяметр крыху болей 2 м), 10 (дыяметр каля 6 м), 11 (3 м), 12 (3 м), 13 (6 м). Пляцоўка авальнай формы выяўлена толькі ў кургане № 5 (даўжыня 5 м, шырыня 3,5 м, таўшчыня 0,10 м, арыентаваная з паўночнага захаду на паўднёвы ўсход). Пахавальная яма ў кургане № 10 знаходзілася пад пясчанай пляцоўкай, што не характэрна для разглядаемага могільніка. У іншых курганах, дзе былі выяўлены пясчаныя пляцоўкі, пахаванні былі здзейсненыя на іх. Не менш важнай складаючай пахавальнага абраду з'яўляецца выкарыстанне драўляных канструкцый у якасці дадатковай перакрываючай паверхні насельніцтвам мілаградскай культуры на могільніку ў Дубаі. У адным выпадку, верагодна, была зафіксавана слупавая канструкцыя, а ў іншых – зрубная (табл.).

Сляды больш складаных абрадавых дзеянняў, якія могуць быць інтэрпрэтаваныя як трызна, зафіксаваныя ў 9-ці курганах Дубая. Мы не ведаем, як выглядаў у дэталях гэты абрад. Але яго слядамі, якія могуць фіксаваць археолагі, з'яўляюцца абломкі посуду, выяўленыя ў курганах па-за межамі пахавальных ям ці пясчаных пляцовак, развалы пасудзін у насыпу, а таксама сляды вогнішчаў. У кургане № 4 каля в. Дубай наканечнік кап'я знаходзіўся па-за межамі пахавальнай ямы. Магчыма, гэтая знаходка таксама адлюстроўвае пэўныя памінальныя дзеянні. Таксама ў якасці элементу памінальнага абраду на ўзроўні старажытнай паверхні маглі змяшчацца рэшткі жывёл. Такі абрад зафіксаваны ў курганах № 1, 10, 18. Пад насыпамі № 1, 10 знаходзіліся парэшткі каня, і каровы ў кургане № 18. У кургане № 1 парэшткі каня знаходзіліся побач з развалам пасудзіны, што яшчэ раз можа ўказваць на здзяйсненне пэўных рытуалаў.

Змяшчэнне костак жывёл у пахаванні вядомыя і па матэрыялах грунтовых могільнікаў [9, с. 47; 21, с. 14–16]. Падобную інтэрпрэтацыю для знаходак парэштак жывёл прапануюць для помнікаў лесастэпавай скіфойднай культуры [26, с. 225]. На падставе аналізу планіграфіі аб'ектаў можна вылучыць некалькі варыянтаў месцаў абрадавых дзеянняў, звязаных з трызнай: 1) побач з пахвальнай ямай (курганы № 1, 7); 2) на адлегласці ад пахавальнай ямы ці пляцоўцы ў паўночным ці паўночна-заходнім напрамку (курганы № 3, 4, 10, 11, 15, 18).

Сляды абпалу на зубах чалавека з кургана № 17 таксама можна разглядаць у кантэксце пэўных рытуальных практык. На карысць гэтага ўказвае невялікая тэмпература абпалу, а таксама кароткачасовае знаходжанне костак ў вогнішчы, згодна з вызначэннем антраполагаў [3]. Можна меркаваць, што абпал цела нябожчыка адбываўся на заключным этапе здзяйснення пахавання, непасрэдна перад узвядзеннем курганнага насыпу. Верагодна, частковы абпал цел нябожчыкаў адбываўся і ў іншых пахаваннях на могільніку ў Дубаі. Ускосна на гэта указваюць рэшткі абпаленых драўляных плах з кurганоў № 1, 11 і 13. На іншых помніках мілаградскай культуры слядоў частковага абпальвання нябожчыкаў на дадзены момант не выяўлена. У кургане № 17 былі зафіксаваны камяні са слядамі агню, а таксама пляма са спарахнелымі косткамі. Верагодней за ўсё, у гэтым выпадку мы таксама маем дачыненне з праявамі пэўных рытуалаў, якія здзяйсняліся падчас пахавання. Камяні і агонь займалі важнае месца ў пахавальным абрадзе насельніцтва мілаградскай культуры [9, с. 46–47]. Гэты тэзіс знаходзіць пацверджанне і ў матэрыялах дубайскіх курганаў, дзе, акрамя курганаў № 17 і 19, сляды звязаных з агнём рытуалаў можна адзначыць яшчэ ў 7-мі насыпах (табл.).

Можна канстатаваць той факт, што пахавальны абрад Дубайскіх курганоў дэманструе падабенства па шэрагу прыкмет з астатнімі курганнымі некропалямі ў арэале мілаградскай культуры. Пахаванні здзяйсняліся ў блізкіх па памерах ямах прамакутнай формы. Яны ажыццяўляліся па абраду інгумацыі, таксама на могільніку фіксуюцца калектыўныя пахаванні. Існавала традыцыя рытуальнага абпальвання і абкладання пляцовак пяском на ўзроўні старажытнай паверхні. Здзяйсненне пэўных рытуалаў адбывалася каля пахавальных ям.

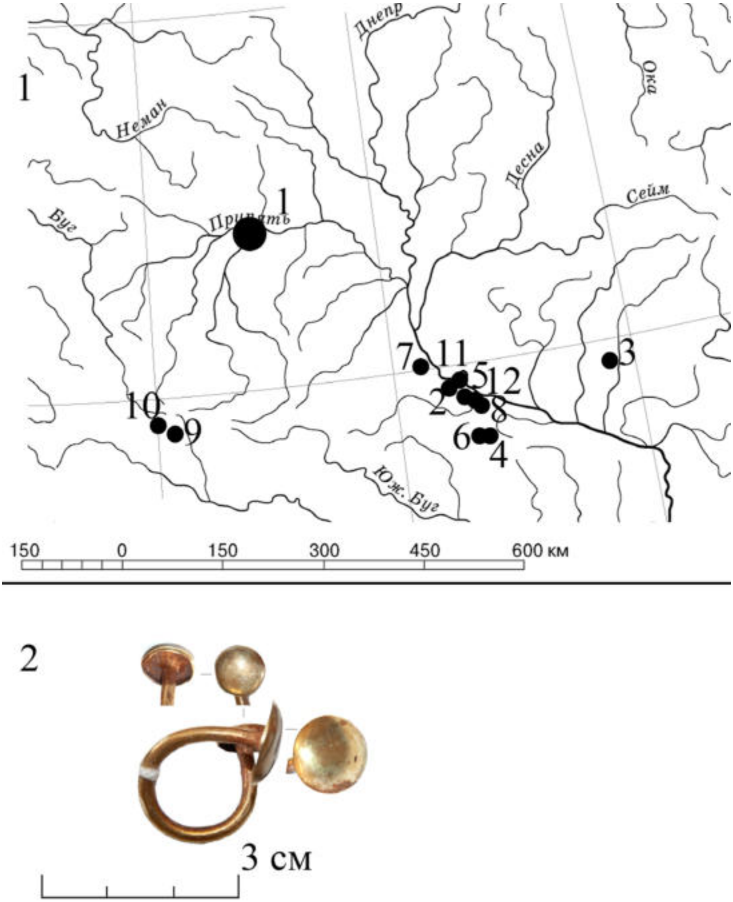
На прыкладзе могільніка Дубай можна адзначыць, што не заўсёды адзначаецца ўзаемасустракаемасць такіх элементаў, як найбольшы памер насыпу, драўляная канструкцыя, памінальныя абрады, пясчаная пляцоўка з аднаго боку з найбольш багатым і прадстаўнічым інвентаром, такім як прадметы ўзбраення ці ўпрыгожанні (табл.). Так, напрыклад, насып кургана № 1 вызначаецца вялікімі памерамі, у ім прысутнічае драўляная канструкцыя. Між тым, у яме ў якасці інвентару адзначаецца толькі крамянёвы скрабок. У кургане № 2, дзе пры касцяку знаходзіўся такі прэстыжны элемент інвентару,

як наканечнік кап'я, насып не вылучаўся сярод іншых памерам, у ім адсутнічалі складаныя элементы, такія як драўляная канструкцыя ці адмысловая ахвярная пясчаная пляцоўка.

Храналогія і праблема культурных сувязей. Датаванне Дубайскіх курганаў у значнай ступені грунтуецца на датах, які прапануюцца для жалезных наканечнікаў коп'яў. Абапіраючыся на сучасны стан вывучэння знаходак падобных тыпаў, можна датаваць гэты помнік у межах VII–VI ст. да н. э. Выяўленыя ў Дубае наканечнікі коп'яў маюць блізкую, лаўралістную форму, аднак, іх можна падзяліць на 2 групы, згодна з тыпалогіяй Г. І. Мелюковай [32, с. 168; 36, с. 36, 38]. Да першай групы адносяцца наканечнікі з курганоў № 2, 4 і 5 [2, табл. 1: 1, 2, 5], утулка ў якіх праходзіць шырокім рабром па сярэдзіне лопасцяў пяра і суадносяцца з 1 тыпам 1 аддзелам. У наканечнікаў, знойдзеных у курганах № 6, 13, паміж лопасцямі знаходзіцца вузкае рабро, якое паступова пераходзіць ва ўтулку [2, табл. 2: 2, 1: 1, 2, 5, 7]. Згодна з Г. І. Мелюковай, гэтыя наканечнікі ў цэлым можна датаваць у межах VII–VI ст. да н. э. [32, с. 36].

Найбольш цікавай з'яўляецца залатая завушніца з кургана № 5 (рыс. 2, *б*) [2, табл. 1: 3], якая адносіцца да сягментападобных. Звычайна яны маюць выгнутую дужку, да якой мацуюцца два шчыткі розных памераў. У завушніцы з Дубая адзін шчыток памерамі 11,4х11,3 мм, а меншы – 8,3х7,9 мм, дыяметр дужкі – 2,1 мм. Падобныя завушніцы найбольш распаўсюджаныя ў арэале мілаградскай культуры, але, як правіла, яны зроблены з бронзы. Акрамя таго, такія вырабы шырока прадстаўленыя ў матэрыялах суседніх сінхронных культур: у тарнабжэгскай групе лужыцкай культуры, высоцкай, юхнаўскай, днепра-дзвінскай, культурах Лесастэпавай Скіфіі і інш. [33, рис. 73: 23; 34, рис. 126; 36, с. 21; 36; 37]. В. Г. Пятрэнка адносіць падобныя завушніцы да 1 варыянта 1 тыпу і датуе ў межах VI ст. да н. э. [35, с. 21, 25]. Пры гэтым варта адзначыць, што вырабы, зробленыя з золата, найбольш прадстаўлены ў матэрыялах лесастэпавай скіфіі ў комплексах «арыстакратычных» курганоў (рыс. 2, *а*) [39, с. 28–33]. Храналогію комплексаў з аналагічнымі ўпрыгажэннямі можна вызначыць у межах канца VII – першай паловы VI ст. да н. э. [38, с. 28–33; 40, с. 52–53; 10, табл. 1; 41, с. 141].

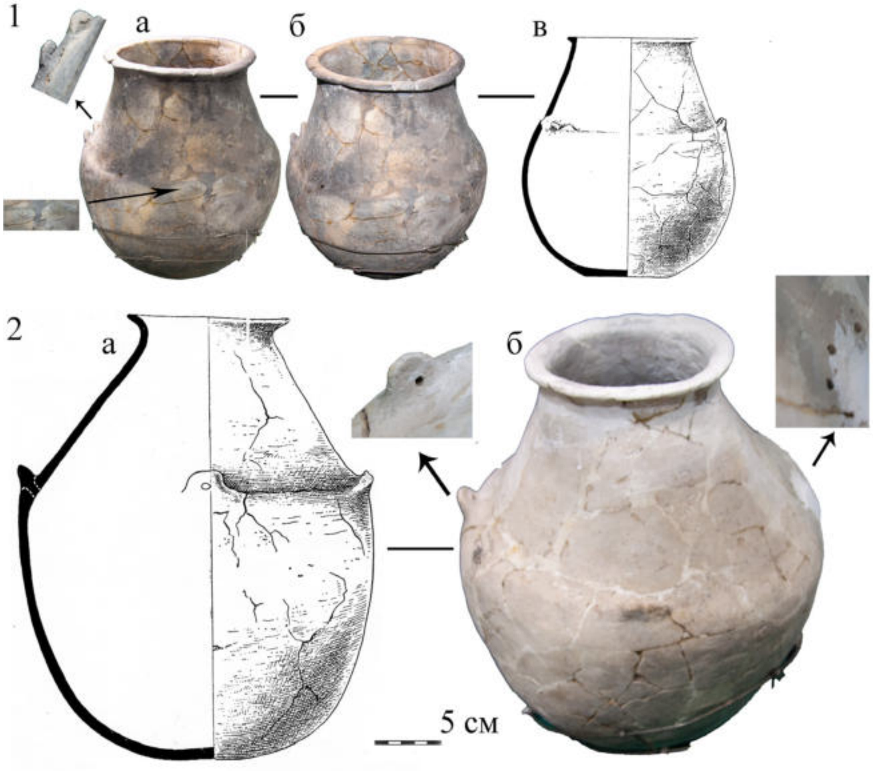
Важнымі для разумення культурных кантактаў насельніцтва мілаградскай культуры з'яўляюцца два грушападобныя гаршкі з курганаў № 5 і 7 (рыс. 3). У пасудзіны з кургана № 5 прамое, зрэзанае венца, шыйка не вылучана. Плячук упрыгожаны трыма двайнымі выступамі (рыс. 3, *1*). Гаршчок з кургана № 7 меў адагнутае звонку венца з плаўным выгінам (рыс. 3, *2*). Упрыгожаны чатырма вушкамі-ўпорамі з адтулінамі. На пасудзіне маюцца тры скразныя адтуліны памерамі 3–4 мм, якія, хутчэй за ўсё, сведчаць аб слядах рамонту. Паверхня абедзвюх пасудзін глянцаваная [2, с. 98]. Гэта нетыповыя для мілаградскай культуры формы. Падобныя пасудзіны ў арэале



Рыс. 2. Залатыя завушніцы ранняга жалезнага веку на тэрыторыі Усходняй Еўропы:

а – Комплексы ранняга жалезнага веку з залатымі сягментападобнымі завушніцамі:
1 – Дубай; *2* – Сіняўка 100; *3* – Бельскае гарадзішча, курганны могільнік Скорабар 2, 2019; *4* – Репехеватая магіла; *5* – Бобрыца, курган № 40; *6* – Жураўка, курган № 447; *7* – Трыполле, курган № 1; *8* – Курылаўка, курган № 25; *9* – Івахноўцы, курган № 1; *10* – Ракоўка, курган № 2; *11* – Трахцеміраўскае гарадзішча; *12* – Мошны, выпадковая знаходка;
б – Залатая завушніца з кургана № 5 каля вёскі Дубай

мілаградскай культуры былі знойдзены на шэрагу помнікаў з цячэння ракі Гарынь: у кургане № 3 каля в. Валадымірэц; грунтовым пахаванні каля в. Брадзіў (Астрожскі р-н); грунтовым пахаванні каля в. Гарадзішча (Ровенскі р-н); а таксама ў комплексе пабудовы Пересопніца-Баранівка – 2 (Ровенскі р-н) [14; 4, с. 43, рis. 8: 1–4; 42, с. 258].



Рыс. 3. Карчагі з курганнага могільніка каля в. Дубай:

1 – Курган № 5; *2* – Курган № 7

Умоўна пасудзіны можна аднесці да карчаг вілланаўскага тыпу, якія былі пашыраныя ў культурах усходнеальпійскага і фракійскага гальштата, а таксама у лесастэпавай зоне ў перадскіфскі і скіфскі перыяды. Ад класічных карчаг гэтага тыпу дубайскія адрозніваюцца прафіліроўкай ніжніх частак, якія маюць мілаградскія рысы, а менавіта акруглабокасць. Такім чынам, у гэтых пасудзінах можна прасачыць сінкрэтызм культурных традыцый. Існуе два накірункі па рашэнню пытання аб крыніцы запазычання ідэі такіх пасудзін. Частка даследчыкаў лічыць, што яны з’яўляюцца ў насельніцтва мілаградскай культуры пад уздзеяннем плямёнаў Лесастэпавай Скіфіі [41, с. 43; 15, с. 180; 43, с. 42–45]. Гаршкі вілланаўскага тыпу былі распаўсюджаны ў асноўным на раннескіфскім этапе, які ахоплівае VII–V ст. да н. э., і не адзначаюцца ў старажытнасцях сярэднескіфскага этапу [43, с. 42–45; 44, с. 53, 77, рис. 10: 12, 13]. Іншыя даследчыкі лічаць, што на мілаградцаў аказала ўплыў

насельніцтва высоцкай культуры [4, с. 60]. Гэтаму не супярэчыць храналогія пахаванняў, у якіх былі выяўлены разглядаемыя пасудзіны. Адна з падобных пасудзін знойдзеная ў пахаванні № 53а могільніка Высоцк, якое належыць да II этапу позневысоцкага перыяду і сінхранізуецца з фазай НаС1 па цэнтральнаеўрапейскай храналогіі [34, с. 215, рис. 96: 3–4, табл. 5]. У цэлым, ранняе для мілаградскай культуры датаванне пахаванняў пацвярджаецца падабенствам глінянага начыння з раннімі формамі Пагарыння і Падняпроўя, а таксама арнаментацыяй перлінкамі і праколамі, тыповымі для керамічнага комплексу ранніх помнікаў гэтай культуры [3, с. 59–63].

Высновы. Па выніках аналізу пахавальнага абраду курганнага могільніка каля в. Дубай можна зрабіць шэраг высноў. На помніку вылучаецца некалькі абрадавых груп, якія характарызуюцца наступнымі рысамі.

1) Пахаванні здзейсненыя з паўднёва-ўсходняй арыентыроўкай нябожчыкаў. У дадзенай групе можна вылучыць два варыянты.

а) Пахаванні лакалізуюцца на ўзроўні старажытнай дзённай паверхні. У якасці дадатковых элементаў пабудовы кургана выкарыстоўваліся пясчаныя пляцоўкі, а на пэўнай адлегласці ад нябожчыка здзяйсняліся рытуалы, звязаныя з трызнай. Зрэдку выкарыстоўваліся драўляныя канструкцыі.

б) Цела нябожчыка змяшчалася ў яму падакруглай формы. Дадатковыя элементы ў цэлым падобныя на папярэдні варыянт.

2) Пахаванні з паўночнай арыентыроўкай (курган № 15, 19). У якасці дадатковых элементаў фіксуюцца сляды трызны.

Пэўная асаблівасць тычыцца арыенціроўкі нябожчыкаў. У курганных пахаваннях мілаградскай культуры, у цэлым, дамінуе традыцыя палажэння цел галавой на поўнач. Пры гэтым у матэрыялах Дубайскага могільніка і грунтовых інгумацыйных пахаваннях мілаградскай культуры такая арыенціроўка фіксуецца рэдка. Паўночную арыенціроўку можна адзначыць на шэрагу курганных могільнікаў, такіх як Дзяснянка, Курылаўка, Мізякава, Сялец, VIII курганная група. В. М. Мельнікоўская лічыла, што курганы Жытоміршчыны з’яўляюцца архаічнымі [9, с. 50]. Аднак могільнікі Дзяснянка, Курылаўка і Мізякава сёння сумарна адносяцца да VI–IV ст. да н. э., і можна меркаваць, што паўночная арыенціроўка пераважае на розначасовых курганных некропалях ў розных рэгіёнах. Такім чынам, тэндэнцыя да арыентавання нябожчыкаў галавой на поўдзень, якая характарызуе пахавальную абраднасць могільніка ў Дубаі, вылучае гэты помнік на агульным фоне мілаградскіх курганных некропаляў і набліжае яго да грунтовых пахаванняў з інгумацыямі. Гэтую асаблівасць можна звязваць з міграцыямі і кантактамі як ўнутры арэала мілаградскай культуры, так і з іншакультурным насельніцтвам. Традыцыя ўзвядзення драўляных канструкцый на ўзроўні старажытнай паверхні вылучае курганы каля в. Дубай сярод пахаванняў мілаградскай і сінхронных культур, для якіх больш характэрны канструкцыі ў ямах.

Храналагічна могільнік каля вёскі Дубай, на нашу думку, адносіцца да канца VII – першай паловы VI ст. да н. э. Вызначэнне больш дробнай храналогіі на сённяшні дзень не магчыма. Улічваючы залатую завашніцу і прапанаваныя аналогіі, можна выказаць думку аб уплыве на насельніцтва, якое пакінула могільнік каля в. Дубай, з боку лесастэпавай скіфойднай культуры. Пры гэтым з-за слабой вывучанасці помнікаў цячэння ракі Гарынь ў раннім жалезным веку, а таксама надкультурным характары формы пасудзін з курганоў № 5 і 7, цяжка дакладна вызначыць вектар культурных навацый і сувязей.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. *Сахончик О. Д.* Погребальный обряд населения милоградской культуры: историография и история изучения // Вестник Гродненского государственного университета имени Янки Купалы. Серия 1. История и археология. Философия. Политология. 2022. Т. 14, № 3. С. 41–50.
2. *Кухаренко Ю. В.* Памятники железного века на территории Полесья. Москва: АН СССР, 1961. 70 с.
3. *Сахончык А. Д.* Даследаванне курганнага могільніка мілаградскай культуры каля вёскі Дубай Пінскага раёна Брэсцкай вобласці ў 1989 годзе: сістэматызацыя і аналіз крыніц // МАБ. 2023. Вып. 33. С. 58–65.
4. *Рассадин С. Е.* Милоградская культура: ареал, хронология, этнос. Минск: ГНУ «Институт истории НАН Беларуси», 2005. 106 с.
5. *Лашанкоў М. І.* Археалагічныя помнікі мілаградскай культуры // Археалогія Беларусі: У 4 т. Т. 2. Мінск, 1999. С. 29–39.
6. *Вергей В. С.* Западный ареал милоградской культуры // ГАЗ. 1995. № 7. С. 83–100.
7. *Березанская С. С.* Северная Украина в эпоху бронзы. Киев: Наукова думка, 1982. 210 с.
8. *Свешников І. К.* Пам’ятай милоградської культури в басейні р. Горинь // Археологія. 1971. № 2. С. 68–81.
9. *Мельниковская О. Н.* Племена Южной Белоруссии в раннем железном веке. Москва: Наука, 1967. 195 с.
10. *Еременко В. Е.* Относительная и абсолютная хронология Скифии: взгляд со стороны // Stratum + ПАВ: Сб. статей к 60-летию Д. А. Мачинского и М. Б. Щукина. Кишенев, 1997. С. 44–61.
11. Очерки по археологии Белоруссии. Ч. 1. Минск: Наука и техника, 1970. 272 с.
12. *Лошенков М. И.* Городища Милоградской культуры на территории Беларуси. Минск: МФЦП, 2011. 408 с.
13. *Поболь Л. Д.* Археологические памятники Белоруссии. Железный век. Минск: Наука и техника, 1983. 429 с.
14. *Еременко В. Е.* Археологическая карта милоградской культуры // Славяне: этногенез и этническая история (междисциплинарные исследования). Ленинград, 1989. С. 76–105.

15. *Ильинская В. А., Тереножкин А. И.* Скифия VII–IV вв. до н. э. Киев: Наукова Думка, 1983. 380 с.

16. *Лобай Б. И.* Кургани скіфського часу на Вінниччині // Археологія. 1977. № 21. С. 77–84

17. *Лагодовська Ф.* Кургани скіфського часу в с. Курилівці // Археологічні пам'ятки УРСР. Київ, 1956. т. VI . С. 17–20.

18. *Лысенко С. Д.* Погребения скифского времени Малополовецкого могильника // Археологічні пам›ятки Фастівщини. Матеріали до археологічної карти Київської області. Фастів, 2004. № 20–21. С. 6–33.

19. *Савчук А. П.* Бескурганное погребение в с. Рудяки на Киевщине // КСИА АН УССР. 1952. Вып. 1. С. 56–58

20. *Петровська Є. О.* Підгірцівські пам'ятки Київського Подніпров'я // Археологія. 1971. № 2. С. 9–22.

21. *Гончар В. М.* Нові пам›ятки раннього заліза на території сучасного Києва // Археологія. 1997. № 1. С. 149–155.

22. *Лысенко С. Д.* Исследования Малополовецкого археологического комплекса в 2009 г. // Археологічні дослідження в Україні 2009 р. Київ, 2010. С. 270–271.

23. *Крывальцэвіч М. М. Бычкоў М. У.* Прыбарскія курганныя могільнікі эпохі бронзы // ГАЗ. 1996. № 9. С. 61–76.

24. *Шекун А. В.* Могильник милоградской культуры у с. Деснянка близ Чернигова // Археологічні старожитності Подесення. Чернігів, 1995. С. 152–158.

25. *Бессонова С. С.* Курганы лесостепного Побужья // Древности скифов: сборник статей. Киев, 1994. С. 3–34.

26. *Махортых С. В.* Общее и особенное в погребальной обрядности ранних скифов лесостепной Украины // Восточноевропейские древности: сборник научных трудов. Воронеж, 2012. С. 106–118.

27. *Ковпаненко Г. Т.* Памятники скифской эпохи Днепровского Лесостепного Правобережья (Киево-Черкасский регион). Киев: Наукова думка, 1989. 336 с.

28. *Скорый С. А.* О Волынской локальной группе памятников «скифской культуры» Правобережной Лесостепи // Древности скифов: сборник статей. Киев, 1994. С. 34–40.

29. Археология Прикарпатья, Волыни и Закарпатья (энеолит, бронза и раннее железо). Киев: Наукова думка, 1990. 188 с.

30. *Махно Е. В.* О культурно-хронологической принадлежности могильника Гремячье на Житомирщине // Емінак. 2020. №1 (29). С. 342–363.

31. *Лысенко С. Д.* Курган милоградской культуры близ Киева // Донецький археологічний збірник за 2009/2010 рр. 2010. № 13–14. С. 229–247.

32. *Мелюкова А. И.* Вооружение скифов. Москва: АН СССР, 1964. 92 с.

33. *Каравайко Д. В.* Памятники юхновской культуры Новгород-Северского Полесья. Киев: ИА НАН Украины, 2012. 276 с.

34. *Бандрівський М.* Культурно-історичні процеси на Прикарпатті і Західному Поділлі в пізній період епохи бронзи – на початку доби раннього заліза. Львів: Інститут українознавства ім. І. Крип'якевича НАН України, 2014. 574 с.

35. *Петренко В. Г.* Украшения Скифии VII–III вв. до н. э. Москва: АН СССР, 1978. 144 с.

36. *Полит Б.* Матеріали до вивчення цвяхоподібних сережок ранньозалізного віку з території Польщі // Археол. досл. Львів. ун-ту. 2010. Вип. 13. С. 148–170.

37. *Gawlik A.* Elementy miłogradzkie w środowisku kultury łużyckiej Polski Południowo-Wschodniej // Tarnobrzeska kultura łużycka. Źródła i interpretacje. Rzeszów, 2009. S. 177–189.

38. *Клочко Л.* Сережки у вбранні населення Скіфії (з колекції Музею історичних коштовностей України). Київ: ТОВ «Фенікс», 2021. 172 с.

39. *Ковпаненко Г. Т.* Курганы раннескифского времени в бассейне р. Рось. Киев: Наукова думка, 1981. 162 с.

40. *Гречко Д. С.* О памятниках киммерийцев и «раннескифской» культуре // Stratum plus. Культурная Антропология. Археология. 2013. № 3. С. 133–154.

41. *Бардецкий А.* Житло милоградської культури з поселення Пересопниця–Баранівка-2 Рівненського району // Нові дослідження пам'яток археології на Волині: Матеріали науково-практичної конференції. Пересопниця, 2018. Вип. 6. С. 29–48.

42. *Бардецький А.* Парне поховання милоградської культури Бродівське на Острожчині // Острозький краєзнавчий збірник. Острог, 2021. Вип. 13. С. 254–281.

43. *Пеляшенко К. Ю.* Ліплений посуд скіфського часу населення Дніпро-Донецького Лісостепу. Київ–Котельва: ІА НАН України–ІКЗ «Більськ», 2020. 378 с.; 175 рис.; 72 табл.

44. *Ковпаненко Г. Т., Бессонова С. С., Скорый С. А.* Памятники скифской эпохи Днепровского Лесостепного Правобережья (Киево-Черкасский регион). Киев: Наукова думка, 1989. 336 с.

ІМПАРТАВАНЫЯ ШКЛЯНЫЯ ПАЦЕРКІ З МОГІЛЬНІКА КАЛЯ В. ЧАПЛІН У КАЛЕКЦЫІ «АРХЕАЛОГІЯ ПЕРШАБЫТНАСЦІ» НАЦЫЯНАЛЬНАГА ГІСТАРЫЧНАГА МУЗЕЯ РЭСПУБЛІКІ БЕЛАРУСЬ

А. М. Ушко

*Нацыянальны гістарычны музей Рэспублікі Беларусь, вул. К. Маркса, 12,
220030, г. Мінск, Рэспубліка Беларусь;
Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4,
220030, г. Мінск, Рэспубліка Беларусь, ushkoarch@gmail.com*

Прадстаўлена апісанне шкляных пацерак з могільніка каля в. Чаплін у калекцыі «Археалогія Першабытнасці» Нацыянальнага гістарычнага музея Рэспублікі Беларусь. Вызначаны памеры, колер і іншыя асаблівасці пацерак з пахаванняў. Зроблена полаўзроставая ідэнтыфікацыя пахаванняў з пацеркамі. Выяўлены найбольш папулярны тып пацерак па класіфікацыі К. М. Аляксеевай. Выяўлены найбольш магчымыя шляхі паступлення шкляных пацерак на тэрыторыю Беларусі. Вызначаны асноўныя тэндэнцыі і час бытавання шкляных пацерак на помніках зарубінецкай культуры.

Ключавыя словы: зарубінецкая культура; Беларускае Падняпроўе; упрыгожванні; імпарт; полаўзроставыя характарыстыкі.

ИМПОРТИРОВАННЫЕ СТЕКЛЯННЫЕ БУСЫ С МОГИЛЬНИКА ОКОЛО Д. ЧАПЛИН В КОЛЛЕКЦИИ «АРХЕОЛОГИЯ ПЕРВОБЫТНОСТИ» НАЦИОНАЛЬНОГО ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

А. М. Ушко

*Национальный исторический музей Республики Беларусь, ул. К. Маркса, 12,
220030, г. Минск, Республика Беларусь;
Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Республика Беларусь, ushkoarch@gmail.com*

Представлено описание стеклянные бус из могильника около д. Чаплин в коллекции «Археология Первобытности» Национального исторического музея Республики Беларусь. Определены размеры, цвет и другие особенности бус из погребений. Сделана половозрастная идентификация погребений с бусами. Определены наиболее популярные типы бус по классификации Е. М. Алексеевой и возможные пути их поступления на территорию Беларуси. Определены основные тенденции и время бытования стеклянных бус на памятниках зарубинецкой культуры.

Ключевые слова: зарубинецкая культура; Белорусское Поднепровье; украшения; импорт; половозрастные характеристики.

IMPORTED GLASS BEADS FROM THE BURIAL GROUND NEAR CHAPLIN VILLAGE IN THE COLLECTION «ARCHEOLOGY OF PRIMITIVENESS» OF THE NATIONAL HISTORICAL MUSEUM OF THE REPUBLIC OF BELARUS

A. M. Ushko

The National historical museum of the Republic of Belarus, K. Marx str., 12, 220030, Minsk, Republic of Belarus;
Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus, ushkoarch@gmail.com

Glass beads description from the burial ground near Chaplin village in the collection «Archaeology of Primitiveness» of the National Historical Museum of the Republic of Belarus is presented. The size, color, and other features of the beads from the burials have been determined. The sex and age identification of burials with beads has been made. The most popular types of beads according to the classification of E. M. Alekseeva and possible ways of their entry into the territory of Belarus have been identified. The main trends and the time of the existence of glass beads on the monuments of the Zarubinets culture are determined.

Keywords: Zarubinets culture; Belarusian Dnieper region; jewelry; import; gender and age characteristics.

З пачаткам выкарыстання шкладутнай трубкі чалавецтва пераходзіць да рашучага пералому ў тэхналогіі шклянога майстэрства: прадукцыя стала шырэй, танней і больш даступнай для насельніцтва. Пачынаючы з першых стагоддзяў нашай эры, шкляны посуд і упрыгожванні пераўтвараюцца ў звычайны і штодзённы тавар. Таксама пачынаюць удасканальвацца і складаныя тэхналогіі.

Працэс шкловарэння атрымаў шырокае распаўсюджанне ў розных частках Рымскай імперыі – рамеснікі-шкларобы мігравалі і асноўвалі сваю вытворчасць у мностве буйных цэнтраў, дзе іх прадукцыя карысталася вялікім попытам [1, с. 35–36]. Акрамя распаўсюджвання ў саміх буйных цэнтрах, шкляныя вырабы (у першую чаргу пацеркі) распаўсюдзіліся ў якасці імпарту і ў іншыя рэгіёны, у тым ліку на тэрыторыю Беларусі.

Вялікая колькасць пацерак знойдзена на зарубінецкіх могільніках Беларускага Падняпроўя. У іншых рэгіёнах зарубінецкай культуры шкляныя пацеркі сустракаюцца значна радзей. І гэта негледзячы на тое, што верхнедняпроўскі варыянт геаграфічна больш аддалены ад шкларобчых майстэрняў латэнскага і антычнага свету. А. І. Драбушэўскі мяркуе, што ў гэтым рэгіёне, у адрозненні ад Прыпяцкага Палесся і Сярэдняга Падняпроўя, антычны імпарт уяўляў большую каштоўнасць і яму надавалі вялікае значэнне ў пахавальным інвентары [2]. Самая вялікая колькасць пацерак жалезнага веку была знойдзена на могільніку Чаплін (Лоеўскі раён Гомельская вобласць).

Пацеркі выяўлены ў пахаваннях, якія лакалізаваліся ў цэнтральнай і паўднёва-ўсходняй частках могільніка. Згодна з распрацоўкамі археолагаў, выяўленыя комплексы адносяцца да ранніх. У літаратуры фігуруе меркаванне, што пад час бытавання познелатэнскіх фібул пацеркі амаль не паступалі насельніцтву зарубінецкай культуры [3, с. 135–139].

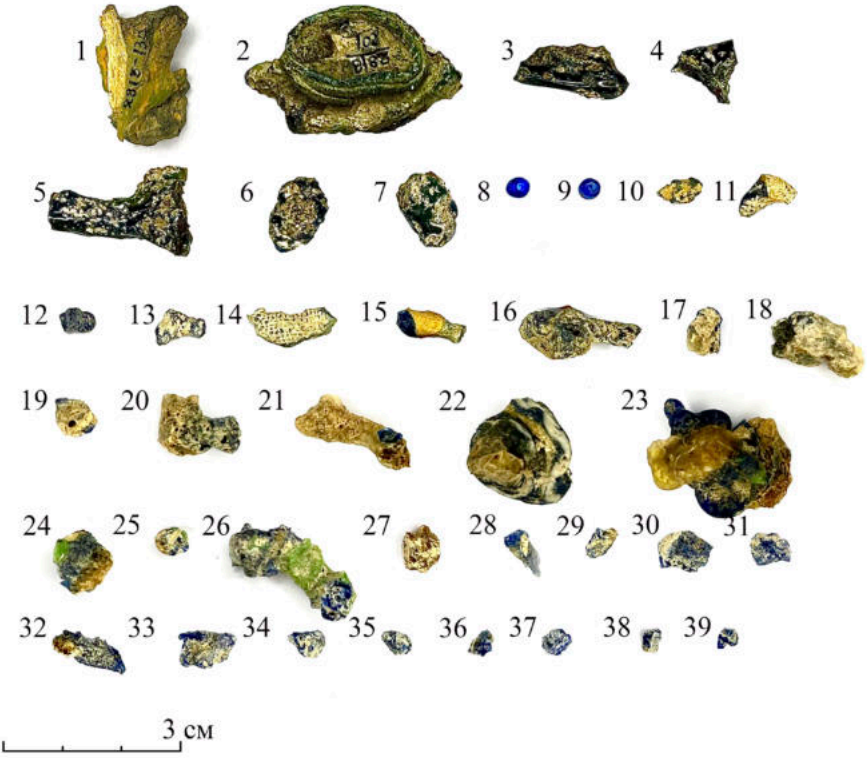
Пацеркі былі выяўлены ў 37 пахаваннях, і іх агульная колькасць складае больш за тысячу адзінак, некалькі соцен пацерак аплаўлены, таму вызначыць дакладную колькасць не магчыма. Да таго ж, выклікае пытанне спосаб падліку шкляных пацерак Л. Д. Побалем: даследчык не падлічваў кожную пацерку, а дзяліў агульную вагу на вагу адной, атрымоўваючы, такім чынам, прыблізную колькасць. Большасць пацерак былі знойдзены ў жаночых пахаваннях, але сустракаюцца і ў мужчынскіх.

Вялікая частка пацерак, знойдзеных падчас раскопак Л. Д. Побалем могільніка каля в. Чаплін, захоўваецца ў Нацыянальным гістарычным музеі Рэспублікі Беларусь. Частка з іх знаходзіцца ў фондах калекцыі «Археалогія Першабытнасці», а таксама – непасрэдна выстаўляецца ў пастаяннай экспазіцыі.

У калекцыі прадстаўлены пацеркі з шаснаццаці пахаванняў: № 63, № 72, № 99, № 111, № 116, № 117, № 120, № 127, № 132, № 133, № 188, № 218, №219, № 263, № 268 і № 270. З усёй калекцыі шэсцьдзесят адна – гэта пацеркі ці асобныя, ці сплаўленыя разам, і пяцьдзесят восем расплаўленых аморфных згрушчванняў.

Пахаванне № 63 прадстаўлена згрушчваннем (КП 45416/18) моцна сплаўленых шкляных пацерак сіняга і зялёнага колераў з рэшткамі кальцынаванай косткі (рыс. 1, *1*). Памеры гэтага згрувашчвання наступныя: даўжыня – 2,3 см, шырыня – 1,5 см, вышыня 0,9 см, вага 3,41 г.

Пахаванне № 72 прадстаўлена згрушчваннем (КП 45416/27) (рыс. 1, *2–7*) аплаўленых пацерак сіне-жоўтага колеру з наступнымі памерамі: даўжыня – 1,4 см, шырыня – 1 см, вышыня – 0,65 см, вага – 0,65 г; згрушчваннем (КП 45416/28) сіне-бірузовага колеру з памерамі: даўжыня – 1,6 см, шырыня – 0,9 см, вышыня – 0,8 см, вага – 0,89 г; і чатырма згрушчваннямі (КП 45416/29) сіняга, жоўтага і бірузовага колераў. Першае згрушчванне прадстаўлена пацеркай з уплаўленым бронзавым трохабаротным колцам з круглага дроту, на паверхні шкла бачны сляды тканіны. Памеры наступныя: даўжыня – 3,8 см, шырыня – 2,3 см, вышыня – 1,5 см, вага – 7,19 г. Другое згрушчванне – сплаўленыя сіне-зялёныя пацеркі з украпленнямі жоўтага шкла з памерамі: даўжыня – 2,7 см, шырыня – 0,6–1,6 см, вышыня 0,5–0,7 см, вага – 1,82 г. Трэцяе згрушчванне – аплаўленыя сіне-бірузовыя пацеркі з памерамі: даўжыня – 1,95 см, шырыня – 0,75–0,95 см, вышыня – 0,6 см, вага – 0,99 г. Чацвёртае згрушчванне – трохкутнік з цёмна-сіняга шкла з памерамі 1,1 см на 1,1 см на 1,1 см і вагай 0,52 г.



Рыс. 1. Пацеркі з пахаванняў могільніка Чаплін:

1 – № 63; *2–7* – № 72; *8* – № 99; *9–16* – № 111; *17–39* – № 116

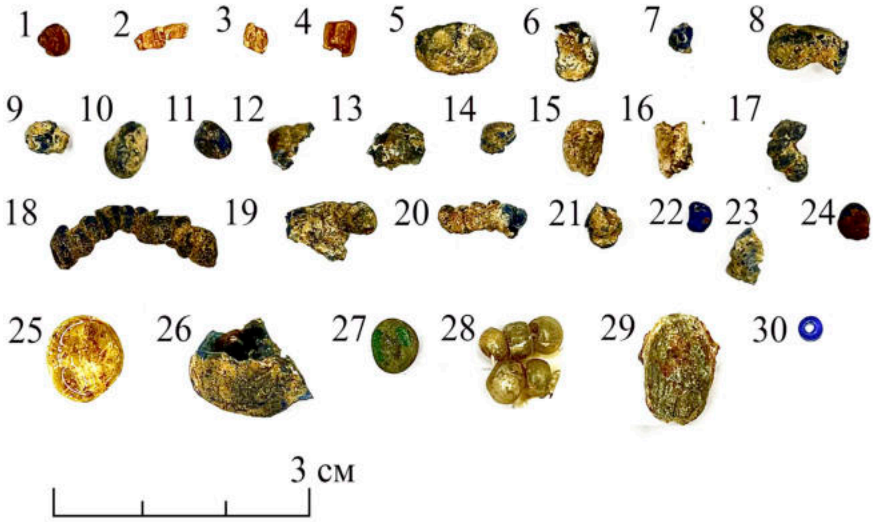
Пахаванне № 99 прадстаўлена шкляной пацеркай (КП 45417/7) (рыс. 1, *8*) цёмна-сіняга колеру тыпу сечаны бісер памерамі: дыяметр – 0,3 см, вышыня – 0,2 см, вага – 0,07 г. Па класіфікацыі К. М. Аляксеевай гэта тып 15 аднакаляровых пацерак [4, с. 64–65].

Пахаванне № 111 (рыс. 1, *9–16*) прадстаўлена шкляной пацеркай (КП 45417/28) цёмна-сіняга колеру тыпу сечаны бісер (тып 15 аднакаляровых пацерак па К. М. Аляксеевай) з памерамі: дыяметр – 0,39 см, вышыня – 0,3 см, вага – 0,06 г [4, с. 64–65]. Да яго ж адносяцца рэшткі караляў з пацерак (КП 45417/29), якія складаюцца са згрушчвання бірузовага колеру з даўжынёй 1,6 см, шырынёй 0,5–0,6 см, вагай – 0,49 г, згрушчвання сіне-жоўтага колеру з даўжынёй 1,1 см, шырынёй 0,5–0,7 см, вагай 0,33 г, згрушчвання бірузовага, жоўтага і сіняга колераў з даўжынёй 1,3 см, шырынёй 0,35–0,5 см, вагай 0,32 г, згрушчвання нявызначанага колеру з даўжынёй

0,8 см, шырынёй 0,6 см, вышынёй 0,3 см, вагай 0,11 г і з трох згрушчванняў сіняга колеру (адно згрушчванне сплаўлена з сечанага бісеру) з даўжынёй 2,3 см, 0,9 см, 0,7 см, шырынёй 0,4–0,9 см, 0,3–0,7 см, 0,3–0,4 см і вагай 0,87 г, 0,16 г, 0,13 г адпаведна.

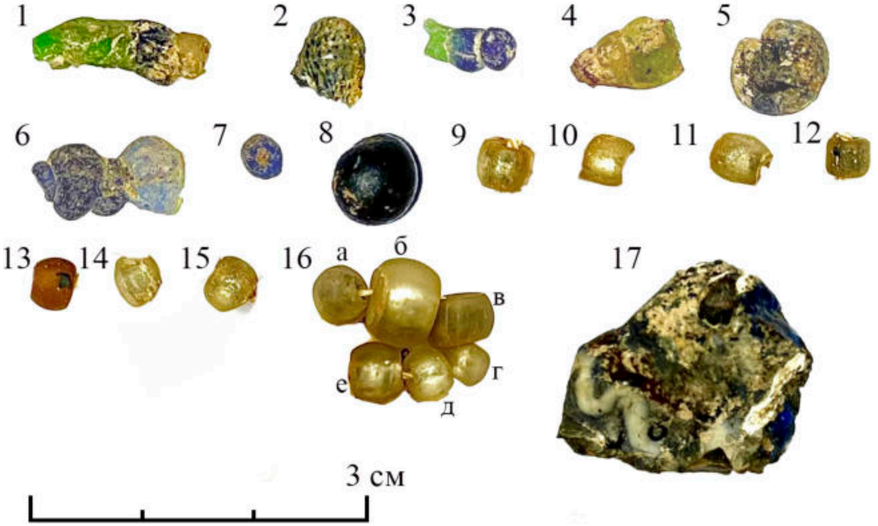
Пахаванне № 116 прадстаўлена каралямі (КП 45417/37) (рыс. 1, *17–39*) са шкляных аплаўленых пацерак, на некаторых з якіх бачны рэшткі костак. Яны складаюцца са згрушчвання сіне-белых і шэрых пацерак з хвалепадобным арнаментам на сіняй частцы з памерамі: даўжыня – 1,8 см, шырыня – 1,8 см, вышыня – 1,0–1,6 см, вага – 3,32 г. Яшчэ адно згрушчванне сініх, жоўтых з залачэннем і зялёных пацерак з памерамі: даўжыня – 2,6 см, вышыня – 1,0 см, вага – 3,84 г. Тры згрушчванні сініх і зялёных пацерак маюць наступныя памеры: даўжыня – 2,4 см, 1,1 см, 0,6 см; шырыня – 0,6–1,0 см, 1,0 см, 0,5 см; вышыня – 0,45–0,6 см, 0,5 см, 0,4 см; вага 1,49 г, 0,55 г, 0,13 г адпаведна. Таксама тут было выяўлена дванаццаць згрушчванняў сініх пацерак розных памераў: ад 0,4 да 1,4 см у даўжыню і вагай усіх згрушчванняў 1,4 г. Згрушчванне шэрых, сініх і жоўтых пацерак мае памеры: даўжыня – 2,2 см, шырыня – 0,6–0,8 см, вышыня – 0,4 см, вага – 0,78 г. Згрушчванне шэрых і жоўтых пацерак мае памеры: даўжыня – 0,8 см, шырыня – 0,7 см, вышыня – 0,5 см, вага – 0,29 г. Яшчэ чатыры згрушчванні сініх і шэрых пацерак маюць памеры: даўжыня – 1,7 см, 1,4 см, 1,9 см, 0,8 см; шырыня – 0,9 см, 0,6–1,1 см, 0,6 см, 0,65 см; вышыня – 0,7 см, 0,6 см, 0,5 см, 0,55 см; вагай 0,61 г, 0,77 г, 0,23 г, 0,29 г адпаведна.

Пахаванне № 117 прадстаўлена каралямі (КП 45417/38) (рыс. 2, *1–24*) са шкляных пацерак тыпу сечаны бісер. Першыя два згрушчванні, з якіх складаюцца дадзеныя каралі, маюць нявызначаны колер і наступныя памеры: даўжыня – 0,6 см, 0,7 см, шырыня – 0,4 см, 0,5 см, вышыня – 0,4 см. І адно, і другое згрушчванне мае вагу – 0,24 г. Трэцяе згрушчванне складаецца з адзінаццаці сплаўленых сініх шкляных пацерак з памерамі: даўжыня – 2,0 см, дыяметр – 0,3–0,5 см, вага – 0,48 г. Згрушчванне з чатырох сплаўленых сініх шкляных пацерак мае наступныя памеры: даўжыня – 0,7 см, шырыня – 0,4–0,5 см, вышыня – 0,2–0,4 см, вага – 0,15 г. Наступнае згрушчванне з пяці сплаўленых сініх пацерак мае памеры: даўжыня – 1,1 см, шырыня – 0,35–0,5 см, вышыня – 0,4 см, вага – 0,21 г. Яшчэ адно згрушчванне з пяці сплаўленых сініх пацерак мае памеры: даўжыня – 1,2 см, шырыня – 0,4–0,7 см, вышыня – 0,3 см, вага – 0,25 г. Найбольшую колькасць (чатырнаццаць) згрушчванняў у пахаванні склалі моцнааплаўленыя сінія пацеркі, два з якіх маюць сляды кальцынаванай косткі. Памеры дадзеных згрушчванняў: даўжыня – ад 0,25 да 1,0 см, шырыня – ад 0,2 да 0,6 см, вышыня – ад 0,2 да 0,4 см, вага – 1,19 г. Апошнія згрушчванні з чатырох жоўтых шкляных пацерак маюць памеры: даўжыня 0,4 см, шырыня – 0,4 см, вышыня – ад 0,2 да 0,3 см, вага – 0,16 г.



Рыс. 2. Пацеркі з пахаванняў могільніка Чаплін:

1–24 – № 117; *25* – № 120; *26* – № 127; *27–28* – № 132; *29* – № 133; *30* – № 188



Рыс. 3. Пацеркі з пахаванняў могільніка Чаплін:

1–7 – № 218; *8* – № 219; *9–15* – № 263; *16* – № 268; *17* – № 270

Пахаванне № 120 прадстаўлена шкляной празрыстай пацеркай (КП 45417/47) (рыс. 2, *25*) светла-жоўтага колеру. Пацерка крыху аплаўлена, таму, верагодна, адтуліна ў яе адсутнічае. Памеры: даўжыня – 1,0 см, шырыня – 0,9 см, вышыня – 0,5 см, вага – 0,59 г. Хутчэй за ўсё, гэта тып 6 аднакаляровых пацерак па К. М. Аляксеевай [4, с. 63–64].

Пахаванне № 127 прадстаўлена расплаўленай пацеркай (КП 45417/57) (рыс. 2, *26*) з сіняга шкла з жоўтымі ўстаўкамі з памерамі: даўжыня – 1,55 см, шырыня – 1,1 см, вышыня – 0,8 см, вага – 0,63 г. Пацерка моцна расплаўлена, таму яе класіфікаваць не магчыма.

Пахаванне № 132 прадстаўлена шкляной аплаўленай пацеркай (КП 45417/66) (рыс. 2, *27*) бірузовага колеру з памерамі: даўжыня – 0,7 см, шырыня – 0,6 см, вышыня – 0,5 см, вага – 0,48 г. Гэта тып А – 4. Ж – 04 па К. М. Аляксеевай. Таксама ў склад пахавальнага інвентару ўвайшла нізка з пяці шкляных перламутравых крыху пацінізаваных пацерак (КП 45417/67) (рыс. 2, *28*) з памерамі: 0,46 см на 0,37 см, 0,48 см на 0,31 см, 0,42 см на 0,30 см, 0,56 см на 0,45 см, 0,45 см на 0,31 см; і вагай усіх пяці пацерак 0,52 г. Такія акруглыя і бочкападобныя пацеркі – гэта тып 1–2 шкла з металічнай пракладкай (А – 6) па К. М. Аляксеевай [4, с. 29, 64].

Пахаванне № 133 прадстаўлена шкляной аплаўленай пацеркай (КП 45417/70) (рыс. 2, *29*) нявызначанага колеру выцягнутай цыліндрычнай формы з памерамі: дыяметр – 0,9 см, даўжыня – 1,2 см, вага – 0,94 см. Гэта, верагодна, тып 25 аднакаляровых пацерак па К. М. Аляксеевай [4, с. 65].

Пахаванне № 188 прадстаўлена шкляной пацеркай (КП 45417/124) (рыс. 2, *30*) сіняга колеру тыпу сечаны бісер з памерамі: дыяметр – 0,3 см, вышыня – 0,2 см, вага – <0,01 г. Гэта тып 15 аднакаляровых пацерак па К. М. Аляксеевай [4, с. 64–65].

Пахаванне № 218 прадстаўлена адразу вялікай колькасцю пацерак (рыс. 3, *1–7*). Тут былі выяўлены два скапленні сплаўленых пацерак (КП 45417/155) (рыс. 3, *6–7*), якія раней былі адным згрушчваннем. Першае скапленне складаецца з сіняй малай, сіняй вялікай, сіняй сярэдняй і блакітнай вялікай пацерак з памерамі: даўжыня – 1,4 см, шырыня – 0,7 см, вышыня – 0,55 см, вага – 0,57 г. Другое згрушчванне складаецца з зялёнай вялікай, празрыста-белай сярэдняй і светла-карычневай дробнай пацерак з памерамі: даўжыня – 1,0 см, шырыня – 0,3–0,7 см, вышыня – 0,45 см, вага – 0,33 г.

Таксама да разглядаемага пахавання аднесены два згрушчванні сплаўленых пацерак (КП 45417/156) (рыс. 3, *4–5*), якія раней былі аднім згрушчваннем. Першае складаецца з белай «глухой» дробнай, сіняй сярэдняй і зялёнай вялікай пацерак з памерамі: даўжыня – 1,6 см, шырыня – 0,6 см, вышыня – 0,5 см, вага – 0,43 г. Другое згрушчванне складаецца з часткі зялёнай вялікай і дзвюх сініх дробных пацерак з памерамі: дыяметр – 0,4 см, даўжыня – 0,85 см, вага – 0,15 г.

Асобныя пацеркі з пахавання прадстаўлены трыма асобнікамі. Вялікая круглая шкляная пацерка (КП 45417/157) (рыс. 3, *3*) сіняга колеру з памерамі: дыяметр – 0,9 см, вышыня – 0,6 см, вага – 0,48 г. Вялікая шкляная пацерка са слядамі тканіны (КП 45417/158) (рыс. 3, *2*) сіняга колеру з памерамі 0,8 см на 0,6 см і вагай 0,27 г. Дробная шкляная пацерка (КП 45417/159) (рыс. 3, *1*) сіняга колеру з памерамі: 0,4 см на 0,25 см і вагай 0,06 г. Гэта тып 15 аднакаляровых пацерак па К. М. Аляксеевай [4, с. 64–65].

Пахаванне № 219 прадстаўлена апаленай шкляной круглай пацеркай (КП 45417/163) (рыс. 3, *8*) чорнага колеру з памерамі: дыяметр – 0,8 см, вышыня – 0,6 см, вага – 0,57 г. Гэта тып 1 (А – 2+4) аднакаляровых пацерак па К. М. Аляксеевай [4, с. 62–63].

Пахаванне № 263 прадстаўлена нізкай з сямі крыху пацінізаваных пацерак (КП 45417/220) (рыс. 3, *9–15*). Адна пацерка цёмна-жоўтага колеру з памерамі 0,45 см на 0,35 см. Гэта пацерка тып 5 (А – 1. Ж – 01) аднакаляровых пацерак па К. М. Аляксеевай. Шэсць пацерак шэра-перламутравага колеру з памерамі: 0,5 см на 0,4 см; 0,4 см на 0,45 см; 0,5 см на 0,4 см; 0,4 см на 0,3 см; 0,5 см на 0,45 см; 0,4 см на 0,4 см. Вага ўсіх пацерак 0,76 г. Такія акруглыя і бачонкападобныя пацеркі – гэта тып 1–2 шкла з металічнай пракладкай (А – 6) па К. М. Аляксеевай [4, с. 29, 63].

Пахаванне № 268 прадстаўлена нізкай з шасці крыху пацінізаваных пацерак (КП 45417/229) (рыс. 3, *16*) перламутрава-шэрага колеру з памерамі: 0,5 см на 0,4 см; 0,7 см на 0,5 см; 0,6 см на 0,4 см; 0,4 см на 0,3 см; 0,5 см на 0,3 см; 0,5 см на 0,4 см. Агульная вага ўсіх пацерак 0,95 г. Яны адносяцца да тыпу 1–2 шкла з металічнай пракладкай (А – 6) па К. М. Аляксеевай [4, с. 29].

Пахаванне № 270 прадстаўлена згрушчваннем (КП 45417/233) (рыс. 3, *17*) сплаўленых пацерак сіняга, жоўтага і белага колеру. На адной са сплаўленых пацерак сіняга колеру бачны белы зігзагападобны арнамент, прыкладна пасярэдзіне згрушчвання праходзіць чырвоная паласа. Памеры згрушчвання: даўжыня – 2,2 см, шырыня – 1,8 см, вышыня – 0,75 см, вага – 2,46 г.

Па меркаванню Л. Д. Побаля і А. М. Абломскага, могільнік каля в. Чаплін разрастаўся з цэнтра і да краёў. Храналогія могільніка, зробленая У. Я. Яроменка, часткова пацвярджае гэта, аднак, згодна з планіграфіяй бачна, што пахаванні ранняга перыяду былі распаўсюджаны амаль па ўсёй тэрыторыі могільніка, як і комплексы пазнейшых перыядаў. Сапраўдным «краем» могільніка можна лічыць толькі яго паўднёва-заходнюю частку (раскоп И), дзе ў асноўным знаходзяцца пахаванні 3 і 4 фаз [5]. Што тычыцца пахаванняў з пацеркамі, то яны размешчаны ў цэнтральнай і паўднёва-ўсходняй частках могільніка. Пацеркі амаль не сустракаюцца ў пахаваннях з познелатэнскімі

фібуламі і каля сярэдзіны I ст. да н. э. перастаюць паступаць мясцоваму насельніцтву. Гэта можа быць звязана з разбурэннем гетамі ў 55 г. да н. э. Ольвіі [3, с. 135–139].

Бібліяграфічныя спасылкі

1. *Алексеева Е. М.* Стеклоделие в Горгиппии в начале III века н. э. и импорт в город художественного стекла // Стекло Восточной Европы с древности до начала XX века. Санкт-Петербург: Нестор-История, 2015. 400 с.

2. *Дробушевский А. И.* Зарубинецкая культура Белорусского Поднепровья // Славяне на территории Беларуси в догосударственный период: в 2-х кн. Кн. 1. Минск, 2016. С. 38–136.

3. *Поболь Л. Д.* Славянские древности Белоруссии (ранний этап зарубинецкой культуры). Минск: Наука и техника, 1971. 232 с.

4. *Алексеева Е. М.* Античные бусы Северного Причерноморья. Москва: Наука. 1978. 104 с.

5. *Еременко В. Е., Журавлев В. Г.* Хронология могильника Чаплин верхнеднепровского варианта зарубинецкой культуры // Проблемы хронологии эпохи латена и римского времени. Санкт-Петербург, 1992. С. 55–79.

ЗМЕСТ

Спіс скарачэнняў 3

Прадмова 4

Атрохаў Дз. А. Ранні жалезны век Беларусі ў працах А. А. Егарэйчанкі 6

Бегунова В. В. Вклад В. Р. Тарасенко в археологическое изучение Смоленщины 1920-х гг. 27

Бубенько Т. С. Поселения раннего железного века в Витебском Подвинье в свете новых археологических данных 35

Воронцов А. М., Воронцов М. А., Столяров Е. В. Исследования памятников раннего железного века и эпохи Великого переселения народов на территории Окско-Донского водораздела в 2019–2023 гг. 53

В. С. Вяргей, Г. М. Бяліцкая Вытворчы ўчастак на паселішчы пражскай культуры Снядзін-2 72

Гурьянов В. Н., Чубур А. А., Сударев Н. И. Постройка с поселения Огородня в контексте домостроительства горизонта Почеп (по материалам Деснинской экспедиции) 92

Дубицкая Н. Н. Изделия из глины на памятниках культуры Абидни в Белорусском Поднепровье 107

Зиньковская И. В. Поселение и могильник гуннского времени на Животинном городище 119

Зыль А. В. Археазаалагічныя даследаванні матэрыялаў з гарадзішча Цясты Верхнядзвінскага раёна Віцебскай вобласці 132

Касюк А. Ф., Ермаліцкая К. Ф. «Скарб ювеліра» V–VII стст. з вярхоўяў р. Арэса (Прыпяцкае левабярэжжа) 143

Колоколов А. М. Этнокультурная ситуация на территории Окско-Донского водораздела в VIII–X вв.: современное состояние проблемы 155

Крывальцэвіч М. М. Загорыны-1 (Мазырскае Палессе) – ад неаліту да эпохі жалеза (падсумаванне вынікаў археалагічнага даследавання) 173

Крывальцэвіч М. М. Бронзавая сякера нартыкенскага тыпу ў нізоўях Гарыні 195

Крывальцэвіч М. М., Ткачоў А. Ю., Чарняўскі М. М. Некаторыя новыя знаходкі металічных вырабаў бронзавага веку на тэрыторыі Беларусі 207

Курловіч П. С. Матэрыялы другой паловы I тыс. н. э. з тэрыторыі паўночна-заходняй Беларусі ў навуковых публікацыях А. А. Егарэйчанкі ... 227

Курловіч П. С., Сазонаў А. А., Кухлеўскі Я. А. Гарадзішчы Браслаўскага раёна па даных паветранага лазернага сканавання ... 236

Линевич С. Б. Каменные сверленые изделия, найденные на территории Беларуси. Терминологический аппарат ... 251

Лошенков М. И. О горизонте культуры штрихованной керамики на Банцеровском городище ... 269

Медведев А. М. К вопросу о типологии подковообразных фибул зарубинецкой культуры ... 290

Медведева М. В., Соболев В. Ю. Археологическая школа А. А. Спицына: С. А. Дубинский и его первые полевые исследования ... 299

Михайлова Е. Р. Культура псковских длинных курганов и система путей через лесную зону Восточной Европы ... 320

Никитко А. А. Браслет с утолщенными концами, выявленный на селище Речки-2 Вилейского района Минской области в 2020 году ... 334

Образцов И. Ф., Биркина Н. А. Материалы железного века и эпохи Великого переселения народов из раскопок Ф. В. Покровского в фондах Государственного исторического музея ... 340

Пазднякоў В. С. Клецк – паселішча культуры штрыхаванай керамікі ... 353

Разуваев Ю. Д., Меркулов А. Н. Микроморфологический анализ поселенческой керамики в изучении этнокультурных процессов скифо-сарматской эпохи в Донской лесостепи ... 362

Сахончык А. Д. Курганны могільнік каля в. Дубай у кантэксце пахавальных помнікаў мілаградскай культуры ... 372

Ушко А. М. Імпартаваныя шкляныя пацеркі з могільніка каля в. Чаплін у калекцыі «Археалогія першабытнасці» Нацыянальнага гістарычнага музея Рэспублікі Беларусь ... 389

Навуковае выданне

УСХОДНЯЯ ЕЎРОПА Ў ЖАЛЕЗНЫМ ВЕКУ – ЭПОХУ ВЯЛІКАГА ПЕРАСЯЛЕННЯ НАРОДАЎ

Матэрыялы
міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі,
прысвечанай 70-годдзю з дня нараджэння
А. А. Егарэйчанкі

Мінск, 24–25 красавіка 2025 г.

У аўтарскай рэдакцыі

Адказны за выпуск *В. В. Рэпін*
Камп'ютарная вёрстка *П. С. Курловіч*
Дызайн вокладкі *Д. М. Бузун*

Падпісана да друку 29.10.2025. Фармат 60×84/16. Папера афсетная.
Друк лічбавы. Ум. друк. арк. 23,25. Ул.-выд. арк. 31,42.
Тыраж 40 экз. Заказ .

Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт.
Пасведчанне аб дзяржаўнай рэгістрацыі выдаўца, вытворцы,
распаўсюджвальніка друкаваных выданняў №1/270 ад 03.04.2014.
Пр. Незалежнасці, 4, 220030, Мінск.

Надрукавана з арыгінал-макета заказчыка.